

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ I
1820—1837 гг.
(№№ 1—166)

Издание наследниковъ автора

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ I
1820—1837 гг.
(№№ 1—166)

Издание наследниковъ автора

Отъ редактора.

До сихъ поръ собраніе сочиненій А. И. Герцена было издано дважды: въ Женевѣ (1875—1879 гг.) и въ С.-Петербургѣ (май 1905 года).

Женевское изданіе заключается въ небольшихъ десяти томахъ, даетъ далеко не всѣ сочиненія и совершенно не содержитъ въ себѣ писемъ, а статьи изъ „Колокола“ въ немъ почти отсутствуютъ. Текстъ его совершенно не отредактированъ и весьма неудовлетворителенъ даже въ корректурномъ отношеніи. Комментаріевъ никакихъ нѣтъ,—вся работа анонимнаго редактора (Г. Н. Вырубова) свелась, собственно, къ механическому подбору части сочиненій и къ составленію не значительнаго вступленія. Распространенность этого изданія въ Россіи, помимо всего, парализована еще и цензурнымъ запрещеніемъ.

Только въ концѣ 1900 г. послѣдовало снятіе запрета съ Герцена-писателя въ видѣ Высочайшаго разрѣшенія на изданіе его сочиненій въ Россіи подъ отвѣтственностью Главнаго управленія по дѣламъ печати. Происшедшая послѣ того перемѣна начальниковъ этого учрежденія отозвалась на сочиненіяхъ Герцена очень печально: лишь въ концѣ 1904 г. начальникъ названнаго управленія, Звѣревъ, разрѣшилъ издателямъ приступить къ печатанію собранія, текстъ котораго былъ процензурованъ частью имъ лично, частью въ сотрудиществѣ съ нѣсколькими цензорами.

Петербургское изданіе фирмы Павленкова—въ семи томахъ, изъ которыхъ послѣдній заключаетъ въ себѣ почти

всю переписку Герцена съ Н. А. Захарьиной, какъ невѣстой; по количеству сочиненій оно еще бѣднѣе женевскаго и при томъ съ неизбежными многочисленными купюрами, сдѣланными цензурою до 1905 года, часто съ явною цѣлью умысленно исказить мысль автора. Въ этомъ направленіи особенно „поработалъ“ цензоръ Н. М. Соколовъ, создавшій себѣ, такимъ образомъ, нѣкоторое формальное право признать впослѣдствіи Герцена (по тексту петербургскаго изданія) публицистомъ чуть ли не праваго лагеря нашей общественной мысли (см. его статью въ IX кн. „Рус. Вѣстника“ 1905 г.). Редакціонныя поясненія ограничены весьма немногими примѣчаніями въ концѣ томовъ, часто невѣрными и со многими опечатками. Но для *мая* 1905 г. и это крайне неудовлетворительное изданіе казалось русскому обществу заслуживающимъ вниманія, — настолько великъ былъ ничѣмъ до тѣхъ поръ легально не удовлетворяемый интересъ къ писателю.

Однако, справедливость требуетъ сказать, что не малая доля недочетовъ петербургскаго изданія лежитъ и на отвѣтственности душеприказчиковъ Павленкова, почти ничего не сдѣлавшихъ для выпуска лучшаго собранія, которое могло бы удовлетворить хотя бы самымъ элементарнымъ требованіямъ, съ одной стороны, научности, съ другой—популяризированія автора.

Указывая въ своихъ библиографическихъ комментаріяхъ на многочисленные дефекты петербургскаго изданія, я совершенно прохожу молчаніемъ дефекты женевскаго, но не потому, что бы оно было лишено ихъ,—ихъ очень и очень много,—а потому, что къ русскимъ изданіямъ, печатавшимся за границей въ 1870-хъ годахъ, вообще нельзя предъявлять никакихъ строгихъ требованій: ихъ техническая и редакціонная сторона часто была очень низка не по винѣ редакторовъ и лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ дѣлу.

Трудъ редактора настоящаго *перваго полнаго собраній сочиненій и писемъ* А. И. Герцена свелся:

- 1) къ установленію состава собранія,
- 2) къ выработкѣ метода расположенія всего матеріала,
- 3) къ опредѣленію датъ сочиненій и писемъ,
- 4) къ редактированію текста,
- 5) къ комментированію его,

- 6) къ составленію ряда вспомогательныхъ указателей и
7) къ подбору иллюстрацій.

Традиціонная біографія автора въ настоящемъ изданіи отсутствуетъ, и отнюдь не случайно: здѣсь въ ней нѣтъ надобности,—Герценъ самъ написалъ безподобную автобіографію въ видѣ „Былого и думъ“, очень ярко иллюстрируемую и широко дополняемую всѣми остальными его сочиненіями и письмами. Эта автобіографія прекрасно усваивается и чрезвычайно рельефно отгѣняется хронологическимъ методомъ расположенія всего „собранія“, при которомъ выпукло вырисовывается передъ нами вся жизнь и выясняется вся дѣятельность писателя. Всякая біографія, приложенная къ такому „собранію“, свелась бы лишь къ повтореніямъ и къ поневолѣ сухому, а иногда и скучному его конспектированію. Однако, чтобы облегчить наведеніе любой біографической справки, въ послѣднемъ томѣ помѣщена „Канва біографіи А. И. Герцена“.

Въ указанной послѣдовательности своего труда я и изложу его методы и ходъ, давъ по пути цѣлый рядъ свѣдѣній, безусловно необходимыхъ каждому читателю „собранія“.

Составъ „собранія“.

Настоящее изданіе включаетъ въ себя всѣ сочиненія и письма, безспорная принадлежность которыхъ устанавливается, помимо категорическихъ указаній самого Герцена, знакомствомъ со всей литературой о немъ и его эпохой, съ его личнымъ и семейнымъ архивомъ и прочими матеріалами и архивами, въ которыхъ есть что-нибудь, опредѣляющее его литературное наслѣдіе. Разумѣется, впослѣдствіи могутъ и должны найтись еще нѣкоторыя сочиненія и письма, но въ данный моментъ они мнѣ неизвѣстны.

Конечно, въ „собраніи“ нѣтъ сочиненій, ошибочно приписывавшихся Герцену, напр., „Объ аристократіи, въ особенности русской“ (см. „Отчетъ И. Публичной бібліотеки за 1886 г.“, стр. 34, между тѣмъ, какъ оно принадлежитъ G. Dahlfeld'у и издано въ VI т. „Международной бібліотеки“), „Сквозь туманъ“ въ № 43 „Сѣв. Пчелы“ 1862 г. (написана А. А. Герценомъ) и т. п.

Статьи и замѣтки въ „Колоколѣ“ подписывались Герценомъ далеко не всегда. Однако, безспорная принадлежность одной ихъ части устанавливается по указаніямъ самого автора, другой—Л. А. Тихомирова, третьей—по самому тексту, нѣкоторыя замѣчанія и выраженія въ которомъ могли быть сдѣланы только Герценомъ. Затѣмъ остается еще не мало статей и замѣтокъ, принадлежность которыхъ, по моему личному мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, но ничѣмъ, кромѣ стили и тона, не можетъ быть доказана; я не счелъ возможнымъ пройти мимо такихъ сочиненій, но помѣстилъ ихъ въ своею мѣстѣ болѣе мелкимъ шрифтомъ.

Указанія Л. А. Тихомирова, выпустившаго въ 1887 г. въ Женевѣ книгу: „Колоколъ“. „Избранныя статьи А. И. Герцена (1857—1869)“, я считаю совершенно вѣрными, потому что знаю и отъ семьи Герцена, пригласившей его для этой работы, и отъ самого г. Тихомирова, что въ тотъ моментъ въ его распоряженіи находились точныя указанія. Онъ руководился двумя документальными пособіями. „Во-первыхъ,—писалъ ко мнѣ г. Тихомировъ 29 дек. 1912 г.,—мнѣ далъ свой экземпляръ „Колокола“ Н. Жуковскій, который эмигрировалъ что-то въ началѣ 60-хъ годовъ и былъ близкимъ Герцену человѣкомъ, въ родѣ секретаря, почитателя и ученика. Онъ въ своемъ экземплярѣ своевременно отмѣчалъ личныя статьи Герцена. Я хорошо зналъ Жуковскаго, по-пріятельски. Лишь въ очень немногихъ случаяхъ Жуковскій руководился не отмѣтками, а личными воспоминаніями, но таковыхъ статей въ мой сборникъ и не вошло. Второй источникъ былъ сынъ Герцена, то есть его экземпляръ съ отмѣтками статей Александра Ивановича. Сына Герцена я лично не зналъ, но заочно мы знали другъ друга и вели дѣло посредствомъ переписки. Онъ также ручался за точность своихъ отмѣтокъ статей А. И. Герцена. На основаніи этихъ источниковъ я составилъ сборникъ и не ввелъ въ него ни одной статьи, которой принадлежность не была бы подтверждена обоими вышеуказанными лицами“. Г. Тихомировъ забылъ въ этомъ письмѣ прибавить, что третьимъ его источникомъ былъ Г. Н. Вырубовъ, котораго онъ и благодарилъ въ предисловіи къ названному сборнику. Работа г. Тихомирова не лишена нѣсколькихъ ошибокъ (напр., статья „Опять

надежды“ изъ № 21 „Колокола“ приписана Герцену, а принадлежит Огареву, что и видно изъ собственныхъ словъ послѣдняго въ № 23—24, на стр. 185), но во всякомъ случаѣ немногія случайныя ошибки не могутъ ее опорочивать.

Но и за всѣмъ этимъ, въ „Колоколѣ“ остается еще не мало замѣтокъ, принадлежность которыхъ невозможно установить даже и по стилю или по тону, и таковыя я уже не счелъ возможнымъ ввести въ изданіе.

Собирая въ теченіе десяти лѣтъ всевозможными способами буквально каждое слово, написанное или напечатанное Герценомъ, я считалъ важными даже надписи, которыя дѣлались имъ, какъ авторомъ, при поднесеніи кому-либо какого-нибудь своего сочиненія или на фотографическихъ карточкахъ, потому что обычно въ такихъ надписяхъ выражается, хотя и очень сжато, самая суть отношеній ихъ автора къ данному лицу, что всегда должно быть интересно для біографіи ихъ обоихъ.

Воспользовавшись столь краткой „эпохой довѣрія“, я обратился въ концѣ 1904 года къ содѣйствию Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ и, авторитетно поддержанный имъ, получилъ разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ кн. Святополка-Мирскаго на занятія въ архивѣ III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи дѣлами николаевской эпохи (1826—1855 гг.), интересовавшей тогда меня своей литературной и общественной жизнью. Слѣдующій министръ не отмѣнилъ даннаго разрѣшенія, и такимъ образомъ я проработалъ въ этомъ необыкновенно цѣнномъ и до меня почти никому недоступномъ архивѣ около полутора года. Не имѣя еще тогда въ виду редактировать подобное настоящему изданіе и сознавая, что министръ или директоръ департамента полиціи (въ ближайшемъ вѣдѣніи котораго и находится указанный архивъ) каждый день могутъ преградить мнѣ доступъ въ эту единственную въ своемъ родѣ сокровищницу, я работалъ тамъ ежедневно и очень интенсивно, но, все-таки, дорожа временемъ и желая ознакомиться съ возможно большимъ числомъ дѣлъ, не снялъ въ разныхъ дѣлахъ полныхъ копій съ такихъ бумагъ, которыя не представляли особеннаго интереса въ создавшей ихъ обстановкѣ. Въ это число, къ великому сожалѣнію, вошли и пять-шесть

писемъ Герцена, взятыхъ при арестѣ его и друзей. Въ декабрѣ 1906 года я былъ лишенъ права занятій въ архивѣ III Отдѣленія, — мѣра, которую приняли одновременно и въ отношеніи другихъ, позже меня допущенныхъ лицъ прогрессивнаго образа мыслей. Потомъ, когда я, уже въ качествѣ редактора настоящаго изданія, просилъ дать мнѣ возможность возстановить небольшіе пропуски въ копіяхъ съ громадныхъ дѣлъ о Герценѣ и его друзьяхъ, я дважды получилъ ничѣмъ не мотивированный отказъ. Остается надѣяться, что въ будущемъ кто-нибудь получитъ эту возможность, если еще раньше Академіи Наукъ не удастся перенести всѣ эти дѣла въ Пушкинскій домъ, гдѣ имъ, какъ и сотнямъ другихъ, единственное надлежащее мѣсто.

Послѣ работы въ архивѣ III Отдѣленія, также благодаря Отдѣленію русскаго языка и словесности, я былъ допущенъ еще въ архивы: сената, государственнаго совѣта, министерства народнаго просвѣщенія, московскаго отдѣленія архива министерства двора и вятскаго губернскаго правленія. Незнакомый съ такъ называемымъ общимъ архивомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, я тѣмъ не менѣе увѣренъ, что въ предѣлахъ полученнаго мною матеріала въ немъ не находится ничего неизвѣстнаго, такъ какъ архивъ III Отдѣленія является въ этомъ отношеніи особенно цѣннымъ своей центральностью: изъ всѣхъ вѣдомствъ, изъ министерства же внутреннихъ дѣлъ обязательно, туда посылались копіи бумагъ, касавшихся лица, привлекашаго къ себѣ вниманіе жандармской полиціи, а въ этой роли Герценъ былъ непрерывно съ 1834 года и до самой своей смерти. Однако, только по общему архиву министерства можетъ быть вскрыта дѣятельность Герцена въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ и надо желать, чтобы кто-нибудь получилъ право заняться ею.

Методъ расположенія матеріала.

Методомъ расположенія всего матеріала „собранія“ мною принята *общая строю-хронологическая послѣдовательность*. Только при ней возможно развернуть передъ читателемъ изо дня въ день, изъ года въ годъ смѣну пережитыхъ писателемъ эпохъ, его собственную біографію и моральную,

умственную и политическую эволюцію его личности. Этотъ методъ я считаю вообще наиболѣе цѣлесообразнымъ въ отношеніи публицистовъ и критиковъ, а для Герцена, какъ писателя, не отдѣлявшаго своей литературной дѣятельности отъ всей остальной своей личной жизни,—и единственно возможнымъ.

Противъ хронологическаго расположенія сочиненій и писемъ *въ отдѣльности* уже не приходится встрѣчать возраженій,—старый методъ группированія сочиненій по рубрикамъ и отдѣламъ, а писемъ по адресатамъ постепенно отходить, наконецъ, въ прошлое и, можно думать, скоро вовсе исчезнетъ. Но расположеніе сочиненій и писемъ *въ ихъ общей хронологіи* встрѣчаетъ возраженія; ихъ мнѣ пришлось слышать во все время работы надъ настоящимъ изданіемъ и всегда всесторонне продумывать, но въ результатѣ я все больше и больше убѣждался въ безусловной цѣлесообразности избраннаго мною метода.

Наиболѣе существенное изъ дѣлавшихся мнѣ возраженій—указаніе на разницу въ психологіи творчества и настроенія, при которыхъ пишутся сочиненія, предназначенныя для опубликованія, и письма—для интимнаго прочтенія однимъ или нѣсколькими лицами. Въ отношеніи Герцена такое возраженіе не имѣетъ, однако, серьезнаго значенія. Указываемая разница въ психологіи творчества, дѣйствительно, есть и должна быть, но сама по себѣ она не можетъ быть положена въ основу какого бы то ни было раздѣленія; важно вдумчиво опредѣлить степень этой разницы. Внимательное изученіе литературы вообще привело меня къ убѣжденію, что, будучи весьма значительной у поэтовъ, она меньше у прозаиковъ,—больше у беллетристовъ, чѣмъ у публицистовъ,—больше у людей, не посвятившихъ себя вплотную и исключительно литературѣ, и меньше у профессиональных литераторовъ. У сколько-нибудь искреннихъ публицистовъ, отзывающихся на злобу сегодняшняго момента, на вопросы, волнующіе современниковъ, она вообще не такъ велика: и сочиненія, и письма пишутся ими въ той же самой гущѣ реальной жизни, которая поневолѣ выводитъ ихъ изъ особенной настроенности поэтическаго и художественнаго творчества, всегда болѣе приподнятой и менѣе реальной. Помимо

оттѣнковъ литературной профессіи, разницу обусловливаетъ еще и личный характеръ писателя. Когда направленіе и содержаніе литературной дѣятельности рѣзко противорѣчатъ личной жизни писателя; когда идеи и принципы литератора не претворяются въ его личной жизни; когда онъ становится на ходули передъ писчимъ листомъ задуманнаго сочиненія и свободно, естественно сидитъ передъ почтовымъ листкомъ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ между сочиненіями и письмами неизбежна большая пропасть. Въ Герценѣ именно и не было той сколько-нибудь рѣзко выраженной двойственности, которая дѣлаетъ письма творчествомъ совершенно иного порядка. Герценъ всегда былъ одинаково искрененъ, въ сочиненіяхъ своихъ никогда не становился на ходули „сочинителя“, а писалъ ихъ, какъ большое дружеское письмо, не всегда лишь вдаваясь въ интимности своихъ семейныхъ отношеній, но зато иногда допуская ихъ гораздо болѣе, чѣмъ въ письмахъ о томъ же самомъ,—примѣръ главы XLIV—XLVII ч. V „Былого и думъ“. Съ другой стороны, недоговоренность сочиненій, неизбежная при тяготѣющей надъ мыслью и чувствомъ писателя цензурѣ и часто именно обусловливающая большую разницу ихъ съ письмами, у Герцена также почти отсутствуетъ: почти вся его литературная дѣятельность протекла внѣ всякой зависимости отъ какого-либо цензурнаго надзора. Тысяча его писемъ—именно дружескія; писемъ, адресованныхъ къ лицамъ, мало ему симпатичнымъ, нѣсколько десятковъ. За рѣдкими исключеніями, всѣ они—бесѣда съ близкими (по крайней мѣрѣ, въ тотъ моментъ), и, слѣдовательно, въ нихъ есть та интимность, которая отсутствуетъ въ иныхъ сочиненіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно иллюстрируетъ какъ недосказанность послѣднихъ, такъ и побужденія, диктовавшія то или иное сочиненіе. Герценъ сказалъ: „мои письма, это — я“ и былъ совершенно правъ. Мы, съ своей стороны, должны признать за собой право сказать то же самое и объ его сочиненіяхъ и поэтому расположить ихъ въ одной общей послѣдовательности.

Второе возраженіе: лучшіе иностранные методологи никогда не слѣдуютъ такому строго-хронологическому методу и не намъ, ихъ ученикамъ, открывать новые пути въ этомъ уже утвердившемся направленіи. Это возраженіе, какъ тре-

бованіе рабскаго подражанія опредѣленнымъ образцамъ и формамъ, и по существу, и по конструкціи совершенно не выдерживаетъ критики.

Третье возраженіе: письма Герцена очень часто не датированы, и потому поневолѣ должна остаться масса такихъ, которыя придется помѣстить гдѣ-нибудь особо, внѣ рамокъ строгой хронологіи, и такимъ образомъ нарушить стройный планъ и только затруднить справку и чтеніе. Отвѣтомъ на это является настоящее „собраніе“, въ которомъ лишь нѣсколько десятковъ писемъ остались безъ болѣе или менѣе точной датировки редакторомъ. Читатель понимаетъ, какъ незначителенъ процентъ этихъ писемъ къ общему ихъ громадному числу, а тѣмъ болѣе къ общему числу всѣхъ №№ „собранія“ и насколько несущественно приведенное возраженіе примѣнительно именно къ этому изданію.

Четвертый доводъ: читатель все равно не будетъ читать всего „собранія“ подрядъ, изъ тома въ томъ, какъ поступилъ бы читатель идеальный, а слѣдовательно, и при хронологическомъ методѣ расположенія сочиненій и писемъ въ отдѣльности онъ всегда могъ бы справиться въ интересующемъ его томѣ писемъ о томъ, что недостаточно выяснено въ сочиненіяхъ, и наоборотъ. Я также не рассчитываю на такого „идеальнаго“ читателя въ сколько-нибудь значительномъ числѣ (хотя и настойчиво рекомендую читать „собраніе“ именно такъ), но полагаю, что вообще всякая справка гораздо легче въ одномъ томѣ, чѣмъ въ двухъ, особенно уже потому, что при принятомъ мною методѣ о ней просто не надо помнить: справка получается сама собой, безъ какихъ бы то ни было поисковъ. Гораздо легче найти любую нужную статью, чѣмъ сразу и вдругъ установить нить послѣдовательно развертывающихся мыслей Герцена, которая, между тѣмъ, постепенно легко создается у читателя настоящаго „собранія“.

Нѣтъ сомнѣнія, что, посвятивъ десять лѣтъ своей жизни изученію Герцена, я меньше чѣмъ кто-нибудь хотѣлъ бы затруднить не только обыкновеннаго читателя, но и всѣхъ тѣхъ, кто пожелаетъ продолжить мой трудъ; отнюдь не руководимый желаніемъ дать въ этомъ направленіи непремѣнно что-нибудь „свое“, оригинальное, я глубоко убѣжденъ путемъ многолѣтняго и детальнаго изученія предмета, что принятый

мною методъ—не только лучшій для даннаго писателя, но и единственно возможный при научномъ изданіи его сочиненій. Своихъ теоретическихъ противниковъ я могу только просить объ одномъ: не подходить къ оцѣнкѣ этого изданія со стороны методологической раньше основательнаго ознакомленія съ матеріаломъ всего „собранія“, имѣя при этомъ въ виду, что выпуклость преимуществъ принятаго мною метода менѣе замѣтна въ I—IV томахъ, такъ какъ многое изъ написаннаго Герценомъ до 1848 года, повидимому, исчезло навсегда. Я твердо вѣрю, что при такомъ условіи мои оппоненты не найдутъ убѣдительныхъ доводовъ противъ принятаго мною метода.

Черезъ всѣ тома настоящаго собранія проходитъ и одна общая нумерація сочиненій и писемъ, сдѣланная для упрощенія частыхъ ссылокъ на нихъ и наведенія скорыхъ справокъ.

Раздѣленіе „собранія“ на тома сдѣлано болѣе или менѣе механически, иначе ихъ пришлось бы выпустить очень не равномѣрными.

Опредѣленіе датъ.

При хронологическомъ методѣ расположенія всего „собранія“ особенную важность пріобрѣтаетъ вопросъ объ опредѣленіи даты каждаго сочиненія и письма.

Дата *написанія* сочиненія не всегда указываетъ его мѣсто въ „собраніи“, если сочиненіе напечатано было авторомъ позже, что почти всегда и случалось. Герценъ, читая корректуру подобныхъ сочиненій, не измѣнялъ разъ поставленную подъ ними дату написанія, но я считалъ болѣе важной дату *напечатанія*, потому что въ такихъ случаяхъ есть вѣроятность предполагать внесеніе какихъ-либо поправокъ, дополненій и пр. при чтеніи корректуры или путемъ письменныхъ сношеній съ издателемъ книги.

При этомъ важно лишь установить, были ли эти поправки и дополненія сдѣланы съ сознательнымъ привнесеніемъ въ болѣе раннее произведеніе элементовъ эволюціонировавшаго міросозерцанія и позднѣйшей психологіи, или безъ такого привнесенія. Въ первомъ случаѣ вещь могла, а часто и должна была (смотря по своей темѣ) претерпѣть такіа измѣ-

ненія, при наличности которыхъ ее уже нельзя разсматривать, какъ относящуюся къ болѣе ранней эпохѣ, и должно поставить сообразно датѣ такого сознательнаго привнесенія (напр. „Легенда“, № 84). Во второмъ—произведеніе можно считать почти соотвѣтствующимъ своей первоначальной редакціи (напр. „Лициній“ и „Вильямъ Пень“, № 231) и безъ методологической ошибки дать ему мѣсто по датѣ первоначальнаго написанія.

На этомъ основаніи статьи изъ „Колокола“ располагаются по датамъ его номеровъ, за исключеніемъ случаевъ фактически болѣе ранняго или болѣе поздняго выхода ихъ въ свѣтъ, когда статьи располагаются уже по фактической датѣ.

Разумѣется, необходимо было допустить нѣсколько исключеній изъ этого общаго правила, которыя и указаны въ библиографическомъ комментарий.

Даты писемъ рѣдко обозначались Герценомъ полностью: то въ нихъ нѣтъ числа, то мѣсяца, всего чаще года, то, наконецъ, ни того, ни другого, ни третьяго. Опредѣленіе отсутствующихъ частей полной даты было часто очень затруднительно, и, чтобы не вводить читателя въ заблужденіе, всѣ свои собственныя ихъ опредѣленія я ввелъ въ круглыя скобки (). При этомъ, если мое опредѣленіе совершенно явствуетъ изъ ближайшаго текста автора или моихъ комментариевъ, то я не считалъ нужнымъ приводить особыя доказательства въ пользу своего опредѣленія. Во внутреннемъ верхнемъ углу каждой страницы мною указаны годъ и мѣсто, когда и гдѣ печаталось или писалось то или иное сочиненіе или письмо; если же мѣсто письма указано самимъ Герценомъ, то, конечно, оно повторено и въ самомъ текстѣ. При этомъ надо имѣть въ виду указанія, сдѣланныя въ библиографическомъ комментарий; если сочиненіе, помѣщенное на той или другой страницѣ, печаталось Герценомъ позже написанія, то, отнесенное къ позднѣйшему году, оно, естественно, сопровождается указаніемъ мѣста и даты, гдѣ и когда былъ Герценъ во время *печатанія* такого сочиненія, а не гдѣ и когда онъ писалъ его. Справки о датѣ *написанія* можно навести по „Канвѣ біографіи“.

Для облегченія справокъ и провѣрки въ послѣднемъ томѣ

помѣщена особая таблица, дающая опредѣленіе календарной даты любого дня за годы жизни Герцена.

„Былое и думы“, эта герценовская Одиссея, охватывающая всю его жизнь, при самомъ строгомъ слѣдованіи принятому мною хронологическому методу, никоимъ образомъ, однако, не должно быть расчленено на части. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ, казалось бы, одно „былое“ можно было отдѣлить отъ другого, тамъ чувствуется одна и та же „дума“, и наоборотъ. Какъ цѣльное произведеніе, оно должно быть нераздѣльно. Но гдѣ его мѣсто? Печатавшееся сначала по главамъ, и при томъ иногда въ разбивку, „Былое и думы“ выпущено потомъ, безъ многихъ главъ, самимъ Герценомъ въ четырехъ томахъ, изъ которыхъ первый вышелъ въ свѣтъ въ 1861 г. Непосредственно послѣ этого года, мнѣ кажется, и мѣсто всему классическому произведенію, три четверти котораго говорятъ къ тому же о быломъ его жизни до этого года.

„Дневникъ“ 1842—1845 гг. велся въ одной тетради, но писался, разумѣется, постепенно. Помѣстить его полностью въ 1842 году значило бы забѣжать со многимъ впередъ и, такимъ образомъ, или многое сдѣлать непонятнымъ или нагромоздить массу комментаріевъ къ тому, что, будучи поставленнымъ на свое хронологическое мѣсто, дѣлается совершенно понятнымъ. Привести „Дневникъ“ въ 1845 году значило бы повторять то, съ чѣмъ память читателя уже потеряла живую связь. Въ виду этого, я счелъ болѣе правильнымъ разбить „Дневникъ“ по годамъ.

Всѣ позднѣйшія предисловія Герцена къ прежнимъ его сочиненіямъ, которыя были переиздаваемы авторомъ, отнесены мною къ самымъ произведеніямъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они должны бы были поставлены хронологически, на нихъ сдѣлано лишь указаніе, важное для тѣхъ, кто пожелалъ бы изучить всѣ тонкіе переходы въ эволюціи Герцена, какъ человѣка, писателя и мыслителя.

Редактированіе текста.

Всѣ включенныя въ настоящее „собраніе“ сочиненія и письма могутъ быть подраздѣлены на слѣдующія рубрики:

- I. напечатанныя самимъ Герценомъ или съ его вѣдома,
- II. напечатанныя послѣ его смерти и
- III. никогда раньше не напечатанныя.

Каждая изъ этихъ рубрикъ требовала со стороны редактора особаго отношенія къ ея тексту.

I. Печатный текстъ, опубликованный самимъ авторомъ или съ его вѣдома, предпочтительнѣе рукописи, если при корректурѣ онъ подвергся сколько-нибудь существеннымъ перемѣнамъ; но и рукопись имѣетъ значеніе для исправленія случайныхъ ошибокъ, а при печатаніи подъ надзоромъ цензуры она часто является источникомъ для возстановленія искаженнаго послѣднѣю текста. Въ зависимости отъ этихъ обстоятельствъ опредѣляется то или другое отношеніе редактора къ тексту.

Если рукопись не найдена, то, разумѣется, приходится руководствоваться исключительно печатнымъ текстомъ.

Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ возможно, что одно и то же произведеніе было напечатано авторомъ нѣсколько разъ, и онъ постепенно вносилъ въ него тѣ или другія измѣненія и дополненія. При установленіи текста такихъ сочиненій этой группы я руководствовался желаніемъ дать текстъ, наиболѣе отвѣчающій мысли автора, въ той его художественной, публицистической и стилистической отдѣлкѣ, которую онъ самъ считалъ болѣе удачной и яснѣе выражающей его мысль и чувство. Такимъ текстомъ почти всегда надо считать послѣдній изъ опубликованныхъ имъ самимъ или съ его вѣдома. Однако, и здѣсь нельзя быть прямолинейнымъ до конца. Есть сочиненія, которыя, спустя нѣсколько лѣтъ со дня ихъ первоначальнаго опубликованія, были существенно измѣнены авторомъ, а между тѣмъ для характеристики его настроенія, для изученія наслоенія его политическихъ и социальныхъ убѣжденій и, наконецъ, для сохраненія цѣннаго для насъ колорита современности и живости извѣстныхъ впечатлѣній автора, они теперь наиболѣе цѣнны именно въ первоначальной редакціи, въ которой вылились наиболѣе непосредственно. Напримѣръ, „Письма изъ Франціи и Италіи“ въ редакціи, напечатанной въ „Современникѣ“ 1847 года, сильно отличаются отъ позднѣйшихъ изданій, гдѣ они зна-

чительно сокращены Герценомъ именно въ такихъ деталяхъ, которыя не могутъ не представлять для насъ серьезнаго литературнаго интереса и біографическаго значенія. Разумѣется, подобныя сочиненія даются въ первоначальной редакціи съ указаніемъ въ бібліографическомъ комментарий на причины такого отступленія отъ изложеннаго выше метода.

Интересующіеся предшествовавшей или послѣдующей редакціей текста найдутъ указанія на нее въ бібліографическомъ комментарий.

II. Произведенія, напечатанныя впервые уже послѣ смерти автора и, слѣдовательно, не просмотрѣнныя имъ при печатаніи, конечно, должны быть возстановлены по рукописи, которая и является единственнымъ источникомъ для установленія точнаго ихъ текста. Если же рукопись мною не найдена, то окончательнымъ текстомъ, по необходимости, приходится считать печатный, что, однако, не исключаетъ обязанности редактора внести отъ себя всюду оговоренныя исправленія явныхъ искаженій и опечатокъ.

III. Произведенія, никогда раньше не напечатанныя и впервые появляющіяся въ настоящемъ изданіи, надлежитъ дать въ точномъ соотвѣтствіи съ рукописью, съ тою же обязанностью редактора относительно всюду оговореннаго исправленія явныхъ описокъ.

Такимъ образомъ, ясно, что однообразное, формальное отношеніе къ этой части редакторской работы, совершенно немислимо.

Подлинники сочиненій найдены мною въ очень незначительномъ количествѣ, писемъ же — въ большей ихъ части, что и понятно: письма сберегались адресатами, дорожившими такой драгоцѣнностью, а рукописи, послѣ напечатанія, часто уничтожались самимъ Герценомъ, не мало ихъ погиблѣ и въ типографіяхъ, русскихъ и заграничныхъ.

Стиль Герцена и его орѳографія крайне своеобразны, насколько первый дѣлаетъ его самостоятельнымъ и до мелочей оригинальнымъ, настолько вторая просто не соотвѣтствуетъ стилю и иногда не только портитъ, но прямо искажаетъ мысль автора. Поэтому естественно, что, не посягая нигдѣ на стиль и своеобразность выраженій, я не счелъ возможнымъ представить такой громадный литературный па-

мятникъ съ ореографіей, которая въ данное время была бы иногда положительно непонятной, согласовалъ ее съ точнымъ смысломъ текста и съ правилами современнаго правописанія; это же сдѣлано и въ отношеніи всѣхъ собственныхъ иностранныхъ именъ, въ написаніи которыхъ по-русски Герценъ часто ошибался. Теперешнему читателю важно видѣть собственное имя въ такомъ написаніи, которое принято въ наше время, вошло уже въ общую привычку и облегчаетъ не только справку о заинтересовавшемъ его лицѣ, но и самое чтеніе.

Всѣ исправленныя мною ореографическія ошибки отнюдь не являются хоть сколько-нибудь характерными для Герцена, это—неправильности, присущія извѣстной эпохѣ, когда, напр., всѣ имена иностранцевъ, начинающіяся звукомъ *e*, писались именно съ этой буквы, вмѣсто *э*, какъ пишутся теперь, „роля“—вмѣсто „роль“ (въ раннихъ произведеніяхъ), „портфель“ въ женскомъ родѣ, „ето“ вмѣсто „это“, „ценсура“ вмѣсто „цензура“ и т. д., и т. д. Такія же мелкія, но индивидуальныя особенности, какъ напримѣръ, „врядъ возможно ли“ вмѣсто „врядъ ли возможно“, разумѣется, оставлены, какъ характерныя именно для Герцена, а не для эпохи.

Транскрипція иностранныхъ именъ, фамилій, географическихъ и другихъ названій соблюдена примѣнительно къ лучшимъ иностраннымъ энциклопедическимъ словарямъ, какъ наиболѣе распространеннымъ и могущимъ, слѣдовательно, чаще другихъ служить пособіемъ при желаніи получить скорую дополнительную справку.

Чтобы читатель видѣлъ ореографію самого Герцена, я привелъ нѣсколько его писемъ въ разныхъ томахъ, не сдѣлавъ въ нихъ никакихъ поправокъ и отступленій отъ подлинника и оговоривъ эту палеографичность въ библиографическомъ комментарий.

Я не считалъ также возможнымъ оставить приводимыя Герценомъ цитаты изъ другихъ авторовъ безъ точнаго возстановленія ихъ по вѣрнымъ текстамъ, если неточности въ передачѣ не сдѣланы были, повидимому, умышленно, а объясняются просто поспѣшностью или небрежностью.

Допущенныя Герценомъ при скорописи пропуски словъ, а иногда и нѣсколькихъ подрядъ, особенно въ письмахъ, мною

нигдѣ не отмѣчены, такъ какъ такія отмѣтки вообще нужны читателю лишь при малой увѣренности въ тщательности корректуры всего изданія, а я имѣю основаніе считать ее болѣе, чѣмъ удовлетворительной (особенно со включеніемъ исправленій, указанныхъ въ „опечаткахъ и дополненіяхъ“ каждаго тома) и потому всякіе кажущіеся пропуски редактора или корректора въ текстѣ Герцена прошу считать принадлежащими автору.

При возстановленіи текста по подлинникамъ я вовсе не вводилъ въ него зачеркнутого самимъ Герценомъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, зачеркнутое должно разсматриваться, какъ не сказанное и такое, что и самъ авторъ считалъ или неправильнымъ, или лишнимъ; наиболѣе же характерное введено въ библиографическій комментарий.

Написанное или напечатанное Герценомъ на иностранныхъ языкахъ и не вышедшее въ печати въ его собственномъ переводѣ или подъ его собственной редакціей, или не сохранившееся въ рукописи по-русски, приведено одновременно на иностранномъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ. Я считалъ очень важнымъ представить подлинныя мысли автора и показать, какъ онъ выражалъ ихъ не на родномъ языкѣ. Этимъ за рядомъ сочиненій сохранено значеніе, которое имъ придавалъ самъ Герценъ: онъ писалъ ихъ для иностранцевъ.

Въ круглыя скобки () поставлены заглавія, данныя самимъ Герценомъ, но относящіяся къ статьямъ въ „Колоколѣ“, гдѣ они были указаны только вверху, въ оглавленіи номера (начиная съ № 60 „Колокола“), а въ текстѣ вовсе его не имѣютъ. Заглавія, поставленныя въ прямоугольныя скобки [], составлены мною.

Подпись автора подъ сочиненіями, разумѣется, опущена въ текстѣ и указана въ библиографическомъ комментарий, — подъ письмами дана всегда, если имѣется въ подлинникѣ.

Дать абсолютно полный текстъ сочиненій и писемъ въ данное время совершенно не представляется возможнымъ по цензурнымъ условіямъ, съ которыми я долженъ былъ считаться, можетъ быть, съ преувеличенною осторожностью, изъ нежеланія подвергать изданіе какому бы то ни было

рису. Отсутствие въ Россіи дѣйствительно ясно изложеннаго закона о печати и твердо установившейся судебной практики, при которой создалось бы убѣжденіе въ безспорномъ толкованіи той или другой недомолвки законодателя, часто ставило меня въ весьма затруднительное положеніе. Казалось бы, умершій въ 1870 году Герценъ уже отошелъ въ область исторіи, казалось бы, къ его сочиненіямъ, особенно въ настоящемъ изданіи, возможно ожидать болѣе терпимаго отношенія, но, къ сожалѣнію, рассчитывать на это не представлялось основаній.

Однако, я не счелъ возможнымъ дѣлать какія бы то ни было смягченія и перифразы, а просто выбрасывалъ все, могущее подать поводъ къ какимъ-либо недоразумѣніямъ съ цензурой; но, конечно, не счелъ также возможнымъ оставить сдѣланныя купюры безъ яснаго на нихъ указанія, и потому всѣ исключенныя мною мѣста замѣнены рядомъ черточекъ (- - - - -). Чтобы не вводить читателей въ бесполезную трату времени на догадки, замѣчу, что число черточекъ отнюдь не соотвѣтствуетъ числу исключенныхъ буквъ или словъ,—оно совершенно произвольно; не произвольна лишь длина занятаго ими мѣста: она всегда равняется длинѣ исключеннаго набора. Послѣднее сдѣлано для того, чтобы читатель могъ ясно представить величину купюры, не обманываясь ни въ ту, ни въ другую сторону. вмѣстѣ съ тѣмъ при купюрахъ свѣше полустраницы подъ рядъ я сократилъ занимаемое черточками мѣсто до одной строки, сдѣлавъ оговорки объ этомъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Всѣ продолжительныя многоточія (.....) сдѣланы самимъ Герценомъ, кромѣ тѣхъ, которыя, означая неисправность или неразборчивость подлинника, оговорены мною въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Здѣсь же считаю нужнымъ замѣтить, что часто встречающіяся въ подлинныхъ рукописяхъ тире (—) на самомъ дѣлѣ иногда означаютъ орѳографическое многоточіе, которымъ они и замѣнены въ печатномъ текстѣ. Герценъ самъ указывалъ на это упрощеніе, допускаясь имъ въ молодости просто по торопливости, а позже—уже по привычкѣ.

Комментарій.

На ряду съ критикой избраннаго мною хронологическаго метода мнѣ приходилось слышать, что изъ благоговѣнія передъ Герценомъ, какъ величайшимъ изъ русскихъ писателей, нельзя ни на минуту становиться между нимъ и читателемъ и, слѣдовательно, не надо дѣлать не только никакихъ подстрочныхъ примѣчаній, а тѣмъ болѣе комментаріевъ въ серединѣ тома, но даже и ставить въ текстѣ какія-либо типографскія обозначенія, которыя отвлекали бы вниманіе читателя. Такое сентиментальное, недѣйственное „преклоненіе“ представляется мнѣ не продуманнымъ и не серьезнымъ. Истинная любовь къ писателю именно и должна создать у редактора желаніе сдѣлать его вполне понятнымъ и близкимъ возможно широкимъ кругамъ, для которыхъ сознательное чтеніе такихъ гигантовъ, какъ Герценъ, совершенно невысказано при современномъ отдаленіи отъ обстоятельствъ его жизни и дѣятельности и при маломъ знакомствѣ съ исторіей того или другаго момента или съ біографіей лица и пр. Всѣ, кто заранѣе сочтутъ для себя лишними или не интересными сдѣланные мною комментаріи, могутъ заранѣе же рѣшить просто игнорировать какъ ихъ, такъ и всѣ ихъ типографскія обозначенія въ текстѣ.

Мой комментарій трехъ родовъ: 1) справочный (въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній мелкимъ шрифтомъ въ текстѣ), 2) біографическій и историко-литературный (основнымъ шрифтомъ непосредственно послѣ сочиненія или письма) и 3) библиографическій (мелкимъ шрифтомъ въ концѣ тома).

1. Въ своихъ *подстрочныхъ примѣчаніяхъ*,—никакими инициалами не подписанныхъ и означенныхъ въ текстѣ тонкой цифрой съ круглой скобкой ¹⁾ или ^{o)},—я имѣлъ въ виду только такія разъясненія, напоминанія и указанія, которыя безусловно, по-моему, необходимы обыкновенному читателю для полнаго пониманія даннаго мѣста въ текстѣ Герцена. Вотъ почему, на примѣръ, иногда объ одномъ и томъ же лицѣ въ различныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ мною сдѣланы указанія на различныя стороны его біографіи или дѣятельности, при чемъ вообще всестороннія, хотя и весьма краткія, біографіи отнюдь не входили въ мою задачу.

Встрѣчая въ текстѣ указанія на знакомыхъ автора, о которыхъ мнѣ не удалось собрать никакихъ свѣдѣній, я отмѣтилъ ихъ подстрочной выноской съ вопросительнымъ знакомъ (?), чтобы тѣмъ дать возможность будущимъ изслѣдователямъ заполнить такіе пробѣлы.

Повтореніе многихъ подстрочныхъ примѣчаній значительно увеличило бы размѣръ изданія; поэтому, если читатель встрѣчаетъ безъ поясненія незнакомое ему имя, то рекомендуется обратиться къ именному алфавитному указателю въ послѣднемъ томѣ и тамъ навести желаемую справку. Точно такъ же слѣдуетъ поступить при желаніи узнать, не сказано ли о встрѣтившемся лицѣ что-нибудь раньше или позже, — частыхъ перекрѣстныхъ указаній я избѣгалъ.

Владѣя нѣсколькими иностранными языками: французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, итальянскимъ и отчасти латинскимъ, Герценъ очень любилъ пересыпать свою рѣчь ихъ оригинальными и характерными выраженіями, иногда къ тому же составляя такіе замысловатые каламбуры, которые въ его написаніи не всегда сразу понятны лицамъ, даже хорошо знающимъ эти языки. Чтобы все это никоимъ образомъ не служило препятствіемъ для лицъ, владѣющихъ только русскимъ языкомъ, я счелъ нужнымъ привести въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ переводъ всѣхъ попадающихся иностранныхъ словъ, кромѣ десятка-другого изъ самыхъ общеизвѣстныхъ или объясненныхъ уже прежде; при этомъ важно имѣть въ виду, что иностранныя фразы и слова переведены примѣнительно къ тому самому смыслу, который приданъ имъ въ данномъ мѣстѣ, и потому переводъ не всегда соотвѣтствуетъ значенію, обычно имъ придаваемому.

Редакція иностраннаго текста и всѣхъ переводовъ (кромѣ польскаго языка) I—VII томовъ лежала на Б. А. Марковичѣ, а начиная съ VIII тома — на М. Л. Бинштокѣ.

Всѣ подстрочныя примѣчанія, принадлежащія самому Герцену, подписаны инициалами *А. И. Г.* (на иностранныхъ языкахъ — *A. H.*), независимо отъ его подписи, бывшей въ свое время подъ тѣмъ или другимъ произведеніемъ.

2. Біографическій и историко-литературный комментарий поставленъ мною *непосредственно послѣ сочиненія или письма* (въ „Быломъ и думахъ“ — послѣ каждой части), какъ потому,

что извѣстно, съ какой вообще неохотой публика обращается къ примѣчаніямъ въ концѣ тома, такъ и потому, что въ этотъ комментарий вошли такія свѣдѣнія, безъ своевременнаго знакомства съ которыми пониманіе дальнѣйшаго текста Герцена иногда можетъ представить значительныя затрудненія. Здѣсь я имѣлъ въ виду поправки фактическихъ указаній Герцена, дополненіе сказаннаго имъ или, наконецъ, исправленіе безчисленнаго количества ошибокъ, наполняющихъ литературу о Герценѣ. Однако, чтобы избѣгнуть ужъ очень частыхъ указаній на такія ошибки, я, дѣлая поправку, основанную на безспорныхъ данныхъ, иногда не указываю на источникъ ошибки въ этомъ вопросѣ, какъ и на свой документальный источникъ, почерпнутый въ такомъ случаѣ всегда изъ архива семьи Герцена.

Въ этомъ комментарий, пожалуй, что-нибудь можетъ показаться и лишнимъ, но я привожу его потому, что, пользуясь случаемъ, считаю полезнымъ подѣлиться иногда и мелкими свѣдѣніями, важными, однако, для біографіи современниковъ Герцена и его друзей или для исторіи эпохи. Попадаютъ также комментарий, повидимому, прямо и не относящіеся къ комментируемому мѣсту, но это неизбѣжно, если по ходу постепеннаго развертыванія біографіи Герцена читателю именно въ данный моментъ необходимо ознакомиться съ тѣми или другими дополнительными свѣдѣніями.

Надо имѣть въ виду, что объ однихъ и тѣхъ же фактахъ и лицахъ Герценъ говоритъ по нѣскольку разъ въ сочиненіяхъ, письмахъ и въ „Быломъ и думахъ“. Чтобы сохранить за комментариемъ приданную и ему хронологическую послѣдовательность, я предпочелъ привести его по возможности внѣ „Былого и думъ“, оставивъ въ комментаріяхъ къ этому сочиненію лишь то, что по ходу рассказа или описанія автора тамъ умѣстнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь.

Отнюдь не имѣя въ виду вступать въ роль подсказчика того, что хотѣлъ сказать Герценъ въ такомъ-то мѣстѣ своего сочиненія или письма, я совершенно воздержался отъ такого рода комментарийевъ, сдѣлавъ исключеніе лишь для разъясненія недомолвокъ, касающихся чисто фактической стороны.

Для сбереженія мѣста мои указанія на литературные источники сдѣланы кратко, но всегда, однако, такъ, что полное

ихъ обозначеніе легко найти въ бібліографическомъ указателѣ послѣдняго тома. Дѣлая отъ себя поясненія въ текстѣ приводимыхъ мною цитатъ, я заключилъ ихъ въ круглыя скобки и закончилъ тире и своими инициалами (—М. Л.).

Обозначеніе отсылки на этотъ комментарий въ текстѣ сочиненій и писемъ сдѣлано небольшими жирными цифрами безъ скобокъ и при томъ по порядку въ цѣломъ произведеніи, а не въ страницѣ; самый же комментарий къ данному сочиненію или письму всегда начинается знаком ♦♦, послѣ котораго стоитъ большая жирная цифра 1; вмѣстѣ они ясно показываютъ, гдѣ кончается текстъ самого Герцена.

3. Бібліографическій комментарий *въ концѣ каждого тома* составленъ по однообразному плану: указаніе на то, было ли напечатано данное произведеніе или письмо и гдѣ именно, въ какомъ изданіи и видѣ, когда, съ какою подписью, найденъ ли мною подлинникъ и гдѣ онъ хранится, когда оно писалось авторомъ, какой данъ текстъ и что наиболѣе характерное сказано въ литературѣ о данномъ произведеніи. Въ этомъ комментарий я совершенно устранилъ себя отъ личной оцѣнки сочиненій, такъ какъ полагаю, что установленіе цѣнности того или иного произведенія отнюдь не должно входить въ задачу редактора перваго ихъ полнаго собранія. Ограничившись добросовѣстнымъ приведеніемъ всего наиболѣе характернаго изъ написаннаго за и противъ, я такимъ образомъ сознательно не вліяю на впечатлѣніе и оцѣнку со стороны читателя, считая, что всякая субъективность редактора была бы антинаучной. Научно обоснованная оцѣнка Герцена можетъ начаться и быть дѣйствительно убѣдительною и вѣрною только *послѣ* выхода настоящаго изданія.

Въ этомъ же комментарий на ряду съ исторіей текста приводятся варианты и разночтенія, какъ матеріаль, наиболѣе интересный спеціалистамъ.

Указанія на сказанное самимъ Герценомъ о томъ или другомъ своемъ сочиненіи или письмѣ мною въ комментарий не приводятся; всякому, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ такими отзывами, рекомендуется особый указатель въ послѣднемъ томѣ.

Въ оглавленіи каждого тома передъ заглавіемъ сочиненія или письма поставлены: одна звѣздочка (*) при сочиненіяхъ

и письмахъ, которыя печатаются здѣсь впервые, и двѣ звѣздки (***) передъ тѣмъ, что было уже напечатано, но не вошло въ прежнія два собранія или въ одно изъ нихъ; такимъ образомъ, только не отмѣченное никакимъ знакомъ было опубликовано въ обоихъ или въ одномъ изъ прежнихъ собраній. При этомъ замѣчу, что я не считалъ удобнымъ отмѣчать * такихъ сочиненій и писемъ, которыя напечатаны гдѣ-нибудь раньше въ очень искаженномъ видѣ,—а ихъ, какъ видно изъ комментарія, очень много.

Указатели.

Въ послѣднемъ томѣ помѣщены слѣдующіе вспомогательные указатели:

- 1) канва біографіи А. И. Герцена;
- 2) алфавитъ собственныхъ именъ, названій періодическихъ изданій, сборниковъ, альманаховъ и т. п., упоминаемыхъ во всѣхъ томахъ „собранія“;
- 3) алфавитъ всѣхъ сочиненій (съ ихъ частичными подзаголовками) и писемъ Герцена съ указаніемъ томовъ и страницъ „собранія“, гдѣ они напечатаны и гдѣ о нихъ упоминается;
- 4) литература о Герценѣ;
- 5) оглавленіе моихъ самостоятельныхъ наиболѣе важныхъ біографическихъ и историко-литературныхъ комментариевъ;
- 6) свѣдѣнія объ иллюстраціяхъ въ „собраніи“.

Кромѣ этихъ указателей, я считалъ полезнымъ привести также сводку наиболѣе яркихъ общихъ характеристикъ Герцена, какъ человѣка и писателя, данныхъ въ русской и иностранной литературѣ безотносительно къ тому или другому его произведенію.

Иллюстраціи.

Настоящее изданіе не было бы вполнѣ законченнымъ безъ иллюстрацій. Хорошо исполненная и во-время представленная иллюстрація ярко запечатлѣваетъ опредѣленные образы, конкретизируетъ автора, кругъ его близкихъ и обстановку его жизни вообще.

Портреты самого Герцена, его жены и даже дѣтей появлялись уже не разъ во всякаго рода изданіяхъ; портреты

друзей тоже довольно извѣстны, особенно выдающихся изъ нихъ. Исполненіе тѣхъ и другихъ было очень разнообразно, однако, рѣдко вполне удовлетворительно.

Снимки съ изданій Герцена, рисунковъ его жены и семейныхъ реликвій тоже попадались въ литературѣ.

Здѣсь передъ читателемъ пройдутъ всѣ существующіе оригинальные портреты и фотографии самого Герцена и его жены; а ихъ дѣтей и друзей—только тѣ, которые, по мнѣнію лицъ, хорошо ихъ знавшихъ, надо признать наиболѣе удачными и при томъ менѣе извѣстными или вовсе нигдѣ не воспроизведенными. Изъ прочихъ иллюстрацій мною выбрано все наиболѣе характерное и интересное.

Всѣ иллюстраціи будутъ приложены къ томамъ „Былого и думъ“.

Заключеніе.

Десять лѣтъ (1906—1915 гг.) отдалъ я труду изученія жизни и сочиненій Герцена и современныхъ ему обстоятельствъ общественной, политической и литературной жизни. По личнымъ своимъ дѣламъ я не могъ прожить сколько-нибудь продолжительное время за границей, чтобы тамъ на мѣстѣ изслѣдовать цѣлый рядъ вопросовъ, оставленныхъ мною безъ основательнаго разрѣшенія; а по обстоятельствамъ, диктуемымъ условіями жизни членовъ семьи Герцена, съ выпускомъ настоящаго изданія нельзя было медлить. Начиная съ V тома печатаніе происходило во время призыва меня въ 1914—1915 гг. въ дѣйствующую армію; редакторская корректура ихъ читалась въ военной обстановкѣ, мало способствовавшей этой отвѣтственной и кропотливой работѣ. Въ то же время мои регулярныя сношенія съ Наталіей А. Герценъ и ея и моими иностранными корреспондентами были почти совершенно прерваны, а отправленные ими въ самомъ началѣ европейской войны важные матеріалы пропали. Многія детали заграничной жизни Герцена остались, такимъ образомъ, не освѣщенными и неразъясненными. Въ книгохранилищахъ Европы отсутствуютъ многіе необходимые мнѣ газеты, журналы и книги,—отсюда также отсутствіе нѣкоторыхъ важныхъ комментариевъ. Естественно, что настоящій свой трудъ я, конечно, не считаю безошибочнымъ, и, все-таки, твердо вѣрю, что „со-

бранію“ предстоитъ большой успѣхъ, слѣдовательно, весьма возможно скорое его переизданіе. Въ виду этого я буду очень признателенъ всѣмъ, кто печатно или письменно сообщитъ о какой-либо моей ошибкѣ, противорѣчіи, недомолвкѣ, неясности и т. п. или предоставитъ мнѣ возможность сличить какое-либо произведеніе или письмо Герцена съ не найденнымъ мною подлинникомъ. Присылка какихъ-либо указаній на сочиненія и письма, оставшіяся мнѣ вовсе неизвѣстными; будетъ принята также съ глубокой благодарностью.

Я уже многимъ лицамъ и обязанъ такой благодарностью за оказанное мнѣ содѣйствіе.

Съ искренней признательностью привожу перечень ихъ: В. М. Андерсонъ, А. П. Барсуковъ (†), кн. Д. І. Бебутовъ, М. Л. Бинштокъ, А. И. Браудо, Л. Э. Бухгеймъ, М. В. Ватсонъ, В. В. Водовозовъ, Г. Н. Вырубовъ (†), Г. М. Вязьменскій, М. О. Гершензонъ, Д. Е. Жуковскій, З. Н. Журавская, Я. А. Зильберштейнъ, А. Златановъ, И. А. Ильинъ, А. І. Калишевскій, Otto Carmin, Л. П. Карсавинъ, М. И. Колесниковъ, А. К. Колтоновскій, В. Д. Комарова, Н. А. Котляревскій, Ю. В. Курута-Терпугова, Н. О. Лернеръ, В. О. Листъ, В. А. и Е. А. Ляцкіе, Б. А. Марковичъ (†), Б. Л. Модзалевскій, Н. Monin, Н. А. Мурзановъ, А. Д. Орловъ, Н. К. Пиксановъ, Marcelin Pellet, А. Н. Петунниковъ, О. И. Родичевъ, Л. Б. Розенфельдъ, Н. Рязановъ (псевд.), В. И. Саитовъ, П. Н. Сакулинъ, Н. Н. Сатина, С. Г. Сватиковъ, В. И. Семевскій, М. А. Славинскій, Н. В. Соловьевъ, Всев. И. Срезневскій, М. Н. Столяровъ, Б. В. Сукачевъ, бар. К. К. Тизенгаузенъ, Н. Н. Филипповъ, А. А. Шахматовъ, И. А. Шляпкинъ, Э. П. Юргенсонъ, В. И. Яковлевъ и А. А. Оминъ.

Считаю долгомъ отдѣльно поблагодарить Р. В. Иванова, помощь котораго, особенно во время войны, была истинно дружеской.

Совершенно исключительная признательность, и не только отъ меня, но и отъ всего русскаго общества, заслужена Наталіей Александровной Герценъ, Маріей Каспаровной Рейхель, Николаемъ Александровичемъ Герценомъ, г-жей Терезой Герценъ и Ольгой Александровной Моно (урожд. Герценъ), особенно же первую изъ нихъ. Въ теченіе всей своей работы я пользовался такой ихъ дружеской помощью, такой неутомимой энергіей въ наведеніи массы всякихъ срочныхъ спра-

вокъ и такой рѣдкой внимательностью ко всѣмъ моимъ безчисленнымъ запросамъ, что многое, казавшееся недостижимымъ, было достигнуто въ сравнительно короткій срокъ. Съ любовью вспоминаю теперь нашу живую переписку и съ чувствомъ глубочайшаго уваженія долженъ сердечно поблагодарить этихъ лицъ, какъ нельзя лучше выполнившихъ обѣщаніе помощи, данное мнѣ членами семьи Герцена при приглашеніи меня къ редакторской работѣ 7 августа 1907 года.

Въ заключеніе, не нарушая скромности, я чувствую себя въ правѣ посвятить свой личный трудъ въ этомъ „собраніи“ женѣ моей, Маріи Романовнѣ Лемке: безъ ея ежедневной въ теченіе десяти лѣтъ поддержки и помощи я не имѣлъ бы возможности работать такъ интенсивно и спокойно.

М. К. Лемке.

11 іюля 1915 г.

Адресъ для корреспонденціи:
Петроградъ, Вас. островъ, 5 линія, 28.

Оглавленіе.

№№	СТР.
	Предисловіе издателей. Отъ редактора.
	1820.
**1.	Прошеніе о зачисленіи на службу 3
	1823.
**2.	Отрывки изъ писемъ къ Т. П. Кучиной. 13
	1826.
3.	Надпись для Н. А. Захарьиной. 17
	1827.
**4.	Письмо къ Т. П. Кучиной 21
	1828.
**5.	Письмо къ Т. П. Кучиной 25
**6.	То же. 26
**7.	То же. —
**8.	Отрывокъ изъ письма къ Т. П. Кучиной 30
**9.	Изъ письма къ Т. П. Кучиной —
	1829.
**10.	Надпись для Т. П. Кучиной. 33
**11.	О чумѣ и причинахъ, производящихъ оную, барона Паризе —
**12.	О древнемъ бальзамированіи 40

№№	СТР.
**13.	Прошение о выдачѣ свидѣтельства для поступления въ университетъ 43
*14.	Прошение о дозволѣніи слушать лекціи 44

1830.

**15.	Письмо къ Т. П. Кучиной 47
**16.	О землетрясеніяхъ 48
**17.	О недѣлимомъ въ растительномъ царствѣ 55
**18.	Письмо къ Т. П. Кучиной 60

1831.

**19.	Запись въ альбомѣ Т. П. Кучиной 65
-------	--

1832.

**20.	Изъ письма къ Т. П. Кучиной 69
**21.	Прошение о принятіи вновь на службу —
*22.	О мѣстѣ челоуѣка въ природѣ 71

1833.

**23.	28 января 85
*24.	Аналитическое изложеніе солнечной системы Коперника 91
*25.	Изъ письма къ Н. П. Огареву 105
26.	Письмо къ Н. А. Захарьиной —
**27.	Письмо къ Т. П. Пассекъ 109
**28.	[Посвящено сестрѣ Ольгѣ] 110
**29.	Письмо къ Н. П. Огареву 113
30.	Письмо къ Н. А. Захарьиной 115
**31.	Письмо къ Н. П. Огареву 117
**32.	Прошение о выдачѣ аттестата 118
**33.	Письмо къ Н. П. Огареву 120
**34.	3 августа 1833 122
35.	Письмо къ Н. А. Захарьиной 124
36.	То же 125
**37.	Письмо къ Н. П. Огареву —
**38.	То же 128
**39.	Прошение о внесеніи въ формулярный списокъ степени кандидата 129
**40.	Записка къ Л. В. Пассекъ 130

№№		СТР.
41.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	131
42.	То же.	132

1834.

**43.	Планъ изданія журнала	135
44.	Гофманъ	138
45.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	154
46.	То же.	—
47.	То же.	159
48.	То же.	161

1835.

49.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	165
50.	То же.	166
51.	То же.	167
52.	То же.	168
53.	То же.	171
54.	То же.	—
55.	То же.	173
56.	То же.	175
57.	То же.	—
58.	То же.	176
59.	То же.	178
60.	То же.	180
**61.	[Арестъ и высылка]	—
62.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	186
63.	То же.	—
**64.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру и Н. И. Сазонову	188
65.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	192
66.	То же.	193
67.	То же.	194
68.	То же.	195
69.	То же.	200
70.	То же.	203
**71.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру	205
72.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	208
73.	То же.	—
74.	То же.	211
**75.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру	215

1836.

76.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	219
77.	То же.	220

№№	СТР
*78. Письмо къ Н. Х. Кетчеру	222
**79. Письмо къ А. В. Витбергъ	224
80. Письмо къ Н. А. Захарьиной	—
81. То же	226
82. То же	228
83. Вторая встрѣча	230
84. Легенда	237
85. Письмо къ Н. А. Захарьиной	260
86. То же	262
87. То же	268
88. То же	271
89. То же	274
90. То же	276
91. То же	281
92. Встрѣчи	285
93. Письмо къ Н. А. Захарьиной	300
94. То же	305
95. То же	308
96. То же	309
97. То же	311
98. То же	317
**99. Письмо къ Н. А. Полевому	320
100. Письмо къ Н. А. Захарьиной	321
*101. Письмо къ Н. Х. Кетчеру и Н. И. Сазонову	325
102. Письмо къ Н. А. Захарьиной	326
103. То же	328
104. То же	334
**105. Письмо къ Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру	338
106. Отдѣльныя мысли	340
107. Письмо къ Н. А. Захарьиной	342
108. То же	345
109. То же	348
110. То же	351
111. То же	353
112. То же	356
113. То же	357
114. То же	360
115. То же	363
116. То же	365
117. Отдѣльныя замѣчанія о русскомъ законодательствѣ	368

№№		СТР.
118.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	375
119.	То же.	377
120.	То же.	380
121.	То же.	383
122.	То же.	386
123.	То же.	387
124.	То же.	390
125.	То же.	393
126.	То же.	395
127.	То же.	397
128.	То же.	401
129.	То же.	403
130.	То же.	407
131.	То же.	411
*132.	То же.	414
133.	То же.	416
134.	То же.	421
**135.	Вотяки и черемисы	422
136.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	426
137.	То же.	429
138.	То же.	431
139.	То же.	435
140.	То же.	438
141.	То же.	442
142.	То же.	444
143.	То же.	448
144.	То же.	450
145.	То же.	453
146.	То же.	457
147.	То же.	458
148.	То же.	460
**149.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру	464
150.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	467
151.	То же.	469
152.	То же.	473
153.	То же.	476
154.	То же.	481
155.	Это было 22-го октября 1817	482
156.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	485
157.	То же.	488
158.	То же.	491

№№	СТР.
159.	То же. 495
160.	То же. 497
161.	То же. 504
162.	Рѣчь, сказанная при открытіи публичной библіотеки для чтенія въ Вяткѣ, 6 декабря 1837 года 507
163.	Письмо къ Н. А. Захарьиной 512
164.	То же. 515
165.	То же. 518
166.	То же. 520
Библиографическій комментарий 523	
Опечатки и дополненія. 539	

1820

1. Прошеніе о зачисленіи на службу.

Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Государь Императоръ Александръ Павловичъ Самодержецъ Всероссійскій Государь Всемиловитѣйшій.

Проситъ гвардіи капитана и кавалера Ивана Алексѣева Яковлева, воспитанникъ его, Александръ Ивановъ Герценъ, а о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты. 1-е. Находясь я при означенномъ воспитателѣ моемъ, російской грамотѣ читать и писать обученъ и имѣя себѣ отъ роду девять лѣтъ, но въ службу Вашего Императорскаго Величества никуда еще не опредѣленъ, а ревностное желаніе имѣю продолжать оную въ вѣдомствѣ экспедиціи кремлевскаго строенія въ числѣ канцелярскихъ служителей, а что подлинно я, Герценъ, воспитанникъ гвардіи капитана Яковлева и не принадлежу ни къ воинскому вѣдомству, ни къ податному званію, о томъ прилагаю во удостовѣреніе при семъ свидѣтельство, данное мнѣ за подписаніемъ разныхъ чиновныхъ особъ, всеподданѣйше прошу *къ се му*

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе съ свидѣтельствомъ въ экспедиціи кремлевскаго строенія принять и меня вѣдомства оной въ число канцелярскихъ служителей опредѣлить. *Прошенію*

Всемиловитѣйшій Государь! прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Декабря дня 1820 года. Къ поданію надлежитъ въ экспедицію кремлевскаго строенія. Прошеніе сочинялъ и на-бѣло переписывалъ титулярный совѣтникъ Николай Степановъ сынъ Никоновъ. *Александръ Ивановъ, сынъ Герцена руку приложилъ.* ¹

◆◆ 1. Свидѣтельство, о которомъ говорится въ прошеніи, гласитъ: «Мы, нижеподписавшіеся, симъ удостовѣряемъ, что предъявитель сего, Александръ Ивановъ Герценъ, съ самаго младенчества

воспитанникъ гвардіи капитана и кавалера Ивана Алексѣевича Яковлева, не принадлежитъ ни къ воинскому вѣдомству, ни къ податному званію и въ государственную службу никуда еще не опредѣленъ, въ чемъ сіе ему отъ насъ въ справедливости и дано». Подписались: И. А. Яковлевъ, Л. А. Яковлевъ, «тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ» Павелъ Каверинъ, «генераль-лейтенантъ, сенаторъ и кавалеръ» Захаръ Олсуфьевъ, «тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ» кн. Алексѣй Долгоруковъ и «тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ» Павелъ Г. Кутузовъ.

Постановленіемъ экспедиціи кремлевскаго строенія 10 декабря приказано Александра Герцена и брата его Егора, подавшаго прошеніе одновременно, принять и «опредѣлить въ число канцелярскихъ служителей съ чиномъ канцеляристовъ впредь до усмотрѣнія ихъ способностей и прилежанія къ должности, на собственное содержаніе» (т.-е. безъ жалованія), «внести въ списокъ по экспедиціи и въ вѣрности службы привести черезъ экзекутора къ присягѣ, а потомъ помѣстить въ повѣтье ко исправленію должности».

Герценъ родился 25 марта 1812 года (Н. М. Сатинъ, его другъ, указываетъ ошибочно 19 ноября 1811 г.,—см. его «Записку» въ Румянцовскомъ музеѣ) и, значить, на девятомъ году былъ зачисленъ на службу, что въ то время было совершенно обычно для всѣхъ тѣхъ, кто не имѣлъ дворянства: раннее начало службы помогало скорѣе получить дворянство, даруемое съ чиномъ коллежскаго ассессора.

Здѣсь слѣдуетъ сказать то, что дальше читатель узнаетъ отъ самого Герцена: онъ былъ незаконнымъ сыномъ Ивана Алексѣевича Яковлева и вюртембергской уроженки Генриетты-Вильгельмины-Луизы Гаагъ, для удобства домашняго обихода прозванной своимъ именитымъ сожителемъ «Луизой Ивановной». И въ русской и въ иностранной печати указывалось, что она была еврейка («Рус. Архивъ» 1910, XI, 524; А. Würzbach «Alex. Herzen», Wien, 1871), но это невѣрно: родители Генриетты были чистѣйшими нѣмцами.

Родъ Яковлевыхъ древній, близкій династіи Романовыхъ. Родоначальникъ Яковъ Захарьевичъ Яковлевъ былъ братомъ Юрія Захарьевича, отъ котораго пошли Юрьевы, а потомъ Романовы. Линія шла такимъ образомъ:

1. Бояринъ Яковъ Захарьевичъ († 1530);
2. Окольникій и воевода Петръ Яковлевичъ († 1533);
3. Бояринъ Иванъ Петровичъ, по прозванію Хиронъ († 1570);
4. Дворовый воевода Иванъ Ивановичъ;
5. Дьякъ Андреянъ Ивановичъ;
6. Докладчикъ при Екатеринѣ I Александръ Андреяновичъ;

7. Дѣйств. ст. совѣтникъ, юстиць-коллегіи президентъ Алексѣй Александровичъ († 1781), женатый на княжнѣ Наталіи Борисовнѣ Мещерской († 1781).

Сыновья и дочери ихъ:

а) военный совѣтникъ Петръ Алексѣевичъ (1760—1813), женатый на Екатеринѣ Валеріановнѣ Ульской;

б) камергеръ, оберъ-прокуроръ св. синода Александръ Алексѣевичъ (1762—1825), женатый на Олимпіадѣ Максимовнѣ (фамилія неизвѣстна, 1775—1865);

в) л.-гв. капитанъ, посланникъ при королѣ Вестфальскомъ Іеронимѣ Бонапартѣ, сенаторъ Левъ Алексѣевичъ (1764—1839);

г) л.-гв. капитанъ *Иванъ Алексѣевичъ* (род. 23 іюня 1767);

д) Марія Алексѣевна, по мужу (Федору Сергѣевичу) княгиня Хованская († 1847);

е) Екатерина Алексѣевна;

ж) Елисавета Алексѣевна, по мужу Голохвастова (1763—1822). Каждый изъ четырехъ братьевъ Яковлевыхъ имѣлъ незаконныхъ дѣтей:

а) Петръ Алексѣевичъ: Николая, Елисавету (по мужу Смалланъ) и Наталію (по мужу Кучину) Яковлевыхъ ¹⁾;

б) Александръ Алексѣевичъ: привѣнчаннаго при бракѣ и усыновленнаго Алексѣя Александровича Яковлева, Петра и Павла Захарьиныхъ, *Наталію Захарьину*, род. 22 октября 1817 г. (*по мужу Герценъ*), Екатерину Захарьину (по мужу Селина), Софію Захарьину (по мужу Семичева), Анну Захарьину (по мужу Орлова);

в) Левъ Алексѣевичъ: Сергѣя и Ивана, Софію (по мужу Полънова) и Наталію, получившихъ фамилію Львовыхъ-Львицкихъ;

г) Иванъ Алексѣевичъ: *Егора* (род. 1803) и *Александра Герценова*.

Со смертью въ 1868 г. Алексѣя Александровича, прозваннаго въ роднѣ «химикомъ», фамилія Яковлевыхъ пресѣклась (см. Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій «Русская родословная книга», т. II, изд. 2-е, стр. 444—446; архивъ семьи Герцена). По всей вѣроятности, приведенный перечень Яковлевыхъ неполонъ: «Московскій Некрополь» (изд. вел. кн. Николая Михайловича) даетъ основаніе предполагать, что пропущено три-четыре лица по боковымъ линіямъ.

Когда Александръ Алексѣевичъ назвалъ всѣхъ своихъ дѣтей Захарьиными, онъ, очевидно, руководствовался желаніемъ вспомнить фамилію, прежде родственную Яковлевымъ; Львовы-Львицкіе просто образованы отъ имени Льва Алексѣевича. Почему же Иванъ Але-

¹⁾ Это дѣти не Е. В. Ульской, а жившей до нея у Яковлева Шарлотты-Христины Папствъ («Рус. Архивъ» 1874, I, 1076 и 1876 г. I, 231).

ксѣвичъ назвалъ своихъ сыновей Герценами? На это существуютъ два распространенныя объясненія, формулируемыя весьма просто: первое—Луиза Ивановна была подругой сердца Ивана Алексѣвича (Herz), откуда и фамилія ея сына (см. В. Я. Богучарскій «А. И. Герценъ», Спб. 1912); второе—«фамилію ему дали Герценъ, подразумевая, что онъ *дитя сердца* и желая этимъ ознаменовать свою любовь къ новорожденному» (Т. П. Пасекъ «Воспоминанія», т. I, 38). Дѣйствительно, Александръ Ивановичъ писалъ свою фамилію «Herzen» (хотя въ заграничномъ паспортѣ 1846 года проставлено «Gertzen», что ровно ничего не значить по-нѣмецки), а это можетъ означать: или «сердца» (два, Егоръ и Александръ), или «прижимать къ сердцу».

Когда же дана эта фамилія? Рѣшеніе этого вопроса въ настоящее время весьма затруднительно.

Въ 1803 г. родился первый сынъ Ивана Алексѣвича—Егоръ, который могъ оставаться безъ всякой фамиліи и могъ носить ее уже до рожденія Александра. По даннымъ, сообщеннымъ Герценомъ, а именно, по установленной имъ датѣ отъѣзда отца за границу, въ 1801 г., Егоръ долженъ былъ родиться отъ неизвѣстной намъ матери въ Европѣ или же въ Россіи, если мать его, ѣздивъ съ И. А. за границу, до родовъ вернулась въ Россію. Въ томъ и другомъ случаѣ обладавшій связями Яковлевъ могъ не давать сыну никакой фамиліи и держать его, какъ воспитанника, Егора Иванова; но могъ и дать фамилію. Въ документахъ она встрѣчается впервые въ прошеніяхъ сыновей 1820 года.

Т. П. Пасекъ рассказываетъ слѣдующее: «По отъѣздѣ Ивана Алексѣвича въ чужіе края, въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ родился у него сынъ Георгій, гдѣ и оставался, кажется, до трехъ или четырехлѣтняго возраста. Одна знакомая княгини Маріи Алексѣвны, проѣзжая Покровское, видѣла этого ребенка въ самомъ жалкомъ положеніи; по пріѣздѣ въ Москву, она рассказала все княгинѣ и прибавила, что мальчикъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на ея брата. Княгиня была тронута положеніемъ заброшеннаго малютки, приказала привезти его въ Москву и оставила у себя. Въ семействѣ княгини всѣ съ участіемъ и любовью отнеслись къ бѣдному ребенку, ласкали, берегли и называли «Егоренькой». Когда Иванъ Алексѣвичъ пріѣхалъ въ Москву, княгиня представила ему девятилѣтняго сына; отецъ, посмотрѣвши на него, положилъ ему на плечо руку, холодно поцѣловалъ и, обратясь къ сестрѣ на французскомъ языкѣ, выразилъ неудовольствіе за то, что она, не спрося его, взяла къ себѣ на воспитаніе его дитя. Повидимому, онъ съ перваго взгляда почувствовалъ къ сыну нерасположеніе, которое

и продолжалось всю его жизнь; оно выражалось ничѣмъ незаслуженными притѣсненіями, доходившими до оскорбленій самыхъ глупокихъ» (т. I, 39).

По всей вѣроятности, это записано со словъ Егора Ивановича; общій тонъ разсказа не даетъ основаній ему не довѣрять, но детали совершенно невѣрны: с. Покровское досталось Яковлеву лишь въ 1821 г.; кн. Хованская не была такой доброй и отзывчивой; кто могъ помнить, что Яковлевъ обратился къ ней на французскомъ языкѣ?—конечно, не девятилѣтній мальчикъ...

М. К. Рейхель, въ письмѣ ко мнѣ, указываетъ, что мать Егора была крѣпостная Ивана Алексѣевича и потомъ являлась къ «барину» по большимъ праздникамъ,—но и здѣсь нѣтъ возможности быть увѣреннымъ, что память не измѣнила Маріи Каспаровнѣ на девяностомъ году... Въ своихъ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» г. Рейхель говоритъ, что не знаетъ, какъ и гдѣ Егоръ Ивановичъ провелъ дѣтство, пока отецъ былъ за границей, но «по возвращеніи о немъ вспомнили, и онъ былъ взятъ въ домъ» (стр. 18).

Такимъ образомъ, повторяю, очень трудно рѣшить, когда и кому первому изъ сыновей дана ихъ фамилія. Самъ Герценъ не сказалъ объ этомъ ни слова, его друзья тоже; только Д. Свербеевъ обмолвился, да и то весьма неопредѣленно: «странно и неудачно выбранная для него идиллическая, чуждая русскому уху, фамилія» (Рус. Архивъ», 1870, III, 677).

Фамилія Герценовъ не нова: она и тогда и теперь встрѣчается въ Европѣ и въ Россіи. Въ кн. 115 Высочайшихъ Указовъ сенатскаго архива упоминается Октавій Герценъ, получившій 3 мая 1737 г. разрѣшеніе кабинета министровъ на приготовленіе гданской и дистиллированной водки, подтвержденное въ 1738 г.; позже въ 1765 г. Екатерина приказала дозволить Октавію Герцену, какъ и сенатору графу Воронцову, «дѣлать и продавать изъ винограднаго вина и разныхъ ягодъ, фруктовъ, сахарнаго сиропу и меду, водки». Далѣе, въ № 42 1861 г. «Вѣдомостей Спб. Городской Полиціи» напечатано слѣдующее объявленіе: «Г-жа Герценъ увѣдомляетъ родителей, что у ней открылась новая школа, на углу Невскаго и Николаевской улицы, Московской части, 1 квартала, домъ Типнера № 2, квартира № 19». На стр. 586 т. I «Петербургскаго Некрополя» указаны трое Герценовъ, умершихъ въ 1887—1893 гг., не бывшихъ, насколько извѣстно, даже дальними родственниками Егора и Александра Ивановичей.

Т. П. Пассекъ принадлежитъ апокрифъ о совершенно другомъ происхожденіи А. И. Герцена. Найдены онъ мною въ письмѣ ея къ Н. А. Огаревой отъ 12 февраля 1886 г., до сихъ поръ нигдѣ не

опубликованномъ и значащемся лишь въ «Отчетѣ» Румянц. музея за 1906 г., на стр. 176, подъ № 17. Уже самый конвертъ привлекаетъ вниманіе изслѣдователя сдѣланною на немъ надписью, крайне характерною для метода работы Е. С. Некрасовой, грѣшившей, какъ увидимъ въ послѣдствіи, не только неумѣньемъ читать руку Герцена, крайней путаностью своихъ указаній, порчею подлинниковъ и т. п.,— но даже покушеніемъ на уничтоженіе документовъ, такъ или иначе неприятныхъ для искренно чтимаго ею Герцена.

Эта надпись гласитъ буквально слѣдующее: «Письмо, которое, на мой взглядъ, должно быть уничтожено; въ немъ говорится, что А. И. Герценъ не сынъ Яковлева, а одного нѣмецкаго барона. А. И., не говорится, объ этомъ зналъ. Зачѣмъ же въ «Быломъ и думахъ» онъ говоритъ другое? Значитъ лгалъ?.. Да и Пассекъ зачѣмъ въ Запискахъ объ этомъ умолчала?». Повидимому, надо благодарить кого-то, не исполнившаго совѣта Некрасовой (можетъ быть, и уничтожившей кое-что самостоятельно) и сохранившаго содержимое конверта. Чтò же пишетъ Пассекъ? Вотъ все мѣсто ея письма, которое такъ испугало Некрасову:

«Можетъ, ты знаешь, а можетъ, и не знаешь, что Александръ— не сынъ Ивана Алексѣевича; это зналъ К. И. Кало, камердинеръ Льва Алексѣевича, Егоръ Ивановичъ да я. Самъ Александръ узналъ это при мнѣ, разбирая бумаги въ бюро, по смерти Ивана Алексѣевича. Первое попало ему— актъ, которымъ всѣ они признавали мою мать, дядю и тетку законными дѣтьми ихъ брата и наслѣдниками его имѣній (и все забрали себѣ, актъ скрыли). Саша выругалъ ихъ подлецами, потомъ вынулъ изъ бюро пакетъ писемъ. Письма оказались отъ нѣкоего барона Фаненберга, настоящаго отца Александра, по поводу Саши, и былъ пораженъ этимъ. Баронъ Фаненбергъ находился, совсѣмъ юнымъ, при посольствѣ русскомъ въ то время, какъ Луиза Ивановна поступила въ домъ посольства, и съ ней сблизился во время отсутствія Ивана Алексѣевича въ Италію. Можетъ, Александръ и сообщалъ это тебѣ».

Критическое отношеніе къ этому документу, написанному уже на восьмомъ десяткѣ не твердой памятью Пассекъ, говоритъ, что его нельзя вывести изъ разряда апокрифовъ. Не таковъ былъ И. А. Яковлевъ, чтобы онъ любилъ сына: съ одной стороны, человѣка, осмѣлившагося приволокнуть за дѣвушкой, съ которой онъ самъ уже сошелся, съ другой— женщины, которую онъ никогда, въ сущности, не любилъ сколько-нибудь горячо. Герцена Яковлевъ любилъ искренно и глубоко, хотя и по-своему; мало того— онъ такъ же искренно любилъ и своихъ внучатъ. Во-вторыхъ, Луиза Ивановна, по общимъ отзывамъ, была настолько честна, чтобы не воспользоваться

краткой разлукою съ И. А.—чемъ. Въ-третьихъ, если бы, не желая обидѣть память своей матери, Герценъ рѣшилъ не отступать отъ того, что зналъ самъ и что знали всѣ его окружавшіе до смерти Яковлева, и сознательно лгаль о личности своего отца, то, конечно, это знали бы не только Пассекъ, Егоръ Ивановичъ и Кало, но и Огаревы, и Наталія Александровна, и ея дѣти, и М. К. Рейхель и нѣкоторые другіе. А въ такомъ случаѣ тайна не была бы тайной до сегодняшняго дня. Въ-четвертыхъ, никакого барона Фаненберга при русской миссіи въ тѣ годы не состояло.

Однако, все-таки, надо было провѣрить эти соображенія, и я обратился къ дочерямъ Герцена, его внукамъ и М. К. Рейхель. Никто изъ нихъ никогда ни отъ кого объ этомъ не слышалъ; Н. А. Огарева сообщила, что о письмѣ Пассекъ помнитъ, но не можетъ отнести къ нему иначе, какъ къ старческой путаницѣ памяти, и что ни она, ни кто изъ близкихъ къ Герцену, начиная съ Н. П. Огарева, никогда ничего подобнаго ни отъ кого не слыхали.

Н. А. Герценъ, кромѣ того, сообщила мнѣ, что у нѣкоторыхъ представителей семьи такія характерныя черты Яковлева, что она положительно не можетъ допустить, чтобы у нихъ не было яковлевской крови; напр., въ чертахъ лица старшаго сына Герцена, Александра А., очень многое напоминало Яковлева, а у старшаго сына его самого, тоже Александра (внука Герцена), было такъ много прадѣдовскаго, что близкіе даже называли его «Яковлевымъ».

Возвращаясь къ существу прошенія Герцена, нельзя не указать, что онъ былъ принятъ на службу совершенно законно и самъ же въ прошеніи указалъ свой настоящій возрастъ. По небрежности канцелярій, выдававшихъ ему потомъ различные документы, въ нѣкоторыхъ формулярныхъ спискахъ годъ рожденія указанъ невѣрно: напр., въ формулярѣ, составленномъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ 1841 г., рожденіе указано въ 1810 году.

5 октября 1823 г. экспедиція кремлевскаго строенія представила въ департаментъ герольдіи правит. сената списокъ чиновниковъ, «отличавшихся хорошимъ поведеніемъ и рачительнымъ исправленіемъ возложенныхъ на нихъ должностей», для награжденія ихъ чинами. Включены въ него были и оба брата Герцены, причемъ Александру показано отроду 17-й годъ. 28 марта 1824 г. онъ былъ пожалованъ чиномъ коллежскаго регистратора со старшинствомъ съ 10 дек. 1823 г., а грамоту выдали ему отъ 24 апрѣля 1825 года; чинъ губернскаго секретаря пожалованъ былъ 31 декабря 1826 года, а грамота выдана 29 ноября 1827 г.; чинъ коллежскаго секретаря пожалованъ былъ 31 декабря 1829 г., а грамота

выдана 28 августа 1830 года. Дальнѣйшее прохожденіе службы будетъ указываться ниже.

(Подлинныя дипломы и указы; В. Якушкинъ, «Спорныя годы въ біографіи Грибоѣдова»; А. Н. М. «А. И. Герценъ, гражданская его служба въ 1820 — 1841 гг.», «Рус. Старина» 1888, III; дѣло департ. герольдіи 1824 г. № 52, и др.)

1823

2. Отрывки изъ писемъ къ Т. П. Кучиной ¹.

(Лѣто 1823 г.)

Покровское стоитъ среди дремучаго лѣса; деревья въ немъ такъ часты и высоки, что, пройдя нѣсколько шаговъ, не знаешь, куда выйдешь. Въ лѣсу этомъ живетъ много волковъ; лѣсъ такъ близко подходитъ къ дому, что я хожу туда съ книгой, ложусь подъ дерево и читаю; волки бѣгаютъ мимо меня. Я остаюсь въ лѣсу до тѣхъ поръ, пока Вѣра Артамоновна ¹⁾ позоветъ меня въ комнаты.

Мы помѣстились въ старомъ, полуразвалившемся домѣ. Подлѣ него дикій, запущенный садъ; дорожки въ немъ заросли лопушникомъ и крапивой; вершины березъ покрыты вороньими гнѣздами; вечерами онѣ съ крикомъ прилетаютъ въ садъ и садятся на деревья. У насъ въ саду много крупной клубники; садовникъ кормитъ меня клубникой, когда прихожу къ нему смотрѣть, какъ онъ троеить мятную и розовую воду.

Левка ²⁾ принесъ мнѣ зайца; я помѣстилъ его въ чуланъ, подлѣ моей комнаты, самъ кормлю его хлѣбомъ, капустой и молокомъ.

Утрами я играю на солнцѣ у рѣки, на площадкѣ бѣлаго песка, поросшаго подлѣ воды высокимъ тростникомъ, и въ длинной ивовой аллеѣ, идущей по берегу. Смотрю, какъ купаются деревенскіе ре-

¹⁾ Няня, о которой подробно рассказано въ «Быломъ и думахъ».

²⁾ Мальчикъ изъ дворни. Не его ли имѣлъ въ виду Герценъ, описывая Левку въ «Докторѣ Круповѣ»?

бята, плаваютъ въ лодкѣ; рыбаки ловятъ рыбу, которую мы у нихъ покупаемъ. Мнѣ самому хочется покупаться, поплавать въ лодкѣ и рыбу половить,—папенька не позволяетъ.

◆◆ 1. Татьяна Петровна Кучина была дочерью указанной выше Наталіи Петровны Яковлевой, вышедшей замужъ за Петра Ивановича Кучина, и, слѣдовательно, Герцену приходилась двоюродной сестрой; 11 ноября 1832 г. она вышла замужъ за Вадима Васильевича Пассека. Подробности родственныхъ отношеній ея дѣда, матери и отца интересующіеся найдутъ въ ея «Воспоминаніяхъ». Я не буду подвергать послѣдніа критикѣ въ этой части, какъ и во многихъ другихъ,—останавливаюсь только на томъ, что касается непосредственно Герцена,—но долженъ сказать, что вообще три тома этихъ мемуаровъ являются далеко не оригинальными и еще менѣе достовѣрными свидѣтельствами. Пассекъ десятками страницъ перелагала извѣстныя сочиненія и письма Герцена, Огарева и др., очень многое спутала и во многое ввела серьезные ошибки. Когда писались приведенныя письма Герцена, являются ли эти отрывки частями одного или нѣсколькихъ писемъ?—ничего этого установить нѣтъ никакой возможности; можно только догадываться, что всѣ они относятся къ одному лѣту 1823 года. Сама же Пассекъ въ другомъ мѣстѣ своихъ «Воспоминаній» (стр. 30—31, т. II) рассказываетъ, что въ 1834 году, послѣ ареста Герцена, она съ мужемъ сожгла *всѣ* письма Герцена и Огарева къ ея мужу и Герцена къ ней самой, «писанныя съ его восьмилѣтняго возраста (слѣд., съ 1820 года—*М. Л.*) и до моего замужества». «Писемъ Сашиныхъ ко мнѣ сгорѣло болѣе двухсотъ!» Уцѣлѣли ли эти письма и другія, адресованныя ей Герценомъ до середины 1834 г. и помѣщаемыя, дальше, и такимъ образомъ она напечатала ихъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» съ подлинниковъ, или они восстановлены по памяти,—рѣшить невозможно, несмотря даже и на другое указаніе: «нѣкоторыя изъ писемъ я переписала отрывками въ переплетенную тетрадь бѣлой бумаги, подаренную мнѣ Сашей съ надписью: «*не для вздорныхъ статей*» (стр. 141, т. I). Если бы это была не Пассекъ, то кавычки, которыми она открываетъ и закрываетъ приводимыя отрывки, свидѣтельствовали бы о копированіи подлинниковъ, но она такихъ тонкостей не признавала. И, все-таки, несмотря на все это, я не считаю возможнымъ пройти мимо такихъ писемъ или отрывковъ изъ нихъ.

1826

3. Надпись для Н. А. Захарьиной ¹⁾.

Милой сестрицѣ, Нат. Ал., въ знакъ памяти дарить Ал. Г.
1826 года, іюля 16-го.

¹⁾ Наталія Александровна Захарьина, незаконная дочь Александра Алексѣевича Яковлева, двоюродная сестра Герцена.

1827

4. Письмо къ Т. П. Кучиной ¹.

(Осень 1827)

Тебя-ль я видѣлъ, милый другъ,
Или невѣрное то было сновидѣнье,
Мечтанье смутное иль пламенный недугъ
Обманомъ волновалъ мое воображенье?
Ты-ль дѣва нѣжна...

Сонъ это былъ или я точно сжималъ твою руку—скажи мнѣ. Долго смотрѣлъ я на ворота, за которыми ты скрылась, походилъ по двору—точно искалъ чего-то,—мертво, холодно. Вошелъ въ свою комнату—холодно, пусто. На всемъ еще лежала печать твоего недавняго присутствія, а тебя нигдѣ не находилъ. Опять одиночество, опять книга, одна книга—товарищъ. Взялъ книгу, хотѣлъ читать и не могъ: думалъ, гдѣ-то теперь ты...

◆◆ 1. Послѣ полуторагодового пребыванія въ домѣ И. А. Яковлева, Кучина должна была ѣхать въ Корчеву. Это первое письмо, полученное ею тамъ отъ Герцена.

Въ дополненіе къ сказанному мною по поводу № 2 приведу другое свидѣтельство Пассекъ относительно писемъ къ ней Герцена, которое она сама предпослала этому письму или отрывку,—последнее неясно.

«Въ продолженіе года, проведеннаго мною въ Корчевѣ, мы съ Сашей непрерывно переписывались. Жаль, что изъ этихъ писемъ уцѣлѣли только немногіе отрывки, и то случайно. Саша разъ, перечитывая свои письма, взялъ у меня нѣкоторыя изъ нихъ, понравившіяся ему юностью и свѣжестью, чтобы помѣстить въ своихъ воспоминаніяхъ, которыя иногда отрывками набрасывалъ. Отдавая ему письма, я опасалась, что они у него затеряются, и сдѣлала изъ нѣ-

которыхъ выписки» (стр. 217). Казалось бы, все ясно, и мы имѣемъ дѣло (раньше, здѣсь и дальше до 1834 года) вообще съ отрывочными выписками. Однако, какъ все это согласить съ двумя несомнѣнными фактами: во-первыхъ, съ категорическимъ утвержденіемъ, что *всѣ* письма были сожжены въ 1834 году; во-вторыхъ, съ тѣмъ, что до 1834 года Герценъ вовсе не приступалъ къ своимъ воспоминаніямъ?.. А между тѣмъ, какъ мы увидимъ впоследствии, Герценъ дѣйствительно бралъ у Пассекъ свои письма, но гораздо позднѣе и, слѣдовательно, не тѣ, которыя были писаны имъ до середины 1834 года. Такимъ образомъ, всѣ письма и отрывки до середины 1834 года приходится принимать на вѣру.

1828

5. Письмо къ Т. П. Кучиной.

(Июнь 1828)
с. Васильевское.

Какъ ни люблю я деревню, какъ ни хороши поля, лѣса, деревенская свобода, но мнѣ надобенъ другъ, съ которымъ я могъ бы подѣлиться впечатлѣнїями, чувствами. Душа моя такъ полна, что мнѣ хотѣлось бы сплавить все въ этотъ листокъ бумаги, который скоро ты будешь держать въ рукахъ...

Мы живемъ въ новомъ домѣ; что за видъ съ горы, на которой онъ стоитъ, и изъ моей комнаты въ мезонинѣ! Кругомъ видны: деревни, церкви, лѣса и черезъ все—голубая лента рѣки... Я встаю рано, открываю окно и смотрю, и дышу или ухожу въ лѣсъ. Онъ начинается сейчасъ за домомъ. Тамъ бросаюсь подъ дерево, громко читаю Шиллера и воображаю себя въ богемскихъ лѣсахъ. Иногда лежу съ книгой на горѣ, и какъ привольно мнѣ на ней. Передо мной безконечное пространство, и мнѣ кажется, что эта даль — продолженіе меня, что гора со всѣмъ окружающимъ меня — мое тѣло, и мнѣ слышится ея пульсъ, какъ въ живомъ организмѣ. Иногда я кажусь себѣ совершенно потеряннымъ въ этой безконечности, листомъ на огромномъ деревѣ, но эта безконечность не давить меня. Неужели лучъ солнца, этотъ взглядъ любви Бога-отца на сына — мертвъ? неужели эта рѣка, движущая каждой волной, мертва? и будто не жизнь подняла горы, разорвала долины оврагами, деревьями, устремилась вверхъ, бабочкой оторвалась отъ земли и во мнѣ созерцаетъ себя. Великій духъ, облакающійся плотью, я молюсь тебѣ горячо и страстно. А лунныя ночи—лѣсъ еще страшнѣе и не пускаетъ лучи подъ тѣнь свою! Надъ рѣкой нависъ густой туманъ, бѣлый, страшный. Сова перекликается съ филиномъ человѣческимъ хохотомъ и дѣтскимъ плачемъ. Вдали свѣтятся двѣ точки, это—глаза волка; его уже почуяли собаки въ деревнѣ и заливаются лаемъ. Мужикъ идетъ изъ дальней пустоши, и громко стелется его заунывная пѣсня, и издали слышны его шаги. Я иногда въ эти ночи стою одинъ-одинехонекъ, думаю о тебѣ и подсматриваю сонъ природы, и боюсь духъ перевести, чтобы ночь не замѣтила меня.

6. Письмо къ Т. П. Кучиной.

(Августъ 1828)
с. Васильевское.

Версты полторы за оврагомъ есть старинные курганы, неизвѣстно кѣмъ и на чьихъ могилахъ насыпанные. На нихъ растутъ высокія сосны и покрываютъ своей погребальной, непроницаемой тѣнью. Въ народѣ ходитъ слухъ, что тамъ находятся ржавыя вещи, которыя принадлежали какому-то древнему воинственному народу. Я рылся въ этихъ курганахъ и ничего не нашель. Народъ увѣряетъ меня, что страшно ходить мимо ихъ, и безъ крайности никто не ходитъ. Говорятъ, что-то нечистое да есть тутъ. Я увѣряю, что они боятся пустяковъ; но простой народъ разочаровываться не любитъ. Одинъ изъ нашихъ дворовыхъ предложилъ мнѣ, если я не боюсь, итти на курганъ ночью одному и въ доказательство, что я тамъ былъ, принести черепъ издохшей лошади, валявшійся между дубовыхъ пней. Люди наши повѣсили его на сукъ. Я предложеніе принялъ и въ 12 часовъ ночи, въ это время всѣхъ духовидѣній, я отправился. Бодро перешель оврагъ; домъ еще былъ виденъ, однако, сердце билось. Я безпрестанно оглядывался и пѣлъ громко пѣсню, чтобъ ободрить себя. Вхожу я въ перелѣсокъ; вѣтеръ дуетъ сильный, деревья безпрестанно мѣняютъ свой видъ, шумятъ... темно. Я спотыкаюсь; кажется, бѣгутъ за мной; кажется, деревья не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а переходятъ. Страшно было, страшно, смерть... но мнѣ и въ мысль не приходило возвратиться безъ лошадиного черепа. Вотъ и курганъ. Я осмотрѣлся. Звѣзды горѣли на небѣ. То листь колыхнется, то ночная птица перепорхнетъ. «Гдѣ же страшное?», — думалъ я, схватилъ свой призь и быстро побѣжалъ домой; по счастью, въ черепѣ не было змѣи, какъ въ извѣстномъ черепѣ Олегова коня, и я принесъ его при громкихъ рукоплесканіяхъ Левки-цырюльника съ братіей. Не сердись, пожалуйста, что я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ.

7. Письмо къ Т. П. Кучиной.

(Октябрь 1828)

Глубокая осень, грязь по колѣно; утромъ морозы; работы оканчиваются, одинъ цѣпъ стучитъ въ тактъ. Сборы, инструкции, какъ окончить работу, какъ собирать оброкъ. Все готово. Является священникъ съ вынутой просвирой; является священника жена съ

пирогомъ и бутылкой сливокъ. На дворѣ суета. Староста провожаетъ за десять верстъ, на мірской саврасой лошади, господь, чтобы убѣдиться въ ихъ отъѣздѣ. Карета вязнетъ въ грязи. Батюшкинъ камердинеръ выходитъ каждый разъ изъ кибитки, когда карета склоняется немного набокъ, и поддерживаетъ ее, а самъ такой тщедушный, что десяти фунтовъ не подниметъ. Вотъ Вязема, русская деревня, крытая по-голландски. Вотъ Дорогомилевскій мостъ трещитъ подъ колесами, освѣщенные лавочки, освѣщенные кабаки. «Колачи горячіе! сайки!»—и мы дома. Повара жена увидала первая, и суетится, не можетъ найти то отъ того-то ключа, то того, что было подъ ключомъ. Опять развертываются учебныя книги, опять являются учителя. Новые учителя,—что тебѣ о нихъ сказать? Разумѣется, всѣ они вмѣстѣ хуже Маршала ¹⁾). Но скажемъ и о нихъ слово-другое.

Дѣйствующія лица:

1. Василій Ипатьевичъ Запольскій—учитель словесности.
2. Иванъ Ѳедоровичъ Волковъ—учитель математики.
3. Василій Ивановичъ Оболенскій—латинскаго языка.
4. Карлъ Ивановичъ Мессъ—нѣмецкаго языка.
5. Францъ Николаевичъ Тирье—французскаго языка.
6. Василій Васильевичъ Боголѣповъ—Закона Божія.

Большинство изъ нихъ не заслуживаетъ многихъ рѣчей.

Мессъ ужасно пахнетъ водкой: можетъ-быть, оттого, что издалъ нѣмецко-русскій лексиконъ, очень плохой, и до того близорукъ, что всегда ѣздитъ носомъ по тетрадкѣ, когда поправляетъ переводъ. Тирье знаетъ всѣ московскія сплетни, кто съ кѣмъ въ интригѣ, есть, будетъ, былъ бы. Даже и для француза онъ слишкомъ болтливъ. Запольскій ²⁾ самъ интриговалъ всю жизнь. Онъ заставляетъ меня дѣлать выписки изъ Остолопова поэтическаго словаря ³⁾, множество переводить, щепетильно чистить мой слогъ, разсуждаетъ лагарповски о русской литературѣ и, между прочимъ, говоритъ: «великіе люди часто пренебрегаютъ законами, принятыми всѣми; знаете ли, что Карамзинъ нерѣдко употреблялъ въ словахъ вы, вашъ—маленькое в»... Ну что-жъ послѣ этого говорить о запольскомъ?—вотъ ему на зло маленькое «з». Волковъ и Оболенскій интересны, особенно по наружности. Въ нихъ повторилась противо-

¹⁾ См. «Былое и думы».

²⁾ Инспекторъ московскаго дворянскаго института, умеръ въ 1837 г.

³⁾ Н. Ѳ. Остолоповъ извѣстенъ составленнымъ «Словаремъ древней и новой поэзіи», 1821.

положность Бушо ¹⁾ и Экка ²⁾. Иванъ Федоровичъ Волковъ, учитель гимназіи, знаетъ математику до коническихъ сѣченій и больше ничего не знаетъ. Василий Ивановичъ Оболенскій, магистръ университета, знаетъ латинскій языкъ да сверхъ того *omne scibile* ³⁾, кромѣ математики. Не смотря на то, что я учусь уже охотно и не боюсь учителей, невольный трепетъ пробѣжалъ по членамъ, когда я увидалъ Ивана Федоровича; онъ подавилъ меня важностью и пышностью своей фигуры; онъ подавилъ меня вышиной, толщиной и шириной; настоящій математикъ, онъ стереометрически огроменъ, огроменъ во всѣ три измѣренія. Когда онъ садится на кушетку, на которой я могу, свободно протянувшись, лежать; то мнѣ не остается мѣста на ней. Одѣвается онъ всегда съ удивительною тщательностью; тангенсомъ по его жилету виситъ цѣпь, перехваченная какимъ-то обручемъ, обитымъ бирюзью; на этой цѣпи держитъ онъ нортоновскіе каретные часы, превратившіеся въ карманные, взявъ въ разсужденіе содержаніе массы; отъ часовъ идетъ другая цѣпь по отвѣсной линіи, а на ней болтается цѣлая кунстъ-камера. Въ манишкѣ у него, между прочими рѣдкостями, булавка съ надписью: «*Bruti non numerant*» ⁴⁾, изъ чего я заключаю, что Ивану Федоровичу очень не хочется быть Брутомъ, и боясь, чтобы кто-нибудь его таковымъ не счелъ, онъ, съ своей стороны, счелъ за нужное сдѣлать вывѣску. Въ обоихъ карманахъ у него лежитъ по платку: стало-быть, у него платка нѣтъ. Въ карманѣ у него помѣщается серебряный патронташъ съ табакомъ (табакъ Иванъ Федоровичъ называетъ мерехлюндіумъ). Сверхъ математики, Иванъ Федоровичъ преподаетъ анекдоты изъ своей жизни, въ продолженіе которой онъ былъ даже сержантомъ Преображенскаго полка, и это преподаваніе очень пространно,—могу сейчасъ написать стопы полторы походовъ Ивана Федоровича. Впрочемъ, онъ человѣкъ добрый, и я очень обрадовался, увидавъ нечаянно въ газетахъ, что ему дали Станислава. Въ заключеніе скажу, что Иванъ Федоровичъ, для вящей ясности, посвятилъ два урока на вырѣзку изъ картона разныхъ многоугольниковъ и своей рукой надписалъ по надобности «икосаедръ, додекаедръ». Ну, гдѣ же бы безъ этого понять мнѣ! Совѣмъ иное дѣло—магистръ Оболенскій. Какъ полиція позволяетъ ему ходить по улицамъ—непостижимо, *crime de lèse*

¹⁾ См. «Былое и думы».

²⁾ Тоже.

³⁾ Всякую вещь, которую можно знать. Герценъ сократилъ извѣстный заголовокъ Пика Мирандоля (*Pic de la Mirandole*): «*De omni re scibile et quibusdam aliis*» («О всякой познаваемой вещи и нѣкоторыхъ другихъ»).

⁴⁾ Тупые не считаютъ (не умѣютъ считать). Дальше игра словъ: «Брутъ»—тупой, скоть.

nation! ¹⁾ онъ столько же мало человѣкъ, сколько Иванъ Федоровичъ много человѣкъ. Представьте себѣ филистера вершковъ въ пять, который проглотилъ аршинъ вершковъ въ шесть и не можетъ ни наклониться, ни согнуться настолько, насколько это желаетъ деревянный Пимперле въ кукольной комедіи; онъ наматываетъ себѣ около шеи салфетку или какую-то простыню, оставляя пространство между нею и шеей; такимъ образомъ случается, что онъ повернется—и простыни нѣтъ, только кончики ея, завязанные розеткой, выглядываютъ изъ-подъ воротника фрака, будто у него тамъ спрятанъ кроликъ и хлопаютъ ушами. Жилетъ у него имѣетъ обыкновеніе застегиваться первой петлей на вторую пуговицу, отъ этого теряется послѣдняя симметрія, и разстраивается всякая возможность узнать въ магистрѣ человѣка, особенно когда онъ надѣваетъ сверхъ фрака длинный сюртукъ, цвѣта горохового киселя съ пылью. Онъ похожъ на нѣмецкаго университетскаго ученаго и на горячечнаго въ тихую минуту. Медленныя движенія, померкшіе глаза (*des yeux ternes*), наносный педантизмъ, невѣдѣніе всего міра реального изъ-за превосходнаго знанія латинскаго и греческаго языковъ и остермановская разсѣянность. Онъ бездну переучилъ, перечиталъ, но ему рѣшительно наука не пошла въ пользу; онъ, какъ скупецъ, чахнетъ надъ трудно собранными деньгами, не употребляя ни копѣйки изъ нихъ. Магистру я обязанъ многимъ, но это случилось помимо его воли, и потому не знаю, долженъ ли я его благодарить. Я беру у него книги; книги у него все дѣльныя, особенно по части новой исторіи и нѣмецкой литературы. Онъ принесъ мнѣ Шеллинга ²⁾,—онъ его уважаетъ, но понимаетъ мало, больше вѣрить на слово Михаилу Григорьевичу Павлову ³⁾.

Отецъ Василій—восторженный мистикъ, съ душой, раскрытой всему таинственно-изящному. Въ немъ можно понять служителя церкви Христовой. Я видѣлъ огонь въ его глазахъ во время преподаванія, видалъ слезы на его глазахъ во время литургіи. При всемъ этомъ, онъ на меня дѣйствуетъ меньше, нежели этого можно было ожидать. Виной этого частью матеріалистическіе софизмы учителей (исключая Маршала), которые хвастались своимъ *esprit fort* ⁴⁾, занимавшій меня міръ политическій, непониманіе отношеній религіи къ государству, наконецъ, его мистицизмъ. Я вижу

¹⁾ Преступленіе противъ націи.

²⁾ Знаменитый нѣмецкій философъ, выдающійся представитель идеализма въ новой философіи.

³⁾ Профессоръ московскаго университета по кафедрѣ физики, минералогіи и сельскаго хозяйства, одинъ изъ первыхъ въ Россіи приверженцевъ Шеллинга.

⁴⁾ Вольнодумство.

въ Васильѣ Васильевичѣ человѣка отличнаго, високаго, но увлеченнаго.

Если бы онъ принималъ христіанство евангельски-просто, если бы онъ не столько объяснялъ мнѣ мистическій характеръ религіи, я увѣренъ, онъ сократилъ бы путь, которымъ я достигъ бы до религіознаго воззрѣнія; я смотрю на Василья Васильевича, какъ на блестящій метеоръ, люблю его, слушаю *et je passe outre* ¹⁾. Не насталь еще часъ религіи въ душѣ моей...

8. Отрывокъ изъ письма къ Т. П. Кучиной.

(Осень 1828)

Я читаю *Confessions de J. J. Rousseau* ²⁾, — эту исповѣдь страдальца, энергической души, выработавшейся черезъ мастерскія часовщиковъ, переднія, пороки до высшаго нравственнаго состоянія, до всепоглощающей любви къ человѣчеству... ¹

♦♦ 1. Пасекъ не знала тогда сочиненія Руссо, но отвѣтила куклену, что ему не слѣдовало бы читать такихъ «нечистыхъ картинъ»... Письмо ея попало въ руки отца Герцена, поспѣшившаго похвалить и поблагодарить ее за такое охлажденіе юноши. «Во всемъ, что ты пишешь относительно Ивана Яковлевича Руссо, я съ тобой согласенъ и тебя за письмо благодарю. Кто моему ребенку открываетъ глаза, тотъ меня одолжаетъ. Сегодня пишу твоему батюшкѣ и прошу его отпустить тебя къ намъ пользоваться уроками вмѣстѣ съ Шушкой» Шушка же былъ подвергнутъ нескончаемымъ нравоученіямъ и выговорамъ (см. № 9).

9. Изъ письма къ Т. П. Кучиной.

(Осень 1828)

Что это у васъ за страсть читать морали?! Я теперь, по милости вашего письма, выслушиваю цѣлые дни проповѣди отъ папеньки...

¹⁾ И прохожу мимо.

²⁾ «Исповѣдь» Жанъ-Жакъ Руссо.

1829

10. Надпись для Т. П. Кучиной.

12 января (1829)

Новой Армидѣ ¹⁾—одинъ изъ рыцарей. ¹

◆◆ 1. Чтобы еще лучше иллюстрировать отношенія Герцена и Т. П. Кучиной въ это время, приведу ея разсказъ о происшедшемъ въ день рожденія Герцена, 25 марта 1829 года: «Въ этотъ день мы обмѣнялись желѣзными кольцами, въ видѣ змѣи, держащей во рту хвостъ. Внутри колець, на серебряной подкладкѣ вырѣзаны были наши имена, годъ и число» (т. I, 257).

11. О чумѣ и причинахъ, производящихъ оную, барона Паризе ²⁾.

Говоря о болѣзни заразной, или прилипчивой, первый предметъ представляется разсужденію, что она, продолжаясь только опредѣленное время, оканчивается въ людяхъ, которые ее не передаютъ, начинается въ такихъ, у которыхъ она образуется сама по себѣ. Принявъ сіе, какъ бы ни были важны подробности касательно заразной болѣзни, важнѣе всего, по моему мнѣнію, есть ея первоначальное образованіе, ибо если опредѣлится причина, которая въ соприкосновеніи съ организмомъ нашимъ измѣняетъ, разрушаетъ его и образуетъ болѣзнь, опасную для насъ и для другихъ, то ясно, что, основываясь на семъ познаніи, можно истре-

¹⁾ Поэтический образъ въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» Тасса.

²⁾ Etienne Pariset, французскій врачъ.

бить наружную причину ея, если то возможно, и отклонить дѣйствія ея, если нѣтъ другого средства. Однимъ словомъ, во всякой заразной болѣзни важнѣе всего—открыть наружныя причины ея. Не скажу, что я сдѣлалъ сіе открытіе въ отношеніи къ восточной чумѣ, но скажу только, что я составилъ себѣ вѣроятную и простую теорію оной болѣзни, которая, если-бъ была оправдана опытомъ, могла бы вести къ слѣдствіямъ, весьма благодѣтельнымъ для рода человѣческаго, ибо тогда легко было бы уничтожить чуму. Но опредѣлимъ сперва, что должно понимать подъ словомъ *чума*.

По свидѣтельству лучшихъ писателей, подъ именемъ чумы означалась особаго рода болѣзнь (*suū generis*), весьма быстро распространяющаяся, убійственная и заразная, почти всегда сопряженная съ горячкою, коей существенные признаки состоятъ въ появленіи огненныхъ чиріевъ (*carbunculi*) и въ опухоли желѣзъ (*bubones*). До сихъ поръ тысяча разъ повторенные опыты только то доказали, что люди, находящіеся во множествѣ въ тѣсномъ мѣстѣ, какъ-то: на корабляхъ, въ больницахъ, въ тюрьмахъ, даже въ осажденныхъ городахъ и проч., заражаютъ воздухъ, который дѣлается вреднѣе для другихъ, нежели для нихъ самихъ, и производитъ гнилую горячку (*Typhus*).

Когда человѣкъ всасываетъ легкими испаренія отъ гниющихъ животныхъ веществъ, организмъ его измѣняется и теряетъ обыкновенное соотношеніе между частями; въ сіе время образуется чумная болѣзнь и даже чума со всѣми своими признаками—гнилою горячкою, заразительностью и особаго рода пораженіями, сходными въ свойствахъ своихъ съ чумою, но въ явленіяхъ весьма различными; ибо чума отличается отъ всѣхъ другихъ болѣзней быстрымъ распространеніемъ и смертностью, которую она производитъ на большомъ пространствѣ. Животныя вещества (т. е. трупы) подвергаются гніенію только при извѣстной степени жара и влажности; вода безъ теплоты растворяетъ, но не разлагаетъ, теплота безъ воды сушитъ и сохраняетъ. Сіи три условія: влага, теплота и животное вещество, могутъ находиться вездѣ, посему и чума можетъ вездѣ зародиться. Форестъ наблюдалъ чуму въ 1703, которая произошла отъ гніенія труповъ при осадѣ Гарлема. Чума, которая была наблюдаема около того же времени въ Италіи, показалась вслѣдствіе гніенія кита, выброшеннаго на берегъ, по свидѣтельству Паре. Утверждаютъ, что въ Дюнкирхенѣ, 1783 года была нѣсколько разъ чума отъ той же причины. Ограничимся сими немногими примѣрами. Бросивъ взоръ на шаръ земной, мы примѣчаемъ страны, гдѣ стеченіе оныхъ причинъ есть временно, а въ другихъ странахъ сіи причины дѣйствуютъ безпрестанно. Въ сѣверныхъ странахъ

онѣ временны, ибо тамъ по временамъ года теплота исчезаетъ, а съ нею—одна изъ причинъ чумы. Чума, уже образовавшаяся, останавливается и прекращается ¹⁾. Стеченіе сказанныхъ причинъ можетъ всегда быть постоянно въ странахъ *южныхъ*, умѣренного пояса, въ странахъ, смежныхъ съ экваторомъ, на большей части Греческихъ острововъ и особенно—въ нѣкоторыхъ частяхъ турецкой имперіи. Вотъ почему собственно называемая чума, хотя и можетъ сама по себѣ образоваться, но не можетъ долго свирѣпствовать въ Европѣ. Одна перемѣна температуры достаточна, чтобы остановить теченіе и даже истребить зародышъ чумы. Въ нѣкоторыхъ южныхъ странахъ, о которыхъ я уже упомянулъ, чума можетъ существовать непрерывно. Касательно сихъ послѣднихъ, надобно имѣть въ виду различіе въ степени влаги, теплоты и животныхъ веществъ, которыя не вездѣ одинаковы, хотя всѣ онѣ имѣютъ животныя вещества, происходящія отъ ежедневной смертности, а въ особенности—отъ множества саранчи, которая иногда на нѣсколько миль покрываетъ воздухъ. Опустившись на воздѣланныя поля, она съ шумомъ и невѣроятною скоростью пожираетъ ихъ. Сіи насѣкомыя бываютъ причиною ужаснаго голода, претерпѣваемаго неграми, живущими во внутренности Африки, принуждающаго ихъ продавать европейцамъ плѣнныхъ и даже дѣтей своихъ. Сихъ насѣкомыхъ вѣтеръ повергаетъ въ море, которое выбрасываетъ ихъ остатки на берегъ, гдѣ они согнивая дѣлаются непрерывнымъ зародышемъ ужасной заразы, производящей чуму, какъ повѣствуетъ св. Августинъ. Далѣе, на югѣ есть дурное обыкновеніе—въ открытыхъ мѣстахъ оставлять на согненіе трупы животныхъ и хоронить людей только на одинъ футъ глубины. Хотя надъ могилою богатыхъ нерѣдко возвышается каменный памятникъ, толщиною въ 1 или 2 фута, или наложены четыре камня, иногда—полированные плиты, но сія предосторожность принадлежитъ болѣе къ роскоши, нежели къ гигиенѣ; сего не дѣлаютъ съ трупами бѣдныхъ: ихъ хоронятъ безъ всякихъ почестей и, какъ сказано, не глубже одного фута отъ поверхности. Отъ сего газы, отдѣляющіеся во время гніенія, пробиваются сквозь землю, распространяются по воздуху и, производя разсѣлины въ землѣ, открываютъ кровожаднымъ звѣрямъ входъ къ гробамъ.

Итакъ, вотъ одно изъ тѣхъ условій, кои производятъ чуму. Перейдемъ теперь ко второму условію, которое есть теплота. Жаръ въ Константинополѣ ²⁾, хотя очень силенъ лѣтомъ, подверженъ

¹⁾ Часто называютъ чумою иную болѣзнь. А. И. Г.

²⁾ Положеніе Конст. шир. между Римомъ и Неаполемъ. А. И. Г.

обыкновеннымъ въ Европѣ перемѣнамъ и никогда не бываетъ безпрерывнымъ. Слѣдующая за нимъ зима бываетъ довольно сурова, и нерѣдко выпадаетъ снѣгъ. Жаръ въ Смирнѣ и въ Малой Азіи бываетъ гораздо постояннѣе, но не сильнѣе, такъ что по одному сему условію сіи страны болѣе способны къ зарожденію чумы, нежели Смирна, Ангора, Константинополь и различныя пристани Чернаго моря. Посему-то опытнѣйшіе врачи, между прочими Мэккензи Парись, которые долгое время занимались лѣченіемъ въ Константинополѣ, рѣшительно утверждаютъ, особливо Парись, что въ европейской Турціи воздухъ очень чистъ и часто освѣжается дождями, холодомъ, перемѣною вѣтровъ и временемъ года, а потому чума не можетъ не только зародиться, но и поддерживаться, чего нельзя сказать объ африканской Турціи. Перейдемъ теперь къ третьему условію — къ влагѣ. Въ семъ отношеніи, каково бы ни было мѣстное положеніе европейской Турціи, Малой Азіи, Сирии и даже Варварійскаго берега, ни одна изъ сихъ частей Оттоманской имперіи не можетъ сравниться съ Египтомъ, не только по причинѣ низости сѣвернаго берега, но въ особенности—по причинѣ періодическихъ наводненій Нила, который на 50 тоазовъ отъ устья своего, раздѣлившись на многіе рукава, покрываетъ поля отъ 20 до 25 футовъ глубины ежегодно, въ продолженіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ. Рѣка сія иногда заливаєтъ кладбища, заставляетъ убѣгать на возвышенныя мѣста безчисленное множество пресмыкающихся и малыхъ животныхъ, гдѣ, затопивъ ихъ, оставляетъ послѣ себя множество гнилыхъ веществъ. Такимъ образомъ, множество рыбы, оставшись съ водой во рвахъ, согниваєтъ въ ней; самая вода, испортившись, часто служитъ питьемъ священнослужителямъ, какъ свидѣтельствуетъ Г. Дроветти. Что производитъ рѣка своими періодическими наводненіями, то самое производится иногда дождями. Въ настоящее время они бывають чаще и изобильнѣе, нежели въ древности. Сіе подаетъ поводъ думать, что климатъ сдѣлался влажнѣе. Такимъ образомъ, Египетъ содержитъ въ себѣ болѣе другихъ странъ влажность; равнымъ образомъ, въ немъ находятся въ большемъ количествѣ животныя вещества. Страна сія дѣлается, по причинѣ сей влаги, неистощимымъ источникомъ плодородія, относительно которой самое народонаселеніе умножилось, поелику на пространствѣ 2050 кв. миль, питавшемъ нѣкогда 14,000,000 людей, нынѣ питаетъ еще 2,500,000, т.-е. почти 1200 душъ на кв. миль,—число почти двойное относительно народонаселенія Испаніи и самой Франціи. Многолюдство предполагаетъ большое количество современныхъ звѣрей, ибо ежели многія животныя убѣгають человѣка, то въ замѣнъ другія собираются около него, чтобъ жить на его

счетъ, чтобъ служить ему, питать и защищать его. Наконецъ, въ Египтѣ хотя гораздо теплѣе, нежели въ Константинополь и Малой Азіи, однако же, въ немъ не такъ жарко, какъ въ странахъ, смежныхъ съ нимъ, и сей жаръ увеличивается еще отъ палящихъ вѣтровъ юга; такимъ образомъ, чума никогда не бываетъ столь смертоносною, какъ во время сихъ вѣтровъ. Слѣдовательно, изо всѣхъ странъ земного шара ни одна столько не способна къ само-бытному зарожденію чумы, какъ Египетъ, который заключаетъ въ себѣ въ высшей степени всѣ условія, способныя къ произведенію ея, такъ что, ежели онъ не есть единственная колыбель чумы, то, по крайней мѣрѣ, можетъ почестъся главнѣйшею, какъ замѣчаетъ Монтескье. Нѣкоторые полагаютъ колыбель чумы въ другомъ мѣстѣ и отрицаютъ первообразное зарожденіе оной въ Египтѣ. Мы почти доказали, что въ сѣвер. Африкѣ никогда не зарождается она сама собою, а ее приносятъ туда караваны, идущіе изъ Мекки и проходящіе черезъ Египетъ, чтобы отправиться изъ Александріи водою. Еслибъ было возможно, чтобы караваны проходили степями, то чума никогда бы имъ не сопутствовала, ибо она не переходитъ степи; вотъ почему она никогда не замѣчалась въ Меккѣ. Весьма чистый и сухой воздухъ истребляетъ ее; впрочемъ, доказательствомъ, что она сама собою не переходитъ въ Тунисъ, служатъ весьма строгіе карантинныя учрежденныя въ пристани его. Ежели бы она происходила отъ причинъ внутреннихъ и мѣстныхъ, то таковыя предосторожности были бы бесполезны. Не менѣе извѣстно, что чума переносится всегда въ Константинополь, поддерживается въ немъ нѣкоторое время по недостатку хорошей полиціи и потомъ мало-по-малу исчезаетъ и не прежде появляется, какъ по прибытіи новыхъ кораблей изъ Александріи. Вотъ почему въ Смирнѣ подвергаются карантину корабли, идущіе изъ Египта, и освобождаются отъ онаго идущіе изъ Константинополя. Одна Сирія могла бы производить чуму по тѣмъ же причинамъ, но сіи причины, повторяю, въ Сиріи не имѣютъ столько пространства, силы и продолжительности; впрочемъ, весьма частыя сношенія Сиріи съ Египтомъ дѣлаютъ вопросъ о происхожденіи чумы нерѣшеннымъ между сими двумя странами. Извѣстно, что чума никогда не образуется сама въ Алеппо и Дамаскѣ, а получается тамъ изъ пристаней. Пристань Сейдская ¹⁾ передаетъ ее въ Дамаскъ; Алеппо получаетъ ее изъ пристани Паяской, въ заливѣ Скандерузскомъ, чрезъ сношенія съ сѣверными горами, которые запасаются въ Паясѣ египетскими товарами, потомъ сходятъ съ другой стороны въ Орфу, Аинтабъ,

¹⁾ Портъ Саидъ.

Киллысь, Эзасъ и Алеппо, чтобы предлагать тамъ во время жатвы услуги. Впрочемъ, принадлежитъ ли чума почвѣ Египта или жителямъ его, родина ли ея тамъ, объ этомъ говорятъ французскіе врачи нашей экспедиціи—Саварези, Кугнетъ, Л. Франкъ, Соттири и бароны Деженетъ и Аррей,—очевидные и достовѣрные свидѣтели; это же доказаль Пинель въ своей «Носографіи». Врачи, прежде его дѣлавшіе теоретическіе разборы причинъ чумы, почти всѣ указываютъ на восточныя страны и, въ особенности,—на Египетъ; въ числѣ ихъ—Мэккензи, Мертенсъ, Вальдъ, Шмитъ, Платнеръ, Фогель, Тюлли и др. А вотъ доказательства или, по крайней мѣрѣ, предположенія, почти равнозначущія. Въ 1791 г. была ужасная чума въ Египтѣ, послѣ чрезвычайнаго наводненія и во все это время ея не замѣчали ни въ Константинополѣ, ни въ Смирнѣ. Въ 1800 и 1801 г. во время чумы, свирѣпствовавшей даже въ верхнемъ Египтѣ, ея не было въ Константинополѣ. Хотя послѣ нѣкотораго времени она показалась въ Смирнѣ, но это еще болѣе доказываетъ ея происхожденіе изъ Египта. Наконецъ, вотъ еще убѣдительнѣйшее доказательство: хлопчатая бумага, собранная въ Египтѣ, была положена въ складочныхъ домахъ; носильщики, пришедшіе разобрать кипы ея, пали мертвыми, какъ будто были поражены молніею. Откуда происходилъ ядъ, содержащійся въ хлопчатой бумагѣ? Не изъ Смирны и не изъ Константинополя, ибо она была непривозная; очевидно, что онъ произошелъ отъ почвы, на которой выросла эта хлопчатая бумага. И потому я думаю, еслибъ чума не образовалась ни въ какой части міра, ни въ Египтѣ, она произошла бы сама собою; если не обманываюсь, весь Востокъ въ этомъ убѣжденъ.

Неужели Египетъ всегда производилъ чуму? Безъ сомнѣнія, нѣтъ! Онъ ее произвелъ въ первый разъ около половины VI вѣка, т. е. за 1200 или 1300 лѣтъ; слѣдственно, чума—болѣзнь новая, такъ, какъ и оспа, которая есть также родъ чумы и получила начало въ сихъ же странахъ, какъ говоритъ Саварези, а не въ Эіопіи, гдѣ никогда не было ни чумы, ни оспы самопроизводной, хотя о такомъ закоренѣломъ заблужденіи говорятъ: Оукидидъ, Піенсъ и Гастальди. Но все то, что до этого времени называли чумою, не имѣло никакихъ признаковъ сей болѣзни, и, хотя слово «чума» тысяча разъ находится въ священномъ писаніи и у древнихъ писателей, однако, древность намъ ничего не оставила, что бы можно было отнести къ нынѣшней чумѣ. Прочтите Геродота, Страбона, Діодора Сицилійскаго, даже Галена, которые видѣли древній Египетъ и жили въ немъ: у нихъ ничего нѣтъ похожаго на чуму восточную. Подъ именемъ чумы Оукидидъ описываетъ обыкновенную гнилую горячку; то же должно сказать объ изображеніи чумы

Руфа Эфесскаго, которое было слово въ слово переписано Орибазомъ, Астиемъ и Павломъ Этоскимъ. То, что писали Титъ Ливій, Цезарь и Тацитъ о чумѣ, также относится къ гнилой горячкѣ. Это объявили писатели, наиболѣе знающіе древніе языки,—Френисъ, Меадъ и трое Франковъ, и врачъ нынѣшняго короля Великобританіи, Сэръ Гальбертъ Блекъ, также вѣнскій писатель д-ръ Вавкучъ (Wawkuch) то же доказалъ. Я привожу его по свидѣтельству Франка, по неимѣнію его твореній; но возвратимся къ Египту. Здѣсь, повторяю я, въ египетскомъ городѣ Пелузѣ образовались всѣ извѣстныя чумы; Прокопій, Эвагрій и др. вѣрно и живо описали ее: она распространилась по всей Европѣ и свирѣпствовала въ ней ужаснѣйшимъ образомъ въ продолженіе 52 лѣтъ. Григорій Турскій, писатель того времени, называетъ ее семи словами, почти однозначными: *morbus inguinaris, lues, clades illa, quam inquinatam vocant*,—выраженія, показывающія, что собственное названіе было еще неизвѣстно. Я не говорю о чумахъ послѣ слѣдовавшихъ, которыя произошли, какъ я постараюсь доказать, изъ того же источника. До VI вѣка, почти въ продолженіе 3000 лѣтъ, Египетъ былъ самою здоровою странюю. Почему? потому что, во-первыхъ, среди ужаснѣйшихъ прудовъ, которые на него возлагало его мѣстоположеніе въ отношеніи къ рѣкѣ, составлявшей его судьбу, египтяне никакъ не позволяли себѣ оставлять на землѣ, ими обитаемой, вещества удобозагниваемые; они высушивали всѣ животныя вещества, какія только могли повстрѣчать; во-вторыхъ, для похороненія оныхъ избирались мѣста, отъ рѣки удаленныя, слѣдовательно, бесплодныя, которыя имъ не могли приносить никакой пользы. Изъ сего видно, что такимъ образомъ, поступая со всею точностью, они соблюдали три выгоды: 1) касательно вѣроисповѣданія, 2) здоровья и 3) хозяйства, ибо никакой участокъ удобренной земли не отнимался у земледѣлія. Это признано многими писателями: отцомъ Синардомъ, Гагенотомъ,—искуснымъ врачомъ изъ Монпелье, и др. и, наконецъ, просвѣщеннѣйшимъ путешественникомъ Г. Го (Gau). Странныя суевѣрія соединились съ совершеніемъ сего обыкновенія, и, конечно, сии самыя суевѣрія покрыли смыслъ и принудили оное оставить. Такъ во всемъ глупость есть начало смерти. Сіе обыкновеніе прекратилось со введеніемъ христіан. вѣроисповѣданія, которое приняло за язычество мудрость, и притомъ глубочайшую мудрость. Отъ V до VI вѣка запрещено было высушиваніе и древнее бальзамированіе,—говоритъ аббатъ Фіери; употребляемое у насъ погребеніе заступило мѣсто прежняго. Въ 541 г., т. е. за 98 лѣтъ до завоеванія Египта аравитянами, явилась въ первый разъ чума, самая ужаснѣйшая изъ всѣхъ быв-

шихъ. Трудно соединить сіи происшествія и принять второе за слѣдствіе перваго; но истинно то, съ чѣмъ нельзя не согласиться, что нынѣшній Египеть, дѣйствительно, нездоровъ; напротивъ, древній былъ страною здоровою. Какъ бы то ни было, различіе слишкомъ ощутительно. Какимъ образомъ возстановить здоровый климатъ Египта, предоставляю отвѣчать всякому безпристрастному писателю.

12. О древнемъ бальзамированіи.

(Соч. г. Паризе).

Почему египтяне бальзамировали тѣла людей и животныхъ? Невозможность соединить сіе обыкновеніе ихъ съ обрядами религии показала мнѣ, что бальзамированіе у нихъ дѣлалось не изъ необходимости, но по основаніямъ гигиены. О семъ я такъ разсуждалъ.

Данвиль полагаетъ въ 2250 лѣе обитаемую поверхность Египта. Въ эпоху славы его народонаселеніе простиралось до 14,000,000 чел.; слѣдств., $\left(\frac{14,000,000}{2250} \right)$ 6,222 чел. на квадрат. лѣе.

Въ продолженіе осьми мѣсяцевъ сіе народонаселеніе могло жить на поверхности, ими обрабатываемой, болѣе или менѣе разсѣянно. Въ остальные же четыре мѣсяца, во время наводненія, имъ надлежало удаляться въ мѣста пустынныйя, тѣсныя, на высоты, не покрываемыя водою. Но для того, чтобъ имѣть жилища на такой высотѣ, надобно было строить ихъ на возвышенностяхъ, образованныхъ природою или руками человѣческими. Отъ сего происходитъ, что Египеть во время наводненія подобенъ обширному архипелагу.

Во-вторыхъ, при большомъ народонаселеніи на маломъ пространствѣ, легко образуется зараза, тѣмъ болѣе, что въ Египтѣ кожныя болѣзни были весьма обыкновенны; отсюда произошла необходимость въ умѣренности, въ чрезмѣрной чистотѣ, чѣмъ занимались съ большою тщательностью египтяне; и потому вездѣ, гдѣ они находились, ихъ принимали за врачей. Далѣе, предположивъ смертность 1 изъ 40 человѣкъ,—изъ 14,000,000 умрутъ въ годъ 350,000 человѣкъ.

Ясно, что въ сухое время тѣла всего легче закапывать въ землю; но во время наводненія—что дѣлать съ трупами людей, которые могутъ простираяться отъ 116 до 117,000? Что дѣлать съ

трусами животныхъ? Оставлятъ ихъ на воздухѣ, какъ то дѣлалось въ Персіи для маговъ? Не говоря о другихъ причинахъ, ясно можно видѣть, что, единственно во избѣжаніе заразы, сіе не было въ употребленіи. Хоронить ихъ при деревняхъ и въ городахъ 1 или 2 года хорошо; но на третій, четвертый и такъ далѣе—это дѣлалось невозможнымъ. Просто бросать ихъ въ воду, зарывать въ землю? Но земля была подъ водою, а вода, удаляясь, оставляла бы трупы на землѣ. Жечь ихъ—не было дровъ. Что же дѣлать? То, что они дѣлали: они солили тѣла, именно солили,—это настоящее слово, слово справедливо употребленное греческими писателями, ибо соленіе при семь есть существенное дѣло.

Для соленія употребляли натрумъ и его у нихъ было съ избыткомъ. *Натрумъ*—щелочная соль, приведенная въ соприкосновеніе съ животнымъ веществомъ, извлекаетъ изъ него сырость и передаетъ ее воздуху; соединясь съ жирными частями, превращаетъ ихъ въ мыло. Тѣло клали на нѣсколько времени въ натрумъ, гдѣ оно превращалось въ мыло, потомъ обмывали его; вода уносила мыло, а остальное, можетъ быть, высушиваемо было на воздухѣ, не портясь. Тѣло высыхаетъ—вотъ и мумія. Благовонныя травы, духи, смола, масти, порошки, саваны, гробы раскрашенные и раззолоченные—это все уже роскошь, которая ничего не дѣлаетъ для сохраненія тѣла или, по крайней мѣрѣ, ничего бы не произвела безъ предварительнаго дѣйствія.

Сначала всякій египтянинъ хранилъ у себя такъ приготовленныя муміи. Должникъ могъ отдавать заимодавцу въ залогъ мумію своего отца. Но въ продолженіе времени муміи такъ размножились во всѣхъ жилищахъ, что, наконецъ, негдѣ было помѣщаться живымъ. Тогда рѣшили въ время наводненія перевозить древнѣйшія на пустынный берегъ; тамъ вырывались колодцы, куда ихъ клали тысячами и засыпали пескомъ.

Горы были разрабатываемы, оттолѣ доставали великое множество камней, которые выламывались для постройки храмовъ, домовъ и пр., и потому были почти пустотами. Египтяне воспользовались сими пустотами и обратили ихъ въ гробницы царей и жрецовъ и изукрасили ихъ всею роскошью искусствъ.

Это обыкновеніе продолжалось около 2400 лѣтъ. Какое огромное число труповъ было отдалено такимъ образомъ отъ людей? О семь могутъ дать понятіе путешественники, даже новѣйшіе.

Въ продолженіе долгаго времени Египетъ былъ одною изъ самыхъ здоровѣйшихъ странъ въ мірѣ. Что бы произошло, еслибъ разжиженная, размокшая земля Египта сдѣлалась какъ бы окаменѣлою отъ необъятнаго количества удобосогниваемыхъ веществъ?

Я не отрицаю, чтобъ въ Египтѣ не было большихъ заразы и скотскихъ падежей; даже должно думать, что караваны изъ Нубіи нѣсколько разъ заносили въ него гнилую горячку (typhus). Аѳинская чума занесена была изъ Нубіи или Эѳіопіи; она перешла черезъ Египетъ и была привезена на корабляхъ въ Пирей; но эта зараза болѣе походить на гнилую горячку, нежели на чуму. Страбонъ говоритъ о чумныхъ лихорадкахъ, развивавшихся вблизи каналовъ и большихъ озеръ, коихъ берега были засушиваемы солнечнымъ жаромъ. Но я сомнѣваюсь, чтобъ онѣ были что-нибудь другое. Геродотъ, Діодоръ, Тацитъ и пр. не упоминаютъ ни о какихъ ужасныхъ туземныхъ и свойственныхъ Египту болѣзняхъ. Понятія о нихъ мудрено бы было соединить съ большимъ народонаселеніемъ, о которомъ я говорилъ. Величайшія громады мумій рогатыхъ скотовъ, которыя видѣлъ недавно французскій путешественникъ Г. Кейо (Caillaud) нантскій, доказываютъ, что скоты были тамъ подвержены тяжкимъ болѣзнямъ.

Конечно, чистота, чрезвычайная тонкость въ выборѣ пищи, стараніе облегчать теченіе воды, изрытіе и поддержка каналовъ для осушиванія земли и очищеніе огромнаго болота, составлявшаго дельту,—всѣ сіи способы сохраненія содѣлывали наиболѣе здоровымъ климатъ Египта; но, вѣроятно, благодѣтельныя дѣйствія сихъ многихъ предосторожностей весьма бы уменьшились, еслибъ не были сопровождаемы бальзамированіемъ тѣлъ или предупрежденіемъ гніенія оныхъ.

Нельзя отвергнуть того, что около IV вѣка нашего лѣтосчисленія это обыкновеніе прекратилось, и въ то же время должно искать происхожденіе чумы съ огненными чирьями, чумы восточной, которая столько разъ распространялась по поверхности земного шара, коей первоначальный и единственный зародышъ, кажется, находится въ Египтѣ.

Чтобъ еще болѣе объяснить мое мнѣніе о семъ предметѣ, положимъ, что кладбища Лашезъ и Монмартръ ¹⁾ были бы на Сенѣ, и чтобъ Сена, разливаясь, покрывала ихъ въ продолженіе 4 мѣсяцевъ въ году и оставляла подъ непрерывнымъ вліяніемъ іюльскаго солнца. Что бы было тогда съ Парижемъ?—спрашиваю я у всякаго здравомыслящаго человѣка. И что сдѣлалось бы, наконецъ, съ такою низкою землею, какова въ дельтѣ, еслибъ въ продолженіе столь многихъ вѣковъ принимала она, на мѣстѣ ихъ кончины, трупы умершихъ отъ обыкновенной смертности, на сраженіяхъ, отъ общественныхъ работъ, истребляющихъ столь много людей?

¹⁾ Въ Парижѣ. А. И. Г.

Деревня въ дельтѣ теряетъ одного или двухъ жителей въ юнѣ мѣсяцѣ. Ихъ хоронятъ въ нѣсколькихъ шагахъ подъ тѣнью финиковаго дерева, которое омывается волнами рѣки въ юлѣ; вода стекаетъ въ сентябрѣ и октябрѣ, а въ ноябрѣ показываются въ деревнѣ болѣзни. Чума можетъ тамъ образоваться и, въ самомъ дѣлѣ, образуется: одна зараженная точка достаточна для сего, а тамъ—заразятся города, весь Египетъ, весь Востокъ и Западъ, Смирна, Константинополь, Марсель—и до Москвы.

Итакъ, ни Москва, ни Марсель, ни даже Смирна и Константинополь не произвели бы чумы одними мѣстными причинами. Истина, принятая всѣмъ Востокомъ, и которую еще болѣе подтверждаютъ несчастья французскихъ войскъ въ Египтѣ, состоитъ въ томъ, что чума показывается сначала въ Египтѣ.

Заключеніе. Одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ способовъ и, можетъ быть, единственный, чтобъ прекратить источникъ чумы, было бы возстановленіе употребленія бальзамированія, давъ ему то же странство, которое оно имѣло прежде.

Это бы дорого стоило? Совсѣмъ нѣтъ: природа съ избыткомъ надѣлила Египетъ натрумомъ, какъ бы желая сохранить его народонаселеніе. И нѣтъ Египта безъ натрума, то-есть того Египта, который знали въ древности и въ которомъ было столько чудесъ.

Но мудрено будетъ ввести сіе въ употребленіе? Можетъ быть, оно было бы весьма легко принято, еслибъ... прибавьте, какъ вспомогательныя и полезныя средства: возстановленіе каналовъ, хорошее надзираніе за порядкомъ въ городахъ и пр., и при открытіи чумы употребленіе солетвора (хлорина). Принявши такую систему предосторожности и обыкновений, и слѣдуя ей 5 или 6 лѣтъ, можно думать, что чума исчезнетъ въ Египтѣ и во всемъ свѣтѣ, ибо весь Востокъ убѣжденъ, что первоначальный зародышъ чумы бываетъ въ Египтѣ.

13. Прошеніе о выдачѣ свидѣтельства для поступленія въ университетъ.

Въ Экспедицію Кремлевскаго Строенія Вѣдомства оной Губернскаго Секретаря Александра Герцена Доношеніе.

Желаніе имѣю я поступить въ Императорскій Московскій Университетъ для слушанія въ ономъ профессорскихъ лекцій, для чего и нужно мнѣ отъ оной Экспедиціи свидѣтельство, а потому покорнѣйше прошу Экспедицію Кремлевскаго Строенія сіе мое доно-

шеніе принять и мнѣ для поступленія въ Университетъ выдать надлежащее свидѣтельство. Августа 19 дня 1829 года. Къ сему Доношенію Губернскій Секретарь Александръ Ивановъ сынъ Герценъ руку приложилъ. ¹

◆◆ 1. Въ VII гл. «Былого и думъ» подробно разсказываются обстоятельства поступленія Герцена въ университетъ. Здѣсь отмѣтимъ лишь, что въ тотъ же день, 19 августа Экспедиція постановила удовлетворить прошеніе, а на слѣдующій день было выдано и самое свидѣтельство по обычной формѣ такихъ бумагъ съ указаніемъ опредѣленія Экспедиціи: «Герцена для слушанія профессорскихъ лекцій уволить, для чего дать ему свидѣтельство».

Это не противорѣчитъ разсказу Герцена о командированіи его Экспедиціей для усовершенствованія въ наукахъ: самое свидѣтельство именно и было такимъ командированіемъ, а иначе вмѣсто него была бы выдана простая отставка отъ службы.

14. Прошеніе о дозволеніи слушать лекціи.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета отъ Губернскаго секретаря Александра Герцена Прошеніе.

Имѣя желаніе заниматься, въ свободное время отъ службы моей, слушаніемъ публичныхъ лекцій Господъ Профессоровъ Физико-Математическаго отдѣленія, на основаніи положенія главнаго Училищъ Правленія, отъ 17 Сентября прошлаго 1828 года, Правленіе Императорскаго Московскаго университета покорнѣйше прошу, дозволивъ мнѣ слушать профессорскія лекціи Физико-Математическаго отдѣленія, выдать табель. При семъ прилагаю дозволеніе отъ моего начальства. Къ сему прошенію руку приложилъ *Губернскій Секретарь Александръ Герценъ*.

1830

15. Письмо къ Т. П. Кучиной.

Это было 31-го декабря 1829 года
или, если хотите, 1-го января 1830 года.

Нику ¹⁾ хотѣлось, и мнѣ не меньше, встрѣтить вмѣстѣ новый годъ. Сдѣлать это, ты можешь понять, было не легко. Во-первыхъ, какъ ты знаешь, благословивши меня на сонъ грядущій, папенка имѣетъ обыкновеніе обойти по комнатамъ, а мнѣ надлежитъ во время этого рунда лежать въ постели. Во-вторыхъ, 31 декабря я обыкновенно въ 12 часовъ ночи являюсь къ нему съ поздравленіемъ. Проситъся со двора на первомъ часу ночи, безъ уважительныхъ причинъ, значитъ начать новый годъ не съ Никомъ, а съ длинной проповѣдью. Чтò дѣлать? Каюсь передъ тобой и передъ цѣлымъ свѣтомъ—я перевелъ часы, начиная отъ большихъ англійскихъ съ курантами до маленькихъ карманныхъ, получасомъ впередъ и такимъ образомъ встрѣтилъ новый годъ очень чинно и благочестиво дома, потомъ потихоньку сѣлъ на извозчика и отправился къ Нику. Первый разъ посягнулъ я на столь дерзостный поступокъ. У Ника была приготовлена цѣлая бутылка шампанскаго во льду. Въ ней былъ участникомъ, сверхъ насъ двоихъ, еще какой-то преуморительный нѣмецъ. Этотъ преуморительный нѣмецъ занялъ роль Пьеро и зарабатывалъ своими глупостями вполнѣ данное вино. Между прочимъ, началъ онъ толковать о литературѣ. Я похвалилъ Шиллера. Нѣмецъ, вѣроятно по наслышкѣ, сталъ хвалить Гете, а Шиллера бранить. Я замѣтилъ, что поэтъ, создавшій «Вильгельма Телля», заслуживаетъ большого уваженія. «Чтò такое Вильгельмъ Телль!» — закричалъ онъ: — «можно ли сравнить его съ Вильгельмомъ Мейстеромъ!» Этой выходки только и недоставало, чтобы развеселить насъ до сумасшествія. Послѣ этого не было уже ни раз-

¹⁾ Николай Платоновичъ Огаревъ, другъ Герцена.

говора, ни мыслей, только одинъ хохоть. Глубокомысленный литераторъ не сконфузился, а началъ читать на память какой-то водевиль. Мы съ Никомъ чуть не умерли со смѣха и устали не меньше этого бѣднаго чудака. Окончивши свой, какъ онъ называлъ, рецитативъ, онъ отиралъ крупныя капли пота. Я возвратился домой въ четыре часа. На другой день, т. е. въ тотъ же, въ 9 часовъ утра, я проснулся. Голова болѣла страхъ. Глазамъ было больно смотрѣть на всѣ предметы, точно будто лучи зрѣнія—изъ проволокъ и, толкаясь въ предметы, колютъ глаза.

Такъ вотъ что Katzenjammer ¹⁾, подумалъ я — и вспомнилъ бѣднаго кота Мурра; а между тѣмъ надобно было надѣвать черный фракъ, надобно было ѣхать туда-сюда, къ княгинѣ Марьѣ Алексѣевнѣ ²⁾, отъ которой у меня и всего прочаго всякій разъ болѣла голова и пр.

И—рѣ.

16. О землетрясеніяхъ.

(Съ французскаго).

Самое ужаснѣйшее опустошеніе, производимое огнемъ, сожигающимъ нашу планету, есть землетрясеніе. Его невозможно ни предвидѣть, ни избѣжать. Не можно, говорю, предвидѣть потому, что оно слѣдуетъ весьма скоро за предзнаменованіями, и неизвѣстно, какое пространство ему подвергнется. Если-бъ и было время, куда бѣжать,—въ какомъ направленіи? Разные признаки за нѣсколько часовъ предшествуютъ землетрясенію. Черная точка образуется на небосклонѣ, расширяется и покрываетъ небо; иногда земля такъ разгорячается, что отъ паровъ ея рѣдѣетъ воздухъ, и происходитъ сильный вѣтеръ. Иногда тишина царствуетъ въ природѣ, это—тишина ничтожества! Можно думать, что земля, прекращая всѣ свои дѣйствія, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ приговора своего. Животныя чувствуютъ нѣкоторое безпокойство, неизъяснимое движеніе нервной раздражительности, что, вѣроятно, происходитъ отъ напряженнаго электричества. Лошади ржутъ съ знаками ужаса; собаки воютъ, птицы ищутъ убѣжища въ домахъ; угрожающая гибель прекращаетъ недовѣрчивость слабыхъ и жестокость сильныхъ.

¹⁾ Похмелье.

²⁾ Хованская, сестра И. А. Яковлева.

Тѣ же признаки повторяются предъ ураганами: такъ же воютъ собаки, морскія птицы съ большимъ крикомъ укрываются на землѣ и не бѣгаютъ человѣческихъ жилищъ. При ураганахъ и землетрясеніяхъ есть явленіе весьма замѣчательное: во время обманчивой тишины, предшествующей ужасному перевороту, листья на деревьяхъ приходятъ въ какой-то трепетъ, несмотря на тишину въ воздухѣ—какъ будто опасность ихъ одушевила и внушила имъ чувство страха.

О землетрясеніяхъ первобытныхъ временъ очень мало извѣстно. Мы должны быть весьма осторожны, когда дѣло идетъ о положительныхъ фактахъ, или когда выдаютъ ихъ такими во временахъ доисторическихъ.

Мы ничего не знаемъ положительнаго о древней Атлантидѣ. Островъ сей исчезъ; достовѣрнѣйшее о немъ мнѣніе есть то, что онъ потопленъ, что завѣщаль имя свое океану, что, можетъ быть, Мадера, острова Канарскіе, Зеленаго мыса и Азорскіе нѣкогда составляли части онаго.

Землетрясеніе отдѣлило гору Оссу отъ Олимпа (въ Греціи), Сицилію отъ Италіи; Страбонъ повѣствуетъ объ этомъ, у него же есть описаніе сотрясенія Эвбеи, ниспроверженіе мыса Кепеумскаго и разоренія Оробіи.

Плиніиъ приписываетъ землетрясенію образованіе Гибралтарскаго пролива ¹⁾).

Въ Финикіи исчезъ цѣлый городъ при землетрясеніи; двѣ трети Сидона были разрушены; Сирія потряслась, и неудивительно—она граничитъ съ Финикіею. Это событіе для насъ особенно замѣчательно тѣмъ, что оно подтверждаетъ теорію подземныхъ сообщеній. Делось и прочія Циклады, даже Эвбея, нынѣшній Негропонтъ въ то же время испытали потрясеніе.

Въ день Тразименской битвы, въ Тразименахъ (нынѣ Перуза) произошло сильное землетрясеніе. Огонь извергался изъ Тразименскаго (Перузскаго) озера; это озеро имѣетъ нынѣ слишкомъ 8 верстъ въ поперечникѣ и содержитъ три острова. Многіе города погибли, 57 ударовъ потрясли землю. Съ сихъ поръ время землетрясеній становится вѣрнѣе.

За 92 г. до Р. Х. было въ Моденѣ (древняя Мутина) сильное землетрясеніе ²⁾, двѣ горы столкнулись съ ужаснымъ шумомъ и разошлись. Читатель, не изучавшій сей части естествовѣдѣнія, можетъ принять сіе за ложное повѣствованіе. Однако, Плиніиъ го-

¹⁾ Plinii, Hist. Nat. lib. 3—1. А. И. Г.

²⁾ Pl., His. Nat. 1. 2. С. 83. А. И. Г.

ворить положительно объ этомъ; сіе явленіе имѣло множество свидѣтелей. *Spectante e via Aemilia magna equitum Romanorum familiarumque viatorum multitudine* ¹⁾. Но физикъ-землеописатель, который видитъ острова, возникающіе изъ глубины морской, не удивится столкновенію двухъ горъ. Природа, представляя намъ дѣянія столь важныя, скрываетъ своихъ дѣятелей; посему равно дерзко и сомнѣваться въ явленіяхъ необыкновенныхъ, и слѣпо вѣрить преданіямъ. Впрочемъ, сіе происшествіе не безпримѣрно. Плиній такъ начинаетъ главу, въ которой описываетъ сіе: «*portenta terrarum semel visa*»; а послѣ него два раза возобновился сей примѣръ, какъ мы увидимъ.

Въ 750 году землетрясеніе въ Месопотаміи разверзло пропасть, величиною въ двѣ мили, и два холма были перенесены съ мѣстъ своихъ съ деревьями, на нихъ находящимися.

Второй примѣръ подтверждается свидѣтельствомъ (*Collection académique, tom. 6*): «февраля 17, 1571 г. подъ Киненъ-Стономъ въ Герефортскомъ графствѣ, въ Англіи, разверзлась земля. Многія скалы съ землею, на которой онѣ находились, тронулись съ мѣста и продолжали двигаться съ ужаснѣйшимъ трескомъ отъ 6 часовъ вечера до утра слѣдующаго дня. На 40 шаговъ отделились онѣ отъ прежняго мѣста своего. Сдѣлавшееся отверстіе имѣло 30 футовъ глубины, 60 ярдовъ ширины (180 ан. фут.) и 400 ярдовъ длины (1200 ан. фут.). Весь округъ, содержащій въ себѣ 26 акровъ, былъ совершенно разоренъ. Масса скалъ двигала передъ собою почву, отъ которой произошелъ пригорокъ вышиною 24 ярда». Судя по сему примѣру, можно повѣрить двумъ предыдущимъ.

Во время Тиверія было ужасное землетрясеніе: Сарды, Эфесъ, Кесарія, Магнезія были истреблены и еще 8 городовъ (въ Натоліи). Ударъ былъ ощущаемъ въ Сициліи и Калабріи; это подтверждаетъ мнѣніе, что Кандія и Кипръ суть продолженія цѣпи горъ, связующихъ Апеннины съ Азіею. Въ то же время потрясены были берега Чернаго моря. Въ царствѣ Понтійскомъ, лежащемъ къ югу отъ Чернаго моря, въ Азіи, разверзлась земля до предѣловъ Мингреліи (древней Колхиды) и открыла естественной исторіи слѣды первобытныхъ существъ чрезвычайной величины,—кости огромнѣйшаго размѣра найдены въ расцѣлинахъ.

Въ 114 году послѣ Р. Х. Антиохія совершенно разрушилась. При семъ Траянъ былъ раненъ и спасся въ окно. Но, впрочемъ, сіи происшествія часто случались въ Антиохіи.

¹⁾ Смотрѣла большая толпа римскихъ всадниковъ, путниковъ и челяди съ Эмилиевой дороги.

Въ 358 Европа и Азія были театромъ землетрясенія, начавшагося отъ Босфора (Константинопольскаго пролива). Въ продолженіе одного часа претерпѣли разрушеніе 150 городовъ. Почти вся Никомидія была поглощена, земля разверзлась подъ нею и изрыгала огонь, опустошавшій ее въ продолженіе 50 дней.

Въ 360 земля поглотила въ Кандіи 700 городовъ, деревень и гробъ Юпитера. Число невѣроятное!

Святой Августинъ, епископъ гиппонскій, рассказываетъ, что въ Ливіи землетрясеніемъ истреблено 100 городовъ. Сіе число весьма значительно для Ливіи, но по сему должно судить о силѣ землетрясенія.

Въ царствованіе Валентиніана I весь извѣстный міръ чувствовалъ всеобщее потрясеніе.

Въ 742 Египетъ и Востокъ были опустошены. Гнѣздо, какъ кажется, было подъ моремъ, ибо множество кораблей было поглощено.

Въ VIII столѣтіи сѣверные берега Арморической Бретани пострадали отъ землетрясенія; берегъ въ окрестностяхъ Сень Мало осѣлъ; мѣсто отторженія осталось подъ названіемъ Цесември; теперь оно составляетъ островъ, отстоящій на 8 верстъ 176 сажень отъ берега. Все пространство между островомъ и городомъ было поглощено. Спустя нѣсколько лѣтъ, новое землетрясеніе поглотило лѣсъ, на мѣстѣ коего явилось озеро; это озеро находится недалеко отъ Конпальскаго залива, между Шатонефъ и Доль; его называли *mer sans écoulement*, отсюда испорченное *Mare sans colèment* и въ послѣдствіи *Saint-Coulman*. Деревья весьма хорошо сохранились. Дубовые листья, оставшіеся въ селѣ, еще можно узнать; оттуда вытаскиваютъ ежедневно черный дубъ, подобный черной амбрѣ.

Отъ землетрясенія произошелъ островъ изъ горы Друидъ, посвященный Белену, названный ос. св. Михаила, при введеніи христіанской вѣры. Сего землетрясенія мы не полагаемъ въ числѣ достовѣрныхъ, ибо о немъ существуютъ только изустныя преданія. Названіе Тунъ Белена (на языкѣ Кельтовъ—гора Белена) носитъ одна скала, которую называютъ испорченнымъ языкомъ Томбеленомъ (*Tombelaine*). Гора сія находилась посреди лѣса, называемаго Шозейскимъ. Она простиралась до моря, и теперь острова, которые замыкали ее, называются Шозейскими; море устремилось на то мѣсто, гдѣ былъ поглощенъ лѣсъ, покрыло его пескомъ и образовало заливъ, нынѣ Канкальскій.

Подобное явленіе повторилось въ 860 году: землетрясеніе поглотило долину, гдѣ теперь Зюдерзее, и завалило одинъ изъ рукавовъ Рейна. Сіе землетрясеніе прошло Европу и было ощущаемо въ Азіи,—новое доказательство теоріи соединительныхъ проходо́въ.

Въ 1146, 1426 и 1509 были почти всеобщія землетрясенія въ Европѣ.

Въ 1626 г., 30 июля, въ полдень Смирна въ Натоліи, въ Далмаціи, Рагуза и пространство 295 верстъ въ Италіи пострадали отъ землетрясенія; въ сіе время исчезло нѣсколько озеръ и разсѣлись скалы.

Въ 1627, на Филиппинскомъ островѣ Люсонѣ землетрясеніе совершенно сгладило двѣ горы Карвалось ¹⁾.

Въ 1675 на Филиппинскомъ островѣ Миндоро было столь сильное землетрясеніе, что гора, находившаяся на берегу, раздвоилась; море устремилось въ разсѣлину и покрыло значительную долину, которую оно покрываетъ до сихъ поръ. Вотъ въ маломъ видѣ разторженіе Гибралтара.

Въ 1680 году, столь знаменитомъ въ лѣтописяхъ вулканизма по землетрясенію Малаги, повторились всѣ ужасные признаки, сопровождающіе сіи катастрофы: горы низверглись близъ Малаги. Гнѣздо сего землетрясенія было подъ Испанією; подъ земными проводами перенеслось оно въ Швейцарію, Италію, Польшу и даже въ Исландію.

Въ 1690 обнаружались соединительные проходы землетрясеніемъ, поколебавшимъ въ одно время Америку и Европу. Три ужасные удара потрясли Перу и Лиму и были ощущаемы въ Европѣ. Бедфордъ въ Англіи, Лобакъ въ Карніоліи и вся Германія были потрясены. Между особыми явленіями, сопровождавшими сіе происшествіе, замѣчено было, что двѣ вулканическія мины находились въ весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Два домика въ одной улицѣ были сотрясаемы въ разное время, т. е. когда одинъ трясся, другой былъ неподвиженъ, и наоборотъ.

Въ 1692 Европа и Америка снова доказали существованіе подводнаго сообщенія, ибо въ то время, какъ землетрясеніе разрушало города въ Перу, низвергало зданія въ Кингстоунѣ (на Ямайкѣ) и было ощущаемо на Антильскихъ островахъ, оно достигло Европы, и въ Англіи, въ окрестностяхъ Кларендона, раздѣлило двѣ горы. Отъ паровъ, выходившихъ изъ разсѣлинъ, образовавшихся въ Кингстоунѣ, тысячи людей лишились жизни. Подобное случается въ подкопахъ подъ укрѣпленіями, когда воздухъ не можетъ обращаться и отъ воспламененія селитры дѣлается удушливымъ и въ одно мгновеніе лишаетъ жизни подвергающихся его вліянію.

Въ 1703 г., въ Іеддо, японской столицѣ, были ощущаемы удары землетрясенія, разрушившаго девяносто городовъ въ Италіи.

¹⁾ Въ 1667 на Ямайкѣ землетрясеніе низвергло Портъ-Рояль. А. И. Г.

Въ 1730 г. въ одно время разрушены были: Сантъ-Яго въ Чили и Меако въ Японіи; сии два послѣднія происшествія очевидно и разительно подтверждаютъ теорію подземныхъ проходовъ.

Ознаменованный разрушеніемъ Лиссабона 1755 годъ долго останется памятнымъ въ лѣтописяхъ міра. Вся Европа потряслась въ одно время, и можно было думать, что повторяется одна изъ тѣхъ катастрофъ, которыя совершенно измѣнили поверхность земного шара.

Этна и Везувій возвѣстили это ужасное потрясеніе, извергнувъ часть подземнаго пожара; онѣ, повидимому, хотѣли уменьшить напряженіе его. Подземныя движенія обнаружались въ Азіи. Въ Каханѣ ¹⁾ разверзлось жерло, поглотившее нѣсколько сотъ строеній. Совершеннымъ разрушеніемъ города Квито, у подошвы горы Пичинча, Америка подтвердила сообщеніе съ древнимъ свѣтомъ.

За сими предшествующими явленіями, 1-го ноября восплѣдовалъ подъ Европою съ ужаснымъ трескомъ взрывъ. Въ Лиссабонѣ, главнѣйшемъ театрѣ сего зрѣлища ужаса, пало 12,000 зданій однимъ ударомъ. Земля разверзлась въ самомъ руслѣ Тахо,—я думаю, по причинѣ его ключей (промоинъ). Рѣка была поглощена, и тотъ же ударъ, сдвинувъ пропасть, извергнулъ воду на чрезвычайную высоту. Море поднялось, уровень его стоялъ на 9 фут. выше уровня самыхъ большихъ приливовъ. Это явленіе должно отнести къ числу самыхъ малозначащихъ: по нашему мнѣнію, вода долженствовала бы подняться гораздо выше. Въ то же время пропасть, внезапно открывшаяся подъ землею Сетувалья, поглотила сей городъ. Пограничная Испанія раздѣляла сии ужасы; въ Андалузіи окрестности Ниеблы и Гуелвы покрылись развалинами. Губеіаръ былъ поглощенъ землею. Сильные удары были ощущаемы въ Гренадѣ, Кордовѣ, Малагѣ и Мадридѣ.

Франція не раздѣляла сего ужаса; однако, Бордо и Ангулемъ были потрясены. Вулканическая мина простерлась по материку, потрясла Ліонъ, возшла въ Швейцарію, подняла тамъ всѣ озера, возмутила Рону, угрожала разрушеніемъ Базелю, потрясла цѣпь горъ Лаутербрунскихъ такъ, что хищныя птицы оттолѣ улетѣли. Эта же мина, простираясь въ Италію, привела Большое озеро (Лас Мажеур) въ колебаніе, подобное приливу и отливу. Каналъ изъ Милана въ Тичино возвратился къ истоку своему. Вулканическое теченіе, раздѣлясь при горахъ Лаутербрунскихъ, проникло въ Германію, потрясло Франконію, Баварію; на Дунаѣ потрясся Донавертъ. Соединительные проходы сообщили удары въ Голландію, Англію,

¹⁾ Въ Иранѣ, 90 верстъ на сѣверъ отъ Испагани. А. И. Г.

Швецію, Норвегію. Исландія была въ движеніи и, можетъ быть, одолжена спасеніемъ вулканамъ своимъ. Самая Гренландія подъ льдами сѣвера не могла спастись отъ огня. Европа могла бы совершенно исчезнуть и сдѣлать новое пониженіе въ уровнѣ океана.

Между тѣмъ, какъ пожаръ являлся на сѣверѣ и потрясалъ твердую землю и острова Европы, одна отрасль теченія взяла направленіе къ югу, прошла Гибралтарскій проливъ, низвергла часть Марокко и разрушила городъ Мекинецъ. Ярость пожара утихла, когда огонь сдѣлалъ себѣ отверстія въ двухъ горахъ, которыя извергнули, вмѣстѣ съ пламенемъ, потоки тины. Океанъ раздѣлялъ всѣ сіи удары. Колебанія его устремились къ Мадерѣ и грозили попеременно потопить Функаль и удалиться отъ береговъ.

Это краткое описаніе показываетъ, что мы не предполагаемъ начертать исторію всѣхъ землетрясеній и достопримѣчательностей, ихъ сопровождавшихъ. Мы говорили наиболѣе о томъ, что имѣло отношеніе къ теоріи существованія вокругъ всей земли вулканическаго сообщенія посредствомъ пещеръ, т. е. къ теоріи воспламененныхъ галлерей, распространяющихъ общій пожаръ и находящихся подъ оболочкою, нами обитаемою, по которой мы ходимъ, какъ солдаты по подкопанному гласису.

Продолжимъ бѣглый нашъ обзоръ землетрясеній до 1822 года. Въ 1769 землетрясеніе разрушило Багдадъ.

Въ 1770 было сильное землетрясеніе въ Портъ-о-Пренсѣ и Санъ-Доминго; землетрясенія тамъ обыкновенны, и дома построены сообразно съ симъ состояніемъ.

Въ 1773 въ Мексикѣ была опустошена Гватемала.

Въ 1778 большая часть зданій въ Смирнѣ была разрушена весьма сильнымъ землетрясеніемъ.

Въ 1782 островъ Формоза былъ разоренъ, и погибъ миллионъ людей. Островъ, казалось, погибалъ навсегда, — онъ почти весь былъ покрытъ водою. Явленія, сопровождающія обыкновенно сіи ужасы, и на сей разъ повторились; сверхъ сего, къ землетрясенію присоединился сильный ураганъ, продолжавшійся 18 часовъ. Вѣтеръ стремился съ необыкновенною яростью въ одно время со всѣхъ главныхъ четырехъ сторонъ. Это ужасное смятеніе въ атмосферѣ представляло хаосъ, въ который, казалось, островъ готовъ былъ погрузиться; 80 кораблей потонули въ самой пристани.

Море около сего острова давно уже подвержено дѣйствию огня, и во внутренности острова дѣлались сильные перевороты. Съ первоначальнаго прибытія европейцевъ въ сіе море они были постигаемы тифонами (родъ морскихъ урагановъ, часто безъ вѣтра, производимыхъ волнами). Причина, вздымавшая волны, конечно,

находилась въ глубинѣ воспламененнаго дна, ибо послѣ разоренія Формозы, сила пожара была столь ослаблена, что тифоны прекратились—можетъ быть, не навсегда, а пока огонь приготовить новыя разрушенія.

Въ 1783 потряслась вся Калабрія.

Въ 1797 землетрясеніе почти разрушило Квито въ Перу и потрясло $16\frac{1}{2}$ верстъ земли по меридіану.

Въ 1801 Эдинбургъ, Глазговъ, Пертъ въ Шотландіи потеряли много зданій отъ вулканическихъ сотрясеній; въ сей же годъ были ощущаемы движенія во Франціи, Италіи и Венгріи.

Въ 1802 Константинополь былъ сотрясенъ съ такою силою, что боялись совершеннаго разрушенія.

Въ 1822, 13 августа, землетрясеніе превратило въ груды развалинъ Алеппо и Антиохію.

Вотъ краткая картина дѣйствій подземнаго огня.

17. О недѣлимомъ въ растительномъ царствѣ.

(Изъ «Органографіи» Де-Кандоля).

Люди обыкновенные, и даже ученые, привыкши видѣть животныхъ, одаренныхъ собственною жизнью, долго не могли увѣриться, что въ одинакихъ формахъ могутъ быть различныя явленія; долго не могли они составить идеи о существахъ, повидимому, простыхъ, но въ самомъ дѣлѣ состоящихъ изъ собранія многихъ недѣлимыхъ. Они чрезмѣрно удивились, когда зоологи доказали существованіе животныхъ, составленныхъ изъ множества существъ, воедино собранныхъ и живущихъ одною общею жизнью, каковы суть ботриллы, пирозомы, поликлиніи и, вѣроятно, гидры или полипы прѣсноводные.

Переходя къ царству растительному, надобно опредѣлить, въ томъ ли видѣ намъ представляются растенія, какъ и простыя недѣлимыя высшихъ животныхъ, или они суть собранія нѣсколькихъ недѣлимыхъ, подобно поликлиніямъ.

Ветла, вишня,... въ просторѣчій означаетъ частное недѣлимое; но, разсматривая внимательнѣе, находимъ въ нихъ дѣлимость особенную: почти каждая часть ихъ можетъ быть отдѣлена отъ цѣлаго тѣла и способна образовать новое. Сіе дѣленіе можетъ простирается до безконечности; такъ, напр., всѣ плакучія ивы, су-

ществующія въ Европѣ, произошли отъ одного экземпляра, нѣкогда въ оную привезеннаго, который можетъ произвести еще сколько угодно. Я избираю сей примѣръ потому, что въ Европѣ находится одинъ полъ сего дерева, слѣдственно, не приноситъ сѣмянъ. Итакъ, всѣ существующія плакучія ивы въ физиологическомъ смыслѣ суть части одного недѣлимаго. Слово *недѣлимое*, такимъ образомъ принимаемое, столько же неточно, сколько и разсматриваніе гранитной горы, какъ минералогическаго недѣлимаго, дѣлящагося на безконечное число частей по произволу человѣка.

Ежели означимъ именемъ недѣлимаго единственно растенія, вышедшія изъ сѣмянъ, то сдѣлаемъ шагъ къ точности. Извѣстно, что растенія, произведенныя простымъ дѣленіемъ на части, сохраняютъ всѣ особенности экземпляра, отъ коего взяты они; напротивъ, растенія, произведенныя сѣменами, могутъ производить новыя особенности и, повидимому, наиболѣе поддерживаютъ отличительныя признаки своей породы.

Какъ различить деревья, произведенныя дѣленіемъ на части, отъ происшедшихъ изъ сѣмени, когда они совершенно сходны? Какъ сіе различіе примѣнить ко множеству растений, которыхъ сѣмянъ нельзя отличить отъ сумокъ и шишекъ (*bulbi*)? Какъ принять возможность безконечной дѣлимости мнимаго недѣлимаго? Какъ согласить это опредѣленіе съ разительнымъ сходствомъ зародышей, развивающихся чрезъ оплодотвореніе и происходящихъ безъ онаго?

Сіи затрудненія исчезаютъ, когда мы примемъ, что почти всѣ растенія, — въ томъ видѣ, какъ они намъ представляются, — не суть простыя недѣлимыя, но собранія оныхъ. Многіе писатели дѣлали примѣненія къ сему мнѣнію, въ особенности Гете; однако, думаю, что сія теорія во всей обширности своей принадлежитъ Дарвину (*Darwin*), который началъ свою «Фитологію» разсужденіемъ о недѣлимости (*individualitas*) почекъ ¹⁾.

Положивъ, что недѣлимое въ растительномъ царствѣ есть всякій развитый зародышъ, будемъ принимать за оный иногда: 1) сѣмя, предполагая, что оно производитъ стебель безъ вѣтвей, какъ у нѣкоторыхъ однолѣтнихъ, иногда 2) вѣтвь, разсматриваемую, какъ развитіе какого-либо зародыша. Въ семъ смыслѣ дерево есть совокупность первоначальнаго недѣлимаго, развившагося изъ сѣмени, и всѣхъ недѣлимыхъ, происшедшихъ одно за другимъ изъ не оплодотворенныхъ зародышей, которые образовали продолженіе и вѣтви первоначальнаго.

¹⁾ *Phytologia*, 1 Vol. in 4. London. 1800. А. И. Г.

Г. Кассини опровергаетъ это мнѣніе ¹⁾ и твердо убѣжденъ въ *единствѣ* растений, основываясь на продолженіи древесинныхъ пучковъ въ стволѣ и вѣтвяхъ, но продолженіе оныхъ доказываетъ только, что зародыши образуются на концахъ сихъ пучковъ. Впрочемъ, такая же связь находится между деревомъ и вѣтвью, происшедшею отъ прививки къ нему почки, взятой отъ другого дерева той же породы. Въ семъ случаѣ, очевидно, входятъ нѣсколько недѣлимыхъ, но связь между ними существуетъ. Посему я не думаю, чтобы наблюденія, хотя весьма точныя, сего ученаго ботаника могли измѣнить теорію Дарвина.

Каждая вѣтвь, или частное недѣлимое, представляетъ, въ самомъ дѣлѣ, большое сходство съ первоначальнымъ недѣлимымъ. Его сердцевина, наполненная соками, есть вмѣстилище питательныхъ веществъ, и у двудольныхъ два первые листка вѣтви супротивны, подобно сѣмяннымъ долямъ, которыя они, повидимому, собою представляютъ.

Всякое частное недѣлимое, какое бы начало ни имѣло,—изъ сѣмени или изъ не оплодотвореннаго зачатка,—оканчивается цвѣткомъ, или продолжаетъ расти безъ цвѣтенія до тѣхъ, кажется, поръ, пока истощится пища или будетъ недостатокъ въ оной. Первому случаю подлежатъ плодоносныя вѣтви, второй простирается на истощающія. Неопредѣленное развитіе вѣтви требуетъ болѣе растительной силы и чаще встрѣчается у растений молодыхъ, на весьма влажной почвѣ произрастающихъ. Окончаніе же вѣтви цвѣткомъ наиболѣе бываетъ у растений, долго жившихъ и получающихъ мало водяной пищи. Неопредѣленное развитіе вѣтвей нецвѣтущихъ способствуетъ происхожденію и увеличиванію большого числа питательныхъ листьевъ, которые стремятся умножить силу произрастанія и отложить въ разныхъ мѣстахъ питательное вещество для дальнѣйшаго развитія новыхъ зародышей и цвѣтковъ. Окончаніе вѣтви однимъ или многими цвѣтами стремится остановить развитіе органовъ питанія стебля и вѣтвей и поглотить накопленіе питательныхъ веществъ, которыя могутъ находиться въ вѣтвяхъ, стеблѣ и корнѣ.

Если цвѣтокъ поглощаетъ питательныя вещества, находящіяся только въ цвѣточной ножкѣ или въ его непосредственныхъ подпорахъ, то онѣ засохши пропадаютъ: въ цвѣтахъ мужскихъ послѣ цвѣтенія, и по созрѣніи—въ цвѣтахъ женскихъ. Поелику же остальные части растенія не были истощены, то онѣ продолжаютъ жить,

¹⁾ См. Journal de Physique, 1821. Premier mémoire sur la Phytotomie. А. И. Г.

поддерживаемыя вѣтвями, производящими питательныя листья; потому на слѣдующій годъ на такихъ растеніяхъ развиваются новыя зародыши. Таково образованіе деревь, кустарниковъ и полукустарниковъ,—словомъ, растеній *стеблеплодныхъ* (caulocarpicae).

Когда цвѣты находятся въ большемъ числѣ относительно величины стебля, то его соки помѣщаются вмѣстѣ съ соками цвѣточныхъ соковъ, и онъ пропадаетъ почти до самаго жизненнаго узла. Новыя почки выходятъ изъ оставшейся части или слоя въ слѣдующемъ году. Это участь многолѣтнихъ травъ или растеній *корнеплодныхъ* (rhizocarpicae).

Наконецъ, цвѣты, многочисленнѣйшіе и свойства болѣе истощающаго, поглощаютъ не только питательныя вещества цвѣточной ножки и стебля, но даже самаго корня, по созрѣніи въ мужскихъ цвѣтахъ плодотворной пыли, а въ женскихъ—яичекъ. Истощенное растеніе сохнетъ и умираетъ. Мы видимъ сіе у растеній *одноплодныхъ* (monocarpicae), то-есть у растеній, однажды приносящихъ плоды по прошествіи года (однолѣтнія), двухъ (двулѣтнія) или многихъ лѣтъ (напр., у столѣтника и проч.).

Сіи различія, хотя довольно постоянныя у каждой породы, ибо опредѣляются причинами врожденными, принадлежащими ихъ образованію, однако, измѣняются отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Однолѣтнее растеніе можно превратить въ многолѣтнее, не допуская развитія плодовъ, если то возможно. Такъ превратили резеду въ полукустарникъ (*reseda odorata suffruticosa*), который, получивъ однажды древнистый стебель, можетъ цвѣсть каждый годъ, не истощаясь. Подобнымъ образомъ махровый капуцинъ дѣлается многолѣтнимъ растеніемъ, ибо его цвѣты, не имѣющіе способности производить сѣмянь, не истощаютъ стебля; вѣроятно, и всякое однолѣтнее растеніе можетъ сдѣлаться многолѣтнимъ, ежели цвѣты его довести до махровости.

Такимъ же образомъ можно превратить многолѣтнее растеніе въ полукустарникъ, что весьма часто видѣть можно въ садахъ нашихъ, на махровыхъ гвоздикахъ. Сизиף (*jubier*) представляетъ странное явленіе, которое дѣлаетъ его, такъ сказать, среднимъ между растеніями корнеплодными и стеблеплодными. На старыхъ стебляхъ сего дерева находится родъ наростовъ, откуда выходитъ большое число простыхъ вѣтвей; однѣ изъ нихъ приносятъ множество цвѣтовъ и, по отцвѣтеніи оныхъ, расчлняются и отпадаютъ, подобно общимъ черешкамъ крылатыхъ листьевъ; другія вѣтви не цвѣтутъ, но протягиваются, остаются на деревь и, наконецъ, образуются въ настоящія, остающіяся вѣтви.

Сіи подробности доказываютъ, что различное продолженіе

существованія растений находится въ весьма дальнемъ соотношеніи съ анатомическимъ устройствомъ, и объясняютъ, какимъ образомъ въ тѣхъ же естественныхъ семействахъ часто находятся растения, продолжающіяся весьма различное время. Возвратимся къ теоріи совокупности недѣлимыхъ въ растеніи, отъ которой насъ нѣсколько отклонили сіи разсужденія.

Изъ недѣлимыхъ въ растительномъ царствѣ, происшедшихъ изъ зародышей оплодотворенныхъ (сѣмянъ) или изъ не оплодотворенныхъ (луковицъ, молодыхъ отростковъ, шишекъ и т. д.), одни имѣютъ способность собственными корнями всасывать пищу, другія лишены оной, но могутъ получать соки, всасываемые другими растениями; недѣлимая, изъ сѣмянъ происшедшій, почти всѣ одарены корнями, назначенными для ихъ питанія. *Омела* есть примѣръ растенія, вышедшаго изъ сѣмени, но не имѣющаго настоящихъ корней и котораго жизненный узелъ, присосій къ другому растенію, питается на его счетъ совершенно такимъ образомъ, какъ привитая почка. Недѣлимые изъ луковицъ или шишекъ, въ отношеніи къ корнямъ, подобны происшедшимъ изъ сѣмени.

Недѣлимая, происшедшій по образу почекъ, обыкновенно не имѣютъ корней и питаются соками, проводимыми къ нимъ чрезъ древесину дерева, на которомъ они родились; но при благоприятныхъ обстоятельствахъ корни могутъ развиваться изъ *корнепроизводящихъ железъ* (*glandula lenticularis, lenticula*)¹⁾; тогда сіи растенія могутъ существовать независимо отъ растений, ихъ произведшихъ. Способъ полученія сихъ новыхъ недѣлимыхъ извѣстенъ подъ названіемъ *отводковъ*. Прививка есть не иное что, какъ пересаживаніе молодого побѣга. Законы продолжительности жизни растений или, лучше сказать,—образъ изложенія сихъ законовъ подлежитъ идеямъ, сопрягаемымъ съ недѣлимостью растений; это уже совершенная принадлежность физиологии.

Изъ предыдущихъ разсужденій можно заключить, и я ограничиваюсь симъ выводомъ, что растенія, исключая нѣкоторое число оныхъ, еще подверженныхъ сомнѣнію, суть собранія такого числа недѣлимыхъ, каково было число сѣмянъ или почекъ, развившихся для образованія оныхъ, и что, слѣдственно, растеніе есть существо сложное, подобное полипамъ, поликлиніямъ и пр. въ животномъ царствѣ.

¹⁾ Де-Кандоль подъ словомъ *lenticula* понимаетъ небольшое пятнышко на гладкой корѣ дерева, изъ коего иногда происходятъ корни; Гетаръ (*Guettard*) называетъ сіе *glandula lenticularis*. См. *Théorie élémentaire de la botanique*, par Д. С. и его же *Organographie végétale*, гдѣ приложено изображеніе. А. И. Г.

Это образованіе новыхъ недѣлимыхъ, естественнымъ образомъ привитыхъ одинъ къ другому, не имѣетъ предѣловъ, и въ семь смыслѣ можно сказать, что продолжительность дерева, разсматриваемаго, какъ одно недѣлимое, неопредѣленно, и смерть поражаетъ оное случайно. Предложеніе сіе можетъ показаться съ перваго взгляда страннымъ, но, обдумавъ оное, увидимъ, что оно тождественно слѣдующему: собраніе животныхъ, непрерывно умножающихся и взаимно покрывающихся, можетъ существовать неопредѣленное время.

18. Письмо къ Т. П. Кучиной.

(Ноябрь-декабрь) 1830.

Множество закоснѣлыхъ московскихъ жителей, лѣтъ двадцать не ѣздившихъ дальше Дѣвичьяго монастыря и Нескучнаго сада, еще до учрежденія карантинныхъ мѣръ разѣхались по деревнямъ и городамъ, въ числѣ ихъ уѣхалъ Платонъ Богданъчъ Огаревъ ¹⁾ и увезъ съ собою Ника. Грустно было прощаться съ другомъ—грустнѣе обыкновеннаго; почемъ знать, возвратится ли онъ, почемъ знать, возвратившись, найдетъ ли онъ меня въ живыхъ. Одинъ внутренній голосъ говоритъ сквозь грустные возгласы: «увидимся». Вообще холера страшила меня немного издали, но когда она явилась лицомъ къ лицу въ Москвѣ, ходила по университетскому коридору, таскалась по улицамъ, ѣздила въ каретахъ въ больницы, а въ фурахъ изъ больницъ,—наконецъ, когда страхъ прошелъ, увѣренность въ будущее поглотила меня совершенно.

Сначала суета, рассказы,—все это занимало, потомъ надоѣло; скучно стало слушать одно и то же; кромѣ двухъ-трехъ родныхъ, къ намъ почти никто не ѣздитъ; съ товарищами видаюсь рѣдко, зато гуляю часто; что-то тяжелое видно на улицахъ: холерныя кареты, фуры, чернь, толкующая объ отравкахъ. Замѣчательно, что во всѣ времена во всей Европѣ простой народъ во время заразительныхъ болѣзней не вѣрилъ, что это эпидемія, а твердо былъ увѣренъ, что его нарочно отравляютъ такъ, какъ въ голодные годы думаетъ, что его нарочно морятъ съ голоду.

Иногда въ моихъ прогулкахъ я доходилъ до заставы и долго смотрѣлъ на необыкновенное зрѣлище оцѣпленія. Эти пикеты, раз-

¹⁾ Отецъ Николая Платоновича.

ставленные по снѣжному валу, эти солдаты, лежащіе вокругъ разведенныхъ огней, возы, пріѣзжающіе съ одной стороны, возы, пріѣзжающіе съ другой стороны, и все вмѣстѣ — страшная рамка страшной болѣзни. Университетъ закрытъ, весь медицинскій факультетъ приглашенъ къ участию въ помощи несчастнымъ заболѣвающимъ въ 20-ти вновь учрежденныхъ больницахъ на пожертванія купечества, съ какой-то роскошью, съ избыткомъ удобства. Сверхъ медицинскаго факультета, юноши другихъ отдѣленій предложили себя въ эти больницы, расстаются съ мечтами о будущемъ, разрываютъ связи съ обществомъ и семействами, дружатся съ мыслью о смерти, прощаются съ жизнью, и все-это, чтобы помочь страждущимъ, чтобы помочь въ бѣдствіи. Вся Москва отзывается съ горячимъ сочувствіемъ. Москва всегда становится въ уровень съ обстоятельствами, когда надъ Россіей гремитъ гроза, какъ въ 1612 и въ 1812 гг.; явилась холера,—и народный городъ снова явился полный энергіи и любви.

1831

19. Запись въ альбомъ Т. П. Кучиной.

(1831).

Первая любовь на все свѣтитъ, все равно освѣщаетъ; счастлива дѣва, на которую падаетъ первый взоръ любви. Какою прелестью облакаетъ ее молодое воображеніе, какъ пламенны о ней пѣсни, какъ нѣжно юноша плачетъ. Это—лучшая минута въ жизни.

A priori

Jean Paul Richter. ¹

◆◆ 1. «Однажды,—разсказываетъ Т. П. Пассекъ,—возвратясь отъ княгини, я раскрыла альбомъ, зная, что въ мое отсутствіе въ немъ всегда написано что-нибудь новое, и прочитала»... Герценъ допустилъ вольность въ подписи: вѣроятно, онъ хотѣлъ выразить: «Такъ сказалъ бы Жанъ-Поль Рихтеръ». Рѣчь идетъ объ извѣстномъ нѣмецкомъ писателѣ Юганнъ-Павлѣ-Фридрихѣ Рихтерѣ, писавшемъ подъ псевдонимомъ «Жанъ-Поль». Сочиненія его очень нравились Герцену и въ то время иногда читались имъ запоемъ.

1832

20. Изъ письма къ Т. П. Кучиной.

(Августъ—сентябрь 1832)

Я считаю дни до отъѣзда въ Москву; такой скуки въ Васильевскомъ я еще никогда не чувствовалъ.

21. Прошеніе о принятіи вновь на службу.

Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Государь Императоръ Николай Павловичъ Самодержецъ Всероссійскій Государь Всемиловитѣйшій.

Проситъ Коллежскій Секретарь Александръ Ивановъ сынъ Герценъ, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты.

I.

Въ службѣ Вашего Императорскаго Величества находился я при Московской Дворцовой Конторѣ, откуда прошлаго 1831 года Октября 12 числа отчисленъ, но Аттестата по сіе время не получалъ, а какъ я нынѣ увѣдомился, что въ Канцеляріи оной имѣется вакансія, то и желаю остаться по прежнему въ Конторѣ, почему всеподаннѣйше и прошу.

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Московской Дворцовой Конторѣ принять и меня при прежней моей должности на имѣющейся вакансіи въ Канцеляріи оставить.

Всемиловитѣйшій Государь! прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Октября 7 дня 1832 г. Прошеніе сочинялъ, на-бѣло переписывалъ и къ оному руку приложилъ Коллежскій Секретарь Александръ Герценъ. ¹

◆◆ 1. Въ дѣлѣ имѣются справка и постановленіе по прошенію, полученному московской дворцовой конторой. «По справкѣ оказалось, что коллежскій секретарь Александръ Герценъ состоялъ въ

вѣдомствѣ бывшей экспедиціи Кремлевскаго строенія въ числѣ канцелярскихъ чиновниковъ и при преобразованіи оной въ московскую дворцовую контору остался за реформою и изъ вѣдомства ея уволенъ; аттестата же, по неявкѣ его въ контору, выдано ему не было. Постановление: «Просителя кол. секр. Герцена опредѣлить по прежнему въ вѣдомствѣ сей конторы, [въ число канцелярскихъ чиновныхъ безъ жалованья, впредь до усмотрѣнія, о чемъ ему объявить и помѣстить къ должности».

Преобразование экспедиціи въ контору повлекло увольненіе изъ нея всѣхъ, кто былъ на такой же «службѣ», какъ Герценъ; послѣдній, можетъ быть, и остался бы, если бы не умеръ кн. Н. Б. Юсуповъ. Братъ же, Е. И. Герценъ, дѣйствительно служившій съ самаго опредѣленія въ 1820 году, продолжалъ находиться въ штатѣ.

Здѣсь умѣстно сказать о «пройденной» Герценомъ службѣ. Въ концѣ 1823 года кн. Юсуповъ вошелъ въ департаментъ герольдіи сената съ представленіемъ о награжденіи обоихъ братьевъ чиномъ коллежскаго регистратора «за отличіе ихъ хорошимъ поведеніемъ и рачительнымъ исправленіемъ возложенныхъ на нихъ должностей». 28 марта 1824 г. Герценъ былъ пожалованъ чиномъ коллежскаго регистратора. Затѣмъ, какъ видно изъ формулярнаго списка отъ 6 сентября 1834 г. (Архивъ III отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, 1 экспед. 1834 г., дѣло № 239, приложение), 31 декабря 1826 г. Герценъ былъ произведенъ въ губернскіе секретари съ показаніемъ, что ему 20 лѣтъ; 31 декабря 1829 г. — въ коллежскіе секретари. В. И. Яковлевъ подарилъ семьѣ Герцена четыре грамоты, полученныя Герценомъ на чины гражданской службы. Содержаніе ихъ стереотипно, и потому приведу лишь первую, выданную позже, по просьбѣ И. А. Яковлева:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что МЫ Александра Герцена, который НАМЪ Канцеляристомъ служилъ, за оказанную его въ службѣ НАШЕЙ ревность и прелѣжность въ НАШИ Коллежскіе регистраторы тысяща осьмь сотъ двадцать третьяго года декабря десятаго дня, Всемилостивѣйше пожаловали и учредили; яко же МЫ симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ НАШИМЪ подданнымъ онаго Александра Герцена, за НАШЕГО Коллежскаго Регистратора надлежащимъ образомъ признавать и почитать; и МЫ надѣмся, что онъ въ семь ему отъ НАСЪ Всемилостивѣйше пожа-

лованномъ чинѣ такъ честно и прилѣжно поступать будетъ, какъ то вѣрному подданному надлежитъ. Во свидѣтельство чего Мы сіе Правительствующему Сенату подписать и Государственною НАШЕЮ печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ Санктпетербургѣ Апрѣля 24-го дня 1825 года.

Сенаторъ и Кавалеръ *Муравьевъ-Апостолъ*.

Сенаторъ и Кавалеръ *Графъ Федоръ Толстой*.

Сенаторъ и Кавалеръ *Павелъ Мансуровъ*.

22. О мѣстѣ человѣка въ природѣ ¹⁾.

(Посвящается Татьянѣ Петровнѣ Пассекъ).

Горе вамъ, книжницы и фарисеи, яко очищаете внѣшнее сткляницы.

(*Матѳ. XXIII. 25*).

Es ist nicht draussen

Es ist in dir; du bringst es ewig hervor ²⁾.

(*Schiller*).

Semblables aux physiologistes les philosophes critiques ont fait de l'univers ce que ceux là ont fait de l'homme vivant—un cadavre.

«Relig. du St. simonisme».

B. Rodrigues (p. 168) ³⁾.

Законы природы, проявленіе ея жизни постоянны и неизмѣняемы въ отдѣльномъ феноменѣ и во всемъ мірѣ феноменальномъ. Такъ и хронологическое развитіе ея носить отпечатки строжайшей послѣдовательности; постепенно восходитъ она отъ простаго къ сложному, начавшись тѣлами тайножизненными и оканчиваясь самопознаніемъ. Какое мѣсто развивающаяся природа предоставила человѣку?

Было время, когда планета наша ⁴⁾ *неустроенная*, по словамъ боговдохновенной геогоніи, ненаселенная, ⁵⁾ *неоконченная* носилась

¹⁾ Надѣмся, что *Г. Максимовичъ* ⁶⁾ проститъ намъ похищеніе сего прелестнаго выраженія. *А. И. Г.*

²⁾ «Это не внѣ, а внутри тебя; ты постоянно выносишь это во-внѣ». *Шиллеръ*.

³⁾ «Подобно физиологамъ, философы-критики сдѣлали изъ міра то, что тѣ сдѣлали изъ живого человѣка,—трупъ». *Б. Родригъ*.

⁴⁾ Проф. М. А. Максимовичъ употребилъ это выраженіе въ своей статьѣ «О человѣкѣ», въ ч. V «Телескопа» 1831 г.

въ безпредѣльномъ пространствѣ солнечной системы; дикія, необузданныя силы природы яростно бушевали на ней; огромныя скалы гранита дробились, засыпая своими обломками другія развалины, другіе обломки; клокочущія рѣки растопленныхъ металловъ обтекали поверхность ея, чуждую всякихъ жителей; «но и черезъ сіи разрушенія видна цѣль творенія», говоритъ историкъ природы Гердеръ. Симъ хаотическимъ состояніемъ началось развитіе планеты; изъ стихійнаго бытія она переходила къ бытію собственному и началась одной природой неорудной, требующей наименьшей степени жизни, живущей *смертью прочихъ* царствъ; когда она образована достаточно, послѣ появленія первозданныхъ горнокаменныхъ породъ, бушующія силы утихаютъ, необъятная теплота, сплавившая въ шаръ нашу планету, уменьшается, устремленія огненныя рѣже проторгаются на поверхность, и она овлажена водою, падающей изъ атмосферы, которая не могла низвергнуться на каленую поверхность. Явились условія жизни растительной, явились растенія и съ самага начала, т. е. съ растеній безсѣменодольныхъ. Доселѣ въ нѣдрахъ земли, среди породъ второзданныхъ, остались слѣды этихъ гигантскихъ папоротниковъ, вытянутыхъ въ необъятную форму, болѣе нежели тропическимъ жаромъ, повсюду бывшимъ. Поверхность охлаждалась, сильнѣе стремилась на нее вода, и яростные потоки, изрывая долины, образуя горы, отторгая скалы, растворяя камни, уничтожили первыхъ жителей земной поверхности и скрылись, оставя за собою безчисленное множество водяныхъ животныхъ. (Такъ, кажется, порядокъ нарушился, ибо за безсѣменодольными растеніями должны бы были явиться сѣменодольныя. Нѣтъ, низшее въ животномъ царствѣ не совершеннѣе высшаго въ растительномъ. Возьмите магнолію, прелестную восточную магнолію, и сравните ее съ какимъ-нибудь полуживымъ слизнякомъ. Степени жизни образуютъ круги пересѣкающіеся). Далѣе новые слѣды и области растеній и животныхъ, и новые слѣды переворотовъ, погубившихъ ихъ, и въ числѣ оныхъ звѣри, огромные, соотвѣтствующіе тогдашней колоссальности и разрушеній и созданій. Хотите ли вы видѣть эту природу, дикую, неоконченную, колоссальную? Тогда оставьте Европу,—посредственную, истасканную Европу,—въ ней все половинно и бѣдно; оставьте ея полумертвыя сосны, ея полуживыя липы, ея плачущіе тополи, ея узкія рѣки, ея умѣренный климатъ, ея вѣчную Швейцарію съ своими ледниками. Ступайте туда, гдѣ кора баобаба вамъ скажетъ о нѣсколькихъ столѣтіяхъ своего бытія, гдѣ гордая, благородная пальма надменно подымаетъ коронованную голову свою; ступайте туда, въ Новую Голландію, въ ту дѣвственную страну, къ которой еще едва прикоснулась рука человѣка; туда,

гдѣ на всей землѣ еще не зажили рубцы и раны ужасныхъ переворотовъ, гдѣ каленое небо васъ сожжетъ, гдѣ близокъ океанъ и гдѣ что-то допотопное вамъ напомнитъ орниторныхъ, съ которыми скорѣе встрѣтитесь, нежели съ человѣкомъ. Почти такова была и природа второзданная. Но снова льется пламя изъ нѣдръ земли, снова вода заливааетъ высочайшія горы,—царствуетъ разрушеніе. Послѣ него третъезданная области, на которыхъ мы обитаемъ. Труды Гумбольдта, Броньяра, Кювье распластали передъ нами шаръ земной до самаго ядра его, кости животныхъ допотопныхъ,—мамонты, мастодонты, палеотеріи,—найлены и опредѣлены съ точностью. Но гдѣ же *homo diluvii testis* ¹⁾? Это загадка для геологовъ прошлаго вѣка. Она разрѣшилась тѣмъ, что Кювье доказалъ невозможность найти ихъ. Итакъ, образующая природа отдѣлила цѣлымъ міромъ развалинъ и разрушеній, океанами потоковъ и огненными изверженіями царство животное отъ царства самопознательнаго. Творецъ желалъ, чтобъ природа, вполне развитая, представилась царю своему—человѣку, необходимому для природы. Кто безъ него оцѣнилъ бы твореніе и благоговѣлъ бы передъ творцомъ и любилъ бы его? Съ появленіемъ человѣка прекращаются эти повсемѣстные перевороты, и чѣмъ далѣе, тѣмъ они рѣже. Теперь намъ изрѣдка природа напоминаетъ власть свою вулканическими изверженіями, частными потоками и сотрясеніемъ земли. Такъ послѣ сильной бури усталая туча уходитъ за небосклонъ, но еще издали слышны по временамъ глухіе перекаты грома, и блѣдная молнія, мгновенно вспыхивая, озаряетъ окрестности. Дикіе, всеобщіе перевороты исчезли. Природа бережетъ любимое дитя свое—человѣка.

И кто же этотъ человѣкъ, превознесенный надъ всею природою? Неужели животное, какъ и всѣ прочіе? Для разрѣшенія сего кинемъ взглядъ на восхожденіе бытія отъ ископаемаго до человѣка.

Различныя степени проявленія жизни выражаютъ различныя идеи и, хотя онѣ сбѣгаются на рубежахъ своихъ, но ярко раздѣлены (допустимъ выраженіе) центрами своими. Начальное явленіе бытія съ преобладаніемъ формы мы встрѣчаемъ въ ископаемыхъ неорудныхъ, но не безжизненныхъ. Отвергнувъ жизнь ископаемыхъ, трудно понять преобладаніе формы, которая со всею строгостью выполняется, будучи начерчена еще въ возможности. (Люди гениальные, обращая ясновидящій взоръ свой на предметы часто по какому-то внутреннему чувству, — можетъ, безотчетному,—открываютъ истины, не имѣя путей къ нимъ. Такъ составилаь идеальная часть свѣта въ думахъ великаго Колумба, такъ составилаь глу-

¹⁾ Человѣкъ—свидѣтель потопа.

бокая мысль Коперника, такъ и Линней предчувствовалъ, что ископаемая живуть; иначе—какъ бы могъ онъ мечтать и въ нихъ найти половую систему). Жизнь эта только образовательная; произведя форму, она цѣпенѣтъ, застываетъ, и эта форма, въ которой проявилась *жизнь минеральная*, пребываетъ, доколѣ *внѣшнее* не измѣнитъ или не разложитъ ее. Черезъ плѣсни, черезъ *materia viridis* (Prystley) переливается тайножизненная природа въ растительножизненную; здѣсь жизнь полная борется съ минеральнымъ оцѣпенѣніемъ; растеніе приковано къ матеріку, материкъ—часть его; оно увеличивается извнутри, но его строеніе близко къ минеральному; нѣтъ средоточія, нѣтъ единства: органы наружу, и полное развитіе однихъ есть упадокъ другихъ. Хаотическая область животнорастеній служитъ переходомъ или, лучше,—вступленіемъ въ царство животнорастенное. Здѣсь впервые является недѣлимое, недѣлимое цѣлое, само въ себѣ заключенное, сосредоточенное, отторженное отъ материка, мѣняющее свое мѣсто и,—что всего важнѣе,—умѣющее чувствовать и дѣйствовать. Здѣсь, кажется, высшее развитіе природы матеріальной. Все, что возможно при помощи жизни, сдѣлать изъ вещества, все, кажется, истощено, — *матерія возвысилась до чувствованія!* Уже плодотворная система не есть *ultimus finis* ¹⁾; мозгъ, общее чувствилище, вѣнчаетъ животнаго; зрѣніе, обонаніе, слухъ—эти окна, прорубленныя на видимую природу, оканчиваютъ, заключаютъ животный организмъ ²⁾.

Остановилось ли развитіе природы на животномъ царствѣ? Нѣтъ, оно идетъ далѣе. Творецъ создаетъ человѣка по образу и по подобію своему; безъ человѣка природа не вполнѣ выразила бы Творца. Безусловное самопознаніе Всевышняго соединяется съ бессознательнымъ веществомъ, и является существо среднее между Богомъ и природою, тѣломъ принадлежащее міру конечному, міру формъ, духомъ—міру идеальному, безконечному. Его бытіе здѣсь есть явленіе и, какъ всѣ явленія, преходяще; по совершеніи онаго его гетеростихійное существованіе въ мірѣ формъ прекращается; тогда его тѣло—часть планеты, его духъ летитъ въ свою родину, къ своему Творцу,—она часть Его! Сей то *эклектизмъ* духовнаго съ тѣлеснымъ и есть человѣкъ. Соединеніе противоположностей кажется натяжкой, а между тѣмъ это одинъ изъ главнѣйшихъ законовъ природы. Вещество (по теоріи динамической) есть соеди-

¹⁾ Конецъ всего.

²⁾ И въ семъ отношеніи человѣкъ ниже животныхъ, говоря о силѣ чувствъ, но могутъ ли они наслаждаться гармоніею природы или звуковъ? Нѣтъ, и не оттого ли это, что у нихъ чувства соединены только въ общее чувствилище, а у насъ еще и общее чувствилище отнесено къ чему-то. А. И. Г.

неніе силы расширительной съ силой сжимательною. Соединеніе противоположныхъ электричествъ не было ли главною причиною образованія тѣлъ неорудныхъ ¹⁾?...

Чѣмъ же человѣкъ отличается отъ животныхъ? *Самопознаніемъ, мышленіемъ.* «Cogito ergo sum!» ²⁾ говоритъ великій прародитель новой философіи. Вотъ сколь важно мышленіе: оно—главное назначеніе человѣка, оно, неразрывное съ самопознаніемъ, и должно опредѣлить мѣсто человѣка въ природѣ. Далѣе и идти не для чего. Неужели мышленія недостаточно для того, чтобъ отдѣлить человека отъ животныхъ? Развѣ недостаточно потому, что нельзя опрощать чувствами мышленіе: «*еще не вижу, не иму вѣры*». Но есть животныя, столь похожія наружными частями на растенія, что нѣкогда къ нимъ относились (напр., нѣкоторые роды, принадлежащіе къ полипамъ) и отличаются невидимою силою, приводящею въ движеніе части ихъ тѣла. Изъ того же начала, человѣкъ — не животное, несмотря на сходство его земной стороны, его внѣшняго, его видимаго съ животными. Думаемъ, что другого доказательства не надобно, ибо одно возраженіе можетъ низринуть насъ,— примѣръ животнаго, которое размышляетъ! Но кто же въ этомъ поклеплетъ животнаго, несмотря на то, что инья изъ нихъ могутъ дѣлать посылки и имѣютъ инстинктъ? Кто замѣтилъ, чтобъ въ нихъ развивались идеи истиннаго, благого, изящнаго, эти проявленія самого Бога въ человѣкѣ? Но скажутъ: животныя мыслили бы, ежелибъ организація мозга была другая. Можетъ быть, но организація та, а не другая! *c'est une chose décidée* ³⁾. Мы говоримъ о полнотѣ нашего доказательства не отъ бѣдности; вотъ другое, столь же убѣдительное: *свобода и воля* человѣческая. Свобода сія настолько же отстоитъ отъ животнаго произвола, насколько разумъ отъ инстинкта; эта творческая возможность свободно дѣйствовать есть вѣрнѣйшее доказательство высокаго начала духа нашего. Человѣкъ отданъ самъ себѣ, природа строго смотритъ за животнымъ. Животное, удовлетворяющее требованіямъ, подсказаннымъ природою, есть растеніе, отвязанное отъ материка. Свободный человѣкъ можетъ всегда отдѣлиться отъ матеріи и переселиться на родину духа своего. Онъ въ себѣ носитъ начало воли, и она зависитъ, но не подлежитъ внѣшнему. Что же изъ этого? Природа самовластно управляетъ животными; но человѣкъ не покорился ей, онъ умозрѣніемъ узналъ законы ея, сбѣгающіеся съ законами его

¹⁾ Опыты Беккереля служатъ новымъ доказательствомъ. А. И. Г.

²⁾ Мыслю, слѣдовательно, существую (Декартъ).

³⁾ Это—рѣшенное дѣло.

мышленія, и покорилъ всю эту необъятную мощную природу. Слѣдовало бы еще сказать о рѣчи, но рѣчь состоитъ изъ знаковъ, коими мы означаемъ понятія и передаемъ ихъ, и, слѣд., говоря о мышленіи, мы уже обнимаемъ и все отъ онаго зависящее.

Цѣль естественныхъ наукъ есть назначеніе мѣста всѣмъ произведеніямъ природы. Посмотримъ, какое же мѣсто человѣку обыкновенно даютъ естествоиспытатели.

У Линнея человѣкъ соединенъ въ одинъ порядокъ съ обезьянами и нетопырями. Но Линней знаетъ достоинства человѣка; онъ называетъ его вѣнцомъ творенія, даетъ эпитетъ *sapiens* ¹⁾ и прибавляетъ, какъ бы на смѣхъ, *posce te ipsum* ²⁾,—впрочемъ, очень нужный совѣтъ, ибо гдѣ наименѣе человѣкъ можетъ знать себя, какъ между обезьянъ и нетопырей ³⁾. Но, скажутъ, это было давно, теперь мы ушли далеко. Возьмемъ Кювье. Году нѣтъ, что онъ умеръ, и изъ современной славы нѣтъ выше его. Онъ уступаетъ человѣку цѣлый порядокъ, но неразрывныя обезьяны и здѣсь возлѣ человѣка. Говоря о различіяхъ его съ животными, вотъ съ чего онъ начинается: «нога человѣка весьма отличается отъ обезьяничей, она шире...» Намъ могутъ сдѣлать два возраженія: что естествоиспытатели разсматриваютъ одну животную сторону человѣка и что приведенные нами—сенсуалисты. Хотя на первое мы отвѣтимъ въ своемъ мѣстѣ, но скажемъ теперь, что это ихъ обыкновенная защита, но они не вѣрны сами себѣ, говоря всегда о душѣ человѣка. Для опроверженія второго стоитъ только привести въ примѣръ Окена, Шеллингова послѣдователя, натурфилософа Окена. Человѣкъ у него—животное и тоже сродни обезьянамъ. Сколь несправедливо подобное помѣщеніе человѣка, столь же ужасенъ материализмъ, которымъ объясняютъ психологію нашу. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Знаете ли, отчего человѣкъ не скитается по лѣсамъ, а живетъ въ обществахъ? Кювье это объяснилъ подробно. Недостатокъ пищи не позволялъ содержать болѣе одной жены человѣку, а одно изъ принадлежностей моногаміи въ животномъ царствѣ есть участіе отца въ воспитаніи дѣтей, поелику же младенчество человѣка занимаетъ долгое время, то между тѣмъ родятся новыя дѣти, а какъ они слабѣе своихъ родителей, то остаются при нихъ и подъ ихъ властью. Вотъ зерно общества и его іерархіи. Не говоря о слабости нашихъ выводовъ, замѣтимъ: для чего же человѣку, ежели онъ животное, содержать женъ своихъ? почему на Востокѣ есть

¹⁾ Мудрый.

²⁾ Познай самого себя.

³⁾ См. С. Linné «Systema Naturae». А. И. Г.

общества и при полигаміи? почему дѣти не оставляютъ родителей и при совершеннолѣтствѣ? ¹⁾ Хотите ли знать, что такое умъ и почему его нѣтъ у животныхъ? Окенъ вамъ скажетъ: «Голосъ человѣка столь разнообразенъ, что вмѣщаетъ въ себѣ голоса всѣхъ животныхъ, отсюда—возможность рѣчи. Способность понимать всѣ возможные тона называется *умомъ*, котораго оттого нѣтъ у животныхъ, что они могутъ понимать только малое число тоновъ ²⁾». Возражать не станемъ: эта честь должна вполнѣ принадлежать—*глухонѣмымъ*! Греки очеловѣчили своихъ боговъ и, слѣд., понятие человѣка возвысили до божества, а мы стараемся унижить человѣка до животнаго съ такою энергіею, что одинъ извѣстный естествоиспытатель увѣряетъ, что обезьяны говорили бы, ежелибъ у нихъ нѣсколько измѣнить строеніе гортани, а Гельвецій въ *блаженной памяти* матеріализмѣ своемъ доказываетъ, что люди жили бы въ лѣсахъ, были бы скоты, ежели бы,—смѣшно сказать,—вмѣсто рукъ у нихъ были бы копыта! Вѣрите ли вы этому?... Впрочемъ, есть естествоиспытатели, которые были справедливей къ человѣку; таковы, напримѣръ, Боннетъ, Шубертъ, Зуевъ.

Разсмотримъ, отчего сіе ложное мѣсто человѣку и, слѣд., обнаружимъ недостатокъ способовъ, по коимъ опредѣляли его.

Умъ человѣческой дѣйствуетъ по опредѣленнымъ законамъ, и нелѣпость, какъ противорѣчіе симъ законамъ, ему невозможна. Отчего же безчисленныя ошибки, ложныя теоріи, системы? Отъ неполноты, отъ недостатка метода. Кажется, можно принять сіе мнѣніе; слѣд., здѣсь-то въ корнѣ и надлежитъ отыскать начало ложной мысли, которую мы опровергаемъ. Важность метода не подлежитъ сомнѣнію. Картезій, первый законодатель метода, великій Декартъ, когда хвалили его математическія открытія, говорилъ: «хвалите не открытія, а методу». Она есть порожденіе новѣйшихъ временъ и вѣрная сопутница имъ въ вѣчность. Но да позволено будетъ нѣсколько отклониться, чтобъ изъ самыхъ общихъ началъ вывести наше мнѣніе. Два начала въ полномъ слитіи составляютъ вселенную: идея и форма, внутреннее и внѣшнее, душа и тѣло. Мышленіе человѣческое раздвоилось. Человѣкъ, рѣдко умѣренный, всегда увлекаемый первою мыслью или первымъ впечатлѣніемъ, исключительно предавался либо внутреннему, либо внѣшнему, тонулъ въ идеальномъ или терялся въ реальномъ. Платонъ воздвигнулъ колонну гигантскую, высокую, донебесную, воздвигнулъ ее душѣ человѣческой и направилъ къ Богу. Аристотель создалъ огромный, колоссальный

¹⁾ См. «Règne animal» par Cuvier, 1, 77 ed. 2. А. И. Г.

²⁾ См. Окенъ, «Lehrbuch der Naturgeschichte». А. И. Г.

Пантеонъ, въ него заключилъ всю природу и грядущимъ вѣкамъ завѣщаль наполнить пустоты. XXII столѣтія не смѣли выйти изъ перипатетическихъ портиковъ. Двойство это повторилось еще недавно, его выразили геніи, достойные временъ новѣйшихъ: Картезій и Бэконъ. Картезій съ своимъ внутреннимъ сознаниемъ, съ своею умозрительною методою, съ огромными теоріями; Бэконъ съ внѣшними чувствами, съ наблюдательною методою, съ вѣчнымъ a posteriori. Оба они велики, колоссальны, но оба неполны, односторонни: истина, кажется, осталась между ними, и они захватили только края ея. Почти всѣ естествоиспытатели приняли методу Бэкона; она превосходна, безчисленное множество открытыхъ фактовъ говоритъ въ ея пользу, но она не полна. Самъ Бэконъ, зная недостаточность однихъ фактовъ, которые никогда не могутъ составить полнаго знанія, предложилъ методу рациональную, которая, «соединясь бракомъ съ опытною и даетъ превосходное познаніе». Онъ вполне чувствовалъ важность умозрѣнія въ естественныхъ наукахъ. «Нѣтъ лучшаго истолкователя природы, какъ умъ человѣческой; онъ проникаетъ далѣе чувствъ» ¹⁾. Естествоиспытатели сдѣлали болѣе: имъ и Бэконова метода показалась слишкомъ обширна; они выбросили изъ нея рациональную сторону и оставили одни наблюденія и опыты, соединяя ихъ различными искусственными способами между собою. Что же отсюда могло выйти? Грубый матеріализмъ; онъ и не замедлилъ явиться. Все идеальное, духовное исчезло, мышленіе истолковалось домашними средствами изъ *особаю* расположенія органовъ. А мы сказали, что человѣкъ отъ животнаго отличается душою. Они уничтожили душу. Что же вышло изъ человѣка? Животное. Они такъ и приняли. Но совѣсть ихъ замучила; они видѣли, что человѣкъ не животное, надобно было найти отговорку и прибавили: *по образованію органовъ своего тѣла*. Странная логика! Также можно сказать: животное по растительной сторонѣ есть растеніе, но, вѣдь, дѣло естественныхъ наукъ показать, что человѣкъ самъ въ себѣ и что онъ весь относительно прочихъ произведеній, а не что онъ именно по такимъ-то частямъ. И по какому праву они могутъ разбирать въ человѣкѣ одну вещественную сторону, когда она природою такъ тѣсно соединена съ невещественною? Ежели же они отвергнули невещественную сторону, такъ для чего же было оговариваться? Вся сія несообразность произошла отъ искренняго употребленія метода Бэкона, которой взята одна часть, наименѣе заставляющая думать, наиболѣе—работать. Такова судьба почти всѣхъ основателей школъ, еще болѣе—всѣхъ начинаній человѣ-

¹⁾ «De dignitate et augmentis scientiarum», I. А. И. Г.

ческихъ. Первая мысль чиста, высока, но послѣдователи, но время, вытягивающіе изъ начала до послѣдней жилы и часто сбивающіеся съ пути начальнаго, доходятъ до несообразностей. Горняя философія Платона произвела мистицизмъ александрійскій. Бэконъ, хотѣвшій создать всѣ науки,—Вольтера, все низвергающаго; національное собраніе 89 года—темный кровавый терроризмъ 93-го; Бонапартъ—Наполеона. Но лучше ли бы было, ежелибъ человѣкъ держался всегда середины? Не думаемъ, но это внѣ нашего разсужденія... Съ другой стороны, взгляните на идеи, чисто принадлежащія вѣкамъ палингенезическимъ: онѣ идутъ, непрерывно усовершаяся, ибо ихъ¹⁾.

Обыкновенно говорятъ, что два способа познанія: аналитическій и синтетическій. Въ этомъ и спорить нельзя, что анализъ и синтезъ не все равно, и что то и другое суть способы познанія; но, намъ кажется, несправедливо принять ихъ за отдѣльные способы познанія: это поведетъ къ ужаснѣйшимъ ошибкамъ. Ни синтезъ, ни анализъ не могутъ довести до истины, ибо они суть двѣ части, два момента *одного* полного познанія. Естествоиспытатели и здѣсь поступили такъ же, какъ съ Бэкономъ: они вооружились скальпелемъ анализа и имъ показалось за глаза довольно. Отсюда произошло нѣкоторое, иногда многостороннее и точное, познаніе частей при совершенномъ незнаніи цѣлаго. Возьмите всѣ естественныя науки. Что въ нихъ наиболѣе успѣло? Органологія, зоотомія, анатомія, описаніе видовъ и родовъ, а физиологія, естественная система давно ли явились и много ли успѣли? О психологіи и говорить нечего. Въ физикѣ превосходно разобраны нѣкоторыя отдѣльныя явленія, сдѣланы удачныя примѣненія открытій, а главные дѣятели природы, законы ихъ дѣйствованія, причины явленій,—до нихъ рѣдко доходитъ и рѣчь. Анализъ взялъ верхъ въ химіи, а какъ не вспомнить сказанное страннымъ феноменомъ прошлаго вѣка, тѣмъ человѣкомъ, который не имѣлъ ни предшественниковъ, ни послѣдователей, въ обширномъ смыслѣ, въ своей стезѣ,—Ж. Ж. Руссо: «Тогда только повѣрю, что имѣете полное познаніе о тѣлахъ орудныхъ, когда изъ элементовъ ихъ воспроизведете». И какъ же по этой методѣ можетъ быть иначе? какъ при ней цвѣсти физиологіи, психологіи? Девизъ анализа—разъятіе, части; а душа, а жизнь находятся въ цѣломъ организмѣ и при томъ въ живомъ организмѣ. Съ ножомъ и огнемъ идутъ естествоиспытатели на природу, рѣжутъ ее, жгутъ и послѣ увѣряютъ, что, кромѣ вещества, ничего не существуетъ. И для чего все это они дѣлаютъ? Не для того, чтобъ по-

¹⁾ Четыре слова не разобраны.

вѣрить какую-нибудь мысль, выполнить теорію, а такъ,—*посмотрѣть, что выйдетъ*. Посмотрите зато, какова природа выходитъ изъ ихъ рукъ. Это ужъ не та природа, полная жизни и изящнаго, дышащая свободою, проявленная идея Бога; однимъ словомъ, природа горъ и океана, природа грозы и красотъ дѣвы. Нѣтъ, это холодный мертвый трупъ, изрѣзанный на анатомическомъ столѣ, желтый, посинѣвшій. Все приведено въ безпорядокъ, всего множество, но оно лишнее; нѣтъ жизни и никто не знаетъ, зачѣмъ эта груда костей, зачѣмъ эти животныя и въ числѣ ихъ *одно* лучше прочихъ—животное-человѣкъ! На сихъ-то развалинахъ царить блѣдный, хладнокровный матеріализмъ и, подобно всѣмъ тиранамъ, окруженъ трупами и увѣряетъ, что это самое высшее состояніе наукъ, и увѣряетъ, что никогда оно не падетъ.

Слѣдственно, скажутъ, по вашему, сенсуализмъ вреденъ и должно принять воззрѣніе и методу умозрительную? Нѣтъ, сенсуализмъ принесъ огромную пользу, онъ приготовилъ несмѣтное множество матеріаловъ, изъ нихъ люди гениальные создадутъ полное воспроизведеніе природы въ умѣ человѣческомъ; скажемъ болѣе: естествоиспытателю *нѣкоторымъ образомъ* необходимо быть сенсуалистомъ, ибо, что идеалисты ни говорятъ, но нельзя познаваемое узнать безъ посредства чувствъ; ощущенія чувственныя служатъ началомъ познанія, они какъ бы даютъ первый толчокъ дѣятельности познающей способности. Но, употребляя опытную методу, не должно на ней останавливаться,—надобно дать мѣсто, и при томъ мѣсто большое, умозрѣнію; факты чрезвычайно важны, но одни голые факты еще мало представляютъ разуму. Возьмите для примѣра всѣ прикладныя части математики. Начинается съ эмпириі, съ опыта; но какъ скоро вы его сдѣлали, вы, уже не обращаясь снова къ опыту, выводите законы, въ природѣ существующіе, со всѣми ихъ измѣненіями единственно дѣйствіемъ ума. Посмотрите, какъ открылъ Ньютонъ теорію тяготѣнія, какъ дошелъ Лапласъ до величайшихъ открытій своихъ въ астрономіи. Хотя описательныя естественныя науки въ семъ случаѣ гораздо ниже, но мы и здѣсь можемъ назвать Де-Кандоля, Жофруа Сентъ-Илера, въ нѣкоторомъ отношеніи Бедана и др. Они употребляютъ почти тотъ же способъ, который съ такимъ успѣхомъ приложенъ къ физикѣ Біо и который при дальнѣйшемъ развитіи можетъ ихъ поставить на ряду съ науками точными. Но зато ультра-сенсуализмъ большого числа естествоиспытателей заслуживаетъ всеобщее порицаніе, несмотря на нѣкоторую пользу, имъ приносимую. Мы можемъ здѣсь сказать съ Аристидомъ: *полезно, но несправедливо!* Эти люди явно встаютъ противъ философіи, почитая ее метафизическимъ бредомъ.

Смѣются надъ методою и всякій синтезъ считаютъ схоластикою,— и все это въ XIX столѣтіи! Но посмотрите, какъ они довольны собою, какъ сіи чернорабочіе ученаго міра презрительно говорятъ о своихъ предшественникахъ:

Man dächte hört man sie reden Laut,
Sie hätten wirklich erobert die Braut ¹⁾.

Schiller.

Они почили на совершенствѣ *частныхъ изслѣдованій*, и никакихъ дальнѣйшихъ требованій не развивается въ душѣ ихъ, и никакіе помыслы не колеблуть ее. *Спите, почивайте!* Съ другой стороны, кажется, и одинъ идеализмъ не приведетъ къ полному познанію природы, ибо что можетъ быть реальнѣе ея. Идеализму принадлежитъ одна ноуменальная часть, а природа не есть ли міръ явленій? Вспомнимъ Фихте. Онъ за своимъ *я* не разглядѣлъ природы. Въ идеализмѣ увидите часто, что всю природу подталкиваютъ подъ блестящую гипотезу и лучше уродуютъ ее, нежели мысль свою.

Что же дѣлать?—скажете вы. Послѣдовать правилу Бэкона и соединить методу раціональную съ эмпирическою. А для того, чтобъ соединеніе было полно, необходимо слитіе воедино (а не смѣсь!). Тогда только можно будетъ ждать, что естественная исторія станетъ на высокую степень *науки* и догонитъ то совершенство, до котораго (въ нѣкоторомъ смыслѣ) достигла астрономія, старшая сестра ея. Тогда онѣ, зная эмпирически предметъ свой, будутъ знать и идею, которую онѣ выражаютъ, будутъ въ состояніи не просто списывать природу, но выводить необходимость ея существованія такъ и не иначе. Но естествовѣдѣніе имѣетъ защитою свою юность (мы не говоримъ о частныхъ изслѣдованіяхъ древнихъ, ни даже объ Аристотелѣ и Плиніи), оно родилось послѣ Бэкона, а химія и физика едва-ли существуютъ полвѣка.

Мысль сія не оригинальна, она принадлежитъ къ ряду идей, развивающихся съ начала XIX столѣтія. Никогда умственная дѣятельность не была столь сильна и столь исполнена жизни, какъ въ два послѣдніе вѣка. Человѣчество переходило отъ одной крайности къ другой, часто обливая кровью путь свой, и, наконецъ, видя неполноту всѣхъ исключительныхъ теорій, оно, усталое, потребовало соединенія крайностей: *Ni bonnet rouge* — говоритъ В. Гюго—пѣ

¹⁾ Они говорятъ такъ громко, будто дѣйствительно отвоевали невѣсту. *Шиллеръ.*

talon rouge! ¹⁾). Конечно, съ симъ не остановится дѣятельность умственная, ибо самое соединеніе двухъ началъ не есть ли задача въ безконечность; ибо кто исчислить пропорціи, въ коихъ можно соединять сіи начала; даже не прекратится бореніе противоположныхъ стихій—это жизнь умственная; но стремленіе соединить противоположности сильно влилось въ умы ²⁾). Мысль эта, повторяемъ, принадлежитъ юнымъ идеямъ, столь исполненнымъ надеждъ, и всякій долженъ почестъ весьма счастливымъ себя, ежели послужить, хотя самымъ слабымъ, отголоскомъ ихъ. Теперь человѣкъ можетъ порадоваться, подышать надеждами: XVIII вѣкъ, вѣкъ анализа и разрушенія, окончился тѣмъ колоссальнымъ огненнымъ изверженіемъ, которое столь похоже на мощные перевороты допотопные, измѣнявшіе все лицо планеты, котораго горящіе камни разлетѣлись по всему свѣту и котораго лавы крови разлились отъ гильотины *Площади революціи* (Place de la révolution) до подножія родного Кремля. Изъ развалинъ возникъ новый человѣкъ, стряхнулъ съ себя пыль и, благодаря предшественниковъ, началъ новое зданіе. Теперь онъ строить, погодимъ судить его: это великое дѣло будетъ принадлежать потомству; мы можемъ только наслаждаться лучемъ надежды, который на насъ льетъ яркій свѣтъ свой. Высоки требованія обновленнаго человѣка. Возьмите Шеллинга; онъ, можетъ, во многомъ шель слишкомъ далеко, но какія высокія мысли, какое понятіе о природѣ, о наукахъ,—въ особенности, сошлемся на «*Vom Akademischen Studium*». Придутъ другіе, которые выполнятъ его требованія, будемъ благодарны и ему: онъ указалъ ихъ. Возьмите Францію, эту страну по превосходству матеріалистическую. Давно ли Кабанисы, Траси, Азаисы повторяли уроки Кондильяковы и энциклопедистовъ, и имъ рукоплескали, а теперь центръ матеріализма—Ecole normale, образованная матеріалистами, вскормленная матеріалистами, оканчивая блестящее существованіе, на развалинахъ своихъ возрождаетъ новую школу, болѣе сообразную духу времни. Пусть нынѣ поносятъ ее (изъ видовъ политическихъ и личныхъ), но велика и эта школа; ея девизъ близокъ къ душѣ человѣка XIX столѣтія:

Tout accepter et rien exclure ³⁾.

Декабря I, 1832.

¹⁾ Ни красной шапки, ни краснаго каблука.

²⁾ Назовите, что это эклектизмъ, отдайте его Кузену и прибавьте, что Кузенъ жилъ въ Парижѣ (какъ говорятъ въ Москвѣ), это намъ все равно. А. И. Г.

³⁾ Все допускать и ничего не исключать.

1833

23. 28 января.

(Посвящается другу моему Діомиду) ¹⁾.

Рекла: сей человѣкъ предѣлъ мой нарушилъ.

Ломоносовъ.

Et la révolution se fait homme ²⁾.

V. Hugo.

Орбиты планетъ извѣстны; образъ движенія ихъ раскрытъ; думаютъ, что уже достигли до полнаго знанія системы міра, какъ внезапно появляется комета, мерцая косою, прокладывая себѣ путь новый, самобытный, пересѣкая во всевозможныхъ направленіяхъ пространства небесныя. Надменный астрономъ теряется, думаетъ, что разрушены имъ открытые законы, но комета, нисколько не разрушая законовъ вселенной, сама подчинена имъ и имѣетъ свои законы, вначалѣ необъятые слабымъ мышленіемъ человѣческимъ, раскрытые вполсѣдствіи. *Являющееся въ безпредѣльныхъ пространствахъ системъ небесныхъ повторяется въ развитіи человечества, коею орбита также вычислена*, также имѣла своихъ Кеплеровъ. Внезапно появляется великій, мощный, какъ будто смѣется надъ историкомъ и его законами и силою воли и рушить, и созидаетъ. Хотя воля человѣческая не закована въ законы математическіе, однакожъ, мудроно допустить здѣсь произволь, замѣчая гармоническое *развитіе человечества*, въ которомъ всякая индивидуальная воля, кажется, поглощается общимъ движеніемъ, подобно, какъ движеніе земли уноситъ съ собою всѣ тѣла, на ней находящіяся. Между

¹⁾ Діомидъ Васильевичъ Пассекъ, братъ Вадима Пассека, женившася на Т. П. Кучиной.

²⁾ И революція воплощается въ человѣкѣ. *В. Гюго.*

тѣмъ, вотъ Петръ. Силою своего генія, вопреки народу, онъ выдвинулъ отсталую часть Европы, и она, быстро развиваясь, устремилась за старшими братьями. Петръ, который также, подобно кометѣ, не совершивъ круговорота, исчезъ, удалился за предѣлы нашего міра, вѣкъ и семь лѣтъ тому назадъ, 28 января.

Посмотримъ же: 1) явился ли сей гигантъ вопреки всѣмъ историческимъ законамъ, столь самобытнымъ, столь заключеннымъ въ самомъ себѣ, что, съ одной стороны, въ немъ не было исторической необходимости, съ другой,—что безъ него Россія осталась бы донинѣ въ томъ состояніи, въ которомъ была до него, и 2) послѣ устремленія Россіи къ европеизму, въ чемъ и какъ успѣла она до нынѣшняго времени.

Ст а т ь я I.

Развитіе челоѳчества требуетъ,—скажемъ болѣе: обрекаетъ нѣкоторыхъ людей на высокую должность развивателей. Преклонимъ главы наши предъ ними, но не забудемъ, что они—орудія идей, которыя и безъ нихъ,—можетъ, иначе, можетъ, позже,—но развились бы. Мѣра высоты развивателей есть ихъ самобытность и отчетливое познаніе того, что они совершаютъ. Принимая сей результатъ, поищемъ, возможно ли истолковать явленіе Петра изъ законовъ развитія идеи, понять оное не произвольнымъ, но необходимымъ.

Для сего предварительно разрѣшимъ слѣдующій вопросъ: принадлежатъ ли славяне къ Европѣ? Намъ кажется, что принадлежатъ, ибо они на нее имѣютъ равное право со всѣми племенами, приходившими окончить насильственной смертью дряхлый Римъ и терзать въ агоніи находившуюся Византію, ибо они связаны съ нею ея мощной связью—христіанствомъ; ибо они распространились въ ней отъ Азіи до Скандинавіи и Венеціи. Польша съ давнихъ временъ считалась нераздѣльною съ Европою, другіе осколки сего племени также давно уже сроднились съ нею.

Ежели примемъ, что принадлежатъ, ежели примемъ, что Европа составляетъ живой организмъ, имѣющей свою жизнь, свою цѣль, свой девизъ, несмотря на всю разнородность частей своихъ, то будемъ въ необходимости принять и слѣдующее. Въ семъ живомъ организмѣ славяне, какой бы индивидуализмъ ни имѣли, какое бы мѣсто ни занимали: по мнѣнію ли Мишле,—охраняя восточные предѣлы Европы, или, какъ думалъ великій Петръ,—внѣдря въ Азію европеизмъ, ибо для цѣли жизни государства еще недостаточно быть ведетою для другихъ государствъ, или иначе,—всѣ они должны

вмѣстѣ съ Европою стремиться къ ея мечтѣ:—таково условіе всего органически живого. Иначе они не составили бы живой части Европы, на что, собственно, мѣстоположеніе не даетъ еще права, въ чемъ свидѣтельствуесть Турція, которая, съ самаго начала изгнавъ европеизмъ изъ Византіи, никогда не сроднилась съ Европою. Въ тенденціи Европы сомнѣнія нѣтъ: каждый знаетъ и никто не спорить въ томъ, что она развиваетъ гражданственность и устремляетъ къ дальнѣйшей цивилизаціи (въ обширномъ смыслѣ) человѣчество, доставшееся ей отъ Рима и отъ Греціи—сихъ переходныхъ состояній и соединившихся съ племенами новыми. Принявъ за основаніе высокое начало, христіанство, развивалась на Востокѣ и Западѣ жизнь Европы. Доселѣ развитіе Европы была непрерывная борьба варваровъ съ Римомъ, папъ съ *императорами*, побѣдителей съ побѣжденными, феодаловъ съ народомъ, царей съ феодалами, съ коммунами, съ народомъ. Но человѣчество находитъ собственность и неимущимъ и должно находиться въ борьбѣ, доколѣ не разовьется, не будетъ жить полною жизнью, не взойдетъ въ фазу человѣческую, въ фазу гармоніи, или должно почить въ самомъ себѣ, какъ политическій Востокъ.

Въ этой борьбѣ родилось среднее состояніе, выражающее начало слитія противоположныхъ началъ,—просвѣщеніе, европеизмъ. Были ли у славянъ или, частнѣе говоря, у Россіи элементы къ такой оппозиціи? Ежели и были, то весьма слабые. Норманны, въ очень ограниченномъ числѣ пришедшіе царить надъ нами, вскорѣ слились съ подданными и потонули въ славянскомъ элементѣ ¹⁾. Укажите послѣ Владиміра на одного изъ князей, сохранившаго норманскіе обычаи. Не преданная восточному созерцательному мистицизму, азіатская стоячесть овладѣвала Россією, къ чему располагало и самое огромное растяженіе ея по землѣ плоской, безгорной, удаленной отъ морей, покрытой лѣсами. Въ удѣльной системѣ (которая, можетъ, произведенная феодализмомъ, совсѣмъ не совпадала съ нимъ) не было ни оппозиціи общинъ, ни оппозиціи владѣльцевъ государю, а былъ элементъ чуждый, особой формы деспотизмъ, сплавленный изъ началъ византійскихъ, славянскихъ и азіатскихъ. Двухвѣковое иго татаръ способствовало Россію сплавить въ одно цѣлое, но снова не произвело оппозиціи. Основалось самодержавіе, — и оппозиціи все не было. Вы ее не видите ни въ самыхъ ближайшихъ

¹⁾ Гдѣ же была такая оппозиція, такія и произвела она слѣдствія свои. Норманны еще были норманнами въ Новѣгородѣ. Новгородъ былъ вольнымъ городомъ до Іоанна III, Новгородъ зналъ Европу, былъ союзникомъ ганзетическихъ городовъ. (Замѣчаніе сіе сдѣлано другомъ моимъ, В. В. Пассекомъ).

потомкахъ князей (мы исключаемъ изъ сего числа крамольныхъ бояръ, бывшихъ при Грозномъ, при Годуновѣ, при Шуйскомъ: не дерзкая аристократія составляетъ дѣятельную, живую, неутомимую оппозицію), не было ея и между народами и дворянствомъ, ибо сіе послѣднее собственно стало угнетать народъ всею гнетомъ феодальной касты со временъ слабаго Шуйскаго. Частыя переменны династій, даже междуцарствіе не возмущали мертвой тишины духа народнаго; просвѣщеніе не западало въ него, безпрерывныя войны не развивали его. И Россія, отставшая отъ Европы нѣсколькими вѣками, подвигалась тихо, почти незамѣтно. Но наступило уже то время, когда Европа, наскучивъ феодализмомъ, начавшая изслѣдовать все подлежащее уму, приготовлялась сдѣлать огромный пиръ анализу, разсмотрѣть права человѣка и произвести огромный переворотъ, долженствовавшій сплавить Европу въ другую форму. Оканчивался XVII вѣкъ, и сквозь вечерѣющій сумракъ его уже проглядывалъ вѣкъ дивный, мощный, дѣятельный, XVIII вѣкъ. Уже народы взглянули на себя, уже Монтескье писалъ, и душнѣе становился воздухъ отъ близкой грозы... А Россія все еще не имѣла и элементовъ къ ускоренію хода. Но необходимость была огромна: отставшая часть Европы должна была сколько-нибудь нагнать ее, чтобъ послѣ имѣть право на плоды XVIII вѣка, который столь дорого стоилъ и который посему-то долженъ былъ сдѣлаться общимъ достояніемъ, по крайней мѣрѣ, Европы, чтобъ послѣ видѣть эту революцію сквозь дымъ пылающей Москвы, чтобъ послѣ итти самой въ Парижъ предписывать законы побѣдителямъ и побѣжденнымъ, неразрывно слить свои судьбы съ судьбами Европы и получить въ подарокъ часть своего племени—Польшу.

Явился Петръ! Сталъ въ оппозицію съ народомъ, выразилъ собою Европу, задалъ себѣ задачу перенести европеизмъ въ Россію, и на разрѣшеніе ея посвятилъ жизнь. Германія, носившая слабѣйшіе зародыши гражданственной оппозиціи, растерзанная на нѣсколько частей, имѣла своего Петра, столь же колоссальнаго, столь же мощнаго. Петръ Германіи, это—реформація. Она не донеслась къ отдѣленнымъ отъ міра католическаго, и у насъ цѣлый переворотъ кровавый и ужасный замѣнился гениемъ одного человѣка. Замѣтимъ, однакожъ, что и Петръ, какъ и всѣ революціи, былъ исключительно односторонній предѣлъ одной идеи и ее развивалъ всѣми средствами, даже доходилъ до жестокостей, какъ реформація, какъ французскій конвентъ. Но ежели мы и примемъ необходимость Петра въ Россіи—и въ сіе время болѣе, нежели когда-нибудь,—то тѣмъ не менѣе обширна его самобытность. Появленіе его необходимо, но не вынужденно (такъ, какъ появленіе Лютера).

Нѣтъ сомнѣнія, что Россія двинулась бы впередъ: перелетныя искры европеизма занялись уже при Годуновѣ, вторгались съ Самозванцемъ, но далеко ли бы она ушла съ экзотическими отрывками сими? Не было, собственно, ни центра движенія, ни ускоряющаго толчка. То и другое создалъ Петръ. Задача, которую онъ разрѣшилъ, хотя необходима была для Россіи, но не ею предложена, а гениемъ Великаго; не ввѣрена ему обстоятельствами, но влита имъ въ обстоятельства, проведена его гениемъ въ идеи человѣчества и имъ же выполнена. Взгляните на этого изнѣженнаго царевича, 15-ти лѣтъ еще въ рукахъ нянюшекъ, окруженнаго рындами и всею пышностью восточнаго двора, невѣжду, ничему не ученаго, котораго младенчество угрожается кинжаломъ, а юность—развратомъ, приготовляемымъ сестрою; взгляните и преклоните колѣно, это—Петръ.

Укажите, гдѣ, въ какой странѣ, на какомъ поприщѣ былъ человѣкъ болѣе самобытный, для котораго обстоятельства сдѣлали бы менѣе. Великъ герой Македонскій: индивидуально онъ одинъ могъ утвердить торжество Греціи надъ Азією и начать новую жизнь самой Греціи, но онъ—сынъ Филиппа. Самобытень Карлъ Великій, но набѣги на Францію вынуждали раздробленіе набѣгающихъ въ самомъ жерлѣ ихъ, и первый явившійся воинъ долженъ бы былъ обратитъ оружіе внѣ границъ; что касается до политическихъ мечтаній и ученыхъ заведеній Карла Великаго, забудемъ ихъ. Примѣта, необходимое условіе геніальности есть успѣхъ, иначе мы должны будемъ включить въ число великихъ и Ріенци, и Бабефа, и Малатесту и... По пятамъ же за Карломъ шло чудовище въ латахъ и кольчугахъ, съ копьемъ и опущеннымъ забраломъ, презирающее народъ и расторгнувшее связи гражданскія для того, чтобъ тѣснѣе соединить узы семейныя. Мечемъ распорядило оно все съ высоты скалы, на которой обитало, и учрежденія Карла Великаго не принесли полного плода, ибо явились слишкомъ рано. А его мысль возстановитъ Римскую имперію не выполнилась, ибо явилась слишкомъ поздно. «Великъ Цезарь», сказалъ Мирабо: «изъ праха, брошеннаго Гракхомъ къ небу, родился Марій». Мы можемъ сказать, что Цезаря вызвалъ Марій съ развалинъ карфагенскихъ. Сверхъ того, поприще его прервано не оконченнымъ; мы знаемъ, что онъ сдѣлалъ Римъ своимъ, но не знаемъ, что бы онъ сдѣлалъ изъ своего Рима. Развѣ одинъ Наполеонъ пойдетъ въ сравненіе съ Петромъ,—Наполеонъ, котораго трупъ не охладѣлъ и котораго колоссальная тѣнь еще столь близка къ намъ, что мы можемъ разглядѣть ее. Необъятно великъ этотъ человѣкъ, начавшій нашъ XIX вѣкъ, окончившій разрушающій анализъ XVIII вѣка однообразнымъ синтезомъ

Европы, находившимся въ думахъ его; этотъ человекъ, который деспотизмомъ помогъ революціи облетѣть полміра, который былъ идоломъ народа, имъ скованнаго, который врубилъ свой щитъ въ стѣнахъ Кремля и на пирамидахъ Египта и который окончилъ жизнь, подобно симъ пирамидамъ: на скалѣ одинокой жилъ онъ, самъ—мавзолеей своей славы, воздвигнутой въ другомъ мірѣ, царя надъ безконечной степью волнъ. Напрасно вы будете выводить его чистую необходимость изъ революціи: онъ сынъ ея, какъ Александръ—сынъ Филиппа; оба велики, оба самобытны, но одинъ, такъ сказать, матеріально произвелъ другого.

Когда мы обратимся къ отчетливости, къ познанію цѣли, то высота Петра дѣлается еще яснѣе. Густавъ-Адольфъ, Александръ Македонскій, можетъ быть, самъ Наполеонъ дѣйствуютъ по какой-то локаціи, непреодолимому, темному стремленію, совершенно безотчетному, по тому мощному чувству, которое такъ изящно развито Шиллеромъ въ Валленштейнѣ и Вернеромъ въ Атиллѣ. Они стремились къ огромной монархіи, коей предѣлы въ мечтахъ дѣлались тѣмъ далѣе, чѣмъ болѣе они завоевывали, и польза, ими приносимая, не была ихъ цѣлью, а дѣлалась, такъ сказать, *chemin faisant* ¹⁾. Неужели Александръ при Арбеллахъ думалъ, что онъ этой битвой прекратитъ возможность набѣговъ Персіи и надолго запретъ ворота изъ Азіи въ Европу? Неужели плебей Бонапартъ думалъ поразить феодальную идею законности, садясь на тронъ Генриха IV? Цѣль Петра яснымъ фаросомъ освѣщала его путь, и въ семъ отношеніи ему подобенъ одинъ Цезарь, но не сравнивайте ихъ цѣли.

Остается намъ взглянуть, насколько успѣлъ Петръ. Для этого должно разсмотрѣть жизнь Россіи въ продолженіе вѣка послѣ его смерти, ибо ясное дѣло, что есть психологическая невозможность въ 20 лѣтъ образовать, просвѣтить страну въ 16.000.000 жителей. Надлежало только влить въ нее элементы, которые бы устремили Россію къ фаросу Петра, конечно, не съ быстротою, принадлежащею генію, но съ мощностью и силою характера славянскаго. Какіе это были элементы и какъ они развивались,—это относится ко второму вопросу. Первую же часть разсужденія заключимъ слѣдующимъ.

Не поражало ли cadaго изъ насъ равнодушіе Россіи къ Петру? Правда, ему есть памятникъ, величественный среди его города, но надпись имѣетъ «Petro Primo—Catharina Secunda» ²⁾. Софья-Доротея, принцесса Ангальтъ-Цербтская, жена гольштинскаго принца Ульриха, заказала его Фальконету. Есть и другой памятникъ; подъ

¹⁾ Мимоходомъ.

²⁾ Петру Первому—Екатерина Вторая.

нимъ написано: *Прадѣду—правнуку*; это—дѣло семейное. Но гдѣ же тутъ Россія? Гдѣ? Есть ли день, въ который бы она собиралась въ память Великаго? есть ли поэтъ, котораго онъ вдохновилъ? есть ли, наконецъ, твореніе, въ которомъ бы достойнымъ образомъ описаны были дѣянія Великаго? Но не будемъ поверхностными, не станемъ обвинять родину въ неблагодарности. Россія еще не имѣеть голоса: она пойметъ Петра и не останется къ нему равнодушна. Народы во всѣ времена сильно симпатизировали съ людьми геніальными. Цѣлый Римъ плакалъ надъ окровавленной ризой Юлія, цѣлый Парижъ приливалъ бурными волнами своими къ одру умирающаго Мирабо. Цѣлая Франція оплакивала 5 мая. Цѣлая страна преклоняетъ колѣна въ день кончины Вашингтона. Пусть разовьется у насъ народность, пусть русскіе, быстро слившіеся съ Европою, или, лучше, вдохнувъ ее въ себя, оставятъ одни элементы, имъ свойственные, и переработаютъ ихъ въ свое собственное. Тогда потребуемъ отчета у Россіи, и она не измѣнитъ великому характеру своему. Чтобъ воротиться къ сравненію, которымъ мы начали, замѣтимъ, что Пивагоръ и Сенека имѣли темное чувство, провидѣли, что кометы—не метеорическія явленія, а тѣла небесныя, постоянныя и имѣющія свои орбиты. Ньютону и Лапласу предоставлено было докончить то, что они предполагали. Но мы не забыли и тѣхъ, коимъ впервые явилась мысль сія.

28 января 1833 г.

24. Аналитическое изложеніе солнечной системы Коперника.

In medio rerum omnium residet sol... et gubernat familiam astrorum.

N. Copernici «De revolutionibus».
Lib. 1, Cap. X. ¹⁾

«Ich schau in diesen reinen Zügen
«Die wirkende Natur vor meiner Seele
liegt...»

Goethe «Faust».

Міромъ явленій окруженъ человѣкъ; явленія сіи, составляющія всю видимую природу, дѣйствуя на него, сообщаютъ, такъ сказать,

¹⁾ Въ срединѣ всѣхъ вещей пребываетъ солнце... и управляетъ семьею свѣтилъ. *Н. Коперникъ*. «Объ обращеніяхъ...» Кн. 1, глава X.

²⁾ «Въ этихъ ясныхъ чертахъ открывается передъ моею душою жизнь движущейся природы». *Гете* «Фаустъ» (Пер. А. А. Соколовскаго).

движеніе умственнымъ способностямъ, и человѣкъ начинаетъ размышлять о нихъ. Но какъ, несмотря на единство законовъ ума, различны способы размышленія, то и результаты получаются различныя. Человѣкъ, рѣдко умѣренный, всегда же увлекаемый или первымъ впечатлѣніемъ или первою мыслью, устремляется на пути ложные и съ каждымъ шагомъ далѣе и далѣе отклоняется отъ истины. Способы мышленія съ того времени, какъ началъ человѣкъ обращать вниманіе на себя и на природу, раздвоились: это равно подтверждается разсматриваніемъ человѣка à priori и опытностью вѣковъ до нашихъ дней. Или человѣкъ, полагая, что въ природѣ существуютъ токмо немногія начала, отъ которыхъ, какъ отъ причины, зависитъ весь міръ явленій, стремится со всѣмъ жаромъ высокой мысли постигнуть природу въ идеѣ, но недостатокъ фактовъ мѣшаетъ успѣху и, часто попадая по сему пути на мысли изящныя, еще чаще тонутъ въ гипотезахъ, въ узкую форму коихъ втѣсняють всю природу; или, видя недостаточность сихъ теорій, человѣкъ занимается одними явленіями, одною природою внѣшнею, собираетъ факты и, подавленный множествомъ ихъ, теряется, создаетъ на каждый отдѣльную теорію и не достигаетъ до общихъ многообъемлющихъ началъ ¹⁾). Нужно ли говорить, что здѣсь идетъ рѣчь объ обыкновенныхъ людяхъ,—геній пролагаетъ свою дорогу, указываетъ ее, но толпа послѣдователей снова сбивается. Важность методы не подлежитъ сомнѣнію; Декартъ, первый законоположитель методы, великій Декартъ говорилъ, когда превозносили его математическія открытія: «Хвалите не открытія, а методу». Займемся ею. Перебирая лѣтописи наукъ, видимъ пользу, приносимую обоими возрѣніями, но каждое особенно принять нельзя, ибо они односторонни, равно нельзя ни которые отвергнуть.

Что же дѣлать? Бэконъ Веруламскій ²⁾ и нынѣшніе эклектики ³⁾ совѣтуютъ соединять методу раціональную съ методою эмпирическою, но намъ кажется, что напрасно принимаютъ эмпирію и идеализмъ за различныя методы: это—крайности одной методы, не существующія въ отдѣльности другъ отъ друга. Ни одна метода не начиналась съ идеи, ни одна не оканчивалась фактами. Это—части одного полного познанія; итакъ, не токмо ихъ должно совокупить, но и не должно раздѣлять. Методу, такимъ образомъ понимаемую, мы найдемъ въ твореніяхъ великихъ людей, особенно жившихъ въ

¹⁾ Qui tractaverunt scientias-aut empirici, aut dogmatici fuerunt... Apis vero ratio media est. (*Vaco Novum Organon*). А. И. Г.

²⁾ «De dignitate et augmentis scientiarum» 1. А. И. Г.

³⁾ V. Cousin «Introduction à l'histoire de la philosophie» и «Fragments philosophiques», 1825. А. И. Г.

послѣднее время; такъ, разсматривая ее, мы можемъ замѣтить, что она состоитъ изъ трехъ частей: 1) изученіе явленій во всѣхъ измѣненіяхъ при всевозможныхъ условіяхъ; 2) выводъ образа или формы дѣйствія ихъ (законы), связи съ другими явленіями и зависимости отъ явленій *болѣе общихъ* (причины); 3) нисхождение отъ общаго начала къ явленіямъ, служащее повѣркою и показывающее необходимость такого существованія явленій. Избравши методу, намъ предлежитъ избрать путь аналитическій или синтетическій. Здѣсь поступимъ такъ же. Ни синтезъ, ни анализъ не доведутъ до истины, ибо они не что иное суть, какъ средства полученія одного полного познанія. Сначала умъ человѣческій дробитъ предметъ, разсматриваетъ, такъ сказать, монады его,—вотъ анализъ; потомъ складываетъ ихъ и получаетъ полное познаніе, общее начало, объемлющее части,—вотъ синтезъ. Итакъ, можно ли отдѣльно употреблять сіи способы для полученія полного познанія?

Солнечная система, до коей мы дойдемъ симъ путемъ, истинная, и это *логическое развитіе*, но таково ли было ея развитіе *хронологическое*? Оно не случайное, ибо развитіе человѣка во времени имѣетъ свои законы. Ясна важность показать соотношенія сихъ двухъ путей. Разсмотримъ, какимъ образомъ наука дошла до полного развитія системы міра. И ежели хронологическимъ порядкомъ нѣсколько подтвердится наша метода, то она истинная, ибо она естественна.

Начало всѣхъ наукъ подобно началу Нила: подобно ему, онѣ составляютъ совокупленіемъ многихъ незамѣтныхъ ручьевъ. Но собственно астрономія (какъ наука) стала существовать съ тѣхъ поръ, какъ она соединилась съ математикою: сія *леммическая* часть придала ей всю изящность, всю точность своихъ способовъ и довела до нынѣшняго совершенства. Разсматривая всѣ астрономическія свѣдѣнія народовъ древнихъ, мы видимъ множество частныхъ изысканій (Тимохариса, Гиппарха) и никакой основательной теоріи; съ другой стороны—мечтательныя гипотезы, иногда близкія къ истинѣ, иногда обличающія грубое незнаніе фактовъ. Наконѣцъ, всѣ частныя изысканія соединяются въ одно, и составляетъ теорія, существовавшая до Коперника; эта теорія изложена въ *собраніи математическихъ сочиненій Клавдія Птолемея* ¹⁾. столь глубокомысленно названномъ арабами «*Алмагестомъ*» ²⁾. Это есть сводъ, система

¹⁾ Правильнѣе *Птолемей* (Πτολεμαῖος). Ссылки мною сдѣланы на французское изданіе г. Гальмы съ примѣчаніями Делабра («*Compositions mathém. Cl. Ptolémée, Paris 1813 г.*»). А. И. Г.

²⁾ Частица ΑΙ и греческая μεγαλη—*великій*. Итакъ, твореніе Птолемея у нихъ было великое по превосходству. А. И. Г.

всѣхъ знаній, до него бывшихъ; онъ не творилъ, а выразилъ со-творенное: «Алмагестъ» въ астрономіи есть то же, что «Иліада» и «Одиссея» относительно быта древнегреческаго. Итакъ, принявъ Птолемея за представителя всей астрономіи въ древности, рассмотримъ знанія, составляющія «Алмагестъ» и систему, въ немъ предложенную.

Звѣзды, коими усѣяно небо, не остаются въ покоѣ; какое-то общее движеніе увлекаетъ ихъ съ востока на западъ,—общее, ибо относительныя положенія звѣздъ не перемѣняются. Разсматривая сіе движеніе, видимъ, что нѣкоторыя звѣзды почти никакого движенія не имѣютъ (полярная, околополярныя...); другія описываютъ около ихъ параллельныя круги увеличивающагося до нѣкотораго предѣла радіуса, достигнувъ коего, круги уменьшаются, такъ что снова окружаютъ малыми кругами почти неподвижныя звѣзды, никогда не видимыя съ нашего полушарія. Ежели опредѣлимъ звѣзды относительно постоянныхъ точекъ горизонта, то увидимъ, что онѣ возвращаются къ прежнему положенію черезъ 24 часа и, слѣд., движеніе сіе періодическое; наблюдая времена, въ кои онѣ проходятъ одинакія пространства, заключаемъ, что оно равномерное; сіе движеніе названо *суточнымъ*. Продолжая далѣе изслѣдованіе, замѣчаемъ, что нѣкоторыя изъ звѣздъ, наиболѣе блестящихъ, имѣютъ собственное движеніе, обратное общему, но постоянное и опредѣленное (планеты). Солнце и луна также имѣютъ собственное движеніе: такъ, солнце въ извѣстный мѣсяцъ восходитъ въ созвѣздіи *Льва*, черезъ нѣкоторое время оно отойдетъ отъ сего созвѣздія и, все подаваясь на западъ, черезъ 6 мѣсяцевъ будетъ восходить въ созвѣздіи, противоположномъ Льву. Наблюденія надъ полуденными высотами солнца показываютъ, что собственное его движеніе происходитъ въ плоскости круга, наклоненнаго къ экватору подъ угломъ 23°, и что солнце совершаетъ полный оборотъ (т. е. оно возвращается въ прежнее положеніе относительно звѣздъ) въ 365 $\frac{1}{4}$ дней. Движеніе планетъ сложнѣе; оно не имѣетъ постояннаго направленія въ одну сторону, но, болѣе или менѣе удаляясь отъ солнца, онѣ останавливаются и потомъ снова возвращаются къ нему. Возьмемъ, напр., Меркурія. Иногда въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ скрывается въ западныхъ лучахъ солнца, съ каждымъ днемъ отдалится отъ онаго болѣе и болѣе; отдалившись на 32°, онъ останавливается, потомъ возвращается къ солнцу, тонетъ въ утреннихъ лучахъ его, снова удаляется и, достигнувъ извѣстнаго предѣла, возвращается къ нему. Всѣ прочія планеты движутся подобнымъ образомъ и имѣютъ также стоянія и отступленія, только предѣлы удаленія отъ солнца различны (движеніе Венеры очень сходно съ

Меркуриемъ, но Марсъ, напр., быстро удаляется отъ солнца, потомъ движеніе его дѣлается тише; достигнувъ 152° , онъ стоитъ, потомъ тихо идетъ назадъ, и скорость непрерывно возрастаетъ). Далѣе, въ продолженіе нѣкотораго періода замѣчено, что всѣ звѣзды нѣсколько подаются къ востоку отъ пересѣченія экватора съ эклип-тикою. Гиппархъ, сравнивая свои наблюденія съ Тимохарисовыми, произведенными 160 годами прежде, нашелъ, что долготы звѣздъ увеличились почти на 2° , такую же перемѣну замѣтилъ и Птоломей.

Вотъ матеріалы, изъ коихъ сочинитель «Алмагеста» могъ создать теорію свою; неполнота ихъ предсказываетъ неуспѣхъ ея. Система, называемая Птоломеевою, не есть теорія, стройно развивающаяся изъ своего начала, а натянутое геометрическое объясненіе нѣкоторыхъ явленій; оно можетъ служить для представленія движеній небесныхъ, для вывода нѣкоторыхъ законовъ онаго движенія и въ такомъ отношеніи дѣлаетъ честь уму изобрѣтателей. Птоломей въ самомъ началѣ «Алмагеста» доказываетъ, что земля есть центръ вселенной, ибо ежели она ближе къ одному полюсу, нежели къ другому, то нѣкоторыя страны не будутъ никогда имѣть равноденствія, и небо будетъ дѣлиться горизонтомъ не на двѣ половины, а, знаемъ, что всегда видимъ 6 зодіальныхъ знаковъ (Liv. I. Ch. IV). А поелику земля (заключаетъ Птоломей) всегда находится въ центрѣ, слѣд., она никакого поступательнаго движенія не имѣетъ. Даже Птоломей замѣчаетъ, что, ежели принять вращательное движеніе земли, то легко объяснится суточное движеніе, но не принимаетъ его, ибо въ такомъ случаѣ всѣ земныя тѣла, не прикрѣпленныя къ землѣ, свалились бы съ нея. Мы не будемъ возражать Птоломееву,—нѣтъ достоинства нынѣ дѣлать это; лучше приведемъ въ своемъ мѣстѣ опроверженія на него, сдѣланныя вполнѣдствіи великими астрономами. Теперь замѣтимъ только жалкое состояніе въ то время механики и вообще физическихъ наукъ. Переходя къ планетамъ, онъ говоритъ, что всѣ онѣ движутся по кругамъ (Liv. III. Ch. II.) движеніемъ равномернымъ, потому сіе движеніе совершенно *и естественно*. Основаніе этой мысли, которая существовала до Кеплера, находимъ у пифагорійцевъ: оно изящно, происходя отъ увѣренности въ великой простотѣ и совершенствѣ способовъ природы. Хотя непонятно, какъ планеты имѣютъ въ одно время два движенія прямо противныя, но еще мудренѣе объяснить стоянія ихъ и отступленія. Для объясненія сего онъ дѣлаетъ два предположенія (Liv. III. Ch. V). Планеты движутся по кругамъ, коихъ центры не совпадаютъ съ центромъ міра, т. е. съ центромъ земли. И, сверхъ того, планеты обращаются не по самымъ кругамъ, а по окружностямъ, коихъ центръ движется по орбитѣ. Первое предпо-

ложене объясняетъ неравномѣрное движеніе планетъ (которое, слѣдственно, есть только видимое), второе объясняетъ стоянія и отступленія. Не говоря о величайшей запутанности ихъ объясненій, о сложности, столь противной ихъ высокому мнѣнію о простотѣ природы, замѣтимъ, что Птоломей не даетъ средствъ измѣрить радіусъ эпицикловъ и, слѣд., по его теоріи нельзя съ точностью опредѣлить разстоянія планетъ. Тихо Браге ¹⁾ превосходно замѣчаетъ нелѣпость заставлятъ двигаться тѣло около математической точки; при нынѣшнемъ состояніи механики, это — рѣшительная невозможность, ибо гдѣ же бы находился центръ силы, удерживающей на орбитѣ? Лапласъ говоритъ, что всякое новое движеніе должно бы было прибавлять эпициклъ на эпициклѣ, — чье воображеніе можетъ вообразить эту сложность? ²⁾ Разстояніе планетъ опредѣляетъ Птоломей по времени ихъ обращенія по орбитѣ, принимая, что чѣмъ въ кратчайшее время совершаетъ планета путь свой, тѣмъ ближе она къ землѣ. Отсюда получилась слѣдующая послѣдовательность планетъ: земля въ центрѣ, луна, Меркурій, Венера, Солнце, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ.

Причина, по коей солнце находится между Венерою и Марсомъ, сверхъ времени обращенія, есть слѣдующая (Liv. IX. Ch. I.): Венера и Меркурій удаляются отъ солнца токмо на нѣкоторое данное разстояніе, прочія же бывають иногда съ нимъ въ противоположеніи. Впрочемъ, Птоломей сомнѣвается, должно ли мѣсто занимають сіи двѣ планеты и не за солнцемъ ли онѣ (какъ принималъ Платонъ); но объ естественномъ предположеніи, истекающемъ изъ того, что сіи планеты никогда не бывають въ противоположеніи съ солнцемъ, что онѣ обращаются около него, онъ не говоритъ; замѣтимъ, однако, что мысль сія была у египтянъ и у нѣкоторыхъ арабовъ.

Таково искусственное созданіе ума человѣческаго, державшееся въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Недостатокъ фактовъ и пособій дѣлалъ почти невозможнымъ составленіе теоріи. «Алмагестъ», выражающій всю древнюю астрономію, давилъ, подобно Аристотелевой философіи, все время, въ которое царствовали авторитеты. Но приближалось время, въ которое умъ человѣческой сталъ отыскивать свою свободу, и въ самомъ началѣ онаго докторъ медицины и каноникъ въ Краковѣ 30-тъ лѣтъ обдумывалъ переворотъ астрономіи, который возвелъ сію науку на нынѣшнюю высокую степень совершенства; этотъ докторъ медицины былъ *Николай Коперникъ*, этотъ переворотъ его — *солнечная система*.

¹⁾ «Astronomiae instauratae progymnasmata», 185. А. И. Г.

²⁾ «Exposition du Systѣme du Monde», Liv. I. Ch. II. А. И. Г.

Всѣмъ извѣстно, въ чемъ состоитъ его теорія. Земля у него помѣнялась мѣстомъ съ солнцемъ, и чрезъ сіе произошла въ объясненіяхъ астрономическихъ явленій та высокая простота, которой мы удивляемся въ способахъ природы. Преимущество Коперниковой системы надъ Птолемеевой есть все превосходство истины предъ гипотезою. Разсмотримъ безсмертное твореніе великаго человѣка, для коего онъ посвятилъ жизнь свою.

Коперникъ начинаетъ свое сочиненіе «De revolutionibus orbium coelestium» тѣмъ, что фигура вселенной сферическая ¹⁾, ибо сія фигура есть наиболѣе совершенная, вмѣщаетъ въ себѣ наиболѣе вещества въ данномъ объемѣ и есть фигура всѣхъ тѣлъ небесныхъ, солнца и планетъ. Положивъ сіе, онъ переходитъ къ движенію и говоритъ: «Сфера должна двигаться по кругу, ибо кругомъ выражаетъ она свою форму, ибо кругъ есть фигура совершенная, не имѣющая ни начала, ни конца, ни частей». Мы выписываемъ это для того, чтобы показать, сколь ни былъ великъ сей человѣкъ, но кое-гдѣ и на немъ пятна схоластики: онъ жилъ въ XV вѣкѣ! Теперь приступимъ къ существеннымъ началамъ его теоріи.

Ежели земля не имѣетъ никакого движенія, то видѣли необходимость обращать все небо въ 24 часа около земли, но ежели разстояніе отъ земли до Сатурна велико, то что же сказать о разстояніи неподвижныхъ звѣздъ? Какъ же вообразить, чтобъ всѣ сіи тѣла, въ такомъ количествѣ и отдаленіи, обращались около земли? Какая ужасная скорость нужна для сего; какое чудное распредѣленіе скоростей для того, чтобы всѣ тѣла, близкія и чрезмѣрно отдаленныя, совершали путь свой въ одинъ и тотъ же періодъ. И какое ужасное вліяніе земли, этой точки относительно вселенной! «Птолемею,—говоритъ Коперникъ ²⁾, думаетъ, что ежели движется земля, то откуда могло произойти сіе движеніе, какъ не отъ насильственного толчка, а природа не терпитъ насилія... Почему же онъ самъ принуждаетъ небо обращаться около земли и въ этомъ движеніи приниматьъ участіе тѣла, имѣющія свое движеніе, прямо противное суточному?» Принявъ суточное обращеніе земли около своей оси отъ З. къ В., вся солнечная система, всѣ неподвижныя звѣзды освободятся отъ суточного движенія, которое тогда будетъ необходимый оптическій обманъ, вслѣдствіе коего все небо должно казаться обращающимся съ В. на З. Мы часто бываемъ свидѣтелями подобныхъ оптическихъ явленій:

¹⁾ Lib. I. Cap. I. А. И. Г.

²⁾ Lib. I. Cap. VIII. А. И. Г.

Provehimur portu, terraeque urbesque recedunt.

(Virg. Aeneas) ¹⁾.

Однажды рѣшившись принять вращательное движеніе земли, ея поступательное движеніе около солнца можно принять удобнѣе. Сложность планетнаго движенія у Птолемея удивительна. Меркурій и Венера были камнями преткновенія древнихъ. Ежели примемъ, что эклиптика есть путь земли, а не солнца, все объяснится. Стоянія и отступленія будутъ не что иное, какъ совокупное дѣйствіе двухъ движеній—земли и планеты ²⁾. Въ верхнемъ соединеніи истинное движеніе планеты обратно движенію земли, и концентрическое движеніе есть сумма сихъ движеній и имѣетъ одно направленіе съ коцентрическимъ движеніемъ солнца, происходящимъ отъ движенія земли, увлекаемой въ противоположную сторону сему свѣтилу, — тогда движеніе планеты прямое. Въ нижнемъ соединеніи движеніе планеты имѣетъ одно направленіе съ движеніемъ земли, и поелику оно быстрѣе, то концентрическое движеніе сохраняетъ то же направленіе, противоположное видимому движенію солнца,—тогда планета отступаетъ; среднее состояніе между прямымъ движеніемъ и отступленіемъ есть стояніе. Таково движеніе Меркурія и Венеры. Планеты, коихъ орбиты обнимаютъ эклиптику, имѣютъ то же движеніе въ противоположеніяхъ, какъ и земля, но оно медленнѣе и, соединяясь съ симъ послѣднимъ движеніемъ, принимаемымъ въ обратную сторону, оно принимаетъ направленіе, прямо противное начальному движенію своему,—тогда концентрическое движеніе сихъ планетъ отступающее. Принявъ годовое движеніе земли, естественнымъ образомъ открывается прекрасная теорія временъ года, происходящая отъ видимаго переходенія солнца отъ одного тропика къ другому; но здѣсь Коперникъ ошибся: впрочемъ, non vitia hominis, sed vitia saeculi ³⁾. Предложимъ настоящее объясненіе сего явленія. Ось земли соотвѣтствуетъ безпрерывно одной точкѣ неба (мы не принимаемъ здѣсь въ расчетъ предваренія равноденствій и колебанія оси) и, слѣд., уголъ эклиптики съ экваторомъ неизмѣненъ.

Страны, лежація подъ тропикомъ Рака, видятъ солнце въ зенитѣ въ 12 часовъ лѣтняго солнцестоянія; наоборотъ, страны, лежація подъ тропикомъ Козерога, имѣютъ солнце въ зенитѣ въ декабрѣ; первое есть лѣтнее солнцестояніе, второе—зимнее. Для

¹⁾ Ъдемъ изъ гавани—и земли, и города отступаютъ назадъ. *Виргилій «Энеида».*

²⁾ Lib. I. Cap. X., Lib. V. Cap. XXXV. А. И. Г.

³⁾ Вина вѣка, а не челоуѣка.

объясненія сего при движеніи земли должно, чтобъ она находилась въ такомъ положеніи, чтобъ¹ лучъ солнечный, направленный въ центръ земли, проходилъ въ 1-мъ случаѣ въ одномъ изъ тропиковъ, во 2-мъ,—въ противоположномъ. Ежели вообразимъ чертежъ и въ немъ примемъ въ расчетъ движеніе земли, то необходимо увидимъ, что для сего явленія ось земли должна оставаться параллельною сама себѣ, что не усложняетъ никоимъ образомъ теоріи, ибо нѣтъ причины, по которой бы ось перемѣнила свое направленіе. Земля движется около солнца отъ двухъ совокупныхъ силъ, изъ коихъ одна устремляетъ ее по касательной къ орбитѣ, а другая приближаетъ къ солнцу. По теоріи движенія тѣлъ и тяготѣнія можно вывести необходимость, чтобъ въ семъ случаѣ ось шара оставалась постоянною, ибо всѣ точки тѣла имѣютъ движеніе параллельное (объ этомъ въ динамикѣ). Коперникъ при тогдашнихъ механическихъ свѣдѣніяхъ не рѣшалъ вопроса, но приписалъ землѣ *третье движеніе*, обратное годовому, для того, чтобы ось пребывала параллельною¹). Но скорѣе можно сказать, что параллельность оси есть отрицаніе 3-го движенія, ибо надлежало бы сему движенію быть, чтобы ось не была параллельна. Изъ годичнаго же движенія земли получилось средство измѣрять годичные параллаксы планетъ и, слѣд., получилось вѣрное средство измѣрять разстояніе отъ земли. Далѣе надлежитъ замѣтить, что движеніе *луны у Коперника*²) чрезвычайно сложно: она движется по эпициклу, коего центръ находится на эпициклѣ, средоточіе котораго занимаетъ земля, въ то время, какъ движеніе луны по кругу около земли объясняетъ всѣ явленія. Какъ не видалъ Коперникъ несвязность сего объясненія со всею теоріею? Это была дань идеямъ Птоломея. «Готическое украшеніе,—говоритъ Бальи³)... на новомъ зданіи». Коперникъ, долженствовавшій стереть все древнее въ астрономіи, объяснилъ лунное движеніе не надлежащимъ образомъ.

Мы сказали, что, сверхъ суточного и собственнаго движенія, всѣ тѣла небесныя имѣютъ еще нѣкоторое, вслѣдствіе котораго они подаются къ В. отъ пересѣченія экватора съ эклипτικοю. *Это предвареніе равенствій*, новая запутанность у творца «Алмагеста»⁴), который сперва доказываетъ, что звѣзды неподвижны, но въ другой главѣ говоритъ, что онѣ имѣютъ небольшое движеніе по порядку знаковъ отъ В. къ З. Подивимся еще разъ этой сложности, заставляющей все обращаться въ 24 часа около земли: въ

¹) Lib. I. Cap. XI. А. И. Г.

²) Lib. IV. Cap. III, IV. А. И. Г.

³) «Histoire de l'Astronomie moderne», tom II. Liv. I. А. И. Г.

⁴) «Almageste» Liv. VII, Ch. I. А. И. Г.

то время планеты по своимъ эпицикламъ, центры эпицикловъ по орбитамъ и, сверхъ того, звѣзды и всѣ планеты подаются на востокъ. Правъ Альфонсъ Кастильскій, приходившій въ негодованіе, разсматривая многосложное и негармоническое зданіе греческой астрономіи. Коперникъ искалъ причины сего движенія въ землѣ; дѣйствительно, разсудивъ объ ужасномъ отдаленіи земли отъ неподвижныхъ звѣздъ, это кажется естественнѣе. Онъ говоритъ ¹⁾, что сіе видимое движеніе есть дѣйствіе небольшой неправильности въ параллелизмѣ земной оси. Для изъясненія сего представимъ себѣ, что ось земли, по какой-нибудь причинѣ (а именно отъ вліянія тяготѣнія луны и солнца на эллипсоидъ земли) описываетъ коническую поверхность около перпендикуляра къ эклиптикѣ въ теченіе большаго періода; тогда перемѣна въ параллельности будетъ нечувствительна въ каждомъ обращеніи, но будетъ примѣтна по прошествіи нѣкотораго числа лѣтъ: ось земли будетъ соотвѣтствовать другой точкѣ неба. Перемѣнивъ положеніе полюсовъ экватора, видно, что пересѣченіе сего круга съ эклиптикою перемѣнится и, если въ земной оси допустимъ движеніе противъ знаковъ, то сіи пересѣченія будутъ отступать такъ, что весеннее равноденствіе произойдетъ скорѣе, нежели земля достигнетъ этой точки своей орбиты, въ которой она была въ прошедшій годъ ²⁾.

Великъ Коперникъ! Онъ могъ силою своего генія создать новую теорію и исторгнуть ее изъ самой природы и схватить истину во всей ея колоссальности, но средства его были ограничены,—ихъ создать онъ не могъ: не было у него ни снарядовъ, ни знаній механическихъ, и потому его теорія въ его время была нѣчто гипотетическое; простота ея, какая-то особая фізіономія истины лежала на ней, но не было доказательствъ полныхъ; дѣло Коперника не совершилось вполнѣ имъ самимъ. Онъ чувствовалъ недостатокъ частныхъ объясненій Птолемея и искалъ теоріи общей ³⁾, видѣлъ, что нашель ее, но не былъ въ состояніи вполнѣ доказать свою мысль. Однимъ словомъ, онъ принялъ, что земля движется,—и всѣ явленія объяснились, но онъ не вывелъ сего. Увидимъ, какъ впоследствии каждое открытіе въ астрономіи давало новое доказательство Копернику, и, наконецъ, изъ совокупности ихъ составилъ великій синтезъ, довершившій всѣ доказательства.

¹⁾ «De rev. orb. coel», Liv. III. Ch. I. А. И. Г.

²⁾ При семъ замѣтимъ, что у Коперника полное обращеніе земли (или солнца) не есть разстояніе между равноденствіемъ и его возвратомъ (какъ у Птолемея), а время, протекающее пока земля не придетъ къ той же неподвижной звѣздѣ. А. И. Г.

³⁾ См. Ad. Paulum. III. При началѣ «De rev. orb.» А. И. Г.

Изящная система Коперника была встрѣчена, какъ неосновательная гипотеза. Толпа пигмеевъ хотѣла низринуть это зданіе, которымъ человекъ будетъ гордиться во всѣ вѣка; жаль, что въ числѣ ихъ былъ замѣшанъ неутомимый наблюдатель Тихо Браге. Возраженія его и Риччіоли при нынѣшнемъ состояніи наукъ не заслуживаютъ никакого вниманія; возьмемъ для примѣра два слѣдующія. Тѣло, брошенное наверхъ, долженствуетъ упасть гораздо восточнѣе, а мы видимъ, что оно падаетъ по вертикальной линіи, на то же мѣсто. Но всѣмъ земнымъ тѣламъ впечатлѣно движеніе планеты, и брошенное тѣло потому не упадетъ восточнѣе, что оно повинуется не одной тяжести, а совокупному дѣйствию силы тяжести и силы, сообщенной ему движеніемъ земного шара; слѣд., оно падаетъ по діагонали параллелограмма силъ. Сверхъ того, примѣчено, что и въ самомъ дѣлѣ тѣла падаютъ нѣсколько восточнѣе; итакъ, это—доказательство, а не возраженіе ¹⁾. Тихо Браге говоритъ, что земля есть тѣло грубое и тяжелое, какъ же она можетъ двигаться? Но тогда придется остановить всѣ планеты, а потомъ, что значить тѣло грубое? Оставимъ сіи несчастныя попытки людей обыкновенныхъ противъ мощнаго генія, не будемъ даже разбирать системы Тихо Браге. Тихо—какой-то анахронизмъ, дѣйствующій внѣ направленія науки и, ежели его теорія тѣмъ лучше Птолемеевой, что онъ заимствовалъ у Коперника, то тѣмъ яснѣе нелѣпость ея.

Мы видѣли, что Коперникъ дѣлилъ вполнѣ древній предразсудокъ о круглыхъ орбитахъ; Бальи ²⁾ замѣчаетъ, что доколѣ оставались подобныя мнѣнія, астрономія еще совершенно не вышла изъ-подъ вліянія греческаго.

Коперникъ, какъ создатель новой, въ нѣкоторомъ смыслѣ, гипотетической теоріи, могъ остаться при понятіяхъ древнихъ. Великій Кеплеръ разрушилъ послѣднее звено, коимъ новая астрономія прикрѣплена къ древней, и такимъ образомъ началъ ея самобытное, новое развитіе, построенное на системѣ Коперника. Коперникъ выражалъ какъ бы идею, долженствующую развиться, Кеплеръ—переворотъ, низвергающій все старое и забѣжавшій вѣка грядущіе. Не имѣя понятія о центральныхъ силахъ, онъ провидѣлъ тяготѣніе и способъ его дѣйствія; не имѣя ни таблицъ логариѳмическихъ, ни пособій тригонометрическихъ, онъ многочисленными наблюденіями, огромными выкладками дошелъ до законовъ движенія планетъ, несмотря на худое состояніе динамики; не имѣя телескопа, онъ доказывалъ, что свѣтъ планетный отчасти заимствуется отъ солнца,

¹⁾ Delambre, «Abrégé d'Astronomie», Leçon. XI. А. И. Г.

²⁾ «Hist. de l'Astr.» tom. II, liv. I, § 1: А. И. Г.

а что неподвижныя звѣзды суть не что иное, какъ солнца своихъ системъ ¹⁾). Занимаясь сими высокими изысканіями, онъ нашель, что невозможно, чтобы тѣло описывало кругъ отъ дѣйствія одной силы, и что одна сила можетъ токмо сообщать прямолинейное движеніе тѣлу. Законы планетнаго движенія, называемые въ честь его Кеплеровыми, служатъ однимъ изъ краугольныхъ камней нынѣшней астрономіи. А поелику земля выполняетъ всѣ сіи законы, то, по наведенію, видимъ, что и она такая же планета, какъ и прочія. Въ то время, какъ Кеплеръ забѣгалъ орлинымъ взоромъ и открытія Гюйгенса о теоріи Ньютона, явился въ Италиі энтузіастъ Коперника—великій Галилей. Онъ, мученикъ новой идеи, Бруно астрономіи, съ самоотверженіемъ переносилъ цѣпи и изгнанія. Открытіе телескопа дало новыя важныя доказательства системѣ Коперника, ибо Галилей узналъ, что планеты—тѣла темныя, увидѣлъ спутниковъ Юпитера; наконецъ, фазы Венеры сдѣлали несомнѣннымъ ея обращеніе около солнца, ибо при движеніи около солнца планета не можетъ безпрерывно представлять всю поверхность освѣщенную землѣ (подобно, какъ и луна). Коперникъ говоритъ, что, ежели мы не видимъ фазъ Меркурія или Венеры, то это отъ слабости нашего зрѣнія; телескопъ оправдалъ сіе. Приближаясь къ солнцу, Венера представляется въ видѣ серпа, коего концы обращены къ В.; онъ уменьшается, доколѣ идетъ къ солнцу, но, пройдя оное, и наблюдаемые утромъ концы серпа обращены къ В., свѣтлая часть увеличивается по мѣрѣ удаленія и, наконецъ, вся поверхность освѣщается. Какъ же объяснить сіе, принявъ движеніе Венеры около земли? ²⁾ Стоило только теперь улучшить механику и соединить ее съ астрономіею, чтобы дойти до всеобъемлющаго начала Ньютонова. Такъ и случилось. Декартъ и Гюйгенсъ—первый своимъ соединеніемъ алгебры съ геометріей, второй открытіемъ центробѣжной силы,—развили новую дѣятельность въ астрономіи; къ усиленію оной способствовали: теорія маятника, созданная трудами Гюйгенса, приложение ея къ астрономическимъ наблюденіямъ (о чемъ еще думалъ Галилей), открытіе Д. Кассини, что фигура Юпитера есть эллипсоидъ, сжатый у полюсовъ; открытіе Ришера, что размахи маятника въ одно

¹⁾ Мысль сія, кажется, первый разъ встрѣчается у знаменитаго Джордано Бруно. А. И. Г.

²⁾ При семъ замѣтимъ, наблюдая Венеру, когда ея широта=0 (т.-е. въ концѣ іюля), слѣдуемъ за нею; широта увеличивается (до начала октября), достигаетъ 7°55', потомъ уменьшается и (въ половинѣ ноября) дѣлается опять=0; слѣд., Венера движется по орбитѣ, наклоненной къ эклиптикѣ подъ угломъ 7°55'; точки, въ коихъ широта=0, суть узлы, и они очень далеко отъ того, чтобы быть отдалены другъ отъ друга на 180°, что должно было бы быть, ежели бы центръ ея движенія была земля. А. И. Г.

время менѣ числомъ въ Каеннѣ, нежели въ Парижѣ, изъ чего слѣдуетъ, что напряженіе тяжести менѣ подѣ экваторомъ.

Открытіе прохожденія Меркурія и Венеры ¹⁾ по диску солнечному и открыло вращательное движеніе планетъ по ихъ пятнамъ. Разнообразность и обиліе фактовъ требовало общей всеобъемлющей теоріи, и о чемъ мечтали и Коперникъ, и Декартъ, и Галилей, то вывелъ и доказалъ Ньютонъ. Безъ теоріи тяготѣнія солнечная система Коперника все еще могла бы подвергаться сомнѣнію, ибо нельзя было вывести необходимость ея; съ открытія сей теоріи насталь новый періодъ астрономіи, доселѣ продолжающійся.

Что будетъ съ тѣломъ, когда на него непрерывно дѣйствуютъ двѣ силы: одна равномерная, сообщившая ему движеніе, другая равномерно ускоренная, влекущая его къ центру земли? Ньютонъ открылъ, что тѣло сіе будетъ непрерывно описывать около земли эллипсисъ, въ одномъ изъ фокусовъ будетъ земля. Теперь можно понять движеніе луны и, распространяя законъ сей на прочія планеты по 1-му Коперникову ²⁾ закону, въ правѣ заключить, что онѣ двигаются такъ же вслѣдствіе впечатлѣннаго движенія и другого, влекущаго ихъ къ центру движенія; центръ движенія есть солнце, слѣд., и сила сія изъ него дѣйствуетъ. Но объяснятся ли изъ сего начала всѣ явленія планетнаго движенія? Извѣстно, напр., что движеніе планеты менѣ въ афеліи, болѣе въ перигеліи. Разумѣется, что причину сего надлежитъ искать въ силѣ, дѣйствующей изъ солнца (ибо другая сила равномерная, однажды подѣйствовавшая, оставляетъ сіе дѣйствіе навсегда); а по законамъ тяжести извѣстно, что сія сила дѣйствуетъ обратно пропорціонально квадратамъ разстояній, планета же далѣе отъ солнца въ афеліи (этотъ законъ справедливъ, когда доказано, что тяжесть на землѣ и тяготѣніе планетъ подлежатъ тѣмъ же законамъ). Сила, находящаяся въ солнцѣ, одинакимъ ли образомъ дѣйствуетъ на Меркурія и на Сатурна? Анализъ разрѣшилъ сей вопросъ тѣмъ, что квадраты временъ относятся, какъ кубы разстояній,—снова вышелъ одинъ изъ Кеплеровыхъ законовъ съ другой стороны. Также выводится и законъ пропорціональныхъ площадей. Принявъ тяготѣніе и открывъ его законы, можно вывести изъ нихъ синтетически не одни общіе законы планетнаго движенія, но малѣйшія возмущенія въ ономъ и въ движеніи спутниковъ (напр., предвареніе равноденствій, колебаніе оси, возмущенія въ движеніи луны...). Тогда пой-

¹⁾ Прохожденіе Меркурія видѣлъ первый Галлей 7 ноября 1731 г. Вращательное движеніе Юпитера замѣтилъ Д. Кассини въ 1665 г. А. И. Г.

²⁾ Описка: Кеплеровому.

мемъ форму земли, сжатую у полюсовъ, ибо центральная сила, стремясь отвлечь всѣ вещественныя частицы отъ полюсовъ движенія, скопила ихъ у экватора, и неравномѣрное распредѣленіе тяжести на земной поверхности; ибо сила центробѣжная должна подъ экваторомъ уменьшить ее.

Выше теории въ наукѣ быть не можетъ, она даетъ, дѣлаетъ необходимыми всѣ частныя явленія и симъ торжественно подтверждаетъ систему Коперника. «Ею (т. е. теоріею тяготѣнія),—говоритъ Лапласъ,—изгнанъ навсегда эмпиризмъ изъ астрономіи, которая нынѣ не что иное, какъ великая задача механики» ¹⁾. Прибавимъ здѣсь еще слова одного астронома: *«таково есть астрономическое умозрѣніе, болѣе и болѣе подтверждаемое новыми открытіями; основываясь на правилахъ вѣроятностей, можно предсказать, что и впредь не встрѣтится ни одного явленія, которое, не подчиняясь опредѣленнымъ уже законамъ, разрушило бы прекрасное и прочное зданіе нынѣшней астрономіи»* ²⁾.

Въ началѣ прошлаго столѣтія прибавилось еще одно доказательство системы Коперника; скажемъ о немъ, несмотря на то, что она уже нами доказана строже многихъ истинъ, въ которыхъ никто не сомнѣвается. Очевидность онаго обязываетъ предложить его. Бродлей въ 1725 году началъ наблюдать годичный параллаксъ у Дракона, ибо годичный параллаксъ неподвижныхъ звѣздъ, происходя отъ движенія земли, долженъ быть съ нимъ въ зависимости. Разсматривая теоретически ³⁾, мы увидимъ, что наибольшія и наименьшія широты соотвѣтствуютъ противоположеніямъ и соединеніямъ. Изъ наблюденій Бродлея не вышло сего: наибольшія и наименьшія широты соотвѣтствовали четвертямъ, притомъ найдено, что звѣзды описываютъ кругъ, коего діаметръ = 40". Можно бы было заключить, что не годичный путь земли измѣняетъ положеніе свѣтилъ. Но при подвижности земли какъ же объяснить движеніе звѣздъ, открытое Бродлеемъ? Когда Ремеръ и отчасти Кассини открыли, что скорость свѣта есть количество измѣняемое, слѣд., скорость свѣта совокупляется со скоростью земли, и звѣзда видима нами не въ истинномъ положеніи, а по діагонали параллелограмма силъ, составленнаго изъ двухъ скоростей, земли и свѣта,—сія-то діагональ въ продолженіе года описываетъ кругъ (или точнѣе эллипсисъ) около истиннаго положенія звѣзды. Явленіе, рѣшительно необъяснимое безъ движенія земли.

¹⁾ «Exposition du Syst. du Mond», Liv. V. А. И. Г.

²⁾ «Руководство къ астрономіи» Д. Перевощикова, гл. XVIII, § 310. А. И. Г.

³⁾ Тамъ же, гл. VIII, §§ 90—104. А. И. Г.

Съ самаго начала мы говорили о важности соотношенія хронологическаго порядка съ логическимъ, — покажемъ его теперь. Ясно, что вся исторія астрономіи распадается на три періода. Періодъ первый соотвѣтствуетъ собранію фактовъ — этому анализу, который смотритъ на однѣ части, ихъ разбираетъ и располагаетъ только для того, чтобъ не растеряться въ ихъ множествѣ: этотъ періодъ Птолемея, это — теорія «Алмагеста». Но развиваются потребности высшія, хотятъ знать отъ самой природы объ ея порядкѣ, но еще не имѣютъ средствъ; все сводятъ, все подчиняютъ общимъ законамъ, но еще не все сведено, не все подчиняется, это — періодъ переходный, періодъ Коперника и Кеплера. За этимъ періодомъ долженъ слѣдовать общій синтезъ, всеобъемлющій, исторгнутый изъ таинствъ природы и изъ коего, по законамъ необходимости, можно вывести всѣ явленія; онъ и былъ: это вѣкъ Ньютона, вѣкъ теоріи тяготѣнія. Сравните эти три періода съ тремя частями, изъ коихъ должно состоять, по нашей методѣ, полное знаніе, — они сбѣгаются. Лучшаго доказательства методѣ, которую мы приняли, быть не можетъ: она сливается съ тѣми законами, по коимъ природа приводитъ человѣка къ полному познанію.

1833 года, мая 28.

25. Изъ письма къ Н. П. Огареву.

7 іюня 1833.

...Я срѣзался у Перевощикова ¹⁾ на механикѣ, это потрясло сильное мое честолюбіе, я на другой день былъ боленъ.

26. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Іюня 26, 1833 года.

Я обѣщался вамъ написать, любезнѣйшая Наталья Александровна! и вотъ съ величайшей аккуратностью выполняю обѣщаніе.

Экзаменъ кончился, и я — кандидатъ! Вы не можете себѣ представить сладкое чувство воли послѣ четырехлѣтнихъ непрерывныхъ,

¹⁾ Дмитрій Матвѣевичъ, профессоръ астрономіи въ московскомъ университетѣ.

насильственныхъ занятій; теперь я отданъ самъ себѣ и теперь только начну свое образованіе, ибо хотя я и *кончила курсъ*, но собралъ такъ мало, что стыдно на людей смотрѣть.

Вспомнили ли вы и Эмилья Михайловна ¹⁾ обо мнѣ въ четвергъ? День былъ душный, и пытка наша продолжалась отъ 9 утра до 9 вечера. ¹

Какъ проводите время? Теперь деревня—рай, и я съ радостью бы поѣхалъ,... на короткое время, ибо для меня и Москва не хуже рая. Я привыкъ, я люблю Москву, въ ней я выросъ, въ ней тѣ нѣсколько человѣкъ, которые искренно, долго будутъ жалѣть обо мнѣ; другіе города представляютъ мнѣ только множество людей, и я посреди ихъ одинъ одиноконекъ,—а это грустно! Впрочемъ, ежели будетъ нужда, будетъ польза, я готовъ ѣхать, хоть въ Камчатку, хоть въ Грузію, лишь бы въ виду было принести какую-нибудь пользу родинѣ.

Я думаю, вы теперь все гуляете, а я что же за *trouble fête* ²⁾, что останавливаю своимъ письмомъ. Итакъ,

Прощайте.

Преданный вамъ

Александръ Герценъ.

Маменька кланяется вамъ и Эм. М. и М. С. ³⁾.

Р. С. Марьѣ Степ. прошу свидѣтельствовать и пр., Эмильѣ Михайловнѣ мое почтеніе и благодарность за пріятныя минуты, которыя я съ ней провелъ. Пассеки *всѣ* Вамъ кланяются. Я ихъ рѣдко теперь выдаю; но, впрочемъ, я ненасытенъ: никогда не скажу, что довольно часто. ²

Сейчасъ отъ васъ письмо; благодарю за все. Пас. буду кланяться и, еще болѣе,—покажу ваше письмо. Я васъ спрошу такъ же, какъ вы нѣкогда меня: *почему же вы собирались писать именно Любь* ⁴⁾. Но надѣюсь, что васъ этотъ вопросъ не такъ удивитъ, какъ меня вашъ.

А. Г.

◆◆ 1. «Съ того времени, какъ Александръ кончилъ курсъ въ университетѣ,—говоритъ Т. П. Пассекъ,—Иванъ Алексѣевичъ сталъ выдавать ему по три тысячи рублей ассигнаціями въ годъ на одѣваніе

¹⁾ Аксбергъ; гувернантка, приставленная кн. Хованскою къ ея племянницѣ.

²⁾ Помѣха веселью.

³⁾ Марія Степановна Макашина, компаньонка кн. М. А. Хованской.

⁴⁾ ?

и прочіе расходы его и говорилъ Егору Ивановичу, что когда онъ поступитъ на дѣйствительную службу, то и ему будетъ давать по-столько же. Вскорѣ Е. И. поступилъ на дѣйствительную службу архивариусомъ кремлевской экспедиціи и перебрался на казенную квартиру. При первомъ свиданіи И. А. поздравилъ его съ новой должностію и сказалъ: «Я обѣщаль тебѣ давать по три тысячи, когда поступишь на дѣйствительную службу, но буду давать только по двѣ». Е. И. молча поклонился. Проходили недѣли, мѣсяцы, обѣ- обѣщанныхъ двухъ тысячахъ не было и помину до тѣхъ поръ, пока Луиза Ивановна не вступилась въ это дѣло; она же настояла со временемъ, чтобы оба сына получали поровну. Выдавая Е. И. деньги, всегда пропустивши сроки, И. А. сердился и жестоко упре- казалъ его, зачѣмъ онъ ему не напоминаетъ, жаловался, что онъ весь боленъ, что у него совсѣмъ нѣтъ памяти, что онъ все пере- забылъ, и, отдавая деньги, по нѣсколько рублей усчитывалъ» (т. II, стр. 55—56).

2. Въ семействѣ Пассекъ была дочь—Людмила Васильевна. Въ это время Герценъ былъ въ нее влюбленъ. Дальше читатель узна- етъ объ этомъ отъ самого автора, увидитъ и то, какъ потомъ Гер- ценъ относился къ этой своей страсти,—теперь же приведу подро- бный рассказъ Т. П. Пассекъ, впередъ оговариваясь, что только осно- вательное знакомство со всѣмъ, что сказано въ настоящемъ изданіи о Людмилѣ Пассекъ, поможетъ читателю найти истину, отъ кото- рой и на этотъ разъ Пассекъ довольно далека.

«Около половины университетскаго курса онъ (Герценъ—*М. Л.*) познакомился съ семействомъ одного изъ своихъ товарищей. Се- мейство это охраняло несчастье... Въ этой семьѣ онъ встрѣтилъ ту, которой принесъ юную любовь свою, облеченную въ студенческія мечты... Тутъ не было ни аристократическихъ формъ жизни, ни бо- гатства, а была восторженность, вѣра въ себя; тутъ была дѣвушка бѣлокурая, прелестная, какъ весенній ландышъ, сговоренная невѣста. Женихъ былъ въ отсутствіи,—она грустила. Александръ находилъ ея грусть безпредѣльно милою, поэтической, но такой грустью, ко- торая можетъ утѣшиться слезою и стихомъ, исчезнуть отъ искрен- няго привѣта, и его-то она нашла въ немъ. Она долго удерживала слабое чувство къ жениху изъ сердечнаго point d'honneur¹⁾,—онъ это видѣлъ и тихо-тихо вынималъ знамя изъ ея рукъ, а когда она перестала его удерживать, онъ былъ влюбленъ.

«Они вѣрили въ свою любовь.

«Прежде, нежели Саша дошелъ до объясненія съ Маріей, онъ,

1) Чувства чести.

разъ, войдя въ нашу комнату, гдѣ я была одна, долго въ раздумьи ходилъ по ней взадъ и впередъ.

«Я спросила его, что съ нимъ.

«Онъ отвѣчалъ, что съ нѣкотораго времени на него нападаетъ тоска.

«— Я это давно вижу—и, кажется, понимаю отъ чего.

«— Отъ чего же?—спросилъ живо Саша.

«— Тебѣ нравится Марія, а она—сговоренная невѣста.

«— Ну такъ что же, чему это мѣшаетъ?

«— Ты можешь помѣшать. Жениха Маріи здѣсь нѣтъ, а ты за ней ухаживаешь. Чувство несправедливаго поступка тебя тревожитъ.

«— Не понимаю, что тебѣ вздумалось придавать столько значенія тому, что я хорошенькую нахожу хорошенькой, и, *comme de raison* ¹⁾, она нравится.

«— Нравится се *n'est pas le mot* ²⁾, ты ею увлекаешься и стараешься ее увлечь. Есть отношенія, которыя порядочнаго человѣка обязываютъ. Пополнить ли она твои душевныя требованія настолько, чтобы ты не разлюбилъ ее? Я думаю, нѣтъ. Зачѣмъ портить чужое счастье?

«— Вопросъ, дѣйствительно ли счастье готовится ей; я сомнѣваюсь. Она любитъ жениха своего не настолько, насколько способна любить.

«— Быть-можетъ. Тѣмъ опаснѣе. Марія—натура глубокая, если она полюбитъ такъ, какъ способна любить, то на всю жизнь. За тебя не поручусь.

«— И не зачѣмъ. Я ничего не ищу, никому не мѣшаю, а думаю, что съ нимъ она счастлива не будетъ.

«— Почему же?

«— Да потому, что не то ей надобно.

«— Тебя недостаетъ. Пока есть время, лучше оставь ихъ въ покоѣ. Подумай.

«— О чемъ мнѣ думать!—отвѣчалъ Саша, мѣняясь въ лицѣ.— Ничего нѣтъ. Ты все преувеличиваешь.

«— Тебя, Саша, мучитъ потребность любви больше самой любви.

«— Все это тебѣ привидѣлось,—возразилъ Саша съ неудовольствіемъ.

«— Ты недоволенъ собой и раздражаешься. Если она полю-

¹⁾ Разумѣется.

²⁾ Это не то слово.

бить тебя, а твоя любовь окажется кратковременнымъ увлеченіемъ— ея молодая жизнь будетъ разбита навсегда. Въ семейство же, гдѣ тебя любятъ, гдѣ тебѣ вѣрятъ, внесешь горе и раскаяніе, зачѣмъ тебя любили, зачѣмъ вѣрили. Я не говорю уже о женихѣ.

«Саша нетерпѣливо толкнулъ рукою стулъ, говоря:

«— Ахъ, Таня, прошу тебя, перестанемъ объ этомъ толковать.

«— Перестанемъ. Я вижу, ты рѣшилъ пустить это дѣло въ ходъ, какъ лодку по теченію воды; дай Богъ, чтобы ее прибило къ свѣтлой пристани.

«Разговоръ этотъ и мои опасенія я передала Вадиму. Положимъ,—добавила я,—Саша скоро кончитъ курсъ въ университетѣ, тогда могъ бы жениться, да Иванъ Алексѣевичъ не допуститъ; врядъ ли онъ и самъ рѣшится связать себя семейною жизнью въ двадцать два года, особенно, когда утихнетъ первый порывъ страсти. Онъ и теперь чувствуетъ, что между имъ и ею недостаетъ того, что сливается двѣ жизни въ одинъ аккордъ.

«— Это правда,—отвѣчалъ Вадимъ.—Характеръ Александра нѣженъ, но слабъ и отчасти эгоистиченъ. Она тверда, благородна до самоотверженія, но бываетъ рѣзка, когда взволнована; рѣзкость эта иногда переходитъ въ жестокость. Несмотря на ея умъ, она не можетъ вполне дѣлать его умственные интѣресы, по недостаточности образованія. Онъ станетъ искать пополненія и раздѣлитъ имъ въ средѣ товарищей. Ея это будетъ огорчать, начнетъ ревность, упреки,—его не будутъ вязать и охлаждать. Вотъ что я предвижу. Но тутъ никто ничего не подѣлаетъ, и вмѣшиваться опасно. Можно нажать только непріятности безъ пользы. Ты сдѣлала все, что дружба и совѣсть обязывали сдѣлать. Если Александръ будетъ откровененъ со мною, попробую предупредить то, что предвижу.

«Саша долго скрывалъ отъ меня и отъ Вадима свои чувства и отношенія къ Маріи» (т. I, 409—412).

27. Письмо къ Т. П. Пассекъ.

(Іюнь—іюль 1833).

Когда окончился экзамень, всѣ студенты одного со мною курса собрались въ небольшую кучку и ждали, не выйдетъ ли кто изъ совѣта, чтобы узнать свою участь: «быть или не быть». Несмотря на то, что я казался веселымъ, на душѣ было тревожно. Я слышалъ, что Павловъ, у котораго я ревностно занимался, поста-

вилъ мнѣ 2 за то, что я разъ возмутилъ противъ него аудиторію и два раза уговаривалъ студентовъ нейти къ нему на лекціи, потому что Павловъ, дѣлая выговоръ какому-то студенту, сказалъ: «столь и солдатъ у двери столько же меня понимаютъ, какъ и амфитеатръ». Изъ этого вышло дѣло, его разбиралъ Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ¹⁾. Онъ вызвалъ къ себѣ вмѣстѣ Павлова и меня. Павловъ не могъ мнѣ этого простить. На вопросъ изъ динамики я дурно отвѣчалъ, поэтому предполагалъ, что и Перевошиковъ, вѣрно, больше двухъ не поставитъ. Остальное шло превосходно.

Когда вышелъ къ студентамъ Гейманъ²⁾, всѣ бросились къ нему. «Поздравляю васъ — вы кандидатъ», — сказалъ онъ мнѣ. — «Еще кто? кто?» — «Такой-то и такой-то». Мнѣ разомъ сдѣлалось и весело, и грустно.

Когда я по чугунной лѣстницѣ университета выходилъ *кандидатомъ* и съ тѣмъ вмѣстѣ изъ школы на божій свѣтъ, тогда иначе взглянулъ на все. Чувство самобытности и совершеннolтiя никогда не бываетъ такъ ярко, какъ въ минуту окончанія публичнаго воспитанія. Испанскіе башмаки, шнуровавшіе душу, лопаются, и фантазія гуляетъ на свободѣ. Нѣтъ болѣе ни правилъ, ни направленія извнѣ. Это медовый мѣсяцъ совершеннolтiя.

Съ чувствомъ собственного достоинства и достоинства кандидатской степени я явился домой и посвятилъ Нептуну мокрое платье, въ которомъ плавалъ три года по схоластическому болоту на ловлю идей, то-есть, говоря презрѣнной прозой, подарилъ годовичнымъ студентамъ толстыя тетради лекцій, выучившія меня стенографіи и разучившія писать удобочитаемо.

28. (Посвящено сестрѣ Ольгѣ)³⁾.

День былъ душный, солнце жгло всей іюньской силою, потоки огня лились на дома и улицы, и разгорѣвшаяся Москва едва дышала воздухомъ, зараженнымъ міазмами и перемѣшаннымъ съ густою пылью. Въ это время съ другомъ дѣтства посѣтилъ я Воробьевы горы. Тамъ алтарь нашей дружбы, тамъ нѣкогда мы, еще дѣти, еще чужіе, впервые раскрыли наши души «и Рафаилъ нашелъ столь близкаго родного въ Юліи». Молча взошли мы на гору, молча стояли на платформѣ. Есть минуты, въ которыя вполнѣ чувствуешь

¹⁾ Помощникъ попечителя московскаго учебнаго округа.

²⁾ Родіонъ Григорьевичъ, профессоръ химіи.

³⁾ Сестра Людмилы Васильевны Пассекъ, способствовавшая частымъ свиданіямъ влюбленныхъ.

недостатокъ земного языка, хотѣлъ бы высказаться какой-то гармоніею, музыкой. Музыка — невещественная дочь вещественныхъ звуковъ, она одна можетъ перенести трепетъ одной души въ другую, перелить сладостное, безотчетное томленіе...

30 верстъ Москвы, этого іероглифа всей Россіи, опоясанной узкой рѣкою, стелились передъ нами, индѣ—облитой полосою свѣта, индѣ—затемненной облакомъ, съ своими минаретами-колокольнями, домами, Кремлемъ, Иваномъ Великимъ, съ своей готической вольной неправильностью. Долго смотрѣли мы. Наконецъ, удрученные, бросились на ступеньку, окружающую надгробный памятникъ великому намѣренію монументально увѣковѣчить славу 1812 года, подѣлиться ею съ самимъ Богомъ ¹⁾. Тогда былое, подобно туману, покрыло пеленою своей городъ родины и самыя горы. Мы вспомнили, какъ тутъ, при переходѣ изъ младенчества въ юношество, насъ поразила мысль высокая; какъ наши души бросились въ ея объятія, какъ онъ въ нихъ потонулъ, какъ я ее самъ обнялъ. Я боялся высказать ему мысль свою... и нынѣ нашелъ въ немъ товарища на весь тернистый путь, и нынѣ бытіе наше судорожно обвилося около этой мысли, и съ нею мы выше толпы, а безъ нея мы ничтожны.

Немного времени прошло послѣ того,—какіе-нибудь 8 лѣтъ; но какая въ насъ переменна. Менѣе самоотверженія, болѣе славолубія; менѣе энтузіазма, болѣе фанатизма; менѣе вѣры, болѣе разочарованія; менѣе поэзіи, болѣе прозы. Даже лицо наше было не то—юношеское, чистое; кое-гдѣ виднѣлись колеи страстей жгучихъ и смердящіяся признаки встрѣчи съ людьми. Истомленное лицо было въ пыли городской, и въ глазахъ менѣе свѣта яснаго, болѣе огня порывистаго. Но въ эту священную минуту мы очистились; какая-то высшая поэзія смыла съ насъ все земное, мы опять погрузились въ нѣмую созерцательность и тогда не думали ни о чемъ, — только чувствовали. Полнота чувства исключаетъ умъ. Дивно вліяніе воздуха нагорнаго! Поэты великіе описывали его, но какъ недостаточно. Поэтъ можетъ только съ успѣхомъ описать порывы души своей: но тутъ, кромѣ души, есть еще природа живая, и горе, ежели дерзкое перо вздумаетъ ее описывать: тутъ всегда останется ужасное разстояніе между твореніемъ челоуѣка и твореніемъ Бога, между отторженными частями природы Вернэтовой ²⁾ и всею цѣлостью природы настоящей.

¹⁾ Рѣчь идетъ о слѣдахъ постройки храма Спасителю по гигантскому проекту А. Л. Витберга.

²⁾ Вернэ (Vernet)—фамилія знаменитыхъ французскихъ художниковъ.

Я вынулъ Шиллера и Рылѣева. Какъ ясны и свѣтлы въ ту минуту казались намъ эти великіе поэты! Мы читали одного и понимали глубокую, мечтательную поэзію его; читали другого и понимали его самоотверженную, страдальческую душу. Звучный, сильный языкъ Шиллера подавлялъ насъ. «Какъ ярящійся потокъ изъ разсѣлинъ скалъ, льющійся съ грохотомъ грома, подмывая горы и унося дубы», пѣвецъ Войнаровскаго смотрѣлъ на меня и мнѣ говорилъ:

Ты все поймешь, ты все оцѣнишь.

Наконецъ Наконецъ, подошелъ къ намъ солдатъ, который бережетъ отъ русскихъ плиту, свидѣтельствующую о невыполненномъ обѣщаніи памятника русской славы, и механическимъ голосомъ, который такъ симпатизируетъ съ механическимъ шагомъ, съ механическимъ мундиромъ, съ механическою силою нашего солдата, нѣчто въ родѣ шомпола при ружьѣ. «Смѣна! Извольте итти». Да, ты правъ: смѣна, смѣна съ твоими словами вошла въ душу мою: пропало небо, опять земля съ душевными испареніями своими. Паденіе было ужасное, и я, Клодъ Фролло ¹⁾, бѣжалъ съ своимъ другомъ, взглянувъ еще разъ на видъ, который былъ тотъ же, но производилъ совсѣмъ противное дѣйствіе. Эта толпа строеній, эта огромная тюрьма, — все казалось страшнымъ, и солнце жгло всей юньскою силою. Такъ взоры дѣвы красоты живятъ, лютуютъ нѣгу и восторгъ; они же жгутъ, уничтожаютъ, ежи въ нихъ любовь къ другому; они же мертвятъ, ежи въ нихъ равнодушіе!

«Какъ природа хороша, выходя изъ рукъ Творца; какъ она гнусна, выходя изъ рукъ человѣка», — сказалъ Руссо. «Гдѣ остался слѣдъ человѣка, тамъ погибъ слѣдъ Бога», — прибавилъ Шиллеръ.

Великіе, вы правы, вы правы...

Смерклось. Трещать дрожки по скверной мостовой; мы въ Москвѣ. Опять 300,000 жителей, отравленный воздухъ, опять толпа развратная, безчувственная. Тамъ священникъ идетъ съ дарами продавать рай, не вѣря въ Христа; тамъ судья продаетъ совѣсть и законы; тамъ солдатъ продаетъ свою кровь за палочные удары; тамъ будочникъ, утѣсенный квартальнымъ, притѣсняетъ мужика; тамъ купецъ обманываетъ покупателя, — покупателя, который желалъ бы обмануть купца; тамъ блѣдныя толпы полуодѣтыхъ выходятъ на минуту изъ сырыхъ подваловъ, куда ихъ бросила бѣдность. Но глядите выше, въ окна. Тамъ еще лучше человѣкъ, тамъ онъ дома, безъ покрывала. Здѣсь юноша приучается къ разврату въ трактирѣ; тамъ другой убиваетъ свою поэтическую душу школь-

¹⁾ Типъ изъ «Собора Парижской Богоматери» В. Гюго.

ными бреднями невѣждъ-учителей; тамъ дѣти желаютъ смерти добраго отца; тамъ отецъ гнететъ дѣтей; тамъ жена, лаская мужа, обдумываетъ измѣну; тамъ блѣдная стая игроковъ съ яростью грабить другъ друга; тамъ ростовщикъ съ металлическимъ лицомъ, съ запахомъ серебра разоряетъ отца семейства; тамъ, наконецъ, гдѣ полузавѣшаны, гдѣ штора съ пренебреженіемъ отвергаетъ свѣтъ, тамъ... отвернитесь—тамъ любовь продается цѣною злата.

Люди, люди! Гдѣ вы побываете, все испорчено: и сердце ваше, и воздухъ, васъ окружающій, и вода текущая, и земля, по которой ходите. Но небо, небо! Оно чисто, оно таково, какъ въ первый день творенія,—дыханіе пресмыкающихся не достигаетъ его. Туда! Туда!

Тотъ міръ открытъ для наслажденья:
Въ немъ вѣчная любовь,
Въ немъ нѣтъ тоски и нѣтъ мученья,
И страсти не волнуютъ кровь!

29. Письмо къ Н. П. Огареву.

Іюля. 5. 1833.

Другъ Огаревъ! Второе письмо твое получилъ, радъ ли? *Qu'en dites vous mon voisin?* ¹⁾ Ты занимаешь огромное мѣсто въ моей психологіѣ. Ты и Татьяна Петр. были два первыя существа которыя дали себѣ трудъ понять меня еще ребенкомъ, первые замѣтившіе тогда, что я не сольюсь съ толпою, а буду нѣчто самобытное.

Внутреннія новости.

Послѣ экзамена я нѣсколько дней купался отдыхалъ, то есть спалъ, елъ и купался; купался, спалъ и елъ. Но тотчасъ развилась дѣятельность и первая задача которую себѣ предложилъ я *изучить Гете*. Шиллеръ бурный потокъ, издали слышенъ трескъ и шумъ волны ярятся и едва пустишь ладію свою, какъ она уже въ водоворотѣ; не таковъ Гете, онъ глубокъ какъ море, нѣтъ определеннаго теченія, и тихо зыблются его полныя упругія волны. Вторымъ занятіемъ я назначилъ что-нибудь перевести напр. *Histoire du droit par Lerminier. Какъ думаете М. Г?* Потомъ ужъ приступлю я къ

¹⁾ Что скажете объ этомъ, мой сосѣдушка?

своему образованію. Соберу въ одно цѣлое отдѣльные . . . 1) знаній напoлно пустыя мѣста и расположу въ системѣ. Исторія и политическія науки въ первомъ планѣ. Естественныя науки во второмъ. А rporos по Исторіи, съ чего начну ее съ Michelet ли Римской исторіи? Съ Вико ли? Потомъ Thierry etc. Не знаю буду ли читать Платона въ скоромъ времени.

На-дняхъ читаль я важное сочиненіе Сперанскаго *Историческое изслѣдованіе о Сводѣ*. Великъ вельможа публицистъ, великъ и XIX вѣкъ онъ заставилъ у насъ составлять сводъ расположить его по теоріи Бакона! Заставилъ заглянуть въ Бентама etc! И наконецъ заставилъ и насъ сдѣлать участниками въ складахъ этой кодификаціи, и объяснить намъ почему такъ сдѣлано а не иначе.

Въ журналахъ твоихъ доселѣ еще ничего не имѣлъ счастье встрѣтить 2). Все общія мѣста. Впрочемъ вообще я теперь занимаю мало, . . . 3) много шесть часовъ провожу у Пассековъ, и это время есть самое пріятное, время какого-то тихаго наслажденія. Тамъ отдыхаю я отъ бурныхъ порывовъ своей фантазіи и дикой и вольной, тамъ не гроза а небо чистое и голубое. Сколько я обязанъ этому семейству! Вадимъ уѣхалъ съ женою, Евгеній 4) здѣсь, *но это не Вадимъ*, далеко отсталъ.

Отъ Маслова 5) на-дняхъ письмо—наконецъ—горячее теплое однимъ словомъ письмо отъ Маслова. Что за прелестная душа! Онъ проситъ тебя, закликаетъ беречь здоровье — береги его! Онъ теперь живетъ однимъ прошедшимъ, одними воспоминаніями нашей дружбы 6).

Сатину 7) 1-я серебряная.

Мнѣ—2-я серебряная.

Обижаюсь ли я етимъ! Нѣтъ его ужъ что-то черезъ чуръ глупо. И мнѣ ли состязаться съ... съ Драшусовымъ 8).

Шеншину 9) золотая медаль и кандидатство.

Pereat Academia!

Pereant Professores! 10)

1) Слово не разобрано.

2) Огаревъ выписывалъ себѣ журналы, которыми пользовался и Герценъ.

3) Слово не разобрано.

4) Братъ Вадима Пассека.

5) Пріятель обоихъ друзей.

6) Двѣ строки оборваны.

7) Николай Михайловичъ, пріятель обоихъ друзей.

8) Александръ Николаевичъ; получилъ 1-ю золотую медаль; потомъ профессоръ и цензоръ.

9) Василій Владиміровичъ.

10) Да погибнетъ университетъ! Да погибнуть профессора!

Я съ однимъ Максимовичемъ останусь знакомъ. Богъ съ ними и съ Лапласомъ въ карикатурѣ—Перевощ., и съ Университетскимъ Талейраномъ—Щепкинымъ, и съ допотопнымъ—Ловецкимъ, и съ косинусомъ рода человѣческаго—Коцауровымъ и съ Бомбастомъ Парацельсомъ въ миниатюрѣ—Павловымъ и К°... Впрочемъ замѣчу что Гейманъ со мною превосходительнымъ образомъ поступилъ.

У Лахтина ¹⁾ бываю.

Кетчера ²⁾ выдаю рѣдко.

Ив. Обол. ³⁾ дѣйствит. студентъ.

Кандидатъ Ал. Герценъ.

30. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Юля 5 или 6, не знаю (1833).

Напрасно, Наталья Александровна, напрасно Вы думаете, что я ограничусь однимъ письмомъ; вотъ вамъ и другое. Мнѣ чрезвычайно пріятно писать къ тѣмъ особамъ, съ которыми есть какое-то сочувствіе. Такихъ людей такъ мало, такъ мало, что и дести бумаги не изведешь въ годъ къ нимъ на письма.

Я кандидатъ—это правда; но золотую медаль дали не мнѣ; впрочемъ, дали такому человѣку, съ которымъ я бы постыдился вступить въ соперничество. Весь университетъ дивится этому. Мнѣ серебряная медаль, одна изъ трехъ!

Замѣчаніе Эмил. Мих. на мое письмо, вѣроятно, очень хорошо; но я его совершенно не понялъ и не постигаю, почему самую простую фразу обратить въ насмѣшку, и съ этой насмѣшкой вспомнить давно забытое что-го. Я очень благодарю Эм. Мих. за участіе въ моемъ кандидатствѣ.

Живу я теперь—небо копчу, то есть почти ничего не дѣлаю, ежели гулять не дѣло, ежели купаться не дѣло, ежели ѣсть не дѣло. Вчера былъ я съ Пассеками на Воробьевыхъ горахъ; это—священное мѣсто для меня; тамъ я еще при переходѣ изъ младенчества въ юношество болѣе и болѣе знакомился съ Огаревымъ; тамъ до-вѣряли мы другъ другу мысли, томившія души наши, тамъ бывалъ

¹⁾ Товарищъ по курсу.

²⁾ Николай Христофоровичъ.

³⁾ Иванъ Оболенскій, товарищъ по факультету.

я чистымъ, восторженнымъ юношею, и теперь во многомъ разочарованный, кое-гдѣ сожженный страстями, я съ восхищеніемъ перебиралъ тамъ всѣ перемѣны, бывшія со мною въ эти 10 лѣтъ; можетъ, во многомъ я улучшился, но это не въ самое послѣднее время. У меня есть статья о Воробьевыхъ горахъ, я ее прочту вамъ и Эм. Мих., я о ней, кажется, ужъ говорилъ вамъ. Дивно дѣйствіе нагорнаго воздуха! Какая-то гармонія, звенить въ ушахъ, вы задыхаетесь, вы готовы плакать, все земное исчезло, все небо на землѣ. И тутъ-то, тутъ-то имѣть возлѣ себя друга и ему перелить свои ощущенія не черезъ холодильникъ пера, а пламенной, каленой лавой рѣчи. Но, впрочемъ, въ эти торжественныя минуты мало или ничего нельзя говорить,—земной языкъ недостаточенъ. Музыка, одна музыка неопредѣленная, таинственная перенесетъ душѣ ощущеніе другой души. Я заврался, извините!

Право, болѣе писать не о чемъ; была ужасная гроза, перебило нѣсколько человекъ; вообще, не проходитъ недѣли, чтобы не было или вьюги, или града, или чего-нибудь. Жары смертныя, для меня это всего ужаснѣе, ибо и внутри жаръ и снаружи жаръ,—есть отчего сдѣлаться котлетой жареной. Это презабавно: будутъ подавать котлеты изъ Герцена,—немножко сухо мясо! Вотъ вамъ и Эм. Мих. новые стихи Огарева, которые недавно получилъ изъ Пензы. Княгинѣ Мар. Ал. мое *глубочайшее* почтеніе, Эм. Мих. *дружескій* поклонъ, вамъ—два.

Александръ Герценъ.

Сегодня актъ, но я не былъ! ибо не хочу быть вторымъ при полученіи награды. ¹

◆◆ 1. На другой день, 7 июля Герценъ получилъ присланный со сторожемъ дипломъ. Воспроизвожу его съ подлинника, печатая вписанное рукою курсивомъ:

Отъ Императорскаго Московскаго Университета *своекоштный* Студентъ *Александръ Герценъ* за *очень хорошіе* успѣхи, оказанные при публичномъ испытаніи и лучшее сочиненіе на заданный предметъ отъ Отдѣленія *Физико-Математическихъ* Наукъ, награжденъ въ торжественномъ Собраніи 1833 года, *Юля 6²⁰* дня *серебреною* медалью. Въ засвидѣтельствованіе чего и данъ ему сей листъ, за подписаніемъ Ректора Университета и съ приложеніемъ Университетской печати. *Юля 6-10* дня 1833 года.

Ректоръ Иванъ Двшубскій.

3 августа изъ университета былъ выданъ аттестатъ, напечатанный на стр. 16, кн. VII «Былого» 1907 г. и не представляющій ничего новаго, сравнительно со всѣмъ, уже изложеннымъ.

27 мая 1834 г. Герценъ произведенъ въ титулярные совѣтники со старшинствомъ съ 25 декабря 1833 года, на что дипломъ выданъ 29 апрѣля 1835 г. Такимъ образомъ, получивъ титулярнаго совѣтника по службѣ въ вѣдомствѣ императорскаго двора, Герценъ могъ бы получить его, если бы только теперь вступилъ на службу, благодаря университетскому диплому.

31. Письмо къ Н. П. Огареву.

Юля 19, 1833.

Москва.

Другъ Огаревъ! Еще письмо отъ тебя, еще радость! Дивна моя симпатія съ тобою,—мы разны, очень разны. Въ тебѣ скрытая, неразвитая, глубокая поэзія—*involuta* ¹⁾. У меня есть поэзія нѣкоторымъ образомъ глубокая, но живая, яркая, поэзія экспансивная—*evoluta* ²⁾. Меня разъ увидишь,—и отчасти знаешь, тебя можно знать годъ и не знать. Твое бытіе болѣе созерцательное, мое—болѣе пропаганда. Я дѣятеленъ, ты лѣнтяй, но твоя лѣнь—дѣятельность для души. И при всемъ этомъ симпатія дивная, какой нѣтъ ни съ кѣмъ рѣшительно; симпатія и не требуетъ тождества. Глубокое познаніе другъ друга, взаимное дополненіе—вотъ начала этой дружбы, сильной выше всякихъ обстоятельствъ.

Ты правъ, *Saint Simonisme* имѣетъ право насъ занять. Мы чувствуемъ (я тебѣ писалъ это года два тому назадъ и писалъ оригинально), что міръ ждетъ обновленія, что революція 89 года ломала—и только, но надобно создать новое, *палингенезическое* время, надобно другія основанія положить обществамъ Европы; болѣе права, болѣе нравственности, болѣе просвѣщенія. Вотъ опытъ—это *S. Sim.* Я не говорю о нынѣшнемъ упадкѣ его, таковымъ я называю его религиозную форму (*P. Enfantin* etc). Мистицизмъ увлекаетъ всегда юную идею. Возьмемъ чистое основаніе христіанства. Какъ оно изящно и высоко; посмотри же на послѣдователей—мистицизмъ темный и мрачный. Есть еще *systeme d'appropriation par Fourier*. Ее ты прочтешь въ «*Revue Encyclopedique*»³⁾ за февраль 1832. Цѣль оправдываетъ странности.

¹⁾ Не развернувшаяся.

²⁾ Развернувшаяся.

Я теперь крѣпко занимаюсь политическими науками, т. е. одно начало; читаль Lerminier, буду читать Вико, Montesq. и пр. Это моя вакація. Da bin ich zu Haus ¹⁾). Итакъ, какъ извѣстно Вашему Благородію, вся умственная сторона моя теперь начинаетъ быть функціею одной идеи. Но эта недѣлимость перенеслась и въ другую систему,—къ чувствованіямъ. Огаревъ, слушай: я, Герценъ, влюбленъ по уши. Мнѣ трудно признаваться въ такихъ вещахъ, но говорю тебѣ съ священнымъ условіемъ: ни одной насмѣшки, ни одного слова холоднаго. Слышишь? Это будетъ обида твоему другу, который теперь въ одно время сдѣлалъ эту довѣренность и тебѣ и себѣ. Огаревъ, ты открылъ новый міръ въ Шеллингѣ, я—въ любви, міръ дивный и чудесный, міръ поэзіи и гармоніи. Довольно.

Ты не можешь вообразить, какая дѣятельность опять у меня; такъ кровь и кипитъ. Учиться, учиться, а потомъ писать! Слава! ей ли пожертвовать, когда жертвуютъ богатству, вину, дѣвкамъ? Ты, Вадимъ и я—мы составляемъ одно цѣлое, будемъ же жить чисто умственною жизнью. Науки (ты понимаешь, что я говорю въ обширномъ смыслѣ), науки пусть займутъ всю жизнь. Жаль, что Вадимъ не обезпеченъ матеріально, а дѣятельнымъ я возьмусь его сдѣлать.

Огаревъ! Для полнаго поэтического развитія тебѣ остается влюбиться, это необходимо.

Лахтинъ сегодня со мною былъ у Сазонова ²⁾). Савичъ ³⁾ тебѣ кланяется, Вадимъ самъ, кажется, пишетъ. Addio, carissimo.

Твой Alter Ego

Алекс. Герценъ.

Рецептъ твой для чтенія мнѣ несистематиченъ, и потому дозвольте не совсѣмъ ему слѣдовать.

32. Прошеніе о выдачѣ аттестата.

Въ правленіе Императорскаго Московскаго Университета отъ кандидата Коллежскаго Секретаря Александра Герцена

Прошеніе.

Представляя данныя мнѣ на званіе кандидата и на полученную серебряную медаль свидѣтельства, равно и свидѣтельство отъ Со-

¹⁾ Здѣсь я, какъ дома.

²⁾ Николай Ивановичъ, другъ обоихъ друзей.

³⁾ Алексѣй Николаевичъ, извѣстный потомъ астрономъ.

вѣта Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, коимъ меня къ оному причисляютъ, покорнѣйше прошу Императорскаго Московскаго Университета Правленіе выдать мнѣ надлежащій аттестатъ.

Къ сему прошенію Коллежскій Секретарь и Кандидатъ Александръ Ивановъ сынъ Герценъ руку приложилъ.

1833 года, іюля 31 дня. ¹

◆◆ 1. Вотъ текстъ одного изъ приложенныхъ документовъ:

Свидѣтельство.

Изъ Совѣта Императорскаго Московскаго Университета дано сіе свидѣтельство Александру Герцену въ томъ, что онъ, окончивъ курсъ наукъ по физико-математическому отдѣленію, былъ испытываемъ на основаніи Положенія о производствѣ въ ученія степени, 1819 года января 20-го дня Высочайше утвержденнаго, и за отличные успѣхи и поведеніе опредѣленіемъ Совѣта 1833 года іюня 30-го дня утвержденъ Кандидатомъ отдѣленія физико-математическихъ наукъ. 1833 года, іюля 6-го дня.

Ректоръ Двигубскій.

Секретарь Совѣта Михаилъ Каченовскій.

Письмоводитель Иванъ Масловъ.

Въ засѣданіи правленія 31 іюля прошеніе было удовлетворено и аттестатъ выданъ (какъ указывалось, онъ напечатанъ на стр. 16 кн. VII «Былого» 1907 г.), позже Герценъ просилъ выдать ему аттестатъ на пергаментной бумагѣ. Въ дѣлѣ московскаго университета есть копія съ него, которую и воспроизвожу:

Аттестатъ.

По Указу Его Императорскаго Величества изъ Правленія Императорскаго Московскаго Университета, Кандидату Александру Герцену, служившему Коллежскимъ Секретаремъ въ прежде бывшей Экспедиціи Кремлевскаго строенія, переименованной нынѣ въ Московскую Дворцовую Контору, въ томъ, что онъ, Герценъ, съ дозволенія своего начальства, на основаніи Положенія Главнаго Правленія Училищъ, изложеннаго въ отношеніи Гос. Министра Народнаго Просвѣщенія къ Гос. Попечителю М. У. О. отъ 17 сентября 1828, допущенъ 14 октября 1829 года къ слушанію въ семъ Уни-

верситетѣ Профессорскихъ лекцій, гдѣ, окончивъ курсъ по Отдѣленію Физико-Математическихъ наукъ (нынѣ 2-ое Отдѣленіе Философскаго Факультета), на основаніи Положенія о производствѣ въ ученія степени, Высочайше утвержденнаго 20 января 1819 года, былъ испытываемъ въ наукахъ онаго Отдѣленія и оказалъ отличные успѣхи, доказанные и лучшимъ на заданный предметъ сочиненіемъ, за которое, равно какъ и за отличное поведеніе, онъ, Герценъ, награжденъ серебряною медалью. Вслѣдствіе чего опредѣленіемъ Университетскаго Совѣта 30 іюня 1833 года утвержденъ кандидатомъ Отдѣленія Физико-математическихъ наукъ и, по прошенію его, уволенъ изъ Университета съ Аттестатомъ, выданнымъ изъ Правленія 3 августа того же 1833 года за № 2800, въ которомъ изъяснено, что, какъ онъ, Герценъ, окончилъ полный курсъ Университетскаго ученія, то имѣетъ право пользоваться Высочайше дарованными преимуществами, означенными въ 43 § Положенія о производствѣ въ ученія степени и въ Указѣ 9 іюля 1822 года.—Нынѣ онъ, Герценъ, служащій въ Канцеляріи Г. В. Г. Г. Титулярнымъ Совѣтникомъ, въ прошеніи своемъ на имя Правленія Университета объяснилъ, что желаетъ имѣть Аттестатъ напечатаннымъ на пергаментѣ, для чего и представляетъ прежде данный ему за № 2800; а потому и выданъ ему новый Аттестатъ, прежній же оставленъ при дѣлахъ Университета. Москва.—Ноября 1839 года.

33. Письмо къ Н. П. Огареву.

1 августа 1833.
Москва.

Другъ Огаревъ! Ты мало пишешь, ты рѣдко пишешь (у Лактина въ письмѣ есть, правда, извиненіе), ты сдѣлался шеллингистомъ. Это, впрочемъ, недурно, но отчасти, ибо надобно *приложеніе*, какъ говоритъ *нашъ знакомый*. Шеллингъ—поэтъ высокій, онъ понялъ требованіе вѣка и создалъ не бездушный эклектизмъ, но живую философію, основанную на одномъ началѣ, изъ коего она стройно развертывается. Фихте и Спиноза—вотъ крайности, соединенныя Шеллингомъ. Но нашему брату надлежитъ итти далѣ, модифицировать его ученіе, отбрасывать *ipse dixit* ¹⁾ и принимать не болѣе его методы. Причина: Шеллингъ дошелъ до мистическаго католицизма, Гегель—до деспотизма! Фихте, этотъ Régime de ter-

¹⁾ Самъ сказалъ.

geur ¹⁾ философіи (какъ называется Кине), по крайней мѣрѣ, хорошо понялъ достоинство человѣка. Но объ этомъ пространнѣе при свиданіи, которому пора же настать. Я дочитываю Lerminier. Хорошо, но не отлично. Виденъ юноша, вообще онъ хорошъ, разбирая системы, но тамъ, гдѣ онъ говоритъ отъ себя, несмотря на всю французскую prolixité ²⁾, несмотря на неологизмы, есть что-то недодѣланное, неустоявшееся. Теперь я переѣду въ Римъ съ Мишле. Вотъ система чтенія сціентифическаго, начертанная мнѣ Морошкинымъ ³⁾ ⁴⁾ Michelet, Vico, Montesquieu, Herder, римское право Микельдеа, пол. экономія Сея и Мальтуса. Весьма недурно, и Лахтинъ уже прежде меня началъ читать. И тебѣ надобно хорошенько заниматься. Я хочу, чтобъ ты, будучи въ Москвѣ, два вечера проводилъ у меня, и мы ихъ исключительно посвятимъ наукамъ. Хочешь ли? Много, много есть кое о чемъ поговорить. Ежели я послѣ выхода изъ университета немного сдѣлалъ матеріальнаго, то много сдѣлалъ интеллектуальнаго. Я какъ-то полнѣе развился, болѣе опредѣленности, даже болѣе поэзии. Намъ недостаетъ еще положительности (ибо она основана на безчисленномъ множествѣ фактовъ) и отчетливости; иногда это пороки юншества!

Отъ Маслова еще письмо. Я виноватъ, что доселѣ не написалъ тебѣ его адреса, впрочемъ, я извинился передъ нимъ въ этомъ, вотъ онъ: Его Бл. М. Г. М. П. Маслову, помощнику контролера при артиллерійскомъ департаментѣ военного министерства въ С.П.Б.

Савичъ уѣхалъ въ Петербургъ, онъ отправляется на 6 лѣтъ въ Дерптъ на казенный счетъ, а послѣ долженъ 6 лѣтъ прослужить орд. проф. Хорошо это или худо? Для него хорошо, ибо онъ весь въ наукѣ, а наука — космополитъ. Прощай, подожду писать, можетъ, получу отъ тебя.

2 августа.

И въ самомъ дѣлѣ вотъ отъ тебя крошечная записка съ чайльдъ-гарольдовскимъ направленіемъ. Напрасно ты будешь теперь отъ меня ждать мрачныхъ думъ; на сію минуту довольно счастливъ, ибо живу на волѣ, занимаюсь *своею частью, я люблю, и я любимъ!* Тебѣ это, братъ, ново, неизвѣстно. Это цѣлый океанъ, глубокій, волнующійся и часто спокойный, освѣщенный солнцемъ. Но мрачныя

¹⁾ Режимъ террора.

²⁾ Многословность.

³⁾ Ѳедоръ Лукичъ, извѣстный тогда ученый юристъ и профессоръ московскаго университета по кафедрѣ «права знатнѣйшихъ римскихъ и древнихъ народовъ». ¹

⁴⁾ Не разобраны два иностранныхъ слова.

думы не всегда приходятъ въ несчастіи, это есть особое основаніе ясной задумчивости, особый демонъ, у меня—сомнѣніе; вотъ рана моей души. Я не имѣю этой живой фанатической вѣры ни во что, убѣжденіе—не вѣра. И въ тѣ минуты, когда *à corps perdu* ¹⁾ бросаешься въ любимую мечту, сомнѣніе съ своими маленькими глазами, съ эпиграммою на устахъ, съ ироніею въ лицѣ однимъ замѣчаніемъ бросаетъ внизъ.

Я теперь пристально занимаюсь христіанствомъ. Огаревъ, съ какимъ стыдомъ должны мы думать, что доселѣ не знали Христа! Какая высота, особенно въ посланіяхъ Павла.

Прощай.

Ал. Герценъ.

◆◆ 1. Т. П. Пассекъ вспоминаетъ, что, говоря о Герценѣ и Огаревѣ, Морошкинъ сказалъ: «Герценъ—это вѣчно дѣятельный европеецъ, живущій экспансивной жизнью, который принимаетъ идеи съ тѣмъ, чтобы ихъ уяснить, развить, разбрасывать. Огаревъ—квіетическая Азія, въ душѣ которой почилa глубокая мысль, ей самой неясная» (т. I, стр. 265).

34. 3 августа 1833.

Людмила ²⁾ *Александръ.*

Угрюмы и дики окрестности, свирѣпая рѣка подмываетъ гору, высокую, тяготящую надъ горизонтомъ. {Вершина ея въ снѣгу; сомнѣнемъ вѣетъ ото льда, и душа путника цѣпенѣетъ. Нигдѣ ни дерева, ни травки. Мохъ, этотъ предѣлъ растительнаго царства, одинъ мохъ покрывалъ каменистую почву ея. Далеко видно гору; орлы садятся на нее отдыхать, и по временамъ выходятъ изъ нея тяжелый дымъ, и небо краснѣетъ отъ зарева, и волны рѣки алѣютъ, но вскорѣ все затихаетъ, и мрачная гора мрачно царитъ надъ горизонтомъ. Изъ одной расщелины растетъ дерево, прелестный даръ сѣверной природы. Не этотъ пышный, роскошный, сладострастный, чувственный померанецъ, дышащій огнемъ юга и нѣгою Италіи, но наше сѣверное дерево, гибкое, вытянувшееся къ небу, говорящее о небѣ, не знающее солнца, скучающее земною жизнью, толстое, блѣдное, мечтательное, Оссіановское, какъ душа германки.

¹⁾ Очертя голову.

²⁾ Л. В. Пассекъ.

Одинокое дерево черпало всю жизнь свою изъ горы, и гору прикрывало своими листьями, и къ ней ластилось своими вѣтвями, и для нея красовалось на солнцѣ, и на нее смотрѣло сквозь слезы дождя. Холодомъ вѣтъ съ вершины на дерево, и нѣжное, оно едва не умираетъ, трепещутъ его листья, кровь останавливается въ жилахъ,—но оно живетъ.

Огонь раздираетъ внутренности горы, перебѣгая и клопоча въ подземныхъ проходахъ, просится наружу—и вырвался! Изъ огромнаго жерла стремились потоки раскаленнаго металла; изгибаясь, какъ змѣи, стекали они въ рѣку, шипя, какъ змѣи, погружались въ волны ея! Дивное зрѣлище! Съ одной стороны луна, дѣвственница луна, созданье сѣверное, мечтательное, религиозное, робкое, стыдливо опустя глаза, какъ голубоокая дѣва, и едва освѣщая землю, отъ которой, казалось, она хотѣла оторваться, но къ которой ее приковала любовь; съ другой—бѣшенный пламень, быстрый, изгибистый, со свистомъ и съ трескомъ бросался во всѣ стороны, съ какимъ-то буйнымъ торжествомъ разливался и съ упоеніемъ уничтожалъ все встрѣчающееся, будто все ему соперникъ, будто онъ мститъ за кровавую обиду.

И какъ вполне пилъ онъ месть, какъ радостно вспыхивалъ, уничтоживъ своего врага, и самъ послѣ умиралъ на его трупѣ. Огонь, переходя всѣ цвѣта отъ синяго до пунцоваго, обливалъ окрестности своимъ невѣрнымъ, трепетнымъ цвѣтомъ крови. И все было въ крови, и вся природа дрожала, какъ Каинъ или убійца. Кровавое небо, кровавая рѣка, все кровавое, океанъ крови!! Какое-то счастье, казалось, наполняло грудь горы, съ гордостью смотрѣла она на обширный кругъ дѣятельности, и новые потоки пламени извергались изъ нея.

Тихій вѣтеръ, пробираясь между листьями ближняго лѣса и склоняя передъ собою вѣтви, освѣжалъ природу; небо съ одной стороны было покрыто тучею, съ другой — чисто и, будучи надъ головою ярко синяго цвѣта, блѣднѣло по небосклону, а у небо-склона рдѣлось, какъ ланиты дѣвы.

Звѣзда утра, Венера, игривая, страстная, блистала тысячью цвѣтовъ и, наконецъ, потухла въ морѣ огня и свѣта. Выглянуло солнце и озарило еще блестящую, не простывшую гору со всегдашнимъ презрительнымъ равнодушіемъ своимъ ко всему земному, которому только мимоходомъ даетъ жизнь... Дерево не существуетъ, огненные объятія сожгли его, каленая атмосфера пламенной любви задушила его. Дерево сѣвера, дерево неба не могло сдружиться съ огнемъ земнымъ.

Съ тѣхъ поръ мрачна и одинока гора, и еще тяжелѣе давить горизонтъ; рѣдко, рѣдко въ часъ ночной, она, подавленная глубокой думой, клубами валить дымъ, и середь его иногда взовьется съ быстротою молніи, струится огонь, блеснетъ и, испугавшись воли, потухнетъ.

Такъ-то черныя очи итальянки, вспомнивъ былую страстную любовь, блеснуть, и слѣдъ ихъ, огненный слѣдъ надолго остается, выжигается въ сердцѣ, и опять грустны томныя очи. И опять тиха гора, опять холодно, снѣгъ вѣетъ сомнѣнъемъ, и пепель покрываетъ главу горы, но внутри ея огонь не тухнетъ, онъ жжетъ ее самое, и гора какъ будто трепещетъ губами и адски хохочетъ.

Угрюмы и дики окрестности, и рѣка свирѣпая яростно подымаетъ гору.

35. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Суббота (5 августа 1833).

Любезнѣйшая Наталья Александровна! Жалѣю, что вы такъ врасплохъ просите у меня книгъ; ей Богу нѣтъ; посылаю *Уранію*, тамъ повѣсть *Ницій*¹⁾, и романъ Вальтера Скотта. Статья моя ужъ болѣе не моя²⁾. Стихи вы найдете списанными на другой сторонѣ записки; для меня они прелестны; какъ видна душа чистая, неземная, гдѣ еще не померкло небесное начало ея. Впрочемъ, у всякаго свой вкусъ! Боюсь дурной хвалой портить. Эмильѣ Мих. кланяюсь и очень желаю, чтобъ вамъ обѣимъ время шло весело.

До свиданья. *Ал. Герценъ.*

Отраднѣй міръ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сроднилась
Съ страданьемъ горькимъ и тоской,
Звѣзда надеждъ моя затмилась
И ненавистенъ край земной!
Но есть міръ вѣчный и прекрасный,
Куда летаю я,

¹⁾ Въ концѣ 1825 г. М. П. Погодинымъ былъ изданъ сборникъ «Уранія, карманная книжка на 1826 годъ для любителейницъ и любителей русской словесности», гдѣ и напечатана его собственная повѣсть «Ницій».

²⁾ По всей вѣроятности, рѣчь идетъ о № 34.

Гдѣ чувствую душою страстной
 Всю прелесть бытія.
 Тотъ міръ открытъ для наслажденья,
 Въ немъ вѣчная любовь,
 Въ немъ нѣтъ тоски, и нѣтъ мученья
 И страсти не волнуютъ кровь.

Л. ¹⁾

Удивительно ли, Natalie, что я тамъ бываю почти всякій день, и все мало; вотъ образчикъ первый попавшійся чувствъ и души не у одной особы, а у всего семейства.

Александръ Герценъ.

36. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

(Начало августа 1833).

Хоть и очень недавно я писалъ къ вамъ, Наталья Александровна, но хорошъ случай — жаль пропустить, и потому я пишу опять (Вы въ прошлый разъ сами ничего мнѣ). Татьяна Петровна ²⁾ ѣдетъ на дняхъ къ дядѣ въ Тулу, который за нею прислалъ лошадей. Но ея еще здѣсь нѣтъ. Пассеки всѣ здоровы. Вотъ отвѣты на ваши вопросы. Теперь остается, пожелавъ вамъ покойной ночи и пріятнаго сна (ибо, вѣрно, у васъ спать—одна изъ самыхъ значительныхъ забавъ), повторить искреннѣйшую преданность.

Ал. Герценъ.

Эм. Мих. больна *тоскою по Москвѣ*; есть очень дѣйствительное лѣкарство—воротиться въ Москву, чему и я весьма буду радъ.

37. Письмо къ Н. П. Огареву.

Августа 7 или 8, 1833.

Другъ мой! Другъ мой! Крикъ вырвался изъ груди моей, когда я прочелъ твое письмо (іюля 29). ¹⁾ Какая глубина поэзіи, это—поэма, поэма высокая, цѣлая! Ради Бога, поддерживай это распо-

¹⁾ Стихи написаны Людмилой Пассекъ.

²⁾ Пассекъ.

ложеніе, à bas ¹⁾ чувственность—и я тебѣ, я, твой другъ Герценъ, ручаюсь, что твое имя будетъ гремѣть; тебѣ это, можетъ, мало льстить, но ты знаешь, это—моя слабость. Да, ты поэтъ, поэтъ истинный.

И я не въ бездѣйствіи, я много размышляю, много думаю, но писать не стану много, болѣе при свиданіи. Предметъ мой христіан. религія; Носковъ ²⁾ говорилъ, что это его поэзія—мы не умѣли понимать Носкова. Вотъ очеркъ: развитіе гражданственности въ древности было односторонне. Греки и римляне не знали частной жизни, и общая жизнь была не гармонія, но искусственный синтезисъ. Платонова республика вполнѣ показываетъ даль тогдашней философіи отъ истины. Аристотель хвалитъ рабство. Въ формахъ нѣтъ *развиваемости*, не было мысли впередъ,—можетъ, оттого, что каждое государство жило тогда отдѣльно, должно было разъ блеснуть, разъ служить ступеню роду человѣческому,—и потухнуть. Римлянинъ, какъ скоро вселенная пала къ его ногамъ, сталъ рабомъ въ республиканскомъ платьѣ; просто Римъ началъ гнить; въ это время являются кимвры и тевтоны,—дѣвственные народы сѣвера начинали выливаться въ Италію чистые, добродѣтельные. Должны ли они были погубить себя безъ возврата въ смердящійся Римъ. Обновленья требовалъ человѣкъ, обновленья ждалъ міръ. И вотъ въ Назаретѣ рождается сынъ плотника, Христосъ. Ему (говоритъ апостоль Павелъ) назначено примирить Бога съ человѣкомъ. Пойми его, не хочеть ли онъ, великій толкователь Христа, сказать имъ, что Христосъ возвратитъ человѣка на истинный путь, ибо истинный путь есть путь божій. «Всѣ люди равны»,—говоритъ Христосъ. «Любите другъ друга, помогайте другъ другу»—вотъ необъятное основаніе, на которомъ зиждется христіанство. Но люди не поняли его. Его первая фаза была мистическая (католицизмъ); но вредъ ли это? Нѣтъ (объ этомъ послѣ какъ-нибудь). Вторая фаза—переходъ отъ мистицизма къ философіи (Лютеръ). Нынче начинается третья, *истинная, человѣческая, фаланстерство* ³⁾ (можетъ быть, с.—симонизмъ??). Вникая во вторую фазу, мы видимъ два разныя движенія съ противоположныхъ сторонъ (въ переходномъ состояніи такъ быть должно —а и —а): одно мистическое еще, другое чисто философское; это Вольтеръ, Локкъ, сенсуалисты! Я думалъ, что эта мысль совершенно новая и моя, я лелѣялъ ее, но нынѣ нашелъ это у Didier: да, сенсуализмъ дѣйствовалъ на политическій міръ въ смыслѣ христіан-

¹⁾ Долой!

²⁾ Пріятель друзей.

³⁾ Ученіе Фурье.

ства. (Развивать не стану, я пишу одни результаты). Но вотъ въ чемъ я не вѣрю Didier, это въ его мнѣніи о Папѣ; онъ говоритъ, что это было высшее проявленіе христіанства, выраженное въ одномъ лицѣ. Нѣтъ, мнѣ (это мысль рѣшительно моя) Папу объясняетъ Югъ. Югъ—сенсуалистъ, чувственникъ; пылкая природа, знойное солнце юга дѣлаетъ его ближе къ землѣ, и вотъ невещественная религія Христа, рожденная въ погибающихъ племенахъ семитическихъ, религія, не свойственная Азіи, *религія народовъ германскихъ и славянскихъ по преимуществу, овеществляется на Югѣ въ Папѣ*. Что былъ Римъ? Мужикъ съ сильными кулаками. И Римъ папы была вещественная сторона, матеріальная сила христіанства, а рѣшительно не идея. Вотъ тебѣ на первый случай. Не дери этого письма, сбереги, можетъ, оно мнѣ будетъ нужно, ибо я теперь въ какомъ-то восторгѣ отъ твоего письма и въ холодѣ не въ состояніи буду воспроизвести этого.

Я написалъ небольшую статейку, въ родѣ Жанъ-Поля, аллегорію ¹⁾. Многимъ она нравится и даже мнѣ. Теперь я оканчиваю «Исторію» Мишле—хороша очень, а тамъ примусь за Тьерри. Теперь, Огаревъ, къ себѣ обращаюсь, и ты, не оборачивая листа, уже знаешь, о чемъ буду писать.

Ты не сказалъ холоднаго слова; благодарю, другъ, не тебя, но историческое расположеніе, въ которомъ ты ко мнѣ писалъ. Ты пишешь, «кто *она*, я подозреваю». Ну, Огаревъ, докажи, что симпатія наша до *nes plus ultra*, что ты пророкъ (какъ пишешь) и напиши, про кого ты думаешь; мнѣ тайный голосъ говоритъ, что ты ошибся, и я буду въ восторгѣ, ежели это подтвердится. Но не бойся, любовь меня не поглотитъ; это занятіе пустого мѣста въ сердцѣ, идея со мной, идея—я. Любовь дивное чувство, и она меня любитъ такъ, какъ я хотѣлъ, ее я погибло во мнѣ. Можетъ быть—говоритъ мнѣ иногда адское сомнѣнье, можетъ быть, не надолго.

Можетъ быть, а можетъ быть и нѣтъ.

Она первая рѣшилась мнѣ сказать, что любитъ меня. Она мнѣ писала: «ты мой міръ, кромѣ тебя ничего, *все, все мой Александръ*».

А Александръ, между прочимъ, и твой *Александръ* ²⁾ вѣдь, ужъ подписи-то не нужно.

Вадимъ здѣсь, завтра ѣдетъ въ Тулу.

Прощай. *Герценъ*.

¹⁾ По всей вѣроятности, № 34.

²⁾ Зачеркнуто.

Вообрази, Огаревъ, моя мысль о сравненіи Петра съ реформаціею напечатана Погодинымъ ¹⁾).

◆◆ 1. Это письмо Огарева напечатано на стр. 8—10 VII кн. «Рус. Мысли» 1888 г. Главное его содержание — страстное отношеніе Огарева къ поэзіи, желаніе уйти въ нее всѣмъ существомъ.

38. Письмо къ Н. П. Огареву.

31 августа 1833.

Другъ Огаревъ! Получилъ отъ тебя письмо отъ авг. 18. ¹ Оно мнѣ доставило бездну удовольствій. Во-первыхъ, ты мастерски отгадалъ: *изъ трехъ меньшая*. Она, она! Не думай, другъ, чтобъ я худо понималъ любовь. Я ее вполнѣ не только понимаю, но чувствую. Огаревъ, я ужасно счастливъ. У меня все есть: *другъ* и друзья, есть *она*, которая любитъ меня до безумія, и я это знаю, есть сила души и воли, которая обусловливаетъ мнѣ поприще дѣятельности и славу. Чего же мнѣ? Да, я счастливъ, и что-то дивное лется по душѣ. Понимаю, что за высота быть музыкантомъ. Музыка, одна музыка чѣмъ-нибудь выразила бы внутреннюю *гармонію*, (небореніе) *гармонію*, а не нашъ языкъ, языкъ прозы, языкъ земли и праха.

Вотъ новыя мысли и гипотезы мои. Вѣкъ анализа и разрушеній, начавшійся реформаціею, окончился революціею. Франція выразила его *полноту*; поелику же народъ выражаетъ одну идею, а Франція выразила свою въ вѣкъ критическій, то и возникаетъ вопросъ: въ ней ли будетъ *обновленіе*? Кажется, по теоріи, нѣтъ, да и разбирая фактально, выйдетъ то же. Французскій народъ въ грубомъ невѣжествѣ; сверхъ того, онъ сдѣлался участникомъ разврата XVIII столѣтія, онъ нечистъ. Годился рушить, но имъ ли начинать новое, огромное зданіе обновленія? Гдѣ же? Въ Англии? Нѣтъ, ея девизъ—эгоизмъ, ихъ патріотизмъ—эгоизмъ, ихъ тори и вигъ—эгоисты, нѣтъ характера общности, нѣтъ пространнаго основанія. Норманны дали англамъ Magna Charta ²⁾, Европа не участвовала; былъ Кромвель—Европа въ сторонѣ. Гдѣ же? Я смѣло отвѣчаю: въ Германіи, да, въ странѣ чистыхъ тевтоновъ, въ странѣ ве-

¹⁾ «Взглядъ на русскую исторію», въ I кн. «Ученыхъ Записокъ И. Московскаго Университета» 1833.

²⁾ Magna charta libertatum—англійская великая хартія вольностей.

мическихъ судовъ, въ странѣ Burschenschaft ¹⁾ и правила Alle für einen, einer für alle ²⁾. Дивятся поверхностные люди, что Германія не принимаетъ ярко нынѣшнее направленіе; но что такое нынѣшнее направленіе? une transaction entre la féodalité et la liberté ³⁾, контрастъ между господиномъ и слугою; но не нужно ни господина, ни слуги. Съ чего же Германія начала? Съ просвѣщенія. Вотъ отвѣтъ-то! Франція, кичливая своимъ просвѣщеніемъ, послала въ 1830 году Кузена въ Пруссію. Кузенъ удалился, а Пруссія, всякій знаетъ, не есть лучшее. Нѣкоторая часть Вюртемберга, Веймаръ гораздо выше. Я остановлюсь. Ты понимаешь мою мысль. Я ее обработаю въ статьѣ *для друзей*.

◆◆ 1. Это письмо Огарева напечатано въ IX кн. «Рус. Мысли» 1888 г. Между прочимъ, онъ писалъ по поводу взгляда на любовь Герцена въ № 37: «Герценъ! ты или шутишь, или не понимаешь ни любви, ни самого себя. Зачѣмъ тѣшиться вздоромъ, который ты выдумалъ два года тому назадъ? Вникни въ значеніе, въ идею этого слова «любовь»—и въ другой разъ не ври. Если она и поглотитъ тебя, она не уничтожитъ ничего благороднаго; она очиститъ тебя, какъ жрецы очищали жертвы, которыя готовились приносить существу высочайшему».

39. Прошеніе о внесеніи въ формулярный списокъ степени кандидата.

Въ Московскую Дворцовую Контору Вѣдомства оной коллежскаго секретаря Александра Иванова, сына Герцена Доношеніе.

Съ дозволенія бывшей Экспедиціи Кремлевскаго Строенія и по данному мнѣ отъ оной свидѣтельству, былъ я допущенъ къ слушанью въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ профессорскихъ лекцій прошлаго 1829 г., Октября 14-го дня, гдѣ, окончивъ курсъ по отдѣленію физико-математическихъ наукъ, удостоенъ степени Кандидата, а нынѣ согласно моему прошенію отъ Университета уволенъ съ даннымъ мнѣ Аттестатомъ, который при семъ въ Московскую Дворцовую Контуру имѣя честь представить, покорнѣйше прошу приказать о семъ внести въ формулярной о службѣ моей списокъ. Сентября дня 1833 года. Къ сему доношенію Коллежскій Секретарь Александръ Ивановъ сынъ Герценъ руку приложилъ.

¹⁾ Студентская община.

²⁾ Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ.

³⁾ Компромиссъ между феодализмомъ и свободой.

40. Записка къ Л. В. Пассекъ.

(Конецъ сентября 1833 г.).

Ангель мой, вчера пріѣхали Вадимъ и Таня, будемъ осторожны. ¹

◆◆ 1. «На другой день нашего пріѣзда въ Москву (а выше сказано, что оно состоялось въ концѣ сентября—*М. Л.*), проходя гостиной, я—разсказываетъ Т. П. Пассекъ—увидала на полу раскрытое письмо, узнала почеркъ Саши и подняла его. Невольно взглянувши на написанное, я прочитала: «Ангель мой, вчера пріѣхали Вадимъ и Таня, будемъ осторожны» *и проч.* Я была поражена, не стала читать дальше начала и отдала письмо Вадиму, чтобъ онъ распорядился имъ, какъ найдетъ удобнѣе. Отчужденіе Саши огорчило насъ. Почему это? за что? — а разгадка была не далеко: онъ началъ сознавать непрочность своихъ чувствъ и, помня нашъ разговоръ, стѣснялся».

Такимъ образомъ, во-первыхъ, мы знаемъ, что въ запискѣ было еще что то «прочее»; во-вторыхъ, по обыкновенію, не знаемъ, какъ переданы эти слова: съ записки, уцѣлѣвшей у Вадима, или по памяти. Что касается послѣднихъ словъ Пассекъ, то къ этому вопросу мы вернемся нѣсколько позже.

Какъ отнеслась сама Людмила Пассекъ къ пріѣзду своего брата и его жены и общій тонъ ея отношенія къ Герцену, можно видѣть изъ ея единственнаго уцѣлѣвшаго письма, бывшаго въ моемъ распоряженіи.

Приведу его полностью съ соблюденіемъ орѳографіи:

«Да, Саша! много очень пріездъ нашихъ растроилъ насъ вспомни, какъ мы прелестно проводили время, до пріезда ихъ, я не знаю кто бы намъ тогда непозавидоваль, ты говоришь что судьба, нѣтъ мой другъ она намъ только еще показала, какъ можемъ мы наслаждаться счастьемъ, и кто можетъ мѣшать нашему блаженству, мы любимъ другъ друга; есть ли теперь обстоятельства насъ стѣснили онѣ насъ заставляють вполнѣ видать все пламя любви нашей: одно только тяжело, что мы не можемъ часто видѣтся грустно ужасно не видать тебя Саша, но грустнѣе видѣть тебя, и скрывать чувства, которые темъ пламяннѣе. Другъ мой береги себя ради

Бога береги, ты очень расстроены съ того вечера какъ имѣлъ съ Вадимомъ непрятности, береги себя для твоей Людмилы, которая темъ пламенно, темъ нѣжно любить тебя, ты можетъ быть не вѣришь мнѣ, что каждая маленькая тебѣ непрятность сильно меня огорчаетъ, а ты пишешь, что боишься, чтобъ не имѣло вліяніе на твое здоровье, ради Бога будь покойнѣе, смотри нѣсколько холоднѣе на этихъ людей, которые не въ состояніи нести креста воли Бога въ етомъ онъ не дастъ имъ твердости, и физической силы чтобъ нести со всею твердостью: Саша можетъ быть тебя судьба предназначила замѣнить ихъ, и идти къ исполненію высокой цѣли, посмотри, какъ чудесно она бережетъ тебя.

«Теперь, прощай мой Ангелъ.

Людмила.

«Что я тебя еще спросить хочу, какъ маминька твоя будетъ смотрѣть на насъ, есть ли узнаетъ о любви нашей, мнѣ кажется она меня уже не будетъ больше любить? Прощай.

«Завтра у васъ непременно, и съ Олинькой, я ей вчера объ этомъ говорила».

41. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

(22 октября 1833).

Любезнѣйшая Наталья Александровна! Сегодня день вашего рожденія, съ величайшимъ желаніемъ хотѣлось бы мнѣ поздравить васъ лично; но, ей Богу, нѣтъ никакой возможности; я виноватъ, что давно не былъ, но обстоятельства совершенно не позволили мнѣ по желанію расположить временемъ. Надѣюсь, что вы простите мнѣ, и желаю вамъ полнаго развитія всѣхъ вашихъ талантовъ и всего запаса счастья, которымъ надѣляется судьба души чистыя. Эмилиі Мих. мой поклонъ.

Преданный вамъ *Александръ Герценов.*

Надѣюсь на нынѣшней недѣлѣ у васъ быть (вѣроятно, въ субботу).

42. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

(26 декабря 1833).

Сдѣлайте одолженіе, любезнѣйшая Наталья Александровна! Увѣрьте княгиню Марью Алексѣевну, что я упалъ самымъ безвреднымъ образомъ, и поблагодарите за участіе и вниманіе. Эмильѣ Михайловнѣ мое почтеніе. Я на дняхъ самъ буду.

Весь вашъ *Александръ Герценъ.*

1834

43. Планъ изданія журнала.

Слѣдить за челоуѣчествомъ въ главнѣйшихъ фазахъ его развитія, для сего возвращаться иногда къ былому, объяснить нѣкоторыя мгновенія дивной біографіи рода челоуѣческаго и изъ нея вывести свое собственное положеніе, обратитъ вниманіе на свои надежды.

Вотъ цѣль журнала, но для достиженія къ ней необходимъ планъ... ¹⁾ его.

Челоуѣчество развивается въ двухъ направленіяхъ: въ мірѣ гражданскомъ и въ мірѣ эстетическомъ, въ мірѣ *дѣла* и въ мірѣ *слова*. Но сіи двѣ отрасли, подобно тѣмъ потокамъ, омывавшимъ свѣтлыя долины рая, истекли изъ одного источника, изъ мѣста созданія челоуѣка, и втекаютъ въ одинъ святой Гангесъ. Посему-то столь нераздѣльное представляетъ намъ литература и политическій бытъ. Гражданское состояніе есть *воплощенное слово*, и, обратно, литература, какъ слово народа, есть выраженіе его быта. Но изученіе слова и дѣяній челоуѣка еще недостаточно; челоуѣкъ—часть природы, онъ ея принадлежность, она его обусловливаетъ, она подчиняетъ его своимъ законамъ; слѣдственно, чтобъ понять челоуѣка, надлежитъ понять природу.

Изъ сихъ соображеній для достиженія предполагаемой цѣли журнала выходитъ, что онъ долженъ состоять изъ двухъ частей:

- 1) Исторической,
- 2) Естественновѣдательной.

Займемся первою частью. Предметъ исторіи—жизнь челоуѣчества. Жизнь есть не что иное, какъ процессъ возвышенія формы къ идеѣ и, слѣд., два элемента уже обнаруживаются. Идея—философія исторіи, явленіе и фактъ требуютъ себѣ по отдѣленію, на-

¹⁾ Слово не разобрано.

конецъ, и самый процессъ, т. е. восхождение отъ формы къ идеѣ. Параллельно съ исторіею идетъ и литература, и здѣсь теорія—эстетика, и часть практическая—разборы и отрывки.

Естествовѣдѣніе должно взойти самымъ общимъ образомъ, собственно, философія естествовѣдѣнія.

Но какимъ же образомъ журналъ можетъ выполнить собою строгую систему, единственно возможную въ книгѣ, ибо книга есть картина, гдѣ одинъ предметъ, а журналъ—раекъ, гдѣ быстро одинъ видъ замѣняется другимъ, гдѣ Ватиканъ возлѣ Ивана Великаго и колонна Вандомская возлѣ колонны Петербургской. Но развѣ нельзя въ райкѣ сдѣлать связь, развѣ нельзя всѣ картины взять съ одной точки зрѣнія? Развѣ не можетъ существовать внутренняя связь, когда не существуетъ внѣшней? Развѣ историческія трагедіи Шекспира не составляютъ стройной генеалогіи изъ жизни Англій, не представляются ли онѣ вамъ сценами изъ огромной поэмы въ его мысляхъ? «Вильгельмъ Мейстеръ» не составленъ ли изъ вырванныхъ листовъ, изъ рапсодій, но какое высокое единство въ немъ. Журналъ, въ коемъ есть требованіе на эту стройность, долженъ ясно опредѣлить свое *profession de foi*¹⁾,—это будетъ идея его; потомъ, согласно этому *profession de foi*,—представлять *этюды* о сказанныхъ предметахъ, и эти этюды, наконецъ, представятъ точки опоры, на коихъ можетъ воздвигнуться цѣлое зданіе.

Обращаемся къ самому плану.

Въ части историко-литературной, сверхъ раздѣленія оной на историческую и литературную, взойдутъ слѣдующія дѣленія: исторія, какъ наука, исторія повѣствовательная (т. е. отрывки оригинальные или переводные о важнѣйшихъ эпохахъ исторіи), юридико-историческая часть и критическая, — въ семъ отдѣленіи *matières primitives*²⁾ исторіи: тутъ лабораторія, въ которой разлагаютъ жизнь человѣчества и возстановляютъ ее. Наконецъ, еще отдѣленіе займетъ статистическое обозрѣніе государствъ, какъ послѣднее слово, какъ *halte*³⁾ исторіи.

Литературная часть раздѣлится на отдѣленія: теоретическое и практическое; во второмъ разборы знаменитѣйшихъ писателей всѣхъ временъ, разборы цѣлыхъ литературъ, отрывки изъ иностранныхъ авторовъ всѣхъ временъ. Къ сей части, какъ прибавленіе, могутъ помѣститься критики на современную литературу отечественную и стихи.

1) Исповѣданіе своей вѣры.

2) Основные матеріалы.

3) Стоянка, приваль.

Въ естествовѣдѣніи все вниманіе должно обратить на геологическія, фізіологическія и психологическія изслѣдованія.

Александръ Герценъ.

ПЛАНЪ ЖУРНАЛА.

А. Исторія.

1) Философія исторіи.	Огаревъ, Сазоновъ, Герценъ.
2) Историческіе отрывки, оригинальные и переводные.	Лахтинъ, Сатинъ, Кетчеръ, Герценъ.
3) Историко-юридическое отдѣленіе.	
4) Статистическое отдѣленіе.	Лахтинъ, Герценъ, Сазоновъ.
5) Археологія, критика etc.	

В. Литература.

1) Теорія.	Огаревъ.
2) Отрывки переводные.	Сатинъ, Кетчеръ.
3) Разборы α) иностранныхъ твореній,
β) отечественныхъ.	} Всѣ.

С. Естествознаніе.

Философія природы.

Прибавленіе.

Поэзія.

Критика.

Огаревъ, Сатинъ.

Согласенъ участвовать въ семь журналѣ:

Александръ Герценъ.

Николай Сазоновъ.

Николай Сатинъ.

17 февраля 1834 года.

44. ГОФМАНЪ.

(Родился 24 января 1776.
Умеръ 25 юня 1822).

(Н. П. О—у) ¹⁾.

I.

. . . . Die Künstler und die Räuber, das
Ist eine Art der Leuten. Beide meiden
Den breiten staubigen Weg des Alltagslebens;
Oehlenschläger, *Correggio* ²⁾.

Всякій божій день являлся поздно вечеромъ какой-то чело-
вѣкъ въ одинъ винный погребъ въ Берлинѣ, пилъ одну бутылку
за другой и сидѣлъ до разсвѣта. Но не воображайте обыкновеннаго
пьяницу, нѣтъ! Чѣмъ болѣе онъ пилъ, тѣмъ выше парила его фан-
тазія, тѣмъ ярче, тѣмъ пламеннѣе изливался юморъ на все окру-
жающее, тѣмъ обильнѣе вспыхивали остроты. Его странности, по-
стоянство посѣщеній, его литературная и музыкальная слава при-
влекали цѣлый кругъ обожателей въ питейный домъ, и когда ино-
странецъ пріѣзжалъ въ Берлинъ, его вели къ Лютеру и Регнеру,
показывали непремѣннаго члена и говорили: вотъ нашъ сумасброд-
ный Гофманъ. Посмотримъ на эту жизнь, оканчивающуюся питей-
нымъ домомъ. Жизнь сочинителя есть драгоцѣнный комментарий
къ его сочиненіямъ, но не жизнь германскаго автора: для нихъ
злой Гейне выдумалъ алгебраическую формулу: «родился отъ бѣд-
ныхъ родителей, учился теологіи, но почувствовалъ другое при-
званіе, тщательно занимался древними языками, писалъ, былъ бѣденъ,
жилъ уроками и передъ смертью получилъ мѣсто въ такой-то
гимназии или въ такомъ-то университетѣ». Но «есть люди, подобные
деньгамъ, на которыхъ чеканится одно и то же изображение; другіе
похожи на медали, выбиваемыя для частнаго случая» ³⁾; и къ по-

¹⁾ Огареву.

²⁾ Художники и разбойники, это — люди одного и того же рода. Они
сторонятся широкой пыльной дороги повседневной жизни. «Маслобойщикъ»
Корреджіо.

³⁾ Hoffmann's «Lebensansichten des Katers Murr». А. И. Г.

слѣднимъ-то принадлежалъ сказавшій эти слова Гофманъ. Его жизнь нисколько не была похожа на прозябаніе, — она самая странная, самая разнообразная изъ всѣхъ его повѣстей или, лучше, въ ней-то зародышъ всѣхъ его фантастическихъ сочиненій.

Одинокѣ воспитывался Гофманъ въ чинномъ, чопорномъ домѣ своего дяди. Странное вліяніе на душу младенческую дѣлаетъ одиночество; оно навсегда кладетъ зародышъ какой-то робости и само-надѣянности, дикости и любви, а болѣе всего мечтательности. Посмотрите на такого ребенка: блѣдный, тонкій, едва живой, онъ такъ похожъ на растеніе, выросшее въ парникѣ, такъ нѣжно, такъ застѣнчиво, такъ близко жметъ къ отцу, такъ краснѣетъ отъ каждаго слова и при каждомъ словѣ, такъ сосредоточенъ самъ въ себѣ, что если онъ только не лишенъ способностей, то изъ него необходимо выйдетъ человѣкъ, не принадлежащій толпѣ, ибо онъ не въ ней воспитанъ, ибо онъ не былъ въ передѣлкѣ у толпы ка-кого-нибудь пансіона, которая бы научила его завидовать чужимъ успѣхамъ, унизила бы его чувства, развратила бы его воображеніе. Вотъ такое-то дитя былъ Гофманъ ¹⁾. Главная отличительная черта подобнымъ образомъ воспитанныхъ дѣтей состоитъ въ томъ, что они, будучи окружены взрослыми людьми, рано зрѣютъ чувствами и умомъ для того, чтобъ никогда не созрѣть вполне; теряютъ прежде времени почти все дѣтское, для того, чтобъ послѣ на всю жизнь остаться дѣтьми. Ребенокъ-Гофманъ — большой чело-вѣкъ, мечтатель, страстный другъ Гиппеля и рѣшительный музыкантъ; но онъ скверно учится, и это—слѣдствіе воспитанія, въ которомъ человѣкъ долженъ развиваться самъ изъ себя: надо непре-мѣнно побывать въ публичномъ заведеніи, чтобъ получить утиную способность пожирать равнымъ образомъ десять разныхъ наукъ, не любя ни которой, изъ одного благороднаго соревнованія. Гофманъ находилъ скучнымъ Цицерона и не читалъ его; призваніе его было чисто художническое; не форумъ, — консерваторія была ему нужна. Въ томъ же домѣ, гдѣ воспитывался Гофманъ, жила сумасшедшая женщина, пророчившая въ изступленіи высокую судьбу своему сыну, Захаріи Вернеру ²⁾! Какія странныя впечатлѣнія должна была она сдѣлать на младенческую душу сосѣда!

Гофмана-юношу отправили въ университетъ *um die Rechte zu studieren* ³⁾, назначая его на юридическое поприще. Но для него тягостенъ университетъ со своими пандектами и брандербургскимъ

¹⁾ И онъ очень хорошо зналъ огромное вліяніе своего воспитанія между четырьмя стѣнами, какъ видно изъ писемъ его къ Гиппелю. А. И. Г.

²⁾ Нѣмецкій поэтъ и драматургъ.

³⁾ Чтобы изучать право.

правомъ, со своей латынью и профессорами; его пламенная душа начинаетъ развиваться, его фантазія жаждетъ восторговъ, жизни; а что можетъ быть наиболѣе удалено отъ всего фантастическаго, всего живого, какъ не школьныя занятія!

Da wird der Geist noch wohl dressirt,
In Spanische Stiefeln eingeschnürt ¹⁾.

Göthe, Faust, 1 Th.

Онъ становится мраченъ, ибо начинаетъ разглядывать дѣйствительный міръ во всей его прозѣ, во всѣхъ его мелочахъ; это простуда отъ міра реальнаго, это холодъ и ужасъ, навѣваемый дыханіемъ людей на грудь чистаго юноши. И тутъ-то рождается въ немъ потребность сорваться съ пути битаго, обыкновеннаго, пыльнаго, которую мы равно видимъ во всѣхъ истинныхъ художкахъ. Онъ все, что вамъ угодно: живописецъ, музыкантъ, поэтъ... только, ради-Бога, не юристъ, не буднишній, всеневный человекъ. И эта борьба между симпатією и необходимостью заставляетъ его дѣлать пресмѣшныя вещи. Получивъ хорошее мѣсто въ Позенѣ, знаете-ли, чѣмъ онъ дебютировалъ? Карриатурами на всѣхъ своихъ начальниковъ: тѣ отвѣчали на нихъ доносомъ, и Гофманъ не успѣлъ привыкнуть къ Позену, какъ его отставили. Спустя нѣсколько времени, мы видимъ его важнымъ совѣтникомъ правленія въ Варшавѣ. Но онъ не перемѣнился; это все тотъ же музыкантъ: хлопочетъ, трудится, собираетъ деньги, чтобы завести филармоническую залу; успѣлъ, и *Regierungs-Rath Hoffmann*, въ засаленной курткѣ, цѣлые дни на стропилахъ разрисовываетъ плафонъ залы; окончивъ, онъ же является капельмейстеромъ, бьетъ тактъ, дирижируетъ, сочиняетъ такъ усердно, что нисколько не замѣчаетъ, что вся Европа въ крови и огнѣ. Между тѣмъ война, видя его невнимательность, рѣшается сама посѣтить его въ Варшавѣ; онъ бы и тутъ ее не замѣтилъ, но надо было на время прекратить концерты. Гофманъ въ горѣ; но черезъ нѣсколько дней пишетъ къ Гитцигу ²⁾, что концерты снова продолжаются, что онъ побранился съ Наполеоновымъ капельмейстеромъ; «что-жъ касается до политическихъ обстоятельствъ, они меня не очень занимаютъ... Искусство, вотъ моя покровительница, моя защитница, моя святая, которой я весь преданъ!»... Должно-ли послѣ того удивляться, что Шлегель ³⁾ и Виль-

¹⁾ Тамъ духъ еще хорошо дрессируется, будучи стянуть въ испанскіе сапоги. (Испанскіе сапоги—средневѣковое орудіе пытки—*М. Л.*)

²⁾ *J. E. Hitzig*, другъ и біографъ Гофмана.

³⁾ Фридрихъ Шлегель, извѣстный нѣмецкій критикъ и филологъ.

мень¹⁾ раз но понимаютъ литературу, что одинъ далъ ей само-бытный полетъ, чтобъ не заставить ее дѣлать скучный покой своей родины, а другой приковалъ ее къ обществу, чтобы ускорить развитіе литературы, сообщивъ ей быстрое движеніе гражданственности. Шлегель и Вильменъ, это — Германія и Франція: Германія, мирно живущая въ кабинетахъ и библіотекахъ, и Франція, толпящаяся въ кофейныхъ и Пале-Роялѣ; Германія, внимательно перечитывающая свои книги, и Франція, два раза въ день пожирающая журналы. Гофманъ, занятый до того концертами, что не замѣтилъ приближенія Наполеона, есть типъ прошедшаго, сверхъ-земного направленія литературы германской. По большей части сочинители, жившіе до 1813 года, воображали, что все земное слишкомъ низко для нихъ, и жили въ облакахъ; но это имъ не прошло даромъ. Теперь, когда Германія проснулась при громѣ Лейпцигской битвы, явилось новое поколѣніе, болѣе земное, болѣе національное. Теперь Гейне бичуетъ своимъ ядовитымъ перомъ направо и налево старое поколѣніе, которое разобщило себя съ родиной,—прошлую эпоху, которая такъ колоссально, такъ величественно окончилась въ Веймарѣ 22 марта 1832 года. Впрочемъ Гете страшно причислять къ этому направленію: Гете былъ слишкомъ высокъ, чтобъ имѣть какое-либо направленіе, слишкомъ высокъ, чтобъ участвовать въ этихъ гомеопатическихъ переворотахъ... Какъ бы то ни было, Гофманъ самъ очень чувствовалъ и очень хорошо представилъ односторонность германскихъ ученыхъ, окопавшихъ себя валомъ отъ всего человѣчества, въ превосходной повѣсти своей «*Datura Fastuosa*». Но обратимся къ его жизни.

Принужденный оставить Варшаву и свою *собственноручную* залу, онъ отправился въ Берлинъ съ шестью луидорами, которые у него на дорогѣ украли; пристроился какъ-то къ бамбергскому театру, и съ того-то времени (1809) собственно начинается литературное его поприще: тогда написалъ онъ дивный разборъ Бетховена и Крейсера. Впрочемъ, это еще не тотъ Крейслеръ, изъ жизни котораго макулатурные листы попались въ когти знаменитому Коту Мурру, а начальное образованіе, основа этого лица, которому Гофманъ подарилъ всѣ свои свойства, который нѣсколько разъ является въ разныхъ его сочиненіяхъ и который занималъ его до самой кончины. Вскорѣ узнала его вся Германія, и Гофманъ является формальнымъ литераторомъ. Этому дивиться нечего: Германія—страна писанія и чтенія. «Что бы мы ни дѣлали одной рукой, въ

¹⁾ Абель-Франсуа, французскій историкъ литературы; былъ министромъ народного просвѣщенія.

другой—непремѣнно книга», говоритъ Менцель¹⁾. Германія нарочно для себя избобрѣла книгопечатаніе, и безъ устали все печатаетъ и все читаетъ. Въ то же время Гофманъ пишетъ музыкальныя произведенія, даетъ уроки, рисуешь, снимаетъ портреты и *par dessus le marché*²⁾ острить, просить, чтобъ ему платили не только за уроки, но и за пріятное препровожденіе времени; сверхъ всего того, онъ при театрѣ компонистъ, декораторъ, архитекторъ и капельмейстеръ. Впрочемъ, финансовыя его обстоятельства все не блестящи: 26 ноября 1810 г. въ дневникѣ его написана печальная фраза: «den alten Rock verkauft um nur essen zu können»³⁾. Эта пестрая жизнь служить доказательствомъ, что безпорядочная фантазія Гофмана не могла удовлетворяться *нѣмецкой болѣзью*—литературой. Ему надо было дѣятельности живой, дѣятельности въ самомъ дѣлѣ; и вы можете прочесть въ его журналѣ того времени, какъ онъ страстно былъ влюбленъ въ свою ученицу — «онъ, женатый чловѣкъ!» (какъ будто женатымъ людямъ отрѣзывается всякая возможность любить!).

Съ 1814 года настаетъ послѣдняя эпоха жизни Гофмана, обильная сочиненіями и дурачествами. Онъ поселился въ Берлинѣ, въ этомъ первомъ городѣ Бранденбургскаго курфиршества, который сдѣлался первымъ городомъ Германіи, *sauf le respect que je dois*⁴⁾ Вънѣ съ ея аристократической улыбкой, готическими нравами и церковью св. Стефана. Берлинъ не Бамбергъ, Берлинъ живетъ жизнью, ежели не полной, то свѣжей, юной; онъ увлекъ, завертѣлъ Гофмана, и Гофманъ попалъ въ аристократическій кругъ, въ черномъ фракѣ, въ башмакахъ, читаетъ статейки, слушаетъ пѣнье, аккомпанируетъ. Но аристократы скучны; сначала ихъ тонъ, ихъ пышность, ихъ освѣщенные залы нравятся; но все одно и то же надоѣсть до-нельзя. Гофманъ бросилъ аристократовъ, и съ паркета, изъ душныхъ залъ бѣжалъ все внизъ, внизъ, и остановился въ питейномъ домѣ. «Отъ восьми до десяти»,—пишетъ онъ,—«сижу я съ добрыми людьми и пью чай съ ромомъ; отъ десяти до двѣнадцати также съ добрыми людьми и пью ромъ съ чаемъ». Но это еще не конецъ; послѣ двѣнадцати онъ отправляется въ винный погребъ, сохраняя въ питьѣ то же *crescendo*. Тутъ-то странныя, уродливыя, мрачныя, смѣшныя, ужасныя тѣни наполняли Гофмана, и онъ въ состояніи сильнѣйшаго раздраженія схватывалъ перо и писалъ свои судорожныя, сумасшедшія повѣсти. Въ это время онъ сочинилъ

¹⁾ Die deutsche Litteratur, von W. Menzel. А. И. Г.

²⁾ Въ придачу.

³⁾ Проданъ старый сюртукъ, чтобы поѣсть. А. И. Г.

⁴⁾ При всемъ моемъ уваженіи къ

ужасно много, и, наконецъ, торжественно заключилъ свою карьеру автобіографіей «Кота Мурра». Въ Котѣ и Крейслерѣ Гофманъ описывалъ самъ себя; но, впрочемъ, у него въ самомъ дѣлѣ былъ котъ, котораго называли Мурромъ и въ котораго онъ имѣлъ какую-то мистическую вѣру. Странно, что Гофманъ, совершенно здоровый, говаривалъ, что онъ не переживетъ Мурра, и, дѣйствительно, умеръ вскорѣ послѣ смерти кота. Страдая мучительною болѣзнью (*tabes dorsalis*)¹⁾, онъ былъ все тотъ же, фантазія не охладѣла. Лишившись ногъ и рукъ, онъ находилъ, что это прекрасное состояніе; его сажали противъ угольнаго окна²⁾, и онъ нѣсколько часовъ сидѣлъ, смотря на рынокъ и придумывая, за чѣмъ кто идетъ, а когда ему прижигали каленымъ желѣзомъ спину, воображалъ себя товаромъ, который клеймятъ по приказу таможеннаго пристава! Теперь, доведши его жизнь до похоронъ, обратимся къ его сочиненіямъ.

II.

Wie heisst des Sängers Vaterland?
 das Land der Eichen,
 Das freie Land, das Deutsche Land,
 So hiess mein Vaterland!

*Körner.*³⁾

Въ Англіи скучно жить: вѣчный парламентъ съ своими готическими затѣями, вѣчныя новости изъ Остъ-Индіи, вѣчный голодъ въ Ирландіи, вѣчная сырая погода, вѣчный запахъ каменнаго угля, и вѣчныя обвиненія во всемъ этомъ перваго министра. Вотъ, чтобъ этой скукѣ помочь, и вздумалъ одинъ англійскій сэръ-тори, ужасный болтунъ, рассказывать старыя преданія своей Шотландіи, такъ мило, что, слушая его, совсѣмъ переносишься въ блаженной памяти феодальныя вѣка. Въ послѣднее время сомнѣвались въ исторической вѣрности его картинъ, — въ чемъ не сомнѣвались въ послѣднее время? Не могу рѣшить, справедливо ли это сомнѣніе; но знаю, что одинъ великій историкъ⁴⁾ совѣтуетъ изучать исторію Англіи въ романахъ Вальтера Скотта. По моему, въ Вальтерѣ Скоттѣ другой недостатокъ: онъ аристократъ, а общій недостатокъ аристократическихъ розказней есть какая-то апатія. Онъ иногда по-

¹⁾ Прогрессивный параличъ.

²⁾ Meines Betters Eckfenster. А. И. Г.

³⁾ Какъ зовется родина пѣвца? страна дубовъ, свободная земля, германская земля—такъ зовется мое отечество! *Кернеръ.*

⁴⁾ Lettres sur l'histoire de la France, par Aug. Thierry. А. И. Г.

ходитъ на секретаря уголовной палаты, который съ величайшимъ хладнокровіемъ докладываетъ самыя нехладнокровныя происшествія; вездѣ въ романѣ его видите лорда-тори съ аристократической улыбкой, важно повѣствующаго. Его дѣло описывать, и какъ онъ, описывая природу, не углубляется въ растительную фізіологію и геологическія изслѣдованія, такъ поступаетъ онъ и съ человѣкомъ: его психологія слаба, и все вниманіе сосредоточено на той поверхности души, которая столь похожа на поверхность геода, покрытаго земляною корою, по которой нельзя судить о кристаллахъ, въ его внутренности находящихся. Не ищите у Вальтера Скотта поэтическаго провидѣнія характера великаго человѣка, не ищите у него этихъ дивныхъ созданій пламенной фантазіи, этихъ *schwan-kende Gestalten* ¹⁾, которые на вѣки остаются въ памяти: Фауста, Гамлета, Миньоны, Клода-Фролло; ищите разсказа, и вы найдете прелестный, изящный. У Вальтера Скотта есть двойникъ, такъ, какъ и у Гофманова Медардуса: это—Куперъ, это его *alter ego*, романистъ Соединенныхъ Штатовъ, этого *alter ego* Англии. Американское повтореніе Вальтера Скотта совершенно ему подобно; иногда оно интереснѣе своего прототипа, ибо иногда Америка интереснѣе Шотландіи. Если романы Вальтера Скотта историческіе, то Куперовы надобно назвать статистическими, ибо Америка страна безъ исторіи, безъ аристократическаго происхожденія, страна *parvenu* ²⁾, имѣющая одну статистику. Направленіе Вальтера Скотта было господствующее въ началѣ нашего вѣка, но оно никогда не должно было выходить изъ Англии, ибо оно несообразно съ духомъ другихъ европейскихъ народовъ.

Во Франціи, въ концѣ прошлаго столѣтія некогда было писать и читать романы: тамъ занимались эпопеею. Но когда она успокоилась въ объятіяхъ Бурбоновъ, тогда ей былъ полный досугъ писать всякую всячину. Знаете-ли вы, что за состояніе называется *спохмелья*? Это состояніе, когда въ головѣ пусто, въ груди пусто и между тѣмъ насилу подымается голова и дышать тяжело. Точно въ такомъ положеніи была Франція послѣ 1815 года; это было пробужденіе въ своей горницѣ, послѣ шумной вакханаліи, послѣ банка и дуэли. Тогда должна была развиваться эта огромная потребность *far niente* ³⁾, которая нисколько не похожа на квіетизмъ Востока,—квіетизмъ, основанный на мистической вѣрѣ въ себя; ибо на днѣ души было разочарованіе, раскаяніе. Начали, было, писать

¹⁾ Колеблющіеся образы.

²⁾ Выскочка.

³⁾ Пріятное ничегонедѣланье.

романы по подобію Вальтера Скотта, не удались. Юная Франція столь же мало могла симпатизировать съ Вальтеромъ Скоттомъ, сколько съ Веллингтономъ и со всѣмъ торизмомъ. И вотъ французы замѣнили это направленіе другимъ, болѣе глубокимъ; и тутъ-то явились эти анатомическія разъятія души человѣческой, тутъ-то стали раскрывать всѣ смердящія раны тѣла общественнаго, и романы сдѣлались психологическими разсужденіями ¹⁾. Но не воображайте, чтобъ этотъ родъ родился во Франціи; нѣтъ! психологія дома въ Германіи: французы перенесли его къ себѣ цѣликомъ, прибавивъ свое разочарованіе и свой слогъ.

Психологическое направленіе романа несравненно прежде явилось въ Германіи, но не въ такой судорожной формѣ, не съ такимъ страшнымъ опытомъ въ задаткѣ, какъ у зарейнскихъ сосѣдей. Нѣмца не скоро расшевелишь: привыкнувшій съ юности къ огню Шиллера, къ глубинѣ Гете, онъ никогда не могъ высоко цѣнить чуть теплую прозу Вальтера Скотта ²⁾; ему надобно бурю и громъ, чтобъ восхищаться природою; ему надобно, чтобъ революція выплеснула Наполеона съ легіонами республики для того, чтобъ оставить отеческій кровъ, закрыть книгу и подумать о себѣ. Собразно духу народному, на нѣмецкихъ романахъ лежитъ особая печать глубины фантазіи и чувствъ. Однажды романъ и драма приняла, было, ложное направленіе, затерялись въ скучныхъ подробностяхъ всѣхъ пошлостей частной жизни обыкновенныхъ людей и, будучи еще пошлѣе самой жизни, впали въ приторную, паточную сантиментальность: это Лафонтенъ ³⁾, Иффландъ ⁴⁾, Коцебу. Ихъ читаютъ теперь *die Stubenmädchen* ⁵⁾ по субботамъ, набирая оттуда цѣлый арсеналъ нѣжностей для воскресенья. Но это отклоненіе романа было обильно вознаграждено прелестными сочиненіями таинственнаго Жанъ-Поля, наивнаго Новалиса ⁶⁾, готическаго Тика ⁷⁾. Гете, — этотъ Зевсъ искусства, поэтъ-Буонаротти, Наполеонъ литературы, — бросилъ Германіи своего «Вертера», — пѣснь чистую, высокую, пламенную, пѣснь любви, начинающуюся съ самаго тихаго *adagio* и кончающуюся бѣшенымъ крикомъ смерти,

¹⁾ Бальзакъ, Сю, Ж.-Жаненъ, А. де Виньи. А. И. Г.

²⁾ Когда Гитцигъ далъ Гофману читать Вальтера Скотта, онъ возвратилъ, не читавши, наоборотъ, Вальтеръ Скоттъ въ Гофманѣ находилъ только сумасшедшаго! А. И. Г.

³⁾ Августъ-Генрихъ-Юлій, очень плодовитый нѣмецкій романистъ конца XVIII вѣка и начала XIX.

⁴⁾ Августъ-Вильгельмъ, нѣмецкій актеръ и драматургъ.

⁵⁾ Горничныя.

⁶⁾ Псевдонимъ Фр. Гарденберга, нѣмецкаго поэта.

⁷⁾ Людвигъ, нѣмецкій поэтъ и критикъ.

раздирающимъ душу *addio!* За «Вертеромъ» поетъ Гете другую дивную пѣснь, пѣснь юности, въ которой все дышитъ свѣжимъ дыханіемъ юности, гдѣ всѣ предметы видны сквозь призму юности,—эти вырванные сцены, рапсодіи безъ соотношенія внѣшняго, тѣсно связанная общей жизнью и поэзіей. И что за созданія наполняютъ его «Вильгельма Мейстера»! Миньона, баядерка, едва умѣющая говорить, изломанная для гаерства, мечтающая о странѣ лимонныхъ деревьевъ, померанца, о ея свѣтломъ небѣ, о ея тепломъ дыханіи, Миньона, чистая, непорочная, какъ голубь; и, съ другой стороны, сладострастная, огненная Филена, роскошная, какъ страна юга, пламенная, бѣшенная, какъ юношеская вакханалія, Филена, ненавидящая дневной свѣтъ и вполнѣ живущая при тайномъ, неопредѣленномъ мерцаніи лампы, пылая въ объятяхъ *его*; и тутъ же величественный барельефъ старца, лишеннаго зрѣнія, арфиста, которому хлѣбъ былъ горекъ и котораго слезы струились въ тиши ночной!

III.

Die Kunst ist meine Beschützerin, meine Heilige.
Hoffmann's Brief an Hitzig. 1812. ¹⁾

Въ началѣ нынѣшняго вѣка явился въ нѣмецкой литературѣ писатель самобытный, Теодоръ-Амедей Гофманъ: покоренный необузданной фантазіей, съ душою сильной и глубокой, художникъ въ полномъ значеніи слова, онъ смѣлымъ перомъ чертилъ какія-то тѣни, какіе-то призраки, то страшные, то смѣшные, но всегда изящные; и эти-то неопредѣленные, набросанные тѣни—его повѣсти. Обыкновенный, скучный порядокъ вещей слишкомъ тѣснилъ Гофмана; онъ пренебрегъ жалкимъ пластическимъ правдоподобіемъ. Его фантазія предѣловъ не знаетъ; онъ пишетъ въ горячкѣ, блѣдный отъ страха, трепещущій предъ своими вымыслами, съ включенными волосами; онъ самъ отъ чистаго сердца вѣрить во все: и въ «песочнаго человѣка», и въ колдовство, и въ привидѣнія и этой-то вѣрой подчиняетъ читателя своему авторитету, поражаетъ его воображеніе и надолго оставляетъ слѣды. Три элемента жизни человѣческой служатъ основою большей части сочиненій Гофмана, и эти же элементы составляютъ душу самого автора: внутренняя жизнь артиста, дивныя психическія явленія и дѣйствія сверхъестественныя. Все это, съ одной стороны, погружено въ черныя волны

¹⁾ «Искусство—моя хранительница, моя святая». Письмо Гофмана къ Гитцигу.

мистицизма, съ другой — растворено юморомъ живымъ, острымъ, жгучимъ. Юморъ Гофмана весьма отличенъ и отъ страшнаго, разрушающаго юмора Байрона, подобнаго смѣху ангела, низвергающагося въ преисподнюю, и отъ ядовитой, адской, змѣиной насмѣшки Вольтера,—этой улыбки самодовольствія, съ сжатыми губами. У него юморъ артиста, падающаго вдругъ изъ своего Эльдорадо на землю, артиста, который среди мечтаній замѣчаетъ, что его Галатея—кусокъ камня, артиста, у котораго, въ минуту восторга, жена проситъ денегъ дѣтямъ на башмаки. Этимъ-то юморомъ растворилъ Гофманъ всѣ свои сочиненія и безпрестанно перебѣгаетъ отъ самаго пылкаго паэоса къ самой злой ироніи. Этотъ юморъ натураленъ Гофману, ибо онъ больше всего художникъ истинный, совершенный. Посмотрите на его статьи о музыкѣ; назову двѣ: разборъ Бетховена и разборъ Донъ-Жуана ¹⁾. Тамъ вы увидите, что для него звуки, увидите, какъ они облакаются въ формы, оставаясь безтѣлесными.

«Музыка есть искусство наиболѣе *романтическое*, ибо характеръ ея—безконечность. Лира Орфея растворила врата Орка. Музыка открываетъ человѣку невѣдомое царство, новый міръ, не имѣющій ничего общаго съ міромъ чувственнымъ, въ которомъ пропадаютъ всѣ опредѣленныя чувства, оставляя мѣсто невыразимому страстному увлеченію.

«Въ сочиненіяхъ Гайдна выражается дѣтская, свѣтлая душа. Его симфоніи ведутъ насъ на необозримые зеленые луга, въ пестрыя толпы счастливыхъ людей. Мелькаютъ юноши и дѣвы; смѣющіяся дѣти прячутся за деревья и за розовые кусты, бросаются цвѣтами. Жизнь, исполненная любви, блаженства, жизнь до грѣхопаденія, вѣчно юная; нѣтъ страданья, нѣтъ мученій, одно томное, сладкое стремленіе къ милому образу, несущемуся въ блескѣ вечерней зари; онъ и не приближается, и не улетаетъ, и, пока не исчезнетъ, не настанетъ ночь.

«Въ глубины царства духовъ ведетъ Моцартъ. Страхъ объемлетъ насъ, но безъ мученія; это—предчувствіе безконечнаго. Любовь и нѣга дышатъ въ прелестныхъ голосахъ существъ неземныхъ; ночь настаетъ при яркомъ пурпурномъ свѣтѣ, и съ невыразимымъ восторгомъ стремимся мы за призраками, которые зовутъ насъ въ свои ряды, летая въ облакахъ.

«Музыка Бетховена раскрываетъ намъ царство безконечнаго и необъятнаго. Огненные лучи мелькаютъ въ этомъ царствѣ ночи, и мы видимъ тѣни великановъ, которые все болѣе и болѣе при-

¹⁾ Phantasiestücke in Gallotsmanier. А. И. Г.

ближаются, окружают насъ, подавляютъ, уничтожаютъ; но не уничтожаютъ безконечной страсти, въ которую переливается всякій восторгъ, въ которомъ сплавлена любовь, надежда, удовольствіе, и въ которой тогда мы только продолжаемъ жить.

«Гайднъ беретъ человѣческое въ жизни романтически; онъ соизмѣримѣ, понятнѣ для толпы.

«Моцартъ беретъ сверхъестественное, чудесное, обитающее во внутренности нашего духа.

«Музыка Бетховена дѣйствуетъ страхомъ, ужасомъ, изступленіемъ, болью и раскрываетъ именно то безконечное влеченіе, которое составляетъ собственно сущность романтизма. Посему-то онъ композиторъ чисто романтической; и не оттого ли происходитъ плохой успѣхъ его въ вокальной музыкѣ, уничтожающей словами этотъ характеръ неопредѣленности и безконечности?..»

Не правда ли, въ этомъ небольшомъ отрывкѣ видна непомѣрная глубина артистическаго чувства? Какъ полны, многозначущи нѣсколько словъ, мелькомъ брошенныхъ о романтизмѣ!

Хотите ли вы знать, что такое душа художника, насколько она отдѣлена отъ души обыкновеннаго человѣка,—души съ запахомъ земли, души, въ которой запачкано божественное начало? Хотите ли взойти во внутренность ея, въ этотъ храмъ идеала, къ которому рвется художникъ и котораго никогда во всей чистотѣ не можетъ исторгнуть изъ души своей? Хотите ли видѣть, какъ бурны его страсти, слѣдовать за нимъ въ буйную вакханалію и въ объятія дѣвы? Читайте Гофмановы повѣсти: онѣ вамъ представляютъ самое полное развитіе жизни художника во всѣхъ фазахъ ея. Возьмемъ его Глюка, на примѣръ: развѣ это не типъ художника, кто бы онъ ни былъ — Буонаротти или Бетховенъ, Дантъ или Шиллеръ? Послушайте, вотъ Глюкъ рассказываетъ о минутахъ восторга и вдохновенія:

«Можетъ быть, полузабытая тема какой-нибудь пѣсни, которую мы поемъ на другой манеръ, есть первая мысль, намъ принадлежащая,—зародышъ великана, который все пожретъ около себя и все превратитъ въ свою кровь, въ свое тѣло! Путь широкій, на немъ толпится народъ, и всѣ кричатъ: мы посвященные! мы достигли цѣли! Черезъ врата изъ слоновой кости входятъ въ царство видѣній; малое число замѣчаютъ эти врата, еще меньшее проходитъ въ нихъ! Здѣсь все страшно: безумные образы летаютъ тамъ и сямъ, и эти образы имѣютъ свои характеры, болѣе или менѣе опредѣленные. Все вертится, кружится, многіе засыпаютъ и таютъ, уничтожаются въ своемъ снѣ, и нѣтъ тѣни отъ нихъ,—тѣни, которая бы сказала имъ о дивномъ свѣтѣ, которымъ озарено это

царство. Нѣкоторые, проснувшись, идутъ далѣе и достигаютъ истины. Высокое мгновение! минута соприкосновенія съ вѣчнымъ невыразимымъ! Посмотрите на солнце: это троезвучіе (Dreiklang), изъ котораго сыплются аккорды, подобно звѣздамъ, и обвиваютъ васъ нитями свѣта.

«Когда я былъ въ томъ дивномъ царствѣ, меня терзали и страхъ и боль! Это было ночью; я боялся безобразныхъ чудовищъ, которыя то повергали меня на дно океана, то подымали на воздухъ. Внезапно лучи свѣта прорѣяли во мракѣ; эти лучи были звуки, освѣтившіе меня какой-то ясностью, исполненною нѣги. Я проснулся: большое, свѣтлое око было обращено на органъ, и доколѣ оно было обращено, лилися тоны изъ него, мерцали, сливались въ прелестныхъ аккордахъ, недоступныхъ прежде для меня. Волны мелодій неслись; я погрузился въ этотъ потопъ, уже тонулъ въ немъ, какъ око обратилось на меня, и я остался на поверхности волнъ. Снова мракъ, и явились два гиганта въ блестящихъ доспѣхахъ: основной тонъ (Grund-Ton) и квинта! Они устремились на меня, увлекли. Но око улыбалось: я знаю, что твою грудь наполняетъ страстью; придетъ кроткій, нѣжный юноша—терца, онъ приобщится къ великанамъ, ты услышишь его сладкій голосъ, и мои мелодіи будутъ твоими».

Возьмемъ Крейсlera, капельмейстера Іоганна Крейсlera, котораго нѣмецкій принцъ Ириней называлъ Mr. Krösel; этотъ Mr. Krösel есть лучшее произведеніе Гофмана, самое стройное, исполненное высокой поэзіи. Тутъ болѣе, нежели гдѣ-либо, Гофманъ высказалъ все, что могъ, чѣмъ душа его была такъ полна, о любимомъ предметѣ своемъ, о музыкѣ. Крейслеръ—пламенный художникъ, съ дѣтскихъ лѣтъ мучимый внутреннимъ огнемъ творчества, живущій въ звукахъ, дышашій ими, и между тѣмъ неугомонный, гордый, бросающій направо и налево презрительные взгляды. Ему придалъ Гофманъ свой собственный характеръ или, лучше, въ немъ описалъ онъ самого себя, и быстрые, внезапные переливы Крейсlera отъ высокихъ ощущеній къ сардоническому смѣху придаютъ ему какую-то неуловимую фізіономію. И этотъ Крейслеръ поставленъ между двумя существами дивнаго изящества. Одна—дочь Сѣвера, дочь туманной Германіи, что-то томное, неопредѣленное, таинственное, неразгаданное—Гедвига. Другая дышитъ югомъ, Италіей, пѣснь Россини, пѣснь пламенная, яркая, влюбленная—Юлія. А тутъ для тѣни принцъ Ириней, предобрѣйшій «God save the King»¹⁾. Но въ Крейслерѣ еще не вся жизнь художника исчерпана. Глубже пони-

¹⁾ «Боже, храни короля».

мала ее мрачная фантазія Гофмана. Она сошла въ тѣ заповѣдныя изгибы страстей, которые ведутъ къ преступленіямъ; и вотъ его «Jesuiten-Kirche» ¹⁾. Художникъ живетъ только идеаломъ, любовью къ нему; онъ не дома на землѣ, не между своими съ людьми; для него вся земля—огромная собачья пещера, въ которой онъ задыхается. Художникъ въ пылу мечтанья создалъ идеаль, хранилъ его, лелѣялъ; его идеаль святъ, чистъ, высокъ, небесенъ; и вдругъ онъ нашель его въ женщинѣ, и эта женщина матеріальная, и ѣсть и пьетъ, словомъ, женщина изъ костей и мяса, земная жена его! Идеаль затмился, унизился; порывы творчества исчезли; виновата жена, и онъ—убійца ея! Но и тутъ, въ самомъ преступленіи Гофманъ умѣлъ столько разлить изящнаго въ своемъ живописцѣ, и тутъ можно отыскать опять божественное начало художника, такъ что вы не можете ненавидѣть его. Во многихъ другихъ повѣстяхъ представлены прочіе элементы жизни художника; мы не станемъ разбирать ихъ.

Два другіе элемента его повѣстей, явленія психическія и чудесное, по большей части переплетены между собою. Но здѣсь надо сдѣлать яркое раздѣленіе. Однѣ повѣсти дышатъ чѣмъ-то мрачнымъ, глубокимъ, таинственнымъ; другія — шалости необузданной фантазіи, писанныя въ чаду вакханалій. Сперва нѣсколько словъ о первыхъ.

Идіосинкразія, судорожно обвивающая всю жизнь человѣка около какой-нибудь мысли, сумасшествіе, ниспровергающее полюсы умственной жизни; магнетизмъ, чародѣйная сила, мощно подчиняющая одного человѣка волѣ другого,—открываютъ огромное поприще пламенной фантазіи Гофмана. Но тутъ еще не все: есть люди, одаренные какою-то невѣдомою силой, заставляющей трепетать передъ ними. Не случилось ли вамъ когда встрѣчать взоръ незнакомца, взоръ удушливый и страшный, отъ котораго вы съ ужасомъ должны отворотиться, и доселѣ помните его? Не случилось-ли встрѣтить цѣлаго человѣка, похожаго на этотъ взоръ,—человѣка съ блѣднымъ лицомъ, съ тусклыми глазами, съ судорожной улыбкой, который васъ отталкиваетъ и въ то же время привлекаетъ? Вотъ въ эти-то темныя, недоступныя области психическихъ дѣйствій не побоялся спуститься Гофманъ, и вышелъ,—смѣло скажу,—торжествующимъ. Это ужъ не Жюль-Жанена натянутыя, вытянутыя, раскрашенныя повѣсти,—дѣти страннаго соединенія философіи XVIII вѣка съ германской поэзіей. Нѣтъ! Это волчья долина «Фрейшюца» со всѣми ея ужасами, съ заколдованными пулями, съ блѣднымъ мерцающимъ свѣтомъ, съ неистовой музыкой, съ дьявольскимъ аккомпаниментомъ, съ запа-

¹⁾ Іезуитская церковь.

хомъ ада. Въ этихъ повѣстяхъ вы уже разстаетесь съ обыкновенными людьми, то есть съ людьми, которые во-время ѣдятъ, во-время спятъ, во-время умираютъ, проводя жизнь въ добромъ здоровьи, съ людьми, которые, по донесенію Парижской академіи, имѣютъ столь счастливую комплекцію, что *не могутъ быть магнетизированы*. Нѣтъ, тутъ являются другіе люди,—люди съ душою сильной, обманомъ заключенной въ эту тюрьму ¹⁾, съ ея маленькимъ свѣтомъ, съ ея цѣпями, съ ея сырымъ воздухомъ. Такая душа—не дома въ тѣлѣ, она безпрестанно ломаетъ его и кончитъ тѣмъ, что ломаетъ самое себя; она-то дѣлается необыкновеннымъ человѣкомъ: великимъ мужемъ, великимъ злодѣемъ, сумасшедшимъ—это все равно. У такихъ людей своя жизнь, свои законы. Это кометы, пренебрегающія однообразнымъ эллипсисомъ планетныхъ орбитъ, не боясь раздробиться на пути своемъ. Для того, чтобъ ихъ узнать, рассмотрите у Гофмана ихъ странныя, исковерканныя черты, ихъ огромныя отклоненія отъ обычнаго прозябанія людей. Вообразите себѣ несчастнаго юношу, котораго разстроенная фантазія облекла въ какой-то страшный образъ дѣтскую сказку о «песочномъ человѣкѣ», и этотъ «песочный человѣкъ» преслѣдуетъ его вездѣ: и въ отеческомъ домѣ, и въ университетѣ, и ночью, и днемъ,—то въ видѣ алхимика, то въ видѣ итальянскаго кіарлатано. Вообразите послѣднюю минуту его изступленія, когда онъ съ неистовымъ восторгомъ бросаетъ свою невѣсту съ колокольни и съ безумнымъ хохотомъ кричитъ: *Feueruriel! dreh dich! Feueruriel! dreh dich!*. У Гофмана цѣлый рядъ этихъ страшныхъ людей: «*Der unheimliche Gast*» ²⁾, «*Der Magnetiseur*» ³⁾. Наконецъ, онъ собралъ всѣ отдѣльные лучи этого направленія и слилъ ихъ въ одинъ адскій, сѣрный огонь: это—«*Die Elixier des Teufels*» ⁴⁾. Гофману мало было одной жизни: онъ взялъ четыре поколѣнія, наслѣдовавшія другъ отъ друга злодѣйства, и собралъ ихъ всѣ на главѣ Медардуса. Гофману мало было одной жизни: онъ представилъ цѣлую семью, рожденную въ гнусныхъ кровосмѣшеніяхъ, и поразилъ ее слѣпымъ мечемъ рока, который вручилъ Медардусу. Этотъ рокъ влечетъ Медардуса отъ преступленія къ преступленію, и никому нѣтъ пощады; у этого рока

¹⁾ Du weisst dass der Leib ein Kerker ist,
Die Seele hat man hienein betrogen.

Goethe W.-O. Diwan Saki-Nameh ⁰⁾. А. И. Г.

²⁾ «Недобрый гость», перевод. въ «*Телеск.*» 1836, кн. 1 и 2. А. И. Г.

³⁾ «Магнетизеръ».

⁴⁾ «Эликсиръ дьявола».

⁰⁾ «Ты знаешь, что тѣло есть темница, и въ нее заключили душу». *Гете...*

чистая кровь Аврелии, въ свою очередь, брызнула на алтарь божій, какъ кровь невинной жертвы и искупленія. Гофману все еще было мало: онъ раздвоилъ, разсѣкъ самого Медардуса на-двое; и какъ страшень его двойникъ, съ своей включенной бороною, съ своимъ изодраннымъ рубищемъ, съ своимъ окровавленнымъ лицомъ: верхъ ужаса! Я трепеталъ всѣми членами, читая, какъ лже-Медардусъ гнался въ лѣсу за настоящимъ; мнѣ казалось, я слышалъ его пронзительный, скрипящій, какъ ржавое желѣзо, голосъ, которымъ онъ звалъ его на бой съ безумнымъ хохотомъ. Этотъ двойникъ Медардуса—братъ его, котораго Медардусъ не знаетъ; онъ сошелъ съ ума на мысли, что онъ Медардусъ, и вотъ онъ преслѣдуетъ Медардуса, который, терзаясь угрызеніями совѣсти, думаетъ, что его существо раздвоилось!... Какая смѣлость фантазіи, и посмотрите, какъ выдержалъ Гофманъ всѣ сцены ихъ встрѣчъ, какъ онъ переплелъ эти двѣ жизни такъ, что онѣ и въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ разныя! Это самое сильное произведеніе его фантазіи!

Перейдемъ теперь къ шалостямъ, дурачествамъ его сильного воображенія.

Опомнилась—глядитъ Татьяна...

И что же видитъ? За столомъ

Сидятъ чудовища кругомъ:

Одинъ въ рогахъ, съ собачьей мордой,

Другой съ пѣтушьей головой,

Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,

Тутъ шевелится хоботъ гордый,

Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ

Полужуравль и полукотъ...

Кому не случалось видать подобныхъ сновъ? Хотите-ли ихъ видѣть наяву? Вотъ вамъ «Meister Floh», «Принцесса Брамбилла», «Цинноберъ», «Золотой Горшокъ»... Это все сны, одинъ безсвязнѣе другого. Тутъ нѣтъ ни мыслей, ни завязокъ, ни развязокъ, но занимательность ужасная. Сны вообще занимательны, а то кто бы велѣлъ человѣку спать ежедневно? Да и какъ не быть имъ занимательными? живи до ста лѣтъ, никогда не встрѣтитя ничего мудренѣе. Тутъ вы познакомитесь съ принцемъ, который сдѣлался изъ пивки; иногда задумается, вспомнить жизнь былую, и вытянется до потолка и съежится въ кулакъ. Тутъ увидите принцессу, которая спитъ въ вѣнчикѣ прекраснаго цвѣтка, мила до крайности; но что проку: *oculis non manibus...* ¹⁾, и вотъ ее увеличиваютъ въ ми-

¹⁾ Глазами—не то, что руками.

кроскопъ, и дѣлають изъ нея препорядочную барышню. Но пуще всего прошу васъ ненавидѣть Циннобера: онъ, право, злодѣй, мой личный врагъ, и если бы онъ не утонулъ въ рукомойникѣ, я убилъ бы его. Вообразите: уродъ въ нѣсколько вершковъ, съ тремя рыжими волосами на головѣ, попалъ въ фаворъ къ колдунѣ; и что-же? Что кто ни сдѣлай хорошаго, klein Zaches Zinnober genannt ¹⁾ получаетъ похвалу. Однажды кто-то даетъ концертъ на контръ-басѣ, а публика аплодируетъ, благодаритъ Циннобера. Взойдите въ это положеніе: вообразите, что вы Даль-Онно, что вы всякій постъ съ 1700 года ѣздите въ Москву съ контръ-басомъ, и вдругъ вмѣсто васъ хвалятъ Циннобера, а можетъ быть,—я не отвѣчаю за него,—что всего хуже,—ему отдадутъ и деньги за билеты. О horrible! О horrible! ²⁾ Право, я съ робостью узналъ, что Алоизій-чернокнижникъ вступилъ съ нимъ въ бой, Алоизій—человѣкъ хорошей, живетъ аристократомъ: страусъ въ ливреѣ швейцаромъ, двѣ лягушки у воротъ—дворниками, жукъ ѣздитъ за каретой. Зато рекомендую вамъ Ансельма; онъ женатъ на зеленой змѣѣ съ голубыми глазами; нужды нѣтъ: съ чужими женами не надобно знакомиться; но онъ васъ познакомитъ съ своимъ свекромъ, архивариусомъ Линдгорстомъ,—чудакъ преестественный, былъ когда-то саламандрой, въ юности напроказилъ, его прямо изъ Индіи, за нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, въ наказаніе и сослали архивариусомъ въ Дрезденъ. Гофманъ самъ былъ у него въ гостяхъ; онъ ему далъ санскритскую грамоту и стаканъ ямайскаго рома да вдругъ снялъ сапоги, раздѣлся и давай купаться въ стаканѣ. Вѣдь, я говорилъ вамъ, что чудакъ. Словомъ, вообразите себѣ отдѣльные сцены Гетевой «Вальпургиснахтъ» ³⁾: это вѣрный образъ, типъ Гофмановыхъ сказокъ. Еще къ вамъ просьба—забылъ, было, совсѣмъ—сходите поклониться праху Кота Мурра. Во-первыхъ, былъ онъ человѣкъ ученый, несмотря на то, что не былъ никогда чело-
вѣкомъ; но я увѣренъ, что со временемъ ясно докажутъ, что прилагательное «ученый» уничтожаетъ существительное «человѣкъ». Далѣе, этотъ котъ—самъ Гофманъ, котораго, я надѣюсь, вы любите, хоть *par courtoisie* ⁴⁾ ко мнѣ. Сходите же, какъ будете въ той сторонѣ, къ нему на могилу.

Теперь, слегка начертавши характеръ Гофмана, мы окончимъ. Можетъ быть, на досугѣ поговоримъ и о другихъ прозаикахъ Германіи. ¹ Въ заключеніе скажу, что Гофманъ превосходно переве-

¹⁾ Крошка Цахесъ, прозванный сурикомъ.

²⁾ Ахъ, ужасно!

³⁾ Вальпургіева ночь.

⁴⁾ Изъ учтивости.

день Леве-Веймаромъ на французскій языкъ и былъ принятъ въ Парижѣ съ восторгомъ. *Когда-нибудь* и у насъ его переведутъ съ французскаго ¹⁾).

1834, апрѣля 12.

◆◆ 1. Аналогичныхъ статей Герцена о другихъ писателяхъ намъ неизвѣстно. Не ему принадлежитъ и рубрика «Знаменитые современники», подъ которой была помѣщена статья съ помѣткой III и съ заглавіемъ. Эта рубрика и номеръ даны въ «Телескопѣ» въ виду предыдущихъ и послѣдующихъ статей подобнаго содержанія другихъ авторовъ.

45. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Natalie! Мы ждемъ Васъ съ нетерпѣніемъ къ намъ. Маменька надѣется, что, несмотря на угрозы вчерашнія отъ Егора Ив., Эмилія Михайловна *навѣрное* будетъ къ намъ.

Итакъ, до свиданія. Весь Вашъ

Алекс. Герценов.

46. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Ноябрь 1834 г.

Теперь я понялъ *le ton de l'exaltation* ²⁾ твоихъ записокъ: ты влюблена. Я не претендую на то, что ты мнѣ не сказала этого сама, ибо эти вещи трудно говорятся. Но я знаю и посему почтиаю въ правѣ говорить съ тобою объ этомъ. Ни слова объ опасности любить, о цѣли, о планѣ,—это все не по моей части. Но достоинъ ли онъ тебя? Умѣетъ ли, можетъ ли любить?—Пришли мнѣ листокъ его журнала, я тебѣ его возвращу, но тогда я буду судить холодно, строго, какъ палачъ. Ты не знаешь, что такое люди, и еще менѣе, что такое юноша: между юношею въ 19 лѣтъ и въ 23 уже нѣтъ сходства, это—разные люди. Не трать напрасно своего сердца, не играй страстями,—обожжешься, вѣрь мнѣ въ этомъ: я опаленъ со многихъ сторонъ. Я знаю, что по большей части *les premières amours* ³⁾ это ничего, *c'est de l'eau tiède* ⁴⁾, это одинъ

¹⁾ Въ Россіи потомъ вышло много изданій переводовъ съ нѣмецкаго.

²⁾ Экзальтированный тонъ.

³⁾ Первая влюбленности.

⁴⁾ Это тепловатая водица.

опытъ; но зачѣмъ же изнашивать рано сердце? Я не знаю его,—но у меня нѣтъ голоса внутри, который бы говорилъ, что онъ достоинъ моей сестры. Повторяю, что не знаю его,—не обижайся. Но вѣрь, что ежели бы отъ меня зависѣлъ этотъ выборъ, я былъ бы ужасно разборчивъ; развѣ ты не знаешь себя, что такъ неглиже бросаешь свое сердце первому встрѣтившему оттого, что онъ первый? Ежели ты мнѣ напишешь, что уже рѣшено, кончено, ты любишь его серьезно,—я умолкну, ибо тутъ оканчивается власть брата; еще болѣе,—я готовъ всѣми силами помогать тебѣ. Но слова эти мнѣ надобно было сказать. Ты знаешь ли, что такое люди обыкновенные?.. Иоаннъ, поэтъ-евангелистъ, сказалъ: «*Ты ни холоденъ, ни юрчавъ. О, еслибы ты былъ холоденъ или юрчавъ!*» Впрочемъ, они могутъ *составить счастье*; но твое ли это счастье, Наташа? Ты слишкомъ мало цѣнишь себя. Лучше въ монастырь, нежели въ толпу.

Помни одно, что я говорю потому, что я твой братъ, потому что я гордъ за тебя и тобою, потому что я хотѣлъ бы, чтобы твоя жизнь была полна и изящна. Но ежели ты сама уже рѣшила, то прости мнѣ и знай, что я ничего не имѣю противъ твоей любви. Люби и не испытай никогда, что мои слова истинны; пусть они—ложь, лишь бы ты счастлива.

Въ горькую минуту послалъ я тебѣ прошлую записку; оттого она глупа, брось ее въ печь. Я съ тѣхъ поръ еще разъ получилъ письмо отъ Ог.; вотъ тебѣ выписка: «*L'autre jour donc je repassais dans ma mémoire toute ma vie. Un bonheur qui ne m'a jamais trahi—c'est ton amitié. De toutes mes passions une seule qui est restée intacte—c'est mon amitié pour toi—car mon amitié est une passion*» ¹⁾... О, дружба! Ни слова болѣе; но каково долженъ любить тотъ, у кого дружба—страсть!

Отчего ты не въ ладу съ Эмил. Мих.? Мнѣ, кажется, что, кромѣ меня да ея, у тебя ужъ нѣтъ друзей.

Въ заключеніе еще слово: онъ тебя любитъ, вѣрю,—что жъ тутъ мудренаго и что же бы онъ былъ, еслибъ не любилъ, видя хоть тѣнь вниманія; но я умоляю тебя, не говори ему о своей любви долго, долго; этотъ мигъ ужасенъ (но, можетъ, ты уже сказала?), тогда ты въ его власти. Наташа, ежели бъ я могъ разказать тебѣ одно происшествіе,—но я не могу сего сдѣлать.

Прощай.

Твой братъ Александръ. ¹⁾

¹⁾ Какъ то разъ я оглянулся на свою жизнь. Счастье, которое никогда не измѣняло мнѣ, это—твоя дружба. Изъ всѣхъ моихъ страстей одна осталась неизмѣнной—дружба къ тебѣ, ибо дружба моя—страсть.

◆◆ 1. 21-го іюля Герценъ былъ арестованъ; подробности объ этомъ см. въ гл. VIII «Былого и думъ».

Такъ какъ это первое интимное письмо Герцена къ своей кузинѣ, въ которомъ, отступивъ отъ тогдашняго обычая, онъ обращается къ ней на «ты», начавшее огромную переписку, то здѣсь умѣстно подробнѣе сказать о Н. А.—нѣ.

Какъ уже было указано, она — дочь Александра Алексѣевича Яковлева. О матери, Ксеніи Ивановнѣ Захарьиной, извѣстно очень мало. Изъ книги Николозлатовратской церкви г. Владиміра видно, что она была «иностранкой», и ничего больше. Каково ея иностранное происхожденіе, общественное положеніе и т. п.—ничего точно неизвѣстно. М. К. Рейхель утверждаетъ, что Ксенія Ивановна была крѣпостной А. А. Яковлева, но съ иностранкой этого не могло случиться, даже если предположить, что она была дочерью жившаго у Яковлева какого-нибудь иностранца—камердинера, повара, музыканта и пр. Т. П. Пассекъ въ письмѣ къ Н. А. Огаревой 1886 г. говоритъ, что мать Н. А.—ны была «простая баба, удалая, неотесанная» (Румянц. музей). М. К. Рейхель указываетъ, что всѣ звали ее «Аксиньей Ивановной», и это подтверждается письмами Герцена, въ которыхъ она именно такъ упоминается много разъ. Дочь свою она видѣла, по словамъ М. К. Рейхель, только по большимъ праздникамъ, когда являлась поздравить «барина», а потомъ кн. М. А. Хованскую. Е. С. Некрасова утверждаетъ противное: «вручивъ дочь еще ребенкомъ на воспитаніе княгинѣ, мать забыла о ней» («Сѣв. Вѣстникъ» 1894 г., XI, 184. Ср. гл. XX «Былого и думъ»).

Въ 1852 Ксенія Ивановна была опредѣлена въ московскую шереметевскую богадѣльню и такимъ образомъ пережила Н. А.—ну, вовсе официально не бывшую сиротой.

Что касается фамиліи, что врядъ ли по ея фамиліи Яковлевъ назвалъ бы всѣхъ своихъ дѣтей; если же нѣтъ, то происхожденіе ихъ фамиліи тоже неясно.

Изъ разказовъ Т. П. Пассекъ и М. К. Рейхель видно, какъ сложилась внѣшняя жизнь Н. А.—ны, а изъ писемъ Герцена и «Былого и думъ», не говоря уже о письмахъ самой Н. А.—ны, — какъ шла ея внутренняя жизнь.

«Еще въ пріѣздъ мой въ Москву во время коронаціи,—пишетъ Пассекъ,—увидала я въ домѣ княгини (Маріи Алексѣевны Хованской, родной сестры Яковлевыхъ— *М. Л.*) дѣвочку лѣтъ 8—9, (Н. А. родилась въ 1817 г.—*М. Л.*) съ темно-голубыми глазами, блѣдную до синеватости, съ довольно правильными, нѣсколько крупными чертами лица, выражавшими спокойствіе и хладнокровіе, одѣтую въ

длинное, черное шерстяное платье. Это была дочь А. А. Яковлева—Наташа. Алексѣй Александровичъ («химикъ»—*М. Л.*), по кончинѣ отца, всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ, вмѣстѣ съ ихъ матерями, отправилъ изъ Петербурга въ свое шацкое имѣніе, до его дальнѣйшихъ относительно ихъ распоряженій. Проѣзжая черезъ Москву, они остановились на короткое время на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ А. А. Княгиня, услышавши объ этомъ, отправила Марью Степановну (Макашину—*М. Л.*) провѣдать дѣтей и узнать, не нуждаются ли они въ чемъ-нибудь. М. С., возвратившись домой, привезла съ собой двухъ хорошенькихъ дѣвочекъ показать княгинѣ. Одна была Наташа, другая—Катя. Компаньонка рассказала княгинѣ, что дѣтей везутъ въ Шацкъ въ простыхъ кибиткахъ, тѣсно и неудобно, что они во многомъ нуждаются, и по общимъ разговорамъ видно, что въ деревнѣ ихъ ждетъ участь незавидная. Пока все это говорили, Наташа не отходила отъ княгини. Приласкавши дѣтей и подаривши имъ какія-то бездѣлицы, княгиня приказала Марьѣ Степановнѣ отвезти ихъ обратно. Наташа, облокотившись на ручку креселъ княгини и не сводя съ нея глазъ, не трогалась съ мѣста. «Ваше сіятельство, — сказала компаньонка, — извольте взглянуть на Наташу: она точно проситъ васъ о покровительствѣ. Жаль этого ребенка. Въ деревнѣ ее запропасть. Оставьте ее у себя, жальтесь надъ нею». Княгиня была удивлена такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла и отвѣчала, что при ея слишкомъ семидесяти годахъ и огорченіяхъ ей невозможно взять на себя трудную обязанность воспитанія, сверхъ того, ребенокъ еще въ такомъ возрастѣ, что ей надобенъ присмотръ. Кому же всѣмъ этимъ заняться? «Я готова взять на себя попеченіе о Наташѣ, — со слезами сказала Марья Степановна, — а когда придетъ время учить ее, то при участіи родныхъ Алексѣй Александровичъ будетъ принужденъ помѣститъ ее въ хорошее учебное заведеніе». Послѣ долгаго колебанія княгиня согласилась оставить у себя Наташу до тѣхъ поръ, какъ она подрастетъ» (стр. 242—243 т. I).

Екатерина Александровна, по словамъ Рейхель, была помѣщена въ купеческой семьѣ въ Шацкѣ («Отрывки изъ воспоминаній», 27—28).

Ни въ какое учебное заведеніе Н. А.—ну не отдавали, она училась дома, у Хованской, кое-какъ и такъ и продолжала быть въ качествѣ благодѣтельствованной племянницы.

Сама Н. А.—на говорила о своемъ дѣтствѣ и юношествѣ немного. Изъ ея писемъ къ Герцену я заимствую самое существенное.

«Первый годъ, какъ *они* (Хованская—*М. Л.*) взяли меня, все меня ужасало, но разъ княгиня что-то сказала слишкомъ; я бѣгу

къ Сашѣ (Вырлина, горничная — *М. Л.*) (съ первой минуты моего *взятія* у меня никого не было, кромѣ ея, въ *ихъ* домѣ), въ слезахъ прощаюсь съ ней. «Куда вы?»—«Прощай, бѣгу, не могу привыкнуть у васъ, не могу переносить». Было лѣто, ясный день, и я хотѣла (помню очень) итти въ домъ папеньки (*И. А. Яковлева — М. Л.*) и тамъ просить, чтобы меня отвезли въ Шацкѣ. Рука уже держалась за скобку, дверь уже была отворена, другую руку протянула Сашѣ въ прощанье, но она меня удержала за эту руку, упростила, и я рѣшилась отложить бѣгство до другого дня (мнѣ былъ тогда 8-й годъ, ей—11-й)» (стр. 445, т. VII Спб. изд.).

Очень жаль, что до насъ не дошла автобіографія *Н. А.*—ны, которую она писала для Герцена, по его просьбѣ, въ 1838 году. Лишь изъ писемъ видно, какъ подвигалась эта работа и что она въ себѣ заключала. «Я написала свою жизнь до 7 года, до тѣхъ поръ, какъ папенька поѣхалъ въ Петербургъ, и она чрезвычайно тебѣ будетъ интересна; я очень ярко помню подробности московской жизни и сколько сулили онѣ мнѣ. Я помню и когда еще меня называли любимой изъ дѣтей, и это было замѣтно во всемъ, и я чувствовала это и очень» (стр. 532). «Воспоминанія мои теперь остановились на самой мрачной эпохѣ моей жизни, — смерть папеньки уже все прошедшее, но тяжело и прошедшее. Два дня принимаюсь писать и не могу рѣшиться. Любимая, холеная, взлелѣянная въ оранжереѣ—вдругъ на стужу и морозъ, вдругъ въ сорную яму подъ ноги чужихъ, во всемъ смыслѣ этого слова!... Когда же дойдетъ до тебя,—ну, вообрази, съ 26 года—все ты, вѣдь, это невѣроятно... Ты подарилъ мнѣ свящ. исторію... Ко мнѣ ходилъ дьяконъ, тутъ же я и начала каждый урокъ читать ее съ нимъ и непременно посмогрю на первый листокъ (см. № 3 — *М. Л.*). Потомъ Эзоповы басни, и тамъ: «милой сестрицѣ», и тамъ глядѣла, не наглядѣлась на эту надпись, потому что никто меня не звалъ ни сестрицей, ни милой; эта надпись смягчала и страхъ, который я имѣла къ тебѣ — повѣришь ли: больше всѣхъ на свѣтѣ боялась и стыдилась. Потомъ Тат. Петр. (Пассекъ — *М. Л.*), говоря часто о тебѣ, ознакомила меня съ тобой; вскорѣ я стала ее спрашивать по всякому слову: а Ал. Ив. что говоритъ объ этомъ? Сначала я вѣровала въ нее неограниченно, потому что я повѣрила ей первой; мгновенно эта вѣра уничтожилась, и въ ней я вѣровала въ тебя. Разставшись съ нею, я думала, что погибну, — кто мнѣ скажетъ, какъ думаетъ Александръ? Съ кѣмъ я буду говорить о немъ такъ часто? Всего болѣе дивило меня въ Т. П. то, что она, вышедши замужъ, собиралась ѣхать изъ Москвы, тогда какъ ты въ Москвѣ,—этого я не могла понять, это было мнѣ ужасно больно... Богъ по-

слалъ Emilie, —я молила Его послать мнѣ кого-нибудь изъ близкихъ, чтобъ мнѣ не погибнуть. Сначала она испугала меня, потомъ я увидѣла въ ней также поклонницу твою еще до меня, —съ этимъ счастиемъ не могло тогда ничто сравняться. Классы наши, бесѣды, прогулки, — все это начиналось и кончалось тобою. Потому-то я ничему и не выучилась, что учила только тебя. Бывало, ночь цѣлую насквозь мы проведемъ съ ней, не спавши, говоря только о тебѣ. Дружба наша основалась на тебѣ, на тебѣ и совершилась она» (стр. 538—539).

«Начальная жизнь у княгини такъ тяжела и утомительна до Emilie, что мнѣ совѣстно *за нихъ* и за всѣхъ писать ее, и тяжело за себя; все-то это надо снова почувствовать, перестрадать, оплакать, а я ужъ не могу теперь отдаться такъ этимъ воспоминаніямъ» (стр. 545). «Василій Вас. (Боголѣповъ—*М. Л.*) училъ тебя и меня, тогда мнѣ былъ 9-й годъ; онъ всегда приносилъ отъ тебя поклоны и рассказывалъ о тебѣ, я ужасно его любила; потомъ Т. П., —она могла бы много сдѣлать для меня, да не хотѣла; съ моимъ стремленіемъ учиться, съ этой жадностью, такъ сказать, и, вѣрно, единственнымъ прилежаніемъ (другихъ заставляютъ другіе, я заставляла сама себя), она не хотѣла заняться, даже лишала многого, диктуя, бывало, все время свои сочиненія, и сто разъ переписывала я ихъ. Изъ любви къ ней я дѣлала все и не тяготилась, но жертва была велика. Первой ей ты протянулъ руку, первую ее я назвала другомъ. Потомъ Пассеки, — я рѣдко ихъ видѣла, но, вѣрно, любила Людмилу не меньше твоего, вѣрно, за твои похвалы, но никогда ни за что не могли меня увѣрить въ твоей *любви* къ ней, и помнишь, изъ Красикова (имѣніе Хованской — *М. Л.*) я писала объ ней? совсѣмъ не отъ себя, а Emilie заставила спросить тебя; тогда *я ее утѣшала* все, что Люд. тебѣ любить нельзя» (стр. 545—546).

47. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

10 декабря 1834.

Сейчасъ написалъ я къ полковнику ¹⁾ письмо, въ которомъ просилъ тебѣ о пропускѣ; отвѣта еще нѣтъ, вѣроятно, спросятъ твою фамилію, и ты также будешь упомянута между нашими возмутительными, кинжальными именами. Но у васъ это будетъ труднѣе

¹⁾ Семеновъ, завѣдывалъ Крутицкими казармами, въ которыхъ сидѣлъ Герценъ.

обдѣлать, я полагаюсь на маменьку. Ты бы могла прожить сто лѣтъ, не побывавши въ жандармской казармѣ у арестанта. Итакъ, твое счастье на счетъ меня: ты была послѣдній изъ моихъ друзей, котораго я видѣлъ передъ взятіемъ (мы разстались, съ твердою надеждою увидѣться скоро, въ десятомъ часу, а въ два часа я уже сидѣлъ въ части) и ты первая опять меня увидишь; зная тебя, я знаю, что это тебѣ доставитъ это удовольствіе, будь увѣрена, что и мнѣ тоже,—ты для меня родная сестра, иначе я не почитаю. Мнѣ раздирають душу твои домашнія непріятности, положеніе твое ужасно, но несчастія приносятъ ужасную пользу: они поднимають душу, возвышаютъ насъ въ собственныхъ глазахъ.

О себѣ много нечего мнѣ говорить: я обжился, привыкъ быть колодникомъ, выброшеннымъ изъ общества, государственнымъ преступникомъ; на будущее я не смотрю,—что будетъ, то будетъ. Самое грозное для меня, это—разлука съ Огаревымъ; этотъ человѣкъ мнѣ нуженъ, необходимъ; я безъ него—одинъ томъ недоконченной поэмы, отрывокъ. И какъ онъ твердъ въ своемъ несчастіи! Но его ли глубокой душѣ потрясаться отъ этихъ земныхъ толчковъ? Я его ни разу не видалъ, то есть порядочно; но однажды я сидѣлъ одинъ въ горницѣ въ комиссіи, допросъ кончился, но намъ не даютъ встрѣчаться; изъ моего окна видны были освѣщенные сѣни; вдругъ подали дрожки; я бросился инстинктомъ къ окну, отворилъ форточку и видѣлъ, какъ сѣлъ плацъ-адъютантъ и съ нимъ Огаревъ; я весь дрожалъ, какъ влюбленный, но дрожки укатились, и ему нельзя было меня замѣтить; я самъ едва его видѣлъ, едва разглядѣлъ,—можетъ, даже это былъ не онъ. Неужели намъ суждена гибель, и какая гибель,—нѣмая, глухая, о которой никто не узнаетъ! Зачѣмъ же природа дала намъ эти огненные души, стремящіяся къ дѣятельности и къ славѣ? неужели это насмѣшка?!—А въ такомъ случаѣ это самая забавная насмѣшка; такъ смѣялся, я думаю, Аббадонна, падая съ рая въ адъ. Но нѣтъ, здѣсь въ груди горитъ вѣра сильная, живая, есть провидѣніе! Я читаю съ восторгомъ Четы-Миней; вотъ гдѣ божественные примѣры самоотверженія, вотъ были люди!

Итакъ, Эм. Мих. будетъ въ Москвѣ, и вы съ ней будете говорить пантомимами—хорошо; но я никакъ не буду съ ней говорить, ибо не надѣюсь на скорый выпускъ: стоитъ разъ поймать человѣка, ужъ они постоятъ за то, чтобъ не отворить клѣтку. Можетъ, развѣ, по старому русскому обычаю, къ Святой откроютъ клѣтку. Жаль, но *que faire!* ¹⁾—Я слышалъ, ты читала «Пиковую даму»; игра, это—страсть, о которой ты не имѣешь никакого понятія, но страсть

¹⁾ Что дѣлать.

сильная, часто волнуетъ она меня, и стоитъ разъ пуститься мнѣ,— я сдѣлаюсь самымъ бѣшенымъ игрокомъ, но я боюсь, какъ Германъ.—Прощай и помни и люби брата твоего *Ал. Герцена.*

Отвѣтъ получилъ, но не слишкомъ веселый: позволенія пропустить не дають.

48. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

31 декабря 1834.

Я ужаснулся, написавъ тебѣ прошлую записку, и долго думалъ, посылать ли ее, и еще болѣе ужаснулся, получивъ твой отвѣтъ. Никогда не возьму я на себя той отвѣтственности, которую ты мнѣ даешь, никогда! Я предложилъ тебѣ быть другомъ, и другомъ въ полномъ смыслѣ, то есть я хотѣлъ сообщить тебѣ взглядъ истинный на людей, но при семъ я предположилъ твердость характера, которая у тебя и есть, и которая необходима; я знаю, что у тебя есть много *своего*, зачѣмъ же ты такъ отдаешься въ волю мою? ты еще не совсѣмъ знаешь меня; во мнѣ худого, можетъ, болѣе, нежели добраго; я знаю себя: мое воображеніе испачкано, мое сердце замарано, пятно разврата въѣдается глубоко, стереть его могутъ одни несчастія. Зачѣмъ же ты говоришь: дѣлай изъ меня, что хочешь? Нѣтъ, я хочу, *чтобъ ты сдѣлала изъ себя то, что ты можешь изъ себя сдѣлать*; съ своей стороны, я берусь способствовать этому развитію, отнимать преграды. Я ненавижу покорность въ друзьяхъ, я ее только хотѣлъ бы въ толпѣ, покорность унижаетъ. Я не такъ милъ себѣ, чтобы хотѣть видѣть въ тебѣ себя; нѣтъ, я хочу *въ тебѣ видѣть тебя*, и тебя такъ, какъ Богъ создалъ твою душу, безъ примѣси обстоятельствъ, потому что Богъ твою душу хорошо создалъ. Пойми меня и не толкуй вкривъ все сказанное тутъ; это не отказъ, но объясненіе. Скажу яснѣе: я не хочу, чтобъ ты отвергла всѣ узы родства, оттого что я ихъ отвергаю; сойди въ свою душу, и спроси себя, и слушай отвѣтъ,— я, съ своей стороны, только сдѣлаю вопросъ. Впрочемъ, я знаю, что ты писала свою записку *сгоряча*, а тутъ пишется многое, что не согласно съ холодною мыслью.

Что касается до твоего положенія, оно не такъ дурно для твоего развитія, какъ ты воображаешь. Ты имѣешь большой шагъ надъ многими, тебя опытъ научилъ кой-чему; правда, опытъ учитъ желѣзною рукою, но зато его уроки съ плодомъ. Ты, когда на-

чала понимать себя, очутилась одна—одна во всемъ свѣтѣ. Другіе знали любовь отца и нѣжность матери, у тебя ихъ не было. Никто не хотѣлъ тобою заняться, ты была оставлена себѣ. Что же лучше для развитія? Благодарю судьбу, что тобою никто не занимался; они тебѣ навѣяли бы чужого, людского, они согнули бы ребяческую душу; теперь это поздно. Ежели же ты говоришь о свѣтскомъ воспитаніи, надобно умѣть презирать его: оно хорошо для людей, которые не имѣютъ никакого звука, ибо оно имъ придаетъ видъ людской. У кого же есть душа, тотъ въ ней найдетъ болѣе, нежели въ воспитаніи. Ты какъ будто жалѣешь, что твоя жизнь несчастлива, но на что счастье? и какое счастье здѣсь на землѣ?

Еще замѣчаніе: ты пишешь, что ты обрекла себя прежде на *шбель безвѣстную*; я не понимаю послѣдняго слова. Чего же ты хочешь? извѣстности, славы? Храни Богъ, чтобъ тебя коснулась эта ужасная болѣзнь; я испыталъ и испытываю, что это такое, и не могу подняться до самоотверженія, потому что я нечистъ, потому что мысль эта запала слишкомъ рано въ грудь, слишкомъ истерзала ее,—но ты... впрочемъ, можетъ, ты не понимаешь.

Прощай, твой братъ *Искандеръ*.

У колодника нѣтъ праздника и нѣтъ Новаго года; но у васъ есть,—поздравляю.

Ежели тебѣ нѣтъ средствъ беречь мои записки, жги ихъ; бѣда тебѣ, ежели попадутся М. С.

При семъ записка къ Эм. Мих.

1835

49. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

8 февраля (1835).

Наташа, тебѣ, какъ сестрѣ Герцена, Герценъ не боится прямо объявить новость, которая съ виду хуже, нежели въ сущности. Комиссія приговорила меня, Огарева и Сатина (кромѣ нѣкоторыхъ еще) сослать на 5 лѣтъ на Кавказъ; но обыкновенно государь, утверждая, уменьшаетъ срокъ въ половину. ¹ Итакъ, я поѣду на 2 съ ¹/₂ года на Кавказъ; тамъ дивная природа, дикая и необузданная, какъ черкесы; мнѣ эта новость и не горька, и не сладка,—лучше на Кавказъ 5 лѣтъ, нежели годъ въ Бобруйскѣ. Хуже всего, что все то время должно пропасть въ моей карьерѣ, ежели забудемъ пользу отъ занятій. Я не разлюбилъ Русь, мнѣ все равно, гдѣ-бъ ни было, лишь бы дали поприще; итти по немъ я могу, но создать поприще не въ силахъ человѣка. О Боже, Боже! когда же сбудется хоть одна мечта изъ тѣхъ, которыя раздираютъ мнѣ душу,—неужели никогда... ¹).

У меня была Эмилиа Мих.; спасибо ей, не забыла колодника. Очень мало людей, которыхъ я желаю видѣть теперь, она въ этомъ числѣ; я люблю людей, которые ярко чувствуютъ, на нихъ не такъ замѣтно клеймо, которымъ чеканитъ людей судьба, «нужныхъ на мелочные расходы», какъ сказалъ кто-то. Она меня весьма потѣшила твоей встрѣчей съ кн. Оболенскимъ ²). Бѣдная Natalie! Тебѣ достается за брата, но, ей Богу, твоя дружба ко мнѣ имѣетъ самый звонкій отголосокъ въ моей душѣ. Ни въ счастья, ни въ тюремѣ, ни ссыльнымъ я не перемѣнюсь. У тебя, говорятъ, мысль о монастырѣ,—не жди отъ меня улыбки при этой мысли; я понимаю твою мысль,

¹) Позже, перечитывая свои письма, Герценъ написалъ здѣсь карандашомъ: «сбылась мечта и совсѣмъ не та, о которыхъ думалъ!»

²) Сергѣй Петровичъ, братъ декабриста Евгенія, сватался за Н. А.—у.

она высока, но ее взвѣсить надобно очень и очень. Неужели тебѣ не волновала грудь мысль сильная, огненная—любовь? Монастырь—отчаяніе; теперь нѣтъ монастырей для молитвы. А ты развѣ сомнѣваешься, что встрѣтишь человѣка, который тебя будетъ любить, котораго ты будешь любить? О, съ какою радостью я возьму его руку и твою, — онъ будетъ счастливъ: у тебя прелестная душа. Ежели же этотъ онъ, этотъ идеаль, который зрѣтъ съ 16 лѣтъ въ груди дѣвушки, не явится, — иди въ монастырь, это въ миллионъ разъ лучше пошлаго замужества. Но, ради Бога, думай объ этомъ дольше.

Сегодня уѣзжаетъ изъ Москвы капитанъ Ивашкинъ, бывшій жандармъ; повѣришь ли, что я съ нимъ прощался тронутымъ: онъ простой, добрый человѣкъ и болѣе ничего, но онъ первый принялъ участіе въ преступникѣ, котораго боялись, онъ первый протянулъ безъ всякихъ мыслей мнѣ здѣсь руку. О, какъ чувствительны эти знаки въ моемъ положеніи; какъ больно, обращая глазъ свой, видѣть коварные глаза чиновниковъ тайной полиціи и ихъ исполнителей!

Прощай!

Твой братъ *Искандеръ*.

♦♦ 1. Этотъ слухъ не подтвердился. О приговорѣ см. гл. XII «Былого и думъ».

50. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Воскресенье (февраль 1835).

Какихъ чудесъ на свѣтѣ не видится, Natalie: я, прежде, нежели получилъ послѣднюю твою записку, отвѣчалъ тебѣ на всѣ вопросы, какъ будто въ магнетическомъ ясновидѣніи. Я слышалъ, ты больна, грустна. Береги себя, пей съ твердостью не столько горькую, сколько отвратительную чашу, которую наполняютъ тебѣ *благодѣтельные люди*. Насчетъ меня ты мечтаешь, какъ ребенокъ, то есть, какъ существо чистое и незнакомое съ людьми. Не одиночество, а размышленія довели меня до страшныхъ слѣдствій; конечно, бываютъ минуты грустныя и отъ одиночества, но не всѣ отъ него. Не стыдно ли думать, что я сержусь за такой вздоръ? это тебѣ, вѣрно, сказали шутя. Очень много надобно, чтобъ разсердить меня.

Я вспомнил анекдотъ, думая о твоёмъ намѣреніи итти въ монастырь. Въ 1820 году австрійское правительство хватало и судило за карбонаризмъ всѣхъ итальянцевъ. Между прочими взяли поэта Сильвіо Пеллико. У него была сестра, которую онъ ужасно любилъ. Пеллико былъ приговоренъ къ смерти и, *по милосердію* монарха, отосланъ на десять лѣтъ въ подземелье Шпильберга. Сестра его, не перенося разлуки, пошла въ монастырь. И какъ прелестно описываетъ Пеллико чувство, съ которымъ онъ узналъ въ мрачной тюрьмѣ судьбу сестры. Его другъ, заключенный съ нимъ вмѣстѣ, Марончелли, написалъ поэму ей въ честь. Тамъ, по крайней мѣрѣ, не разлучаютъ друзей, и не пріятнѣ ли цѣпь, за которую скованъ человекъ съ рукою друга. Прошло 10 лѣтъ; въ 1831 году Сильвіо, худой и изнеможенный, вышелъ изъ подземелья, полетѣлъ въ свою Италію и что же онъ нашель? — Одинъ гробовой крестъ на могилѣ своей сестры... Ужасная минута для брата.

Прощай, я тороплюсь, хочу писать, и ужъ некогда, и пишу именно для того, чтобы тебя разсѣять чѣмъ-нибудь; мнѣ досадно, что ты грустна.

J'ai l'honneur de vous saluer ¹⁾.

Искандеръ.

51. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

21 февраля (1835).

Въ горестяхъ есть какая-то сильная поэзія. Вообрази себѣ эту минуту, когда Христось сказалъ, что его предадутъ ученики, и опечаленный Іоаннъ, юноша-любимецъ, склонилъ свою главу на грудь Спасителя. Какое счастье можетъ сравниться съ этой минутой для нихъ обоихъ. Какъ сладко было склонить Іоанну свою голову на эту грудь, въ которой созрѣла мысль перерожденія человека и въ которой были силы и выполнить ее, и сѣсть рядомъ съ Богомъ, и погибнуть за людей. И съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ Христось на евангелиста-поэта, который такъ вполне понялъ его и такъ чисто предался ему. Но гдѣ же *нашъ* Христось? Кому *мы* склонимъ на грудь опечаленную голову? Неужели мы ученики безъ учителя, апостолы безъ Мессіи? Я готовъ переносить страданія и не такія, какъ теперь; но не могу снести холода, съ какимъ смотритъ свѣтъ на насъ оловянными глазами: пусть бы насъ ненави-

¹⁾ Имѣю честь вамъ кланяться.

дѣли, это все лучше. Вотъ колодникъ Петръ въ цѣпяхъ приближается къ Риму, и весь народъ бѣжитъ встрѣтить его; насъ кто встрѣтитъ и кто проводитъ? Можетъ, одинъ смѣхъ. Меня въ комиссіи обвиняли въ сень-симонизмѣ; я не с.-симонистъ, но вполне чувствую многое съ ними заодно. Нѣтъ жизни истинной безъ вѣры...

Господи, какъ этотъ опытъ показалъ мнѣ людей; нынче въ модѣ ругать людей и вѣкъ, не потому я говорю, а по глубокому убѣжденію. Одни грустные звуки вырываются изъ моей души нынче,—она похожа на монастырскій колоколь.

Статью ¹⁾ ты получила, слышалъ я сейчасъ; прошу обратить вниманіе на IV главу (разговоръ игумна съ эпиграфомъ изъ Августина); это, можетъ, лучшее, остальное все — гиль. Твое *безпристрастное* мнѣніе о ней. Addio.

Ал. Герценъ.

52. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Мартъ (1835).

Наташа, другъ мой, сестра, ради Бога не унывай! презирай этихъ гнусныхъ эгоистовъ,—ты еще слишкомъ снисходительна къ нимъ,—презираай ихъ всѣхъ! Они мерзавцы. Ужасная была для меня минута, когда я читалъ твою записку къ Emilie ²⁾). Я весь трепеталъ. И она теперь въ рукахъ Льва Алексѣев., и я писалъ ему письмо, писалъ и къ папенькѣ, и *иное* выраженіе имъ не понравится. Но я одинъ въ отвѣтъ, мои плечи здоровы, они вынесутъ, лишь бы тебѣ помочь. Боже, въ какомъ я положеніи! ну, что я могу сдѣлать для тебя,—колодникъ и не нынѣ-завтра ссыльный? какая слабая опора! Клянусь, что ни одинъ братъ не любитъ болѣе сестру, какъ я тебя, но что я могу сдѣлать? О, власть! Ежели теперь ты не будешь видѣться съ Emilie, пиши черезъ меня къ ней. Но что же тебѣ дѣлать, еще не знаю, я слишкомъ бѣшусь, чтобы разсуждать. А скоты, дураки счастливы!

Твоя записка объ Ал. С. получена, и я доволенъ тобой до крайности. Забудь его, коли такъ; это былъ опытъ, а ежели бы любовь въ самомъ дѣлѣ, то она не такъ бы выразилась. Его журналъ *par malheur* ³⁾ смѣшонъ, любовь къ Поварской и пр. ¹ Но

¹⁾ «Легенда».

²⁾ Э. М. Аксбергъ.

³⁾ Къ несчастью.

для чего ты пишешь: «можетъ, онъ надѣется»? Пускай себѣ. Развѣ для него не довольны *счастливые дни*, которые ты ему дала, или развѣ ты виновата въ томъ, что онъ любитъ. Это тебѣ должно быть пріятно, и какъ же иначе? Привыкай къ удивленію толпы, ты выше ея. Нѣтъ, что-то тяжело на сердцѣ, погожу писать. Ахъ, Natalie, несчастіе намъ суждено,—но на что же счастье... Я какъ-то всегда дѣлаюсь выше послѣ такой непріятности. Прощай покамѣстъ.

Истинный другъ.

Я вообще сталъ какъ-то ярче чувствовать съ тѣхъ поръ, какъ выброшенъ изъ общества людей. И потому нынче провель такъ скучно, какъ нельзя болѣе. Теперь я писалъ къ Эм. Мих., второй часъ, а все еще спать не ложусь; тутъ попалась мнѣ повѣсть Гоголя (Арабески, ч. II) «Невскій проспектъ»; во всякое другое время я бы расхохотался надъ нею, но тутъ она свернула меня вдосталь. Поэтъ-живописецъ влюбился въ публичную женщину; ты не знаешь, что такое эти твари, продающія любовь: не можетъ быть болѣе насмѣшки надъ всѣмъ чистымъ, какъ онъ, я знаю ихъ очень. Повѣришь ли, что повѣсть эта меня тронула, несмотря что она писана смѣшно. Я вспомнилъ подобный примѣръ, бывший при моихъ глазахъ. Какъ можно ихъ любить любовью?... Власть красоты, красота земная есть отблескъ Бога.

Ха, ха, ха! что я вздумалъ,—какъ Левъ Алексѣев. и пап. ¹⁾ и Сопр. нынче, чай, весело день провели.

Я къ тебѣ съ просьбою, въ которой я хочу испытать твою дружбу (зачѣмъ ты меня все потчуетъ властью? не хочу власти,—дружбы, равенства). Я слышалъ, что тебѣ часто бываетъ нужда въ деньгахъ; напиши сколько: твои нужды такъ ограничены, что я всегда могу, не дѣлая обиды себѣ, открывать тебѣ кредитъ. Особенно теперь мнѣ некуда деньги дѣть да еще, сверхъ того, шалостями играя (съ дурацкимъ счастьемъ во всѣхъ мерзостяхъ), я набралъ даже лишнія. Когда мнѣ нужны деньги, я просто беру ихъ у Огарева. Вѣрно, ты не откажешься сдѣлать мнѣ это удовольствіе. У друзей все общее. Итакъ, пиши сколько.

Je veux remuer terre et ciel pour vous voir le jour de ma naissance, mais je ne le crois guère. Diable, c'est bien triste que peut être nous nous verrons pas plus de 2 fois avant de partir pour l'exil, et comment—en présence de m-me la princesse et de son amie ²⁾. Но ты сама писала мнѣ, что не пространство дѣлится друзей.

¹⁾ Здѣсь и дальше означаетъ: папенька.

²⁾ Я готовъ поколебать небо и землю, чтобы увидѣть васъ въ день моего рожденія, но не вѣрю этому. Чортъ возьми, ужасно грустно, что, можетъ-

Суббота.

Вчера былъ у меня Левъ Алексѣев.; это хорошо, — показываетъ, что онъ не сердить за письмо, напротивъ; но никакъ не могъ я завести разговоръ объ этомъ, офицеръ мѣшалъ ¹⁾. ¹

Со мною преуморительная перемѣна: я съ нѣкотораго времени видимо глупѣю, и вообрази, что ежели такъ буду я усовершенствоваться въ глупости, то года черезъ два я un fou à lier ²⁾; это, должно быть, очень пріятно, я еще не испыталь этого; тогда счастье ко мнѣ рѣкою.

Знаешь, какъ я теперь фантазирую? Читаю долго-долго что-нибудь хорошее и, бросивъ книгу, переносусь туда, въ міръ этой книги, и я могу нѣсколько часовъ совершенно жить въ другомъ вѣкѣ, съ его понятіями и пр. Мило, очень мило; ежели это первый шагъ сумасшествія, то я не прочь сойти съ ума.

Прощай, пиши же, что было и какъ. А я тебя всю ночь тогда видѣлъ во снѣ, но какъ-то странно, смутно. То я у васъ, и все какъ надобно: Аркадій ³⁾ въ первой передней, Макашина въ послѣдней передней, потомъ ты; мы давно не видались, но ты гораздо меньше, почти такая, какъ ты была еще при Александрѣ Алекс. ⁴⁾, когда мнѣ показывала рулетку (помнишь?), но тутъ дѣлался изъ всего садъ, и я искалъ съ тобою проститься, ибо мнѣ надобно ѣхать въ ссылку (этого-то я не забылъ во снѣ), и пр. и пр.

Александръ Герценъ.

P. S. Ты не будь въ претензіи, что такъ долго тебѣ не возвращена «Легенда»; это нужно,—мои партизаны пустили ее по Москвѣ, спасибо и на томъ.

◆◆ 1. Подъ инициалами «Ал. С.», болѣе развернутыми Н. А.—ной въ письмѣ отъ 3 декабря, надо, повидимому, разумѣть Александра Сергѣевича Бирюкова. 2 декабря 1835 года Н. А.—на писала: «Я посвящаю все въ мірѣ дружбѣ, никакое другое чувство не владѣло такъ сильно моей душой («а любовь къ Алекс. Сер.?»—скажешь ты. Другъ мой, я еще тогда почти не вышла изъ ребячества, да это и

быть, мы увидимся всего 2 раза до моего отъѣзда въ ссылку, и какъ еще?—въ присутствіи княгини и ея подруги!

¹⁾ См. № 160.

²⁾ Сумасшедшій, котораго надо связывать.

³⁾ Дворовый кн. Хованской, очень расположенный къ Н. А.—нѣ и Герцену.

⁴⁾ Отецъ Н. А.—ны.

не *любовь* была, и не довольно ли было одного твоего слова, чтобы изгнать его совершенно изъ мысли?» (стр. 49). Позже Н. А.—на призналась: «Ахъ, какъ и тогда уже я любила тебя, другъ мой, какъ ты писалъ мнѣ о Бир.; какъ меня удивила и какъ казалась странною серьезность, съ которою ты писалъ о немъ. Едва вышедши изъ дѣтства, — онъ мнѣ нравился и собой, и своими комплиментами, участіемъ (а его такъ жаждала тогда душа моя), но я видѣла, какъ *многою* въ немъ не было, и думала: это оттого, что я слишкомъ далеко отъ него; думала, что съ нимъ я могла бы быть счастлива, но вѣчная мысль—что скажетъ Александръ? И потомъ я боялась, что буду его любить больше брата Александра, выше котораго не было у меня въ сердцѣ ни для кого мѣста. Какъ странно, неприятно, даже и досадно было мнѣ, что ты увѣрялъ меня тогда, что «это счастье не мое», и все для меня, и для меня... Я хотѣла, чтобы ты просто сказалъ: «я не хочу этого, Наташа» (стр. 330, отъ 16 августа 1837 г.). «Когда ты меня увѣрялъ, что я люблю Бирюкова,— писала Н. А.—на въ 1838 г.,—и этотъ дѣтскій сонъ, эта блестячка имѣла въ себѣ что-то ужасающее, отталкивающее» (стр. 417).

53. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

(1835).

Eh bien, chère soeur, voilà que tout est fini, voilà qu'il faut partir. Колокольчикъ динь-динь-динь. Et vive l'exil et les exilés! On ne sait pas encore le sort d'Ogareff. En tout cas nous nous verrons. Посылаю тебѣ своихъ волосъ.

Переводъ.

Итакъ, сестрица, все кончено, надо ѣхать..... И да здравствуютъ ссылка и ссылные! Еще неизвѣстна судьба Огарева. Во всякомъ случаѣ, мы увидимся.

54. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

2 апрѣля (1835).

По клочкамъ изодрано мое сердце; не знаю, во все время тюрьмы я не былъ до того давленъ, стѣсненъ, какъ теперь. Не ссылка этому причиную. Что мнѣ Пермь или Москва? и Москва—Пермь. Но слушай. все до конца.

31 марта потребовали насъ слушать-сентенцію. Торжественный день! Кто не испыталъ этого, тотъ никогда не пойметъ. Тамъ соединили 20 человекъ, которые должны прямо оттуда быть разбросаны, одни по казематамъ крѣпостей, другіе по дальнимъ городамъ; всѣ они провели девять мѣсяцевъ въ неволѣ. Шумно и весело сидѣли эти люди подъ ножемъ, въ большой залѣ, когда я взошелъ, и Соколовскій, главный преступникъ, съ усами и съ бородою, бросился мнѣ на шею, а тутъ Сатинъ; уже долго послѣ меня привезли Огарева; все высыпало встрѣтить его. Со слезами и улыбкой обнялись мы. Все воскресло въ моей душѣ, я ожилъ, я былъ юноша, я жалъ всѣмъ руку, я любилъ всѣхъ ихъ, я мечталъ. Словомъ, это—одна изъ счастливейшихъ минутъ жизни,—ни одной мрачной мысли. Чего было мнѣ бояться на ту минуту? Наконецъ, намъ прочли приговоръ: сначала смертную казнь, потомъ каторгу по законамъ, и объявили, что государь милуетъ и приказываетъ только разослать по городамъ (Соколовскій въ крѣпость): Огаревъ въ Пензу, Сатинъ въ Симбирскъ, я въ Пермь ¹⁾. И надежда свободы отъ тюрьмы свѣтилась, и съ сей надеждой я воротился въ казармы. Все было хорошо, но вчерашній день, да будетъ онъ проклятъ, сломалъ меня до послѣдней жилы. Я тебѣ расскажу. Со мною содержится Оболенскій ²⁾. Когда намъ прочли сентенцію, я спросилъ дозволеніе у Цынскаго ³⁾ намъ видѣться; мнѣ позволили. Возвратившись, я отправился къ нему, между тѣмъ, объ этомъ дозволеніи забыли сказать полковнику. На другой день мерзавецъ, офицеръ Соколовъ, донесъ полковнику объ этомъ, какъ о противозаконномъ поступкѣ, и я такимъ образомъ замѣшалъ трехъ лучшихъ офицеровъ, которые мнѣ дѣлали, Богъ знаетъ, сколько одолженій; всѣ они имѣли выговоръ, и всѣ наказаны и теперь должны, не смѣняясь, дежурить три недѣли (а тутъ Святая). Васильева ⁴⁾ моего высѣкли розгами,—а все черезъ меня! Я грызъ себѣ пальцы, я плакалъ, бѣсилъ, рвался, и первая мысль, пришедшая мнѣ въ голову, было мщеніе. Я опозорилъ этого Соколова, я рассказалъ про него вещи, которыя могутъ погубить его,—и вспомнилъ, что онъ бѣдный человекъ и отецъ 7 дѣтей... Но должно ли щадить фискала? Развѣ онъ щадилъ другихъ? Чортъ съ нимъ! Мнѣ надобно, чтобъ я былъ отмщенъ. Это происшествіе тѣмъ сильнѣе огорчило меня, что я еще весь былъ мягокъ и полонъ отъ вчерашняго свиданія; вдругъ весь чистый, поэтической восторгъ превратился въ какую-то злость, и я доселѣ

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ въ «Быломъ и думахъ».

²⁾ Иванъ Аванасьевичъ.

³⁾ Московскій оберъ-полицмейстеръ.

⁴⁾ Приставленный къ камерѣ Герцена жандармскій унтеръ-офицеръ.

готовъ, ей-Богу, готовъ зубами грызть всякаго. Къ этому прибавокъ. Кто, кто смѣетъ насъ теперь держать? Намъ прочли сентенцію и не берутъ труда выпустить. О, звѣри, звѣри, дикіе звѣри, а не люди! «Люди—порожденіе крокодиловъ, ваши слезы—вода, ваше сердце—жельзо»,—какъ говоритъ Шиллеръ. Ты не можешь себѣ вообразить, какъ эта ничтожность тяжела. Что же мы? Игрушки.

Какъ высокъ и необъятно высокъ Огаревъ,—этого сказать нельзя; передъ этимъ человѣкомъ добровольно склонилъ бы я голову, ежелибъ онъ не былъ нераздѣльною частью меня. Этотъ человѣкъ вполне весь принадлежитъ идеѣ и общей дѣятельности; что для него жизнь, богатство... Помнишь, что я писалъ тебѣ въ прошлый разъ: наша жизнь рѣшена, жребій брошенъ, буря увлекла, куда? не знаю. Но знаю, что *тамъ* будетъ хорошо, тамъ отдохъ и награда. Человѣчество! для него все, для него родятся *люди*, ему обязаны мы; но что мы можемъ? Малое, но и малое есть нѣчто. «*Послушайте, братія, не нищихъ ли міра сею Богъ избралъ быть богатыми върою*» (Посл. Іакова). Да и кто были апостолы? Нѣтъ, наша будущность въ нашихъ рукахъ. Да будемъ мы забыты и презрѣнны, ежели схоронимъ въ землю тѣ малые таланты, которые далъ намъ Богъ!

Прощай, Наташа, скоро, скоро увидимся, скоро, скоро разстанемся надолго. Ежели меня еще дней пять продержатъ, я надѣлаю, чортъ знаетъ что. Я умѣлъ терпѣть, но теперь ужъ они превосходятъ мѣру. Прощай, посылаю тебѣ братскій поцѣлуй.

Александръ.

55. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

10 апрѣля 1835 г.

За нѣсколько часовъ до отъѣзда я еще пишу, и пишу къ тебѣ; къ тебѣ будетъ послѣдній звукъ отъѣзжающаго. Вчерашнее посѣщеніе растаяло мое каменное направленіе, въ которомъ я хотѣлъ ѣхать. ¹ Нѣтъ, я не камень, мнѣ было нынче грустно ночью, очень грустно. Natalie, Natalie, я много теряю въ Москвѣ,—что у меня только есть. О, тяжело чувство разлуки, и разлуки невольной. Но такова судьба, которой я отдался; она влечетъ меня, и я покоряюсь. Когда же мы увидимся? Гдѣ? Все это темно, но ярко воспоминаніе твоей дружбы; изгнанникъ никогда не забудетъ свою прелестную сестру.

Итакъ, участь голубя тебя не пугаетъ; голубь—что-то небесное, отъ него навѣваетъ не землю. Именно, чистота твоей души вчера такъ сильно на меня дѣйствовала.

Можетъ быть.... но окончить нельзя, за мною пришли. Итакъ, прощай, прощай надолго, но, ей Богу, не навсегда, я не могу думать сего.

Все это писано при жандармахъ,—10 апрѣля 1835 г., въ 9 часовъ ¹⁾.

◆◆ 1. О свиданіи 9 апрѣля говорится въ XII гл. «Былого и думъ». Этотъ день былъ навсегда памятенъ и Герцену, и Н. А.—нѣ. Свиданіе ихъ состоялось, благодаря разрѣшенію, полученному Н. А.—ной отъ И. А. Яковлева.

«Помню, ярко помню день нашего свиданія и прощанія,— писала Н. А.—на 28 мая 1835 г.;—сказать тебѣ не умѣю, себѣ отчета дать не могу въ чувствахъ, волновавшихъ тогда душу мою: небо и земля, рай и адъ! Сердце мое было такъ полно, такъ полно, что я забывала говорить; но какъ будто высказала все, будто незамѣтно мнѣ самой душа моя вылилась въ твою душу; тогда я забыла весь свѣтъ, глядя на эту маленькую горницу, забыла, что у меня есть жилище, что есть зданія красивѣе; глядя на тебя, забыла все на свѣтѣ; я не видала, какъ прошли эти часы; все это время показалось мнѣ однимъ мгновеніемъ, а минута прощанія—о, горькая минута! Тысяча счастливѣйшихъ въ будущемъ едва ли мнѣ заплатитъ за нее. Простившись съ тобою въ корридорѣ, я захотѣла воротиться къ тебѣ, взглянуть еще разъ; но не было силъ» (т. VII Спб. изд., 14).

29 февраля 1836 г. по тому же поводу Н. А.—на писала:

«Не знаю, какимъ образомъ я перешла отъ дружбы къ любви и не нахожу разницы между прежнимъ чувствомъ и теперешнимъ; стало—все было любовью! На Крутицахъ, только на Крутицахъ блеснула эта молнія въ душѣ моей и опять такъ же мгновенно исчезла, какъ исчезаетъ молнія на небѣ. Когда ты спросилъ меня: «итакъ, участь голубя не пугаетъ тебя?» — пожалъ мнѣ руку, посмотрѣлъ на меня, въ эту минуту Богъ рѣшилъ судьбу мою. Онъ сошелъ самъ и соединилъ насъ. О, въ эту минуту съ нами былъ Богъ! А помнишь, когда ты склонилъ голову на плечо мое, тутъ мнѣ слышался голосъ неба: «познай твое высокое предназначеніе, ты создана для него, люби его и служи ему» (тамъ же, стр. 70).

¹⁾ См. № 207.

26 октября 1836 г. Н. А.—на еще дополняетъ воспоминанія о 9-мъ апрѣля: «Если бы я прожила сто лѣтъ на землѣ, и тогда бы, передъ смертью въ глазахъ, у меня была бы одна картина—9 апрѣля. Когда окончится день, все утихнетъ, уснетъ, а я наговорюсь съ тобою, нагляжусь на тебя, когда и мои глаза станеть смыкать сонъ; я ѣду въ дрожкахъ по ужасной дорогѣ съ маменькой, плывемъ почти въ Крутицы... Маленькая дверь, выглядываетъ твой Васильевъ; входимъ—темный корридоръ; я вся дрожу, сердце рвется изъ груди, не могу итти, держусь за стѣну, маменька ведетъ меня. Пунцовая ермолка изъ двери... Какъ Божье слово: *иди!*—и я ужъ тамъ, подлѣ тебя, рука моя въ твоей рукѣ, твой взоръ, и я понимаю рай, и я ужъ не земная, и каземать—небо, и ты—ангелъ!..» (тамъ же, стр. 167).

10 апрѣля Герценъ выѣхалъ изъ Москвы въ ссылку..

56. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

16 апрѣля 1835.
Нижній-Новгородъ.

Наташа! Вотъ и тебѣ нѣсколько словъ отъ изгнанника. Всякая минута отталкиваетъ меня далѣе и далѣе отъ всѣхъ васъ. Ничего нѣтъ у меня въ Перми, а туда ѣду; все въ Москвѣ, а она меня выбросила. Прощай, некогда писать, иду смотрѣть царь-рѣку—Волгу. Прощай.

Эм. Мих. поклонъ.

Твой Ал. Герценъ.

57. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Апрѣля 22, 1835.
Казань.

Далеко, далеко умчало меня; другъ Natalie! Страшное положеніе быть доведена до такого одиночества, въ которомъ надобно въ себѣ одномъ искать все; нѣтъ человѣка, нѣтъ груди дружеской на этомъ пути, нѣтъ звука понятнаго или... Винавать. Воспоминаніе—надгробный памятникъ прошедшему, но памятникъ живой, и природа, съ другой стороны,—вотъ что у меня осталось. Я раз-

сѣянъ, мнѣ мудрено это движеніе послѣ 9 мѣсяцевъ тюрьмы, я не могу себѣ еще дать ни въ чемъ отчета. Неси же, неси же, буря, которая увлекла меня, я ввѣряюсь тебѣ!

Часто вижу я Москву и васъ всѣхъ во снѣ, — сонъ есть положительное добро, и какъ хороши сны иногда, и будто бы это вздоръ,—вѣдь, живемъ же, когда спимъ, и помнимъ сонъ, какъ былъ.

Прощай. Твой братъ *Ал. Гер.*

Ты получишь отсюда казанскій гостинецъ отъ меня. Чѣмъ богать, тѣмъ и радъ.¹

Эмили Михайловнѣ кланяйся и скажи, чтобъ она не забывала пріятелей и друзей за одною далью.

◆◆ 1. Какъ можно видѣть изъ отвѣта Н. А—ны отъ 28 мая (т. VII Спб. изд., 13—15), ей были посланы зонтикъ и башмаки.

58. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

(29 апрѣля 1835).

Теперь, chère Natalie, твой чередъ писать ко мнѣ. Я, наконецъ, въ Перми...¹

Это ужасно, чтѣ было со мною нынче утромъ; прихожу нанимать квартиру, а хозяйка спрашиваетъ: «нуженъ ли вамъ огородъ и стойло для коровы?» Grand Dieu¹! Неужели есть возможность мнѣ имѣть огородъ и корову? Ха, ха, ха, да это чудо! Огородъ и корову,—я скорѣе заживо въ гробъ лягу. Вотъ какъ мелочная частность начинаетъ виться около меня! А что, въ самомъ дѣлѣ, бросить всѣ эти высокія мечты, которыя не стоятъ гроша, завести здѣсь домъ, купить корову, продавать лишнее молоко, жениться по расчету и умереть съ плюмажемъ на шляпѣ,—право, недурно, «исчезнуть, какъ дымъ въ воздухѣ, какъ пѣна на водѣ» (Дантъ).

Пріѣхавши на мѣсто, я только узналъ все, чтѣ я потерялъ, разставаясь съ Москвою. Нѣтъ, сколько ни мудри, а разлука—дѣло ужасное; это—замерзшее озеро: и нѣмо, и холодно. Какъ живо у меня въ памяти твое посѣщеніе въ Крутицахъ, и что же это было?—Нѣсколько часовъ въ цѣлой громадѣ времени—и прежде, и послѣ.

¹) Великій Богъ!

Да, у насъ въ жизни только есть нѣсколько минутъ, и свѣтлыхъ, и изящныхъ, остальное—что-то земное и грязное. Это фонари, освѣщающіе дорогу; далеко назади блестятъ они звѣздочкой. Когда же, сестра, когда же мы увидимся?

Ахъ люди, люди, люди злые,
Вы ихъ разрознили... ¹⁾

Да, вы меня разрознили со всѣми.
Прощай. Пиши.

Александръ.

♦♦ 1. Впереди Герцена дня на два, на три ѣхалъ приживальщикъ И. А. Яковлева и нѣкогда наставникъ Огарева, К. И. Зонненбергъ, которому поручено было озаботиться устройствомъ возможнаго комфорта для Герцена и быть при немъ нѣкоторое время въ роли компаньона.

28 апрѣля Герценъ вѣхалъ въ Пермь, Зонненбергъ былъ тамъ наканунѣ.

По этому поводу начальникъ VII (тобольскаго) округа корпуса жандармовъ, полковникъ Масловъ, доносилъ Бенкендорфу: «Наканунѣжъ его привоза пріѣхалъ ревельскій торговый прикащикъ Карлъ Югансонъ Сонбергъ, съ билетомъ выданнымъ ему изъ ревельскаго магистрата въ 24 день іюля 1834 года на два года, подъ предлогомъ будто бы для занятія коммерческими дѣлами; но настоящій его пріѣздъ послѣдовалъ на счетъ титул. сов. Герцена, хотя Сонбергъ въ томъ не вполне сознается, но съ достовѣрностью сіе извѣстно и нынѣ онѣ наняли квартиру въ одномъ домѣ. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ видно, что тит. сов. Герценъ есть сынъ любви значительнаго лица, живущаго въ Москвѣ, и предъ его пріѣздомъ г. начальникъ губерніи получилъ отъ его матери незапечатанное письмо для передачи сыну, съ приличными матери наставленіями на счетъ поведенія; изъ сего должно заключить, что Сонбергъ пріѣхалъ по просьбѣ его родителей быть его компаніономъ, наблюдать за его поведѣніемъ и воздерживать какъ молодого человѣка, могущаго предаваться шалостямъ, отъ неприличныхъ поступковъ. По наружности Герценъ имѣетъ свѣтское образованіе, и Сонбергъ можетъ быть, для него по своимъ лѣтамъ полезнымъ наставникомъ» (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, 1 экспед., 1834 г., дѣло № 239, часть 10).

¹⁾ Позднѣйшая приписка Герцена: «Не посмѣлъ написать «сердца»!

30 апрѣля Герценъ былъ зачисленъ въ штатъ пермскаго губернскаго правленія съ приведеніемъ на вѣрность службы къ при-сѣгѣ (дѣло Вятскаго губерн. правленія 1835 г. № 8).

Можно себѣ представить, какъ Герценъ долженъ былъ заинтересовать просплетничавшихся пермяковъ... Къ тому же они не имѣли удовольствія видѣть въ своемъ городѣ много русскихъ ссыльныхъ,—поляки интересовали ихъ, разумѣется, меньше... Л. П. Шелгунова категорически утверждаетъ, что бабушка ея, Афанасьева, многимъ обязана Герцену и потомъ смѣнившему его И. А. Оболенскому: они побуждали ее читать и думать («Изъ далекаго прошлаго», 5).

Въ это время отецъ И. А. Оболенскаго хлопоталъ о переводѣ сына изъ Вятки въ Пермь, чтобы быть поближе къ жившему тамъ родственнику, предсѣдателю уголовной палаты Девилье. Хлопоты увѣнчались успѣхомъ, Оболенскаго перевели въ Пермь, а Герцена, благодаря этому, 13 мая отправили изъ Перми въ Вятку, куда онъ и прибылъ 19 мая, вмѣстѣ съ Зонненбергомъ (дѣло № 239), сопровождаемый рядовымъ пермской жандармской команды Федотомъ Бурдинымъ (дѣло Вятскаго губ. правленія 1835 г. № 8).

59. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

6 іюня 1835.

Вятка.

Письмецо твое, Natalie, я получилъ; это первый голосъ московскихъ друзей, ибо я, кромѣ писемъ изъ дому, ни откуда не получалъ. Грусть навело оно на меня. Какое нѣмое и больное чувство разлуки! Я готовъ былъ плакать, все перевернулось въ моемъ сердцѣ. Нѣтъ, страшны письма, когда разлука такъ грозна и такъ непроизвольна!

Что тебѣ сказать о себѣ? Перемѣны? Перемѣна въ душѣ, собственно, не бываетъ у людей, у которыхъ есть душа. Но я не тотъ же. Ты не знаешь, что такое быть изгнанникомъ въ чужбинѣ, гдѣ (по словамъ Гете) часто протянешь руку и вмѣсто человеческой руки сдaviшь кусокъ дерева. Были минуты сладкія,—горестъ имѣетъ свою поэзію,—минуты полноты душевной, минуты, въ которыя даже надобно было, хоть нѣсколько, излить все, въ ней клубящееся. Но, все-таки, какая-то пустота въ сердцѣ, и это меня мучаетъ. Вообрази себѣ, что я мало занимаюсь; иногда часы цѣлые послѣ обѣда лежу въ dolce far niente, двадцать разъ привожу себѣ

я въ память минуты счастья въ Москвѣ и съ какою-то насмѣшкой сравниваю тогда съ теперь. Природа одна могла бы мнѣ замѣнить друзей, но и она здѣсь такъ скупа и свирѣпа, что доселѣ я мало пользуюсь ею. Но не думай, что я сдѣлался томнымъ, печальнымъ съ виду; нѣтъ, я все съ тою же наружностью, все такъ же остро, заставляю хохотать и смѣюсь, но вдругъ среди этого смѣха... Душно, Наташа, душно!

Вѣра,—она меня не оставила, что же я былъ бы безъ нея? вѣра твердая, но развѣ Онъ не вѣрилъ, когда, изнемогая отъ злобы людей, Онъ, Сынъ Божій, просилъ: да мимо идетъ Его чаша сія?

Теперь я въ Вяткѣ.¹ Пермь меня ужаснула, это—преддверіе Сибири, тамъ мрачно и угрюмо. Здѣсь получше и ближе; теперь я не 1,400, а только 1,000 верстъ отъ Москвы. Говоря о Перми, я вспомнилъ слѣдующій случай на дорогѣ; гдѣ-то проѣзжая въ Пермск. губ., ночь я почти не спалъ, ибо дорога была дурна, на разсвѣтѣ я уснулъ крѣпкимъ сномъ; вдругъ множество голосовъ и сильные звуки желѣза меня разбудили. Проснувшись, увидѣлъ я толпы скованныхъ на телѣгахъ и пѣшкомъ отправляющихся въ Сибирь. Эти ужасныя лица, этотъ ужасный звукъ и рѣзкое освѣщеніе разсвѣта и холодный утренній вѣтеръ,—все это наполнило такимъ холодомъ и ужасомъ мою душу, что я съ трепетомъ отвернулся; вотъ эти-то минуты остаются въ памяти на всю жизнь.

Да, ты правду пишешь, что въ послѣднее свиданіе ты, забывъ говорить, высказала все... Да, Наташа, я все понялъ, и на что были слова? Можетъ, не все сказала бы ты; можетъ, они ослабили бы то, что мы понимали той высшей симпатією, той гармонією душъ, которая такъ сблизила наши существованія¹⁾.

«Ты смотришь на Пермь и иногда забудешь, что въ уголкѣ Москвы живетъ Наташа»... О, это-то и лучшія минуты, когда я забываю все! Побольше этихъ минутъ забвенія, въ нихъ я только и отдыхаю; это сонъ души, не упрекай меня за нихъ. Прощай! Еще напишу нѣсколько словъ, но не теперь.

12 іюня.

Нѣтъ, больше ни слова.

Ал. Герценъ.

◆◆ 1. 1 іюня Герценъ былъ опредѣленъ на имѣвшуюся вакансію переводчика вятскаго губернскаго правленія и опять приведенъ къ присягѣ на вѣрность службы (дѣло Вятскаго губ. правленія 1835 г. № 8).

¹⁾ Позднѣйшая приписка Герцена: «И послѣ этого я могъ такъ низко пасть, такъ забыться! Вотъ куда привели эти *лучшія* минуты забвенія!»

60. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

1835.

Прости, другъ мой Natalie, прости мои глупые упреки. Ты сама знаешь, какъ давить эта нѣмая разлука, и—ни вѣсточки, ни отрадной капли!... ¹

Твои записки на меня имѣютъ давно страшное вліяніе. Ими я возобновляю въ памяти всю юность. Отъ О. ¹⁾ писемъ нѣтъ, и я не пишу, твои же записки такъ ярко вспоминаютъ все время восторженной и фантастической жизни въ Москвѣ. Да и въ нихъ такая полнота чувствъ! О, Наташа, Наташа, да, ты сестра моя, ты самая близкая родная моей души. И ты всякій разъ пишешь, что увѣрена въ моей дружбѣ, это худо, это—признаки сомнѣнія. Нѣтъ, въ тебѣ я не сомнѣваюсь, въ твоемъ сердцѣ есть у меня мѣсто..... Мнѣ не нужно себя увѣрять, что ты мнѣ сестра.

Но зачѣмъ же я падаю! Да, я падаю. Эта буря прошлаго года меня подняла, а ссылка томить, я падаю.

Наташа, другъ мой!

Прощай!

Ал. Герцень.

◆◆ 1. Н. А.—нѣ было запрещено переписываться съ Герценомъ. «Ты знаешь, что мнѣ запрещено писать къ тебѣ, и ежели узнаютъ даже, что ты пишешь ко мнѣ, то... но чему быть, того не миновать» (т. VII Спб. изд., 21). Переписка эта равно преслѣдовалась и со стороны кн. Хованской, и со стороны Ивана Алексѣевича. Единственно, кто о ней зналъ и не былъ противъ, это—мать Герцена, сама же и передававшая письма Н. А.—нѣ, получаемыя вложенными въ письма къ ней самой отъ сына.

61. [Арестъ и высылка].

...Часовъ въ 8 навѣстилъ меня нѣкогда бывший мой законоучитель—отецъ Василій; онъ уже не одинъ разъ былъ у меня, и бесѣда его всякій разъ оставляла въ моей душѣ свѣтлый слѣдъ. Я обнялъ почтеннаго пастыря. Когда онъ давалъ мнѣ уроки, я не

¹⁾ Н. П. Огаревъ.

умѣлъ вполне оцѣнить этого человѣка, съ его восторженной, чистой душой. Что-то безпредѣльно торжественное было въ бесѣдѣ нашей; плавнымъ, величественнымъ *maestoso* ¹⁾ окончилась она: благословеніе пастыря, объятія друга ²⁾ напутствовали меня, слезы души любящей ³⁾, заключили ее. Въ эти минуты я былъ достоинъ принять высокія впечатлѣнія. Возбужденная душа раскрывалась всему святому. Взоръ мой покоился на двери, въ которую вышелъ священникъ.

...Дверь снова растворилась. Видали ли вы на образахъ явленіе Дѣвы Маріи въ какой-нибудь бѣдной кельѣ изнеможенному старцу-монаху, во всемъ блескѣ просвѣтленнаго образа человѣческаго, въ которомъ отъ плоти едва осталось очертаніе, а духъ божественности просвѣчиваетъ въ своей безтѣлесности? Видали ли взоръ любви и кротости, обращенный на поверженнаго въ прахъ угодника? и его взоръ, свѣтящійся восторгомъ и благоговѣйнымъ трепетомъ? Я былъ тотъ, которому явилась Дѣва... молча протянула она мнѣ руку, я быстро схватилъ ее...

...Не такъ ли умираетъ человѣкъ? Посланникъ Божій, свѣтлый, улыбающійся, подойдетъ къ страдальцу, протянетъ руку, и тѣло мертво, а душа родилась въ царство духа и свободы. Какъ ясно стало въ душѣ моей, когда я держалъ ея руку; казалось, не о чемъ было и говорить, а когда стали говорить, говорили такъ, ничтожныя вещи. *Разлука* укрѣпила нашу *симпатію*, дала возможность прійти въ себя, въ сознаніе, превратиться въ сущность жизни, въ самую жизнь. Только тогда пало нѣсколько сильныхъ словъ, которыя носятъ въ зародышѣ міръ чувствованій, мыслей, дѣлъ. «Братъ,—сказала она прощаясь:— въ дальнемъ краѣ помни, что твоя память о ней ей такъ необходима, какъ жизнь».

...Мы простились. Время опустило мечъ свой...

...Я остался съ (моимъ сторожемъ) Терентьичемъ. Ветеранъ мой часто рассказывалъ мнѣ о своихъ походахъ и жизни за границей: «тамъ вѣдь,—говорилъ онъ:—не то, что у насъ: города такъ застроены, что никакого пространства нѣтъ (увѣряю васъ, что не выдумываю) и дома всѣ на одинъ ладъ; если номеръ дома забылъ, то и проищешь дня два». Въ лингвистикѣ онъ тоже былъ силенъ. Есть о чемъ поговорить съ бывалымъ человѣкомъ, нечего сказать.

...Иногда въ праздничные дни Терентьичъ подгуляетъ; онъ отъ этого ничего не терялъ, напротивъ, пріобрѣталъ сильный запахъ

¹⁾ Величественно.

²⁾ Н. И. Сазоновъ.

³⁾ Н. А.—ны.

сивухи, и тутъ-то мой ветеранъ былъ удивительно геніаленъ. Во всѣ праздничные дни Терентьичъ получалъ порцію, да не пьетъ ее, а въ стеклянку,—сами разсудите, стоитъ ли изъ-за полустакана ротъ мараť. Набравши пять, шесть порцій, онъ ихъ употреблялъ въ прикуску съ чернымъ хлѣбомъ. Такъ принятыя пять порцій отвѣтствуютъ 55-ти. Послѣ этого *déjeuner sans fourchette* ¹⁾, усачъ принимался за трубку. Чубукъ въ полвершка, трубка величиной съ горшокъ для гречневой каши, а табакъ онъ покупалъ листьями *илбирку*, т. е. венгерскій, фунтъ пять копѣекъ, и самъ крошилъ. Вино и табакъ возбуждали въ немъ лиризмъ, и онъ затягивалъ свою любимую пѣсню:

Сватался за дѣвушку саратовскій купецъ,
 Говорилъ: житья-бытья двѣнадцать кораблевъ.
 Думаю, подумаю, не выйду за него....

...Между прочими достоинствами моего воина надобно упомянуть о патентѣ на рядъ крестовъ и медалей, висѣвшихъ на его молодецкой груди. Этотъ патентъ не такъ, какъ мой на титулярнаго совѣтника, не на телячьей кожѣ былъ выпечатанъ, а на его собственной, прекрупнымъ цицеро ²⁾ сабельныхъ ударовъ, а знаки преминанія были поставлены свинцовыми точками.

Per me si va nella citta dolente ³⁾.
 (Надпись по дорогѣ въ адъ).
 И колокольчикъ, даръ Валдая,
 Гудить уныло подъ дугой.

...10-го апрѣля, въ 8 часовъ утра, явился ко мнѣ дежурный офицеръ и объявилъ, что черезъ часъ я долженъ отправиться въ путь. Онъ меня засталъ въ сильномъ раздумьи и въ сильномъ волненіи, но ни того, ни другого я описать не могу. Въ душѣ было что-то торжественное, — правда, грустное, очень грустное, но не отчаянное, напротивъ, грусть была проникнута сильной вѣрой въ будущее. Чувства, колыхавшіяся, какъ волны морскія, въ моемъ сердцѣ, были не по груди человѣческой; казалось, онѣ разобьютъ ее. Я, по словамъ офицера, какъ по лѣстницѣ, началъ опускаться на землю, и былъ радъ этому; мнѣ становилось тягостно въ этомъ

¹⁾ Завтракъ безъ вилки.

²⁾ Размѣръ шрифта, немного крупнѣе основного шрифта настоящаго изданія.

³⁾ Черезъ меня идутъ въ страну печали.

состояніи; такъ физически неестественно человѣку дышать на высокой горѣ, несмотря на то, что тамъ воздухъ составленъ въ 10 разъ чище изъ своихъ 29 долей жизни и 71 доли смерти, нежели въ низменныхъ мѣстахъ. Вчера вечеромъ я мало и смутно чувствовалъ, но когда я легъ часа въ два на постель и потушилъ свѣчу, явилась бездна чувствъ и мыслей. Не знаю, какъ съ другими, а со мною всегда первое впечатлѣніе слабѣе, нежели отчетъ въ этомъ впечатлѣніи. Погодя немного, всякое ощущеніе является ярче. У меня сердце, какъ болонскій камень: покуда лежитъ на солнцѣ, не свѣтитъ; солнце сѣло, ночь пришла—горитъ камень.

...Предъ отъѣздомъ я зашелъ проститься съ сосѣдомъ; я никогда не былъ прежде съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ, но тутъ мнѣ и съ нимъ разстаться было жаль: съ нимъ можно было вспомнить былую жизнь, а вскорѣ меня окружаютъ чужіе люди, съ которыми у меня ничего общаго нѣтъ. Потомъ я взялъ лоскутокъ бумаги и написалъ Natalie: «За нѣсколько часовъ до отъѣзда, я еще пишу, и пишу къ тебѣ; къ тебѣ будетъ послѣдній звукъ отъѣзжающаго; вчерашнее посѣщеніе растопило каменное направленіе, въ которомъ я хотѣлъ ѣхать. Нѣтъ, я не камень — мнѣ было грустно ночью, очень грустно! Natalie! Natalie, я много теряю въ Москвѣ, все, что у меня есть, и когда увидимся? гдѣ? Все темно, но ярко воспоминаніе твоей дружбы. Не забуду никогда своей прелестной кухни» ¹⁾).

...Терентьичъ проводилъ меня за ворота. Я обнялъ его; у старика навернулись слезы. Я обнялъ его еще—отъ души. «Неси, братъ, простую душу твою туда, гдѣ въ одну шеренгу поставятъ и тебя, и фельдмаршала Сакена; мало тебѣ было дано, мало съ тебя и спросится на инспекторскомъ смотру того свѣта. Инвалидный домъ тамъ свѣтелъ, обширенъ и тепелъ, мѣста и про тебя будетъ, а о тѣлесныхъ наказаніяхъ и думать нечего,—ты тѣла туда съ собой не возьмешь...»

...Дежурный сѣлъ со мной на извозчика, и мы поѣхали къ генералъ-губернатору. На лѣстницѣ встрѣтился съ Лахтинымъ, ему назначено было ѣхать завтра. Онъ хлопоталъ объ отсрочкѣ и былъ очень сконфуженъ. Въ комнатѣ наверху я нашелъ моихъ родныхъ. Жалѣя ихъ, я скрылъ, какъ тяжело было мнѣ.

...У подѣзда стояла дорожная коляска и мой человѣкъ ²⁾ суетился около чемодана, подпоясанный по дорожному. Одинъ я не собирался, а ѣхалъ. Наконецъ, я въ коляскѣ, за заставой—не было

¹⁾ См. № 55.

²⁾ Петръ Ѳедоровичъ.

силъ еще разъ выгянуть на Москву, да и Богъ съ ней... Колокольчику отвязали язычекъ—мы ѣдемъ. Вдругъ провожатый, спокойно курившій трубку, привсталъ на козлахъ, снялъ фуражку и сталъ креститься, говоря моему камердинеру: «креститесь, почемъ знать, увидимъ ли Кремль и Ивана Великаго». Фу! я бросилъ извозчику четвертакъ, чтобы онъ поскорѣе ѣхалъ, и ямщикъ поскакалъ—вѣтеръ-буря! На другой день я съ любопытствомъ смотрѣлъ на губернскій городъ ¹⁾. Воспитанный во всѣхъ предразсудкахъ столицы, я былъ увѣренъ, что за сто верстъ отъ Москвы и отъ Петербурга Варварійскія степи, Несторово Лукоморье, и крайне удивился, что губернскій городъ похожъ на дальній кварталъ Москвы.

Вскорѣ очутились мы на берегахъ Оки. Она была въ разливѣ; день былъ ясный, поверхность рѣки стлалась свѣтло и гладко на нѣсколько верстъ. Куря сигару, я стоялъ, облокотясь на жердочку периль, и смотрѣлъ, какъ московскій берегъ отодвигался все далѣе и далѣе; глубь, вода, пространство отдѣляли меня болѣе и болѣе, а тотъ берегъ—чуждый, изъ темно-синей полосы превращался въ поля и деревни, становился все ближе и ближе, а между тѣмъ у меня на московскомъ берегу все. Ярче разлуки я никогда не чувствовалъ. Тихое, покойное движеніе по водѣ наводило само собою грусть. Слезы навернулись на глазахъ и канули въ голубую рѣку, вздохъ вырвался и исчезъ въ голубомъ небѣ. «Дай-ка фляжку съ ромомъ»,—сказалъ я чловѣку, проглотилъ два-три глотка и продолжалъ курить сигару; признаться, тяжелое дѣло спрягаться страдательно, какъ отлагательные глаголы латинской грамматики. На одной станціи я стоялъ у окна и смотрѣлъ, какъ закладывали коляску; не знаю, какъ глаза мои попали на оконницу, на ней было написано: «N. O-ff, exilé de Moscou le 9 avril 1835» ²⁾, я подписалъ подъ нимъ свое имя и два стиха изъ Данта:

Per me si va nella citta dolente
Per me si va nel eterno dolore ³⁾.

Да, ею идутъ въ страну бѣдствій, и я задумался о всѣхъ вздохъ, поглощенныхъ этимъ воздухомъ. Вдали отъ станціи стоялъ этапъ.

...Въ Чебоксарахъ я вымѣрилъ всю даль отъ Москвы. Тутъ толпы чувашей и татаръ напоминали близость Азіи. На Волгѣ я

¹⁾ Владиміръ.

²⁾ Н. Огаревъ, сосланный изъ Москвы 9 апрѣля 1835.

³⁾ Черезъ меня идутъ въ страну печали
И мной вступають въ вѣчную печаль.

чуть не утонулъ. Рѣка была въ разливѣ, переправа—версть двадцать, цѣлая станція. Татаринъ поднялъ парусъ и при сильномъ вѣтрѣ не могъ сладить съ дощаникомъ, наѣхалъ на бревно, вода полилась изъ пробитаго мѣста, и минуты двѣ-три я не видѣлъ ни малѣйшей возможности спастись,—версть пять отъ одного берега, версть десять отъ другого; татаринъ сталъ читать молитвы, мой человѣкъ плакалъ. Въ первую минуту я испугался, но не надолго. Вдругъ увѣренность въ будущность и какая-то непреложная вѣра побѣдила страхъ, и я спокойно ожидалъ развязки. Купеческая барка шла недалеко отъ насъ, мы всѣ стали просить помощи; «есть намъ когда возиться съ вами»,—отвѣчали съ барки, и она проплыла. Потомъ мужикъ въ комягѣ подѣхалъ; между тѣмъ, паромъ всталъ на мель, и мы были почти спасены. Мужикъ придумывалъ, какъ исправить паромъ. Его исправили и мы поѣхали. Несмотря на сильную бурю съ проливнымъ дождемъ, мы доѣхали до Казани, гдѣ первымъ дѣйствіемъ моимъ, какъ только сталъ на берегъ, было отправить провожатаго за сивухой. Больше двухъ часовъ стоялъ я въ водѣ вершка на три, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и передрогъ, какъ собака.

...Холодный утренній вѣтеръ дулъ со стороны Уральскаго хребта. Разсвѣтало. Я крѣпко спалъ въ коляскѣ, какъ вдругъ меня разбудилъ шумъ и звукъ цѣпей. Открываю глаза,—многочисленная партія арестантовъ, полуобритыхъ, окружила коляску. Башкирецъ съ сплюснутой рожей, съ крошечными щелками вмѣсто глазъ, нагайкой погонялъ отсталыхъ. Дѣти, женщины, сѣдые старики на телѣгахъ, и рѣзкій вѣтеръ, и утро раннее... я отвернулся; на дорогѣ стоялъ столбъ, на столбѣ медвѣдь, на медвѣдѣ евангеліе и крестъ.

Вскорѣ быстрая Кама, которая, пѣнясь, несла льдины, была уже за мною, и я очутился черезъ день въ Перми.

...Въ Перми я пробылъ около мѣсяца ¹⁾; все это время было употреблено на приведеніе себя въ какой-нибудь уровень съ окружающимъ, на опредѣленіе своихъ отношеній съ обстоятельствами и лицами, наконецъ, на какое-то глупое бездѣйствіе.

Я началъ разглядывать пустоту жизни, въ которую попалъ. Никогда не выѣзжая изъ Москвы да и въ самой Москвѣ не видавъ жизни чиновниковъ, я теперь съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ міръ для меня новый. Губернаторъ былъ настолько великодушень, *s'est le terme* ²⁾, что не далъ мнѣ почувствовать тяжесть моего положенія. Онъ поручилъ мнѣ дѣла статистическаго коми-

1) Съ 28 апрѣля по 13 мая.

2) По принятому выраженію.

тета и оставилъ въ покоѣ. Пермь для меня была *ad lectorem* ¹⁾, настоящій текстъ—въ Вяткѣ. Не думая, не гадая, я уѣхалъ изъ Перми дней черезъ двадцать. Коляска моя была сломана, я выхлопоталъ право остаться еще на два дня въ Перми, и черезъ пять съ половиною сутокъ вялая волна Вятки подвигала мой дощаникъ къ крутому берегу, на которомъ красовалось желтое, длинное, неуклюжее зданіе губернскаго правленія. Опять *fatum!* А я грустно подвигался къ Вяткѣ, душа предчувствовала много ударовъ, паденій, грязи, мелочей, пыли—это было въ 1835 г., 20-го ²⁾ мая вечеромъ...

62. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

25 іюня 1835.
Вятка.

Carissima! ³⁾ Нѣтъ, ей-Богу, я не могу привыкнуть къ этой жизни. Не имѣтъ ни одного сердца, въ которое бы могъ перелить восторгъ свой, свои чувства, нѣтъ ни одного человѣка, который хотѣлъ бы понять меня *или могъ бы*. Безъ симпатіи я не могу жить. За одинъ часъ, проведенный съ О., за одинъ часъ, проведенный съ тобою, я отдалъ бы много: согласился бы мѣсяць сидѣть въ тюрьмѣ, мѣсяць лежать больнымъ. Тюрьма! Да что же страшнаго въ тюрьмѣ? Я смотрю, какъ на блаженное время, на прошлые 9 мѣсяцевъ тюрьмы. Тамъ возвышалась моя душа, тамъ прахъ земной слеталъ съ нея, тамъ я ежели не видалъ друзей, то слышалъ, какъ билось ихъ сердце. А потомъ эти свиданія... свиданіе съ тобою... Отдайте мнѣ мою тюрьму, отдайте моего жандарма у дверей, лишь бы мелькомъ я могъ видѣть тѣхъ, въ сердцахъ коихъ я создалъ храмъ свой,—тѣхъ, которые стоятъ божествами, святыми въ храмѣ моего сердца. А здѣсь я вяну, тухну и долженъ видѣть это. Какая пошлая жизнь!

63. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

24 іюля 1835.
Вятка.

Другъ мой, Наташа, я долженъ былъ себѣ на долгое время отказать въ утѣшеніи писать къ тебѣ; я знаю все, что было въ Москвѣ: первый разъ могу это сдѣлать и дѣлаю. ¹

¹⁾ «Къ читателю».

²⁾ Ошибка—19-го.

³⁾ Дорогая, дражайшая.

Я былъ грустенъ, очень грустенъ... Несмотря на всѣ опыты, я еще не совсѣмъ увѣрился въ низости людей: на-дняхъ одинъ изъ здѣшнихъ знакомыхъ ¹⁾, также несчастный, также сосланный, поразилъ меня своею подлостью. Ледъ облегъ мое сердце, еще сверхъ сего одна ошибка въ человѣкѣ,—и ледъ сталъ толще, но вдругъ твое письмо! Наташа, ты мой ангелъ утѣшитель! Ты и О. заняли всю душу мою. Какъ звучны, какъ исполнены высокихъ чувствъ твои слова! Благодарю тебя! Это не какая-нибудь phrase banale ²⁾, нѣтъ, эта благодарность вылетѣла изъ глубины души. Какъ пусто все вокругъ меня, пусто и въ душѣ! Есть минуты, въ которыя я натягиваю какое-то забвеніе, но обстоятельства не хотятъ никогда меня долго усыплять; холодная, костяная рука дѣйствительности будить меня среди сна. Отчаявшись найти человѣка, я сначала выдумалъ себѣ разныя занятія, гдѣ было бы много всего, но мало людей,—гулять за городомъ, ѣздить на охоту; но все это утомляетъ, и пустота, какъ умирающій съ голоду, просить хлѣба, пищи, а тутъ нѣтъ ея. Потомъ обратился я къ свѣтской жизни,—ибо и здѣсь есть гостинья,—но сплетни меня выгнали; сплетни только по слуху знаютъ въ столицѣ: надобно побывать въ маленькомъ городкѣ, чтобъ узнать ихъ, надобно углубиться въ плоскую жизнь провинціала, чтобы ненавидѣть ее. Что же оставалось? Прихотіи и *нуба* въ полномъ объемѣ; попробовалъ я, я утопалъ, задыхался въ восточной нѣгѣ и, признаюсь, тутъ была пища воображенію моему,—оно какъ-то сдѣлано на манеръ южной, итальянской,—я проводилъ по нѣсколько часовъ въ какомъ-то упоеніи, но и тутъ подложили отраву и съ этимъ я долженъ былъ разстаться. Что же осталось? То, съ чего бы надлежало начать—возвратиться въ себя, употребл ³⁾ силы, чтобы воскреснуть; для этого-то мнѣ и нужны твои слова и слова О., но послѣднихъ нѣтъ и ждать нельзя скоро.

Да, твое письмо потрясло меня, и это не первый разъ. Оттаялъ ледъ души моей. Твой образъ, какъ образъ Дантовой Беатриче, заставляетъ меня стыдиться моей ничтожности. Пиши же, пиши же, моя Беатриче. Не брани меня, другъ мой, за это самозабвеніе, не брани, что я предавался страстямъ, какъ бы забывая свое призваніе. Мой пламенный, порывистый характеръ ищетъ непрерывной дѣятельности, и ежели нѣтъ ея въ хорошемъ, обращается въ худое. «Чѣмъ способнѣе къ произрастанію земля,—говоритъ Дантъ,—тѣмъ

¹⁾ Позже Герценъ написалъ: «Никакъ не могъ вспомнить,—сосланный грузинскій князь».

²⁾ Банальная фраза.

³⁾ Вырвано.

болѣе на ней родится плевелъ и тѣмъ диче, лѣсистѣе она становится, ежели ее не засѣваютъ».

Прощай же, сестра, другъ, моя Наташа; грустна жизнь Александра, но онъ не потерялъ ни вѣры въ себя, ни вѣры въ будущее.

Ал. Герценъ.

Доставъ прилагаемую записку Эм. М.

◆◆ 1. Кн. М. А. Хованская, у которой жила Н. А—на, очевидно, строго запретила переписку, а оказіи для передачи писемъ съ вѣрнымъ человѣкомъ не случилось, и Герценъ принужденъ былъ молчать.

64. Письмо къ Н. Х. Кетчеру и Н. И. Сазонову.

18 іюля (1835).

Барону Упсальскому ¹⁾ и
Николаю Ивановичу, обоимъ и каждому.

«Другъ!

«Я расцвѣту въ Италиі, а ты цвѣти въ Вяткѣ!» Какой оврагъ ужасный между мною и тобой—*цвѣти*... Но спроси прежде, можно ли *прозябать*, а потомъ совѣтуй цвѣсти. Нѣтъ, я вяну, рѣшительно вяну. Гдѣ моя крутицкая тюрьма? это—Эльдорадо передъ Вяткой. Тамъ неволя, но я видаль вась, а вы мнѣ—все; тамъ я былъ одинъ, никто не развлекать, не заставлялъ терять *9 часовъ* въ суткахъ ²⁾. А потомъ, помнишь ли, ты замѣчалъ, что *жизнь* увлекаетъ мало-по-малу насъ, то есть тебя и меня, ибо тогда же ты замѣтилъ, что нашъ другъ ³⁾ выше насъ, и вотъ это-то увлеченіе и ужасаетъ меня. Ты же предсказывалъ, что я всѣхъ скорѣе возвращусь, не замѣчая, что именно это и могло быть потому, что я болѣе могъ бы увлечься *жизнью*. Счастливецъ, отъ души завидую тебѣ: ты будешь въ Италиі, ты будешь въ Германіи...

Вѣра только и осталась у меня. Нѣтъ, я не сомнѣваюсь: это—испытаніе, не болѣе; но тяжело оно и очень. Главное,—нѣтъ друга; гдѣ вы всѣ? Вы для меня не существуете, я будто вась видѣлъ

¹⁾ Прозвище Кетчера.

²⁾ На службу.

³⁾ Н. П. Огаревъ.

когда-то во снѣ, а существенность—канцелярія, отсутствіе дѣятельности умственной и, хуже всего, отсутствіе поэзіи. Иногда воскресаютъ во мнѣ чувства, и всѣ разомъ кипятъ. Вспоминаю одну минуту,—я тонулъ при слитіи Волги и Казанки; все было въ ужасѣ, все трепетало; но я тутъ въ первый разъ послѣ Москвы обрадовался, призвалъ свою вѣру и черезъ нѣсколько часовъ съ гордостью смотрѣлъ съ казанскаго кремля на бурный потокъ, которому не было дано право погубить меня. Пермь—городъ ужасный, прощеніумъ Сибири, холодный, какъ минералы его рудниковъ, но мнѣ было жаль его покинуть: я тамъ видѣлъ въ послѣдній разъ чело-вѣка несчастнаго, убитаго обстоятельствами, но живого душою, сильного и возвышеннаго. Когда-нибудь, гдѣ-нибудь, вспоминая эту черную полосу жизни, вспомнимъ и его ¹⁾.

Ты знаешь, сколько и чего я хочу отъ твоего путешествія; слѣдственно, объ этомъ ни слова. Прощай, другъ. Тамъ, тамъ, передъ церковью Петра вспомни несчастнаго Герцена, вспомни, что онъ никогда не сомнѣвался ни въ тебѣ, ни въ себѣ.

Баронъ, и къ тебѣ теперь.

И ты страдаешь, я знаю,—пусть этотъ огонь жжетъ тебя за отсутствіемъ другого. *Natura abhorret vacuum* ²⁾. Пустота всего хуже. Огонь, какой бы ни былъ, — жизнь. А въ пустотѣ лопнуть кровеносные сосуды. Но довольно элегіи, что-нибудь другое.

Теперь я увидѣлъ хоть часть Россіи. Что же я замѣтилъ? Во-первыхъ, что управленіе губернское въ *интеграль* идетъ несравненно лучше, нежели я думалъ, и, находясь теперь въ центрѣ онаго, я могу судить о необъятныхъ трудахъ министерства внутреннихъ дѣлъ для матеріальнаго благосостоянія и болѣе—прогрессивное начало, сообщаемое министерствомъ, гораздо выше понятій и требованій. Сколько журналовъ присылаютъ оттуда, сколько подтвержденій о составленіи библіотекъ для чтенія, и кто же виноватъ, ежели журналы лежатъ не разрѣзанные до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь Герценъ вздумаетъ ихъ разрѣзать? Впрочемъ, по части образованія есть успѣхи. Вятская губернія есть нѣчто совсѣмъ въ сторонѣ, удаленное отъ всего, но и здѣсь заброшено тамъ-сямъ, немножко, *en doses homéopathiques* ³⁾ просвѣщеніе. Вотъ еще что: духовныя заведенія идутъ несравненно лучше. Я здѣсь былъ на всѣхъ экзаменахъ. Въ семинаріи мало преподаютъ, но знаютъ то, что преподаютъ; латынь знаетъ самый маленькій, преподаваніе

¹⁾ См. «Вторая встрѣча».

²⁾ Природа ненавидитъ пустоту.

³⁾ Въ гомеопатическихъ дозахъ.

философіи бѣдно, но богословіе въ объемѣ высшемъ, философскомъ. Преподаватели по большей части изъ петербургской академіи, и еще теперь все ученики времени Библейскаго общества и Филарета. Итакъ, духовенство доселѣ еще не лишилось своего истиннаго и высокаго призванія—просвѣщать; повторяю, жаль, что оно такъ недѣятельно. Заведеніе статистическихъ комитетовъ и объ...хъ ¹⁾ имѣетъ цѣль высокую и пользу существенную; но полный успѣхъ невозможенъ, ибо организація комитетовъ совершенно ошибочна, и нѣтъ возможности безъ всякихъ средствъ собрать эти свѣдѣнія, особенно въ такой губерніи, какъ, напр., Пермская. А городъ ²⁾, Пермь—страшная вещь. Императрица Екатерина однажды закладывала при Іосифѣ II городъ и положила первый камень, Іосифъ взялъ другой и сказалъ: «Et je mets la dernière» ³⁾. Смыслъ обширный. Il n'y a pas de villes par ordre du jour ⁴⁾. Пермь есть присутственное мѣсто—нѣсколько домовъ—нѣсколько семействъ; но это не городъ губерніи, не центръ, не *sensorium commune* ⁵⁾, цѣлой губерніи,—рѣшительное отсутствіе всякой жизни. Но тамъ есть уже *avant-gородъ* ⁶⁾ Сибири, а чтò такое Сибирь? Вотъ этой страны-то вы совсѣмъ не знаете. Я вдыхалъ въ себя ледяной воздухъ Уральскаго хребта; его дыханіе холодно, но свѣжо и здорово. Знаете ли, что Сибирь есть совсѣмъ новая страна, Америка *suí generis* ⁷⁾, именно потому, что она страна безъ аристократическаго происхожденія, страна—дочь казака-разбойника, не помнящаго родства, страна, въ которую являются люди обновленные, закрывающіе глаза на всю прошедшую жизнь, которая для нихъ представляетъ черную тюрьму, цѣпи, долгую дорогу, а нерѣдко и кнутъ. Здѣсь всѣ—сосланные и всѣ равны. Въ канцеляріи какого-нибудь тобольскаго присутственнаго мѣста вы увидите столоначальникомъ приказчика, сосланнаго за воровство, и у него писцомъ—бывшаго надворнаго совѣтника, сосланнаго за фальшивый указъ, поляка-адъютанта Ромарино, и какого-нибудь человѣка 14 декабря. Въ обществѣ тамъ та же смѣсь; тамъ никто не пренебрегаетъ ссыльнымъ, потому что не пренебрегаютъ или собою, или своимъ отцомъ. А малочисленность способныхъ людей заставляетъ такимъ образомъ учреждать канцеляріи. Тамъ весело, тамъ есть просвѣщеніе, и глав-

¹⁾ Вырвано.

²⁾ Кстати.

³⁾ А я кладу послѣдній.

⁴⁾ Нѣтъ городовъ, возникшихъ по приказу.

⁵⁾ Общее чувствилище.

⁶⁾ Предисловіе.

⁷⁾ Своего рода.

ное дѣло—свѣжесть, новость. Все, получившее осѣдлость въ новое время, имѣеть прогрессивное начало—Пруссія.

Сосланныхъ вездѣ много; нѣтъ уѣзднаго города въ Пермской губерніи и въ Вятской, гдѣ бы не было нѣскольکو поляковъ и часть грузиновъ и русскихъ. *Быть подѣ надзоромъ* не есть очень худое состояніе, но и отнюдь не веселое. Оно похоже на состояніе жены у ревниваго мужа. «Сюда, сударыня, не смотрите, сюда не ходите; на кого вы вчера, сударыня, смотрѣли? съ кѣмъ танцовали?» и т. д.

Но что же далѣе? Когда-нибудь кончится Вятка, кончится *подѣ надзоромъ*? Voilà la question ¹⁾). Опять *semper idem* ²⁾): можно ли служить? Ежели можно, то должно, ежели нѣтъ, то уложить чемоданъ и *viaggiare* ³⁾, а не пустячь, тогда что дѣлать? Разу-мѣется, остаться—но литература,—охъ литература, охъ литература!

Да, кстати, я въ Данте нашель вещь важную и дивную,—новое доказательство его величія и силы; прошу покорнѣйше, г. путешественникъ, прочтите *Del Purgatorio Canto XXV* о зарождеіи челоуѣка. Это *le dernier mot* ⁴⁾ нынѣшней философіи—зоогнозіи, это—мнѣніе Жоуффрау С. Илера, вполне и еще полнѣе, ибо онъ распространилъ его и въ растительное царство, и когда же, Боже мой, когда же? во время Данта! Да вотъ тебѣ и выписка на дорогу превосходными французскими стихами:

«Ara us prec, per aquella valor
«Que vos guida al som d'esta escalina,
«Sovenha vos a temps de ma dolor!.. ⁵⁾

Dante Purgatorio. XXVI,

которые я также нашель у Данта и которые часъ цѣлый переводилъ.

Ну что прочіе-иные? Я не умѣю отдѣлать воспоминанія о друзьяхъ отъ воспоминаній о Москвѣ, а она теперь пуста почти. Здѣсь Машковцевъ ⁶⁾. *Grandissime Dieu!* ⁷⁾ и этотъ челоуѣкъ былъ

¹⁾ Вотъ въ чемъ вопросъ.

²⁾ Всегда одно и то же.

³⁾ Путешествовать.

⁴⁾ Последнее слово.

⁵⁾ Этотъ провансальскій текстъ вложенъ въ уста Arnault Daniel, поэту второй половины XII ст. Онъ означаетъ: «Теперь я васъ прошу во имя той духовной силы (valor), которая ведетъ васъ на вершину этой лѣстницы, — вспомните когда-нибудь о моемъ горѣ». *Данте*, «Въ Чистилищѣ», Пѣсня XXVI, ст. 145.

⁶⁾ Егоръ, товарищъ Герцена по университету, вятскій уроженецъ.

⁷⁾ Боже Великій.

въ Петровскихъ, и этотъ человекъ—человѣкъ! Въ Перми видѣлъ я Оболенскаго,—дай Богъ ему здоровье.

Salut et amitié.

Herzen.

Писано: 18 іюля, Вятка.

Отправлено 28 іюля.

Пишите ко мнѣ съ сею оказією. Долго не получите опять ничего. (Еще Р. S). Приложенную зап... ¹⁾ доставить Ол. В. Пасекъ.

65. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

7 августа 1835 г.

Другъ мой, Наташа! Отнюдь не хотѣлъ тебя испытывать, меня судьба хочеть всѣмъ испытывать! Впрочемъ, я недавно писалъ къ тебѣ и къ Emilie, но ты еще не могла получить.

Я нѣсколько воскресъ, нѣсколько сталъ выше обстоятельствъ, но душа моя еще больна, раны закрылись, но горе, ежели кто къ нимъ притронется! Со всякимъ днемъ я болѣе и болѣе разочарываюсь въ людяхъ. «Ихъ сердце—камень, ихъ слезы—вода, люди—порожденіе крокодиловъ»,—какъ говорилъ Шиллеръ, проведшій всю жизнь въ любви къ людямъ. Еще когда люди просто злы, просто злодѣи, тогда они, по крайней мѣрѣ, имѣютъ свою фізіономію. Но обманщики,—обманъ унижаетъ человекъ до послѣдней степени. Измѣна! Ужасное слово! Но не былъ ли я когда-нибудь измѣнникомъ? Я когда-то любилъ, а теперь не люблю. ¹⁾ Но я любилъ откровенно, отъ души, и разлюбилъ откровенно, отъ души. А, впрочемъ, это доселѣ клеймитъ меня, это—пятно. Зато я здѣсь былъ славно обманутъ. Я все могу перенести, кромѣ обмана; обманутый всегда шутъ, надъ нимъ смѣются. Впрочемъ, за всякую опытность благодарю душевно судьбу, опытъ—дивная вещь; но да не испытаетъ душа твоя *опытовъ*, пусть она... ²⁾ и свѣтла, и чиста, пусть твоя душа будетъ мѣстомъ отдохновенія моей души. О, какъ я благодарю Бога, что мы братъ и сестра, но нѣтъ,—мы болѣе, мы ближе!

«Что такое дружба?»—спросилъ онъ.—«Два пальца на одной рукѣ, соединенные, но не одно»,—отвѣчала Эсмеральда ³⁾.

«Что такое любовь?»

¹⁾ Вырвано.

²⁾ Тоже.

³⁾ «Соборъ парижской Богоматери», В. Гюго.

«Два существа, соединяющіяся для составленія одного ангела».

А прогос, прочти этотъ романъ: «Notre-Dame de Paris» ¹⁾. Егоръ Ив. пусть достанетъ. Ты пишешь, что я здѣсь веселюсь!.. ²⁾ вретъ. Не завидуй этому веселью.

Ал. Герценъ.

◆◆ 1. Очевидно, подразумѣвается любовь къ Л. В. Пассекъ (см. №№ 33, 34 и «Былое и думы»).

66. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

(1835).

Вятка.

Другъ мой, Наташа! Ты знаешь причины, по коимъ я сталъ рѣже писать къ тебѣ; ни слова объ этомъ.

Поздравляю тебя съ твоими именинами; я знаю, что вниманіе и въ дружбѣ утѣшаетъ; я думаю, ты получила и подарокъ, о коемъ я писалъ; я въ твои именины былъ на огромномъ обѣдѣ и пилъ за твое здоровье чистѣйшимъ клико ³⁾.

Наконецъ, и здѣсь нашелъ я одного человѣка, съ которымъ немного покороче, это—для меня необходимость; я часто говорю съ нимъ о тебѣ, мой другъ, даже показываю иногда твои письма ⁴⁾. Ты пишешь о скоромъ свиданіи, — я не думаю, чтобъ оно очень скоро было.

Въ «Легендѣ» я прибавляю новый опытъ своей души, тамъ хочу я выразить, какъ самую чистую душу увлекаетъ жизнь пошлая, такая, которую я веду здѣсь ⁵⁾. Жизнь та же, которую ведутъ *всѣ*.

Часто, другъ мой, беру я твой медальонъ; много мнѣ говоритъ онъ; ты—чистая сторона моей жизни, ея поэтическая сторона, ибо наша дружба — поэзія, въ ней даже не участвуетъ мое славолюбіе, которое участвуетъ у меня во всемъ. Это самое святое чувство. О, Наташа, когда же, когда же я опять увижу тебя!

Ты все пишешь объ уединеніи отъ свѣта... и я опять повторю, что смѣшно бросать запечатанное письмо, не читая его. Впрочемъ, въ семъ отношеніи положеніе дѣвицъ лучше нашего; вы и такъ далеко отъ свѣта, и ежели ваша жизнь такъ же полна, какъ наша,

¹⁾ «Соборъ Парижской Богоматери», В. Гюго.

²⁾ Вырвано.

³⁾ И вдобавокъ былъ пьянъ ужасно. А. И. Г.

⁴⁾ Вѣроятно, Гавріиль Каспаровичъ Эрнъ.

⁵⁾ Позднѣйшая приписка Герцена: «И не написалъ ничего».

она отстранена отъ *жизни* собственно,—ты понимаешь смыслъ, въ которомъ я употребляю это слово.

Прощай, прощай, посылаю тебѣ братскій поцѣлуй.

Алек. Герценъ.

Эмил. Мих. salut et amitié ¹⁾).

67. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

6 сентября 1835.

Вятка.

Другъ мой, Наташа! Грустна твоя прошлая записка. Ты давно не получала отъ меня писемъ, но, я думаю, съ тѣхъ поръ получила три. Трудно мнѣ было отказывать тебѣ и себѣ въ этомъ, но я какъ-то окрѣпъ, привыкъ ко всякаго рода лишенію. Какъ давно не читалъ я ни строки отъ О. Повторяю тебѣ: твои записки на меня имѣютъ дивное дѣйствіе; это—струя теплоты на морозѣ, дыханіе ангела на мою больную грудь. Завидую твоей чистотѣ, святости твоей души. Я, впрочемъ, не совѣмъ падшій, я понялъ то наслажденіе, которое ты испытала на крестинахъ у крестьянина. Люблю я народъ, люблю, несмотря на его невѣжество, на его униженный, подлый характеръ, ибо сквозь всей этой коры проглядываетъ душа дѣтская, простота, даже что-то доброе. Встрѣча твоя съ солдатомъ нашла еще живѣйшій отголосокъ въ сердцѣ ссыльнаго. Много видѣлъ я теперь несчастныхъ, но одного не могу забыть ²⁾). Теперь мнѣ здѣсь немного лучше; во-первыхъ, потому, что я потерялъ послѣднюю надежду скоро возвратиться; во-2-хъ, потому, что губернаторъ обратилъ вниманіе на меня и употребилъ на дѣло, болѣе родное мнѣ: на составленіе статистики здѣшней губерніи. Смѣшной у меня нравъ, — я, какъ кокетка: бѣда, ежели на меня не обращаютъ вниманія, я вяну тогда ³⁾). Вниманіе друзей избаловало меня.

7 сентября.

Вчера былъ на бумажной фабрикѣ. Чудное впечатлѣніе сдѣлали на меня машины! Огромныя колеса влекутся съ бѣшенствомъ какою-то невидимой силой, обращая бездну другихъ колесъ съ трескомъ и шумомъ. Я сошелъ внизъ, и одна скользкая, мокрая

¹⁾ Поклонъ и дружба.

²⁾ Приписано позже Герценомъ: «Встрѣча въ Перми». Рѣчь идетъ о Цѣхановичѣ, описанномъ во «Второй встрѣчѣ».

³⁾ Позднѣйшая приписка Герцена: «вотъ одна изъ причинъ паденья».

доска отдѣляла меня отъ этого ада; стоило оступитья, чтобы погибнуть, но я остановился; трескъ, шумъ, обращеніе колесъ,—все это наполняло меня чѣмъ-то поэтическимъ. Нѣмецъ, водившій меня, сказывалъ, что когда-то солдатъ поскользнулся и упалъ; черезъ секунду выбросило его голову, и колесо облило кровью стѣну и потомъ выбросило ¹⁾

68. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

1 октября 1835.

Вятка.

Другъ Наташа!

Много получилъ я вчера писемъ: два твои и еще одно; — воскресили опять, какъ и всегда, меня. Это ты уже знаешь,—буду прямо отвѣчать.

Ты что-то пишешь въ предпрошлой запискѣ о любви, — неужели ты думаешь, что я здѣсь влюбленъ? Это смѣшно, тогда бы я просто написалъ тебѣ все. Но еще вопросъ, былъ ли я когда-нибудь влюбленъ? У меня была потребность любить,—неопредѣленное, но сильное чувство, нѣмое и тяжелое. Тогда явилось мнѣ существо несчастное, убитое, и, мнѣ казалось, я полюбилъ его. Но душа моя уже не была тогда юною, я тратилъ свою жизнь, свои страсти въ безумныхъ вакханаліяхъ. Если-бы я былъ тогда чистъ, я весь предался бы любви. Тутъ я увидѣлъ, что идеаль мой не осуществленъ, но я былъ любимъ. Вотъ ужасъ! Я обрадовался, когда меня взяли, думая, что разлука заставитъ забыть ее, но забылъ, что любовь должна была еще сильнѣе сдѣлаться за мои страданія и несчастія... ..У меня же съ половины 1834 года не было ни искры любви, было одно раскаяніе. Пріѣхавши въ Пермь, я развернулъ ея записки... содрогнулся и, не имѣя духа перечитать, бросилъ ихъ въ огонь, ибо преступленіе, измѣна съ моей стороны. Но развѣ я виноватъ, что ошибся, принявъ неопредѣленное чувство любви за любовь *къ ней*? Развѣ я виноватъ, что она такъ далека отъ моего идеала? ¹⁾ Ты, сестра, ты ближе, несравненно ближе къ моему идеалу, нежели она. Что же касается до обмана, о которомъ я тебѣ писалъ отсюда, тутъ не было любви, меня обманули *изъ денегъ*, но обманули такъ діавольски, что, кромѣ женщины, никто не могъ бы этого сдѣлать. Въ то время, какъ я думалъ своею душою поднять одну падшую душу, я былъ въ дуракахъ, и самолюбіе мое было обижено.

¹⁾ Дальше оторвано.

Я сколько ни ломалъ головы, не могу догадаться, въ кого влюблена Emilie; напиши мнѣ, пожалуйста. Я принимаю въ ней самое искреннѣйшее участіе, ибо и ея душа знала страданія, и душа поэтическая. ²

Радъ душевно, что ты нашла друга. ³ Но время, но опытъ—единственныя права, чтобъ дружбу признать истинною. Что значить имѣть друга, это я знаю; что значить ошибиться въ человѣкѣ—и это я знаю: это кусокъ мяса, отодранный отъ своего сердца, горячій и кровавый. Не всегда тотъ, кто дѣлается изъ друга равнодушнымъ человѣкомъ, сначала обманываетъ; нѣтъ, есть люди, въ которыхъ тлѣетъ что-то благородное: они вспыхиваютъ при созвучіи съ душою пламенной. Но есть ли довольно твердости въ нихъ, чтобъ поставить дружбу выше всего и скорѣе перенести все, нежели оцарапать, помять дружбу? *Обстоятельства, жизнь*—вотъ девизъ, подъ знаменемъ котораго эгоизмъ мертвитъ все. Я любилъ Вадима и Тат. Петр. ¹),—и что же вышло изъ нихъ подъ влияніемъ обстоятельствъ? А Огаревъ? Теперь мы совсѣмъ разлучены, но ты права—развѣ разстояніе дѣлится? Это смѣшно.

Я все еще не совсѣмъ устоялся; знаю это, потому что теряю пропасть времени, играю въ карты—очень неудачно, куртизирую *кое-кому* гораздо удачнѣе. Здѣсь мнѣ большой шагъ надъ всѣми кавалерами, кто же не воспользуется такимъ случаемъ? Впрочемъ, шутки въ сторону, здѣсь есть одна премиленькая дама ²), а мужъ ея больной старикъ; она сама здѣсь чужая, и въ ней что-то томное, милое, словомъ, довольно имѣетъ качествъ, чтобы быть героиней маленькаго романа въ Вяткѣ, — романа, коего авторъ честь имѣетъ пребыть; заочно цѣлую тебя.

Ал. Герценъ.

◆◆ 1. По поводу любви Герцена къ Людмилѣ Васильевнѣ Пасекъ Т. П. Пасекъ сообщила сравнительно со всѣми другими очень много, но и здѣсь ея свидѣтельство, какъ очевидца, нуждается въ очень серьезныхъ поправкахъ.

Прослѣдимъ за ея рассказомъ.

«Послѣ окончанія университета уже ничто не мѣшало Сашѣ упиваться любовью къ своему ландышу и любоваться имъ. Любовь его была искренна, какъ и всѣ чувства юности. Онъ не дѣлалъ себѣ анализа, пока страсть брала верхъ надъ всѣмъ, предложилъ Маріи (замаскированное имя Людмилы—*М. Л.*) объявить семейству,

¹) Пасеки.

²) Прасковья Петровна Медвѣдева.

что онъ просить ея руки и, какъ только позволятъ обстоятельства, на ней женится.

«— Если я объявлю о твоёмъ предложеніи моему семейству, это тебя свяжетъ, — отвѣчала она; я вѣрю твоему благородству и твоей любви... если же измѣнишься... да нѣтъ, это невозможно... сердце, какъ твое, измѣнять не можетъ.

«И онъ былъ увѣренъ въ неизмѣнности своихъ чувствъ. Когда же, сверхъ чаянія, сталъ охладѣвать, то не могъ устоять и не воспользоваться свободой, предоставленной ему этой благородной дѣвушкой» (т. II, стр. 7).

Въ юлѣ 1834 г., послѣ ареста Огарева «Саша попросилъ меня прійти къ нимъ обѣдать, а кстати и проститься съ его отцомъ. Послѣ обѣда онъ позвалъ меня въ свою комнату и, взявши за руку, не твердымъ голосомъ сказалъ:

«— Таня, ради Бога, скажи, что мнѣ дѣлать? я совсѣмъ теряюсь: Никѣ взять, наши сердятся, съ Маріей не знаю, какъ быть, не знаю, какъ развязаться.

«Я была поражена. Я давно видѣла, что онъ сталъ къ ней холоднѣе, но чтобы охлажденіе дошло до такого градуса—не ожидала и не знала, что сказать.

«— Что же ты молчишь? — продолжалъ онъ:—дрожь пробѣгаетъ по мнѣ, когда представляю себѣ объясненія, укоры, слезы; что ты скажешь?

«— Не знаю, Саша,—отвѣчала я, чувствуя страшное замираніе сердца.—Кажется, лучше всего поступить, какъ говорить совѣсть.

«— Не могу думать. Спрашиваю тебя.

«— Какъ далеко зашла ваша любовь?

«— Въ чистотѣ нашихъ отношеній, конечно, не можешь сомнѣваться. Я предлагалъ ей жениться, она не связала меня словомъ, дастъ ли ей счастье бракъ безъ любви?

«— Твоя перемѣна убьетъ ее.

«— Меня убьетъ цѣпь безъ чувства любви,—быстро возразилъ онъ:—вѣдь, мнѣ только двадцать два года!

«Онъ грустно задумался и спустя минутъ пять сказалъ:

«— Неужели я долженъ счастьемъ всей жизни заплатить за порывъ первой молодости?

«— А ей можно? Кромѣ нашего личнаго счастья, есть счастье и другихъ. Въ правѣ ли мы имъ жертвовать ради своего удовольствія, пожалуй, даже счастья? жизнь ея будетъ разбита и навсегда. Не отзовется ли ея несчастье и на твоей жизни?

«— Быть можетъ, а ты думаешь, прибавить ей счастья, если женюсь изъ чувства долга? Притворяться, что любишь, да развѣ

такое натянутое положеніе возможно? Боже мой, куда это я впутался!

«— За что ты разлюбилъ ее?»

«— Почему я знаю. Логика любви коротка,—отвѣчалъ онъ раздражительно:—любишь потому, что любишь, не любишь потому, что не любишь. Легко любить ни за что, и очень трудно за что-нибудь.

«— Въ любви твоей ея жизнь. Неужели тебѣ не жаль ее.

«— Прибавить ли ей жизни бракъ безъ любви. Я буду губить ее своимъ несчастіемъ. Быть близкимъ изъ состраданія—одинъ изъ тягчайшихъ крестовъ. Мнѣ и такъ тяжело.

«— Ты скоро утѣшишься, она—никогда; съ твоей угаснувшей любовью угаснетъ жизнь ея сердца.

«— Да, вѣдь, и отношенія внѣ свободной любви не прочны, они или разрушаются, или разрушаютъ.

«— По крайней мѣрѣ, объяснись съ ней дружески, съ теплотой; прости съ любовью и благодарностью съ прошедшимъ. Слезъ, укоровъ не бойся—ихъ не будетъ. Я ее знаю. Такой разрывъ будетъ человѣчнѣе, онъ оставитъ хоть одну свѣтлую черточку въ душѣ.

«— Едва ли. Не достанетъ силъ. Я усталъ отъ своей любви. Отдаюся на волю судьбы.

«Судьба рѣшила такими мѣрами, которыя ни мнѣ, ни ему даже и въ голову не приходили»,—Герцена арестовали (т. II, 26—27).

«Пока увлеченіе брало верхъ надъ всѣмъ, онъ не дѣлалъ себѣ анализа и не сомнѣвался въ своей вѣрности; когда же сверхъ чаянія замѣтилъ, что чего-то недостаетъ ему, то сталъ искать пополненія въ товарищахъ; это вызвало въ ней огорченіе, упреки, какъ онъ послѣ рассказывалъ, а въ немъ на нѣсколько градусовъ упадокъ чувства, затѣмъ охлажденіе.

«...Когда она узнала, что онъ женатъ, ни жалобы, ни укора не сорвалось съ ея устъ, только смертная блѣдность распространилась по лицу (это было при мнѣ): все горе, все страданье безмолвно замкнулось въ ея груди и навсегда. Съ той минуты она и имени его не произносила, какъ будто его и не существовало никогда. Впослѣдствіи ей много представлялось хорошихъ партій—она всѣмъ отказала. Она осталась вѣрна воспоминанію, а, можетъ, и чувству...» (т. II, 21).

Какъ будетъ видно дальше, Герценъ, умѣвший излишне строго относиться къ самому себѣ и отличавшійся безусловной правдивостью въ письмахъ, понималъ и чувствовалъ иначе, чѣмъ рассказала Пассекъ, у которой сквозить, во-первыхъ, замоскворѣцкая мудрость: «стерпится — слюбится», во-вторыхъ, односторонній

обвинительный тонъ въ отношеніи Герцена и полное непониманіе существовавшихъ между молодыми людьми отношеній.

Въ другомъ мѣстѣ того же тома Пассекъ говоритъ о неизвѣстномъ до сихъ поръ письмѣ Герцена къ ней изъ Вятки 1835 г., въ которомъ онъ сообщилъ, что «передъ отъѣздомъ у него вышла непріятность съ нашимъ семействомъ (Пассековъ), такъ глубоко огорчившая его, что онъ разорвалъ всѣ отношенія съ ними и навсегда. Причины этой непріятности онъ не объяснилъ, жаловался на оскорбленія, полученныя имъ въ лицѣ его матери; въ чемъ-то туманно оправдывался, чего мы вполне не могли понять; говорилъ, что онъ находится въ глубокой тоскѣ, надѣется не жить долѣе тридцати лѣтъ, что порядочному человѣку долѣе тридцати лѣтъ жить и не слѣдуетъ, и окончилъ тѣмъ, что такъ какъ мы непричастны его непріятностямъ съ нашими и если отъ него не отрекаемся, то онъ по прежнему намъ другъ». По справкамъ, наведеннымъ Вадимомъ Пассекомъ, выяснилось, что была небольшая размолвка у его брата, Діомида, съ Луизой Ивановной, но прошла безслѣдно, и семья Пассековъ «продолжала навѣщать Сашу до его отъѣзда изъ Москвы» (стр. 237—238). Уже одного указанія на эти посѣщенія, которыхъ на дѣлѣ не было, достаточно, чтобы начать сомнѣваться и въ вѣрной передачѣ письма Герцена, а если прибавить сюда весьма плохо замаскированное желаніе Т. Пассекъ снова бросить въ Герцена камнемъ за Людмилу, то происхожденіе этого разсказа дѣлается еще болѣе понятнымъ. Повторивъ его вкратцѣ нѣсколькими страницами дальше, Пассекъ дѣлаетъ заключеніе: «повидимому, Александръ, искалъ повода отдалиться отъ нашихъ» (стр. 267)...

2. Э. М. Аксбергъ была влюблена въ Н. М. Сатина, о чемъ, Н. А.—на говоритъ на стр. 39 т. VII Спб. изданія: «Эмилиа любитъ Николая Сатина; когда его семейство было здѣсь (въ Москвѣ—*М. Л.*) она у нихъ очень часто бывала; мать и сестра его любятъ ее ужасно, а онъ пишетъ ей, что не можетъ жить безъ нея... Онъ давно нравился ей, но она не говорила, что любитъ его, думая, что онъ только куртизируетъ ей, даже и мнѣ долго-долго не говорила о любви; вдругъ приходитъ ко мнѣ съ кольцомъ на рукѣ, которымъ обручилась съ Н., и говоритъ, что дала ему слово».

3. Близкой Н. А.—нѣ была Александра Александровна Боборыкина, дочь помѣщика. Н. А.—на писала объ этомъ Герцену: «Сашу Бобор. я не назову моимъ другомъ, но въ ней такъ много благороднаго, душа ея такъ близка моей душѣ, такъ созвучна съ нею, что я могу назвать ее сестрой, и свиданіе съ нею всегда мнѣ приноситъ большое удовольствіе» (т. VII Спб. изд., 39).

69. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

12 октября 1835.

Вятка.

«Съ 1833 года ты писалъ ко мнѣ 51 разъ; слѣдственно, 51 разъ думалъ и помнилъ обо мнѣ!!» Наташа! Развѣ нужно въ нашей дружбѣ еще дѣлать увѣренія? Развѣ ты думаешь, что я *могъ бы только* 51 разъ думать о тебѣ? о *тебѣ!*

На-дняхъ я видѣлъ сонъ ужасный; этотъ сонъ не отъ Бога. Въ Москвѣ мы сидѣли съ тобою у папеньки въ горницѣ, кто-то взошелъ и спросилъ меня: «Это сестра твоя?» Я молчалъ. Папенька сказалъ: «Нѣтъ, не сестра!», и что-то въ душѣ моей прокричало прегромко: «нѣтъ, нѣтъ, не сестра». И вдругъ я у насъ, въ саду одинъ; мѣсяцъ свѣтилъ, и какая-то вода шумѣла, волновалась возлѣ; я лежалъ подъ деревомъ и мнѣ было душно отъ тысячи страстей. Вдругъ подходитъ ко мнѣ Эрнъ (здѣшній пріятель мой) ¹⁾ и съ хохотомъ говоритъ: «Ну, что твоя высокая дружба, твоя братская любовь? Одинъ обманъ себя и другихъ». Онъ захохоталъ еще, и я проснулся въ какомъ-то бѣшенствѣ. Не размышляй объ этомъ снѣ, онъ ужасенъ, онъ не отъ Бога. Я его забыть не могу, и вообрази, что я доселѣ какъ будто сержусь на Эрна за то, что видѣлъ во снѣ его смѣхъ. Но знаешь ли, что всего ужаснѣе? Эта мысль уже не новая, она явилась мнѣ разъ на яву. И когда же? Въ Крутицахъ, когда ты была у меня, я держалъ твою руку. Эта мысль представилась, я вспыхнулъ въ лицѣ и отдернулъ руку, и проклялъ мысль сію. И вотъ она явилась во снѣ. *Забудь это!!* Я себя называлъ падшимъ,—да, я падшій. Зачѣмъ, зачѣмъ ты подошла такъ близко къ моему существованію? Оно увлечетъ въ бездну, въ ту бездну, гдѣ кипятъ страсти и волнуются; тамъ видно небо, но одно отраженное небо. Не сходи въ эту пропасть. Я весь взволнованъ, дай отдохнуть...

14 октября.

Наконецъ, я имѣю вѣсть отъ него, отъ О., — какъ грустна эта вѣсть! О, сколько перестрадали мы съ іюля 1834! Но душа его все та же обширная и глубокая. ¹ И отъ тебя двѣ записочки. *Ты и онъ*—понимаешь ли это раздвоеніе самого меня? въ тебѣ и въ немъ часть моей души. Въ васъ много перемѣнилось отъ прикосно-

¹⁾ Гавриилъ Каспаровичъ, старшій братъ М. К. Рейхель, служилъ при вятскомъ губернаторѣ.

венія со мною, и тѣмъ ближе мы. Вотъ моя рука тебѣ на вѣчную дружбу, *на вѣчную симпатію*.

Вотъ что: я нѣсколько сумасшедшій; да, тогда, когда одинокій и безъ занятій и безъ мыслей я пережигая страстями свою душу. Я дошелъ до величайшей нелѣпости. Любить,—можно ли жить съ моею душой, съ моимъ бѣшенствомъ безъ любви? Любить, стало быть. Но мысль соединить свою жизнь съ жизнью женщины обливаетъ меня холодомъ. Понимаешь ли ты глупость любви, которая не ищетъ полного обладанія предметомъ своимъ? Это чортъ знаетъ что! Вотъ тутъ сейчасъ и откроется нелѣпость, до которой я дошелъ: есть среднее чувство между *земною любовью и дружбой*. Я давно верчусь около этой мысли, но не писалъ ее тебѣ. Зачѣмъ же пишу теперь? Зачѣмъ,—а я почему знаю, зачѣмъ? Ужъ написано, и я считаю себя не въ правѣ отнять у тебя писанное тебѣ.

Нѣтъ, не я очистилъ твою душу, это—вздоръ: я отворилъ тебѣ дверь въ міръ другой, не въ тотъ, въ которомъ толпа,—и больше ничего; я былъ привратникъ, не болѣе. Ты увидѣла, что ты дома въ этомъ мірѣ, въ мірѣ ангеловъ, а я, падшій, остался у дверей. Ахъ, это прощаніе въ Крутицахъ! Ты точно тогда ангеломъ слетѣла ко мнѣ.

Да, вѣришь ли ты этому чувству между любовью и дружбой? Еще болѣе, я сдѣлаю вопросъ страшный, оттого что я теперь, въ сію минуту, безумный, иначе онъ не сорвался бы у меня съ языка. *Вѣришь ли ты, что чувство, которое ты имѣешь ко мнѣ, одна дружба? Вѣришь ли ты, что чувство, которое я имѣю къ тебѣ, ОДНА ДРУЖБА?*

Я не вѣрю.

Твой Ал. Герценъ.

15 октября.

Ради Бога, твой силуэтъ, да чтобъ былъ очень похожъ, иначе не хочу. Нѣтъ, когда я смотрѣлъ на комету, я не думалъ о тебѣ, откровенно признаюсь, ибо я ѣхалъ ночью съ вечера, почти пьяный; вдругъ комета въ глаза. Я тогда думалъ о картахъ, о винѣ и пр.

Журнала своего я не пишу, мой журналъ былъ бы хуже всякаго угрызенія совѣсти. Силуэтъ здѣсь некому снять. Прощай. ²

◆◆ 1. Огаревское письмо отъ 29 августа начиналось словами: «Наконецъ, письмо отъ друга!» Ясно, что Герценъ написалъ ему въ концѣ іюля или въ самомъ началѣ августа, но письмо мною нигдѣ не найдено. Отвѣтъ Огарева напечатанъ въ IX кн. «Рус. Мысли» 1888 г. съ невѣрной датой 1836 года. Изъ него видно, что

Огаревъ долженъ былъ писать тайкомъ отъ отца: «бѣда, если переписка узнается моимъ отцомъ».

2. 3 сентября Н. А — на писала Герцену: «Ахъ, другъ мой, я къ тебѣ съ просьбой: вечеромъ, когда тебѣ не захочется ничего дѣлать, вели кому-нибудь снять съ себя силуэтъ и пришли эту бумажку мнѣ; это можно сдѣлать въ одну минуту, и ты не можешь соскучиться сидѣть безъ движенія. Я вчера цѣлый вечеръ сидѣла недвижно, двадцать разъ снимали съ меня силуэтъ, и никто не могъ сдѣлать похоже, а я хотѣла сдѣлать его послѣ въ миниатюрѣ и послать къ тебѣ». Необходимо маленькое поясненіе. Когда не существовало фотографіи, а дагеротипъ дорого стоилъ и требовалъ сравнительно большихъ хлопотъ, тогда силуэты, изготовляемые дома, были въ большемъ употребленіи, особенно между влюбленными, жившими на разстояніи.

Это письмо—очень важный моментъ въ отношеніяхъ молодыхъ людей. Оно было отвѣтомъ на слова Н. А—ны отъ 24 сентября: «Еще ребенкомъ я любила тебя безъ памяти, боялась тебя и каждое слово твое было мнѣ законъ; я прыгала отъ радости, когда ты обращалъ на меня вниманіе, и всегда завидовала Тат. Петр., всегда спрашивала ее о всемъ твое мнѣніе и твои мысли» (т. VII Спб. изд., 29, 34—35).

Изъ письма Пассекъ къ Н. А. Огаревой въ 1886 г. видно, что Н. А—на, дѣйствительно, очень страстно относилась ко всему, что касалось ея кузена (Румянц. музей).

На это письмо Н. А—на, между прочимъ, отвѣчала: «Вѣрю, вѣрю, что насъ съ тобою соединяетъ дружба: дружба самая высокая, которой нѣтъ примѣра. На землѣ у меня нѣтъ существа драгоцѣннѣе тебя, я люблю тебя болѣе всѣхъ на свѣтѣ. Ежели это чувство болѣе, выше дружбы, — я не умѣю назвать его, но вѣрю ему. Никогда, никогда я не буду любить, никогда не позволю никакому чувству въ душѣ моей стать выше того чувства, которое я имѣю къ тебѣ. Мнѣ любить значитъ найти существо выше, достойнѣе тебя, но я никогда его не найду. Въ душѣ моей одно чувство выше любви къ тебѣ—любовь къ Богу, но эти два чувства такъ тѣсны, такъ соединены между собою: безъ любви къ Богу я не могу любить тебя, безъ любви къ тебѣ не могу любить Бога. Ежели дружба не можетъ такъ сблизить два существа, не можетъ подняться такъ высоко, пусть это будетъ чувство *между земною любовью и дружбой*. Когда я думаю несогласно съ тобою, я обманываюсь. А ты вѣришь ему?» (т. VII Спб. изд., 40—41).

70. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

12-ноября 1835.

Вятка.

Natalie! Давно я не писалъ къ тебѣ; что дѣлать,—давно не была душа моя чиста и свѣтла. Нѣтъ, моя теперешняя жизнь дурна; какъ я ни стараюсь стать выше всего этого, не могу. Ссылка хуже тюрьмы. Шумныя удовольствія, коими я иногда хочу убить время, оставляютъ пустоту, туманъ. И нѣтъ души созвучной... правда, есть здѣсь одно существо, которое понимаетъ меня, существо, наполненное поэзій,— это та дама ¹⁾, о которой я какъ-то разъ тебѣ писалъ, шутя, и это существо глубоко избито судьбою и, можетъ, несчастнѣе меня: 15 лѣтъ отдана она замужъ за развратнаго и сквернаго человѣка, и онъ доселѣ живъ и тиранъ ея. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, на то только природа даетъ душу высокую, благородную, чтобы мучить ее? Нѣтъ, эти мученія выдумалъ самъ человѣкъ, некого винить ²⁾.

Еще сосланный—Витбергъ; мы живемъ вмѣстѣ,—человѣкъ колоссальный, художникъ въ душѣ и съ душою высокой. Это важное пріобрѣтеніе для меня. Человѣкъ, который когда-либо создалъ мысль высокую, человѣкъ, который на исполненіе одной мысли посвятилъ всю жизнь, высокъ и еще выше, когда люди отняли возможность у него проявить свою мысль, когда обстоятельства гнетутъ его. ¹

Тебя, я думаю, испугала или удивила моя прошлая записка, которую я окончилъ ужаснымъ вопросомъ о нашей дружбѣ. Я съ трепетомъ запечаталъ ее. Но не бойся никакой истины. Объ этомъ предметѣ мнѣ нельзя было молчать, грудь моя слишкомъ тѣсна, чтобы хранить его молча. Но теперь ни слова болѣе до тѣхъ поръ, пока не получу отвѣтъ твой.

Ты оправдываешь меня въ моемъ поступкѣ, о которомъ я писалъ тебѣ. Нѣтъ, я не правъ, ибо ты не знаешь всѣхъ обстоятельствъ. Я былъ далекъ отъ обмана; но я видѣлъ, что она ³⁾ еще не удовлетворяетъ тому требованію, которое я дѣлаю существу, съ коимъ я могъ бы слить свою жизнь. Зачѣмъ же я увлекъ ее? Зачѣмъ не остановилъ прежде, нежели она, убѣжденная въ моей любви, сказала, что она любитъ меня? Что я увлекъ ее, это не мудрено,

¹⁾ П. П. Медвѣдева.

²⁾ Позднѣйшая приписка Герцена: «Зачѣмъ я пожалѣлъ ее».

³⁾ Л. В. Пассекъ.

я знаю силу своего характера и вліяніе, которое могу имѣть. Зачѣмъ же я воспользовался этимъ, чтобы приковать ее къ себѣ?.. И, можетъ, въ этомъ участвовало самолюбіе...² Зачѣмъ ты, другъ мой, такъ чисто думаешь обо мнѣ? Ты придаешь мнѣ много своего. О, какъ бы я былъ счастливъ, ежели бы былъ то, что ты думаешь! Я краснѣлъ, читая твою записку. Нѣтъ, не отъ излишества благородства обвинялъ я себя, а потому, что я виноватъ. Я много утратилъ души... Тебѣ неизвѣстно, что такое за слѣды, за морщины на сердцѣ оставляетъ развратъ. Увы!

Une mer y passerait, sans laver la tache,
Car l'abîme est immense et la tache est au fond. ¹⁾

О какой особѣ ты говоришь, которую заставлялъ мечтать взглядъ мой?.. Я догадываюсь, но скажи мнѣ просто, *что за секреты?*³

Ты хочешь, чтобы я писалъ къ Emilie о любви ея; пожалуй, но это мудрено. Напиши ей, что я тебѣ пишу, что онъ самый благородный человѣкъ, что онъ поэтъ, что ежели она будетъ его жена, она будетъ счастлива, я ей ручаюсь; но онъ молодъ, я никогда не посоветую ему жениться... а, впрочемъ, у него душа не моя, онъ можетъ быть счастливъ въ тѣснотѣ семейнаго круга, а мнѣ, мнѣ нуженъ просторъ. Прощай, мой другъ, мой ангелъ.

Ал. Герценъ.

◆◆ 1. Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ, о которомъ Герценъ будетъ много говорить, — строитель начатаго и не законченнаго храма Христа Спасителя въ Москвѣ, извѣстный архитекторъ. Онъ прибылъ въ Вятку въ ноябрѣ 1835 г. ²⁾ и очень скоро познакомился съ Герценомъ; черезъ нѣсколько дней они уже жили вмѣстѣ. Анненковъ, на основаніи извѣстныхъ ему писемъ, утверждаетъ, что осторожные московскіе друзья поставили это обстоятельство на видъ сосланному товарищу, боясь, чтобы оно не было истолковано за косвенный протестъ рѣшенію и волѣ правительства. Но Герценъ пренебрегъ такими соображеніями.

Они поселились на Казанской ул., въ домѣ Д. Я. Чарушина, теперь наслѣдниковъ Н. Филиппова; потомъ Чарушинъ былъ другомъ и ученикомъ Витберга.

¹⁾ Цѣлое море прошло бы, не смывъ пятна, потому что пропасть необъятно-глубока, а пятно на самомъ днѣ ея.

²⁾ Пассекъ и неизвѣстный авторъ біографіи Витберга («Рус. Стар.» 1876, X, 273) ошибочно относятъ ихъ знакомство къ 23 ноября.

2. 15 октября Н. А—на писала: «За что дѣлаешь себѣ упрекъ? Развѣ можно назвать измѣной, преступленіемъ равнодушіе съ твоей стороны къ той особѣ, которою ты былъ любимъ? Нѣтъ, ибо я знаю нѣкоторую особу, которая также восхищалась тобою, видя, можетъ быть, половину твоихъ достоинствъ, и довольно бы было одного твоего взгляда, чтобы заставить ее *мечтать*; но ты не зналъ этого и не замѣчалъ и виновать ли въ этомъ?» (т. VII Спб. изд., 38).

3. Н. А—на отвѣчала: «Не любопытство ли, не самолюбіе ли это? Я не могу сказать этого. Конечно, тебѣ все равно!» (тамъ же, 48). Позже Н. А—на писала: «Теперь у насъ гоститъ дочь священника (А. Г. Кліентова — *М. Л.*). Я думаю, ты помнишь ее, — ее зовутъ Сашей. Тоже прекрасное созданіе, и за что люблю ее болѣе: разъ она писала мнѣ о тебѣ и вмѣсто твоего имени написала А (окруженное лучами). Не правда ли, какъ полно она выразила свое понятіе о тебѣ?» (стр. 118). Вѣроятно, о ней-то и шла рѣчь раньше. Е. С. Некрасова утверждаетъ безъ всякихъ доказательствъ, что въ Герцена была влюблена Э. М. Аксбергъ («Починъ» на 1896 г., 91).

71. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

22 ноября 1835.

Вятка.

Вопросъ начинается разрѣшаться: *гххатъ, а не служить*. Я многое узналъ практически: я служу въ самомъ дѣлѣ. *Не служить* я сказалъ не потому, чтобъ я не могъ служить; я выучился быть подчиненнымъ, я принесъ огромную жертву обстоятельствамъ и вопросу. Повиновеніе, покорность и исполненіе — болѣе ничего. Но внутри кричитъ голосъ: ты утратилъ свою душу,—и я содрогнулся. Несчастія, горести, весь этотъ гнетъ—ничего передъ службой. Стыдъ тому, кого душа устрасится несчастій,—сладки и они; ты говаривалъ, что въ нихъ своя поэзія,—и правъ. Бываютъ минуты, въ которыя досада беретъ верхъ, въ которыя не можешь плюнуть въ глаза обстоятельствамъ и отвернуться отъ нихъ. Но зато другія минуты восторга, сливаясь съ перенесенными бѣдствіями, влекутъ въ тотъ міръ фантазіи, гдѣ широко и разгульно мечтаемъ, гдѣ воля полная страстямъ. Какъ часто одно воспоминаніе о васъ, друзья мои, достаточно, чтобъ возвратитъ покой душѣ!

Изъ всѣхъ писемъ—одно заключеніе: ссылка хуже тюрьмы; это очень справедливо; какая-то ничтожность, *земляность* покрыла

мою душу здѣсь. Для занятій почти нѣтъ времени; цѣлое утро въ канцеляріи, а послѣ обѣда, по большей части, пропадаетъ: les devoirs de la société ¹⁾ маленькаго города обязываютъ всякаго дѣлать глупости. Сначала я развратничалъ, но остановился, вспомнивъ, что я обязанъ беречь свою душу для другихъ ощущеній, и еще болѣе увидѣлъ пустоту этихъ ложныхъ, искусственныхъ чувствъ, стремясь къ настоящимъ.

Пріѣздъ сюда Витберга есть для меня вещь важная. Онъ понимаетъ всякій восторгъ, цѣнитъ всякое чувство, онъ артистъ въ душѣ, артистъ не zum Zeitvertreib ²⁾, а потому, что онъ не могъ бы быть не артистомъ. Въ его головѣ родилась мысль высокая—сбыточная или нѣтъ, что за дѣло? Мысль эта обвила все его существованіе, была сердцемъ его жизни и не удалась. Пусть другіе назовутъ его сумасшедшимъ; я думаю, что онъ — великій человѣкъ среди мелочнаго времени.

Состояніе О. ³⁾ худо и очень; я, по крайней мѣрѣ, когда отдѣлался по службѣ, воленъ. Но этотъ маленькій, непрерывный гнетъ дома страшитъ. Его я хотѣлъ бы видѣть болѣе всего на свѣтѣ, ибо, все-таки, люблю его болѣе всего, люблю просто, какъ его, со всѣми недостатками; въ его душѣ нѣтъ уголка, гдѣ бы не была симпатія съ моей душой; мы сдѣланы изъ одной массы, но въ разныхъ формахъ, съ разной кристаллизаціею.

Но какъ бы то ни было, ты имѣешь право спросить: что же я дѣлаю? Единственная польза, которую я приобрѣлъ, что ближе узналъ нѣкоторыя части законовѣднія и самую Русь. Опытъ—дѣло важное: ежели писаннаго не вырубить топоромъ, то полученнаго опытомъ не выжжешь огнемъ.

Письмо отъ путешественника ⁴⁾ сдѣлало на меня большое вліяніе. Я вамъ повторялъ много разъ, что 1834 годъ окончилъ наши Lehrjahre ⁵⁾, вотъ и новое подтвержденіе—это влеченіе, нѣмое и болѣзненное, не къ мечтѣ, а къ чему-то существующему, эта потребность любви, громко кричащая изъ глубины души, весьма важна. Да, они кончены,—времена безотчетной мечты и юношества! Но der Bestandtheil ⁶⁾ нашего бытія остается цѣлъ и невредимъ. Любовь — высокое слово, гармонія созданія требуетъ ея; безъ нея нѣтъ жизни и быть не можетъ.

¹⁾ Обязанности передъ обществомъ.

²⁾ Для препровожденія времени.

³⁾ Н. П. Огаревъ.

⁴⁾ Н. И. Сазоновъ, былъ тогда въ Италіи и Франціи.

⁵⁾ Учебные годы.

⁶⁾ Основная часть.

Да, вѣдь, и ты влюбленъ,—чтожъ тутъ толковать.

«Одной лишь я любви трушу,

(а признаюсь, здѣсь есть одна дама ¹⁾),—умна, красавица, прелесть, образована и... у ней мужъ старикъ и у того старика нога болитъ)

«А какъ не полюбить буфетчика Петрушу?».

Ну, прощай, другъ; по обыкновенію, я кончилъ глупостью,—нельзя же переродиться... ²⁾ въ Москвѣ ли? Пожми ему руку. Что счастливецъ-путешественникъ, пишетъ ли? Гдѣ онъ? Скоро тебѣ случай будетъ писать ко мнѣ съ Эрномъ; познакомься съ нимъ; онъ былъ бы человѣкъ славный, ежели бы образованіе. Съ нимъ буду писать еще и, можетъ, что либо умнѣе, *dans le cas* ³⁾, ежели самъ поумнѣю. ⁴⁾ Прощай же, доставь, какъ хочешь, письма.

А. Г.

Николкѣ ⁴⁾ хотѣлъ писать, да опоздалъ, буду писать съ Эрномъ.

25 ноября.

Кланяйся Пассекамъ. Я получилъ ихъ письма.

◆◆ 1. Г. К. Эрнъ приѣхалъ въ Москву около 20 декабря 1835 г., нагруженный всевозможными письмами и комиссіями отъ Герцена.

Около того же времени приѣхала въ Вятку двѣнадцатилѣтняя Марія Каспаровна Эрнъ и поселилась съ своимъ братомъ и матерью. Тогда она познакомилась съ Герценомъ, съ которымъ до самой его смерти была въ истинно дружескихъ отношеніяхъ. «Онъ произвелъ впечатлѣніе. Какъ теперь помню,—говоритъ М. К.—его оживленную фізіономію, его сѣрые, живые глаза; худой, средняго роста, съ огромнымъ бантомъ (на галстукѣ), онъ сидѣлъ на стулѣ со шляпою въ рукахъ и оживленно говорилъ... Герценъ далъ совѣтъ везти меня въ Москву и отдать въ пансіонъ. Въ Вяткѣ я очень скучала, мать моя заставляла меня работать и, между прочимъ, дѣлать переводы, которые я должна была показывать Герцену; мнѣ было конфузно, а ему, вѣрно, неинтересно. Къ счастью, мы скоро собрались въ путь; моя мать, братъ и я отправились въ декабрѣ въ Москву» («Отрывки изъ воспоминаній», 13).

¹⁾ П. П. Медвѣдева.

²⁾ Фамилія не разобрана.

³⁾ Въ случаѣ.

⁴⁾ Вѣроятно, Н. И. Сазоновъ.

72. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

25 ноября (1835).

Ну, слава Богу, я получилъ отвѣтъ на безумное письмо мое; твоя душа такъ высока и чиста, что она его не поняла вполнѣ. Нѣтъ, нѣтъ, вѣрь мнѣ, это былъ бѣшенный порывъ, болѣе ничего, это было изступленіе дружбы. И мудрено ли? Отдаленный отъ всѣхъ друзей, одинъ голосъ вызывалъ меня изъ тяжелаго усыпленія, и этотъ голосъ былъ не мужской, а чистый голосъ, святой голосъ дѣвы, и эта дѣва—ты, да, твои записки всегда пробуждали меня. Отъ этого чувство дружбы и благодарности все усиливалось болѣе и болѣе и, наконецъ, вырвалось судорожно. Почему называю я безумнымъ то письмо, спрашиваешь ты? — потому, что въ немъ затмнено чувство дружбы другимъ чувствомъ, — да, тогда, когда я писалъ это, я былъ не братъ тебѣ, но твоя записка все исправила; ты подобна той дѣвѣ изъ чужбины, о которой мечтаетъ Шиллеръ, которая своимъ достоинствомъ, своею высотой оттолкнула все земное ¹⁾. Ты приказывала мнѣ писать къ Emilie о ея любви, исполню это, но именно, какъ приказъ, не по своей волѣ. Я съ ней не такъ близокъ, чтобъ писать о подобныхъ предметахъ. Да и о чемъ тутъ совѣтовать? *Онъ любитъ, она любитъ*, — все дѣло въ шляпѣ. Будутъ ли они счастливы? Разумѣется, онъ благороденъ, имѣетъ много поэзій и мало характера. Впрочемъ, рано ему жениться. И потому прежде, нежели я напишу рѣшительно, уговори ее, чтобъ она написала мнѣ, хоть строчку, объ этомъ, я тогда буду въ правѣ. Не сердись, что я мало пишу,—ужасно усталъ и что-то не способенъ ни къ чему, а потому прощай, *сестра моя*.

Твой братъ А. Герценъ.

Отдери остальную часть и пошли Emilie.

73. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

5 декабря 1835.

«C'est bien plus que la terre et le ciel—c'est l'amour» ²⁾.

V. Hugo.

Другъ мой Наташа! Твоя записка отъ 18 ноября упрекаетъ меня въ недостаткѣ самоотверженія, въ томъ, что я противорѣчилъ

¹⁾ Стихотвореніе Шиллера «Das Mädchen aus der Fremde».

²⁾ «Это много больше, чѣмъ земля и небо, это—любовь!» В. Гюю.

себѣ... ¹ Помнишь ли ты, сколько разъ я твердилъ тебѣ, что ты слишкомъ поэтически поняла мой характеръ. Сальный лучъ свѣчи блеститъ, отраженный въ бриллиантѣ. Твоя душа еще такъ свѣжа и такъ небесна, что она отразила въ себѣ одно свѣтлое души моей, и этотъ свѣтъ есть свѣтъ земного огня—много яркости, но дымъ, но копоть, но мракъ съ нимъ не разрывень. Вспомнимъ сначала жизнь мою. Чрезвычайно пламенный характеръ и дѣятельность были у меня соединены съ чувствительностью. Первый ударъ, нанесенный мнѣ людьми, былъ смертный ударъ чувствительности; на могилѣ ея родилась эта жгучая иронія, которая болѣе бѣситъ, нежели смѣшить ¹). Я думалъ затушить всѣ чувства этимъ смѣхомъ, но чувства взяли свое и выразились любовью къ идеѣ, къ высокой мысли, къ славѣ. Но еще душа моя не совсѣмъ была искушена. Развратъ, не совсѣмъ порочный,—порочнымъ я бывалъ рѣдко,—но развратъ, какой бы ни былъ, истощаетъ душу, оставляетъ крупинки яда, которыя всѣ будутъ дѣйствовать.

Une mer y passerait, sans laver la tache,
Car l'abîme est immense et la tache au fond.

Я сказалъ: «не совсѣмъ порочень»; это только потому, что я не былъ холоденъ въ порокахъ. Хладнокровіе, изысканность — вотъ признакъ порока. Это были увлеченія, бѣшенство—тѣмъ хуже; горе душѣ, увлекающейся низкимъ! Ядъ былъ принятъ, но *судьба* готовила уже противоядіе, и это противоядіе—тюрьма. Прелестное время для души! Тамъ я былъ высокъ и благороденъ, тамъ я былъ поэтъ, великій человекъ. Какъ презиралъ я угнетеніе, какъ твердо переносилъ все и какъ твердо выдержалъ искушенія инквизиторовъ! Это—лучшая эпоха моей жизни; она была горька для моихъ родителей, для моихъ друзей, но я былъ счастливъ. За тюрьмою слѣдовала ссылка... Слушай исповѣдь до конца, я съ тобой говорю все, открываю все... Въ Перми я не успѣлъ оглядѣться, но здѣсь, пришедши въ обыкновенную жизнь, окруженный мелочами, смѣшными и подлыми, притѣсненіями маленькими, душа моя упала съ высоты и вмѣстѣ съ потребностью *far niente*, нѣги,—чувственныя наслажденія, и опять развратъ, слѣдственно. Такъ провелъ я нѣсколько мѣсяцевъ... это ужасно! Иногда, получая твою записку, кровь вспыхивала, я стыдился себя, грызъ губы, смотрѣлъ въ щель на тотъ міръ свѣта, откуда упалъ, и—божусь тебѣ — не имѣлъ силъ подняться. Одинъ твой голосъ будилъ меня; онъ одинъ выходилъ изъ того міра,

¹) Вѣроятно, подразумѣвается время, когда Герценъ узналъ о своемъ «незаконномъ» рожденіи.

гдѣ цвѣла моя душа, и я любилъ тебя все болѣе и болѣе, и минуты прощанія нашего ежедневно бродили, какъ сновидѣнїе, въ моей головѣ. Я не занимался и теперь ничего не дѣлаю, ибо занятія по службѣ отнимаютъ бездну времени, я привыкалъ къ вздорной жизни гостиныхъ (и провинціальныхъ); скажу прямо, мнѣ нравилось играть первую роль въ обществахъ, забывая, что это общество въ Вяткѣ!

Наконецъ, душа устала, утомилась; она до того падала, что захотѣла воспрянуть оттого, что увидѣла всю пустоту, ужасную пустоту, наполненную смрадомъ, больнымъ дыханіемъ поддѣльныхъ страстей. Тогда сквозь всего этого тумана блеснула молнія, и при ея свѣтѣ исчезъ туманъ, день еще не насталъ, но туманъ очистился. И это огненное слово было любовь. Сначала я хотѣлъ оттолкнуть эту мысль, или это пророческое чувство, я боялся его; и тогда-то я писалъ, что *не долженъ любить, что боюсь этого чувства*. Но голосъ въ груди былъ слишкомъ силенъ. Опостылѣли мнѣ эти объятія, которыя сегодня обнимаютъ одного, а завтра другого; гадокъ сталъ поцѣлуй губъ, которыя еще не остыли отъ вчерашнихъ поцѣлуевъ. Мнѣ понадобилась душа, а не тѣло. Мысль любви высочайшая, отстраняющая все нечистое, мысль святая, любовь, это—все, ибо самая идея есть любовь, самое христіанство—любовь. Чувство построяющее. Ты говоришь: «докончи начатое тобою». Нѣтъ, я не совсѣмъ погибъ, я не отчаиваюсь въ будущемъ. Прощай, отдохну.

12 декабря.

Маменька пишетъ, что ты посылаешь твой портретъ; жду его съ нетерпѣніемъ; я люблю тебя, люблю твои черты, пусть еще чаще напоминаетъ онъ мнѣ мою Natalie. Прощай. Сегодня у меня болитъ голова, пустота вездѣ—и въ душѣ, и въ сердцѣ, и не хочется думать, и не хочется курить сигару.

Прощай, кланяйся Emilie.

Твой братъ Александръ.

♦♦ 1. 18 ноября Н. А—на, писала: «Вотъ что, мой другъ, прежде ты писалъ мнѣ: «Нѣтъ, любить я не долженъ, это исковеркаетъ меня всего, это — оврагъ, въ которомъ я погублю свою будущность, а моя будущность не мнѣ принадлежитъ»... потомъ еще пишешь: «Я очень боюсь *этого чувства*; оно либо потухнетъ, либо сожжетъ меня». Прочитавъ это, я еще болѣе склонилась передъ тобою, ты еще выше сталъ — что за душа! До какой степени самоотверженіе! Съ твоимъ огненнымъ характеромъ, съ твоею пламенною душой—отдать себя вовсе человѣчеству, побѣ-

дить страсти, заглушить голосъ любви, голосъ сердца!.. Но въ послѣднемъ письмѣ твоемъ: «Любить,—можно ли жить съ моей душой, съ моимъ бѣшенствомъ безъ любви,—любить, стало быть!» Александръ! когда ты забылъ, что ты уже не свой, я напому тебѣ, что ты не долженъ поколебать твердѣйшаго столпа, Христа человѣчества. Сначала я читала твое письмо спокойно, а теперь мнѣ страшно за тебя. Нѣтъ, погоди любить, мой Александръ, докончи начатое тобою» (т. VII Спб. изд., 44).

74. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

25 декабря (1835).

Вятка.

Natalie! Въ твоей запискѣ отъ 2 дек. есть фраза, которую тебѣ самъ Богъ продиктовалъ. Эта фраза однимъ разомъ ярко и звонко проговорила, что ты мнѣ и что я тебѣ, и я перечиталъ сто разъ ее, я поцѣловалъ ее со слезами на глазахъ: «чего бы я ни отдала, чтобъ видѣться съ тобою... Но что же отдать мнѣ? У меня ничего нѣтъ, *кромя тебя*». Другъ мой, да, я твой; да, ты поняла меня; теперь мнѣ ясно, почему ты не испугалась той записки ¹⁾. Ты отдала свою судьбу въ мои руки, я отдалъ самого себя тебѣ. Насъ ничто не разорветъ никогда. «Не бойся меня: я исчезну, ежели это нужно для тебя». Для чего ты это написала? Въ этихъ словахъ кроется мысль холодная, но я молчу,—мало ли что иногда приходитъ въ голову.

Происшествіе, бывшее съ тобою, потрясло меня сильно. ¹ Да, это ужасно—прибавлять несчастье несчастному! Что ты при этомъ не была холодна, этому вѣрю, я разлюбилъ бы тебя, ежели бы ты могла тутъ быть холодною. Есть ужасная вещь—*предопредѣленіе*; но ежели гонить кого, то гонить до гибели. Старайся всѣми средствами затушить эту страсть въ немъ, но помни, что всякое холодное слово—ножъ въ сердце. Я воображаю себя на его мѣстѣ... нѣтъ, этого не могу вообразить, ибо я не могу тебя представить безъ любви ко мнѣ. Грусть на меня нагнало это извѣстіе тѣмъ болѣе, что я не ждалъ его.

Я понялъ тебя въ Крутицахъ, когда ты молчалъ,—пишешь ты,—да, я тогда много понялъ.

Моя тоска, о которой ты говоришь, проходитъ; теперь есть у меня человѣкъ, который понимаетъ всякій восторгъ: поэтъ и не-

¹⁾ Письмо отъ 14 октября.

счастнѣй—Витбергъ. Я не могу жить въ одиночествѣ. Онъ посланникомъ неба явился ко мнѣ. Итакъ, судьба умѣетъ и гнать, и лѣчить раны. Какъ онъ любитъ свою жену ¹⁾, съ какимъ восторгомъ говоритъ о ней! Почему ты съ такимъ пренебреженіемъ говоришь о замужествѣ? Тебѣ довольно дружбы, но то, что ты разумѣешь, ангелъ мой, подъ словомъ дружба, не есть дружба; иначе никогда не вылились бы изъ души твоей эти слова: «я отдалась душою и могу ли дѣлиться ею съ кѣмъ?» Тогда ты могла бы дѣлиться.

Твоей работы портфель я получилъ, благодарю... но знаешь ли, что я съ досадою получилъ его. Я съ чего-то вообразилъ, что посланъ твой портретъ, вмѣсто него—портфель. Мой портретъ у тебя будетъ, Витбергъ сниметъ съ меня для папеньки (замѣть, что великій человекъ нарисуетъ *почти* первый мой портретъ), но я уже просилъ, чтобы тебѣ доставили хорошую копію. Пусть онъ утѣшаетъ тебя въ разлукѣ, а разлука наша долга, Наташа, она не кончится Вяткою. Но, наконецъ, когда все пройдетъ, когда и годы странствованія промчатся, когда опредѣлится путь, по коему я *могу* идти,—тогда, тогда не будетъ разлуки, тогда склоню я голову на грудь твою (ежели она не будетъ принадлежать другому), тогда повѣрю я, что есть полное блаженство, тогда,..... но тогда это—далеко, далеко, ангелъ мой.

Прощай, твой Александръ.

Съ праздникомъ поздравляю и съ новымъ годомъ. Что-то будетъ въ эти новые 365 дней? Грустно встрѣтилъ я 1835 годъ. А помнишь ли 6 января 1834 года у Насакина ²⁾: ты, Emilie и луна—дѣйствующія лица?

◆◆ 1. 26 ноября Н. А.—на писала:

«Другъ мой, со мною было ужасное вчера вечеромъ; ужасное, говорю я, потому что не ужасно ли благородному сердцу огорчить того, кому обязанъ? Ты знаешь, что дѣлалъ для меня Егоръ Ив. (братъ Герцена—*М. Л.*); я имѣла самыя сильныя доказательства его дружбы, всегда была ему признательна и любила его искренно съ дѣтства; когда стала болѣе понимать, цѣнила еще болѣе его одолженія и всегда готова была сдѣлать все для него, что бы могло ему принести удовольствіе. Но любила съ такою довѣренностью, такъ дѣтски... Хотя иногда и замѣчала, что онъ любитъ меня бо-

¹⁾ Авдотья Викторовна.

²⁾ Василій Абрамовичъ Насакинъ, полковникъ, мужъ дочери кн. М. А. Хованской, Наталіи Ѳедоровны, умершей въ 1821 г., а въ 1835 женатый на Олимпіадѣ Андреевнѣ.

лѣе, нежели бы я желала, но пропускала это такъ, безъ вниманія, даже не хотѣла замѣчать. Иногда онъ меня спрашивалъ, поѣхала ли бы я съ нимъ въ Петрозаводскъ, въ Сибирь,—я всегда обращала это въ шутку, смѣялась и говорила, что, какъ ни люблю его, а не рѣшусь съ нимъ ѣхать никуда; потомъ спрашивалъ, пошла ли бы я за него, — опять я смѣялась и показывала, будто принимаю за шутку. Всегда избѣгала случаевъ оставаться съ нимъ одна, но никакъ не давала ему замѣтить этого, чтобы не огорчить его недовѣрчивостью. Вчера мы остались одни за фортепiano (я привыкла къ его ласкамъ), онъ называлъ меня самыми нѣжными именами; вдругъ глаза наполнились слезами, онъ задрожалъ,—ужь и тутъ я испугалась ужасно,—съ необыкновеннымъ чувствомъ спросилъ меня, люблю ли я его столько, чтобы выйти за него? Другъ мой, ты знаешь меня, можешь вообразить, каково мнѣ это было... «Поражайте или дайте жизнь!»—прибавилъ онъ, съ трудомъ произнося слова. Въ то время, какъ слышала я это признаніе любви, сердце мое было такъ далеко, такъ далеко отъ того, кто произносилъ его! Мнѣ жаль его было, ужась, какъ жаль,—но что же было дѣлать? Обыкновенно, въ этихъ случаяхъ у меня рождается необыкновенная твердость. Сердце мое не смущалось, когда я отвѣчала холодно князю Обол. ¹⁾,—посторонній, не заслуживающій вовсе моего вниманія человѣкъ (такіе люди мнѣ всегда надоѣдаютъ),—а тутъ родство, привычка, одолженія, притомъ же, я привыкла его любить,—мнѣ жаль его было, я не могла вдругъ огорчить его, я молчала. «Что-жь, вы не рѣшаетесь дать мнѣ жизнь и сдѣлать ее счастливою на вѣкъ?»—«Я любила васъ всегда, какъ брата, люблю, и...» Онъ не далъ мнѣ договорить: «Какъ брата, не болѣе?» — «Нѣтъ!» — сказала я твердо, не могла болѣе сносить его вида и ушла. Ужасно, мой другъ, ужасно, ей-Богу! Тебѣ невѣроятно это? О, я сама не вѣрю, все это будто сонъ,—и безъ того человѣкъ этотъ убитъ судьбою, и безъ того несчастливъ онъ, а тутъ еще я довершаю его несчастіе! Но что же мнѣ дѣлать? Это свѣрхъ моихъ силъ, я готова для него сдѣлать многое, но ужь это не въ моей власти! Не могу вообразить, что я опять его буду видѣть такъ часто, это—мое мученіе! Сначала онъ дѣлалъ всѣ доказательства, почему я должна непременно выйти замужъ, представлялъ мое положеніе теперешнее и будущее,—что предстоитъ мнѣ впередъ... Не пиши ему объ этомъ (т. VII Спб. изд., 46—47).

Здѣсь умѣстно сообщить подробности объ Егорѣ Ивановичѣ, съ которымъ читателю придется много разъ встрѣчаться, но не

¹⁾ Сергѣй Петровичъ Оболенскій.

придется услышать отъ самого Герцена ничего, кромѣ отдѣльныхъ замѣчаній: онъ не хотѣлъ, какъ и сказалъ въ одномъ мѣстѣ, говорить что-нибудь о своемъ живомъ братѣ.

М. К. Рейхель (урожд. Эрнъ) очень сдружилась съ Егоромъ Ивановичемъ и вообще знала его хорошо. Вотъ что она рассказываетъ:

«Онъ былъ очень музыкаленъ, и, если не ошибаюсь, бралъ уроки музыки у Гебеля и самъ хорошо игралъ, но, отдавая должное корифеямъ музыки, онъ предпочиталъ военную музыку и отлично зналъ всѣ существовавшіе тогда военные марши. Рассказывали про него, что онъ разъ бѣжалъ изъ дому, чтобы поступить на военную службу, но бѣглеца поймали и воротили восвояси. Въ маленькой комнатѣ съ однимъ окномъ проводилъ онъ всѣ свободные часы отъ службы, и въ его безрадостномъ существованіи музыка была единственнымъ утѣшеніемъ. Когда онъ игралъ на фортепіано, онъ обыкновенно затворялъ дверь. Однажды отецъ отворилъ ее со словами: «въ моемъ домѣ для меня всѣ двери открыты». Съ той минуты дверь, точно, не затворялась, зато и фортепіано было заперто на ключъ и никогда болѣе не открывалось... Егоръ Ивановичъ переносилъ это лишеніе съ большимъ стоицизмомъ. Съ Луизой Ивановной онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и это смягчало нѣсколько его жизнь. Впослѣдствіи онъ получилъ мѣсто въ архивѣ съ готовой квартирой, переѣхалъ туда на житье и являлся къ намъ (къ отцу—*М. Л.*) только по воскресеньямъ. Это не улучшило отношеній между отцомъ и сыномъ; короткіе, холодные вопросы и такіе же короткіе, холодные отвѣты. Только на нашей половинѣ Егоръ Ивановичъ нѣсколько оттаивалъ. Теперь жилъ онъ отъ насъ очень далеко, на запасномъ дворѣ, а мы жили въ Старой Конюшенной, и намъ рѣдко удавалось бывать у него въ гостяхъ, — развѣ, когда во время послѣобѣденнаго сна Ивана Алексѣевича, Луиза Ивановна приказывала заложить лошадей, и мы успѣвали съѣздить къ нему... Зато когда мы пріѣзжали въ гости, Егоръ Ивановичъ не зналъ, чѣмъ угостить насъ. Запасный дворъ не даромъ назывался запаснымъ: у Е. И. приготовлены были всякіе запасы для гостей, которые и хранились потомъ въ цѣлости; въ слѣдующій пріѣздъ мы ихъ находили всѣ нетронутыми.

«Въ сердцѣ Е. И. не было недостатка въ нѣжности, но, не имѣя возможности свободно проявлять ее, онъ глубоко затаилъ свои чувства внутри. И его сердце сыграло ему злую шутку: онъ влюбился въ свояченицу, которая одно время жила въ домѣ; она обѣщалась выйти за него замужъ, но не раньше смерти дяди. Это было тайной для всѣхъ, даже для меня, хотя я и спала въ одной

комнатѣ съ нею и была съ нею очень дружна. Вдругъ явился прежній ея обожатель, котораго она считала потеряннымъ, и всѣ ея обѣщанія Егору Ивановичу были забыты. Когда потомъ узнались всѣ обстоятельства дѣла, впечатлѣніе было не въ пользу молодой дѣвушки.... Свадьба была скоро сыграна. Ег. И. не препятствовалъ, но онъ былъ убитъ. Еще прежде, чѣмъ Е. И. узналъ объ ея помолвкѣ, она выманила у него всѣ свои письма, боясь, чтобы они не послужили противъ нея уликой, и разорвала ихъ въ клочки. Но онъ зналъ эти письма наизусть, со всѣми ихъ грамматическими ошибками, знаками препинанія и сообщалъ ихъ намъ по памяти. Бѣдный Е. И.,—много тяжелаго выпало ему на долю, какъ будто для этого онъ только и былъ предназначенъ! Живя дома въ зависимости и имѣя мало общенія съ людьми, онъ не выработалъ себѣ ни самостоятельнаго характера, ни знанія людей» (стр. 18—20).

Т. П. Пассекъ говоритъ, что несмотря на явное предпочтеніе себѣ меньшаго брата, Е. И. всегда искренно любилъ его; «съ своей стороны, Саша во всю свою жизнь сохранялъ къ нему уваженіе и дружескія чувства, какія только были возможны при различіи возраста, характера, образованности и цѣлей» (т. I, 134).

75. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

31 декабря 1835.

Слава Богу, опять случай поговорить съ тобою, баронъ Упсальскій. Познакомься съ Эрномъ, онъ человекъ ученый и благородный и можетъ тебѣ сообщить много обо мнѣ. Не думай, чтобы я былъ грустенъ элегически. Эрнъ тебѣ скажетъ, что я здѣсь потѣшаю публику пасквилями и эпиграммами;¹ но замѣтилъ ли ты, что улыбка Гейне скрываетъ печаль: улыбка губъ, а не сердца? Сердцемъ я не могу быть веселъ, не отъ тоски по Москвѣ, Богъ съ нею, но потому, что моя будущность завѣшена еще мрачнѣйшимъ облакомъ, потому что часто скептическая мысль проникаетъ въ мою грудь и громко кричитъ: «ты ничего не сдѣлаешь, умрешь со своимъ стремленіемъ, Донъ-Кихотомъ *sui generis*, и пригодишься только для тѣни въ какомъ-нибудь романѣ, ибо *les existences manquées, les génies morts en herbe* ¹⁾ въ модѣ». Вотъ что страшитъ меня, вотъ что тяготитъ мою грудь.

Что это за пошлость — провинціальная жизнь! Когда Богъ сжалится надъ этою толпой, которая столько же далека отъ чело-

¹⁾ Неудачныя жизни, гении, умершіе еще въ зародышѣ.

вѣка, сколько отъ птицы! Истинно ужасно видѣть, какъ мелочи, вздоры, сплетни поглощаютъ всю жизнь и иногда существа, которыя при иныхъ обстоятельствахъ были бы людьми,—и быть обязану брать участіе во всемъ этомъ!

Скоро новый годъ. Другъ, въ 12 часовъ вспомнить васъ Герценъ и за васъ выпьетъ большой стаканъ вина; пусть вздрогнуть сердца ваши, пусть слеза разлуки и слеза радости вмѣстѣ канутъ въ Клико.

Я посылаю въ Москву двѣ статьи: 1, Гофманнъ и 2, объ Вяткѣ, при письмѣ къ Полевому ¹⁾, — куда онъ хочетъ, пусть помѣститъ или велитъ помѣститъ. Возьми послѣднюю и замѣть тамъ все сказанное о вотякахъ; я эту мысль разовью гораздо подробнѣе; но еще не имѣю матеріаловъ.

Читалъ ли ты въ «М. Наблюдателѣ» статью «Себастьянъ Бахъ»? ²⁾ Что за прелесть! Она сильно подѣйствовала на меня.

Возвращаю тебѣ томъ Ж.-П. ²⁾. Нѣтъ, я въ немъ не нашелъ того, чего искалъ. Много поэзіи, много фантазіи, но все это въ какой-то массѣ, безъ свѣта, безъ устройства, и боюсь сказать,—натяжка. Почему ты не сообщаешь ничего о новыхъ книгахъ иностранныхъ? Я, можетъ, и выписалъ бы кое-что, но не имѣю понятія. Напр., каковы новыя драмы Hugo, его книга «Chants du Crépuscule»? Здѣсь есть русскія книги, но иностранныхъ—нигдѣ, а русскія книги всего менѣе годятся для чтенія и всего болѣе для обертокъ. Напиши еще мнѣ какія-нибудь подробности о нынѣшнихъ литературныхъ партіяхъ.

Примѣчаніе. Я пересталъ курить Вакштафъ, курю Дюбекъ, и прелестъ; пришли мнѣ гостинцу слѣдующаго: фунтъ табаку, какогонибудь, чернаго кнастерута Манильи, который бы былъ очень важенъ и очень крѣпокъ, а то я не знаю, кому поручить выборъ.

Прощай.

А. Герценъ.

Поклонъ, какъ всегда.

◆◆ 1. Какіе пасквили и эпиграммы — намъ неизвѣстно. Всѣ разспросы аборигеновъ Вятки не увѣнчались никакимъ успѣхомъ.

2. Статья написана кн. В. Θ. Одоевскимъ. Это—мастерски составленная біографія извѣстнаго музыканта, приведшая въ восторгъ не одного Герцена. Бѣлинскій считалъ ее до того живою и увлекательною, что «ее нельзя читать безъ интереса даже людямъ, которые недалеко въ знаніи музыки» (Пол. собр. соч. 1911 г., IX, 16).

¹⁾ Николай Алексѣевичъ.

²⁾ Жанъ-Поль.

1836

76. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

18 января 1836.

Я удрученъ счастьемъ, моя слабая земная грудь едва въ состояніи перенестъ все блаженство, весь рай, которымъ даришь меня ты. Мы поняли другъ друга! Намъ не нужно, вмѣсто одного чувства, принимать другое. Не дружба,—любовь! Я тебя люблю, Natalie, люблю ужасно, сильно, насколько душа моя можетъ любить. Ты выполнила мой идеаль, ты забѣжала требованіямъ моей души. Намъ нельзя не любить другъ друга. Да наши души обручены, да будутъ и жизни наши слиты вмѣстѣ. Вотъ тебѣ моя рука,—она твоя. Вотъ тебѣ моя клятва, ея не нарушить ни время, ни обстоятельства. Всѣ мои желанія, думалъ я въ иныя минуты грусти, несбыточны; гдѣ найду я это существо, о которомъ иногда болитъ душа? Такія существа бывають созданія поэтовъ, а не между людей. И возлѣ меня вблизи, расцвѣло существо, говорю безъ увеличенія, превзошедшее изящностью самую мечту, и это существо меня любитъ, это существо — ты, мой ангелъ. Ежели всѣ мои желанія такъ сбудутся, то гдѣ я возьму достойную молитву Богу?

Я получилъ письмо отъ Emilie. Всегда отъ души любилъ ея пылкій, страстный нравъ. Это письмо сильно потрясло меня; она много страдаетъ, жаль ея.¹ Впрочемъ, двумя мѣстами въ ея письмѣ я очень недоволенъ. Первое меня даже взбѣсило; поелику тутъ о тебѣ, то считаю за нужное выписать оное и объяснить: «Тебѣ нравится,—пишетъ она,—Pauline, про которую я уже знаю, *но не скажу Наташѣ*». Да кто-же просить, чтобы скрывать мои поступки или мысли, или чтò-бы то ни было тебѣ, которой я все открываю? Я умѣю самъ отвѣчать за мои дѣйствія и, вѣрно, въ нихъ нѣтъ

такого, чего-бы ты не могла знать. Я ей извиняю, потому что она второпяхъ, вѣрно, писала, не думая. О какой Pauline рѣчь, я хорошенько не знаю, но очень понимаю, что это какія-нибудь сплетни Зонненберга. ² Здѣсь двѣ Pauline и обѣ очень хороши, и обѣ нравятся мнѣ и, *pour passer le temps* ¹⁾, я обѣими очень занятъ. Но гдѣ-же тутъ тайна отъ тебя? Если-бы я любилъ которую-нибудь и тогда я бы написалъ тебѣ. Но душою, сердцемъ люблю тебя, тебя одну, а для шутки, для забавы любезничаю съ Полинами,—впрочемъ, я самъ писалъ уже къ тебѣ обѣ одной ²⁾. ³

При семь къ Emilie; отошли, запечатавъ.

◆◆ 1. Н. М. Сатинъ охладѣлъ къ Э. М. Аксбергъ, что очень на нее подѣйствовало: она опасно заболѣла, готовилась къ смерти, завѣщала похоронить себя въ Симоновомъ монастырѣ, приглашая туда же и Н. А—ну.

2. К. И. Зонненбергъ вернулся въ Москву еще до пріѣзда Эрна.

3. Одна Pauline—П. П. Медвѣдева, о которой Герценъ кое-что уже сообщалъ, другая—Тромпетеръ, вышедшая потомъ замужъ за А. Е. Скворцова, учителя мѣстной гимназіи. О нихъ Герценъ будетъ говорить еще не разъ.

77. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

22 января 1836.

Вятка.

Наташа! Сколько перестрадала моя душа въ нѣсколько дней, ты не можешь себѣ вообразить. Получивъ съ Эрномъ твои записки, я разомъ воспрянулъ и поднялся, мнѣ сдѣлалось легче дышать, свѣтлѣе смотрѣть,—словомъ, я обновился, и тутъ, среди самыхъ восторженныхъ мечтаній, когда всѣ чувства, какъ воздухъ на горѣ, тѣснятъ своею чистотой, я узналъ, что умеръ Медвѣдевъ, о женѣ котораго я тебѣ уже писалъ; мы съ Витбергомъ бросились туда. Horrible! ³⁾ Онъ ничего не оставилъ, кромѣ своего трупа. Бѣдность со всѣмъ ужасомъ своимъ. Она лежала въ обморокѣ. Мы остались тутъ, распорядились, хлопотали, и вообрази себѣ, что ея обморокъ

¹⁾ Для препровожденія времени.

²⁾ Оборвано.

³⁾ Ужасно.

продолжался *два дня съ половиной*. Вотъ слѣды общественнаго устройства и того высокаго развитія, до котораго воображаютъ люди, что достигли. Она лежала одна: ни одной дамы, ни одной руки, протянутой на помощь. Въ эту минуту такъ ярко выразился эгоизмъ людей со всею холодною гнусностью своей, что я ненавидѣлъ всѣхъ. Наконецъ, я кое-какъ стыдомъ и укоризнами заставилъ нѣкоторыхъ пріѣхать. Витбергъ не отходилъ двѣ ночи отъ несчастной. Теперь она въ чувствахъ. Но что впередъ? Мрачная, сырая галлерей несчастій! Она не знала всю жизнь слова «счастье»: прекрасная собою, образованная, она была брошена отцомъ въ объятія игрока; онъ все проигралъ. Это цвѣтокъ, который сорванъ былъ не для того, чтобъ украшать юную грудь, а для того, чтобы завянуть на могилѣ. И трое дѣтей—не ужасно ли? Я писалъ Егору Ивановичу о займѣ для меня 1.000 руб. Я хочу ихъ доставить ей. Только не говори объ этомъ, ибо я не писалъ, на что мнѣ деньги, пусть думаютъ, что на вздоръ. И никому не говори, это—тайна. И не ужасно-ли принимать благотворенія ей, одаренной душою высокой и благородной? Нѣтъ, въ тиши, въ туманѣ домашней жизни есть несчастія ужаснѣе Крутицъ и цѣпей. Тѣ только громки, а эти тихо, незамѣтно, червемъ точатъ сердце и отравляютъ на вѣки жизнь.

И были люди, которые хохотали надъ ея несчастіемъ и надъ моимъ состраданіемъ. Это—не люди.

Были другіе, которые сказали, что она притворяется; эти сами притворяются людьми,—они дикіе звѣри.

Зато съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на Витберга, на этого высокаго человѣка, еще на Эрна и на m-lle Trompeter, которые тутъ, забывая и домъ, и сонъ, и пищу, хлопотали обо всемъ! Въ душѣ ихъ награда, и *тамъ*, можетъ быть, будетъ награда. Но *не здѣсь*,—здѣсь насмѣшка имъ будетъ. Но, вѣдь, и я умѣю насмѣхаться, и ядъ въ моей ироніи.¹

Прощай, мой ангель; среди всѣхъ этихъ мрачныхъ минутъ твой прелестный образъ утѣшалъ меня, память о тебѣ возобновляла мои силы.

Твой Александръ.

◆◆ 1. Н. А.—на очень была тронута положеніемъ Медвѣдовой и возмущена отношеніемъ къ ней вятскаго общества. «Утѣшай Мед., пусть ихъ смѣются надъ тобой»—такъ формулировала она свое отношеніе.

78. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

1836, янв. 22.

Вятка.

Caro Nicolo! ¹⁾ Мнѣ тебѣ нужно объяснить преинтересное дѣло. Здѣшній жандармскій маіоръ Замятнинъ доставилъ мнѣ 16 января записку отъ г-жи Левашовой ²⁾, безъ числа, распечатанную и на которой виденъ слѣдъ облатки или печати. Сколь много я ни чувствую вниманіе г-жи Левашовой, но надобно признаться, что поступокъ сей удивилъ меня своею неосторожностію. Для этого надобно знать, что такое жандармскій маіоръ въ провинціи и что такое сосланный подъ надзоръ. Долго думалъ я, что мнѣ дѣлать; наконецъ, зная весьма отношенія, я рѣшился сказать губернатору о доставленной запискѣ, чтобы впослѣдствіи не отвѣчать за нее... ³⁾ М-me Левашова пишетъ слѣдующимъ образомъ о Замятнинѣ: *Toujours Madame Levachof est assurée que Mr. Herzen ne mettra jamais la vigilance de son cousin a l'épreuve* ⁴⁾. Какое же довѣріе я могъ послѣ сихъ словъ имѣть pour son cousin? Какъ бы то ни было, благодари отъ меня за участіе и за вниманіе; жаль только, что оно пришло такимъ путемъ. Ежели поступокъ мой тебѣ не нравится, то погоди осуждать, когда-нибудь лично я все объясню и вполнѣ. ¹

Далѣе, говорятъ, что недовольны тѣмъ, что я живу съ Витбергомъ... Можетъ, я и разѣдусь съ нимъ, ибо привыкъ переносить всякаго рода лишенія. Но чьи это догадки?—Признаюсь, больно мнѣ будетъ оставить этого человѣка, въ душѣ котораго всякая высокая мысль находитъ отголосокъ, всякое святое чувство отголосокъ; человѣка несчастнаго, человѣка, который все сдѣлалъ, что зависѣло отъ души индивидуума, для великаго предпріятія и которое, сначала вырощенное успѣхами, похвалами, славою, вдругъ гнетомъ обстоятельствъ задушено, и съ нимъ вмѣстѣ разбитъ высокій сосудъ, хранившій in potentia ⁵⁾ высокую мысль. Такой человѣкъ есть другъ нашъ, хотя бы мы и не знали его. И я не токмо не упо-

¹⁾ Дорогой Николай.

²⁾ Екатерина Гавриловна.

³⁾ Слово не разобрано А. Н. Пыпинымъ.

⁴⁾ Во всякомъ случаѣ М-me Левашова увѣрена, что г. Герценъ не станетъ подвергать испытаніямъ бдительность *ея кузена*.

⁵⁾ Въ скрытомъ видѣ, потенциально.

треблю никакихъ средствъ, чтобъ развѣхаться съ нимъ, но даже продолжу это всѣми силами.

Узнай, когда писано письмо Левашовой.

Да, скорое возвращеніе путешественника ¹⁾ непонятно; . . . ²⁾ что-нибудь объ этомъ.

Вадимъ продолжаетъ писать *se offendendo* ³⁾; я радъ, ренегатамъ нѣтъ успѣха. ²⁾

Desperatio ⁴⁾ прошло, я исправился, иногда пишу въ минуты грусти и потому, можетъ, ты ошибаешься. Впрочемъ, я ненавижу здѣшнее общество: развратъ, подлость и невѣжество. Здѣсь я только понялъ необходимость дворянства въ Россіи.

Прощай, пиши съ Аршауловымъ ⁵⁾, — онъ превосходный человекъ.

А. Г.

Сатину отошли письмо. Да что Ог. не пишетъ ко мнѣ? душа болитъ по вѣсточкѣ отъ него. Какими средствами ты сносишься съ нимъ?

◆◆ 1. Объ этомъ инцидентѣ подробно рассказываетъ бар. А. Н. Дельвигъ. Отецъ Замятна жилъ у извѣстной Е. Г. Левашовой. Когда сынъ его, слѣдуя на службу въ Вятку, проѣзжалъ черезъ Москву, она просила его отвезти письмо къ Герцену. Письмо было позабыто маіоромъ на столѣ отца. Послѣдній распечаталъ его... Когда Левашова узнала, что письмо ея не получено по адресу, старикъ поспѣшилъ запечатать его и отправилъ сыну, который, позабывъ въ чемъ дѣло, передалъ его Герцену. Увидѣвъ явные слѣды перлюстраціи, А. И—чъ очень возмутился и сказалъ маіору пару рѣзкихъ фразъ («Мои воспоминанія» I, 174—175). Потомъ все разъяснилось, и Замятнинъ, держа сторону Герцена, отстоялъ его отъ Тюфяева, хотѣвшаго сослать непокорнаго чиновника и соперника, какъ онъ думалъ, при Медвѣдовой, въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ губерніи («Анненковъ и его друзья», 32). Потомъ сосланный и жандармъ были хорошо знакомы, а съ женой его Герценъ участвовалъ въ любительскомъ спектаклѣ.

2. В. В. Пассекъ жилъ въ это время въ харьковской губерніи, уже выпустилъ свою книгу «Путевыя записки» и готовилъ цѣлый

¹⁾ Н. И. Сазоновъ.

²⁾ Слово вырвано.

³⁾ Въ свою защиту.

⁴⁾ Отчаяніе.

⁵⁾ ?

рядъ работъ, которыя показали друзьямъ, что онъ пережилъ периодъ юношескихъ увлеченій и вступалъ на путь, не имѣвшій ничего общаго со стремленіями друзей.

79. Письмо къ А. В. Витбергъ.

5-го февраля 1836.
Вятка.

Милостивая Государыня, Авдотья Викторовна! Вы были такъ добры, что изъявили желаніе, чтобы я, и по пріѣздѣ вашему въ Вятку, жилъ вмѣстѣ съ Александромъ Лаврентьевичемъ; это даетъ мнѣ право, не имѣя чести лично васъ знать, обратиться къ вамъ съ моею благодарностію. Единство несчастія сначала сблизило насъ; потомъ, когда я ближе узналъ достоинства Александра Лаврентьевича, о которыхъ нужно ли вамъ говорить, — чувство искреннѣйшаго уваженія еще болѣе соединило меня съ нимъ. Вы повторили въ вашемъ письмѣ мои слова изъ письма къ батюшкѣ, что пріѣздъ Александра Лаврентьевича сдѣлалъ мнѣ въ половину легче ссылку. Вы видите, что не лезть заставила меня говорить это. Ежели бы вашъ пріѣздъ долженствовалъ насъ разлучить, это было бы грустно для меня, это была бы другая ссылка.

Теперь вы видите, сколь много обрадовало меня ваше согласіе. Благодарю душевно!

Позвольте мнѣ письменно и самому рекомендовать себя въ ваше благорасположеніе. Правъ на оное я никакихъ не имѣю, кромѣ несчастій, съ которыми такъ рано ознакомился.

80. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

12 февраля 1836.
Вятка.

Ангель мой, Наташа, я тону, тону совершенно въ этомъ морѣ любви; свѣтлы, прозрачны его волны, глубоко оно и обширно. Наташа! Богъ послалъ тебя мнѣ, Онъ зналъ, что душа моя будетъ страдать отъ людей, Онъ зналъ, что обстоятельства будутъ терзать меня, и Ему стало жаль, и Онъ послалъ тебя. Все уврачевалось, все; больше еще: за временныя несчастья Онъ послалъ мнѣ

блаженство на цѣлую жизнь. Другъ мой, слаба моя грудь; она хотѣла бы раздаться, чтобъ сильнѣй любить тебя.

Я зналъ почти, что ты мнѣ напишешь; но въ какомъ я былъ состояніи, когда читалъ твои послѣднія записки! Я дрожалъ, я испугался всего счастья своего, я не могъ перевести духъ. Понимаю, очень понимаю твои чувства при взглядѣ на мой портретъ¹⁾. Жаль, что ты не была одна. Какъ же ему и быть не похожимъ? Витбергъ смотрѣлъ не на одно лицо: онъ смотрѣлъ и на душу, онъ знаетъ ее, и потому мой портретъ оживленъ.

Но на что же ты, Наташа, въ своихъ письмахъ такъ хвалишь меня? Это тяжело читать: увѣряю тебя, что только въ твоей небесной, божественной душѣ отразился я такимъ совершеннымъ. Во многихъ мѣстахъ запятнѣла душа моя, во многихъ мѣстахъ испорченъ и сломанъ характеръ. Люби меня такъ, какъ я есть, люби меня съ недостатками, Наташа, и объ этой-то любви говори мнѣ. Развѣ можетъ быть похвала болѣе, понятнѣе моему сердцу, какъ твоя любовь? Но не придавай мнѣ болѣе, нежели сколько есть въ душѣ моей, чтобы послѣ съ горестью не увидѣть недочета. Горько смотрѣть художнику на свое произведеніе, когда оно не вполнѣ выразило его идеаль. Но что произведеніе для художника? Одна мысль, одна фантазія,—и другія мысли уже толпятся въ головѣ. А любить такъ, какъ ты любишь меня, можно разъ. Страшно тутъ видѣть не выполненнымъ идеаль, страшно, ибо на него потрачена не одна мысль, а вся душа, вся жизнь. Наташа, смотри же прямо на твоего Александра, не придавай ему ничего, брось идеаль, въ которые ты вплела часть меня и часть неба, находящагося въ твоей высокой душѣ. На что они тебѣ? Возьми меня земного, люби меня, я отдаю тебѣ себя, но болѣе не могу сдѣлать. Да, я хотѣлъ бы быть ангеломъ, чтобъ увеличить этотъ даръ, но я человѣкъ и далеко не совершенный. Самыя эти огненные страсти, которыя такъ жгутъ мою грудь, такъ направляютъ ее къ изящному и великому, часто, часто влекутъ меня въ пороки и... послѣ я раскаиваюсь, но не имѣю силъ прямо стать противъ нихъ. Теперь нравственное начало моей жизни будетъ любовь къ тебѣ. Такъ слетала къ Данту его Беатриче изъ рая въ видѣ ангела, чтобы вывести его изъ обители скорби безконечной туда, въ обитель радости. О, Наташа, ты такой же ангелъ! Нѣтъ, исчезли всѣ мои идеаль, всѣ они блѣдны передъ тобою: каждое слово твоего письма заключаетъ блаженство. Чѣмъ, чѣмъ, о, Боже, я заслужу передъ Тобою это счастье? Чѣмъ,

¹⁾ Портретъ былъ посланъ родителямъ Герцена.

какими несчастіями заплатить могу землѣ за то, что былъ наверху блаженства еще здѣсь?

Прощай. Твой *Александръ*.

Отъ Emilie получилъ письмо; благодарю ее и буду непремѣнно писать, но не теперь.

81. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

(1836).

Наташа! Наконецъ, я нашелъ чувство, занявшее все, не наполненное въ моей душѣ. Наконецъ, всякое стремленіе, всякое земное чувство, всякій порывъ получили значеніе и цѣль—любовь къ тебѣ. Вотъ высокая идея изящнаго, наполнившая грудь мою. Странно, что я прежде не понималъ этой связи нашихъ душъ. Наше свиданіе въ Крутицахъ много сказало. Безумная радость, трепетъ при полученіи твоихъ записокъ говорили много, но я вполнѣ не могъ опредѣлить, любовь ли это. Помнишь записку, въ которой я писалъ, что не вѣрю нашей дружбѣ? Тогда, въ эту минуту я былъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи: все кипѣло, бушевало во мнѣ и внутренній голосъ сильно прокричалъ: *«ты любишь ее»*. Съ тѣхъ поръ существо мое просвѣтлѣло, согрѣлось, блаженство разлилось въ сердцѣ. До этого я имѣлъ какую-то поверхностную возможность заниматься хорошенькимъ личикомъ, быть полувлюбленнымъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ равнодушнымъ. Когда же раздался тотъ сильный голосъ, съ тѣхъ поръ всѣ эти земныя дѣвы, всѣ пали передъ небеснымъ образомъ ангела. Истинно странно: вѣдь, я любилъ тебя до этого, но, не давъ себѣ отчета, я увлекался страстями, и отъ этого-то ярче и прокричалъ голосъ. Нигдѣ не встрѣчалъ я того, что искала душа, вездѣ минутное увлеченіе, даже шалость, а послѣ — пустота и потребность высшаго. Вдругъ все наполнилось! О, Natalie, не словами, нѣтъ,—взглядомъ, поцѣлуемъ я тебѣ передамъ все небо, которое ты мнѣ подарила!

19-го февраля.

Еще маленькая записка отъ тебя, еще слово любви. Я богатъ, богатъ!

Тебѣ, кажется, не хотятъ послать портретъ. Странно. Въ послѣднее время, то есть во время моего несчастія, я сблизился съ

П. ¹⁾ нѣсколько. Я видѣлъ несомнѣнныя доказательства его любви, вниманія, вижу ихъ и теперь. Но доселѣ П. меня совсѣмъ не знаетъ; это любовь къ сыну, каковъ бы онъ ни былъ, а не любовь къ Александру. Отказъ послать тебѣ портретъ, и, притомъ, весьма жесткій, удивилъ меня. Ну, что, ежели я ему напишу, что люблю тебя? Что фраза въ письмѣ П.: «ей надобно итти замужъ, а не сантиментальничать», — въ переводѣ значитъ: «тебѣ надобно умереть и перестать любить». ¹

На душѣ моей лежитъ еще одна исповѣдь тебѣ; давно собираюсь ее высказать, я очищаюсь, высказывая тебѣ свои пороки,—ты моя связь съ небомъ,—но не могу еще высказать ее. Опять земное. Нѣтъ силъ оторваться, стать выше всего, стать рядомъ съ тобою. Ну, какъ же мнѣ не завидовать тебѣ? Ну, какъ же всему роду человѣческому не завидовать мнѣ, которому принадлежишь ты?

Прощай. *Александръ.*

Кажется, все высказаль, а черезъ четверть часа опять душою хочется писать тебѣ.

◆◆ 1. Герценъ просилъ отца заказать для Н. А—ны копію съ портрета, сдѣланнаго Витбергомъ, но Яковлевъ отказалъ; все устроила Луиза Ивановна, и 31 марта Егоръ Ивановичъ принесъ Н. А—нѣ давно жданный подарокъ. Вотъ что она писала по этому поводу Герцену:

«Какъ утѣшаютъ меня маменька и Егор. Ив.! Я писала тебѣ объ его чувствахъ, писала и о томъ, что все кончилось, прошло, но оно не было такъ. Впослѣдствіи я увидѣла, что онъ сталъ скрытнѣе, но любовь не уменьшалась. О, сколько я перестрадала въ то время! Мнѣ въ миллионъ разъ было бы легче, еслибъ онъ ненавидѣлъ меня. Онъ зналъ, что я люблю тебя, и молчалъ; когда же узналъ это отъ меня самой, сдѣлался боленъ и при каждомъ свиданіи ужасно плакалъ; ты можешь вообразить весь ужасъ моего положенія: ничто и никто, кромѣ тебя, не могло бы облегчить мою душу. Наконецъ, вдругъ все перемѣнилось; я не беру на себя этого,—нѣтъ, само провидѣніе захотѣло облегчить его страданія. Онъ пишетъ ко мнѣ, что не смѣетъ явиться передъ моими глазами, просить, чтобъ я указала ему мѣсто въ отношеніи ко мнѣ, чтобъ я повелѣвала ему къ моему удовольствію, къ моей прихоти, а къ его несчастью и вреду, онъ на все готовъ... Ужасъ, ужасъ! человѣкъ

¹⁾ Папенька.

родной, близкій, любимый мною, гибнулъ, страдалъ, и все черезъ меня, и я ничего не могла сдѣлать къ облегченію его участи! Сама страдала, и тебя не было со мною. Но, собравъ нѣсколько нестройныхъ, взбунтованныхъ мыслей, я отвѣтила ему. Предложила ему быть *нашимъ братомъ, нашимъ другомъ истиннымъ*. Онъ понялъ меня. Первымъ доказательствомъ этого и первымъ основаніемъ *дружбы* былъ твой портретъ. Онъ подарилъ мнѣ его, и съ тѣхъ поръ ни слова о прошедшемъ, ни одного взгляда, въ которомъ бы не выражалось чистѣйшей дружбы и братской любви. Весель, доволенъ, счастливъ,—вотъ что бы я могла сказать, ежели бы не знала прежде его души. Онъ увѣрялъ даже меня, что молится теперь не обо мнѣ объ одной, а о *насѣ двоихъ*, и я вѣрю. Зная, сколько бы это огорчило тебя, мой другъ, я не писала тебѣ объ этомъ, но теперь, когда все кончилось, я должна тебѣ сказать это для того, чтобы ты былъ справедливъ противъ него, видѣлъ бы, сколько онъ достоинъ нашей дружбы и уваженія. Иногда я удивляюсь ему, какая твердость, какая сила души! Я плачу ему дружбой, но чувствую, что эта дружба несовершенна, что она могла бы быть полнѣе, но это не въ моей волѣ. Любовь заняла во мнѣ все и, не изгоняя другихъ чувствъ, не даетъ имъ простора: съ тобою, съ любовью я бы забыла всѣхъ и все на свѣтѣ» (т. VII Спб. изд., стр. 81).

82. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

28 февраля (1836).

Вятка.

Да, да, Наташа, въ Италію, въ Италію! Надобно отдохнуть отъ сѣверной природы и отъ сѣверныхъ людей! И мы узнаемъ до дна блаженство, ежели ты будешь со мною тамъ. Это не мечта, невозможнаго тутъ нѣтъ. Мы должны соединиться, мы будемъ соединены,—итакъ, что же мудренаго, что вмѣстѣ будемъ въ Италіи? ¹ Твоя любовь мало-по-малу пересоздаетъ меня: чистый ангелъ, пожертвовавшій собою для меня, могъ одинъ это сдѣлать. Я сталъ спокойнѣе смотрѣть на будущее, я подавляю въ себѣ эту судорожную потребность дѣятельности, которая, происходя изъ началъ высокихъ, была худо направлена. Человѣкъ не долженъ забѣгать провидѣнію, не долженъ натягивать себѣ поприще. Ежели онъ избранъ, провидѣніе не потеряетъ его, лишь бы онъ самъ не погубилъ врученныхъ талантовъ. Ежели же не избранный, то его задавитъ огромность предположенія безъ силъ исполнить. Провидѣніе дало

мнѣ огромный залогъ, — оно мнѣ дало тебя. Искали ли мы другъ друга? Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ; это случилось само собою, — и хорошо, таковъ путь провидѣнія. Сознать свою силу и ждать его призыва.

Меня очень беспокоитъ петербургскій посѣтитель, потому что эти безотвязчивые люди, которыми ты окружена, замучатъ тебя *видною партией*. Будь тверда и, ежели нужно, скажи имъ прямо, что ты любишь меня, что ты любима и что этого перемѣнить ни они, никто не можетъ. ² Въ такомъ случаѣ и я буду писать; разумѣется, дождавшись на это отъ тебя разрѣшенія. Бѣды нѣтъ, пусть они знаютъ: одно злое должно искать мрака, а наша любовь такъ чиста, такъ высока. Впрочемъ, я и не думаю, чтобъ это нашло сильное противодѣйствіе. Я много надѣюсь на каменную твердость мою, много надѣюсь и на любовь ко мнѣ. Сначала удивятся, потомъ скажутъ, что это предвидѣли, потомъ морали, потомъ устанутъ, — и побѣда наша. На первый случай можно сказать маменькѣ, но это трудно для тебя. Тутъ есть средство — Emilie. Однакожь, замѣтъ, все это надобно сдѣлать въ крайности. Ты не хотѣла, чтобы холодные глаза смотрѣли на мой портретъ; тѣмъ болѣе, зачѣмъ холодными разсужденіями обнаруживать огненное, пламенное чувство нашей любви? Бѣдная Natalie! Меня терзаютъ впередъ непріятности, которыя ты получишь. Пиши мнѣ о нихъ подробно. Это легче, иначе мое воображеніе построить чудеса. Я улыбнулся, читая о твоёмъ спорѣ съ Emilie о счастья. Оно похоже на споръ, что лучше — *роза* или *лилія*, какъ будто въ созданіяхъ Бога есть лучшее, какъ будто и то и другое не изящно. Богъ никому не отдалъ на аренду счастья. Всякая душа, хорошо созданная, пусть раскроетъ себя любви чистой, изящному, и она узнаетъ блаженство, — можетъ, иначе, сообразнѣ себѣ, но узнаетъ его. Но и этотъ споръ мнѣ нравится: тутъ есть что-то дѣтское, что-то такое наивное. Какъ ты мила, моя Наташа, во всѣхъ изгибахъ твоей прелестной души!

2-го марта

Грустно мнѣ что-то это время. Моя любовь къ тебѣ непрерывно влечетъ меня въ Москву. Тягостна наша разлука. Боже мой, когда же напечатлѣю я поцѣлуй любви на твоихъ устахъ? Первый поцѣлуй для тебя. Тогда только я отряхну съ себя всю землю, всю пыль, тогда тобою я буду существомъ чистымъ. Мрачныя мысли бродятъ у меня въ головѣ всю недѣлю. Вчера пришло мнѣ въ голову, что будетъ со мною, ежели ты умрешь? Безуміе или самоубійство? Нѣтъ, рѣшительно не могу жить безъ тебя, лучше возвращу Богу жизнь, нежели томиться безъ тебя здѣсь. Прощай.

4-ю марта.

Прощай, мой ангелъ, вчера я выздоровѣлъ отъ моей грусти.
Прощай, цѣлую тебя.

Твой Александръ.

◆◆ 1. 15 февраля Н. А—на писала, что получила письмо Саши Боборыкиной съ призывомъ ѣхать въ южные края, и выражала свой восторгъ отъ одной этой мысли.

2. Въ томъ же письмѣ Н. А—на сообщала:

«На-дняхъ я играла преглупую роль. Приѣхалъ изъ Петербурга одинъ Ивановъ, о которомъ мнѣ говорила сестра Орлова и которому *было юворено* обо мнѣ. Всѣ спали послѣ обѣда; я должна была выйти одна. Это меня ужасно смѣшило, хотя я сначала и не знала, что онъ былъ тотъ самый. Ты не повѣришь, какъ мнѣ всѣ эти глупости надоѣли. Но чѣмъ я далѣе отъ нихъ, тѣмъ ближе съ тобою, другъ мой; кажется, съ каждою изъ нихъ возрастаетъ мое достоинство, каждая отталкиваетъ меня далѣе отъ земли,—слѣдственно, все ближе и ближе къ тебѣ, мой Александръ».

83. Вторая встрѣча.

(Посвящаю барону Упсальскому).

Wer nie sein Brod mit Thränen ass,
Wer nie die kummervollen Nächte
Auf seinem Bette weinend sass,
Der kennt euch nicht, ihr himmlischen Mächte.

Goëthe, Wilh. Meister's Lehrj. 1)

Холодный ледяной вѣтеръ дулъ изъ-за Камы. Такъ дышитъ Уральскій хребетъ вѣчнымъ льдомъ своихъ вершинъ, такъ дышитъ холодная грудь Сибири на Европу. Кама, широкая и быстрая, мчала съ неимовѣрною скоростью множество тяжело нагруженныхъ судовъ; кое-гдѣ двигались запоздалыя льдины, поворачиваясь и какъ бы нехотя слѣдуя течению рѣки. Порывами вѣтеръ наносилъ *membra disjecta* 2) пѣсенъ бурлаковъ и ихъ громкіе возгласы. Было грустно. Я сидѣлъ,

1) Кто никогда не запивалъ свой хлѣбъ слезами, кто не просиживалъ, у своей кровати, плача, бѣдственныхъ ночи, тотъ не знаетъ васъ, силы небесныя. Гете. «Учебные годы Вильг. Мейстера».

2) Отрывочные звуки. А. И. Г.

закутавшись въ плащъ, на высокомъ берегу. Съ противоположной стороны садилось солнце красное, но холодное. Раны моего сердца были свѣжи. Недавно оставилъ я родимый городъ, хотя давно уже былъ оторванъ отъ всѣхъ близкихъ душъ моей. Всѣ подробности 9 апрѣля явились въ моемъ воображеніи: день свиданія послѣ мрачной разлуки, день разлуки послѣ мрачнаго свиданья. Въ этотъ день переломилось мое существованіе... Прощальный поцѣлуй, облитый слезами, запечатлѣлъ небесной печатью воспоминанія, за которыми пустота и мракъ. Было грустно; мнѣ зандобились люди, чтобы разсѣяться, люди, которые мелкимъ пескомъ своихъ словъ могутъ засыпать раны сердца, доколѣ порывъ вѣтра не снесетъ его. На дворѣ становилось холоднѣе; Кама почернѣла; барки превратились въ какихъ-то ракообразныхъ животныхъ, съ огромными ребрами; огонь, разложенный на нихъ, казался огненною пастью чудовищъ... Я пошелъ съ тѣмъ, чтобы зайти къ кому-нибудь изъ знакомыхъ на скорую руку, и зашелъ *къ кому-то*. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на двухъ человѣкъ, бывшихъ въ горницѣ, я бросился на турецкій диванъ и курилъ сигару.

Разговоръ шелъ безцвѣтный и холодный, какъ всегда между людьми, которыхъ не связываютъ ни общія идеи, ни симпатіи души, ни даже привычка. Меня разспрашивали о столицѣ, мнѣ разсказывали о провинціи, — незамѣтно я развлекся. Хозяинъ-грузинъ тѣшилъ меня своею ненавистью къ морозу, которая у него à l'orientale¹⁾ доходила до личной вражды. Вдругъ ему вздумалось перемѣнить тему и на мѣсто своей термометрической антипатіи разсказывать о томъ, какъ онъ покидалъ отцовскій домъ. Душа моя встрепенулась! Холодная маска упала, и я въ пламенныхъ и горячихъ словахъ описывалъ имъ мое 9 апрѣля. Чувства бушевали во мнѣ, и радостныя, что нашли отверстіе, лились потокомъ словъ. Я всталъ съ своего мѣста, и вдругъ взоръ мой встрѣтился со взоромъ одного изъ тѣхъ лицъ, которыхъ я едва замѣтилъ, входя. Глаза наши столкнулись, и рѣчь моя, какъ бы скошенная, остановилась. Мужчина лѣтъ сорока, въ черной венгеркѣ, обшитой шнурками, склонивъ голову на руку, опершуюся на диванъ, и крутя другою длинные русые усы, со всѣми знаками самаго усиленнаго вниманія смотрѣлъ этимъ взоромъ на меня. Грудь его подымалась, ноздри раздувались, и крупная слеза тихо катилась по щекѣ. Но глаза — теперь вижу ихъ — издавали какой-то свѣтъ, въ нихъ было что-то отъ пламени молній. Я остановился, и онъ, какъ бы обиженный, грубо обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Продолжайте». Мы помѣнялись

¹⁾ По-восточному.

взоромъ и, я, чувствуя, что понять, продолжалъ еще съ большимъ одушевленіемъ. Когда кончилъ я, онъ всталъ, прошелъ раза два по торницѣ, приблизился ко мнѣ и, прямо смотря въ глаза, сказалъ: «Мы — друзья!» «Друзья!» — отвѣчалъ невольный голосъ изъ моей груди, какъ эхо на его вызовъ, какъ инструментъ, невольно издающій звукъ, взятый на другомъ. Потомъ онъ сѣлъ на старое мѣсто и принялъ неподвижную фигуру статуи; лицо его сдѣлалось мрачно, длинные волосы падали въ глаза, и онъ не поправлялъ ихъ, молчалъ и, можетъ, въ мысляхъ перебиралъ свое 9 апрѣля. Пора было итти домой. Онъ проводилъ меня съ хозяиномъ до дверей, сжалъ мнѣ руку и сказалъ: «Первый лучъ солнца послѣ долгой зимы!». «Да, — подхватилъ грузинъ, не понимая его словъ, — нынче первый ясный день съ августа мѣсяца. Ужасно! и морозы доходили до 45°». Я ушелъ. Незнакомецъ занималъ меня безпрерывно; я не зналъ, ни кто онъ, ни что онъ, но многое понять, догадался. Исторія его сердца должна быть ужасна, но его сердце должно быть высоко. Приготовленія къ дорогѣ, мелочи, хлопоты заставили на время забыть незнакомца. На другой день къ ночи надобно было ѣхать. Въ самый день отъѣзда меня пригласили на большой обѣдъ къ одному богачу, и я пошелъ, чтобы взглянуть на beau monde того края. Провинція запечатлѣла весь этотъ домъ, и хозяинъ въ яхонтоваго цвѣта фракѣ, съ непомѣрной величины Анною на шеѣ и съ волосами, вглядъ вычесанными, такъ же не годился въ модную гостиную, какъ его кресла изъ цѣльнаго краснаго дерева, тяжеле 10-фунтоваго орудія и украшенныя позолоченою рѣзьбою въ видѣ раковинъ и выгнутыхъ листьевъ... Попарно и съ какимъ-то благоговѣніемъ шли въ столовую, гдѣ дожидался столъ длинный, узкій, изогнутый глаголемъ. Поскорѣ подаль я руку какой-то барышнѣ, которой никто не даетъ руки ни къ вѣнцу, ни къ обѣду, и замкнулъ процессію. Толпа лакеевъ въ сюртукахъ, съ часами на бисерныхъ шнуркахъ, въ пестрыхъ галстукахъ, суетилась подъ предводительствомъ дворецкаго, который своею дебелостью доказывалъ, что ему идетъ на пользу дозволеніе ѣсть съ барскаго стола остатки. Толпа мальчишекъ, всѣ въ разныхъ костюмахъ, но не всѣ въ сапогахъ, мѣшала имъ и дралась изъ-за чести, кому за кѣмъ стоять, не имѣя понятія, что мѣстничество уничтожено. Но оно и не уничтожено въ провинціи. Провинція смѣло можетъ похвастать порядкомъ распредѣленія мѣстъ за обѣдомъ, это — статья изъ адресъ-календаря. Тутъ-то вполнѣ узналъ я, что значить предсѣдатель уголовной палаты, которому губернаторъ *предлагаетъ*, и совѣтникъ губернскаго правленія, которому губернаторъ *предсѣдательствуетъ*, и земскій исправникъ, которому губернаторъ по-

велѣваетъ, наконецъ, что такое прокуроръ—партизанъ, никому не подчиненный, кромѣ Бога и министра юстиціи, о которомъ губернаторъ, даже *не аттестуетъ* и который губернатору говорить «вы». Такъ все въ провинціи отнесено къ губернатору, понятно черезъ него; онъ—центръ, остальное—периферія; онъ—солнце, остальное—созвѣздія; словомъ, онъ—необходимая координата, безъ которой нельзя составить уравненія этихъ безконечно малыхъ величинъ. Главное дѣйствующее лицо за обѣдомъ былъ докторъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ забывшій медицину, которой учился пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Геттингенѣ, но твердо помнящій всѣ филистерскія затѣи. Онъ поѣхалъ въ Россію съ твердымъ убѣжденіемъ, что въ Москвѣ по улицамъ ходятъ медвѣди, и, занесенный сюда нѣмецкой страстью пытаться счастье по всему бѣлому свѣту, остался дожидаться, пока разстройство животной экономіи и засореніе *vasorum absorbentium* ¹⁾ превратитъ его самого въ соръ. Этотъ старикъ, весьма веселый и очень маленькій ростомъ, плѣшивый и съ быстрыми глазами, острилъ надо всѣми, шутилъ, отпускалъ вольтеровскія замѣчанія, дивилъ своимъ матеріализмомъ, смѣшилъ своими двусмысленностями. Его всѣ любили, и онъ всѣхъ любилъ. Да и какъ было ему не любить всѣхъ? Это поколѣніе родилось, выросло, занемогло, выздоровѣло при немъ, отъ него; онъ не только зналъ ихъ наружности, но зналъ ихъ внутренности и *l'amour de la science* ²⁾ заставило любить ихъ. Второе лицо былъ какой-то флотскій капитанъ, который, по несчастію, сидѣлъ возлѣ меня и, поймавъ новаго человѣка, тѣмъ голосомъ, которымъ кричать съ палубы на мачту, рассказывалъ мнѣ весь обѣдъ, продолжавшійся три добрыхъ часа, какъ онъ минутъ двадцать тонулъ у Алеутскихъ острововъ, со всѣми техническими выраженіями, которыя живутъ на кораблѣ и приплываютъ къ материку только въ романахъ Сю и въ повѣстяхъ Бестужева ³⁾. Онъ душевно желалъ, чтобы путь мой былъ въ Березовъ, гдѣ живетъ отставной мичманъ Филиппъ Васильевичъ, который былъ свидѣтель этого происшествія и могъ мнѣ прибавить то, чего онъ не помнить, ибо былъ безъ памяти нѣсколько времени.

Я съ иронической улыбкой поблагодарилъ его за желаніе. Еще кто былъ за столомъ? Наливки изъ всѣхъ растений, оканчивающихъ ягодою свой цвѣтъ, *старое французское* и—*place au grand*

¹⁾ Поглотительные сосуды.

²⁾ Любовь къ наукѣ.

³⁾ Александръ Александровичъ, писавшій подъ псевдонимомъ «Марлинскій».

homme ¹⁾), — шампанское, которое лилось не по столичному въ узенькіе бокалы, а въ стаканы, и пребольшіе. Наконецъ, *пережилъ* я обѣдъ. Всѣ торопливо бросились за карты, кромѣ доктора, который свято исполнялъ однажды возложенныя на себя гигиеническія правила: долженъ былъ послѣ обѣда 25 минутъ ходить по горницѣ для пищеваренія.

Я обнялъ хозяина, который съ искренней добротой пожелалъ мнѣ счастливаго пути, и вышелъ на улицу, улыбаясь и приводя на память всѣ пустые разговоры, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Время было хорошо; хотѣлось походить, и я отправился на бульваръ, идущій отъ московской заставы до сибирской. Бульваръ этотъ превосходенъ. Обхватывая полгорода съ наружной стороны, онъ простирается версты на три: огромныя, толстыя березы, прямыя и вѣтвистыя, отдѣляютъ его съ одной стороны отъ города, съ другой—отъ обширнаго поля, и чугуныя заставы, какъ черныя колоссальныя латники, стерегутъ его съ обѣихъ сторонъ. Скупа природа того края: зелень едва виднѣлась и кое-гдѣ вешніе цвѣты—блѣдныя, слабыя недоноски, долженствующіе умереть отъ холодныхъ утренниковъ. Несмотря на это, какой-то человекъ гербаризировалъ. Тотчасъ узналъ я вчерашняго незнакомца и пошелъ къ нему. Онъ такъ былъ занятъ своей работой, что долго не замѣчалъ меня. Я взялъ его за руку, и онъ съ видомъ сильной радости сказалъ, оборачиваясь:

— Итакъ, мнѣ еще суждено видѣть васъ! Благословляю нашу вчерашнюю встрѣчу. Вотъ уже два года не слыхалъ я человѣческаго голоса, а вчера ваши слова, какъ симфонія Бетховена, какъ пѣснь родины, пробудили мою душу. Вы помирили меня съ людьми, высказывая чувства, которыя бились и въ моей груди... Два года... много времени... и все чужое, кромѣ природы; мы съ нею вдвоемъ и понимаемъ другъ друга. Какъ звученъ языкъ ея и какъ утѣшительнъ! Я всякій день бываю на этомъ полѣ,—я люблю его. Мы—старые знакомые. Вотъ этотъ монтодонъ уже третьяго дня распустился, и два раза видѣлись мы. Люблю природу! Говоря съ нею, я отвыкъ отъ человѣческаго языка... а вы мнѣ напомнили его. Прелестенъ и онъ, когда выходитъ изъ самаго сердца, когда не запыленъ... Онъ пріостановился.

— Вы, вѣрно, много страдали,—сказалъ я,—вѣрно, очень несчастны?

— Да, я много страдалъ, но не несчастенъ; несчастны они въ своемъ счастьи, а мы счастливы! Съ гордостью смотрю я на

¹⁾ Дорогу великому человеку.

душу мою, всю въ рубцахъ отъ гоненій и бѣдствій, ибо совѣсть моя чиста, ибо я, какъ воинъ, ни разу не бѣжалъ съ поля несчастія. И вотъ я заброшенъ сюда и безъ куска хлѣба, и все тотъ же, какъ былъ. Они ничего не отняли у меня,—душа осталась. Да неужели вы не чувствовали особой сладости страданій высокихъ, страданій за истину? Правда, инья минуты доводятъ до отчаянія. Я помню, когда меня оторвали отъ моей жены во время ея родовъ и какъ она одна, безъ помощи служанки, покинутая всѣми, мучилась смертельною болѣзною. Холодный потъ выступаетъ, когда вздумая... Но, Богъ печется объ несчастныхъ, — она выздоровѣла. Теперь я безъ куска хлѣба, а былъ богатъ; бѣдность гнететъ иногда, но душа стала выше этихъ предрасудковъ. И можно ли за одно чистое, святое наслажденіе созерцательной минуты взять цѣлую жизнь, спокойную и безмятежную, этой толпы, которую ничто не грѣбетъ, ничто не влечетъ?..

«Часто сажусь я вотъ на этой горѣ и перебираю жизнь мою. Какъ ярко напечатлѣны въ памяти минуты поэтическихъ восторговъ, когда душа, вырываясь изъ цѣпей, парила! Эти минуты свѣтятъ, подобно фаросу, по болотистому пути жизни. А мгновенія, когда я услышалъ первое слово любви,—это мощное слово, которое одно можетъ пересоздать человѣка,—не выкупили ли они впередъ всѣ несчастія!..... Въ 16 лѣтъ схватили меня волны и умчали, крутя, въ какой-то *bufera infernale* ¹⁾. И я, подобно моряку, приставшему на бесплодный утесъ, вспоминаю всѣ бури, всѣ волны, бившія о мой корабль, и благодарю провидѣніе, что спасло меня, забывая потери. Счастье—слово безъ смысла въ нечистыхъ устахъ толпы. Для чего счастье человѣку, одаренному душою высокой, которая внутри себя найдетъ блаженство? И когда же были счастливы становившіеся выше узкихъ рамъ, которыми сковались ничтожные люди? Птицы небесныя имѣютъ гнѣзда и лисы возвели убѣжище, но сыну человѣческому негдѣ главы преклонить. И развѣ Онъ счастьемъ манилъ учениковъ? Развѣ счастье оставилъ имъ въ наслѣдство? Нѣтъ, крестъ! И съ радостію взяли они это наслѣдство и понесли крестъ Его... Никогда человѣкъ въ счасти не узнаетъ всей глубины поэзіи, въ его душѣ лежащей, но страданія, вливая силы, разверзнутъ цѣлый океанъ ощущеній и мыслей. Когда Данте былъ въ раю? Торжествуя ли въ своей *Firenze*, или будучи въ ссылкѣ, «испытывая горечь чужого хлѣба и крутизну чужихъ лѣстницъ»? Иной всю жизнь провелъ бы, не зная сокровенныхъ областей души своей, и она не вышла бы изъ своей хризалиды,—

¹⁾ Адскій вихрь (въ «Бож. Ком.» Данте).

такъ искусно толпа умѣетъ подавить, задушить чувство даже въ другомъ. Но его поражаетъ несчастіе, и душа вспорхнетъ, отрясетъ прахъ земной, взлетитъ къ небу.

«Одна мысль: *я перенесъ это*—исполняетъ гордостью и наслажденіемъ. Человѣкъ, не согнувшій выю свою передъ обстоятельствами, выдержавшій твердую борьбу съ ними, можетъ сознать свое достоинство и посмотрѣть на людей тѣмъ взоромъ, которымъ смотрѣлъ Марій съ развалинъ Карфагена на Римъ и Наполеонъ изъ Лонгвуда ¹⁾ на вселенную. Да, одна мысль эта достаточна, чтобы вознестись надъ толпою, которая такъ боится всякихъ ощущеній и лучше соглашается жить жизнію животнаго, нежели терпѣть несчастія, сопряженныя съ жизнію человѣка...»

Слова незнакомца нашли отзывный звукъ въ моемъ сердцѣ. Долго говорили мы. Наконецъ, пора мнѣ было собираться въ дорогу.

— Вамъ не нужно совѣтовъ: душа ваша не померкнетъ,—сказалъ онъ.

— И если она изнеможетъ,—возразилъ я,—подъ ударами судьбы, придетъ въ отчаяніе, я вспомню васъ и покраснѣю за свою слабость.

Онъ плакалъ.

— Зачѣмъ вы ѣдете? Я останусь опять въ моемъ одиночествѣ... Здѣсь сердца холодны, какъ руды изъ Уральскаго хребта, и такъ же жестки. Но сладостно будетъ мнѣ воспоминаніе нашей встрѣчи.

Я бросился въ его объятія и не могъ вымолвить слово благодарности. Онъ снялъ чугунное кольцо съ руки и, подавая мнѣ, сказалъ:

— Не бросай его. Ты молодъ, твоя судьба еще переменится, страданія не подавятъ твоей души. Но ты, можетъ, будешь счастливъ... Тогда береги свою душу; тогда, взглянувъ нечаянно на это кольцо, вспомни нашъ разговоръ.

Я былъ тронутъ до крайности, взялъ его кольцо, отстегнулъ запонку съ своей груди и молча подалъ ему.

— Со мною до гроба!—сказалъ онъ.

Мы разстались, и болѣе я никогда не видалъ его.

Черезъ часъ кто-нибудь изъ гуляющихъ по тому же бульвару могъ видѣть быстро промчавшуюся коляску на почтовыхъ, съ лихимъ усачомъ въ военной шинели на козлахъ, который, безпрерывно поправляя пальцемъ въ своей трубкѣ, погонялъ ямщика.

¹⁾ Мѣсто могилы его на островѣ св. Елены.

Вѣроятно, прохожій остановился; но, когда затихъ колокольчикъ, улеглась пыль,—спокойно продолжалъ свою прогулку.

Вятка.

1836, марта 10.

84. ЛЕГЕНДА.

(Посвящено сестрѣ Наташѣ).

Fu, e non è...

Non sarà tutto tempo senza reda... ¹⁾.

I.

Яко же отреби міру быхомъ, всѣмъ попаніе доселѣ.

Къ Коринѣ. I посл., гл. IV.

Нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы, нѣсколько мѣсяцевъ безъ открытаго неба, безъ чистаго воздуха. Тюрьма не есть уединеніе; чувство, что человекъ выброшенъ изъ общества, отрѣшенъ отъ всѣхъ его условій, давить. Душа сосредоточивается, занимаетъ наименьшее пространство, уменьшается. Томно шло время и однообразно до крайней степени,—сутки потеряли свое измѣреніе: всѣ 24 часа превратились въ одну тяжелую сѣрую массу, въ одинъ осенній вечеръ; изъ моего окна видны были казармы, — длинные, безконечныя казармы, — и надъ ними голубая полоса неба, изрѣзанная трубами и обезцвѣченная дымомъ. Наконецъ, потребность воздуха, солнца, неба превратилась въ болѣзнь, въ тоску. Мнѣ позволили гулять. Съ какимъ искреннимъ удовольствіемъ вышелъ я на печальный дворъ, отовсюду обставленный солдатами, чистый, плоскій, выметенный, безъ травы, безъ зелени; правда, по угламъ стояли деревья, но они были печальны: мертвые листья падали съ нихъ, и они казались мнѣ то потерянными бѣдными узниками, грустящими, оторванными отъ родныхъ лѣсовъ, то часовыми, которые безъ

¹⁾ Это два разрозненныхъ стиха изъ Дантова «Чистилища» (пѣснь XXXIII). Привожу для ясности весь отрывокъ, къ которому они относятся, беря курсивомъ то, что цитировано Герценомъ:

«Знай, что колесница, которую разрушилъ змѣй (драконъ), была, и нѣтъ ея больше, но тотъ, кто виновенъ въ этомъ, пусть будетъ увѣренъ, что мечь Бога не боится похлебки (которую ѣли на могилѣ убитаго, чтобы избавиться отъ мести его родственниковъ — М. Л.). Не останется навсегда безъ наследниковъ орелъ, оставившій перья свои въ колесницѣ, почему и сталъ онъ чудовищемъ, а потомъ добычей».

смѣны стерегутъ заключенныхъ. Удовольствіе мое тускло, темнѣло; къ этому прибавилась еще причина: кто не былъ въ тюрьмѣ, тотъ врядъ ли пойметъ чувство, съ которымъ узникъ смотритъ на своихъ провожатыхъ, которые смотрятъ на него, какъ на дикаго звѣря... Я хотѣлъ уже возвратиться въ свою маленькую горницу, хотѣлъ опять дышать ея сырмъ, каменнымъ воздухомъ и съ какою-то ненавистью видѣлъ, что и это удовольствіе, къ которому я такъ долго приготовлялся, отравлено, какъ вдругъ мнѣ попалась на глаза бесѣдка на краю ограды. «Можно итти туда?»—«Я думаю», отвѣчалъ офицеръ послѣ нѣкотораго молчанія. Я взошелъ, и чуть крикъ восторга не вырвался изъ моей груди: пространство болѣе, нежели на двадцать верстъ, раскрывалось внезапно, нечаянно. Кто не знаетъ чувствованій, съ которыми смотритъ человѣкъ вдаль съ горы? Я самъ часто испытывалъ ихъ, но тутъ явилось что-то новое въ моей груди, сжатой каменными стѣнами, въ груди колодника.....

Вся Москва, весь этотъ огромный, пестрый гигантъ, распростертый на сорокъ верстъ, блестящій своею чешуею, вся эта необъятная узорчатая друза кристалловъ, неправильно осѣвшихся. Я всматривался въ каждую часть города, въ каждой грудѣ камней находилъ знакомаго, пріятеля, котораго давно не видалъ*. Вотъ Кремль, вотъ Воспитательный д., вотъ крыша театра, вотъ такая-то церковь... Осеннее солнце, «какъ итальянская луна», не ослѣпляло. Полосами была Москва наводнена его свѣтомъ, полосами была темна, и эти полосы перебѣгали: Москва, казалось, то улыбается, то браздитъ морщинами чело свое. Вся московская жизнь представлялась мнѣ ясно, живо, со всей пустою шумливостью и дѣятельностью безъ цѣли; я почти зналъ, что дѣлается вотъ подъ этой зеленой крышею большого дома, на который Москва не позволяетъ дунуть вѣтру, и подъ досчатымъ навѣсомъ этой хижины, которую Москва толкаетъ въ рѣку. Вспомнилась прошедшая жизнь... И святые минуты чистыхъ восторговъ, и буйныя вакханалии, и нѣмая боль скуки, и ядовитыя объятія разврата,—все, все виднѣлось мнѣ изъ кирпичныхъ массъ.

Не знаю, долго ли бы простоялъ я тутъ, или долго ли бы мнѣ позволили простоять, но раздался густой, протяжный, одинокій звукъ колокола съ другой стороны. Звукъ колокола заставляетъ трепетать: онъ слишкомъ силенъ для человѣческаго уха, слишкомъ силенъ для сердца; въ немъ есть доля угрызенія совѣсти и печальный упрекъ; онъ зоветъ, но не проситъ; онъ напоминаетъ о небѣ, но пренебрегаетъ землею.

Доселѣ я не обращалъ вниманія на другую сторону: Москва поглотила меня. Страшный звукъ мѣди среди этой тишины заста-

вилъ обернуться. Все перемѣнилось. Печальный, уединенный Симоновъ монастырь съ черными крышами, какъ на гробахъ, съ мрачными стѣнами стоялъ на обширномъ полѣ; небольшая рѣка тихо обвивала его, не имѣя силъ подвинуть нѣсколько остановившихся барокъ; кое-гдѣ курились огоньки, и около нихъ лежали мужики, голодные, усталые, измокшіе,—и голосъ мѣди вырывался изъ гортани монастыря. Какъ непохожъ Симоновъ монастырь, заключенный со всѣхъ сторонъ въ ограды, на Москву, раскрытую со всѣхъ сторонъ. Въ немъ было столько тишины и спокойствія, столько святого и поэтическаго. Печаленъ видъ его, и грустенъ его колоколь но онъ зналъ лучшія времена, онъ былъ знаменитъ и славенъ, торжественно звалъ его колоколь тогда; теперь, ежели бы не напомнилъ о себѣ, можетъ быть, я не замѣтилъ бы его. Старинная архитектура указывала время его славы; и онъ не хочетъ переодѣться такъ, какъ многія желаютъ умереть въ вѣнчальномъ платьѣ. Тогда ему еще нужны были стѣны для защиты *отъ врага*. Счастливое время. На что теперь эти стѣны, эти башни? *Врагъ* умѣетъ ихъ миновать, умѣетъ вездѣ найти свою жертву. И не въ твоихъ ли оградахъ лежитъ *юноша, который такъ много жилъ въ своей короткой жизни?* Тогда *врагъ* являлся въ видѣ вооруженнаго Савла,—можно было ждать обращенія; теперь въ видѣ руды,—одна надежда на самоубійство.

Возвратившись въ мою горницу, я вспомнилъ всю блестящую эпоху монастырей. Живо представились мнѣ эти люди съ пламенною фантазіей и огненнымъ сердцемъ, которые проводили всю жизнь гимномъ Богу, которыхъ обнаженные ноги сжигались знойными песками Палестины и примерзали ко льдамъ Скандинавіи. Эта жизнь для идеи, жизнь для водруженія креста, для искупленія человѣка казалась мнѣ высшимъ выраженіемъ общественности; ея нѣтъ болѣе и она невозможна теперь. Тогда были вѣка, умѣвшіе вѣровать, умѣвшіе понимать власть идеи, умѣвшіе покоряться, умѣвшіе молиться въ храмѣ и умѣвшіе воздвигать храмы. Великая кисть художника увѣковѣчила на стѣнахъ Ватикана торжественную минуту силы идей: рабъ рабовъ божіихъ отираетъ сандалии свои о вѣнчанное чело цезаря... И тутъ же, казалось, я слышалъ свистъ и смѣхъ, съ которыми встрѣтило XIX столѣтіе религиозное направленіе.

Забудемте, ради Бога, забудемте нашъ вѣкъ, переселимтесь въ эти времена тихаго созерцанія, въ эти времена неба на землѣ! ¹⁾

¹⁾ Легенда, предлагаемая здѣсь, находится въ *житіи святыхъ* за сентябрь мѣсяць. Для чего же я переписалъ ее? Гете говорить: «Nun erzählt

Аминь глаголю тебѣ, днесь со мною
будеши въ рай.

Дук., гл. XXIII, ст. 43.

Юноша въ простой одеждѣ вышелъ изъ городскихъ воротъ Александрии и скорыми шагами пробѣгалъ, некрополись, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на дивныя пещеры, изсѣченныя въ камнѣ, ни на дивныя картины, покрывавшія ихъ стѣны. Эта невнимательность отнюдь не происходила отъ одной привычки, приучающей чело­вѣка безъ удивленія смотрѣть на все, но отъ того, что онъ былъ занятъ какою-то мыслию, которая ревниво отталкивала весь міръ. Сильныя страсти боролись на его лицѣ; мертвая блѣдность покрывала щеки; иногда слеза тихо скатывалась, и онъ не замѣчалъ ея. Бѣлое лицо его было чрезвычайно нѣжно, и, когда онъ отбрасывалъ рукою кудри, падавшія ему въ глаза, его можно было принять за дѣву. Большіе черные глаза выражали особое чувство грусти и задумчивости, которое видимъ въ юныхъ лицахъ жителей юга и востока, столь непохожее на мечтательность въ очахъ сѣверныхъ дѣвъ: тутъ—небесное, тамъ—рай и адъ чувственности. Во взорахъ юноши проглядывалъ фанатизмъ, что-то восторженно-религіозное, принадлежащее его родинѣ,—колыбели христіанскаго аскетизма и кенобитиі отшельниковъ оиваидскихъ, гдѣ самое умерщвление страстей превратилось въ страсть. Удалившись нѣсколько отъ города, юноша остановился, долго слушалъ исчезающій, раздробленный голосъ города и величественный единый голосъ моря... 1)

die Gesellschaft dem Wunsche gefällig jene Legende... Hier lernte man das eigentliche Wesen der Sage kennen, wenn sie von Mund zu Mund, von Ohr zu Ohr wandelt. Widersprüche kommen nicht vor, aber unendliche Unterschiede, welche daher entspringen mochten, dass jedes Gemüth einen andern Antheil an der Begebenheit genommen (Sanct. Pastor. Fest zu Bingen. 23 Ap. XLIII B^o).

Метафрастъ писалъ мартирологъ при Константинѣ Багрянородному, — теперь XIX вѣкѣ! А. И. Г.

1) Le Seigneur...
Mêle éternellement dans un fatal hymen
Le chant de la nature au cri du genre humain.

В. Hugo (А. И. Г.)

*) «Теперь, согласно желанію, общество услужливо рассказываетъ легенду. Въ это-то время, когда она входитъ изъ устъ въ уста, и познается настоящій смыслъ саги. Противорѣчія не возникаютъ, но являются безконечные варианты вслѣдствіе того, что каждый рассказывающій, смотря по своему настроенію, различно относится къ передаваемому имъ событію.

«Господь... безконечно сливается въ роковомъ бракѣ пѣніе природы съ крикомъ рода чело­вѣческаго.

Потомъ, какъ будто укрѣпленный этою симфонією, остановилъ свой влажный взоръ на едва виднѣющейся Александріи.

Александрія—Греція, возвратившаяся въ Египетъ, памятникъ славы сына Юпитера-Аммона, надгробный памятникъ Клеопатры,—засыпала въ золотой пыли, въ туманѣ свѣта и жара. Усталое солнце только погружало лицо свое въ Средиземныя волны, раскаляя длинную полосу на морѣ, которое готово было вспыхнуть. Нѣсколько забытыхъ, запоздалыхъ лучей солнца играли на крестахъ храмовъ христіанскихъ. Александрія была тогда поклонница Христа, придавая чистой религіи Его свои неоплатоническіе оттѣнки и свою мистическую теургію Прокла и Аполлонія. Уже храмъ Сераписа,—Кѣльнскій соборъ міра языческаго,—съ своими сводами, галереями, портиками, безчисленными колоннадами, мраморными стѣнами, покрытыми золотомъ, давно былъ разрушенъ, и колоссальная статуя Сераписа, на челѣ которой останавливался лучъ солнечный, не смѣя миновать его, была разбита и превращена въ пепель. Но Александрія, еще сильная и могущественная, не лишенная прелестей, коими ее надѣлилъ Динократь, прелестей, коими надѣлила ее Клеопатра, наряжая себя, пышно и сладострастно смотрѣла на юношу, не предвидя, что скоро превратится въ Искандери арабовъ.

Грустенъ былъ взоръ юноши. Онъ говорилъ: мы разстаемся, я болѣе не гражданинъ твой... Но ему было жаль Александріи: тутъ онъ узналъ жизнь, тутъ онъ любилъ, тутъ, можетъ быть, былъ любимъ, тутъ... но какое-то страшное воспоминаніе пролетѣло по лицу юноши, какое-то угрызеніе совѣсти, и онъ, обратясь къ востоку, бросился на колѣни, и горячія слезы раскаянія сопровождали молитву его. Она была безъ словъ, безъ мыслей, можетъ быть, но она была истинна и глубока; мысли и слова отняли бы всю духовность ея, такъ, какъ они ее отнимаютъ у музыки.

Чиста и прелестна молитва невинности, какъ весеннее утро, какъ вода нагорнаго потока, но въ ней есть чувство собственнаго достоинства, требованіе награды. Дѣва чистая называетъ себя невѣстою Христа, невѣстою Того, котораго Соломонъ называлъ женихомъ церкви. Не такова молитва преступнаго: рыдающій, поверженный въ прахъ, онъ алчетъ одного прощенья; его молитва раздираетъ его душу; въ ней вся его надежда и вмѣстѣ отчаяніе; онъ чувствуетъ свою недостойность, но чувствуетъ и безмѣрную благодать Бога; онъ боится, трепещетъ, уничтожаетъ себя и возрождается, живетъ токмо въ немъ, въ Испуителѣ рода человѣческаго... Сильна и пламенна молитва преступника, какъ потокъ каленаго металла, бросаемаго изъ огнедышащаго жерла къ небу. И не для грѣшника ли создана молитва? Праведному—гимнъ.

«Я пришелъ въ домъ твой, и ты воды Мнѣ на ноги не далъ, а она слезами облила Мнѣ ноги и волосами головы своей отерла, а потому сказываю тебѣ: прощаются грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много».

Евангеліе.

Окончивъ свою молитву, юноша всталъ, прощальнымъ взоромъ поцѣловалъ Александрію и пошелъ далѣе. Темнѣло, и онъ, углубляясь въ плоскую даль пустыни, едва былъ виденъ и исчезъ, наконецъ... На другой день проходилъ онъ къ вечеру дикое и пустынное мѣсто и, казалось, еще не отдыхалъ; шаги сдѣлались тише, дыханіе тяжелѣе. Въ темнотѣ можно было разглядѣть массу еще темнѣйшую, которая грубо и тяжело вырѣзывалась на небосклонѣ. Увидѣвъ ее, юноша собралъ послѣднія силы, удвоилъ шаги и вскорѣ подошелъ къ каменной оградѣ. Ворота были заперты. Нѣсколько разъ подымалъ онъ руку, чтобы постучаться въ окошко привратника, но рука не поднималась,—видно было, что поступокъ, имъ предпринимаемый, слишкомъ измѣнялъ всю жизнь его, слишкомъ глубокимъ оврагомъ отрѣзывалъ все прошедшее отъ всего будущаго. Раскаяніе, негодованіе на свою слабость показались на его чертахъ, и онъ коснулся до окна. Трепетъ пробѣжалъ по его членамъ; казалось, что стучать у него въ сердцѣ, и сѣдая голова привратника два раза повторяла уже свое привѣтствіе сонными устами и спрашивала о причинѣ поздняго прихода прежде, нежели юноша вымолвилъ: «Отецъ мой, иди къ игумну, скажи, что у воротъ стоитъ презрѣнный грѣшникъ, что онъ умоляетъ принять его въ монастырь, что онъ пришелъ обмыть ваши святыя ноги и работать и трудиться». Сѣдая голова исчезла. Слова какой-то молитвы коснулись ушей юноши, потомъ слышались тихіе шаги, которые звучали по камню, потомъ все умерло, и ничего не было слышно. Каждый шагъ чувствовалъ юноша въ своей груди,—онъ дѣлалъ его на поприщѣ имъ избранномъ,—и мысль, къ которой онъ давно готовился, теперь, казалось, была слишкомъ сильна для его груди. Не такъ ли трепещетъ человѣкъ, ведя къ алтарю свою возлюбленную?

Юноша бросился на большой камень; волненіе его утишилось, высокое чувство вѣры восходило, подобно солнцу, изъ возмущенныхъ волнъ, освѣщая ихъ, согрѣвая, передавая имъ свой свѣтъ. Онъ отрѣшался отъ міра земного, онъ слышалъ гласъ Іисуса, призывавшій его туда, въ обитель любви и надежды, туда, гдѣ поютъ Бога чистые ангелы, гдѣ души праведныхъ Его видятъ, гдѣ между ними и покаявшіеся грѣшники... Долго сидѣлъ онъ неподвиженъ, склонивъ голову на обѣ руки, по коимъ разсыпались его кудри.

И въ это время онъ, казалось, гармонировалъ и съ мертвою тишиною пустыни, и съ мрачною недвижностью монастыря, и съ сухими, печальными растеніями береговъ Африки и всего болѣе съ своею родиной—Египтомъ, который однажды жилъ, остановился на своихъ обелискахъ и пирамидахъ и стоитъ съ замершею на устахъ нѣмою рѣчью іероглифовъ. Проходятъ часы; нѣтъ привратника. По временамъ пронзительный вой шакала раздается протяжно и длинно, не встрѣчая препятствій; подобно голосу военной трубы, онъ ищетъ жертвы и вторитъ, не находя ея. Юноша ничего не замѣчалъ. Но вотъ вблизи его быстрыми скачками, едва дотрагиваясь до земли, пронесся барсъ. Юноша содрогнулся, и нѣмое гнетущее чувство одиночества овладѣло имъ. Ужасно чувство, съ которымъ человѣкъ видитъ, что онъ оставленъ всѣмъ свѣтомъ, когда онъ невольно обращаетъ умоляющій взоръ вокругъ себя, зная, что никто не подастъ ему помощи, и когда взоръ его встрѣчаетъ вмѣсто спасителя ярящіяся волны океана, улыбающійся взглядъ инквизитора или взглядъ безъ выраженія палача. Первое движеніе юноши было бѣжать. Куда?—онъ самъ не зналъ, но вѣра въ провидѣніе остановила его. Онъ осѣнилъ себя крестомъ и спокойно сѣлъ на свой камень. Христіанинъ побѣдилъ человѣка. Ночь прошла, зардѣлъ востокъ, но привратникъ не являлся. Ужели онъ не исполнилъ просьбы юноши? Ужели игуменъ не спѣшитъ утѣшить страждущаго сына?

III.

Двѣ любви создали двѣ вѣси: любовь къ себѣ до презрѣнія Бога—весь земную; любовь Бога до презрѣнія себя—весь небесную.

Св. Августина.

Въ бѣдной кельѣ, сложенной изъ огромныхъ камней, при скупомъ свѣтѣ треножной лампы, на большомъ четверугольномъ кускѣ гранита сидѣлъ монахъ, лѣтъ за пятьдесятъ. Передъ нимъ лежалъ развернутый свитокъ Августина. Одна рука поддерживала голову, покрытую черными волосами, перемѣшавшимися съ сѣдиною, другою онъ придерживалъ свитокъ. Лицо его было блѣдно и желто; глубокія морщины на лбу и пламенные глаза показывали, что въ душѣ его горѣли страсти сильныя и что доселѣ онѣ не потухли. Рѣзкое лицо и болѣе строгое, нежели кроткое, могло показаться холоднымъ съ перваго взгляда, но только съ перваго.

Онъ родился въ Антиохіи, и судьба готовила ему съ раннихъ лѣтъ путь, особый отъ пути, по которому она гуртомъ толкаетъ людей. Онъ не зналъ любви матери, ни ея нѣжной ласки, отъ которой мягчится сердце: родившись, былъ онъ убійцею ея. У него не было ни сестеръ, ни братьевъ. Отецъ, погруженный въ торговые обороты, богатый и надменный, рѣдко жившій въ Антиохіи, былъ для него посторонній. Словомъ, узы родства, тысячью цѣпями привязывающія челоуѣка къ домашней жизни, къ маленькому кругу дѣйствій, ему никогда не были извѣстны. Сильная, огненная душа юноши, отъ природы чувствительная и возвышенная, жаждала симпатіи, любви и находила одинъ холодъ дѣйствительнаго міра. Мрачность черными струями разливалась по его характеру: онъ сталъ скрытенъ, задумчивъ, искалъ отрады въ чтеніи поэтовъ Греціи и не находилъ ея. Свѣтлое, яркое небо Эллады, высокое чувство красоты и ея красота ваятельная худо согласовались съ его больной душою. Страшно жжетъ душу огонь ея, когда нѣтъ отверстій, куда бы онъ вылился, когда нѣтъ вѣры, которая одна можетъ обратить его къ небу, когда нѣтъ любви, которая одна можетъ благотворнымъ сдѣлать пламень его. Долго блуждалъ онъ, не приставая никуда и терзая свою душу потребностями, которымъ не находилъ удовлетворенія. Перебѣгая отъ предмета къ предмету, попалъ на христіанскихъ писателей. Здѣсь ему раскрылся новый міръ, исполненный обширности, глубины и силы. Одаренный восточною фантазіей, онъ увлекся африканскимъ краснорѣчіемъ Оригена и Тертуллиана: наполнилась пустота въ душѣ, сильная вѣра очистила огонь, ее пожиравшій. Но что болѣе поразило его, это—сами христіане, дѣятельность ихъ для развитія идеи, безпредѣльная вѣра въ нее и чистое, святое самоотверженіе. Надобно вспомнить, что тогда было время великой борьбы противъ аріанизма. Никогда рвеніе христіанскихъ учителей не было обширнѣе. Весь міръ участвовалъ въ спорахъ, и гонцы спѣшили по всему міру передавать мысль Августина, слово Аѳанасія. Эта дѣятельность съ колоссальною цѣлью пересоздать общество челоуѣческое, пересоздать самого челоуѣка, возвратить его Богу и черезъ него всю природу, опираемая на божественное основаніе Евангелія, волновала юношескую душу. Онъ увидѣлъ, что нашелъ свое призваніе, заглушилъ всѣ страсти, питалъ одну,—покаялся сдѣлать изъ души своей храмъ Христу, то есть храмъ челоуѣчеству, участвовать въ апостольскомъ посланіи христіанъ,—и сдержалъ слово. Въ груди сильной можетъ быть одна страсть! Его ничто не привязывало ни къ родительскому дому, ни къ родинѣ, 19 лѣтъ бѣжалъ онъ въ Грецію. Много лѣтъ провель въ кельяхъ учителей, собирая манну ихъ словъ, учась ихъ

примѣромъ и утѣшая ихъ строгостью своихъ нравовъ. Наконецъ, учителя признали его силу, благословили его и велѣли итти, проповѣдуя слово Божіе. Мечтая о началѣ божественнаго Сіона, явился онъ къ людямъ, и человѣчество представилось ему худшею частью своею—Византіею. Византія, которой гніеніе началось вмѣстѣ со славою, развратная, гнусная должна была ужаснуть юношу. Съ негодованіемъ видѣлъ онъ, что христіанство тамъ ограничивается одними преніями безъ вѣры, что оно такъ же не идетъ къ Византіи, какъ статуя, которую Констанцій хотѣлъ туда перевезти изъ Рима и за которую боялся Горландтъ, что ей будетъ тѣсно. Противоположность чистыхъ, высокихъ учителей, простиравшихъ руку всѣмъ слабымъ и труждающимся и часто отнимавшихъ ее отъ сильныхъ и богатыхъ, съ міромъ, погрузившимся въ пороки, съ которыхъ спала даже завѣса стыда, заживо разлагающимся, сдѣлала его несправедливымъ. Онъ видѣлъ одно цѣлое, хорошее, неповрежденное въ мірѣ—духовенство; ему хотѣлъ бы онъ отдать и вѣнецъ, и порфиру; въ немъ полагалъ всѣ свои надежды; въ его апостольскомъ призваніи видѣлъ возможность спасти людей и обратить ихъ. Онъ оставилъ Византію. Римъ, разрушаемый Аларихомъ, страшилъ его; онъ не зналъ, что тамъ нашель бы зародышъ исполненія своей мысли, и удалился въ пустыню Фивайдскую. Здѣсь, среди аскетизма и восторженности, среди людей избранныхъ Богомъ, еще больше окрѣпъ его характеръ, и еще больше возмущался онъ міромъ. Первое желаніе, явившееся въ груди его, было удаленіе въ пустыню, въ которой бы можно было забыть все и помнить одного Христа; но это худо согласовалось съ мыслью распространенія слова Божія. Не отдѣльность нужна для развитія идеи, а совокупность. Онъ возвратился на родину, роздалъ бѣднымъ богатое наслѣдство свое и вступилъ въ Октодекатскій монастырь. Вскорѣ братія избрала его игумномъ, и онъ былъ пастырь строгій: поучалъ примѣромъ, наказывалъ всякую слабость, отрѣзывая болѣе и болѣе монаховъ отъ міра. Монастырскій чинъ и устройство христіанскаго духовенства явило дивный примѣръ согласованія двухъ идей, повидимому враждующихъ,—іерархіи и равенства, въ то время, какъ политическая исторія человѣчества показываетъ одно непрерывное стремленіе къ этому согласованію, стремленіе несчастное, ибо способы, для этого употребляемые, бѣдны и мелки. Имѣя такой примѣръ передъ глазами, люди не умѣли понять его.....

Вотъ къ этому монаху поздно ночью отворилъ дверь привратникъ. Сперва онъ постучалъ въ нее, но, не слыша отвѣта и думая, что игумень спитъ, онъ вошелъ въ келью. Игумень, не замѣчая его, продолжалъ чтеніе: онъ былъ въ восторгѣ, глаза его го-

рѣли юношескимъ пламенемъ, въ лицѣ было столько торжественности, что, казалось, оно распространяетъ лучезарный свѣтъ и что ему, какъ Моисею, нужно покрывало. Красота восторга лучше всѣхъ красоть человѣческихъ, ибо тогда человѣкъ перестаетъ быть земнымъ и начинаетъ быть небеснымъ; для нея не нужно ни юности, ни украшеній. Наконецъ, онъ поднялъ голову и увидѣлъ пришедшаго. «У воротъ, св. отецъ», сказалъ привратникъ, благословенный игуменомъ, «стоитъ юноша, проситъ, чтобы ты принялъ его въ монастырь; онъ печаленъ, слезы льются изъ его очей, говоритъ о какомъ-то преступленіи. Прикажешь ли пустить его?» Игуменъ молчалъ. Черты его измѣнялись, теряли свою торжественность и превращались въ холодное, недовѣрчивое и строгое выраженіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на несовершенный міръ; но душа его отстала, — она еще не пришла въ обыкновенное положеніе. «Юноша... — говорилъ онъ самъ съ собою... Прелестное время... Тогда родятся высокія мысли... Гдѣ-то теперь другъ моей юности?»... И воспоминаніе чего-то, давно прошедшаго, навертывалось въ умъ его и манило къ себѣ; но онъ былъ царемъ души своей, остановилъ порывъ и продолжалъ: «...Минутная злоба на міръ, мечтаемое отчаяніе, которое такъ любятъ юноши, — вотъ что ихъ гонитъ, а пуще всего гордость. Гордость... Ею владѣетъ нашъ врагъ. Всякое преступленіе скорѣе гордости искупится. Не уничтожить себя во Христѣ хотятъ они, а возвыситься надъ другими». Все это говорилъ онъ въ полслуха, потомъ, обращаясь къ привратнику: «Старикъ, поди и лягъ спать. Отвѣта не давай ему, не выходи до утра. Ежели останется, ежели смиренно перенесетъ это униженіе, тогда увидимъ». — «А дикіе звѣри?» — замѣтилъ съ жалостнымъ видомъ старикъ. — «Они не растерзали Даніила въ пещерѣ львиной». — «Но холодъ ночи?» — «Вседержитель умѣетъ хранить избранныхъ, сынъ мой. Да будетъ на тебѣ благословеніе божіе». Привратникъ вышелъ, а игуменъ, развлеченный его приходомъ, принялся за свитокъ. Но чтеніе не шло впередъ: то трещала свѣтильня лампы, то горѣла очень тускло, и онъ долженъ былъ прерываться и поправлять. Но это происходило отъ другой причины: его занималъ юноша. Какъ искренно, горячо желалось ему, чтобъ онъ перенесъ униженіе, чтобъ остался вѣренъ избранному поприщу; тогда онъ перельетъ въ него всю душу: ему нуженъ чистый, юный человѣкъ. И Богъ знаетъ, какія надежды онъ строилъ на немъ..... Но еще искусъ его не долженъ былъ кончиться одною ночью: нѣтъ, скорѣе онъ лишился бы остальныхъ братьевъ, нежели въ одной ютѣ избавить пришельца отъ цѣлаго ряда трудовъ и униженій.

IV.

Шедше убо, научите вся языки,
крестяще ихъ во имя Отца, и Сына,
и Святаго Духа.

Матв., гл. XXVIII, ст. 19.

О семь разумѣють вси, яко мои
ученицы есте, аще любовь имате
между собою.

Иоан., гл. XIII, ст. 35.

Солнце уже склонялось къ западу, пышная природа юга была во всей красѣ своего вѣчнаго лѣта, когда въ длинной платановой аллеѣ, обвитой каменной оградой монастыря, показался игумень съ юнымъ другомъ своимъ, Θεодоромъ. Уже неоднократно изливалъ онъ долго страдавшую душу свою въ этотъ чистый сосудъ,—сосудъ церковный, божій. Старецъ радовался, найдя человѣка, который такъ вполнѣ понимаетъ его. Въ сотый разъ повѣствовалъ онъ ему свою жизнь и свои надежды, и въ сотый разъ съ умиле- ніемъ и благодарностью слушалъ юноша. Они сѣли на простой скамьѣ, отгѣненной широкими листьями пальмы. Каленый воздухъ наносилъ дивный запахъ алоэ и лимонныхъ деревьевъ. Огромные цвѣты магнолій, прощаясь съ солнцемъ, хвастались своими краси- выми вѣнчиками. Ручныя антилопы спокойно щипали траву. Пун- цовые ориксы и зеленые голуби перелетали съ вѣтки на вѣтку. Старикъ, казалось, помолодѣлъ и такимъ образомъ продолжалъ свой разговоръ:

«Что можетъ быть выше призванія апостольскаго?.. Съ жи- вымъ словомъ въ душѣ, съ пламенной вѣрой, съ пламенной лю- бовью ко всему человѣчеству и къ каждому человѣку идетъ онъ въ общество людей. Для ихъ блага переноситъ гоненія и страданія; въ ихъ души, не отверстыя истинѣ, зароняетъ слѣво вѣры. И какое наслажденіе, когда слово не погибнетъ, разовьется! Сильно живое слово,—ничто не остановитъ его. Тщетно земной человѣкъ про- тиводѣйствуетъ своему спасенію,—оно увлечетъ его.

«Посмотри, какъ человѣкъ усиливается воздвигнуть башню Ва- вилонскую и какъ не можетъ ничего сдѣлать. Римъ,—твердѣйшій столпъ храма земного, сильнѣйшее проявленіе человѣка Адамова, послѣдняя твердыня его,—развѣ не нашелъ зародышъ своей гибели въ самомъ развитіи своемъ? Бореніе составляло его жизнь, ибо бо- реніе назначено въ удѣлъ Адаму,—потъ и потъ кровавый. Но какъ

въ Адамѣ всѣ умирають, такъ во Христѣ всѣ оживуть. Господь примиряетъ съ собою человѣка, и чѣмъ же? Онъ снишелъ до человѣка, чтобы человѣка возвысить до Бога. Море благи и милосердія,—онъ не хочетъ прямо простить человѣка: это уронило бы падшаго, грѣховнаго; онъ даетъ ему самому средство искупленія во Христѣ ¹⁾. И Христось, единый правый, страдаетъ за всѣхъ виновныхъ. Весь земная падаетъ, весь небесная создается. Что за торжественный день для міра, когда онъ огласился въ первый разъ Евангеліемъ! Міръ, истерзанный войною, услышалъ слово мира, міръ попранный—слово свободы, міръ ненависти—слово любви, міръ невѣрія—слово вѣры. Всѣмъ говорило Евангеліе: исчезли племена и состоянія, фарисей и садуккей отвергнуты, эллинъ и іудей приняты. Всѣхъ манило оно въ лоно божіе, всѣхъ—въ объятія братства. Первый Адамъ сталъ душою живущей, послѣдній Адамъ есть духъ животворящій. И чтобы человѣкъ остался безотвѣтенъ гласу апостольскому,—никогда! никогда!

«Нѣтъ, слишкомъ мрачно смотрѣлъ любимецъ его съ Патмоса, когда, увлеченный своимъ восторгомъ, онъ писалъ огненные строки Откровенія. Сіонъ божій, весь Христова, еще здѣсь, на семь мірѣ осуществится, она уже началась и вспять итти не можетъ: «се дахъ передъ тобою двери отверсты и никтоже можетъ затворити ихъ»... Палъ Вавилонъ, палъ Вавилонъ, и не воскреснетъ болѣе. Палъ великій городъ, облеченный въ виссонъ и порфиру, и багряницу, украшенный златомъ и камнями, и плачуть о немъ купцы, издали всматриваясь въ развалины города, гдѣ они торговали и миррой, и ѳиміамомъ, и конями, и тѣлами, и душами человѣческими. Силенъ врагъ, живущій въ развалинахъ, но онъ побѣжденъ, и міръ, какъ Савлъ, сдѣлается изъ гонителя апостоломъ, изъ воина крови воиномъ Христовымъ. Понятны мнѣ грустные звуки, вырывающіеся изъ души Іоанна,—его пламенный нравъ не умѣлъ ждать; но не правъ онъ: развѣ не при немъ началась битва, на которую ангелъ звалъ врановъ пожирать трупы сильныхъ? И онъ, нѣкогда склонявшій главу на грудь Его, уже видѣлъ потрясенный Римъ словомъ Евангелія. И кто же потрясли его? Эти гонимые, униженные, отребі міру, скитающіеся, нагіе, въ то время, какъ о силу его раздробились народы всей земли,—оттого, что голосъ ихъ былъ голосъ Бога, голосъ человѣчества, оттого что они душою предали себя Христу и своему призванію. Этого голоса не сковали темницы, не казнили сѣкиры, не растерзали тигры. Что противъ этой любви и вѣры могли легіоны и патрици, и це-

¹⁾ Эта мысль Данта. А. И. Г.

зари? Эти люди вѣры были сильнѣе сильныхъ міра сего, которые съ улыбкою презрѣнія говорили о назарянахъ: «Ничего не имѣя, по словамъ Павла, и всѣмъ обладая».

«Сынъ мой, несмотря на то, что я горько обманулся въ людяхъ, я убѣжденъ въ скоромъ утвержденіи царства Христова. Священныя минуты, когда явилась мнѣ впервые мысль этого Сіона, когда я прозрѣлъ ее въ Евангеліи, когда такъ близко казалось мнѣ осуществленіе ея!.. Насталъ для человечества день исхожденія изъ Египта. Труденъ путь: и степи, и голодъ, и жаръ, но снова раздѣлитъ Іегова намъ Чермное море и введетъ въ землю обѣтованную. Мы, можетъ, погибнемъ въ пути, но они перейдутъ. Не достаточно ли одной этой мысли, чтобы съ сладкою надеждой явиться предъ Судією, исполнивъ долгъ свой? Долго намъ еще странствовать, и ужасно теперешнее состояніе. Гоненія остановились, но слабые пали духомъ, христіане сдѣлались хуже язычниковъ. Гдѣ эта семья, у которой было одно сердце, одна душа, гдѣ собственности не было, а было все общее, какъ говорить Лука? Гдѣ братство, въ которомъ были и невѣжды, и ремесленники, и пахари, и старыя женщины и изъ коихъ выбирались вожди церкви Христовой, и какіе вожди?!... Но не будемъ сѣтовать; пускай смердятъ и разлагаются остатки древняго міра: не изъ развалинъ его построится Сіонъ,—онѣ нечисты. Ежели-бъ ты зналъ, что такое Византія! Грѣхи ея дошли до неба, и Богъ вспомянулъ неправды ея. На ней совершится громовое пророчество Исаіи: она будетъ рабою иноплеменниковъ. И тамъ, въ этой-то Византіи я видѣлъ великихъ свѣтильниковъ церкви: духовенство отдѣлилось отъ мірянъ, и въ немъ сохраняется весь Христова. Оно-то собиралось въ Никеѣ въ этотъ великій день вѣры; оно не простило Константина, облигаго тройною кровью—сына, племянника и жены. Да, среди пустынь, за стѣнами монастырей, возрастетъ слово Христово: «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма его не объяла»,—и оттуда пересадится на открытое поле, когда изъ него исторгнутся плевелы... Догнивайте же остатки Вавилона, снѣдаемые собственными пороками! Гибните въ сладострастіи, сребролюби, гибните въ гнусныхъ, позорныхъ рукахъ евнуховъ и женщинъ!»

— Неужели, отецъ мой, ты рядомъ ставишь женщинъ съ этими полулюдьми?—спросилъ юноша.

— Нѣтъ. Но,—сказалъ игумень, строго взглянувъ на Теодора,—но бойся женщинъ: ихъ красота—красота Абаддоны.

— Но красота отъ Бога и есть проявленіе его, говорить Августинъ, который самъ любилъ.

— Горе тебѣ, ежели ты только нашелъ въ Августинѣ,—воз-

разилъ старецъ. Далила, обрѣзывающая власы Самсона—вотъ образъ всѣхъ женщинъ. Вспомни, что Сирахъ боялся ихъ, какъ ядовитыхъ скорпионовъ,—болѣе, нежели тигра и дракона. Ихъ слабыя души, ихъ изнѣженныя тѣла привязываютъ къ землѣ. Не имѣя силы, онѣ коварны; не имѣя возможности подняться, онѣ держатъ насъ, какъ жена Потифара, за край одежды. Женщина требовала главу Іоанна; женщина была первая преступница въ обществѣ апостольскомъ... Но отчего же ты огорчился, Θεодоръ? Но я знаю тебя... Нашъ разговоръ зашелъ далеко, пора готовиться къ девятому часу... Вѣрь мнѣ, юноша: скуделень сосудъ этотъ и гибельна красота его. Благословимъ память Марка, основавшаго въ твоей родинѣ жизнь монастырскую. Здѣсь мы можемъ работать для человечества, и ничто не отвлечетъ насъ. Семья Іисуса были его ученики; семья наша—братія.

Игумень кончилъ, всталъ и пошелъ по аллеѣ. Юноша долго смотрѣлъ ему вслѣдъ и былъ взволнованъ. «Женщина требовала главу Іоанна, — думалъ онъ, — но дѣва родила Христа. Сирахъ.. Сирахъ же говорить, что женщина добродѣтельная есть солнце, восходящее на небѣ Господнемъ, ясный свѣтильникъ на церковномъ подсвѣчникѣ. И кто распялъ Его? И кто стоялъ при крестѣ? О, ты, ты одинъ справедливъ, Сынъ Божій,—ты простилъ даже преступную»... Но вдругъ лицо его вспыхнуло, слезы налились въ глаза, и онъ воскликнулъ: «ты правъ, ты правъ, отецъ святой!»

V.

15. За тѣмъ я вышла раннимъ утромъ изъ дома, чтобъ найти тебя,—и нашла.

16. Я ложе мое украсила цвѣтными коврами египетскими.

17. Я облила его миррою, алоэ и кинамонами.

18. Приди насладиться любовью.

Соломонъ, Пр. гл. VII.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, какъ игумень доказывалъ Сирахомъ, что женщины страшнѣе дракона, и Θεодоръ оправдывалъ ихъ Сирахомъ, говоря, что онѣ похожи на солнце,—опустѣлъ домъ одного богатаго гражданина въ Александріи. Этотъ гражданинъ былъ женатъ на прелестной египтянкѣ, любилъ ее, какъ африканецъ, и она любила его до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ въ

Александрію греческій вельможа съ сыномъ. Византійскій юноша, прелестный собою, со всей изысканностью нравовъ падающаго царства, со всею привлекательностію ложнаго просвѣщенія, понравился египтянкѣ: она измѣнила мужу, потомъ сдѣлалась грустна, задумчива,—какая-то сокровенная мысль терзала ее; она не могла смотрѣть на обманутаго и оставила его. Тщетно искалъ онъ ее,—никогда не было ни малѣйшей вѣсти о преступной. Съ того времени пышный домъ его превратился въ гробъ, тоска снѣдала сердце, растерзанное сомнѣніями: онъ не зналъ объ измѣнѣ и не понималъ причину бѣгства. Худой, убитый, онъ больше походилъ на вызваннаго духа, нежели на человѣка. Много лѣтъ прошло въ печали и слезахъ, и какъ наиболѣе питають надежду люди, не имѣющіе на нее никакого права, такъ и онъ ждалъ непрерывно то ея возвращенія, то какого-нибудь извѣстія, и, не получая никакого, тѣмъ съ большею увѣренностью хватался за всякую тѣнь надежды. И вотъ однажды снится ему сонъ, будто ангелъ Господень, съ вѣчною юнымъ лицомъ, съ улыбкой на устахъ, летитъ съ неба, летитъ прямо къ нему, останавливаетъ свой полетъ надъ его головою, качается на дивныхъ крыльяхъ и, сказавъ: «Нынче у храма св. Петра»,—летитъ наверхъ пѣть Бога. Онъ проснулся. Сны иногда бываютъ такъ ярки, такъ выразительны, что нельзя имъ не вѣрить. Онъ добавилъ къ словамъ ангела смыслъ, который хотѣлъ, поспѣшно одѣлся и отправился къ храму св. Петра. Съ ранней зарею сидѣлъ онъ уже на мраморныхъ ступеняхъ, подъ колоннадою храма, осматривая каждаго человѣка, какъ таможенный приставъ. Сначала прохожіе были рѣдки, потомъ цѣлыми толпами двигались они по площади. Житель странъ полуденныхъ не умѣетъ сидѣть дома. Многие укрывались отъ солнечнаго зноя подъ тѣмъ же порталомъ. Но гдѣ же она? Никто не обращалъ на него вниманія, никто не говорилъ съ нимъ, и онъ пользовался этимъ уединеніемъ особаго рода, которое ощущаетъ человѣкъ въ толпѣ людей, когда не дѣлитъ съ ними ни ихъ желаній, ни ихъ мыслей. Твердо полагаясь на гласъ божій, онъ ждалъ и ждалъ. Кто-то ѣхалъ на ослицѣ въ черномъ платьѣ; онъ не спускалъ глазъ съ него. Но это былъ монахъ. Инокъ подѣхалъ къ храму, слѣзъ съ ослицы и, какъ бы пораженный неподвижностью сидящаго, дрожащимъ голосомъ сказалъ ему едва внятно: «Добрый день, господинъ!»—Онъ не обратилъ на него вниманія,—не его искалъ несчастный. Монахъ оставилъ ослицу и взошелъ въ храмъ. Потомъ народъ опять началъ рѣдѣть, уходить. Солнце садилось, ночь наступала, и отчаянный мужъ, второй разъ теряя свою жену, тихими шагами побрелъ домой. Черезъ нѣсколько времени вышелъ монахъ, тотчасъ обратилъ

глаза на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ несчастный, и какъ бы обрадованный его уходомъ, поспѣшно сѣлъ на свою ослицу, вздохнулъ, перекрестился, еще разъ вздохнулъ и поѣхалъ къ городскимъ воротамъ.

Было поздно. Сильный вѣтеръ дулъ со взморья. Черныя тучи, окровавленные снизу лучами солнца, роняли огромныя капли теплой воды на растрескавшуюся землю. Θεодоръ, взволнованный встрѣчей и боясь грозы, не хотѣлъ ѣхать далѣе и свернулъ въ монастырь. Знатъ, лежащій возлѣ Александрии. Служитель божій, гражданинъ всего міра христіанскаго, въ тѣ времена вездѣ находилъ отворенную дверь, и всюду приходъ его считался счастіемъ, тѣмъ паче въ монастырѣ, куда приходили всѣ бѣдныя и труждающіяся дѣти церкви.

Вечерняя молитва началась. Θεодоръ вошелъ въ церковь и удалился въ небольшое углубленіе, бывшее въ стѣнѣ; тамъ, никѣмъ незримый, хотѣлъ онъ принести свою молитву Искупителю. Тихое, стройное пѣніе монаховъ едва было слышно, и тѣмъ невещественнѣе, тѣмъ неопредѣленнѣе, тѣмъ святѣе становилась пѣснь. Полузвукі согласовались съ полумракомъ, въ которомъ былъ погруженъ храмъ; своды, казалось, исчезли, стѣны — какими-то массами тумана; дымъ изъ камильницъ, вѣялъ около изображеній, придавалъ имъ таинственное движеніе. И шаги по каменному полу, и мельканіе черной рясы, и ея шорохъ увеличивали торжественность, возможную только въ храмѣ божіемъ и которую испыталъ всякій, съ чистой душою входившій въ церковь. Тѣмъ сильнѣе дѣйствовала она на мечтательнаго Θεодора. Его можно было принять за изваяніе: именно онъ, какъ статуя, выражалъ одно чувство — чувство молитвы. Иногда слабый вздохъ вырывался изъ груди его, какъ будто онъ упрекалъ себя въ чемъ-то, иногда и слеза навертывалась, но восторгъ все поглощалъ, соединяя всѣ мысли въ гимнъ.

...Близъ углубленія, гдѣ былъ Θεодоръ, стояла молодая женщина, прелестная собой, какъ тѣ дѣвы Востока, о которыхъ пѣлъ Низами. Сначала молилась и она, но вскорѣ молитва исчезла съ устъ ея, — непрерывно смотрѣла она на юношу. Освѣщенный послѣднимъ остаткомъ свѣта, окруженный мракомъ, Θεодоръ казался ей чѣмъ-то, принадлежащимъ не здѣшнему міру; она думала видѣть архангела, принесшаго благую вѣсть Дѣвѣ іудейской. Огненная кровь египтянки пылала.

Окончилось вечернее моленіе. Θεодоръ пошелъ къ игумну, не обративъ на нее ни малѣйшаго вниманія, сказалъ ему о причинѣ приѣзда и просилъ дозволенія переночевать. Игуменъ былъ радъ и повелъ Θεодора къ себѣ. Первое лицо, встрѣтившее ихъ, была женщина, стоявшая близъ Θεодора, дочь игумна, который удалился отъ

свѣта, лишившись жены, и съ которымъ былъ еще связанъ своею дочерью. Она пріѣхала гостить къ отцу и собиралась вскорѣ возвратиться въ небольшой городокъ близъ Александріи, гдѣ жила у сестры своей матери.

Въ лѣнливой груди жителя юга бываютъ минуты торжественныя; въ такую минуту онъ переживетъ все, что по мелочи испытаетъ гиперборей. У него страсть родится, подобно дочери Зевса, въ полномъ вооруженіи; зажженная однажды, она можетъ горѣть и жечь его до гроба. Его страсть любить до уничтоженія предмета любви, пылаетъ мстью до уничтоженія самого себя. Это — огненная масса, внезапно воспламеняющаяся и никогда не тухнущая. Египтянка любила Феодора пламенно, безвозвратно. Блѣдныя дѣвы сѣвера не повѣряютъ этому: онѣ не знаютъ этого ада страстей, привыкнувшія къ своимъ мечтамъ о духовномъ, о небѣ, то-есть не о настоящемъ небѣ, а о томъ, которое онѣ создали себѣ для бѣгства отъ скупой и туманной природы. Она съ жадностію впивала каждый взоръ его, но этотъ взоръ былъ обращенъ къ небу; съ жадностію слушала каждое слово, но это слово было о Богѣ. «Любовь,—сказалъ онъ,— вотъ основаніе міра, а апостоль говоритъ, что недостаточно вѣры, ежели нѣтъ любви». Но не о земной любви говорилъ юноша,—о земной понимала дѣва.

Вошедши въ келью, для него приготовленную, Феодоръ бросился на скудную постель изъ банановыхъ листьевъ и не тушилъ еще лампы, какъ вдругъ начала отворяться дверь, и тихо-тихо вошла какая-то старуха съ темнымъ, загорѣлымъ лицомъ нашихъ цыганъ, со впалыми щеками и невѣрнымъ взглядомъ. Украдкой окинувъ горницу, она сказала: «Служитель Христовъ! есть человѣкъ, нуждающійся въ твоей помощи,—не откажись итти за мною». Феодоръ молча всталъ и пошелъ за нею. Вышли на дворъ,— все было темно; подошли къ какой-то маленькой двери. Старуха отворила ее,—за нею еще мрачнѣе; пустила его впередъ и исчезла. Недолго стоялъ Феодоръ,—его взялъ кто-то за руку, и на этотъ разъ не высохшая, костлявая, угловатая рука старухи, а нѣжная, мягкая, трепещущая ручка, горячая, какъ каленое желѣзо. Прикосновеніе во мракѣ всегда наводитъ ужасъ, и Феодоръ содрогнулся. «Сюда!»—прошепталъ едва внятный голосъ, и онъ смиренно шель. Небольшой переходъ оканчивался дверью. Ее отворилъ его путникъ, и въ немъ Феодоръ узналъ прелестную дочь игумна.

Полунагая, едва одѣтая легкою тканью, которая болѣе обнаруживала ея красоту, нежели скрывала своими фантастическими драпри, трепещущая и огненная, стояла она передъ нимъ, не смѣя ни поднять на него взора, ни оторвать его отъ пестрыхъ цвѣтовъ.

ковра, до котораго чуть касались ея маленькія ножки. Слезы ка- тились изъ ея глазъ, засыхая на разгорѣвшихся, воспаленныхъ щекахъ.

— Странникъ, — сказала она, долго принуждая себя сказать то, о чемъ молчать ей казалось такъ трудно, — прости меня... Стран- никъ, я люблю тебя... Но, Бога ради, не смѣйся надо мною... Я ви- дѣла, какъ ты молился: твой вдохновенный взоръ, твое лицо, твой страстный взглядъ нейдутъ молитвѣ; твоя душа пламенна, — она не можетъ удовлетвориться молитвою. Ты обманываешь себя. Люби меня... Можетъ, тебѣ неизвѣстно это море блаженства? Я тебѣ рас- крою его, мы потонемъ въ его волнахъ; я сожгу тебя моимъ поцѣ- луемъ, я обовьюсь, какъ эфеу, около тебя, я умру, цѣлуя тебя!...

И, говоря это, дѣва въ самомъ дѣлѣ тонула въ океанѣ страстей и, полумертвая, дрожащая, готова была броситься въ объятія юноши, но они не раскрылись. Спокоенъ и тихъ былъ взоръ Θεодора. Такимъ взоромъ смотреть луна на бѣшеную Этну, пламенемъ раздираю- щую свою грудь.

— Дѣва, — сказалъ онъ ей, — благодари судьбу, что ты это го- воришь мнѣ, отжившему для міра сего, — я не воспользуюсь сла- бостью овцы гибнущей. Вспомни, что ты христіанка. Я соединю свои молитвы съ твоими, чтобы Господь извелъ изъ тебя злого духа, губящаго душу твою. Дѣва, и я былъ пороченъ, и я зналъ, какъ слабы женщины, ... тѣмъ сильнѣе будетъ молитва моя, тѣмъ спасительнѣе тебѣ.

— Какъ, ты любилъ? — воскликнула она. — Ты любилъ! — и ревность къ прошедшему взволновала ея грудь, въ которой не было мѣста и одной страсти. — Гдѣ она?.. Но... но, можетъ, ея ужъ нѣтъ? Можетъ, она измѣнила? Можетъ, въ ней не было этой бѣшенной страсти? О, я замѣню ее! Я свободна, какъ птица небесная. Бѣ- жимъ въ Грецію, тамъ...

— Остановись! — сказалъ Θεодоръ, и ланиты его показали, что онъ еще человѣкъ; но что ихъ оцвѣтило: любовь или воспо- минаніе? — Я Богу далъ клятву, и ничто не сокрушитъ ея.

— Лицемѣръ! дѣвѣ далъ ты клятву. Обманщикъ! тебѣ ли но- сить монастырское платье! Да, это ясно; теперь все понимаю. Но я умѣю мстить. Ты видѣлъ, какъ необузданны страсти мои?.. Не- ужели твое сердце до того принадлежитъ другой, что нѣтъ мѣста для меня? Одинъ часъ, одну минуту дай насладиться тобой, — и я счастлива, и возьми послѣ жизнь мою... на что мнѣ она тогда? И въ этой минутѣ я солью все, и рай позавидуетъ мнѣ... Ты сму- щень?.. Нѣтъ, нѣтъ, эта грудь не изъ гранита!

И она бросила лампу на полъ, и душистое масло струями

разлилось по ковру, и свѣтильня, вспыхивая и потухая, и курясь, прожгла его... Судорожная рука обвилась около юноши, дрожащія уста съ своимъ огненнымъ, сладострастнымъ дыханіемъ коснулись устъ Θεодора. Тщетно хотѣлъ онъ вырваться.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты мой, я тебя не пушу!—шептала она, цѣлуя его.

.....

Ясно и душно было утро, когда на ослицѣ тихо подѣзжалъ Θεодоръ къ Октодекатскому монастырю, везя елей для храма. Черты лица его, утомленныя зноемъ, выражали опять то же спокойное, святое чувство, съ которымъ онъ выѣхалъ за два дня изъ этой ограды. По временамъ взоръ его дѣбался мечтателенъ, далеко устремлялся въ пространное поле и, казалось, выпрашивалъ какого-нибудь предмета или искалъ кого-нибудь, но тотчасъ приходилъ онъ въ свое всегдашнее положеніе. Молитва виднѣлась на устахъ, молитва во взорѣ, молитва въ немъ самомъ... И привратникъ, тотъ же старецъ, котораго онъ ждалъ цѣлую ночь, но еще старѣе, отворилъ ему ворота, и онъ опять въѣхалъ въ этотъ тихій, умершій дворъ, гдѣ люди не измѣяли зеленой травы, гдѣ однѣ черныя ризы мелькали межъ бѣлыхъ надгробныхъ камней, гдѣ душистые лимоны и пышныя смоковницы заслоняли однѣ черныя рясы и бѣлыя надгробные камни.

VI.

17. И сказала ему: еврейскій рабъ, котораго Ты привелъ въ домъ свой, хотѣлъ меня обезчестить...

20. Тогда бросилъ онъ его въ темницу...

21. Но Господь былъ съ нимъ.

Моисей, Кн. Бытія, гл. 39.

«Нѣтъ, это клевета», сказалъ игумень Октодекатскаго монастыря, — «гнусная, черная клевета!» И тѣнь сомнѣнія уже прокралась на его лицо, и онъ, казалось, разувѣрялъ себя болѣе, нежели стоящаго возлѣ монаха.—«Но поясъ...»—возразилъ тотъ.—«Хорошо. Неси лобзаніе мира нашему брату и скажи, что я спрошу у обвиняемаго, и да падетъ вся строгость на голову преступную». Монахъ склонился и вышелъ. Лицо игумна было ужасно; жилы на вискахъ налились кровью и бились. Онъ былъ смущенъ, несмотря на свою обычную твердость, и не зналъ, вѣрить ли, или

нѣтъ какому-то обвиненію, и то укорялъ себя въ сомнѣніи, приискивая наказаніе виновному, то вѣрилъ обвиненію, приискивая доказательства къ опроверженію его. Онъ то вставалъ и прохаживался, то садился. Наконецъ, обращаясь къ молодому монаху, сказалъ: «Позови брата Θεодора и оставь его со мною наединѣ».

Тихая аскетическая жизнь подняла такъ фантазію Θεодора, такъ приучила его къ созерцательности, что онъ цѣлые часы проводилъ, мечтая то о прелестной жизни, которая готовится праведнику въ обители рая, то о содѣланіи всей земли одною паствою Христа, то погружался въ созерцаніе Бога и, долго теряясь въ безконечномъ, вдругъ спускался на землю. И какъ хороша она ему казалась тогда, какъ ясно выражала Его и какъ понятно говорило и это вѣтвистое дерево, и эта пернатая птица! Въ такой-то созерцательной минутѣ былъ онъ, когда его позвали къ игумну. Это было такъ обыкновенно, что онъ, нисколько не удивясь, пошелъ къ нему съ свѣтлымъ вдохновеннымъ лицомъ, торопясь пересказать все, что чувствовалъ.

Съ холоднымъ и важнымъ видомъ встрѣтилъ его игумень, пристально посмотрѣлъ на прелестнаго юношу и уже почти оправдалъ его въ душѣ.

— Θεодоръ, — сказалъ онъ, подавая письмо, — прочти его и скажи, правда ли?

Θеодоръ сталъ читать письмо. Игумень остановилъ на немъ испытующій взоръ, но юноша спокойно прочелъ и твердо сказалъ:

— Видитъ Богъ, что ложь.

— Твой ли это поясъ?

— Мой.

— Гдѣ ты потерялъ его?

— Не помню, св. отецъ. Я хватился его, возвратясь изъ Александріи, уже дома.

— Это поясъ женскій, — прибавилъ игумень, разсматривая.

— Я съ нимъ пришелъ семь лѣтъ тому назадъ, — отвѣтилъ Θεодоръ не совсѣмъ вѣрнымъ голосомъ и наклоняя голову, чтобы скрыть пурпуръ, покрывающій щеки его.

Игумень не замѣтилъ. Туча пронеслась.

— Я былъ увѣренъ въ твоей невинности, сынъ мой. Нѣтъ, ты не могъ такъ лгать: Богъ не даетъ порочному такой души; тебя избралъ Онъ въ свое воинство, — и игумень обнялъ его, и тронутый Θεодоръ, рыдая, цѣловалъ въ плечо старика.

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять явились монахи знатскіе; они принесли съ собой младенца, бросили его середь двора и съ злобной усмѣшкой сказали: «Братія, ваше дѣло вскормить чадо».

порочной жизни вашей!» Обиженная братія требовала, чтобы назвали виновнаго. Ей отвѣчали именемъ Θεодора. Никто не вѣрилъ, всѣ просили игумна, чтобы онъ допросилъ виновнаго, и игумень, непоколебимый въ своей довѣренности, спокойно сказалъ: «Судите его сами», твердо убѣжденный, что одно слово, одинъ видъ Θεодора будетъ полнымъ оправданіемъ. Онъ втайнѣ даже радовался торжеству своего друга. Призвали Θεодора. Игумень ждалъ съ нетерпѣніемъ оправданія, ободрялъ его взглядомъ, улыбкой. И каково же было удивленіе старика, когда Θεодоръ, преклоняя колѣна, трепещущій, прерывающимся голосомъ отъ слезъ, едва произнесъ: «Прости, отецъ святой, прости... я обманулъ тебя, ужасно обманулъ»... Старецъ былъ притоптанъ къ землѣ, не могъ поднять глазъ, ни вымолвить слова; пятна вышли на его лицѣ, рука перестала перебирать четки и судорожно дрожала. Наконецъ, гордо взглянувъ на братію, онъ сказалъ повелительнымъ голосомъ: «Изгнать презрѣннаго обманщика изъ монастыря,—онъ пятнаетъ насъ!» И озлобленная братія, униженная поступкомъ Θεодора: осыпала его насмѣшками и бранью; даже нѣсколько камней полетѣло въ юношу. Все волновалось и кричало; одинъ обвиненный стоялъ спокойно. Минута волненія прошла,—это былъ прежній Θεодоръ: то же вдохновенное лицо, и ясно обращался его взоръ на братію и къ небу. И когда игумень, боясь тронуться его видомъ, спросилъ: «Чего же медлите вы?»,—тогда Θεодоръ возвелъ очи къ небу, говоря: «Господи! теперь я вижу, что Ты обратился ко мнѣ, что грѣшная молитва дошла до подножія Твоего». Потомъ упалъ онъ ницъ передъ игуменомъ и сказалъ: «Не прощенья молю я, но молись о душѣ преступной, которая никогда не забудетъ тебя...» Слезы не позволили ему продолжать... «Молитесь и вы, братія», прибавилъ онъ, вставая и низко кланяясь имъ. Наконецъ, подошелъ къ ребенку, взялъ его на руки, поцѣловалъ и съ видомъ искренней любви сказалъ ему: «Не плачь, дитя, не плачь». Далѣе не могъ вытерпѣть игумень: онъ чувствовалъ, что слезы готовы брызнуть изъ глазъ,—онъ всталъ и пошелъ въ келью. Взошедши въ нее, раздраженный и недовольный собою, сѣлъ къ окну и смотрѣлъ, какъ монахи вели Θεодора къ воротамъ, наперерывъ осыпая бранью, какъ вытолкнули его. Все было къ Θεодору немилосердно, даже старый привратникъ ударилъ его тростью. Θεодоръ терпѣлъ все, защищая ребенка и какъ будто взоромъ говоря: «Онъ-то чѣмъ виноватъ?»...

«Такъ я никогда не былъ обманутъ», думалъ игумень. «Это—искушеніе дьявола... Но какъ добръ, какъ восторженъ онъ былъ сначала и всѣ семь лѣтъ! Я его любилъ, какъ сына, — болѣе, нежели сына... Но какъ же онъ читалъ письмо такъ спокойно? На-

добно быть очень порочну, чтобы скрывать пороки. Его погубила, увлекла эта женщина, а онъ еще защищаль ихъ, порождене ехидны, лишившее рая перваго человѣка... И въ самое то время, какъ онъ признавался, въ моемъ сердцѣ кричалъ голосъ «онъ невиненъ». Никогда не надобно довѣрять этому голосу. А какъ онъ перенесъ стыдъ и наказаніе! Какимъ взоромъ взглянулъ на меня!... О, Феодоръ, зачѣмъ ты палъ? Ты мнѣ былъ такъ необходимъ! Кто замѣнитъ тебя?.. Но не стыдно ли жалѣть о немъ!.. Старикъ, вотъ плоды твоей опытности: мальчишка обманулъ тебя».—И онъ смѣялся судорожнымъ смѣхомъ.—«Не правъ ли я былъ, сомнѣваясь принять его въ монастырь?» Тутъ онъ остановился: эта мысль мирила его съ собою, и началъ думать не о Феодорѣ, но о новыхъ искусствахъ для приходящихъ. — Ужасно хоронить друга, но еще ужаснѣ видѣть свою ошибку въ человѣкѣ, съ которымъ дѣлилъ душу, помыслы: это—кусочъ мяса, оторванный отъ сердца, горячій, кровавый. Игумень послѣ этого происшествія сдѣлался еще мрачнѣе, не велѣлъ при себѣ поминать бывшаго друга, старался стереть его въ памяти и не могъ забыть.

Между тѣмъ, несчастный Феодоръ, опозоренный, униженный, изгнанный, былъ встрѣченъ людьми, которые слышали о его винѣ и ругались надъ нимъ еще злѣе монаховъ. Посредственность до того ненавидитъ все высшее, что для нея — торжество всякое паденеіе; сверхъ того, она воображаетъ, что, бросая камень въ виновнаго, закроетъ свои пороки... Яростными голосами кричала толпа: «Гдѣ же сынъ живого мертвеца, отказавшагося отъ земли?» Феодоръ вынималъ младенца изъ мантии и говорилъ: «Вотъ онъ». Но въ этомъ не была видна дерзость злодѣя, который нагло показываетъ клеймо варнака, но какое-то самоотверженное чувство своего преступленія; казалось, онъ просилъ ихъ наказать себя и былъ готовъ все перенести.

У Феодора не было ничего. Бѣдность грозила ему своими худыми руками, посинѣвшими отъ стужи, изсохшими отъ голода. Никто не подавалъ ему милостыни. На послѣднія деньги купилъ онъ молока младенцу, самъ питался кореньями и морскими раковинами. *«И хождаше по пустынь скитаяся, очернѣ же плоть отъ зилы и зноя, и очи потемнѣша отъ горькаго плача, и живяше со звѣрьми»*—этими словами описываетъ мартирологъ его жизнь.

VII.

Прости длани твоя и прими душу мою, юже въ жертву принесохъ любви ради твоея.

Житіе св. Екатерины.

У гроба Θεодорова сидѣлъ грустный игуменъ и съ нимъ тотъ самый александріецъ, который такъ усердно ждалъ свою жену у храма Петра. Александріецъ плакалъ, игуменъ молился; никто не прерывалъ тишины,—она продолжалась нѣкоторое время. Но вдругъ отворилась дверь, и вошелъ игуменъ знатскій съ монахомъ, котораго онъ присылалъ обвинять Θεодора. Тѣло усопшаго было покрыто. Игуменъ Октодекатскаго монастыря открылъ голову и спросилъ своего собрата:

— Это ли Θεодоръ?

— Онъ самый, — отвѣчалъ тотъ.

— Обезчестившій у насъ дѣвицу, — прибавилъ монахъ.

Съ горькой улыбкой отдернулъ игуменъ покрывало и указалъ женскія перси.

— Это жена его, Θεодора, — сказалъ онъ, указывая на александрийца.

— Воплощенный ангелъ! прости мнѣ, что я, слабый грѣшникъ, не постигъ твоего величія, и моли у Всевышняго, да отпустятся мнѣ грѣхи мои...

Старикъ залился слезами и склонилъ голову свою къ покойницѣ. Небесная улыбка видна была на холодныхъ устахъ, которыя, казалось, хотѣли открыться еще разъ для того, чтобы сказать игумну:

«Я прощаю тебя».

...И пишущее тое неточіе на хартіяхъ, но и въ сердцахъ вашихъ, простирахуся къ подвигамъ великимъ и благоугождаху Богу.

Крутицкія казармы,

1835 г. февраль.

«Пер. въ Вяткѣ 1836 г., мар. 12».

85. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

26 марта 1836.

Вятка.

Ангель мой, моя святая! Я удрученъ счастьемъ, всею душой упиваюсь этимъ блаженствомъ, этою любовью, — всею душой, и душа моя не можетъ помѣстить всего рая твоей любви. Въ самый день моего рожденія получилъ я твое письмо съ m-me Witberg. Я пилъ каждую строку, я переливалъ въ свою душу весь этотъ небесный огонь, вырывавшійся въ каждой строкѣ. Наташа, Наташа, о, ты права: тамъ, гдѣ я сидѣлъ въ цѣпяхъ, тамъ сочеталъ насъ самъ Богъ. Съ тѣхъ поръ рѣшена твоя судьба. Ты говоришь, что я не любилъ тебя тогда, когда говорилъ, что сожму руку твоему избранному. Ты права и нѣтъ. Я любилъ тебя прежде Крутицъ, но не давалъ отчета въ своемъ чувствѣ; еще болѣе—хотѣлъ уничтожить въ себѣ всякую любовь; боялся погубить тебя, связавъ съ моимъ бурнымъ существованіемъ твою жизнь. И писалъ тѣ строки, именно отталкивая отъ себя и отъ тебя мысль любви. Но наше прощаніе рѣшило все, и какъ смѣть человѣку холодно располагать судьбою своей тогда, когда есть провидѣніе? Я помню тотъ взглядъ, которымъ я смотрѣлъ въ твою душу, когда спрашивалъ объ участи голубя. И этотъ взглядъ, воротившись назадъ въ мою грудь, принесъ съ собою вѣсть съ неба, вѣсть рая—твою любовь. Ангель, ангель! Какъ намъ быть съ Emilie? Мнѣ раздираетъ душу ея ужасное положеніе. Увѣрь ее, что я никакого письма отъ N. S. ¹⁾ не получалъ. Ей-Богу, не получалъ,—съ чего она взяла это? И увѣрена ли она въ томъ, что онъ не любитъ ее? Впрочемъ, онъ вѣтренъ, я знаю, но винить его не смѣю. Странно человеческое сердце. Потребность любви въ сердцѣ благородномъ такъ сильна, что всякое сочувствіе, всякую симпатію принимаетъ за любовь, и сама вдается въ обманъ. Я испыталъ это... Но любовь въ самомъ дѣлѣ,—о, это другое! тутъ не можетъ быть перемѣны: это — самая жизнь, самое начало жизни; ты знаешь ее, Natalie!...

Сейчасъ мнѣ чтó пришло въ голову: *Natalia* значитъ родина. Родина! Не высокъ ли смыслъ этого слова, соединенный съ словомъ *Александръ* — мужественная защита? И все это, увѣряю тебя, не

¹⁾ Николай Сатинъ.

случай. Случая нѣтъ, вездѣ перстъ Его. Это — іероглифъ съ высокимъ смысломъ.

Маменька знаетъ,—надобно было знать; это хорошо. Впрочемъ, нашему соединенію никто не можетъ препятствовать. *Она* соединилъ насъ. Тебя мучаютъ теперь Бирюковымъ ¹). Пора, видно, имъ сказать. Я напишу къ маменькѣ; хотя и трудно мнѣ это, но напишу. ¹

Одно обстоятельство есть только, которое можетъ сдѣлать намъ тьму непріятностей, это—законъ о родствѣ, который, казалось бы, и миновалъ насъ, но тамъ есть одно поясненіе, которое ежели они узнаютъ, то могутъ повредить, *но не долю*. Я объ этомъ и думать не хочу. Ты хочешь дѣлать со мною всѣ трудности моего пути. Дѣли ихъ; я тебѣ дарю половину своихъ несчастій, носи ихъ: я горжусь моими несчастіями, ни съ кѣмъ ихъ не хочу дѣлать; съ тобою все дѣлю... Нѣтъ, Наташа, словъ нѣтъ сказать тебѣ все, что хочу,—ты понимаешь.

Ты спрашиваешь, что такое тяготитъ мою душу? ² Отъ тебя скрывать это тяжело, но тяжело и сказать. Люди, люди,—эта дрянь, эта сволочь увлекла меня въ одинъ скверный поступокъ, и я его сдѣлалъ. Его оправдаетъ большая часть людей, но... но онъ пороченъ въ смыслѣ нравственномъ: я шалилъ вещь, которою шалить не должно, и силою своего характера сдѣлалъ болѣе глупостей, нежели сдѣлалъ бы другой. Яснѣ скажу послѣ, теперь не могу.

На Кавказъ я не ѣду; слѣдственно, можешь успокоиться. ³ А, признаюсь, мнѣ хотѣлось туда: Вятка скучна, но благословляю судьбу, бросившую меня сюда. Встрѣча съ Витбергомъ выкупаетъ половину непріятностей разлуки:

...весь художникъ онъ,
Онъ все окинулъ быстрымъ окомъ
На полъ вымысла широкомъ,

какъ говоритъ Огаревъ въ одномъ изъ своихъ мечтаній.

Медвѣдева живетъ теперь съ нами, то есть съ семействомъ Витберга, и у насъ довольно весело. Прощай.

Пиши всегда о полученіи моихъ писемъ.

◆◆ 1. 14 марта Н. А.—на извѣстила Герцена, что Э. М. Аксбергъ говорила съ Луизой Ивановной о любви молодыхъ людей и увидѣла, что мать А. И.—ча вполнѣ сочувствовала ихъ взаимной симпатіи.

¹) Одинъ изъ жениховъ, поддерживаемыхъ кн. М. А. Хованскою черезъ Насакина (см. № 97).

2. 29 февраля Н. А.—на писала Герцену:

«Другъ мой, на душѣ твоей тайна? Почему же ты не скажешь мнѣ ея, ангелъ мой? Что-нибудь страшное?—я не испугаюсь; важное?—не знаю, не могу отгадать. Что останавливаетъ тебя открыть мнѣ ее? Ты называешь ее порокомъ; ежели можно сказать мнѣ, такъ это не порокъ. И ты скажешь, не правда ли, мой другъ? Да, откроешь, потому что я увѣрена, что на душѣ твоей нѣтъ порока, нѣтъ тайны отъ меня и не можетъ быть» (т. VII Спб. изд., 71).

3. Кому-то, въ какомъ-то (намъ неизвѣстномъ) письмѣ Герценъ высказалъ предположеніе о поѣздкѣ на Кавказъ, куда въ маѣ 1836 г. поѣхалъ Сатинъ изъ Симбирска для лѣченія. Н. А.—на очень этимъ обезпокоилась и 29 февраля писала: «Нѣтъ, не ѣзди на Кавказъ безъ меня, ангелъ мой, подожди еще, будетъ время... и тогда ты не одинъ будешь бесѣдовать съ природой, тогда въ пѣсняхъ твоихъ не будетъ звучать тайный голосъ тоски о разлукѣ со мною; тогда мы вмѣстѣ, я и ты, расскажемъ ей наше блаженство, и наши рѣчи заставятъ трепетать ея сердце, заставить ее любить и молиться вмѣстѣ съ нами».

14 марта къ этому было добавлено: «Теперь въ душу мою залѣзла тяжелая дума. Ты ѣдешь на Кавказъ... Сердце замираетъ, когда ты предстанешь въ моемъ воображеніи одинъ въ горахъ, съ дикой природой, съ дикими людьми... О, нѣтъ, мой ангелъ, ты не поѣдешь! Сколько разъ меня потрясала эта мысль... Напиши мнѣ навѣрное, поѣдешь или нѣтъ?» (тамъ же, 74).

86. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

28 марта (1836).

«Счастливая Витбергъ», писала ты: да, конечно, счастливая! Имѣть мужемъ великаго человѣка и быть такъ нѣжно любимой! Вчера онъ вспомнилъ всѣ ужаснѣйшія гоненія и несчастія, коими тѣснить его, заплакалъ и, обнимая жену, сказалъ мнѣ: «Не женитесь, Ал. Ив., чтобы не сдѣлать несчастною такого существа»,—и, помолчавъ:—«а ежели женитесь, то выберите такого ангела, какъ она!» Она заплакала и бросилась ему на шею. Сцена эта была торжественна. Я стоялъ, молча, опершись на столъ, грудь подымалась, и душа рвалась къ тебѣ. Нѣтъ, не случай свелъ меня съ этимъ человѣкомъ! А сколько разныхъ встрѣчъ я видѣлъ те-

перь, скитаясь изгнаннымъ! Нѣкоторыя я опишу. Одна уже готова, и я тебѣ пришлю ее ¹⁾. «Легенду» я исправилъ, но не совсѣмъ: скучно отдѣлывать слогъ.

Наташа! Попробуй немного заняться нѣмецкимъ языкомъ. Emilie тебѣ будетъ помогать. Мнѣ хочется тебѣ открыть это море поэзіи германской литературы. Хочу познакомить тебя съ тѣмъ Шиллеромъ, о которомъ сказалъ Огаревъ:

Съ слезою чистой, какъ роса,
Глядитъ на небо голубое,
Родныя ищетъ небеса...

А прогос, я уже нѣсколько разъ писалъ, чтобы мнѣ прислали Огарева стихи *I tempi*, которые были у тебя или у Emilie. ¹ Онъ женится странно, но я боюсь судить прежде полученія отъ него письма. Можетъ, это увлеченіе минутное, тогда бѣда или горе. ²

29-го марта.

Христось Воскресе! ангелъ мой, и дивись, Наташа, дивись: я видѣлъ сегодня во снѣ и, кажется, въ первый разъ, что поцѣловалъ тебя,—мы похристосовались заочно, сномъ. И какой дивный сонъ! Я трепеталъ весь, когда мои губы коснулись твоихъ; грудь хотѣла розорваться, и на этомъ я проснулся.

Бывало, въ этотъ праздникъ я пріѣзжалъ къ вамъ, и ты являлась между сволочью, которою набить вашъ домъ... Дорого бы далъ и нынче провести съ тобою. Прощай. Я въ мундирѣ со шпагою ѣду къ губернатору.

1-го апрѣля.

Новая мысль для повѣсти. Человѣкъ, одаренный высокою душой и маленькимъ характеромъ,—человѣкъ, который въ минуту размысленія отряхиваетъ прахъ земли и въ слѣдующую за тѣмъ платитъ дань всѣмъ предрасудкамъ, оттого что слабый характеръ согнуть, подавленъ толпою, не можетъ выработаться изъ мелочей. Ежели вздумаю писать, то стоитъ только придѣлать рамку къ этой мысли. Нравится ли тебѣ мысль эта? А статья моя—«Встрѣча» готова и, впередъ знаю, тебѣ весьма понравится. Прощай, пиши, когда только возможно, обо всемъ и всего болѣе о твоихъ чувствахъ, о твоей душѣ.

Цѣлую тебя.

¹⁾ «Первая встрѣча».

◆◆ 1. Стихотвореніе Огарева «I tempi» ¹⁾ не вошло въ собраніе подъ ред. М. О. Гершензона; интересующіеся найдутъ его въ XI кн. «Рус. Старины» 1888 г.

2. Въ виду того, что объ Огаревѣ будетъ теперь упоминаться все чаще, я дамъ краткій очеркъ его жизни за этотъ періодъ.

Днемъ раньше Герцена, 9-го апрѣля 1835 года Огаревъ былъ вывезенъ изъ Москвы и отправленъ въ Пензу тоже, разумѣется, въ сопровожденіи жандарма.

Въ архивѣ III Отдѣленія имѣются очень скудныя свѣдѣнія о его ссылкѣ ²⁾. Извѣстно только, что по прибытіи на мѣсто, 19 апрѣля Огаревъ былъ назначенъ на службу въ канцелярію губернатора, А. А. Панчулидзева.

Въ Пензѣ, гдѣ онъ былъ не совсѣмъ новымъ человѣкомъ, Огаревъ сразу поставилъ себя въ непріязненныя отношенія ко всевозможнымъ кумушкамъ и прожигателямъ жизни. Не особенно тепло относились къ нему и дома. Старикъ-отецъ считалъ всѣ занятія сына науками и литературой вреднымъ для него вздоромъ. По словамъ Анненкова, «отецъ Огарева, семь лѣтъ страдавшій послѣдствіями апоплексіи и видимо приближавшійся къ гробу, былъ окруженъ ареопагомъ родственниковъ и высокопоставленныхъ лицъ туземной аристократіи, которые всѣ смотрѣли на уединенныя занятія сына, какъ на продолженіе агитаторской мысли, возникшей у него еще въ Москвѣ. Мудрено ли было склонить старика, трепетавшаго за будущность сына, къ мысли, что единственное средство спасти молодого человѣка отъ гибельной серьезности состояло въ томъ, чтобы отнять у него время и вытолкнуть на арену свѣта, гдѣ бы онъ могъ упражняться въ безустанномъ ристаніи по ней, на подобіе своихъ сверстниковъ и своихъ старшихъ. Притѣсненіе вылилось тутъ въ формѣ приглашенія не отставать отъ провинціального міра и веселиться вмѣстѣ съ нимъ. Огаревъ повиновался изъ снисхожденія къ отцу и выразилъ однажды въ письмѣ къ Герцену мотивы своего послушанія очень теплымъ словомъ: «Я не высвободился изъ-подъ опеки родительской... Но поди сюда самъ и взгляни на этого старика, семь лѣтъ влачащаго жалкое, болѣзненное существованіе... И если бы я вздумалъ освободиться изъ-подъ опеки его *любви*—не забудь: *любви*,—то ты скажешь мнѣ: безсовѣстный»... («Анненковъ и его друзья», стр. 37—38).

И Огаревъ, въ угоду отцу, аккуратно появлялся на балахъ и въ гостиныхъ пензенскаго бомонда... Губернаторъ, извѣстный въ

¹⁾ «Времена».

²⁾ Дѣла № 239, ч. 8, 1 экспед. 1834 г. и № 67, ч. 4, 1 экспед. 1849 г.

своей сатрапіи за человѣка ловкаго, любящаго пожить очень широко и свободно, гораздо шире и свободнѣе своихъ небольшихъ средствъ, быстро понялъ, что Огаревъ посланъ ему самой судьбой... Вѣдь, не нынче-завтра отецъ его, Платонъ Богдановичъ, долженъ былъ умереть и сдѣлать богачемъ единственнаго сына... А у Панчулидзева были дочери, была и сидѣвшая на шеѣ племянница... Словомъ, все говорило за то, чтобы ухаживать за ссыльнымъ «вольнодумцемъ» и всячески его беречь и холить...

Насколько Огареву въ первое время было тяжело во всей этой атмосферѣ, можно видѣть изъ того, что его брала оторопь при мысли о возможности кончить въ провинціи свою жизнь, и онъ сталъ мечтать о поступленіи рядовымъ въ кавказскій корпусъ... «Мечта о Кавказѣ меня не покидаетъ,—писалъ онъ друзьямъ. Война—лучшій выходъ. *Разумно*, я чувствую, никогда не выйду, да и скучно что-то искать разумнаго выхода, если онъ самъ не приходитъ. Наука и практическая дѣятельность не даются мнѣ. *Дѣятельность безпутная* лучше выведетъ на путь. Да, вѣдь, оно какъ-то и хорошо—шумная битва да шумный бивакъ!.. А за жизнь мою ручается что-то, что выше меня. Я въ свою будущность вѣрю, потому что все же умѣлъ стать духомъ выше своей личности»... (тамъ же, 50).

Вѣра въ лучшую будущность, смѣнявшая тупое отчаяніе, спасла Огарева отъ добровольной солдатской шинели и шальной пули горца... Оставшись въ Пензѣ, онъ мало-по-малу, сначала незамѣтно для себя самого, сталъ чаще и чаще бывать у губернатора, на женской половинѣ дома... Его тянуло къ племянницѣ—Маріи Львовнѣ Рославлевой, дѣвушкѣ, когда-то въ домѣ своего еще не разорившагося отца, Льва Яковлевича, знавшей лучшее, чѣмъ приживательство у дяди-губернатора...

По общимъ отзывамъ, это была умная дѣвушка и довольно недурно по тому времени образованная. Вотъ, слѣдовательно, первая почва для возможности сближенія съ Огаревымъ. Головачева-Панаева говоритъ, что Рославлева была некрасива, но «въ ея глазахъ было какое-то особенное выраженіе пытливости и пылкости, когда она разговаривала». Вторая жена Огарева находитъ, что Марія Львовна «была довольно пикантная брюнетка, бойкая, живая». Въ сущности, эти свидѣтельства не разнорѣчивы. При наличности такихъ качествъ можно еще больше понять увлеченіе Огарева.

Очень интересныя строки посвящаетъ Рославлевой Анненковъ. «Смолоду она отличалась, по собственному ея признанію, рѣшительнымъ и взбалмошнымъ характеромъ. Очувившись со скудными средствами и въ зависимости отъ постороннихъ лицъ, она устра-

няла поползновенія общества смотрѣть на нее свысока, горделивымъ и презрительнымъ обращеніемъ съ людьми, рѣзкимъ и черезчуръ иногда откровеннымъ словомъ. До самаго замужества она слыла за то, что на свѣтскомъ языкѣ называется «*personne fantasque*» ¹⁾, за фантастическую, невмѣняемую особу. Но у нея было одно важное преимущество передъ сверстницами. Поставленная въ необходимость самой думать о себѣ, разсчитывать, для составленія карьеры, на собственныя силы и средства, она была гораздо лучше вооружена, чѣмъ ея подруги, приобрѣла раннюю способность догадываться о предметахъ, если не понимать ихъ, и сосредоточиваться въ своихъ желаніяхъ для вѣрнаго достиженія своихъ цѣлей». «Сущность ея характера, однакожъ, была не очень сложна: основнымъ тономъ его было врожденное влеченіе къ шуму, приключеніямъ, чувственнымъ наслажденіямъ и умственному раздраженію, которое было только видоизмѣненіемъ ихъ. Съ такими задатками, попавъ въ соприкосновеніе съ требованіями семейнаго идеализма, она искала способовъ пристроиться къ нему наилучшимъ образомъ и успѣла въ этомъ, благодаря очень гибкому и бойкому уму своему и искренней привязанности къ мужу, котораго несомнѣнно тогда любила не за одно богатство, но и за душу его». Послѣднее остается, разумѣется, личнымъ мнѣніемъ Анненкова.

Марія Львовна сумѣла обворожить отца своего жениха, и потому бракъ получилъ полное его одобреніе. Чтобъ читателю было ясно, насколько глубока, свѣтла и возвышенна была любовь Огарева къ невѣстѣ, приведу его письмо къ ней за три дня до свадьбы.

«Черезъ три дня ты будешь моей женой, Марія; наша судьба будетъ одна. Пойдемъ, Марія, исполнять ее. Я чувствую, что Богъ живетъ и говоритъ во мнѣ; пойдемъ туда, куда зоветъ насъ Его голосъ. Если я имѣю довольно души, чтобы любить тебя, навѣрное я буду имѣть довольно силы, чтобы итти по слѣдамъ Іисуса къ освобожденію человѣчества. Ибо любить тебя, это—любить все хорошее, это—любить Бога, это—любить вселенную, потому что твоя душа открыта для добра, обширна, чтобы обнять его, потому что твоя душа вся—любовь... Наша любовь, Марія, заключаетъ въ себѣ зерно освобожденія человѣчества. Будь горда ею. Наша любовь, Марія, это—охрана нашей добродѣтели на всю жизнь... Наша любовь, Марія, будетъ пересказываться изъ рода въ родъ; всѣ послѣдующія поколѣнія сохранятъ нашу память, какъ святыню. Я предрекаю тебѣ это, Марія, ибо я—пророкъ, ибо я чувствую, что Богъ, живущій во мнѣ, нашептываетъ мнѣ мою

¹⁾ Чудная.

участь и радуется моей любви» («Изъ переписки недавнихъ дѣятелей», «Русская Мысль», 1889, X, 7—8).

Я бы не сталъ подробно останавливаться на первой женитьбѣ Огарева, если бы она, по моему мнѣнію, не была роковой для всей его послѣдующей *страдальческой* жизни. Сближеніе съ Маріей, которую, какъ казалось Огареву, «самъ Богъ благословлялъ», навсегда разбило его жизнь, и человѣка громаднаго внутренняго содержанія обратило въ какой-то обломокъ, который въ концѣ своихъ мукъ призналъ, что онъ былъ совершенно «лишній человѣкъ»...

3-го марта 1836 года Панчулидзевъ доносилъ Бенкендорфу, что «присланный, по высочайшему повелѣнію, на житье въ Пензенскую губернію для употребленія здѣсь на службу подѣ строгимъ надзоромъ мѣстнаго начальства и наблюденіемъ отца его, исправлявшій должность актуаріуса въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, Николай Огаревъ, вошелъ къ нему съ просьбою о позволеніи жениться на дочери саратовскаго помѣщика, надворнаго совѣтника Льва Рославлева, дѣвицѣ Маріи Львовнѣ, имѣя на то согласіе отца своего, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Платона Огарева», и что просимое разрѣшеніе имъ дано.

26-го апрѣля 1836 года бракъ совершенъ былъ въ торжественной обстановкѣ пензенскаго кафедральнаго собора ¹⁾.

Въ маѣ, получивъ отпускъ къ отцу на 2 мѣсяца, Огаревъ писалъ (вѣроятно, Кетчеру) въ Москву:

«Я женатъ съ 26-го апрѣля—женатъ и счастливъ. Ты писалъ мнѣ, что глаза женщины чаруютъ, и предписывалъ быть осторожнѣе, но я не ошибся въ моемъ выборѣ. Провидѣніе свело насъ, а встрѣтившись, мы не могли не полюбить другъ друга. Да, другъ, другой жены я не могъ бы выбрать и съ другой не могъ бы быть счастливымъ, а теперь я счастливъ, совершенно счастливъ. Если при полученіи извѣстія о моей женитьбѣ заронила въ твою голову мысль сомнѣнія въ твердости твоего друга, то кайся и проси у Бога прощенья: ты меня довольно знаешь, чтобъ не сомнѣваться. И вѣрь, что жена моя никогда не совратитъ меня съ пути, свыше предназначеннаго,—напротивъ, ея любовь очистила мою душу отъ всего порочнаго... Я имѣлъ всегда въ виду жить полною жизнью, развить силу душевную во всѣхъ направленіяхъ, и теперь чувствую, что достиженіе идеала моего—не невозможность. Какъ богата, какъ роскошна во всемъ, что въ мірѣ называютъ прекраснымъ и высокимъ, будетъ жизнь. Мракъ слетѣлъ съ души моей,

¹⁾ Почему-то писавшіе объ Огаревѣ относятъ женитьбу его къ 1838 году, а Анненковъ и за нимъ нѣкоторые другіе называютъ невѣсту Милославской.

отчаяніе смѣнилось вѣрою,—только въ такомъ расположеніи духа можно итти впередъ—и что виною этому? любви! Да, безъ нея пустота провинціи поглотила бы всего меня, и я не былъ бы ни на что способенъ. Радуйся, другъ, и благодари мою Марію за мое спасеніе!..» («Анненковъ и его друзья», 61—62).

Герцену, своему лучшему другу, Огаревъ написалъ о женитьбѣ ровно черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ свадьбы...

87. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

7 апрѣля 1836.

Вятка.

Мнѣ что-грустно сегодня, Наташа, и потому пишу къ тебѣ. Тягостна наша разлука. Тщетно истощаю я все, выдумывая занятія и развлеченія; нѣтъ для меня искренняго, душевнаго, полного удовольствія безъ тебя. Среди шума вакханалій, среди лицъ ликующихъ вдругъ черная мысль подымается со дна бокала, улыбка останавливается на устахъ, и мрачное чувство разлуки давитъ. Душа вянетъ безъ тебя; ежели во мнѣ еще такъ много дурного, это оттого, что нѣтъ тебя со мною: прикосновеніе ангела очищаетъ человѣка. Твои письма разбудили меня, когда я, забывши себя или, лучше сказать, искавши средствъ забыть себя, падалъ; твоя любовь можетъ одна поддержать меня выше людей. Ты плакала, читая, что любовь сдѣлалась нравственнымъ началомъ моего бытія; непрерывно я испытываю справедливость сихъ словъ. Лишь только что-нибудь мелкое, порочное навернется на умъ, какъ вдругъ мысль твоей любви освѣтитъ душу, и порочное, мелкое исчезаетъ при свѣтѣ ея. О, Наташа, вѣрь, провидѣніе послало тебя мнѣ. Мои страсти буйны, что могло бы удерживать ихъ? Любовь женщины? нѣтъ, я это испыталъ. Любовь ангела, любовь существа небеснаго, — твоя любовь только можетъ направлять меня.

10 апрѣля.

Вчера, ангелъ мой, ты думала обо мнѣ цѣлый день, я знаю, — и я думалъ о тебѣ. Раздѣленные, мы были вмѣстѣ. Великій день, въ который, какъ ты выразилась, сочеталъ насъ Богъ. Девять мѣсяцевъ тюрьмы, годъ ссылки забыты за одно это свиданіе. Вчера же получилъ я отъ тебя двѣ записки, изъ коихъ одной я очень не доволенъ. Что съ тобою, Наташа? откуда этотъ тягостный, горькій звукъ изъ души твоей, въ которой должна быть одна любовь,

одна любовь? Это не разлука: ту грусть я понимаю, я самъ, оторванное дерево отъ родины, отъ моего неба, грущу; но тутъ что-то другое. «Только *помни*, Алекс., что у твоей Наташи, кромѣ любви, ничего нѣтъ». Именно этого и жаждала моя душа; что-жъ? къ чему все это сказано?..... Или ты, писавши, не думала, или у тебя болѣла голова, или ты забыла, что пишешь къ Александру? Именно тутъ, въ этихъ строкахъ я и вижу, что, кромѣ любви, есть еще и предрасудки. Говоря мнѣ: *помни* и подчеркнувъ это слово, ты какъ будто дѣлаешь условія, на коихъ отдаешься мнѣ. Наташа, ты высока, какъ ангель, брось этотъ вздоръ; я знаю тебя, не я выбралъ, Богъ выбралъ тебя мнѣ. *Помни* и ты, что та, которую я избралъ себѣ, та, которая превзошла даже идеаль, созданный моею мечтой, должна быть выше существъ простыхъ. Но поцѣлуй любви пусть помирить насъ. Я понимаю, что можетъ иногда набѣжать грустная минута на душу, и тогда она издастъ грустные звуки, какъ порванная струна арфы. ¹

Вотъ что надобно сдѣлать намъ во-первыхъ. Теперь я почти въ открытой ссорѣ съ княгиней. ¹); надобно съ ней поладить, а то какъ же мы будемъ видѣться? ² Нельзя ли какъ-нибудь, чтобъ она мнѣ написала, хоть строчку, въ папенькиномъ письмѣ, и тогда я буду къ ней писать, и мы помиримся.

Ты пишешь мои слова, что любовь испортитъ мою будущность; я теперь другого мнѣнія, и вспомни, что я писалъ прошлый разъ: я всѣми силами хотѣлъ оттолкнуть мысль любви и потому говорилъ это. Я не искалъ тебя, провидѣніе указало. Будемъ же увѣрены въ благости намѣреній его. Будущность нельзя испортить любовью. Да и кто же смѣетъ выкликать себѣ высокую будущность? — и тутъ подлежить отдаться провидѣнію.

Твой навѣки А. Герцень.

Нашей Emilie искренній дружескій поклонъ; все собирался къ ней писать и не успѣлъ, но скоро исправлюсь. Пиши всякій разъ о ней.

Цѣлую тебя, твой Александръ.

◆◆ 1. 23 апрѣля Н. А.—на отвѣчала: «Александръ, Александръ, другъ мой, прости меня,—о, я виновата, очень виновата! Ангель, прости меня. Мало того, что эта мысль была у меня въ головѣ, я еще написала ее тебѣ,—холодная, грустная, мрачная.

¹) М. А. Хованская.

мысль. Александръ, только это—не моя мысль, не я создала ее. Тогда, какъ я писала тебѣ это письмо, мнѣ было страшно грустно. Наканунѣ праздника я была больна и душой и тѣломъ; къ тому же эту мысль вселили въ меня. Хотя бы, кажется, и трудно было вселять ее мнѣ, она у меня была нѣсколько дней въ головѣ; я испугалась ее, не имѣла силъ вдругъ побѣдить ее, изгнать и написала тебѣ. Она исчезла давно. Ангелъ мой, о, можетъ ли что-нибудь грустное, кромѣ разлуки съ тобою, тяготить мою душу, полную одною, одною любовью? Нѣтъ, хотя насъ дѣлитъ тысяча верстъ, хотя между нами кладутъ тысячу преградъ... неба достигаютъ горы, которыя я должна пройти, чтобы прійти къ тебѣ, но кто можетъ положить преграду душѣ? Путь ея свободенъ: и черезъ эти горы, и черезъ ужасныя пропасти она несется, летитъ вольно, быстро къ своему милому; тамъ ея родина, ея небо, ея жизнь, ея душа!

«Какъ ты грустишь, мой Александръ! Нѣтъ, не на одно страданіе, не на одно горе Онъ слилъ наши души, наши существованія. Разно, далеко другъ отъ друга, мы еще не видали радости въ нашей любви; придетъ же пора... Ангелъ мой, вѣрь со мною, придетъ пора, и мы вмѣстѣ, изъ одной чаши будемъ пить одно блаженство. Когда любовь наша дана намъ Имъ, такъ она не будетъ источникомъ горестей: для Него все небесное—одинъ свѣтъ, одинъ рай, а любовь наша не небесная ли?

«Боже мой, что со мною было? какъ могла я написать тебѣ такую мрачную мысль? Я вспыхнула вся, читая твое письмо. Забудь это, ангелъ мой: это не мной сказано, тутъ нѣтъ моего; нѣтъ, когда предразсудки, мелочи толпою вокругъ меня, твоя любовь, какъ цѣлительная пелена, обовьетъ все существо мое, и ничто земное не проникаетъ эту священную пелену; одна рука провидѣнія можетъ снять ее съ меня, но и оно не сниметъ; въ ней я и *тамъ* предстану, въ ней буду ликовать съ ангелами; безъ нея—я прахъ, безъ нея мнѣ вѣчное изгнаніе, вѣчная тьма. О, Александръ, ты мой создатель, ты мой отецъ! Скажи, что бы было со мною, когда бы ты не любилъ меня, и что бы была я? Тогда бы не было *меня*, тогда бы было больше только однимъ человѣкомъ» (стр. 84—85).

2. 27 марта Н. А.—на, между прочимъ, писала Герцену: «...совсѣмъ не чувствовала болѣзни, когда услышала, что есть надежда на твое возвращеніе къ осени» (стр. 77).

88. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

27 апрѣля 1836.
Вятка.

Давно, душа моя, нѣтъ отъ тебя писемъ. Дай Богъ, чтобъ эта почта принесла что-либо, хоть строчку. Наташа, ты, вѣдь, знаешь, какъ радостно получать письма и какъ горько ихъ ждать. По счастію, моя пустая жизнь кончилась, я опять занимаюсь, хотя не такъ много, какъ прежде, но съ пользою. Не должно удаляться отъ людей и дѣйствительнаго міра; это—старинный германскій предразсудокъ. Въ дѣйствител. мірѣ есть своя полнота, которая не находится въ жизни кабинетной и которая учитъ многому. Человѣкъ не созданъ для уединенія. Но горе тому, кто тратитъ душу свою на пустоту этого міра, забывая другой, высшій. Разбитый, больной, печальный явился я сюда и потому искалъ въ ложномъ шумѣ утѣшенія. Это не могло долго продолжаться. Ты ускорила еще мое возвращеніе къ идеальному, и годъ этотъ не совсѣмъ пропалъ въ жизни моей: онъ богатъ опытомъ, чувствами и болѣе всего любовью къ тебѣ, мой ангелъ. Теперь у меня въ головѣ бродитъ планъ весьма важной статьи,—можетъ, для развитія которой нужно написать цѣлый романъ, который поглотитъ въ себѣ и ту тему, о которой писалъ тебѣ въ прошломъ письмѣ, и многое изъ моей собственной жизни ¹⁾. Я рѣшительно хочу въ каждомъ сочиненіи моемъ видѣть отдѣльную часть жизни души моей. Пусть ихъ совокупность будетъ іероглифическая біографія моя, которую толпа не пойметъ, но поймутъ люди. Пусть впечатлѣнія, которымъ я подвергался, выражаются отдѣльными повѣстями, гдѣ все вымыселъ, но основа—истина. Теперь меня чрезвычайно занимаетъ религіозная мысль—паденіе Люцифера, какъ огромная аллегорія, и я дошелъ до весьма важныхъ результатовъ. Но въ сторону это!

Вотъ и май скоро; годъ, что я здѣсь, но прямой, положительной надежды нѣтъ на возвращеніе. Боже мой, какъ гнетутъ насъ люди; они намъ дозволили въ продолженіе почти двухъ лѣтъ одно минутное свиданіе, одинъ поцѣлуй, и то прощальный. А какъ мы нужны другъ другу! Хуже всего, что нѣтъ положительной надежды.

¹⁾ Дальше это сочиненіе называется разное: «Моя жизнь», «Юность и мечты», «О себѣ»; полностью оно не сохранилось и неизвѣстно.

Никто не хочетъ прямо стать за сосланнаго. О, Наташа! Здѣсь-то узналъ я еще болѣе гнусность обыкновенныхъ людей, ибо здѣсь она во всей наготѣ, даже не прикрыта легкою тканью образованности, и какъ же надобно благодарить судьбу, что и здѣсь я нашелъ душу высокую—Витберга.

Но знаешь ли, чему ты чрезвычайно удивишься?—что я почти всякій день здѣсь, въ Вяткѣ, говорю о тебѣ. Да, почти всякій день, и это для меня какое-то дивное наслажденіе. Но съ кѣмъ?—спросишь ты. Любовь робка на языкѣ, и потому никогда не являлся ни одинъ звукъ ея при Витбергѣ, который какъ будто отталкиваетъ довѣріе сего рода своимъ гранитнымъ характеромъ. Не говорилъ я о ней и съ Медвѣдовой, *ибо я знаю, что ей это было бы непріятно*, она и такъ довольно несчастна. Но помнишь ли другую Полину,—нѣмочку, о которой я какъ-то писалъ тебѣ? Въ ней тьма поэзіи, и, не знаю почему, ей одной я высказалъ всю любовь мою къ тебѣ, и съ тѣхъ поръ ты составляешь одинъ предметъ нашихъ разговоровъ. Въ благодарность за сіе я требую, чтобъ ты въ слѣдующей запискѣ написала къ ней хоть строчку, только по-французски. Зови ее просто Pauline. Она заслуживаетъ это, ибо она отъ души желаетъ, чтобъ твой Александръ скорѣе былъ въ твоихъ объятіяхъ. Напиши же непременно какой-нибудь комплиментъ, *un rien* ¹⁾.

У тебя новое фортепіано, пишетъ маменька. Занимайся музыкою, какъ можно, болѣе. Я напишу домой, чтобъ тебѣ доставили одинъ Rondoletto Герца ²⁾, который мнѣ ужасно нравится и который я очень часто заставляю играть. ¹

29-е апрѣля.

Итакъ, Огаревъ полюбилъ свою невѣсту за нѣмецкую литературу, пишешь ты, а поелику ты не знаешь ея, слѣдственно, тебя не стоить любить. Перестань же писать такой вздоръ, моя милая Наташа, не стыдно ли тебѣ? Твоя душа часто приводитъ меня въ удивленіе своею высотой, своею святостью, а ежели бы ты знала астрономію, то это бы еще не дало тебѣ права на мое удивленіе. Не унижай себя, ты—ангелъ, ангелъ, ты мнѣ самимъ Богомъ послана; я тебя люблю за твою душу, люблю за твою любовь, которая въ ты, люблю потому, что не могу не любить тебя... Неужели пламенный языкъ моихъ писемъ,—эта струя огня, можетъ оставлять хотя тѣнь сомнѣнія, что я обращаю малѣйшее вниманіе на внѣшнее что-либо?

¹⁾ Бездѣлица.

²⁾ Анри, извѣстный франц. піанистъ и композиторъ.

Итакъ, пусть же благословіе твоего отца исполнится, пусть Александръ Невскій—твой патронъ. ² Знаешь ли, что и меня онъ ¹⁾ благословилъ тѣмъ же образомъ, и онъ со мною здѣсь. О слѣдующей разлукѣ не думай. Довольно мрачнаго и въ настоящемъ. Въ Москвѣ я не останусь, но даю тебѣ клятву, при малѣйшей возможности, не разлучаться съ тобою. Я уже писалъ, что сбрасываю на твои плечи половину тягостей моей жизни, носи же ихъ вмѣстѣ съ твоимъ Александромъ.

Къ концу нынѣшняго мѣсяца, т. е. мая, рѣшится важный вопросъ: можно ли надѣяться въ 1836 году быть въ Москвѣ? Ежели молитва дѣйствуетъ, то чью же молитву небо можетъ лучше принять, какъ твою?

Какъ счастлива Витбергова жена въ несчастіи! Но вѣрь, вѣрь, будутъ минуты и у насъ, когда рай намъ позавидуетъ. Прощай, некогда болѣе писать. Цѣлую твои руки, тебя, твои глаза. О, приходи скорѣе то время, когда живой поцѣлуй, продолжительный, страстный сотретъ все мрачное!

Твой, твой Александръ.

Emilie, говорятъ, сердится на меня за то, что давно я ей не писалъ. Увѣрь же ее, что я ее люблю, какъ сестру, и потому на что же требовать доказательствъ матеріальныхъ—писемъ? Писать къ тебѣ, это—необходимость, это—воздухъ для меня, это—жизнь. Но, впрочемъ, я напишу, можетъ, къ слѣдующей почтѣ. Впрочемъ, она говоритъ, что я не отвѣчалъ на письмо, а мнѣ кажется, я писалъ отвѣтъ.

Благодарю за нѣмецкій языкъ. Достань себѣ черезъ Ег. Ив. методу Жакото учиться языкамъ. Она облегчитъ. ³

◆◆ 1. 14 апрѣля Н. А.—на писала Герцену:

«Теперь все у меня отнято: запрещаютъ читать, запрещаютъ писать, быть въ другой комнатѣ, играть на фортепьяно,—словомъ, все, что можетъ принести малѣйшую пользу. *Цѣлый день* должна быть съ ними, вечеромъ долѣе 10 часовъ не позволено сидѣть со свѣчой» (стр. 83).

2. Тамъ же:

«Папенька передъ кончиной благословлялъ всѣхъ дѣтей, меня одну благословилъ образомъ Александра Невскаго; и тутъ опора, и тутъ воля Его: почему родитель, оставляя насъ сиротами, пору-

¹⁾ Отецъ Герцена.

чиль меня одну святому Александру? Такъ, мой ангелъ, все, все съ самага моего рожденія благословляло меня быть твоею подругой!»

3. Тамъ же:

«Сейчасъ только *отъучилась*. Твоя воля для меня священна, твое желаніе—законъ. Вчера же вечеромъ выучила нѣмецкую азбуку, теперъ читала по складамъ. M-me Matthey ¹⁾ у насъ на нѣкоторое время, и, пока не будетъ ей мѣста, я буду у нея учиться, а Emilie на-дняхъ ѣдетъ въ деревню...

«Сегодня я начну учиться писать нѣмецкія слова. Языкъ этотъ мнѣ кажется чрезвычайно легкимъ. Ахъ, зачѣмъ люди утратили эти 18 лѣтъ моей жизни! ими бы многое купилось, и теперъ, когда стремленіе во всей силѣ,—вездѣ преграды! Когда у меня была маленька, говоря объ Огаревѣ, она сказала: «Невѣста его не молода и не хороша, но какъ образована и умна! Нѣмецкую литературу знаетъ лучше его. Онъ страшно ее любитъ». Эти немногія слова навели тѣнь на мою душу, въ нихъ какъ будто излился невольный упрекъ ея... но новыя ласки и увѣренія утѣшили снова».

89. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

12 мая 1836.

Вятка.

Ангелъ мой, Наташа! блеснулъ первый лучъ надежды, маленькій лучъ, едва видный. О, Боже, ежели бы онъ былъ не тщетный, ежели бы черезъ мѣсяць или два я могъ тебя прижать къ моему сердцу и въ твоихъ объятіяхъ забыть всѣ двухлѣтнія страданія! Моли, моли Бога, Наташа; молитва твоей чистой души, можетъ, будетъ услышана. ¹⁾

На-дняхъ меня Полина ²⁾ просила написать ей что-нибудь на память, и я написалъ слѣдующее: «Влекомый таинственнымъ пророческимъ голосомъ, пилигримъ шель въ Іерусалимъ. Тяжка была дорога, силы его изнемогали, онъ страдалъ... Господь сжалился и послалъ ему утѣшителя съ чашею, наполненною небеснымъ питьемъ. Съ восторгомъ принялъ пилигримъ его; но, отдавая ему чашу, сказалъ: «Посланникъ неба! Благословляю нашу встрѣчу, но съ радостию покидаю тебя, ибо я знаю нѣчто выше тебя,—святую Дѣву: къ ней иду я, къ ней стремлюсь, ей моя жизнь. Моли Бога,

¹⁾ Бывшая гувернантка дочерей Хованской.

²⁾ Тромпетеръ.

чтобъ скорѣе соединился съ нею!» И эта святая дѣва—ты, моя Наташа; да, все, все радостно покину я для тебя, для тебя, которая такъ меня любить. Ты моя святая, высокая дѣва!

13-е мая.

Я началъ и уже довольно написалъ еще новую статью. Въ ней я описываю мое собственное развитіе, чтобы раскрыть, какъ опытъ привелъ меня къ религіозному возрѣнію. Между прочимъ, я представилъ тамъ сонъ или, лучше, явленіе, въ которомъ нисходитъ ко мнѣ дѣва, ведущая въ рай, какъ Беатриче Данта. Этотъ сонъ мнѣ удалось хорошо написать. Витб. ¹⁾ былъ очень доволенъ, но не зналъ причины. Онъ думаетъ, что я такъ живо представилъ мою мечту и что моя мечта такъ хороша, а я просто описалъ тебя, и не мечта, а ты такъ хороша ²⁾.

Кажется, сегодня годъ, что я поѣхалъ изъ Перми. Обыкновенно при такихъ воспоминаніяхъ говорятъ: какъ скоро идетъ время! Ну, я этого не скажу про этотъ годъ,—нѣтъ, медленно, какъ долгій ядъ, какъ болѣзнь, велъ онъ меня, и я, кажется, ощущалъ шероховатость каждаго дня его 366 дней. Но скажу откровенно: будь ты здѣсь, и я перенесъ бы его, конечно, не безъ грусти, но легко.

Что-то Ог.? Женился ли? Никакой вѣсти отъ него, а и онъ мнѣ необходимъ, какъ ты: мы врозь—разрозненные тома одной поэмы. Хорошая бібліотека не удовлетворится одною частью. Ахъ, гдѣ-то будетъ эта хорошая бібліотека!

Сегодня я ждалъ отъ тебя письмо, но не получилъ,—досадно. Я знаю, что тебѣ самой трудно не писать ко мнѣ долго; знаю, что тебѣ писать ко мнѣ такъ же необходимо, какъ дышать, но досадно. Я такъ счастливъ, получивъ твое письмо, такъ веселъ. Ухожу въ свою комнату ³⁾, бросаюсь на диванъ и читаю, и перечитываю десять разъ. И сердце такъ бьется, и кровь такъ кипитъ, готовы слезы литься изъ глазъ, и дыханіе дѣлается прерывисто. Это мои счастливѣйшія минуты здѣсь, потомъ цѣлые дни мечтаю о каждой строкѣ. О, сколько блаженства принесла ты мнѣ, и какая высокая душа отдалась мнѣ!

Да, будутъ минуты, когда мы не позавидуемъ раю, а рай позавидуетъ намъ.

Твой, твой вѣчно Александръ.

¹⁾ А. Л. Витбергъ.

²⁾ Сочиненіе, указанное въ № 88.

³⁾ Герценъ продолжалъ жить у Витберговъ.

◆◆ 1. По всей вѣроятности, Герценъ разсчитывалъ на успѣшность ходатайства о его прощеніи отъ имени какого-то I. Гильтебрандта, дѣйствовавшаго черезъ лейбъ-медика Н. Θ. Арендта. Въ дѣлѣ № 239, ч. 10 находится письмо этого неизвѣстнаго намъ ходатая къ Арендту, датированное 17 іюня. Герценъ зналъ объ этомъ, вѣроятно, гораздо раньше, когда такая комбинація только еще созрѣла среди друзей И. А. Яковлева.

«Ваше превосходительство, — писалъ Гильтебрандтъ по-нѣмецки, — имѣю смѣлость затруднить Васъ просьбой и надѣюсь оправдать ее двумя причинами. Первая—ваше доброжелательство, которое ободряетъ меня, вторая—старая дружба къ третьему лицу, которая вынуждаетъ меня просить. Это третье лицо—г. Яковлевъ, родной братъ извѣстнаго Вамъ по попечительству въ Маріинскомъ госпиталѣ. Его воспитанникъ, или приемышъ, Александръ Герценъ, котораго онъ любитъ, какъ сына, находится въ Вяткѣ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ тамошняго губернатора, который время отъ времени даетъ свѣдѣнія о его поведеніи графу Бенкендорфу. Такъ какъ, вѣроятно, многое не доходитъ до графа, то Вы совершили бы доброе и богоугодное дѣло, если бы обратили большее вниманіе его на эти свѣдѣнія. Можетъ быть, они такого рода, что имѣли бы слѣдствіемъ, при милостивомъ участіи графа, возвращеніе сына отцу, больному отъ горя и заботъ. Это было бы еще болѣе желательно, потому что я знаю съ дѣтства сего молодого человѣка, отличавшагося всегда добротой, хорошимъ поведеніемъ, прилежаніемъ, и имѣвшаго всегда самый лучшій аттестатъ по своимъ познаніямъ. Онъ былъ достаточно жестоко наказанъ за свое юношеское *неблагодаріе* долгимъ изгнаніемъ отъ родныхъ, что и помѣшало ему въ дальнѣйшемъ развитіи».

Бенкендорфъ потребовалъ справку, и послѣ нея дѣло кануло въ Лету. Официальнаго отвѣта ни Арендту, ни Гильтебрандту, какъ не обратившимся къ шефу жандармовъ прямо и официально, дано не было, а что передано на словахъ первому—можно только предполагать.

90. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

21 мая 1836 г.

Милый другъ мой, Наташа, твои письма отъ 28 апрѣля, наконецъ, я получилъ. Ты, кажется, желаешь, чтобъ я писалъ къ княгинѣ, и по нынѣшней почтѣ пошлю ей просвиру и преглупое письмо. ¹

О какой второй разлукѣ ты говоришь непрерывно? Нѣтъ, нѣтъ, мы не должны, мы не можемъ быть еще разъ разлучены надолго! Нѣтъ, я усталъ, изнемогъ отъ того, что нѣтъ со мною моего ангела хранителя... Сегодня ночью я видѣлъ тебя такъ живо, такъ хорошо. Это было у насъ, мы сидѣли вдвоемъ; право, въ тебѣ было что-то болѣе земного—просвѣтленное, небесное, и ты улыбалась мнѣ; я взялъ твои обѣ руки и устами прильнулъ къ твоимъ устамъ: поцѣлуй долгій, долгій... ну, вообрази сама, описать этого нельзя. Только сонъ все еще живо предо мною. Гордая мысль вдругъ овладѣла сегодня мною, когда я перечитывалъ письмо твое. Мнѣ казалось, что я достоинъ вполне этой высокой, святой любви, съ которою ты навсегда безусловно отдалась мнѣ, ибо я чувствовалъ въ себѣ силу сдѣлать тебя счастливою, чувствовалъ, что моя пламенная, восторженная душа одна можетъ тебѣ открыть всю сладость жизни и полной симпатіи, думалъ потѣму, что рядомъ ставилъ съ тобою свою душу,—и ужаснулся своей гордости. Ты и я—какая необъятная разница! Небо и земля, чистый огонь жертвенника Господня и раздирающій огонь пожара! Наташа, я молюсь на тебя; никогда, клянусь тебѣ, никогда я не могъ бы возвыситься до твоей высоты. Никогда. Я могу быть тверже, сильнѣе тебя, но выше—никогда!

Твоя душа—душа ангела: она не испытала ничего. Благословляю твое странное воспитаніе. Ты развилась сама: чѣмъ менѣе опыта, тѣмъ чище осталась душа, тѣмъ менѣе въ ней земли. А я—въ 24 года испытавшій все злое и доброе. Моя юная душа вся въ рубцахъ; горькій опытъ положилъ въ мою душу основу жгучей ироніи. Я состарѣлся жизнью, я даже запятналъ свою совѣсть, и ежели бы въ самую критическую эпоху моей жизни—9 апрѣля 1835—не слетѣла съ неба откровеніемъ, такъ сказать, любовь, я погибъ бы въ нравственномъ отношеніи. Конечно, я не остался бы, сложа руки, этому залогъ—жажда славы, но мое моральное бытіе исчезло бы, и все носило бы отпечатокъ чисто земного. Въ послѣднемъ письмѣ твоёмъ лучшее доказательство: говоря *объ нихъ*, ты не только прощаешь имъ всѣ неприятели, которыхъ ты—ежедневная жертва, но еще молилась о нихъ, это—ты. Я не могу сего сдѣлать.

24 мая.

Сейчасъ возвратился я съ Великой рѣки и усталъ ужасно. Но слова два скажу съ тобою, ангелъ мой, прежде, нежели лягу спать. Торжественность этого національнаго праздника удивительна. Я пріѣхалъ туда ночью, часа въ два, но толпы народа уже не спали; вездѣ шумъ, крикъ. Тутъ рядъ телѣгъ дѣлаетъ настоящую крѣ-

пость, и за нимъ тысячи мужиковъ, толпы нищихъ и уродовъ, толпы черемисъ, вотяковъ, чувашей съ ихъ странными, пестрыми костюмами, съ ихъ нарѣчіемъ. Разумѣется, я спать не легъ, а бросился въ это море людей. Часовня, гдѣ образъ, стоитъ подъ крутою горой... Но нѣтъ, не хочу въ твоёмъ письмѣ писать объ этомъ, возьми папенькино письмо черезъ Егора Ивановича,—тамъ найдешь все это. Къ тебѣ — о любви, о любви, которою такъ полна душа моя. Я, какъ ребенокъ, обрадовался, увидѣвъ твоею рукой писанныя нѣмецкія слова. О, ангелъ мой, какъ ты кротко исполняешь мои желанія, какъ совершенно отдала ты мнѣ свою волю! Но долженъ ли я принять на себя такъ много, я — земной,—вести тебя, чистую, святую? Долженъ, ибо твоя любовь очиститъ меня, ибо и я отдаюсь тебѣ совсѣмъ. Много надеждъ далъ я тебѣ въ прошломъ письмѣ; уже половина ихъ утрачена: опять разлука увеличилась. Что дѣлать—всю надежду на Бога. Можетъ, это наказаніе мнѣ за *то пятно*, о которомъ я не говорилъ тебѣ. Но за что же и ты страдаешь отъ разлуки? Страдай, ангелъ мой: страданіе твое искупить *пятно*.

26 мая.

Наташа! При семъ письмо къ Emilie; доставь ей. Въ выписанномъ тобою мѣстѣ изъ письма С. 1) я не вижу того пылкаго чувства, которое ты видишь въ нихъ. Его выраженія слишкомъ узорчаты. Такъ ли выражается любовь? Возьми всѣ мои записки, тамъ не найдешь натяжекъ. 2

Прочти записку къ Emilie; болѣе я не писалъ къ ней, потому что мнѣ жаль терзать ея душу.

Цѣлую тебя.

А. Герценъ.

◆◆ 1. 27 апрѣля Н. А.—на между прочимъ, писала: «Вчера я говорила о тебѣ съ княгиней. Она сердится, что ты не вспомнишь о ней, даже не припишешь никогда почтенія. «Онъ воображаетъ, что ему никто не нуженъ»,—прибавила она. Я думаю, это можно сдѣлать... впрочемъ, какъ ты думаешь» (стр. 86).

2. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Герцену Н. А.—на привела отрывокъ изъ французскаго письма Сатина къ Э. М. Аксбергъ; вотъ его переводъ: «Только что пріѣхалъ въ Симбирскъ, спѣшу писать къ тебѣ, чудный другъ мой. Никогда я не чувствовалъ себя такъ вполнѣ одинокимъ, какъ здѣсь; никогда я не чувствовалъ такой

1) Сатинъ

потребности сознать, что есть существо, котораго душа гармонируетъ съ моею душой и которое составляетъ, такъ сказать, другую половину меня самого, — никогда, говорю тебѣ, настолько, какъ теперь; а, между тѣмъ, я еще не увѣренъ, что обладаю этою дорогою половиной, такую необходимой для того, чтобы я представлялъ изъ себя законченное существо, — иногда полусомнѣнія гложать мою душу... и это неопредѣленное состояніе для меня мучительно...»

Здѣсь умѣстно познакомить читателей съ жизнью Сатина въ изгнаніи въ описываемое Герценомъ время.

Какъ уже говорилось, онъ былъ сосланъ въ Симбирскъ.

Хотя Сатинъ и получилъ, какъ мы знаемъ, первую серебряную медаль за сочиненіе, но университета до своего ареста не кончилъ. Поэтому мать его еще въ іюнѣ 1835 г. обратилась къ государю съ просьбой дать сыну право выдержать экзаменъ при одномъ изъ университетовъ. Николай I не призналъ нужнымъ даже хоть что-нибудь сказать, читая прошеніе, и рука Бенкендорфа вывела на немъ послѣ доклада: «Государь изволилъ читать».

Черезъ годъ мать снова подала прошеніе, прося, кромѣ права сыну держать экзаменъ, отпуска на Кавказъ для лѣченія страшнаго ревматизма, которымъ, какъ извѣстно, Сатинъ былъ всецѣло обязанъ тогдашнимъ тюрьмамъ. Сначала Николай I написалъ: «переговоримъ». Переговорили съ Бенкендорфомъ, и въ результатѣ — поѣздка на Кавказъ была разрѣшена (разумѣется, подъ надзоромъ), а на окончаніе курса университета «соизволенія не послѣдовало»¹⁾.

Къ этому времени симбирскій жандармскій штабъ-офицеръ, подполковникъ Стоговъ, прислалъ Бенкендорфу довольно пространное донесеніе объ образѣ жизни Сатина. По прибытіи въ Симбирскъ онъ поступилъ въ канцелярію губернатора. «Скоро стали относиться съ похвалою о способностяхъ студента Сатина. Скоро Сатинъ появился въ обществахъ дорожащихъ четвертымъ игрокомъ въ вистъ *по большой*. О Сатинѣ отзывались съ похвалою въ познаніяхъ игры и познаніяхъ приличій хорошаго тона. Въ одно время съ Сатинымъ пріѣхалъ въ Симбирскъ на службу инженеръ путей сообщенія подпоручикъ Станкеръ, имѣя лѣтъ 20 отъ роду скоро подружился съ Сатинымъ. Станкеръ въ нѣкоторыя не игорныя семейныя дома былъ ввѣденъ мною, а съ нимъ вошелъ и Сатинъ. Скоро за ласковое хлѣбосоольство, Станкеръ заплатилъ сатирой,

¹⁾ Неизвѣстно, на какомъ основаніи Анненковъ («П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 49—50) сообщилъ, что на просьбу Сатина объ отпускѣ для лѣченія было получено въ отвѣтъ: «впредь не смѣть и дѣлать такихъ представлений».

состоящей изъ портретовъ въ корикатурномъ видѣ, Сатинъ участвовалъ въ составленіи корикатурнаго Альбома. Альбомъ многимъ показывался по секрету и скоро рознеслось по городу о злыхъ корикатурахъ Станкера и Сатина. Коротко знакомя со мною почтенныя семействы, дружески жаловались мнѣ на неблагодарность молодыхъ людей. Въ поступкѣ Станкера и Сатина видя ребяческую шалость, я дождавшись обоихъ ихъ посещенія къ себѣ, далъ имъ понять что мнѣ извѣстно существованіе корикатурнаго Альбома ихъ и потомъ говоря весьма продолжительно на третіе лицѣ высказалъ имъ всю гнусность ихъ поведенія противъ особъ коимъ они обязаны благодарностью за радушное гостепримство и въ заключеніи примѣрами пояснилъ, что за доказанность существованія Альбома они долго просидятъ въ острогѣ. Мнѣ сказывали, что на другой же день по совѣту Сатина Альбомъ былъ уничтоженъ. Станкеръ за сватовство по просьбѣ матери своей переведенъ изъ Симбирска въ Житомиръ. Сатинъ рѣшительно сдѣлался дѣятельнымъ членомъ комерческой большой игры; онъ ѣздилъ даже въ деревни играть въ карты и рѣже являлся въ канцелярію губернатора. Сатинъ, какъ я слышалъ, единственный и любимый сынъ своей матери; ему присланы экипажи и четверка лошадей. Сатинъ между всѣми въ Симбирскѣ рѣзко отличается блѣдною, истомленною, изнуренною наружностью отъ непорядочной жизни, туалетъ его также разительно бросается въ глаза, какъ единственный въ Симбирскѣ: предлинныя волосы на всѣй головѣ, на бородѣ брѣть небольшую точку сообразно моднымъ парижскимъ картинкамъ, изысканностію своей одѣжды и убора не имѣетъ себѣ подобнаго въ Симбирскѣ; не видя модныхъ картинокъ, нельзя бы не причестъ его къ какому-нибудь тайному обществу. Въ теченіе прошедшей зимы, имѣя необходимость отлучаться изъ Симбирска, около масляницы, я узналъ что въ Симбирскѣ завѣлись большія игры въ банкъ и проч.; ропотъ добрыхъ людѣй увеличивалъ до невѣроятности куши выигрыша и проигрыша; говорили между прочимъ о одной картѣ, идущей въ 240.000 рублей! Я немедленно распорядился о наблюденіи за игроками, но осторожность главнаго игорнаго дома и постоянно бывшіе махальные изъ дворовыхъ людѣй за воротами, уничтожали всякую возможность узнать что-либо. Узнавши главныхъ участниковъ игры, я рѣшился нѣкоторымъ изъ нихъ въ одинъ день сдѣлать визиты и рассказать каждому о порядкѣ времяпровожденія ими прошедшаго вечера; узнавши изъ сего, что я наблюдаю за ними, кажется симъ способомъ мною употребленнымъ я на нихъ подѣйствовалъ и игра уменьшилась и скоро прекратилась. Игроки собирались преимущественно въ квартирѣ сдѣшняго

помѣщика потерявшагося не возвратно въ пьянствѣ и развратѣ Николая Митракова квартирующаго вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ въ первый разъ пріѣхавшимъ въ Симбирскъ Топорнинымъ, первый болѣе пьянствовалъ а послѣдній неумоимо игралъ. Главными игроками были: Топорнинъ, Арсеньевъ, Островскій, Сатинъ и другіе не столь значительные. Сатинъ говорятъ въ послѣдніе вечера проигралъ до 40.000 рублей! и сдѣлался болѣзнъ, о чемъ я изъ состраданія, не имѣя явныхъ доказательствъ, неофициально говорилъ губернатору, который кажется уже зналъ объ этомъ и говорилъ студенту Сатину, которому кажется оказывается покровительство. Сатинъ давно, сказываясь больнымъ, просится на кавказскія воды, губернаторъ приказывалъ освидѣтельствовать робкому медику Дроздову и тотъ донесъ, что Сатину нужно ѣхать на Кавказъ за болѣзнью ногъ. Послѣ послѣдняго проигрыша Сатина его нигдѣ въ обществахъ не видно».

Конечно, это донесеніе приведено мною, вовсе не въ качествѣ достовѣрнаго біографическаго матеріала, а какъ любопытный документъ жандармски-полицейскаго сыска. Кое что, вѣроятно, близко къ истинѣ. Чтобы губернаторъ покровительствовалъ Сатину, изъ всего «дѣла» не видно и, мнѣ кажется, со стороны безграмотнаго жандарма этотъ намекъ есть простое сведеніе личныхъ счетовъ. Въ маѣ 1836 г. Сатинъ выѣхалъ на Кавказъ, а 2 октября вернулся въ Симбирскъ. Минеральный жандармъ сообщил Бенкендорфу, что онъ велъ себя на водахъ «скромно и прилично».

91. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

11 іюня 1836.

Вятка.

Ангель мой, Наташа! Давно нѣтъ писемъ отъ тебя, и я грустенъ. Исчезла надежда (17 іюня) *и возвратилась опять еще блестяще* скорога свиданія; больно, очень больно. Какъ дерево каждымъ листомъ тянется къ солнцу, протягиваетъ ему свои вѣтви, глхнетъ безъ него, блѣднѣетъ, теряетъ свой зеленый цвѣтъ, цвѣтъ надежды, такъ душа моя дѣлается *хуже, мелочнѣе* отъ удаленія надежды на скорое возвращеніе. О, Наташа, Наташа! Неужели этотъ свирѣпый, неумолимый рокъ, который доселѣ управлялъ мною, требуетъ такихъ жертвъ для исполненія своихъ судебъ? Нѣтъ, тобою.

я не пожертвую ему! Можетъ ли быть чувство святѣе, чище, благословеннѣе Имъ, какъ наша любовь?.. Какая глупая мечта: ежели-бы возможность была тебѣ быть въ Вяткѣ. Ну, я не знаю какъ,—вдругъ бы здѣсь открылись мощи, и претолстая княгиня вздумала бы помолиться о продленіи жизни на 88 году, и ты съ нею. Или... ты бы жила у насъ въ Москвѣ (разумѣется, послѣ смерти княг.) и приѣхала бы съ маменькой сюда на мѣсяць. О, тогда я первый дамъ подписку, что и въ Вяткѣ рай!

Я рѣдко занимаюсь отъ всей души. Найдеть иногда минута, день, когда я много думаю и пишу, потомъ опять дѣйствительная жизнь и пустая. Утро всякаго дня гибнетъ или въ канцеляріи, или у губернатора. (Чести много, а пользы мало, ибо представленіе не сдѣлано).¹ Для того, чтобъ убить послѣ-обѣда, также всѣ мѣры взяты. Я сдѣлался страстный охотникъ до верховой ѣзды. Часу въ шестомъ—на коня и ѣду себѣ за нѣсколько верстъ, куда глаза глядятъ. Въ верховой ѣздѣ удивительное наслажденіе: какая-то сила сознается въ человѣкѣ, когда онъ обуздываетъ этого большого звѣря и заставляетъ его исполнять желаніе свое, даже капризъ. Когда же въ туманный, сырой день я выѣзжаю далеко за городъ, а синяя даль останавливаетъ взоръ, тогда я опускаю поводья; лошадь идетъ шагомъ, и мечты толпами вертятся, и вдругъ глубокій вздохъ, и я, пришпоривъ лошадь, пускаюсь во весь карьеръ. Далѣе, приѣхавъ домой усталый, я—либо куда-нибудь пить шампанское, либо спать,—и *день прожитъ*, и я съ восторгомъ вижу, что днемъ ближе свиданіе съ моею Наташей.

15 іюня.

Вчера весь вечеръ перечитывалъ твои письма. Какая прекрасная поэма любви и какъ¹) развивается эта страсть, которая теперь совсѣмъ захватила всю душу твою! О, какъ счастливъ я и не долженъ ли гордиться, что любимъ такою душой? Сначала *любовь* твоя прячется за *дружбу*; слово *братъ* вездѣ; потомъ ты ставишь дружбу наравнѣ съ любовью; потомъ слова «дружба» и «братъ» совсѣмъ исчезаютъ: я для тебя *твой Александръ*. Ты сама говоришь: любовь выше дружбы, ты хочешь потонуть во мнѣ, ты хочешь быть звѣздочкой (это писано было въ декабрѣ 1835), коей свѣтъ поглощается солнцемъ. О, ангелъ мой, цѣлую тебя, цѣлую, цѣлую! И чтобъ я смѣлъ роптать на судьбу, я, счастливецъ... Послѣ этого чтенія я легъ спать,—и вотъ мой сонъ. Вижу я, что

¹) Слово вырвано.

я пріѣхалъ въ Москву. Бѣгу къ тебѣ; говорятъ, ты спишь. Вхожу въ горницу, и ты на постели спишь. Я сталъ тихо на колѣни передъ тобою и, сложивъ крестомъ руки, смотрѣлъ на небесныя черты твои. Ты проснулась, улыбка показалась на твоёмъ лицѣ, и ты отвернулась, думая, что видишь меня во снѣ. Тутъ я бросился въ твои объятія... Судьба, зачѣмъ это сонъ? Зачѣмъ я именно тутъ проснулся?

17 іюня.

Наташа! перекрестись, ангелъ мой, сегодня пошло мое представленіе въ Петербургъ, и черезъ мѣсяць будетъ отвѣтъ. Можетъ, отказъ..., но, можетъ, и свобода, и твой Александръ полетитъ, какъ стрѣла, въ объятія своего ангела, своей Наташи. Получилъ вчера два письма твои. Нѣтъ мѣры тому блаженству, которое ты льешь на меня. Каждая строка заключаетъ въ себѣ счастье. И будто я заслужилъ это?.. Ты пишешь, что я буду сердиться за то, что не писала къ Полинѣ. Да развѣ я требую рабской покорности? Сколько разъ я еще прежде писалъ тебѣ: будь самобытна, мы равны. Зачѣмъ же тебѣ быть рабою моею? Нѣтъ, мнѣ понравилось твоё послушаніе. Но не забывай этого существа: оно несчастно и высоко.

Не удивительны ли наши симпатіи? Ты мнѣ пишешь о моихъ прежнихъ письмахъ, а я на той сторонѣ писалъ тебѣ о твоихъ письмахъ. И даже то же самое замѣчаніе... И чтобъ мы не должны были соединиться, и навѣки? Вздоръ! Въ Загорье необходимо пріѣду. Ахъ, ежели бы я возвратился въ августѣ и, въ день твоего ангела, прижалъ бы тебя со всѣмъ бѣшенствомъ любви къ моему груди! Ежели бы.....! Люди, люди, не мѣшайте этому огню, онъ выше васъ!

Я не забылъ, какъ мы были въ соборѣ съ Пассеками. Нѣтъ, не чужая и тогда мнѣ была ты, мы только тогда не понимали, что насъ такъ тѣсно связываетъ... По-нѣмецки занимайся одна. Твое положеніе грустно, но переноси его; въ немъ развилась та прелестная душа въ тебѣ, предъ которой я повергаюсь на колѣни, которой я молюсь. На Алексѣя Александровича надѣяться нечего, я разлюбилъ его холодный умъ; но попробуй, скажи, чтобъ Е. И. написалъ ему. Напрасно ищешь, ангелъ мой, предчувствіе въ *мораляхъ* папеньки. Я улыбнулся, читая это; нѣтъ, это происходитъ отъ страсти читать морали.² Статьи своей по почтѣ не пошлю. Жди оказіи или, лучше, жди меня самого со статьями. Все, что только льется съ пера моего, все согрѣто любовью,—вездѣ ты, какъ идеаль изящнаго, святого, видна.

Прощай, моя дѣва. Усталый пилигримъ придетъ же изъ обѣтованной земли на родину, изъ земли страданій Христа, съ маслиною примиренія въ рукахъ, придетъ къ своей дѣвѣ и будетъ вполнѣ счастливъ, и благословитъ удѣлъ смертнаго на землѣ. Цѣлую тебя еще... и еще.

Твой Александръ.

Полина кланяется; я ей перевелъ писанное тобою.

◆◆ 1. Кажущаяся несообразность въ упоминаніи 17-го числа въ началѣ письма, датированнаго 11-мъ, очень понятна: письмо закончено 17-го, и эти слова вписаны въ начало потомъ.

17 іюня вятскій губернаторъ, С. Тюфяевъ, отправилъ министру внутреннихъ дѣлъ свой рапортъ отъ 16 іюня. Сказавъ, что Герценъ переведенъ въ Вятку и опредѣленъ переводчикомъ губернскаго правленія, губернаторъ продолжалъ: «Для ближайшаго наблюденія за нимъ, поведеніемъ его и въ особенности образомъ мыслей, съ самаго прибытія я употребилъ его на занятія по канцеляріи моей, и въ продолженіе года службы его замѣтилъ въ немъ: похвальное поведеніе, особенное усердіе, способности и образованіе отличное, образъ мыслей, свойственный вѣрноподданному. Обращая особенное вниманіе на столь похвальныя качества сего молодого человѣка, имѣющаго нынѣ только 23 года отъ роду, я, къ сожалѣнію, увидѣлъ, что кругъ служебныхъ дѣйствій здѣсь въ губерніи совершенно не соотвѣтствуетъ обширности его познаній, и таланты его остаются безъ необходимаго для нихъ развитія. Изъяснивъ сіе Вашему Высокопревосходительству, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ходатайства Вашего у Всемилостивѣйшаго Государя разрѣшить Герцену службу въ Москвѣ, гдѣ ближайшіе его родственники, поруча его особенному ихъ надзору, или въ Санктпетербургѣ, гдѣ, при его образованности, онъ особенно можетъ быть полезенъ и будетъ на виду у высшаго правительства. Въ заключеніе всего приѣмлю смѣлость покорнѣйше просить В. В-ства благосклоннаго принятія во вниманіе сего моего представленія и не вмѣнить онаго въ дерзновенное предствательство, каковаго не рѣшился бы я сдѣлать, ежели бы Герценъ не имѣлъ при благоповеденіи отличныхъ качествъ и не подавалъ большихъ надеждъ въ отношеніи пользы службы».

Министръ внутреннихъ дѣлъ, Блудовъ, не рѣшился принять самостоятельное рѣшеніе по этому представленію и направилъ его Бенкендорфу. Послѣдній 20 іюля отвѣтилъ, что нашелъ невозможнымъ удовлетворить желаніе Тюфяева, «во-первыхъ, потому что причиною высылки Герцена изъ Москвы былъ обнаруженный имъ

въ письмахъ непозволительный образъ мыслей, въ которомъ онъ въ столь короткое время исправиться не могъ; и во-вторыхъ, потому, что прощеніе его было бы несправедливо въ отношеніи прочихъ, по одному съ Герценомъ дѣлу подвергнутыхъ наказанію и равно съ нимъ или даже и менѣ виновныхъ».

2. Н. А.—на писала, что И. А. Яковлевъ какъ бы предчувствуетъ въ ней свою невѣстку и очень часто говоритъ съ ней объ обязанностяхъ жены и пр.

92. ВСТРѢЧИ.

Точкою пересѣченія называется мѣсто встрѣчи двухъ линий.

Франкерь, «Курсъ чистой математики» т. I. «Прямолинейная геометрія».

Говорятъ, что храмовые рыцари вездѣ узнавали другъ друга, узнавали даже степень свою въ таинствахъ и силу въ орденѣ при первой встрѣчѣ. Это кажется странно, удивительно. Но пусть разберетъ каждый человѣкъ (въ самомъ дѣлѣ!), не случилось ли ему въ продолженіе жизни встрѣтиться съ незнакомцемъ, котораго онъ никогда не видалъ, котораго никогда не увидитъ и въ которомъ съ перваго взгляда открывается близкій родственникъ души, — человѣкъ, котораго онъ хочетъ имѣть другомъ, съ которымъ ему жаль разстаться. Какая-то симпатія, какой-то магнетизмъ влечетъ къ нему, и эта встрѣча остается навсегда въ памяти, ибо существованія ихъ пересѣклись, опять раздвоились, но слились въ точкѣ пересѣченія. Чѣмъ бурнѣе была жизнь человѣка, чѣмъ болѣе страсти пережигали его душу, тѣмъ болѣе такихъ встрѣчъ.

Итакъ, мы всѣ—храмовые рыцари. Посторонніе не знали знаковь ордена; такъ и теперь толпа, это постороннее всего одушевленнаго, не понимаетъ людей, глубоко чувствующихъ. Помнится, Дидеротова кухарка очень удивилась, услышавъ, что ея господинъ—великій человѣкъ. Сколько Дидеротовыхъ кухарокъ!

Первая встрѣча.

(Посвящено другу Сазонову).

Was die französische Revolution Gutes oder Böses stiftet, kann ich nicht beurtheilen; so viel weiss ich, dass sie mir diesen Winter einige Paar Strümpfe mehr einbringt.

Göthe. Die Aufgeregten, 14 ¹⁾).

...Вошедши въ гостиную, я увидѣлъ незнакомаго человѣка, котораго тотчасъ почелъ за иностранца, ибо нѣсколько молодыхъ людей безпрестанно выказывали ему себя, безпрестанно тормошили его. У насъ свой манеръ принимать иностранцевъ: нѣчто въ томъ родѣ, какъ слѣпни принимаютъ лошадь въ лѣтній день.

Онъ былъ пожилой человѣкъ, средняго роста, худой и плѣшивый. Молочный свѣтъ лампы, покрытой тусклымъ колпакомъ, придавалъ что-то восковое его блѣдному лицу, которое, несмотря на лѣта, было такъ нѣжно, такъ бѣло, какъ видимъ на хорошихъ бюстахъ изъ каррарскаго мрамора. Сѣрые глаза его блестяли, какъ у молодого человѣка; ротъ дѣлалъ нѣчто, въ родѣ улыбки, которая съ перваго взгляда могла показаться за добродушіе, но въ которой второй взглядъ видѣлъ насмѣшку, а смотря далѣе, казалось, что ея совсѣмъ нѣтъ и что этотъ ротъ не можетъ улыбаться. Вообще лицо его было чрезвычайно холодное; но въ этомъ холодѣ видѣлся огонь, какъ въ холодномъ реверберѣ лампы... «Кто это?» — Мнѣ отвѣтили нѣмецкой фамиліей, которую я тутъ же забылъ.

Говорили о французской литературѣ, метали наружу все, что есть въ головѣ. Незнакомецъ молчалъ, играя эмалевой цѣпочкой отъ часовъ, и рѣшительно не показывалъ ни согласія, ни противорѣчія. Когда необходимость заставила и его сказать что-нибудь, онъ сказалъ, что чрезвычайно отсталъ, что мало читаетъ, что ему надоѣло вездѣ въ литературѣ видѣть эгоизмъ и мистификаціи, что тѣ, которые должны бы были писать, которыхъ голосъ звученъ и силенъ, молчатъ, подавленные толпою публицистовъ.

1) Я не могу судить о томъ, что хорошаго или что дурного принесла французская революція; я знаю только, что изъ-за нея я сносилъ за эту зиму нѣсколько лишнихъ паръ чулокъ. Гете. «Возставшіе».

— Неужели?—сказаль кто-то, готовя что-то.

— Это не тезись,—продолжалъ незнакомецъ, перебивая его,— который я стану защищать. Я не осмѣлюсь бороться съ такими защитниками нашего вѣка, хотя бы чувствовалъ въ себѣ всю силу Ринальдо, и потому не трудитесь снимать ваши *шелковыя* перчатки,—прибавиль онъ съ улыбкой.

Защитники вѣка успокоились, разговоръ потухаль, и Коринна (хозяйка дома) требовала отъ германца, чтобъ онъ что-нибудь разсказаль.

— Что же вамъ разсказать?.. Я былъ въ 91 году въ Парижѣ и въ 1815 въ Италиі, таскался весь этотъ промежутокъ по родинѣ, и теперь, простившись навсегда съ Европою, ѣду на Востокъ отдохнуть отъ нея. Много великихъ событій было у меня передъ глазами, со многими великими людьми сталкивался я...

Его перебили.

— Ради Бога, встрѣчу съ великимъ человѣкомъ,—близость ихъ какъ-то поднимаетъ насъ...

— Извольте, я возьму на себя роль Карла Нодье ¹⁾, который такъ подробно разсказываетъ всѣ встрѣчи свои съ двухлѣтняго возраста.

Молча подвинулись мы ближе, и вотъ его разсказъ.

— Я родился во Франкфуртѣ, но,—прибавиль онъ съ злою улыбкой, — *foi d'honnête homme* ²⁾, ни родства, ни знакомства съ Шарлемъ Dupuy ³⁾ не имѣлъ. Семейныя обстоятельства заставили мою мать оставить мужа и ѣхать со мною въ свою родину — Парижъ. Мнѣ было тогда 16 лѣтъ, а христіанству 1788. Это переселеніе сдѣлало во мнѣ чрезвычайный переворотъ. Франкфуртъ доселѣ имѣетъ что-то ганзеатическое: кривыя улицы, печальные дома и рынки, рынки и конторы. Его германскій характеръ, съ своими мрачными церквами и безобразной ратушей, съ своими факторіями и *Judengasse* ⁴⁾, отдѣлялъ его тогда еще болѣе отъ Франціи. И вдругъ изъ этого тихаго, смирнаго города, который каждое воскресенье въ праздничномъ кафтанѣ ходитъ въ церковь, внимательно слушаетъ предіку и каждую субботу свѣряетъ свои прихода-расходныя книги, — изъ тихаго и смирнаго дома моего родителя я попалъ въ Парижъ. Что тогда было въ Парижѣ, вы знаете. Родственникъ, у котораго мы жили, былъ главою какого-то клуба, котораго члены безпрестанно толкались у него въ домѣ, съ ярост-

¹⁾ Французскій беллетристъ.

²⁾ Даю слово честнаго человѣка.

³⁾ Французскій ученый и политическій дѣятель.

⁴⁾ Еврейская улица.

ными взглядами, съ непудренными париками на головѣ и съ ужасными рѣчами въ устахъ. Я съ трепетомъ и недоумѣніемъ смотрѣлъ, какъ они попираютъ ногами все святое, все прошедшее, какъ низвергаютъ зданіе, подъ крышей котораго живутъ. Революція усиливалась; какъ-то 92 годъ проглядывалъ сквозь туманъ *Assemblée nationale* ¹⁾, и отецъ мой желалъ, чтобъ я воротился. Онъ даже просилъ своего пріятеля, также германца, снабдить меня деньгами и, какъ можно скорѣе, выслать. Но этотъ пріятель былъ не кто иной, какъ Анахарсисъ Клоотсъ ²⁾, который дѣлалъ совсѣмъ на-изнанку: требовалъ, чтобъ я остался, и обѣщалъ меня вести знакомить съ великимъ человѣкомъ, который, по его мнѣнію, опередилъ всѣхъ и не только отвергаетъ всякаго рода гражданское устройство, но даже право собственности. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ великій человѣкъ—Эбертъ ³⁾. Брауншвейгскій ⁴⁾ между тѣмъ издалъ свой смѣшной манифестъ, на который ему отвѣчали еще болѣе смѣшнымъ. Выжившій изъ лѣтъ старикъ бранился съ дерзкимъ мальчишкой. Иностранцамъ было опасно оставаться, и еще опаснѣе—ѣхать. Напрасно просилъ я безумнаго Клоотса, — онъ и слушать не хотѣлъ; говорилъ, что одинъ врагъ рода человѣческаго можетъ теперь думать объ отъѣздѣ, что кто ѣдетъ, тотъ агентъ Питта ⁵⁾ и Кобурга ⁶⁾, ставилъ себя въ примѣръ и, гордо показывая засаленное платье свое, прибавлялъ: «Ты знаешь, какъ я былъ богатъ? Все отдалъ человѣчеству и всѣмъ для него пожертвую... А ты хочешь бѣжать... Стыдись! Взгляни хоть на Сенъ-Жюста ⁷⁾,—онъ не старѣе тебя, а какъ пламенно принимается онъ работать pour la république une et indivisible, pour l'émanicipation du genre humain ⁸⁾. Онъ будетъ великій филантропъ... Впрочемъ, ежели хочешь ѣхать, я первый выдамъ тебя: надобно очистить родъ человѣческой отъ слабыхъ»... И все это говорилъ онъ, не шутя и съ полнымъ убѣжденіемъ. Послѣднее замѣчаніе показало мнѣ, что надлежитъ дѣй-

¹⁾ Національное собраніе.

²⁾ Фанатикъ идеи всенародной демократической организаціи по образцу древнихъ греческихъ республикъ.

³⁾ Жакъ-Ренѣ Геберъ, французскій революціонеръ, прозванный «отцомъ Душеномъ» по названію его газеты. Казненъ по требованію Робеспьера.

⁴⁾ Герцогъ Брауншвейгскій, главнокомандующій союзною арміей, посланною карать революціонную Францію.

⁵⁾ Младшій, англійскій государственный дѣятель.

⁶⁾ Фридрихъ Кобургъ-Заальфельдъ, саксонскій принцъ, командовавшій австрійскими войсками противъ французовъ.

⁷⁾ Крайній революціонеръ, казненъ въ 1794.

⁸⁾ Для единой и нераздѣльной республики, для освобожденія рода человѣческаго.

ствовать рѣшительно, и я всѣми неправдами, обманывая и подкупая, нашелъ средство бѣжать въ союзную армію. Жаль мнѣ было оставить Парижъ; я не въ состояніи былъ его покинуть явно, официально и потому душевно былъ радъ, что разстался съ нимъ *sans adieux* ¹⁾, тайкомъ, ночью. Разумѣется, не безъ приключеній достигъ я цѣли бѣгства, и ежели-бъ я былъ настоящей нѣмецъ, то поставилъ бы себѣ за святѣйшую обязанность издать на скверной бумагѣ съ еще сквернѣйшею печатью «*Reise-Abenteuer eines Flüchtlings aus der Hauptstadt der Franzosen zur Zeit der grossen Umwälzung, Anno 1792 nach Christigeburt*» ²⁾. Но я не настоящей нѣмецъ.

«*Voilà vos chiens de Brunswick!*» ³⁾—сказалъ мнѣ эльзасецъ, проводивши меня къ пикетамъ, и я очутился на родинѣ, потому что родина моя вздумала очутиться въ Эльзасѣ. Половину цѣпи занимали прусскіе солдаты и половину—австрійскіе. Я до того отвыкъ отъ ихъ фізіономій, до того привыкъ къ живымъ, одушевленнымъ французамъ, что смотрѣлъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на длинныя, растянутыя, неуклюжія лица австрійцевъ съ ихъ свинцовыми глазами, съ ихъ усами свѣтлѣе щекъ и съ ихъ мундирами свѣтлѣе усовъ. Должно ли дивиться, что они поразили лэди Морганъ ⁴⁾ въ Италіи, гдѣ насмѣшливая судьба перемѣшала ихъ съ вороными головами итальянцевъ, въ которыхъ видна какая-то артистическая отдѣлка? Прибавьте, что они стояли по колѣна въ грязи, оттого что не хотѣли переступить за лужу; что ни одинъ мускуль не двигался на ихъ лицѣ; что ихъ рты были полуоткрыты; что это все — дурно сдѣланныя и облитыя грязью статуи командора изъ «Донъ-Жуана»... Съ другой стороны, пруссаки съ карими глазами, съ римскимъ носомъ и коротенькой трубкой, которую нельзя отдѣлать отъ ихъ лица, не испортивъ его, такъ, какъ нельзя отдѣлать ушей, щекъ и пр. У нихъ что-то глубокомысленное снаружи и совершенное отсутствіе мыслей, кромѣ повиненія фельдфебелю, внутри,—по крайней мѣрѣ, эти двигались, говорили. Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ и отвѣтовъ, меня отправили къ дежурному генералу, удостовѣрившись, кто я, откуда, зачѣмъ, куда... Но не было никакой надежды ѣхать далѣе, ибо всѣ лошади были взяты арміей. Это было то самое критическое время, когда новый Готфридъ увидѣлъ, что онъ за тѣмъ только пришелъ во Францію, чтобъ увеличить ея торжество. Надобно было провести нѣсколько дней въ не-

¹⁾ Безъ прощаній.

²⁾ «Приключенія бѣглеца изъ столицы французовъ во время великой революціи, въ лѣто 1792 г. по Р. Х.»

³⁾ Вотъ ваши брауншвейгскія собаки!

⁴⁾ Англійская писательница, авторъ книги объ Италіи.

счастливым войскам, которое страдало и от дождей, и от голода, и от стыда. На другой день пригласил меня к себе один владетельный князь, вероятно, желая знать, какие новые ужасы сделали парижские антропофаги. Он занимал небольшой дом в близлежащем городке, и я ввечеру отправился к нему. В зале было несколько полковников, как все немецкие полковники, — с седыми усами и с сигарами в зубах, — и несколько адъютантов, которые все еще не сомневались, что им придется попить в Palais Royal и там оставить и свой здоровый цвет лица, и способность краснеть, которая только и осталась у нашего юношества. Везде мундиры, шпоры, сабли. Наконец, вошел не военный.

— Верно, Шатобриан, — сказал кто-то мне на ухо.

— Нет, — отвечал я, — Шатобриан только тогда ездит во Францию за неприятелем, когда *ses amis les ennemis* ¹⁾ бьют его соотечественников.

Мужчина хорошего роста, довольно толстый, с гордым видом, в котором выражалось спокойствие и глубокое чувство собственного достоинства, величие и сила в правильных чертах лица, в возвышенном челе. Всякий человек, однажды взглянув на него, видел, что он ему не товарищ, — так подавляла, угнетала его наружность; его взор не протягивал вам руку на дружбу, но заставлял вас быть вассалом его, прощал вам вашу ничтожность. Большие глаза блистали, но блистали так, как у Наполеона, намекая издали на обширность души. Эти глаза были ослеплены густыми бровями, в которых я заметил именно омировское движение. Все манеры показывали светского человека и аристократа, но печать германизма ясно обнаруживалась в особых приемах, которые мы называем *steif* ²⁾. Везде, где он проходил, вставали, кланялись, признавали его власть. Он принимал знаки уважения, как законную дань, то есть с той деликатностью, которая еще выше подымает его и еще ниже роняет их. Я не спускал с него глаз. Он съел возле герцога сына, долго говорил с ним и, наконец, обращаясь к нам, сказал, придавая особую важность своим словам:

— Нынче поутру, только въезжаю в лагерь, вижу какого-то генерала верхом. Судите о моем удивлении, когда, подъезжая, узнаю короля прусского. Его величество хал прямо ко мне. «Чья это карета?» спросил он их лаконическим образом. —

¹⁾ Его враги-друзья.

²⁾ Негибкие.

«Герцога Веймарскаго»... Онъ продолжалъ говорить, но я не продолжалъ слушать, удивляясь, какъ Зевсова голова попала на плечи къ веймарскому дипломату, и завелъ рѣчь съ сидѣвшимъ возлѣ меня эмигрантомъ. Эмигрантъ этотъ былъ военный и, несмотря на бивачную жизнь, нашелъ средства одѣться по бальному. Онъ со слезами меня спрашивалъ о судьбахъ Парижа, — не всего Парижа, а Faubourg Saint Germain ¹⁾, — и со слезами мнѣ рассказывалъ о чувствахъ, наполнившихъ его душу, когда онъ нынче утромъ видѣлъ, что, несмотря на проливной дождь, одинъ изъ принцевъ крови ѣхалъ верхомъ съ прусскимъ королемъ въ одномъ легкомъ плащѣ. Мнѣ онъ показался до того смѣшонъ, что я забылъ на минуту дипломата и съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ важный рассказъ о ничтожныхъ предметахъ. Но вдругъ подозвалъ меня герцоговъ сынъ и, подводя къ своему сосѣду, сказалъ, что я изъ Парижа и могу рассказать самыя новыя новости. Онъ взглянулъ своимъ страннымъ взглядомъ, и мнѣ показалось, что онъ меня придавилъ ногой.

— Правда ли, что генераль Лафайетъ рассорился съ якобинцами, отсталъ отъ нихъ и теперь соединяется съ королемъ?

— Лафайетъ, — отвѣчалъ я, — никогда не принадлежалъ къ клубу якобинцевъ. Впрочемъ, несмотря на его ненависть къ бѣшенымъ республиканцамъ, онъ, я думаю, не будетъ ренегатомъ...

— То-есть не образумится и не воротится къ законной власти, хотите вы сказать?

Я закусилъ губы и извинился привычкою къ jargon révolutionnaire ²⁾.

— Что несчастный король?

— Все еще содержится. Скоро будетъ публичный процессъ его.

— Для меня удивительно, какъ шайка безумныхъ мечтателей, какой-нибудь клубъ якобинцевъ, забралъ такую волю, несмотря на омерзѣніе, съ которымъ смотритъ на нихъ нація.

— Жаль, очень жаль, что эти беспорядки такъ долго продолжаются, — сказалъ онъ, обращаясь къ герцогову сыну. — Я собирался ѣхать во Францію, но я хотѣлъ видѣть Францію — блестящую и пышную монархію, процвѣтающую столько столѣтій, хотѣлъ видѣть тронъ, подъ лиліями котораго возникли великіе гении и великая литература, а не развалины его, подъ которыми уничтожилось все великое, а не второе нашествіе варваровъ. Мое счастье, что успѣлъ насладиться Италіей, — и она начинаетъ перенимать у

¹⁾ Сень-Жерменское предмѣстье, аристократическое.

²⁾ Революціонный жаргонъ.

французовъ. Можетъ, еще съѣзжу туда, чтобы взглянуть на страну изящнаго прежде, нежели ее убьютъ и исковеркаютъ. Впрочемъ, увидите, горячка эта не долго будетъ продолжаться, и ежели сами французы не образуются, *ихъ образуютъ*.

Послѣднее слово онъ произнесъ отдѣльно, и маленькая улыбка, и маленькій огонь въ глазахъ показали, какъ герцоговъ сынъ доволенъ былъ этимъ комплиментомъ.

Кто не знаетъ ужасную откровенность военныхъ, особенно германскихъ? Ихъ изрубленные лица, ихъ прострѣнные груди даютъ имъ право говорить то, о чемъ мы имѣемъ право молчать. По несчастію, за герцоговымъ сыномъ стоялъ, опершись на саблю, одинъ изъ сѣдыхъ полковниковъ. Въ наружности его были видны и пять-шесть кампаній, и жизнь, проведенная съ 12 лѣтъ на бивакахъ и въ лагеряхъ, и независимость, которая такъ идетъ къ воину, — словомъ, въ немъ было немного Цитена ¹⁾ и немного Блюхера ²⁾.

— Если и проучатъ ихъ, такъ, вѣрно, не теперь, — сказалъ онъ съ этой вольностью казармъ, которую породила, можетъ, самая дисциплина ихъ. — Дивлюсь я на эту кампанію: не приготовивъ ничего, бросили насъ осенью въ непріятельскую землю; увѣрили, что насъ примутъ съ распростертыми объятіями, а намъ скоро придется умереть съ голода, потонуть въ грязи и быть выгнанными безъ малѣйшей славы. Хоть бы ужъ итти назадъ, пока есть время... Скорѣе голову положу на полѣ битвы, нежели перенести стыдъ такой кампаніи... И онъ жалъ рукою эфесъ сабли и какъ будто радовался, что высказалъ эти слова, давно тяготившія грудь его.

— Счастіе намъ худо благопріятствовало, — отвѣчалъ дипломатъ, — но не совсѣмъ такъ отвернулось, какъ думаетъ г. полковникъ. И наша теперешняя жизнь, исполненная недостатковъ и лишений, послужитъ намъ пріятнымъ воспоминаніемъ, — въ ней есть своя поэзія. Знаете, чѣмъ утѣшался любимецъ Людовика Святого въ плѣну, когда всѣ унывали? «*Nous en parlerons devant les dames*» ³⁾, говорилъ онъ.

Герцоговъ сынъ поблагодарилъ взглядомъ, но неумолимый полковникъ не сдался.

— Хорошо утѣшенье! — сказалъ онъ глухимъ голосомъ, гордо улыбаясь и сжимая до того свою сигару, что дымъ пошелъ изъ

¹⁾ Знаменитый прусскій генераль.

²⁾ Пруссскій фельдмаршалъ.

³⁾ «Мы будемъ рассказывать объ этомъ дамамъ».

двадцати мѣствъ.—Боюсь одного, что не *мы*, а *они* будутъ разсказывать нашимъ дамамъ объ этой кампаніи.

Въ лицѣ его было тогда столько гордости, даже восторга (ибо не одни художники умѣютъ восторгаться), что я увидѣлъ въ немъ соперника дипломату.

— Охота намъ говорить о войнѣ, о политикѣ,—подхватилъ дипломатъ, видя непреклонность воина.—Когда, бывало, среди моихъ занятій въ Италіи мнѣ попадались газеты, я видѣлъ себя столь чуждымъ этому міру, что не могъ найти никакой занимательности: это—что-то такое временное, перемѣнное и потомъ совершенная принадлежность нѣсколькихъ особъ, коимъ провидѣніе вручило судьбы міра, такъ что стыдно вмѣшиваться безъ призыва. И теперь я далекъ отъ всѣхъ политическихъ предметовъ и такъ спокойно занимаюсь, какъ въ своемъ веймарскомъ кабинетѣ.

— А чѣмъ вы теперь занимаетесь?—спросилъ герцоговъ сынъ, силясь скрыть радость, что разговоръ о войнѣ окончился.

— Въ особенности—теорію цвѣтовъ. Я уже имѣлъ счастье излагать ее свѣтлѣйшему братцу вашему, и онъ былъ доволенъ. Теперь я дѣлаю чертежи.

Удивительный человѣкъ, думалъ я: въ 1792 г., въ арміи, которую бьютъ, среди колоссальныхъ обстоятельствъ, которыхъ не понимаетъ,—занимается физикою! Я видѣлъ, что онъ не дипломатъ, и не могъ догадаться.

— Кто это?—спросилъ я у герцогова адъютанта.

— Про кого вы спрашиваете?—сказалъ съ удивленіемъ адъютантъ.

— Вотъ про этого высокаго мужчину, который теперь всталъ, во фракѣ.

— Неужели вы не знаете?—Это Гете!

— Гете, сочинитель «Геца»?

— Да, да.

— Вольфгангъ Гете, сочинитель «Геца», «Вертера»...

Я обернулся, но онъ былъ уже въ дверяхъ, и я не могъ посмотреть на Гете, какъ на Гете. Вотъ вамъ моя встрѣча.

— Вы послѣ его не видали? спросила Коринна.

— Одинъ разъ,—отвѣчалъ онъ,—нѣсколько недѣль спустя. Въ какомъ-то городкѣ давали его пьесу. Я забылъ ея названіе; помню только, что это—фарсъ надъ революціей, маленькая насмѣшка надъ огромнымъ явленіемъ, которое все имѣло въ себѣ, кромѣ смѣшного. Тогда уже вполне обозначился грозный характеръ переворота и вся мощность его. Разбитое войско возвращалось домой, въ Германію; палачъ ждалъ вѣнчанную главу. Испуганная,

печальная публика не смѣялась. И, по-правдѣ, насмѣшка была нанята.

Гете сидѣлъ въ ложѣ съ герцогомъ веймарскимъ, сердился, досадовалъ,—Гете былъ весь авторъ. Я издали смотрѣлъ на него и отъ всей души жалѣлъ, что этотъ великій человѣкъ, развивавшій цѣлый міръ высокихъ идей, этотъ поэтъ, удивившій весь міръ, испытываетъ участь журналиста, попавшаго не въ тонъ. Печальныя мысли меня заняли до того, что я содрогнулся, услышавъ, что меня взялъ кто-то за руку. Обернувшись, увидѣлъ я полковника, съ которымъ встрѣтился у герцога сына. Онъ былъ совершенно тотъ же, какъ и тамъ,—съ тѣмъ же гордымъ видомъ, съ тѣмъ же независимымъ лицомъ. Я замѣтилъ одну перемѣну: лѣвая рука его была въ перевязкѣ.

— Есть же люди, которые находятъ улыбку тамъ, гдѣ всѣ плачутъ,—сказалъ онъ, пожимая плечами и съ негодованіемъ крутя сѣдой усъ свой...—Неужели это право великаго человѣка?—прибавилъ онъ, помолчавъ.

Я взглянулъ на него, взглянулъ на Гете, хотѣлъ сказать очень много и молча пожалъ его руку.

Тутъ онъ остановился, глаза его прищурились, онъ закусиль нижнюю губу, и, казалось, сцена сія со всею точностью повторилась въ его головѣ, и онъ чувствовалъ все то, что чувствовалъ за сорокъ лѣтъ.

— Vous êtes ennemi juré de Goethe ¹⁾,—сказала Коринна.

— Вы принадлежите къ партіи Менцеля ²⁾?—прибавилъ спекулятивный философъ, другъ Коринны.

— Я готовъ преклонить колѣна передъ творцемъ «Фауста»,—возразилъ германецъ.

— Но разсказъ вашъ, — продолжалъ обиженный философъ, заявленный обожатель Гете,—разсказъ вашъ набросилъ на этого мощнаго гения какую-то тѣнь. Я не понимаю, какое право можно имѣть, требуя отъ человѣка, сдѣлавшаго такъ много, чтобъ онъ былъ политикомъ. Онъ самъ сказалъ вамъ, что все это казалось ему слишкомъ временнымъ. И зачѣмъ ему было выступать дѣятелемъ въ мірѣ политическомъ, когда онъ былъ царемъ въ другомъ мірѣ,—мірѣ поэзіи и искусства?... Неужели вы не можете себѣ представить художника, поэта, безъ того, чтобъ онъ не былъ политикомъ,—вы, германецъ?

¹⁾ Вы заклятый врагъ Гете.

²⁾ Вольфгангъ, нѣмецкій писатель, прославившійся доносами на Гейне, Берне и др.

Путешественникъ во время своего разсказа мало-по-малу одушевлялся. Теперь, слушая философа, онъ принялъ опять свою ледяную маску.

— Я вамъ разсказалъ фактъ. Случай показалъ мнѣ Гете такъ. Не политики,—симпатіи всему великому требую я отъ генія. Великій человѣкъ живетъ общею жизнью человѣчества; онъ не можетъ быть холоденъ къ судьбамъ міра, къ колоссальнымъ обстоятельствамъ; онъ не можетъ не понимать событій современныхъ,—они должны на него дѣйствовать, въ какой-бы то формѣ ни было. Сверхъ того, всеобъемлемости человѣку не дано,—напрасно стремились къ ней Дидро и Вольтеръ. И что можетъ быть изящнѣе жизни нѣкоторыхъ людей, посвятившихъ всѣ дни свои одному предмету,—жизнь Винкельмана ¹⁾, напримѣръ? Посмотрите на это германское дерево, пересаженное на благодатную почву Италіи, на этого грека въ XVIII столѣтіи, на эту жизнь въ музеумѣ и въ свѣтлой, ясной области изящнаго! Надобно имѣть очень дурную душу, то есть совсѣмъ души не имѣть, чтобы не прійти въ восторгъ отъ его жизни. Скажу болѣе: я люблю Гофмана въ питейномъ домѣ, но ненавижу пуще всего мистификацію и эгоизмъ, все равно,—въ Гете или въ Гюго. Ужели онъ вамъ нравится придворнымъ поэтомъ, по заказу составляющимъ оды на пріѣзды и отъѣзды, сочиняющимъ прологи и маскарадныя стихи?

— Вы забываете, что Гете жилъ въ Германіи, гдѣ доселѣ сохранилось то патріархальное отношеніе между властителями и народомъ, которое служило основою феодализму,—отношеніе, которое, съ одной стороны, заставляло поэта пѣть добраго отца семейства, а короля—искать мѣста для «*скромнаго ордена*» своего на груди поэта; поэтъ—праздновать своей лирой торжество властителя, а властителя—иллюминовать свой городъ въ день рожденія поэта.—Извините, я, право, вижу какую-то либеральную *arrière pensée* ²⁾ въ вашихъ словахъ.

— Напрасно вы принимаете меня за карбонара. Повѣрьте, мое сердце умѣетъ биться за Ларошъ-Жаклена ³⁾, бѣшенаго вандейца,—умѣетъ сочувствовать старику Малербу ⁴⁾, склоняющему главу свою на плаху... Они откровенно одушевлены были любовью къ монархіи; они—герои, въ нихъ нѣтъ мистификаціи. Отчего всѣ доселѣ съ восхищеніемъ читають переписку Вольтера съ Екатери-

¹⁾ Знаменитый основатель археологіи классическаго искусства.

²⁾ Задняя мысль.

³⁾ Герой реакціонной Вандеи, убитый въ сраженіи въ 1794 г.

⁴⁾ Мальзербъ, погибъ за преданность Людовику XVI.

ной II? Оттого, что всякій видитъ, что они поняли другъ друга, отдали справедливость, любили другъ друга, оттого, что душа Екатерины была обширна, какъ ея царство, и душа Вольтера сочувствовала своему вѣку. И отчего же никто не читаетъ стиховъ Гете на прїѣзды, отъѣзды, разрѣшенія отъ бремени, выздоровленія и т. д.? Я не знаю по-русски, но я много слышалъ о вашемъ Державинѣ, и именно о томъ чувствѣ искренней преданности, которая доводитъ его до высочайшаго идеализированія Екатерины. Не зная Державина, я понимаю чувства, одушевлявшія его, понимаю истинность его восторга. Но этой-то истинности и нѣтъ въ Гете, ея нѣтъ въ большей части его сочиненій: онъ *парадируетъ*, онъ на сценѣ театра при свѣтѣ лампъ, а не на сценѣ жизни при свѣтѣ солнца... Лафатеръ ¹⁾, увидѣвъ въ первый разъ Гете, не могъ удержаться, чтобъ не сказать: «Я полагаю, что у васъ совсѣмъ не такія черты лица». А Лафатеръ рѣдко ошибался. Читая Гете, онъ вѣрилъ, что каждая строка его отъ души, и поэтому построилъ въ фантазїи его черты и не нашелъ ихъ въ лицѣ его, ибо ихъ не было и въ душѣ у Гете, такъ, какъ въ немъ не было ничего восточнаго, несмотря на то, что онъ, насилуя свой мощный геній, написалъ «Der West-ostliche Divan», который такъ и дышитъ запахомъ Аллаха, стихами Саади и Низами ²⁾... Тотъ, кто вѣренъ себѣ, и на челѣ, и на устахъ, и во взорѣ носитъ отпечатокъ того, чѣмъ полны его сочиненія. Какъ часто останавливался я въ Веймарѣ передъ бюстомъ Шиллера. Славный Даннекеръ ³⁾ отвердилъ, такъ сказать, прелестную форму, въ которой обитала прелестная душа. И нѣтъ возможности Шиллера представить себѣ иначе.

— Читайте Гетеву автобіографію,—и вы увидите, что вся жизнь его протекала въ непрерывныхъ занятіяхъ; тамъ увидите, что онъ пренебрегалъ толпою,—для чего же ему было мистифицировать ее?

— Да, да, надобно читать этотъ драгоценный комментарий къ его сочиненіямъ, эту огромную исповѣдь эгоизма. Тамъ Гете весь; тамъ вы увидите, что его «я» поглощаетъ все бытіе; тамъ онъ самъ признается вамъ, какъ въ 1804 году онъ мистифицировалъ m-me Staël, а она его... О, уморительный документъ пустоты нашего вѣка!. Въмѣсто симпатїи генія, таланта, славы, этотъ первый мужчина своего вѣка съ этой первой женщиной встрѣчаются въ маскахъ, обманываютъ другъ друга. Одинъ представляетъ изъ себя мрачнаго поэта Тевтонїи, мечтающаго о высшемъ мірѣ, и въ душѣ

¹⁾ Извѣстный писатель, авторъ «Физиономики».

²⁾ Знаменитые персидскіе поэты.

³⁾ Нѣмецкій скульпторъ.

смѣется; другая представляетъ чувствительное сердце, плачетъ о политическихъ событіяхъ, страхъ жалѣть объ убитыхъ, придаетъ себѣ видъ отчаянія,—и еще болѣе смѣется въ душѣ. И какъ безжалостно Гете приводитъ за кулисы этой комедіи! Удивляюсь генію этого человѣка, но любить его не могу... Когда Гете возвратился изъ Италіи, былъ онъ однажды въ большомъ обществѣ и, какъ разумѣется, въ аристократическомъ обществѣ; тамъ собиралъ онъ похвалы и расточалъ свои рассказы, придавая огромную важность всѣмъ словамъ своимъ и всѣмъ поступкамъ. Тутъ же въ углу сидѣлъ задумчиво кто-то. Долго и внимательно смотрѣлъ онъ на Гете своими голубыми глазами, въ которыхъ такъ ярко было написано, что этотъ человѣкъ не принадлежитъ землѣ и что душа его груститъ по другому міру, который создала святая мечта и чистое вдохновеніе. Онъ любилъ его за «Вертера» и за «Берлихингена»; онъ нарочно пришелъ, чтобъ увидѣть его и познакомиться съ нимъ. Этотъ кто-то всталъ, наконецъ, и сказалъ: «Съ нимъ мы никогда не сойдемся!»—И знаете ли, что этотъ кто-то былъ не кто иной, какъ Шиллеръ?

— Но вспомните, что они послѣ сдѣлались неразрывными друзьями и любили другъ друга.

— Не вѣрю. Гете подавилъ своимъ геніемъ и авторитетомъ кроткаго Шиллера, но они не могли искренно любить другъ друга. Я вамъ уже сказалъ, что я готовъ преклонить колѣна передъ творцомъ «Фауста», такъ же, какъ готовъ раззнакомиться съ тайнымъ совѣтникомъ Гете, который пишетъ комедіи въ день Лейпцигской битвы и не занимается біографіей человѣчества, непрерывно занимаясь своею біографіею. Въ заключеніе возвращусь къ страшному обвиненію, которое вамъ угодно было сдѣлать послѣ моего рассказа—чтобъ я требовалъ отъ Гете политики! и особенно въ наше время, когда все дышитъ посредственностью, все идетъ къ ней, въ нашъ вѣкъ, который похожъ на Паскаля, — не на Паскаля всегда (слишкомъ много чести), а на Паскаля въ тѣ минуты, когда онъ принималъ Христову вѣру потому, что не отвергалъ ее.

Англійскій корсаръ увезъ съ собою на «Беллерофонъ» ¹⁾ дѣятельное начало нашего вѣка и хорошо сдѣлалъ,—бронзовый бюстъ, доставшійся въ позорныя руки Гудзонъ Лова ²⁾, худо гармонировалъ съ нашими стѣнами подъ мраморъ, съ нашими бюстами изъ гипса; для того бюста океанъ и подземный огонь образовали пьедесталь.

¹⁾ Корабль, доставившій Наполеона на о. св. Елены.

²⁾ Англійскій губернаторъ на о. св. Елены.

Sagt, wo sind die vortrefflichen hin, wo find'ich die Sanger,
Die mit dem lebenden Wort horchende Volker entzuckt?..
Ach, noch leben die Sanger, nur fehlen die Thaten die Lyra
Freudig zu wecken...

Schiller ¹⁾.

Гете понялъ ничтожность вѣка, но не могъ стать выше его: онъ самъ осудилъ и вѣкъ, и себя, сказавъ: «Древнїе искали фактъ, а мы эффектъ; древнїе представляли ужасное, а мы ужасно представляемъ»,—тутъ все выражено. Мы восторгаемся для того, чтобы печатать восторги; мы чувствуемъ для того, чтобы изъ чувствъ строить журнальныя статейки; живемъ для того, чтобы писать отрывки нашей жизни, какъ будто дѣйствовать есть что-нибудь низшее, а писать—цѣль человѣка на землѣ; словомъ, *мы слишкомъ авторы, чтобы быть людьми*. Знаете ли, какъ генераль Ламаркъ ²⁾ называлъ нынѣшнее состоянїе Франціи?—*Hutte dans la boue* ³⁾.

— Вѣрите ли вы въ совершенствованїе человѣка?

— А вѣрите ли вы, что вся природа есть переходъ, исполненный страданїя?—спросилъ германецъ, быстро взглянувъ на философа.

Философъ улыбнулся.

Разговоръ прекратился. Въ горницѣ было душно, и я вышелъ на балконъ. Мѣсяцъ свѣтилъ всѣмъ лицомъ своимъ, и небольшой вѣтеръ освѣжалъ прохладою и обливалъ запахомъ воздушныхъ жасминовъ. Это была одна изъ тѣхъ пяти или шести ночей, когда можно въ Москвѣ быть на воздухѣ, не проклиная ея сѣверной широты. Что за человѣкъ, думалъ я, этотъ нѣмецъ? Нисколько не похожъ онъ на *blasés* ⁴⁾ нынѣшняго вѣка, которые сыплютъ насмѣшки и рѣзкія сужденїя, чтобы обратить на себя вниманїе, ругаютъ нынѣшнїй вѣкъ и всѣхъ великихъ людей, всѣмъ недовольны, давая чувствовать, что у нихъ построены въ головѣ какой-то пантеонъ для всего человѣчества, въ то время, какъ у нихъ ничего не построено въ головѣ. Отъ него не вѣяло морознымъ холодомъ этихъ людей... Онъ самъ перервалъ мои мысли, выйдя на балконъ. Мнѣ весьма хотѣлось поговорить съ нимъ, но онъ, кажется, вышелъ именно для того, чтобы быть одному, и не говорилъ ни слова.

¹⁾ Скажите, гдѣ тѣ замѣчательныя пѣвцы, которые своимъ живымъ словомъ чаруютъ слушающихъ? Живы еще пѣвцы, но увы! не хватаетъ дѣлъ, которыя радостно будятъ лиру... *Шиллеръ*.

²⁾ Французскїй оппозиціонный ораторъ.

³⁾ Хижина въ грязи.

⁴⁾ Разочарованныхъ.

Отложивъ деликатность въ сторону, я сказалъ ему: «Строго осудили вы нашъ вѣкъ, и я откровенно скажу вамъ, что не могу во всемъ согласиться съ вами. Какой необъятный шагъ сдѣлало чело-вѣчество послѣ Наполеона!»

Онъ молчалъ, и еще болѣе я замѣтилъ, что онъ все вниманіе обратилъ на луну. Наконецъ, онъ вздохнулъ и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Я теперь вспомнилъ прелестную ночь, одну изъ самыхъ святыхъ минутъ моей жизни. Года два тому назадъ я жилъ въ Венеціи. Въ мірѣ много земель и городовъ, но одна Италія и одна Венеція! Я былъ на балу у эрцгерцога; онъ давалъ его, помнится, по случаю взятія Варшавы. Придворный балъ вездѣ скученъ. Ложный свѣтъ воска и ложная радость людей нагнали на меня чрезвычайную тоску,—и я ушелъ. Что это за ночь была! Вы меня извините,—нынѣшній вечеръ—одно блѣдное подражаніе, даже непохожее; я упивался и луною, и воздухомъ, и видомъ. Левъ Святого Марка убитъ; но его вдова, красавица Венеція, *Sara la baigneuse* ¹⁾, все еще также прелестна, также сладострастно плещется въ волнахъ Адриатики. Я бросился въ гондолѣ къ лагунамъ. Вы, вѣрно, знаете, что тамъ доселѣ встрѣчаются *gondolieri*, которые поютъ стансы изъ Тассо и Аріосто, одинъ тутъ, другой тамъ, далеко... Прежде это бывало часто, теперь Италія начинаетъ забывать своихъ поэтовъ. Но въ эту ночь счастье улыбнулось мнѣ. Издали раздался простой напѣвъ, усиливался болѣе и болѣе, и я ясно слышалъ три послѣдніе стиха,—они остались у меня въ памяти:

*Dormi Italia imbriciata, e non ti pesa,
Ch' ora di questa gente, ora di quella
Che già serva ti fu, sei fatta ancella... 2)*

Еще далѣе отвѣчали съ другой гондолы слѣдующимъ стансомъ, и слабый голосъ, стелившись по волнамъ и смѣшиваясь, и переплетаясь съ ихъ плескомъ, выражалъ и просьбу, и упрекъ... Эта ночь никогда не изгладится изъ моей памяти.

Теперь пришла моя очередь молчать, и я молчалъ.

— Но что же будетъ далѣе?—сказалъ я, наконецъ.

— Знаете ли вы, чѣмъ кончилъ лордъ Гамильтонъ, проведя цѣлую жизнь въ отыскиваніи идеала изящнаго между кусками мрамора и натянутыми холстами?

¹⁾ Сара-купальщица.

²⁾ Почивай, опьяненная Италія, и пусть не огорчаетъ тебя, что ты стала служанкой тѣхъ народовъ, которые когда-то служили тебѣ...

- Тѣмъ, что нашель его въ живой ирландкѣ.
 — Вы отвѣчали за меня,—сказаль онъ, уходя съ балкона.

Крутицкія казармы
 1834, декабрь.
 (Переписано въ Вяткѣ
 1836, іюня 20).

93. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

19 іюня (1836)
 Вятка.

Ангель мой! Наконецъ, ты вызвала меня на послѣднее признаніе. ¹ Тяжело мнѣ оное сдѣлать, тяжело будетъ тебѣ его читать. Ты увидишь, какъ твой Александръ далекъ отъ того совершенства, которое ему придала твоя святая любовь. Слушай, Наташа, и ежели найдешь силу, не порицай меня... Ты мнѣ писала прошлый разъ: «*спаси Мед.*». Да, я съ декабря мѣсяца постоянно думаю объ этомъ, и съ тѣхъ поръ угрызенія совѣсти не оставляютъ меня.

Я уже писалъ тебѣ, что по пріѣздѣ сюда, увлеченный чувствомъ досады, я развратничаль, желая въ наслажденіяхъ грубыхъ, въ винѣ, въ картахъ найти средство забыться. Но это скоро мнѣ опостылѣло. Твоя ангельская рука исторгла меня съ края пропасти. Въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года пріѣхала сюда М. съ мужемъ и остановилась въ одномъ домѣ со мною (во флигелѣ). Вездѣ говорили о ней, какъ о красавицѣ, какъ объ образованной дамѣ и которая не обращаетъ ни на кого вниманія. «Такъ обратитъ же на меня»,—подумаль я и отправился къ нимъ въ гости. Эта самолюбивая мечта, продиктованная самимъ адомъ, была замѣчена многими, и всѣ подстрекнули меня болѣе. Что же я нашель при ближайшемъ знакомствѣ? Юный цвѣтокъ, сорванный не для невѣсты, но для могилы. Существо, далекое отъ высокаго, идеальнаго, но на которомъ несчастія разлили какую-то поэзію. Мнѣ ее стало жалъ. Близость наша вскорѣ открыла мнѣ, что она не равнодушна ко мнѣ, и я, повѣришь ли, изъ шалости, изъ стремленія ко всякой симпатіи, не только не остановиль перваго порыва ея... но увлекъ ее. Я увидѣлъ свое торжество, и вмѣстѣ съ нимъ, въ то же время, сильный голосъ совѣсти осудиль меня. Когда же умеръ ея мужъ, я былъ совсѣмъ убитъ. Тутъ только я вполнѣ понялъ всю гнусность, всю низость поступка моего. Я хотѣлъ загладить его,

но какъ, чѣмъ? Вотъ пятно, о которомъ я писалъ къ тебѣ. Я знаю,—и ты ужаснешься этого поступка, и твое сужденіе мнѣ дороже сужденія всего рода человѣческаго. О, Наташа, какъ далеко увлекается человѣкъ, когда онъ даетъ волю страстямъ! Но слушай далѣе. Первая записка, въ которой я писалъ къ тебѣ о любви, когда я, перебравъ всѣ элементы бытія человѣческаго, увидѣлъ, что всѣ мои страданія происходятъ именно отъ стремленія къ тебѣ, что это чувство—любовь, и любовь самая пламенная,—эта первая записка сорвала покровъ съ глазъ моихъ. Я остановился! Я оттолкнулъ отъ себя всѣ эти чудовища съ змѣинымъ лицомъ, которыми предавался, я воскресъ любовью къ тебѣ. Надлежало исправить главнѣйшую ошибку. Я мало-по-малу сталъ показывать равнодушіе къ ней, увѣрялъ, что ея душа не такъ глубока, чтобъ истинная любовь запала въ нее; она забудетъ меня; но говорить о тебѣ нельзя.

Вотъ тебѣ моя исповѣдь! Она мрачна, ужасна. Вздумай мое положеніе; ты не знаешь, что такое угрызеніе совѣсти послѣ низкаго поступка. О, Наташа, будь ангеломъ благодати, прости твоему избранному, твоему Александру! Никогда подобный поступокъ не навернется на сердце мое, клянусь тебѣ. Одно самолюбіе увлекало меня, а не любовь; могу ли я любить, хотя минуту, кромѣ тебя, моя божественная? Повѣрь, не можетъ быть хуже наказанія, какъ то, что я пишу къ тебѣ, что я признаюсь тебѣ. О, какъ давно тяготила эта тайна и какъ тщательно скрывалъ я ее отъ тебя, но, наконецъ, слава Богу, высказалъ и съ трепетомъ буду ждать отвѣта.

Ни слова не прибавлю.

22 іюня.

Итакъ, написано это признаніе, которое тяготило мою душу. Дорого стоило мнѣ его написать, еще труднѣе было умалчивать: между мною и тобою не должно быть ничего тайнаго. Будь же и ты откровенна. Скажи, насколько палъ твой Александръ въ душѣ твоей? Читая это письмо, можетъ быть, ты раскаялась, что такъ безвозвратно отдалась человѣку, который былъ способенъ на низость. О, Наташа! я все снесу, всякій упрекъ,—я его заслужилъ! Твоя любовь не могла разомъ поднять меня. Вспомни, первое слово любви отъ тебя было въ декабрѣ, а происшествіе, о которомъ я пишу, было въ сентябрѣ. Я проснулся, увидѣлъ гнусность этого поступка тогда, какъ писалъ тебѣ первый разъ о любви,—помнишь, какое судорожное состояніе было тогда въ моей душѣ? Я очень

знаю, что *толпа* не осудить меня, она назоветъ это шалостью, вѣтренностью, весьма простительною, но я не долженъ себя судить правилами толпы. Повторяю, что увѣренъ, что у ней пройдетъ эта страсть, и въ заключеніе прибавлю, что половину преступнаго я бросаю тѣмъ людямъ, которые подстрекнули меня. Толпа! Разъ я отдался вамъ, люди нечистые, и вы воспользовались этимъ, чтобы запятнать меня. Наташа, Наташа! пожалѣй объ Александрѣ и, ежели твое сердце такъ обширно благостью, прости ему.

Твой Александръ.

Вложенная при семъ записка огорчить тебя, мой ангелъ, но что же дѣлать: я обязанъ былъ это признаніе сдѣлать предъ тобою. *Можетъ быть*, черезъ полтора мѣсяца я въ Москвѣ,—вотъ тебѣ лучшее утѣшеніе за всю грусть той записки. Полина говорить, что мнѣ не надобно умирать,—такъ счастливъ я. Да, обыкновенно люди одними несчастіями хвастаютъ, но я прямо говорю, что болѣе блаженства, какъ я пью полною чашею изъ твоей души, не можетъ вмѣститься въ груди человѣка.

29 іюня.

Ужасная тоска! Я весь боленъ, камень лежитъ на душѣ. Чѣмъ ближе развязка, тѣмъ страшнѣе. *Можетъ*, прежде нежели ты будешь читать это письмо, я прочту судьбу свою. *Еще годъ ссылки или черезъ 6 недѣль я прижму тебя, мой ангелъ, къ моей груди.* Какая противоположность! Боже, Боже!... Я ничего не могу дѣлать; часто мнѣ кажется, что расположенъ писать, беру перо, беру бумагу..., и воображеніе чертитъ яркую картину нашего свиданія. Беру книгу, а смыслъ ея мнѣ непонятенъ. Нѣтъ, нѣтъ, клянусь тебѣ, никогда ты не могла быть болѣе любима,—ни ты, ни одна дѣва. Есть предѣлъ страстямъ человѣка,—я достигъ его.

Я писалъ тебѣ когда-то, что намѣренъ составить брошюрку подъ заглавіемъ «Встрѣчи»; теперь планъ этого сочиненія расширился. Все яркое, цвѣтистое моей юности я опишу отдѣльными статьями, повѣстями, вымышленными по формѣ, но истинными по чувству. Эти статейки вмѣстѣ я назову «Юность и мечты». Теперь, когда все еще это живо, я и долженъ писать, и потому уже долженъ писать, что юность моя прошла, окончилась 1-я часть моей жизни. И какъ рѣзки эти отдѣлы! Отъ 1812 до 1825 ребячество, безсознательное состояніе, зародыши человѣка; но тутъ, вмѣстѣ съ моею жизнью сопрягается и пожаръ Москвы, гдѣ я валялся

6 мѣсяцевъ на улицахъ, и станъ Иловайскаго, гдѣ я сосалъ молоко подъ выстрѣлами. Передъ 1825 годомъ начинается вторая эпоха; важнѣйшее происшествіе ея—встрѣча съ Огаревымъ. Боже, какъ мы были тогда чисты, поэты, мечтатели! Эта эпоха юности своимъ девизомъ будетъ имѣть *дружбу*. Юль мѣсяць 1834 окончилъ *учебные* годы жизни и началъ *годы странствованія*. Здѣсь начало мрачное, какъ бы взамѣнъ безотчетныхъ наслажденій юности, но вскорѣ мракъ превращается въ небесный свѣтъ: 9 апрѣля откровеніемъ высказано все, и это—эпоха *любви*, эпоха, въ которую мы составили одинъ я, это—эпоха твоя, эпоха моей Наташи ¹⁾.

1 июля.

Получилъ твои письма, ангелъ мой; гони этотъ призракъ, пугающій тебя. Что за вздоръ! Виновата ли ты, что ты хороша и что въ тебя влюбился человѣкъ, не стоящій твоей души, не постигающій ее? Мнѣ жаль его, душевно жаль, но что же дѣлать? Надобно стараться, чтобъ онъ уѣхалъ изъ Москвы,—вотъ и все. Полно же представлять себя виновной! Ты говоришь о участи голубя; теперь эта аллегорія уничтожена, она должна пасть послѣ высокихъ словъ въ твоемъ послѣднемъ письмѣ: «но ужъ существованія ихъ слиты въ одно, имъ одна гибель, одно блаженство». О, ангелъ мой, какъ ты глубоко поняла меня и любовь! Странно, ты дѣлаешь меня судьей поступка, въ коемъ ты совершенно права, и, въ то же время, я пишу къ тебѣ о своемъ поступкѣ, въ коемъ я совершенно неправъ. Въ томъ, что ты говорила о себѣ, я читалъ собственный приговоръ свой.

Черезъ 15 дней, можетъ быть, отвѣтъ будетъ здѣсь. О, Господи, не продляй еще эту черную разлуку, дай же мнѣ отдохнуть на груди Тобою подаренной дѣвы отъ всѣхъ этихъ волнъ, бившихъ корабль мой и грозившихъ мнѣ гибелью! Прощай, жизнь моя, моя, святая моя дѣва, прощай, цѣлую тебя!

Твой Александръ.

◆◆ 1. Отвѣчая 9 мая на письмо Герцена № 88, въ которомъ онъ довольно ясно намекнулъ на свои отношенія съ П. П. Медвѣдовой, Н. А—на писала: «Ахъ, Александръ, ангелъ мой, скажи, можно ли любить болѣе, какъ я люблю тебя? Говорю тебѣ,—я забываю себя; этого мало, я не существую, во мнѣ твоя душа, твое

¹⁾ Вотъ когда было задумано то, что потомъ вылилось въ форму «Былого и думъ».

сердце, я вся—ты, твоя мысль, твоя любовь. Знаешь ли, Александръ, читая въ твоёмъ письмѣ о Медвѣдовой, у меня навернулись слезы на глазахъ, сердце сжалось... Несчастная! Она любитъ тебя?.. О, другъ мой, спаси, спаси ее, не убивай! Ты не говоришь ей теперь обо мнѣ потому, что ей было бы это непріятно, но легче ли будетъ ея сердцу узнать это *послѣ*?.. Мнѣ жаль ея; ты можешь все, Александръ, тебѣ поручаю ее, спаси ее отъ самого себя. Ты раскаивался прежде, что завлекъ несчастное существо,—стало, въ любви М. не ты виною? Не будь же виною въ ея страданіяхъ, въ несчастіи всей ея жизни. Ангелъ мой, будь чистъ всегда; полагаюсь на тебя. Прощай, обнимаю тебя и, цѣлуя, повторяю: спаси ее, спаси!» (стр. 89—90).

24 мая Н. А.—на снова вернулась къ тому же вопросу: «Теперь еще нѣсколько словъ о несчастной Медвѣдовой. Ты не можешь вообразить, какъ мнѣ больно ея положеніе. Когда теперь ей *«было бы непріятно»*, со временемъ для нея *это будетъ убійственно*. Я говорю это по опыту. Будучи далека отъ любви къ Е. И., какъ нельзя больше, не давая ему ни малѣйшей надежды, отказывая всегда рѣшительно его предложенія, я была съ нимъ близка, какъ съ братомъ, и не говорила о тебѣ, именно думая, что *ему бы было это непріятно*, а онъ и такъ несчастливъ, но что же теперь изъ этого? Мнѣ раздираетъ душу видъ его, и онъ же говоритъ, что онъ обмануть, что я убила его, а все въ томъ, что я не сказала ему о тебѣ раньше, хотя онъ уже самъ говоритъ, что зналъ это очень давно. Тѣмъ не менѣе, больно мнѣ, что не виновна въ его несчастіи и принесла ему столько страданія. Спаси ее, другъ мой,—и такъ довольно несчастій, довольно мрачнаго окружаетъ любовь нашу. Теперь ни ласки мои, ничто не можетъ утѣшить, развеселить, по крайней мѣрѣ, Е. Иван., и я не знаю, что мнѣ дѣлать. Мнѣ самой видъ его несносенъ, не могу видѣть его страданій и не могу помочь» (стр. 95).

Позже, въ 1838 г., Н. А.—на создалась, что когда ей говорили о Медвѣдовой,—и при томъ люди вѣрные,—«Богъ знаетъ, что говорили», то она не писала Герцену и не написала бы, если бы онъ самъ не признался (стр. 546).

Г. Буренинъ бросилъ оскорбительную тѣнь на Медвѣдеву, сказавъ: «если вѣрить постороннимъ рассказамъ, въ юношескомъ романѣ Герцена очень значительную роль играла денежная поддержка, оказанная имъ дамѣ его сердца и бывшая одною изъ существенныхъ причинъ интимнаго распложенія этой особы къ изгнаннику» («Нов. Время», 1883, № 2526). Разумѣется, все это — вздоръ.

94. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

9 іюля 1836.

Вятка.

Ангель мой, ты давно не получала моихъ писемъ, — пишешь ты отъ 24 іюня. Точно, я не писалъ тогда долго, не желая передать грусть, которая наполняла мою душу, но съ тѣхъ поръ ты, вѣрно, получила нѣсколько записокъ отъ меня. Тебя тяготитъ наша разлука. О, Наташа, собери всѣ силы, пострадай за будущее благоденствіе. Мы будемъ счастливы, клянусь тебѣ; при первой возможности, ты моя—совсѣмъ, но, признаюсь тебѣ, и мнѣ ужъ черезъ силу эта разлука. Дружба,—широка ея грудь,—она помогаетъ мнѣ много, но не дружбы ищетъ душа, а любви. Странно, я былъ, по крайней мѣрѣ, беззаботенъ по наружности; теперь, ожидая такъ скоро рѣшенія, я перемѣнился, и самъ вижу это: я сталъ мраченъ, задумчивъ, разсѣянъ. Ничто меня не веселитъ, и моя иронія стала ядовитѣе, и мой смѣхъ злѣе. Нѣтъ, Наташа, не могу жить безъ тебя: эта жертва ужасна. За одинъ взглядъ, за одинъ поцѣлуй я далъ бы теперь нѣсколько лѣтъ жизни. Ты не знаешь, что такое поцѣлуй, — мой поцѣлуй будетъ первымъ на твоихъ губахъ; я горжусь этимъ. Да, ты мое созданіе, моя олицетворенная мечта, одна ты и можешь меня сдѣлать счастливаго.

Дружба! Въ ней есть что-то холодное, эгоистическое; это—два круга пересѣкшіеся, какъ говоритъ Огаревъ. Но любовь—чувство, оживившее меня, приведшее меня къ религіи, отдавшее мнѣ тебя,—это два круга, изъ коихъ одинъ поглощенъ другимъ, какъ будто внутренняя часть другого ¹⁾). Одно средоточіе! Отчего же, выдаясь съ друзьями, я только радуюсь, но при одной мысли свиданія съ тобой трепещу? Можно ли намъ надѣяться на соединеніе вѣчное при жизни всѣхъ нашихъ? Наташа, вѣдь, страшно основывать свое счастье на смерти другихъ; страшно, какъ воронъ, заглядывать въ глаза и накликаеть смерть. Но врядъ ли это возможно иначе... Впрочемъ, лишъ бы мы были вмѣстѣ, лишъ бы могли, хоть разъ въ недѣлю, видѣться, и тогда уже счастье неизмѣримое,—и развѣ мы тогда же не соединены? Предоставимъ остальное провидѣнію. Не понятны иногда его пути, но я вѣрю въ нихъ и слѣпо повинуюсь. Можетъ, все устроится легче, нежели ты думаешь, и я думаю.

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ нарисованы два концентрическіе круга съ обозначеніемъ центра.

15 июля.

Впрочемъ, со стороны папеньки... ¹⁾ большихъ препятствій. Но княгиня... Я ее поздравилъ съ именинами.

Ангель мой, сегодня 15 июля. 20—будетъ два года нашей прогулкѣ на скачкѣ. Тогда уже мы были близки другъ другу, тогда уже вся моя душа открывалась тебѣ. А послѣ разъ видѣлись, и какъ сблизились, какъ слились наши существованія!...

20 июля ждуть отвѣта изъ Петербурга. Странное число! Оно начало годину бѣдствій, оно начнетъ, *можетъ быть*, время счастья. Но отчего же я боюсь это *можетъ быть*, отчего проклятое *можетъ быть и нѣтъ* морозомъ обливаешь сердце? Нѣтъ, нѣтъ, довольно страданій, довольно опыта!

Полина кланяется тебѣ. Она тебя любитъ отъ всей души. Желалъ бы, чтобъ вы познакомились: прекрасная душа и пренесчастливая. Какъ будто нѣтъ земного счастья для души небесной? Что-то наша Emilie?

Статья моя «Мысль и откровеніе» ²⁾ пишется, и первая часть хороша... Прощай, ангель мой, прощай, цѣлую тебя!

Твой навѣки Александръ. ²

◆◆ 1. 6 мая 1837 г. Н. А.—на писала Герцену: «Я думала, что ты мнѣ привезешь оконченное «Мысль и откровеніе», а ты не хочешь даже и продолжать; развѣ мѣшаетъ что тебѣ написать изъ жизни своей то, что еще свѣжо? Будетъ время, когда не будетъ свѣжо, не будетъ и охоты писать не свѣжее» (т. VII Спб. изд., 283).

2. Вѣроятно, къ этому же времени относится столкновеніе Герцена съ Авдотьей Перваго.

Въ іюнѣ 1832 начальникъ московскаго жандармскаго округа донесъ Бенкендорфу, что унтеръ-офицеръ рязанскаго пѣх. полка, Перваго, получилъ 100 р. и письмо отъ Авдотьи Стрѣшневой, въ которомъ поносится власть господъ надъ крестьянами, и есть такое мѣсто: «сердцемъ и душой сокрушаюсь, что не удалось бѣднымъ полякамъ отыскать свободу; конечно, не пришелъ еще на то часъ воли божіей, однако, я не отчаиваюсь, но съ твердымъ упованіемъ и надеждой на благость и милосердіе Спасителя ожидаю, что со временемъ всѣ будутъ свободные и что не по капризамъ и не изъ алчности славы одного коронованнаго злодѣя будетъ про-

¹⁾ Вырвано.

²⁾ Она же «Шведъ» или «Третья встрѣча»; не найдено и неизвѣстно. ¹

ливаться кровь человѣческая, божескою кровью искупленная». Стали наводить справки. Оказалось, что это не Стрѣшнева, а лишь воспитанница статсъ-дамы Глѣбовой-Стрѣшневой, урожденная Стерженевская, по мужу Перваго; съ мужемъ, Петромъ Семеновичемъ, разошлась, «не отличаясь своимъ поведеніемъ». Была въ Москвѣ въ домѣ сумасшедшихъ, откуда выпущена въ 1822 году и теперь живетъ у духовщинскаго помѣщика (Смоленской губ.) Ник. Фед. Энгельгардта. Сыновья ея, Николай и Павелъ, какъ видно изъ ея писемъ, — незаконныя дѣти человѣка, который умеръ за идею, но назвать котораго она не можетъ, пока сыновья не заслужатъ его имя. 21 іюля 1832 шефъ жандармовъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ Николай I положилъ резолюцію: «Послать жандармскаго штабъ-офицера, совмѣстно съ докторомъ, освидѣтельствовать и ежели она въ умѣ, то выслать въ Вятку на жительство подъ присмотръ, буде же помѣшана, то доставить сюда въ домъ умалишенныхъ». Московскій жандармъ донесъ, что Перваго «съ разстроеннымъ разсудкомъ», что видно изъ приложеннаго ея письма къ нему. Дѣйствительно, письмо является какимъ-то бредомъ на религиозно-мистическомъ фонѣ; въ немъ она указываетъ и на незаконность своего рожденія. Въ іюлѣ Перваго сидѣла уже въ домѣ для умалишенныхъ въ Спб. Черезъ три года, въ іюлѣ 1835 министръ внутренннихъ дѣлъ сообщилъ Бенкендорфу, что уже съ полгода она совершенно спокойна, и больница находитъ нужнымъ выписать ее на свободу. Приказано было отправить ее въ Вятку, куда она и прибыла 17 ноября 1835 года (Дѣло III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи 1 эксп., 1832 г., № 266). Такимъ образомъ ясно, что Перваго пріѣхала въ Вятку послѣ Герцена; поэтому указаніе Н. А. Огаревой, что, узнавъ о прибытіи Герцена, Перваго написала ему о желаніи заказать панихиду по Рылѣву и его товарищамъ (см. «Воспоминанія», 37—38), надо считать невѣрнымъ. По всей вѣроятности, такое предложеніе было сдѣлано 13 іюля 1836 года, въ день десятой годовщины казни декабристовъ, — слѣдовательно, когда Герценъ уже имѣлъ случай узнать Перваго, какъ человѣка безъ твердыхъ взглядовъ и просто нервно-больного. Итти съ нею на явно рискованный шагъ представлялось Герцену нецѣлесообразнымъ. Перваго, по словамъ Н. А. Огаревой, «очень разсердилась за его отказъ и никогда не могла простить ему этого факта, считая это признакомъ трусости».

95. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

20 іюля 1836.

Итакъ, два года черныхъ, мрачныхъ канули въ вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ ты со мною была на скачкѣ; послѣдняя прогулка моя въ Москвѣ,—она была грустна и мрачна, какъ разлука, долженствовавшая и нанести намъ слезы, и дать намъ болѣе друга друга узнать. Божество мое! Ангелъ! Каждое слово, каждую минуту вспоминаю я. Когда-жъ, когда-жъ прижму я тебя къ моему сердцу? Когда отдохну отъ этой бури? Да, съ гордостью скажу я: я чувствую, что моя душа сильна, что она обширна чувствомъ и поэзіею... и всю эту душу съ ея бурными страстями дарю я тебѣ, существо небесное, и этотъ даръ великъ. Вчера былъ я ночью на стеклянномъ заводѣ. Синій и алый пламень съ какимъ-то неистовствомъ вырывался изъ горна и изъ всѣхъ отверстій, свистя, сожигая, превращая въ жидкость камень. Но наверху, на небѣ свѣтила луна; ясно было ея чело, и кротко смотрѣла она съ неба. Я взялъ Полину за руку, показалъ ей горнъ и сказалъ: *«Это я!»* Потомъ показалъ прелестную луну и сказалъ: *«Это она, моя Наташа!»* Тутъ огонь земли, тамъ свѣтъ неба. Какъ хороши они вмѣстѣ!

22 іюля.

Минуты грустныя все еще также часто налетаютъ на мою душу; судорожное ожиданіе отвѣта изъ Петербурга меня томить. И только ты, ты одна, моя божественная дѣва, могла поселить такую любовь. Передъ тобою исчезаютъ всѣ остальные страсти и потребности мои. Ежели-бъ не свиданіе съ тобою, что влекло бы меня такъ сильно, такъ непрерывно въ Москву? Родительскій домъ? Но развѣ я не зналъ, что рано или поздно долженъ буду покинуть его? Служба, путешествіе,—все должно было меня на время разлучить съ нимъ. Правда, мнѣ больно, что мною нанесено столько скорби родителямъ, хотя я и не виноватъ въ томъ, что Богъ мнѣ далъ душу выше толпы, таланты выше обыкновенныхъ людей, а въ этомъ—вся моя вина. Друзья?—и они меня влекутъ сильно къ себѣ, но гдѣ они, развѣ въ Москвѣ? Огарева тамъ нѣтъ. Занятія?—здѣсь въ тиши я могу работать. Нѣтъ, все это не могло бы такъ мощно влечь меня; даже мое самолюбіе указываетъ мнѣ скорѣе на Петербургъ, нежели на Москву. Но Москва у меня нераздѣльна съ Наташей, я люблю Москву за тебя, я въ ней люблю тебя.

Любовь—высочайшее чувство; она столько выше дружбы, сколько религія выше умозрѣнія, сколько восторгъ поэта выше мысли ученаго. Религія и любовь, онѣ не берутъ часть души,—имъ часть не нужна, онѣ не ищутъ скромнаго уголка въ сердцѣ, имъ надобна вся душа, онѣ не дѣлятъ ея: онѣ пересѣкаются, сливаются. И въ ихъ-то слитіи жизнь полная, человѣческая. Тутъ и высочайшая поэзія, и восторгъ артиста, и идеаль изящнаго, и идеаль святого. О, Наташа! Тобою узналъ я это. Не думай, чтобъ я прежде любилъ такъ; нѣтъ, это былъ юношескій порывъ, это была потребность, которой я спѣшилъ удовлетворить. За ту любовь ты не сердись. Развѣ не то же сдѣлало все человѣчество съ Богомъ? Потребность поклоняться Іеговѣ заставила ихъ сдѣлать идола, но оно вскорѣ нашло Бога истиннаго, и Онъ простилъ имъ. Такъ и я: я тотчасъ увидѣлъ, что идолъ не достоинъ поклоненія, и самъ Богъ привелъ тебя въ мою темницу и сказалъ: «Люби ее, она одна будетъ любить тебя, какъ твоей пламенной душѣ надобно: она пойметъ тебя и отразитъ въ себѣ». Наташа, повторяю тебѣ, душа моя полна чувствъ сильныхъ, она разовеетъ передъ тобою цѣлый міръ счастья, а ты ей возвратишь родное небо. Провидѣніе, благодарю тебя!

Что Emilie? Кланяйся ей.

Цѣлую тебя, ангелъ мой; *быть можетъ*, скоро, черезъ мѣсяць этотъ поцѣлуй будетъ не на письмѣ, но на твоихъ устахъ!!!

Твой до гроба Александръ.

96. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

1 августа 1836.

Вятка.

Хочу опять сказать тебѣ, ангелъ мой, нѣсколько словъ о себѣ, о внутренней жизни моей. Можетъ, скоро явлюсь я въ твои объятія; можетъ, ты найдешь перемѣну во мнѣ, и потому вотъ полный отчетъ о себѣ. Да, во мнѣ есть перемѣны послѣ 20 іюля 1834, послѣ 9 апрѣля 1835 и, наконецъ, послѣ декабря 1835. Какъ мало времени, но сколько происшествій, опытовъ, испытаній, чувствъ и мыслей! Сначала мрачное заключеніе, угрозы, словомъ, тюрьма, подняли меня, я узналъ свою силу, свою твердость; повторяю, — я былъ поэтъ! И эта поэма кончилась восторгомъ, самымъ чистымъ, самымъ небеснымъ—свиданіемъ съ тобою, твоею любовью; но испы-

таніе не должно было кончиться этимъ, я узналъ себя токмо на одномъ поприщѣ. Ссылка и, вмѣстѣ съ нею, частная воля, новый образъ жизни. Тогда я упалъ; можетъ, слишкомъ напряженное состояніе души въ заключеніи требовало этой жертвы. Твой голосъ, какъ голосъ Бога къ избранному народу, воскресилъ меня; но мнѣ нужна была опора твердая, крѣпкая. Душа вырвалась уже отъ пыли земной, но тѣло еще лежало, и, дивись провидѣнію, въ самое это время явился Витбергъ. Наша жизнь встрѣтилась, наши несчастія насъ сблизили, и еще болѣе симпатія души тѣсно и крѣпко связала мою жизнь съ его жизнью. Великій человѣкъ, великій художникъ, испытавшій верхъ славы и верхъ несчастія, видѣвшій почти исполненною свою гигантскую мечту и плакавшій на развалинахъ ея, —этотъ человѣкъ остался твердъ и прямъ, какъ колонна каррарскаго мрамора, и такъ же бѣлъ, какъ она; напрасно бросали грязь въ нее: грязь смылась (можетъ, слезою). Чувствуя возлѣ себя этого сильнаго человѣка, я оттолкнулъ послѣднюю слабость; къ тому же высокое чувство любви, —любви не сладострастной, но небесной—утвердило на прочныхъ камняхъ мое нравственное бытіе, и *я выросъ*. Пустая жизнь первыхъ мѣсяцевъ здѣсь оставила токмо опытъ и раскаяніе; послѣдующая заставила меня сознаться въ новыхъ силахъ души; я приобрѣлъ болѣе положительности и въ мысляхъ и въ дѣйствіяхъ, я научился обуздывать себя, и съ тѣмъ вмѣстѣ усилились и мысль, и дѣйствіе. Вотъ тебѣ еще клочекъ моей исповѣди. Кому же, какъ не тебѣ, долженъ я рассказывать все заповѣдное моей души, —тебѣ, которой я отдалъ и душу, и сердце, и жизнь?

Въ «Телескопѣ» напечатана моя статья «Гофманъ» ¹⁾, въ 10 № за 1833 годъ. Пишу тебѣ для того, что ты, вѣрно, равнодушно не взглянешь на подпись *Искандеръ*. Впрочемъ, ее напечатали небрежно, не выправивъ; не знаю даже, кто это вздумалъ.

Опять давно нѣтъ твоихъ писемъ, цѣлыя три недѣли. Я знаю, что это не отъ тебя, а отъ отправления, и потому не ропщу, но, признаюсь, когда приходитъ почтовый день, когда приносятъ письма, и нѣтъ отъ тебя, мнѣ становится тяжело и грустно; я кусаю губы и готовъ плакать. О, мой ангель, моя божественная, какъ я люблю тебя!

4 августа.

Черезъ три недѣли твои именины. О, какъ пламенно желалъ бы я въ этотъ день тебя видѣть! Это была моя мечта, моя шалость;

¹⁾ № 44.

это не выходило у меня изъ головы, и, кажется, почти нельзя надѣяться,—можетъ, потому, что ужъ слишкомъ близко,—что столько блаженства нельзя себѣ представить. Отвѣта еще нѣтъ изъ Питера. Но ежели это случится?.. Зачѣмъ послѣ жить? Тогда земное все совершенно, тогда должно бы было умереть, ежели-бъ не было еще другого призванія, ибо хотя мысль славы теперь не такъ душитъ меня: любовь все облагородила,—но совершенно съ этой мыслью я разстаться не могу. Нѣтъ, нѣтъ, Наташа, ты не можешь себѣ представить, не можешь, того моря блаженства, которое раскроетъ тебѣ моя любовь; она поглотитъ тебя. Мною, во мнѣ будетъ твоя жизнь.

5 августа.

Опять почта, и опять не прислали твоихъ писемъ. Неужели и маменька не чувствуетъ, что такое для меня твои письма? Какъ это больно! ¹ Прощай, прижимаю тебя къ сердцу.

Твой и навѣки Александръ.

Я занятъ очень литературнымъ трудомъ, о которомъ скажу послѣ ¹).

◆◆ 1. Когда Н. А.—на жила въ самой Москвѣ, тогда она имѣла возможность легко получать и безъ особеннаго труда отправлять письма къ Герцену: Луиза Ивановна и Егоръ Ивановичъ были вѣрными ея почтальонами, если не очень часто выдавшимися съ нею, то всегда имѣвшими случай послать или получить письмо съ прислугой. Лѣтомъ же, во время пребыванія Н. А.—ны въ имѣннн кн. Хованской, «Загорье», такія оказіи случались гораздо рѣже.

97. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

14 августа 1836.

Ангель мой, божество—Наташа! ты, вѣдь, моя твердая дѣва, и потому я не боюсь объявить тебѣ, что наша разлука продолжится еще долго. Отвѣтъ пришелъ и отрѣзалъ надежды и мечты на скорое свиданіе, и это письмо придетъ къ тебѣ 26 августа! вмѣсто меня! ²) Будь же тверда, Наташа! Въ самой любви, въ полной, сильной любви моей найди себѣ утѣшеніе, будь самоотверженна для того,

¹) См. № 100.

²) Именины Н. А.—ны.

чтобы послѣ полною чашей пить блаженство. Можетъ, еще цѣлый годъ, много времени, но провидѣніе знаетъ цѣль... Слезы твои омочатъ эти строки... О, Наташа, для Александра будь тверда, не прибавляй тягости его кресту! Я буду къ тебѣ писать очень часто, очень много,—вотъ одно возможное вознагражденіе. О твоёмъ путешествіи въ Кіевъ и не думай; а, можетъ, я сыщу со временемъ иное средство. Оставимъ это. ¹ Береги себя, будь тверда; не счастье обыкновенное предстоить намъ, я впередъ тебѣ пророчилъ. Я получилъ два письма твоихъ. О, нѣтъ, нѣтъ, ничего не прибавила тебѣ моя мечта,—нѣтъ, ты превзошла всякую мечту, и что могла бы придать небесному творенію земная фантазія? Эти письма окрѣпили снова мою душу: достаточно одной строки отъ тебя, чтобы врачевать всѣ раны моего сердца. Быть такъ любиму, какъ я, и смѣть роптать,—это было бы святотатство. Ты пишешь: «отчего же мы лишены всего?—потому, что мы даны другъ другу». Помни же эти твои слова,—пусть они тебѣ служатъ такимъ же утѣшеніемъ, какъ мнѣ. «Гдѣ же та душа, которой поклоняется Александръ?» О, Боже, во всякомъ словѣ, даже въ звукахъ грусти, въ изнеможеніи,—вездѣ ярко видна эта душа. Молюсъ тебѣ, ангелъ Божій, посланница неба! Но только одно: оставь мысль итти въ Вятку,—это рѣшительно невозможно, я приказываю оставить ее. Ты говоришь, чтобъ я твердо принялъ отказъ; я исполнилъ это, — какъ мраморный обелискъ, окрѣпъ я, и градъ, разбиваясь объ него, не дѣлаетъ трещины; исполни же и ты свое обѣщаніе, будь и ты покойна, насколько можно. Пиши чаще, чаще! А я проведу этотъ годъ совсѣмъ иначе. Буду много заниматься, буду непрерывно сидѣть дома и, какъ прежнихъ лѣтъ отшельники проводили время въ молитвѣ къ Богородицѣ, я буду проводить время въ молитвѣ къ тебѣ. Годъ лишенія, годъ траура души можно легко бросить злomu генію за одну минуту блаженства, а оно настанетъ для насъ.

А, можетъ, все еще скоро перемѣнится; можетъ, голосъ мой тронетъ папеньку, и онъ постарается, чтобы ты съ маменькой навѣстила меня здѣсь. Только въ этомъ случаѣ не надобно торопиться. Теперь буду хлопотать о твоёмъ портретѣ: онъ дѣлается мнѣ необходимымъ образомъ, передъ которымъ я буду изливать и свою любовь, и свои несчастія.

16 августа.

Итакъ, твоя любовь простила мой черный, гнусный поступокъ; тѣмъ лучше,—я это прощеніе принимаю не какъ заслуженное, а какъ даръ твоей любви, какъ раскаявшійся преступникъ принимаетъ милосердіе Христа. «Спаси ее»,—говоришь ты; все дѣлаю я

для этого, но доселѣ большихъ успѣховъ нѣтъ. Ей надобно ѣхать, но нѣтъ средствъ. Худо, очень худо, но съ моей стороны все будетъ сдѣлано. Впрочемъ, не слишкомъ ли торопливо, ангелъ мой, ты простила меня?... Всѣ подробности, которыя тебѣ неизвѣстны, всѣ противъ меня. Но ты совершенно права, что впередъ ничего подобнаго не случится. 2

Отъ Emilie получилъ письмо: та же искренняя, теплая дружба и та же грусть, раздирающая душу; я буду ей писать съ будущемо почтой. Какъ она убита горемъ! 3 А мы, разлученные только матеріально, — мы, слитые въ одно за 1.000 верстъ, мы сѣтуемъ! О, Боже, чего нельзя перенести за твою любовь? «Мы даны другъ другу», — повторяю, будь же тверда, береги себя для твоего Александра, котораго вся жизнь, всѣ чувства, всѣ мысли въ тебѣ, Наташа.

Александръ.

Жду отвѣта съ нетерпѣніемъ на это письмо. Смотри же, Наташа, главное требованіе: мысль о Кіевѣ—съ корнемъ вонъ; эта мысль заставила меня ужаснуться; она велика, прелестна, но несбыточна, и потому я требую въ твоемъ слѣдующемъ письмѣ полное отреченіе отъ нея. Ты отдала свою судьбу въ мои руки, — итакъ, предоставь же мнѣ печься о нашемъ соединеніи, — я не останусь, сложа руки.

Пиши же, ангелъ, пиши болѣе. Твое письмо, это—роса. Оно окропляетъ святою водою, дыханіемъ неба мою земную душу.

Еще цѣлую, еще.

Александръ.

17 августа.

Наташа, люди не имѣютъ столько энергіи, чтобы противиться намъ. Я хочу писать къ П. 1) о портретѣ твоемъ; ежели онъ догадается причину, тѣмъ лучше. Ну, что, ежели бы ты вдругъ высказала все княгинѣ? Вѣдь, есть же, можетъ, хоть уголокъ, у нея въ сердцѣ, гдѣ еще осталось человѣческое чувство... Ты можешь говорить и за меня все, что хочешь, ибо ты будешь говорить такъ, какъ я: твоя душа—часть моей. Даже нельзя ли преклонить на нашу сторону гнусную Марью Степановну? Это для нея будетъ большое счастье: въ первый разъ послѣ своего звенигородскаго бракосочетанія и разоренія Звенигорода Наполеономъ она замѣшается въ дѣло святое; а употребить ее, какъ орудіе, что за бѣда? Ее убѣ-

1) Папенька.

дить легко; обѣщай именемъ моимъ подарки, деньги, что хочешь,— я свято выполняю. Пожалуй, буду самъ къ ней писать, самъ обѣщать, но, смотри, поступай осторожно и пуще—не вздумай повѣрить, что она дѣйствуетъ изъ участія, — нѣтъ, употреби ее, какъ стропила, какъ доску, брошенную черезъ грязь. ⁴

19 августа.

Пора, душа моя, посылать на почту. Ты получишь отъ Егора Иванов. посланныя мною книги—«Notre-Dame de Paris» ¹⁾. Это тебѣ мой подарокъ. Сверхъ того, я жду случая или того, чтобы *наши* узнали,—тогда я пришлю тебѣ кольцо, которое давно уже назначилъ.

Въ твои именины я выпью цѣлую стопу, цѣлую шайку шампанскаго. Ахъ, кабы у меня былъ твой портретъ, я бы могъ цѣловать его, я бы могъ остановить на немъ взоръ и часы цѣлые смотрѣть на него. Нѣтъ, матеріальный знакъ не излишень, — нѣтъ, нѣтъ! твой портретъ, ради Бога!

Знаешь ли, съ чего началась вся эта исторія съ Мед., которая, все-таки, какъ клеймо каторжнаго, пятнаетъ меня? Она прекрасно рисуется, и я просилъ ее *для тебя* нарисовать мой портретъ. Она обѣщалась это сдѣлать тайно отъ мужа. Я благодарилъ ее запиской, она отвѣчала на нее. Благородный человѣкъ остановилъ бы ее; мой пылкій, сумасбродный характеръ унесъ меня за всѣ предѣлы. А теперь она очень видитъ, что я не люблю ее, и должна довольствоваться дружбой, состраданіемъ. Фу, какой скаредный поступокъ съ моей стороны!

Прощай, моя Наташа, моя жизнь, цѣлую тебя, твои руки! О, Боже, когда-жъ, когда-жъ? Полина въ восторгѣ, что ты не забываешь ее. Она тебѣ кланяется отъ всей души, какъ германка.

Прощай же, наконецъ... Душно!!

Твой Александръ.

◆◆ 1. 28 июня Н. А.—на писала: «Сама придумывала я, какъ бы очутиться мнѣ въ Вяткѣ. Хочешь, я увѣрю княгиню, что въ сновидѣніи мнѣ велѣно итти въ Кіевъ, и непремѣнно получу позволеніе и, разумѣется, явлюсь къ тебѣ, буду и въ Кіевѣ?! Но подождемъ, что Богъ дастъ черезъ мѣсяць» (т. VII Спб. изд., 108).

2. 12 іюля Н. А.—на писала: «Читая признаніе твое, ангелъ мой, я залилась слезами. Далекое оттого, чтобы ты палъ въ душѣ, моей,—о, нѣтъ, нѣтъ, Александръ; клянусь тебѣ, ежелибъ ты сдѣлалъ что слишкомъ порочное,—этого не можетъ быть никогда, но если бы и тогда я омывала слезами и молитвою грѣхъ твой, просила бы

¹⁾ «Соборъ парижской Богоматери», В. Гюго.

Бога, чтобъ Онъ за тебя наказалъ меня, а чтобъ ты унизился въ душѣ моей, чтобъ любовь моя умалилась одною каплей?.. О, другъ мой, какая мысль, какая ужасная мысль, и чтобъ я раскаялась, отдавшись тебѣ! Больно мнѣ, если ты думалъ такъ, писавши это ко мнѣ. Мнѣ жаль тебя, Александръ, горько, что въ тебѣ не стало силъ устоять противъ того стремленія, которое вовлекло тебя въ этотъ поступокъ. Но, ей-Богу, я слишкомъ постигаю весь ужасъ тогдашняго твоего положенія, и этотъ холодъ, и эти оковы, и эти убійственные взоры на каждомъ шагу, и твою душу. Всею душой, всею любовью моею прощаю тебя на каждомъ словѣ. Вѣрь же, Александръ, вѣрь, милый мой, что, читая письмо, ни одна темная мысль о тебѣ не посѣтила души моей. Не думай, чтобъ любовь моя придавала тебѣ излишнія достоинства,—нѣтъ, ты, Александръ, создалъ во мнѣ эту любовь, ты возвысилъ ее, а не она тебя. Успокойся же, ангелъ мой; о, не спрашивай, насколько палъ ты въ душѣ моей: я не умѣю, не могу исчислить, насколько ты становишься выше, святѣе въ душѣ моей. Чего стѣдить твое раскаяніе? О, ей-Богу, оно выше твоей вины, а если разлука наша—наказаніе; то она давно, давно искупила пятно это въ душѣ твоей, и ты прощенъ небесами. Я не скажу съ толпою, чтобъ это была шалость, вѣтренность простибельная, но ты ясно видишь, что это дурно, можетъ, даже видишь хуже, нежели оно есть, и уже этого никогда не будетъ; я отвѣчаю тебѣ за тебя; нѣтъ, зачѣмъ теперь тебѣ вынужденное *равнодушіе*, теперь ужъ найдено тобою то сердце, которое, кажется, создано изъ одной любви къ тебѣ, найдена та душа, которая не видитъ, не знаетъ ничего, кромѣ тебя и Бога. Обнимаю, обнимаю тебя, ангелъ мой, цѣлую тебя и клянусь, что ты еще выше, святѣе въ душѣ моей, потому что я воображала гораздо болѣе о томъ пятнѣ, о которомъ ты почти въ каждомъ письмѣ говорилъ мнѣ. Вѣрь же и тому, что и Богъ простилъ тебя: одни мои страданія могли-бъ искупить твою вину, а твои?... И я молю Его,—о, только успокойся, ради Бога, не воображай, чтобъ ты измѣнился передо мною, чтобъ я на сколько-нибудь отклонилась отъ тебя; увѣряю тебя, въ тебѣ нѣтъ ничего, что было бы внѣ объятій души моей. Теперь просьба о ней. Ежели ты не можешь прибавить ей счастья: не умножай горя ея; заставь ее разлюбить тебя незамѣтно ей самой и пуще всего при разставаніи не давай надежды, не то ея страданія будутъ тяжки и продолжительны. Кому бы я съ такою увѣренностью поручила спасеніе несчастной? Тебѣ же... Вѣришь ли, мой ангелъ, какъ покойна я, отдавая судьбу ея въ твои руки. Стараюсь же всѣми силами не принести ей собою ни малѣйшей неприятели. Ты самъ говоришь, что ужъ она довольно несчастна и безъ.

новыхъ ударовъ. Да поможетъ тебѣ Богъ спасти ее!» (тамъ же, стр. 112—113).

8 августа Н. А — на вернулась къ тому же предмету: «Можетъ ли существо, понявшее тебя, любившее тебя, имѣть большіе недостатки? Нѣтъ. И потому я имѣю какое-то особенное чувство ко всѣмъ тѣмъ, которыя къ тебѣ были равнодушны. Не знаяши Мед., я люблю ее всею душой, мнѣ жаль ее, ужасно жаль, и божусь тебѣ, Александръ, готова сдѣлать многое, очень многое для того, чтобы она всю жизнь свою благословляла встрѣчу съ тобою. Зачѣмъ ты говоришь мнѣ о прежней любви своей? Ангель мой, развѣ не то же было со мною? Вѣдь, и я воображала, что люблю Бирюкова, но вотъ чтò странно: я почти не смѣла открыть это самой себѣ, когда ты зналъ объ этомъ, и думала, что одно твое слово — и я перестану любить. Такъ любовь ли это? Я видѣла, что онъ равнодушенъ ко мнѣ, и мнѣ это нравилось, и поэтому нравился и онъ мнѣ. Мнѣ же было тогда 15 лѣтъ, и первая почти встрѣча была съ нимъ. Но, стало, ты сердиться на меня за это, когда говоришь, чтобы я на тебя не сердилась? Но полно же, ангель мой; что говорить намъ о томъ, что было прежде откровенія; теперь мы знаемъ, что мы созданы другъ для друга, что вся жизнь моя, вся душа моя—пѣснь любви къ тебѣ. О, Александръ! Когда-жъ, когда-жъ я обниму тебя, мой божественный другъ? Когда я услышу изъ устъ твоихъ о любви, когда прочту ее я въ глазахъ твоихъ?.. Ангель мой, ангель, Александръ мой, жизнь моя, душа моя, хоть бы я издали взглянула на тебя, услышала бы только голосъ твой!.. О, чѣмъ, чѣмъ, Александръ, воздамъ я тебѣ? Отдала тебѣ душу, жизнь,—этого мало: я бы желала, чтобы не было подобной той, которую ты любишь» (стр. 121).

5 сентября Н. А—на повторяла: «Полно же, Александръ, упрекать себя въ поступкѣ съ Мед. Твое раскаяніе чрезмѣрно велико; и оно давно искупило его, и отъ тебя же зависитъ совершенно изгладить его передъ самою Мед., а я все, что знаю и чего не знаю, отъ всей души простила. И ты перестань винить себя, мой другъ: и орелъ спускается на землю, но взлетѣтъ выше его и ближе къ солнцу не можетъ никто. Ты знаешь самъ, но не могу еще не попросить тебя быть осторожнѣе, не прибавлять ей ударовъ, не огорчать ее. Она мнѣ ужасно жалка и, какъ всѣ несчастныя, близка моему сердцу. Куда же она ѣдетъ, не въ Москву ли? Тогда бы я постаралась, если бы было можно, познакомиться съ нею и, насколько бы стало меня, утѣшить ее. Что-жъ, развѣ нельзя у папеньки попросить денегъ? Можетъ быть, онъ бы для этого и прислалъ тебѣ» (стр. 134).

3. Между Аксбергъ и Сатинымъ все было кончено. Она страдала долго и тяжело. Какъ онъ перенесъ эту перемѣну—неизвѣстно.

4. 1 сентября Н. А.—на отвѣчала по этому вопросу: «То-то и есть, мой ангелъ, что у княгини нѣтъ уголка въ сердцѣ съ человѣческимъ чувствомъ; впрочемъ, нѣтъ, можетъ, и много, да только нѣтъ въ ея сердцѣ уголка для тебя. И я готова сказать ей, открыть ей все, но знаю навѣрное, что это послужитъ къ большому затрудненію, можетъ повредить: она тогда вооружитъ и папеньку. Надобно сперва, чтобъ онъ началъ, чтобъ онъ *хотѣлъ*, и тогда... она его боится, а мнѣ чего будетъ бояться? Всего важнѣе и нужнѣе согласіе папеньки, а надо мною власти не имѣетъ никто. Но что ты пишешь о Марьѣ Степановнѣ? На что же, мой ангелъ, тутъ вмѣшивать ее? Неужели, кромѣ этого ржаваго, негоднаго желѣза, Богъ не пошлетъ намъ орудіе? Когда можно избѣгнуть, не должно унижаться. У нея же, кажется, единственное твердое чувство—ненависть къ тебѣ, какъ къ злоумышленнику (на ней основанъ патріотизмъ ея весь), и я почти увѣрена, что оно перевѣситъ жадность и корыстолюбіе; еслибъ и не такъ, на что, мой ангелъ, на что мѣшать нечистое тутъ? Провидѣніе устроить все, не станемъ же портить начатаго *Имѣ*. Намъ указана дорога: она терниста, трудна, но она указана намъ, *ею* и пойдѣмъ. Ты подумай самъ и увидишь, что М. С.—недостойное орудіе. И зачѣмъ подарками, деньгами покупать счастье? Чистотою, святостью души, любовью купимъ его, ангелъ мой. Ты пишешь, что, можетъ быть, папенька постарается, чтобъ мнѣ побывать у тебя съ маменькой,—ахъ, еслибъ это сбылось, еслибъ сбылось!» (стр. 131).

98. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

25 августа 1836.

Вятка.

Итакъ, вотъ онъ—тотъ день, о которомъ я мечталъ цѣлый мѣсяць! Завтра онъ придетъ холоденъ, непривѣтенъ, опять въ той же дали, въ той же Вяткѣ. Конечно, всѣ дни равны, да и что не равно сердцамъ холоднымъ? Но это 26 августа для меня не равно всѣмъ днямъ: это день ея, день той небесной гостыи, той Наташи, которая снесла рай со своей родины для того, чтобъ отдать его больной, изломанной душѣ юноши, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отдать ему и себя. Ангелъ мой, моя душа изстрадалась бы безъ тебя; самая дружба недостаточна, чтобы внести гармонію въ душу, исполнен-

ную страстями противоположными,—это могла сдѣлать ты одна, и я одинъ стоилъ этого; да, да въ этой-то сломанной душѣ, пораженной такъ горько самыми близкими людьми, въ ней цѣлый міръ блаженства для тебя.

Вся моя жизнь представляетъ мнѣ два чувства, два стремленія. Они-то образовали меня и дали силу переносить многое. Я былъ еще ребенокъ лѣтъ 12, но какая-то неопредѣленная, горькая мысль заставила меня бросить игрушку, тогда уже щеки мои были блѣдны, и глаза горѣли мыслью и чувствомъ, ибо люди меня встрѣтили *обидой! оскорбленіемъ!* Но куда ни прикасался я, вездѣ встрѣчалъ одинъ камень, одинъ холодъ или чувство безъ силы и исполненное мелочи (Татьяну Петр.). Тогда я могъ погибнуть, тогда я могъ еще броситься въ свѣтскую жизнь, заглушить все, убить все, но провидѣніе судило иначе: оно дало Огарева мнѣ. И какъ торжественна была минута, когда мы, юноши, дѣти, обняли другъ друга, узнавъ, какъ близки наши души! Это было въ 1826 году на Воробьевыхъ горахъ. Солнце освѣщало всю Москву, вся Москва смотрѣла на насъ. О, какъ радостно билось мое сердце. *Это первое чувство* мое—*дружба*, оно спасло меня, сохранило. Мы дали другъ другу руку и пошли вмѣстѣ на всю жизнь. Горькій опытъ снова дотронулся холодною рукой: 1834 годъ, снова возвращенная внутрь душа ломалась, самая твердость ея приготовляла паденіе, и ты, ангелъ неба, явилась мнѣ 9 апрѣля, и я протянулъ мою закованную ¹⁾ руку и пилъ этотъ свѣтъ, который лился изъ твоихъ очей, и... я былъ спасенъ,—это *второе чувство*—*любовь*. И послѣ не ввѣряться провидѣнію, когда оно такъ явно ведетъ меня? Нѣтъ мѣста въ груди моей третьему чувству: остальное мелко, слабо, зависитъ отъ этихъ двухъ. Но ты скажешь: истина! изящное! Развѣ оно болѣе не имѣетъ мѣста въ тебѣ? О, нѣтъ, права идеи неотъемлемы, но, какъ христіанинъ во Христѣ поклоняется Богу, такъ тобою и Имъ, въ тебѣ и въ Немъ понимаю, чувствую святое, изящное...

Давно собирался я тебя побранить ²⁾ ты никогда не посылаешь мнѣ стиховъ твоего сочиненія? У тебя прекрасный талантъ въ поэзіи. Оборони, Господь, пренебрегать имъ. Тѣмъ-то поэтъ и одаренъ, что тамъ, гдѣ человѣкъ обыкновенный не можетъ выразить чувства, оно льется стихомъ поэта. А у тебя столько чувствъ, столько высоты! Пиши же, ангелъ мой, и посылай мнѣ. ¹

Возвращаюсь къ прежнему. Любовь была выше дружбы. Дружба

¹⁾ Метафора—оковъ на Герценѣ не было.

²⁾ Вырвано.

дала мнѣ мысль и чувство, любовь—чувство и вѣру. Дружба страдала, изнемогала со мною отъ боренья идей, любовь несла спокойствіе и гармонію. Тамъ—общее страданіе, здѣсь—общее блаженство.

26 августа.

Поздравляю тебя. Сегодня у меня пируютъ дамы и, разумѣется, Полина. Мнѣ весело, что меня поздравляютъ съ твоими именинами; мы уже и теперь даже въ глазахъ постороннихъ—одно. И съ какою гордостью я буду благодарить за твой тостъ! Въ церкви я не былъ, я рѣдко могу молиться и всего рѣже въ церкви. Можетъ, сегодня принесутъ письмо отъ тебя, тогда и я буду веселъ. Прощай. Въ дополненіе къ моей жизни, которая вся изложена въ письмахъ къ тебѣ, въ слѣдующемъ письмѣ я напишу о дѣйствіи на мою душу нѣкоторыхъ авторовъ. Такимъ образомъ, со временемъ по письмамъ къ тебѣ я могу написать всю жизнь, а она не должна быть забыта, такъ, отдѣльно отъ толпы... Прощай же, Natalie!

Твой Александръ.

Объяви для нынѣшняго дня мое благоволеніе Костенькѣ, Сашѣ ¹⁾... Я ихъ не забылъ: все близкое къ тебѣ имѣетъ право на мое вниманіе. Даже моя келья въ Крутицахъ свята твоимъ посѣщеніемъ.

Цѣлую тебя.

♦♦ 1. Для образца поэзіи Н. А—ны приведу два ея стихотворенія, написанныя въ письмѣ отъ 10 октября:

Кто незнакомъ съ восторгомъ дивнымъ,
Съ священнымъ трепетомъ души,
Кто звукамъ тайнымъ и призывнымъ
Внималъ съ холодностью въ тиши,
Кто на небесное призванье
Въ груди отвѣта не слышалъ
И кто въ божественныхъ мечтаньяхъ
Свой идеаль не создавалъ, —
Тому я душу не открою:
Онъ не пойметъ любви святой!
Не подѣлюсь съ его душою
Твоею, какъ небомъ съ землей!
Ему останется все тайной,
Непостижимою во мнѣ,
Какъ край тотъ ясный; но и дальній,
Какъ все въ подвѣздной сторонѣ.

¹⁾ Вырлина, горничная Н. А—ны и большая ея пріятельница.

Тому-жъ, кто самъ звѣздою ясной
 Въ душѣ родной ему сиялъ,
 Кто все постигъ душой прекрасной,
 Любовь волнами изливалъ,
 Безъ словъ, лишь взглядъ одинъ я подарю,
 Онъ въ немъ прочтетъ тебя, любовь,
 И душѣ больной блаженство вновь
 Я этимъ взоромъ отворю.

Какъ дивно все Его творенье,
 Какъ все изяществомъ дышитъ,
 Когда душа въ самозабвеньи
 Въ надзвѣздный міръ къ Нему паритъ,
 Когда всю землю забываешь,
 Нечистоту, коварство злыхъ,
 Въ объятяхъ неба отдыхаешь
 И видишь ангеловъ святыхъ.
 Какъ полны святостью мгновенья,
 Когда живешь на небесахъ,
 И какъ высоко наслажденье—
 Душѣ у Бога быть въ гостяхъ!
 Но ты открылъ своей любовью
 Другое небо, другой рай,
 Ты поглотилъ твоей душою
 Во мнѣ то небо и тотъ край.
 За облака меня не манить,
 Тамъ нѣтъ тебя, и пусто все,
 Душа на небо ужъ не взглянетъ,—
 Въ тебѣ блаженство все ея.
 Тамъ гармонія. Но не слышать
 Тамъ музыки твоихъ, рѣчей;
 Тамъ ярко солнце! Но не видать
 Тамъ Александровыхъ очей!
 И тамъ была бы сиротою
 Твоя Наташа безъ тебя.
 Когда же, ангелъ мой, со мною,—
 Богатѣй всей вселенной я!

(стр. 153—154).

99. Письмо къ Н. А. Полевому.

2 сентября 1836.

Вятка.

Милостивый Государь, Николай Алексѣевичъ! Я чрезвычайно удивился, увидѣвъ моего «Гофмана» въ «Телескопѣ»; сначала я предполагалъ, что Вы его помѣстили, ибо послѣ отбытія моего изъ *міра сею* многое перемѣнилось; но небрежность, съ которой онъ

напечатанъ, убѣдили меня въ противномъ, и я просилъ брата ¹⁾ объяснить Вамъ, какъ это случилось. Изъ его письма вижу, что Вы не вѣрите моему объясненію, и говорили, будто я самъ прислалъ статью въ редакцію «Телескопа». Это огорчило меня. Горько видѣть, когда человѣкъ, котораго отъ души уважаешь, имѣетъ о насъ дурное мнѣніе,—тѣмъ болѣе, когда на такое мнѣніе нѣтъ никакого повода. Вотъ причина этого письма,—я желалъ самъ повторить Вамъ, Милостивый Государь, что статья эта напечатана не только *безъ моего дозволенія, но даже безъ моего вѣдома*. Получили ли Вы длинное посланіе отъ меня въ началѣ весны? Вы собирались въ Петербургъ?.. Множество вопросовъ еще въ запасѣ, но не смѣю беспокоить Васъ; впрочемъ, Вы имѣете средство мнѣ сдѣлать душевное удовольствіе, написавши нѣсколько строкъ. Къ моей статьѣ о Вяткѣ я прибавилъ Казань и Пермь, но, проученный, теперь въ Москву до окончанія остракизма присылать не буду, чтобъ не лишиться (по милости услужливыхъ людей) послѣдней довѣренности отъ Васъ, которую я желалъ бы сохранить всегда.

Вашъ покорнѣйшій слуга *Александръ Герценъ*.

Р. С. Ежели Ксенофонтъ Алексѣевичъ ²⁾ не совсѣмъ забылъ меня, то потрудитесь ему сказать, что я совсѣмъ не забылъ всѣхъ его ласки etc.

100. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

6 сентября 1836.

Вятка.

Сердце полно, полно и тяжело, моя Наташа, и потому я—за перо писать къ тебѣ, моя утренняя звѣздочка, какъ ты себя назвала. О, посмотри, какъ эта звѣзда хороша, какъ она купается въ лучахъ восходящаго солнца, и знаешь ли ея названіе?—Венера, любовь! Всегда восхищался я ею, пусть же она останется твоею эмблемой,—такая же прелестная, такая же изящная, святая, какъ ты. Въ самый день твоихъ именинъ получилъ я два письма отъ тебя,—сколько рая, сколько счастья въ нихъ!... О, Боже, Боже... быть такъ любимымъ и такою душой! Наташа, я все земное совершилъ; остается еще одно наслажденіе—упиться славой, рукоплесканіемъ

¹⁾ Егора Ивановича.

²⁾ Братъ Н. А. Полевого.

людей, видѣть восторгъ ихъ при моемъ имени,—словомъ, совершить что-либо великое, и тогда я готовъ умереть, тогда я отдамъ жизнь, ибо что мнѣ можетъ дать жизнь тогда? Я одного попросилъ бы у смерти: взглянуть на тебя, сказать слово любви голосомъ, взглядомъ, поцѣлуемъ, одинъ разъ: безъ этого моя жизнь не полна еще.

Ты пишешь, что я не жилъ никогда съ тобою, что, можетъ быть, въ тебѣ множество недостатковъ, которыхъ я не знаю, что ты далека отъ моего идеала. Перестань, ангелъ мой, перестань; нѣтъ, ты прелестна, ты выше моего идеала, я на колѣняхъ предъ тобою, я молюсь тебѣ, ты для меня добродѣтель, изящное, все бытіе, и я тебя такъ знаю, какъ только могъ подняться до твоей высоты. Вѣдь, и ты не жила со мною, но я смѣло говорю: твое сердце не ошиблось, оно нашло именно *того*, который могъ ему дать блаженство; я понимаю, чего хотѣла твоя душа,—я удовлетворяю ей. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я могъ сдѣлать счастливою всякую дѣвушку съ благороднымъ сердцемъ,—о, нѣтъ, именно тебя, тебя! Мой пламень сжегъ бы слабую душу,—она не вынесла бы моей любви, она не могла бы удовлетворить безумнымъ требованіямъ моей фантазіи, ты превзошла ихъ. Клянусь тебѣ нашею любовью, что никогда я не видалъ существа, въ которомъ было бы столько поэзіи, столько граціи, столько любви и высоты, и силы, какъ въ тебѣ. Это все, что только могла придумать мечта Шиллера. Я иногда, читая твои письма, останавливаюсь отъ силы и высоты твоей; тебя воспитала любовь, ты непрерывно становишься выше. Возьми одну мысль твою — итти въ Кіевъ: она безумная, нелѣпая, но высота ея превышаетъ высоту самыхъ великихъ поступковъ въ исторіи. Слезы навернулись, когда я читалъ это. Я не спорю: можетъ, *другіе* скажутъ, что ты *мечтательница*, что никогда не будешь *хозяйка*, т. е. жена-кухарка, но тотъ, у кого въ душѣ горитъ огонь высокаго, тотъ пойметъ тебя, и ему не нужно другихъ доказательствъ, кромѣ одного письма. А я, любимый тобою, любящій тебя, я, будто, не знаю моего ангела, моей Наташи?!?

30 августа были именины Александра Лаврентьевича ¹⁾; мнѣ хотѣлось ему сдѣлать подарокъ такой, который имѣлъ бы смыслъ, который навсегда былъ бы документомъ моего уваженія къ человеку великому. Долго думалъ я, и вдругъ пришло въ голову подарить твою работу — портфель. Сначала я испугался одной мысли разстаться съ тою работой, при которой за каждую ниткой была мысль обо мнѣ; мнѣ было жаль. Такъ вотъ и подарокъ,—сказалъ внутренній голосъ,—вотъ истинная жертва, потому-то и надлежитъ

¹⁾ Витбергъ.

ему ее подарить, что жаль. Я написал на первой страницѣ: «А. Л. Витбергу въ знакъ симпатіи искренней и безпредѣльной дарить работу¹⁾ А. Герценъ. 1836, августа 30, въ Вяткѣ», и подарилъ ему; сначала онъ не хотѣлъ брать, но я сказалъ ему, чего стоитъ мнѣ подарокъ,—онъ взялъ со слезами. И отчего же, думалъ я, мнѣ скупиться? Развѣ рука, дѣлавшая это, не моя? И какъ могъ я болѣе почтить его, какъ не работой *ея руки*?

Ты пишешь о Мед.; говоришь, что думала, что пятно, о которомъ я писалъ, несравненно чернѣе. Что же чернѣе этого поступка? Я не знаю; можетъ, убійство не чернѣе такой гнусности; нѣтъ, не извиняй меня; простить ты можешь, оправдать нельзя. Это былъ послѣдній шагъ мой въ безнравственности. Тогда, терзаемый не понятой любовью къ тебѣ, терзаемый своею ничтожною и скверною жизнью, окруженный людьми холодными, я обращалъ всюду взоръ, потухавшій отъ разврата, чтобы найти симпатію. Будь тогда Витбергъ, будь Полина,—и не было бы пятна на совѣсти, и не было бы угрызения. Первое существо высшее была она; она поняла меня (я писалъ тебѣ это тогда же); въ ней есть поэзія; она, жена мужа стараго, котораго никогда не любила и не могла любить, она бросилась со всею довѣренностью души чистой ко мнѣ, и чтò-жъ я сдѣлалъ... Слѣдовало бы остановить, а вмѣсто того..... О, не старайся оправдывать меня! Воскрешенный твоею любовью, твоею небесностью, я хотѣлъ тотчасъ спасти ее, но съ ужасомъ увидѣлъ, что поздно. Правда, съ самой весны она не слыхала отъ меня ни одного слова, которое бы могло ее болѣе завлечь, но и то правда, что она отъ этого страдаетъ, отъ этого больна; она безъ того столь несчастная: не зная о тебѣ, воображаетъ, что я влюбленъ въ Полину. Я думалъ сказать ей о тебѣ прямо, но это все равно, что дать рюмку яда. Вотъ твой идеальный Александръ.

9 сентября.

Прощай, ангелъ мой, можетъ, сегодня получу письма отъ тебя. Прощай, я теперь спокойнѣе смотрю на разлуку. Онъ знаетъ, чтò и для чего. Жму твою руку, цѣлую ее, цѣлую тебя.

Твой Александръ.

9 сентября. Ангелъ мой, я и забылъ тебѣ написать планъ повѣсти, которую я уже началъ. Напиши мнѣ откровенно твое мнѣніе. Витбергу она не очень нравится.

¹⁾ Вырвано.

Юноша, жившій до 17 лѣтъ въ деревнѣ, пылкій, но подавленный холодомъ родныхъ, является въ университетъ учиться медицинѣ. Онъ робокъ, застѣнчивъ; у него нѣтъ друзей; онъ боится шумной вакханалии студентовъ; у него нѣтъ дѣвы, которая раздѣлила бы его страданія, его одиночество, и онъ живетъ одною наукой. Однажды ему надобно разсѣкать какой-то женскій трупъ въ анатомической залѣ: онъ пришелъ, уже вонзилъ ножъ въ тѣло, у котораго лицо было покрыто. Когда вздумалъ онъ взглянуть на него— и что же? Это тѣло прелестной дѣвушки... Онъ влюбился въ нее (извини это глупое выраженіе, я тороплюсь); эта любовь—первое его чувство: оно сильно, оно растеть, оно должно сжечь его, уничтожить, свести съ ума, сломать всю душу и все тѣло. И вотъ онъ крадетъ трупъ и сжигаетъ его. Этотъ пепелъ въ урнѣ— все, что у него есть на бѣломъ свѣтѣ; онъ любитъ этотъ пепелъ, онъ не можетъ жить безъ него, и тутъ блеснула мысль, что алхимики имѣли средства воскрешать, и что же значитъ греческій миѳъ феникса, возрождающагося изъ пепла? Парацельсъ и Аполлоній Тианскій ¹⁾ воскрешали, и самъ Иисусъ. Вотъ рѣшена его жизнь: онъ ищетъ этотъ способъ. Проходятъ годы, и онъ, погруженный во мракъ мистики и колдовства, ищетъ и ищетъ, и онъ будетъ искать всю жизнь, ежели бы жизнь его была долѣе Маѳусаила. Но тайна не открывается; однако, *надежда* (главная идея повѣсти) съ нимъ, безъ нея онъ умеръ бы. Заключение: онъ сѣдой старикъ, одичалый, полубезумный, все еще работаетъ и ищетъ *тайны воскрешенія*. Слабый, больной, онъ уже на одрѣ смерти говоритъ друзьямъ: «теперь близко, близко къ открытію»... Засыпаетъ; она слетаетъ къ нему, и онъ не существуетъ болѣе ²⁾.

Желаю разобрать, такъ скверно написалъ этотъ листъ.

◆◆ 1. 23 сентября 1836 г. Н. А.—на писала Герцену: «Витбергу не нравится начатая повѣсть, а мнѣ кажется только, она нѣсколько мрачна. Впрочемъ, я боюсь сказать тебѣ рѣшительно: гдѣ ты, тамъ для меня все совершенно, превосходно, изящно, и потому, можетъ быть, думая нѣсколько дней о твоей повѣсти, я не нашла въ ней даже того, что бы могло не понравиться Витбергу, и мнѣ бы очень хотѣлось, что бы ты окончилъ ее. «Онъ сжегъ тѣло, пепелъ въ урнѣ, и это все, что есть у него на свѣтѣ. Онъ любитъ этотъ пепелъ, не можетъ жить безъ него». Какъ тутъ хорошо! Эта любовь къ праху! Но можно ли любить тѣло, не зная души? Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ! Если бы я тебя не знала

¹⁾ Философъ-пифагореецъ I вѣка.

²⁾ Это сочиненіе не найдено и неизвѣстно. 1

никогда и увидѣла бы твой портретъ, неужели бы я не посвятила, не посвятила всей жизни на то, чтобы *найти* тебя? Неужели бы у меня было другое сокровище, кромѣ твоего портрета, другое чувство, кромѣ любви къ твоему образу? Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ нравится, окончи эту повѣсть, ежели не отсовѣтуешь тебѣ Витбергъ» (т. VII Спб. изд., 144).

101. Письмо къ Н. Х. Кетчеру и Н. И. Сазонову.

1836. Сент. 22.

Вятка.

О, дайте, дайте отдохнуть на груди друзей! душа моя вся избита этимъ холодомъ постороннихъ. Что за дрянная жизнь практическая, что за кандалы всякому порыву, всякому чувству! Толпа грязью мечетъ въ лицо тому, кто смѣетъ стать выше ея, она—болото, въ которомъ можетъ погибнуть самый смѣлый путникъ. Да, всѣ теоріи о человѣчествѣ—вздоръ. Человѣчество есть падшій ангель; откровеніе намъ высказало это, а мы хотѣли сами собою дойти до формулы бытія его и дошли до нелѣпости (эклетицизмъ). Всѣ понимавшіе вѣрили въ потерянный рай—Вико ¹⁾, Паскаль... И что намъ осталось?—два эти теченія противоположныя, которыя губяты, отравляютъ насъ своей борьбой: *эгоизмъ*, это—тяготѣніе, это мракъ, контрактивность, прямое наслѣдіе Люцифера, и *любовь*, это—свѣтъ, расширение, прямое наслѣдіе Бога. Одно влечетъ его къ уничтоженію всего, кромѣ «я», къ матеріи; другое—палингенезія, начавшаяся съ прошенія Люцифера. Дантъ очень много видѣлъ, представляя всѣ пороки тяготѣющими къ Люциферу въ центръ земли, это—іероглифъ, не спору; но гдѣ взять слова на нашемъ языкѣ, которыя бы замѣнили іероглифъ?

Итакъ, я на границѣ юности; прощай, время упоенія, мечтаній, я всему заплатилъ долгъ: и университету, и родительскому дому, и вамъ, друзья, и шампанскому, и публичнымъ дѣвкамъ... Не даромъ прожиты эти 24 года; пестро воспоминаніе, горе не имѣвшимъ юности. А между тѣмъ, что же была моя жизнь? Она вся представляетъ *два чувства*, два стремленія; они-то образовали меня и дали силу перенести многое. Я былъ еще ребенкомъ (14 лѣтъ), но какая-то горькая мысль заставила меня бросить игрушку: щеки стали блѣдны, глаза загорѣлись мыслию. Люди встрѣтили меня обидой,

¹⁾ Джіамбаттиста, итальянскій мыслитель.

первое чувство было чувство стыда; я заплатилъ презрѣніемъ; но рубецъ остался на душѣ, ударъ былъ силенъ, вѣренъ. Тогда я увидѣлъ, что этотъ міръ населенъ чѣмъ-то постороннимъ для меня. Міръ дѣйствительный открывался слишкомъ рано. Грустно было мнѣ... и тогда-то является Огаревъ. И какъ торжественна была наша встрѣча! Это было лѣтомъ 1826 года; на Воробьевыхъ горахъ, предъ лицомъ цѣлой Москвы мы обнялись, дали другъ другу руку итти по жизни вмѣстѣ, и ничто не разыметъ нашихъ рукъ. Мы воспитали другъ друга. Это первое чувство мое—*Дружба*. Оно мнѣ дало его глубокую душу, изъ которой я могъ черпать мысль, какъ изъ океана... Долгое заключеніе истомило меня, мысли эгоистическія закрадывались, мысли злобы, и я обращалъ глазъ мой, вызывая спасителя. И провидѣніе дало его. Тамъ среди звука цѣпей слетѣлъ ангелъ божій, и я протянулъ ему закованную руку, и палъ свѣтъ изъ его очей... былъ спасенъ и тогда сталъ жить полной жизнью, и тогда мгновенно *откровеніемъ* узналъ я второе чувство—*Любовь*.

Вы удивитесь, вы этого не знали,—я и теперь бы вамъ не сказалъ, но хочу, чтобъ прежде личнаго свиданья все было открыто вамъ.

Голосъ любви воскресилъ меня и здѣсь, когда я падалъ отъ досады. Но кто же эта *она*? Все, что могли создать мечта Шиллера въ Теклѣ, Беатриче, ведущая въ рай,—болѣе, нежели все это. Сазоновъ, ты знаешь ее, ты былъ у меня въ Крутицахъ 1835 апрѣля 6,—сестра моя Наташа,—нѣтъ, болѣе, нежели сестра; другая, гемисфера моего бытія.

Это письмо—и барону и Саз., а будетъ случай, прошу его отослать въ Пензу ¹⁾).

102. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Сентября 21, 1836.

Вятка.

Другъ мой, вотъ нѣсколько уже дней меня томить и мучить злобный демонъ. Онъ сталъ, было, рѣже посѣщать мою душу, но возвратился опять со своимъ ядовитымъ дыханіемъ. Люди—ты еще не знаешь, что это за отвратительное чудовище люди,—о, не знай

¹⁾ Огареву.

ихъ! Пусть твоя душа всю жизнь знаетъ одного Бога и того чело-
вѣка, котораго Онъ тебѣ далъ; не знай толпы съ ея низкими
страстями. Ты знаешь, какъ отъ дыханія тускнѣетъ свѣтлое зер-
кало, такъ и чистая душа тускнѣетъ отъ дыханія толпы. Я смотрю
на нихъ и думаю: да въ самомъ ли дѣлѣ они существуютъ или
только призраки уродливые, каррикатуры?.. Всякій, кто станеть
выше толпы, тотъ врагъ ея, того толпа побьетъ камнями; тотъ
попадаетъ въ очарованный кругъ, изъ котораго выйти не можетъ,
ломаеть свою душу, влечетъ въ гибель съ собою все, близко под-
ходящее къ нему, и толпа хохочетъ, аплодируетъ и мечетъ грязь
ему въ лицо. Одна связь съ небомъ—любовь. Человѣкъ — падшій
ангелъ, Люциферъ: ему одна дорога къ небу, къ земному раю, это—
любовь; это—самоуничтоженіе двухъ въ одну душу; это то, что мнѣ
раскрыла ты, ангелъ, ты, достойная примирить челоѣчество съ
Богомъ. И притомъ еще я, очищенный твоею любовью, когда взгляну
на себя, — сколько во мнѣ эгоизма! Эгоизмъ, это—проказа, это
чума душъ челоѣческихъ, остатокъ паденія, прямое наслѣдство
Люцифера. Наташа, Наташа, твое присутствіе мнѣ необходимо, я
избитъ судьбою, избитъ людьми, вся душа въ рубцахъ, все сердце
въ крови; ты одна можешь уврачевать, одинъ взгляды... и конечно—
я забуду людямъ обиды, которыми они осыпаютъ меня ежедневно.
Можетъ, судьба и возвратитъ меня, спустя годъ!

Твоихъ писемъ съ Макаровымъ ¹⁾ я еще не получалъ, ибо онъ
не пріѣзжалъ, а на-дняхъ будетъ; жду ихъ, какъ узникъ вѣсти о
свободѣ.

Въ прошедшихъ твоихъ письмахъ было написано,—ты писала
ими то, что для Emilie кажется ужасно положеніе наше, когда я
возвращусь, ежели оно останется то же, а тебѣ не кажется оно
ужасно. Да, я увѣренъ въ этомъ, я знаю твою душу: она выше
земной любви, а любовь небесная, святая не требуетъ никакихъ
условій внѣшнихъ. Знаешь ли ты, что я доселѣ не могу думать, не
отвернувшись отъ мысли о бракѣ? Ты моя жена! Что за униженіе:
моя святая, мой идеаль, моя небесная, существо, слитое со мною
симпатіей неба, этотъ ангелъ — моя жена! Да, въ этихъ словахъ
насмѣшка. Ты будто для меня женщина, будто моя любовь, твоя
любовь имѣетъ какую-нибудь земную цѣль! О, Боже, я преступни-
комъ считалъ бы себя, я былъ бы недостойнъ твоей любви, ежели-бъ
думалъ иначе; тѣснѣе мы другъ другу принадлежать не можемъ,
ибо наши души слились, ты живешь во мнѣ, ты—я. Но ты будешь
моей, и я этого отнюдь не принимаю за особое счастье, это —

жертва гражданскому обществу, это — официальное признание, что ты моя, болѣе ничего. Упиваться твоимъ взглядомъ, перелить всю душу, не говоря ни слова, однимъ пожатіемъ руки, поцѣлуй, которымъ я передамъ тебѣ душу и выпью твою,—чего же болѣе? Отчего же Emilie съ ея душою такъ поверхностно поняла любовь, она—любившая!..

Повѣсть я началъ и написалъ IV главы ¹⁾. Тамъ являются двѣ женщины на сцену. Елена, которой я придалъ характеръ Мед., это—женщина земная, это—любовь матеріальная, доведенная до поэзіи, но до поэзіи земной, и княгиня, которой я нѣсколькими чертами далъ твой божественный характеръ, гдѣ уже и слѣда нѣтъ земли, гдѣ одно небо, и небо яхонтовое, небо Италіи. Но все это набросокъ. Впрочемъ, ты тамъ найдешь толпу выраженій изъ нашихъ писемъ. Прощай покамѣстъ, буду ждать писемъ: мнѣ крайняя нужда въ нихъ, чтобъ забыть людей.

23 сентября.

Макарова нѣтъ, и я грустенъ и утомленъ; ничего болѣе теперь не напишу, прощай мое другое я, нѣтъ, не другое я, а то же самое. Мы врозь не составляемъ я, а только вмѣстѣ. Прощай, свѣтъ моей жизни!

Ежели ты не читала «Мечты и жизнь» Полевого, то попроси, чтобы Егоръ Ив. досталъ ихъ тебѣ. Тамъ три повѣсти: «Блаженство безумія», «Эмма» и «Живописецъ», и всѣ три хороши, очень хороши ²⁾. Цѣлую твою руку.

Александръ.

103. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

29 сентября (1836).

Ангель... ангель! Нѣтъ, я не могу выразить, какъ бы я назвалъ тебя; все то, что выражается въ звукахъ музыки; все то, что видишь при захожденіи солнца, при взглядѣ на луну, все то—сплавъ въ одно, и все это едва выразить тебя. Наташа, нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ! земля недостойна такого чувства, какъ твоя любовь!

¹⁾ «Елена», или «Тамъ».

²⁾ Напечатаны въ сборникѣ «Мечты и жизнь», изъ сочиненій Н. А. Полевого, въ 4 частяхъ, 1833—1834 гг.

Я никогда не плачу, но я плакалъ, читая твои послѣднія письма, и это были слезы восторга; о, какъ счастливъ я былъ съ этими слезами! Посмотри на меня: вотъ твой Александръ, со слезами на глазахъ, прижимаетъ твою руку къ своему сердцу, которое бьется такъ сильно, сильно любовью къ тебѣ. Я былъ раздраженъ людьми (какъ писалъ тебѣ въ прошлой запискѣ), и вдругъ два письма (одно отъ 26 августа, другое отъ 3 сентября), и все исчезло, и я плакалъ отъ восторга, и эта лучшая моя молитва Богу, моя благодарность промыслу за то, что онъ далъ мнѣ потерянный рай. Что былъ бы я безъ тебя? Я гордъ, самолюбивъ, страсти мои дики, я погибъ бы въ борьбѣ съ людьми или сдѣлался бы эгоистомъ; дружба не могла бы измѣнить меня, а ты явилась и повела, куда же?—въ царство небесное. О, Наташа! Не много буквъ въ этомъ словѣ, но въ немъ все, въ этомъ восклицаніи: твое имя замѣняетъ мнѣ весь языкъ человѣческой. Пойми его,—ты поняла его, поняла,—ты знаешь, что значитъ это слово «Александръ». Милый другъ мой, я сойду съ ума отъ счастья; всякій день я сливаюсь болѣе и болѣе съ тобою. Что, ежели бы мы могли составить одного человѣка? Нѣтъ, это скверно; я хочу пить свѣтъ изъ очей моей Наташи; этотъ свѣтъ снесень ею оттуда.

Когда Данте терялся въ обыкновенной жизни, ему явился Виргилій и рядомъ бѣдствій повелъ его въ чистилище; тамъ слетѣла Беатриче и повела его въ рай. Вотъ моя исторія, вотъ Огаревъ и ты.

Знаешь ли ты, что опять есть надежды, и надежды большія? Егоръ Ив. можетъ рассказать тебѣ. Можетъ, гораздо менѣе году остается до свиданія...¹ О портретѣ буду хлопотать; вѣроятно, Витбергъ не откажетъ, но совѣстно просить его; но будь увѣрена, что, ежели есть возможность, мой портретъ еще лучше того, который у папеньки, будетъ у тебя, потому не хлопочи о дурномъ портретѣ.² Но кто же напишетъ твой портретъ? Этого я Летунову¹⁾ не довѣрилъ бы: высокъ долженъ быть душою человѣкъ, который дерзнетъ на бумагѣ повторить твои божественныя черты; это могъ бы сдѣлать Рафаэль, понявшій мечтою Мадонну.

Ты рада, что я болѣе сижу дома. Однакожъ, не воображай, что въ самомъ дѣлѣ я не выхожу никуда; цѣлое утро въ канцеляріи, обѣдаю почти черезъ день у губернатора, а тамъ иногда и вечеръ гдѣ-нибудь, но только по необходимости. Когда я прочелъ твои письма, я не могъ дома сидѣть: все кипѣло, я опять былъ юноша, горѣлъ жизнью, поскорѣ одѣлся я и пошелъ гулять. На все смотрѣлъ я сильнѣе, повторяя въ памяти всѣ выраженія твои,

¹⁾ Художникъ изъ крѣпостныхъ И. А. Яковлева. ³

и, наконецъ, отправился къ Полинѣ подѣлиться счастьемъ. Трудно удержать въ груди восторгъ. И знаешь ли, что болѣе всего привело меня въ восторгъ въ твоихъ письмахъ? Это то мѣсто, гдѣ ты говоришь, что, можетъ, иногда середь людей я задумаюсь, и не велишь сказывать..., а велишь тебя спросить о причинѣ. Послушай, въ этихъ нѣсколькихъ словахъ твоихъ для меня вся ты, съ этою совершенною преданностью и этимъ самоуничтоженіемъ во мнѣ.

Водо тебѣ въ женихи, ха, ха, ха!... Un homme comme il faut c'est á dire, comme il n'en faut jamais ¹⁾). Это умора! И неужели онъ смѣетъ думать? Да онъ послѣ этого дуракъ. Смѣлъ ли когда-нибудь червякъ просить Бога, чтобъ Онъ ему далъ въ подруги лучшее свое твореніе, своего любимаго ангела, мою Наташу? Нѣтъ, не вѣрю: это на него выдумали:—такой гигантской мысли не заронится въ голову столоначальника и титулярнаго совѣтника Октавія Тобьевича Водо. ⁴⁾

Преуморительная записка въ папенькиномъ письмѣ, ха, ха, ха! Помилуйте-съ, Наталья Александровна, не стоитъ благодарности. ⁵⁾

Еще разъ о Мед. Наташа, Бога ради, не старайся заглушить голосъ совѣсти во мнѣ. Мой поступокъ черенъ. Она страдаетъ,— это ужасно! И гдѣ-жъ справедливость? Богъ даетъ мнѣ ангела за то, что я погубилъ женщину. Чѣмъ это все кончится, — не знаю, но предчувствіе не къ добру. Ахъ, по крайней мѣрѣ, хоть бы я или она уѣхали отсюда! И я, — всѣ шутки въ сторону, — былъ не доволенъ твоимъ выраженіемъ: «ты можешь въ ея глазахъ загладить свой поступокъ». Или ты это, не думавши, писала, или я дивлюсь, какъ такой вздоръ взошелъ тебѣ въ голову. Она любитъ въ самомъ дѣлѣ, и, слѣдственно, одна любовь можетъ принести ей облегченіе, а *не оправданіе*. Любовь земная сильна, она тѣмъ болѣе жжетъ, что у ней нѣтъ другого міра, куда удалиться отъ зла земли. Ты, мой ангелъ, говоришь, что любила бы всякую, мечтавшую обо мнѣ; она терзается, зачѣмъ я такъ близокъ съ Полиной. Впрочемъ, я все дѣлаю, я намекалъ даже на тебя, я говорилъ, что она должна забыть меня для дѣтей своихъ... но доселѣ что-то все это не очень успѣшно. ⁶⁾

Итакъ, Саша и Костя ²⁾)—мои агенты; благодарю ихъ теперь словомъ, а впослѣдствіи — дѣломъ. Я какъ будто предчувствовалъ это, написавъ имъ поклонъ.

¹⁾ Человѣкъ «какъ слѣдуетъ», т. е. точнѣе — какимъ никогда не слѣдуетъ быть.

²⁾ Костя—Костенька, бывшая вторая няня Герцена—Наталія Константиновна.

Emilie не вѣрить вполнѣ моей любви; я понимаю, какое она право имѣетъ на сомнѣніе, и не сержусь. Но скажи своему другу, Сашѣ Б. ¹⁾, что мы поняли другъ друга, что она должна быть высока, будучи другомъ тебѣ и пламенно вѣря въ любовь нашу. Мнѣ хочется ее видѣть: я люблю сильныя души. Найдеть ли она любовь на землѣ? Безъ любви жизнь дѣвушки безсмысленна, это—солнце безъ свѣта, неконченный аккордъ въ музыкѣ. Благодарю тебя за то, что ты поправила мою ошибку и отстранила Мар. Ст. отъ насъ. Я душевно смѣялся, какъ она читала записку за французскіе стихи и какъ она ненавидитъ меня изъ патриотизма. Ну, покамѣстъ довольно. Иду спать. Прощай, можетъ, въ одно время во снѣ ты увидишь меня, а я тебя,—тогда наши души вмѣстѣ, сливаются, цѣлуются... Ахъ, иногда какъ бы хотѣлось продлить сонъ! Прощай же, вѣроятно, ты давно покоишься, ангелъ мой,—уже второй часъ. Зачѣмъ не на груди твоего Александра, зачѣмъ?

Ты доселѣ восхищаешься «Легендою». Мысль ея хороша, но выполнение дурно, несмотря на всѣ поправки; ее еще надобно передѣлать. «Германскій путешественникъ» сразу написался лучше. Не знаю, что-то съ новою повѣстью ²⁾ будетъ: нѣкоторыя мѣста хороши.

Ты спрашиваешь о твоёмъ кольцѣ; я, кажется, тебѣ писалъ, что я его уронилъ въ щель на станціи въ Нижегородской губерніи. Мнѣ его смерть жаль до сихъ поръ, но, вѣроятно, судьба хотѣла, чтобъ не это кольцо было твоимъ знакомъ на моей рукѣ: оно было подарено до 9 апрѣля. Тебѣ кольца я не пошлю до тѣхъ поръ, пока они не узнаютъ.

29 сентября.

Рѣшено, у тебя будетъ превосходный портретъ. Я хотѣлъ его доставить къ твоему рожденію, но это врядъ возможно ли, ибо сегодня только Алекс. Лавр. я упросилъ, а тяжелая почта ходитъ 14 дней.

Я писалъ маменькѣ, чтобъ тебѣ доставили бѣлый палатинъ ³⁾; мнѣ они очень нравятся; не знаю, будетъ ли исполнено. Прощай, мой ангелъ. Ты права, что смерти бояться нечего: тамъ-то и начнется жизнь настоящая, тамъ ты можешь быть еще изящнѣе! здѣсь ты достигла верха земного изящества! Прощай, цѣлую тебя много и много.

Твой и за гробомъ Александръ.

¹⁾ Боборыкина.

²⁾ «Елена».

³⁾ Модная тогда тальма.

◆◆ 1. Въ началѣ августа, не теряя вѣры въ мягкосердечіе Николая I, Яковлевъ послалъ Бенкендорфу такую записку: «Господина Яковлева воспитанникъ, титулярный совѣтникъ Александръ Герценъ, находившейся на службѣ въ Москвѣ, въ дворцовой канторѣ неизвѣстно почему, но уже третій годъ, какъ взятъ изъ родительскаго дома, и отправленъ былъ на службу въ Пермь, а отъ туда переведенъ въ Вятку где же другой годъ, и по сіе время находится по службѣ же при вятскомъ гражданскомъ губернаторѣ.

«Г. Яковлевъ, находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, и въ болезненномъ состояніи, имѣлъ при себѣ единственнымъ утѣшеніемъ, означеннаго Герцена, а разлученіемъ съ нимъ уже третій годъ, погруженъ въ глубочайшую горестъ, и желая при концѣ своей жизни, еще увидѣть, и благословить воспитанника своего, осмѣливается просить монаршаго милосердія, о дозволеніи воспитанику его Герцену, возвратится на службу и въ родительской домъ въ Москву».

Эта записка была переслана начальнику 2-го (московскаго) округа корпуса жандармовъ, генералу Перфильеву, который 17 августа сообщилъ, что изъ справки въ дежурствѣ его округа видна прикосновенность Герцена къ «дѣлу о лицахъ, пѣвшихъ пасквильныя пѣсни» и виновность «въ сомнительномъ образѣ мыслей и въ томъ, что онъ въ перепискѣ съ другими лицами позволялъ себѣ вольныя и неумѣстныя сужденія».

Шефъ жандармовъ не удостоилъ Яковлева отвѣтомъ... (Дѣло № 239, ч. 10).

Повидимому, это ходатайство отца, извѣстное Егору Ивановичу, и давало Герцену новую надежду.

2. Копію витберговскаго портрета у Н. А.—ны отобрали передъ отъѣздомъ на лѣто въ Загорье и съ осени не вернули ей.

3. «Живописецъ Летуновъ давалъ уроки рисованія мнѣ и Сашѣ,—разсказываетъ Т. П. Пассекъ;—кроткій, тихій, онъ былъ постоянно грустенъ и, видя наше сочувствіе, иногда высказывалъ намъ свое безпокойство относительно сыновей своихъ, которымъ давалъ нѣкоторое образованіе. О выкупѣ нечего было и думать: онъ имѣлъ большое семейство и былъ бѣденъ» (т. I, стр. 258).

4. Водѣ служилъ вмѣстѣ съ Егоромъ Ивановичемъ въ дворцовой конторѣ. 28 августа Н. А.—на писала: «Папенька, поздравляя меня съ именинами, между прочимъ, пишетъ, что занимается избраніемъ мнѣ жениха и уже одного имѣетъ въ виду. Е. И. говоритъ, что это долженъ быть Водѣ» (стр. 127). «Я слышала, Водѣ и не думаетъ обо мнѣ. Онъ меня не знаетъ, а папенька и Левъ Ал. въ восхищеніи отъ него и отъ воображенія, чтобъ онъ за меня сва-

тался, но и этого бы никогда не было,—онъ ищетъ много денегъ» (стр. 153).

5. Н. А.—на, желая продолжать мистифицировать И. А. Яковлева и Хованскую и не обнаружить своей переписки съ Герценомъ, послала ему черезъ отца слѣдующую записку: «Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Никогда не сомнѣвалась я въ вашей дружбѣ, но присланныя вами книги и память о моихъ именинахъ были новымъ доказательствомъ оной и принесли мнѣ новое величайшее удовольствіе. Все лѣто я провела пріятно. Теперь мы собираемся въ Москву. Дай Богъ, чтобъ и вы возвратились скорѣе туда, гдѣ ждутъ васъ съ нетерпѣніемъ родные, друзья и всею душою любящая сестра Наташа» (стр. 142).

6. 23 сентября Н. А.—на писала Герцену: «Послушай, Александръ, меня терзаетъ, наводитъ ужасъ на меня мысль, что есть существо, которому сказать обо мнѣ все равно, что дать рюмку яда... Я содрогаюсь. Это—облако, это—туманъ. Предпочитать раю то, что нанесетъ, можетъ быть, смерть несчастной! Скажи, нѣтъ ли средства, нельзя ли какъ, чтобъ мы познакомились съ нею, чтобъ она полюбила меня (о себѣ я не говорю: я уже люблю ее много за ея несчастье, за любовь къ тебѣ, за ея страданія), чтобъ она нашла во мнѣ друга, повѣрила свою душу, и тогда ей, можетъ быть, легче будетъ перенести; можетъ быть, она не будетъ такъ несчастлива тогда. Если ей лучше? Ты писалъ, что она больна. Я сравниваю ее съ собою, и ты можешь вообразить, легко ли мнѣ».

25 сентября: «Мед. не идетъ у меня изъ головы. Непремѣнно, непремѣнно нужно, чтобы прежде, нежели она узнаетъ, что ты любишь меня, чтобы она видѣла меня; прежде не говори ей, ради Бога. Не правда ли, мой Александръ, мы не можемъ быть счастливы совершенно, то есть спокойно наслаждаться счастьемъ, прежде, нежели Мед. не будетъ спокойна. Это—главное, о чемъ ты долженъ стараться. Согласіе *нашихъ*, это—ничего передъ этимъ: тамъ одинъ капризь, тутъ истинное чувство» (стр. 144).

10 октября: «Теперь скорѣе просить прощеніе за выраженіе, что ты можешь загладить свой проступокъ въ глазахъ Мед. Какая глупость! Какая нелѣпость! Не могу сама понять ничего въ этихъ словахъ, на что это похоже? даже не помню, какъ я это писала: ужъ, конечно, не думала этого; выбрось это и забудь, ради Бога; вѣрно, писавши это, я слышала голосъ М. С. и шаги княгини. Какъ досадно, я ужасно сердита на себя. Оправданія любви! Другъ мой, забудь, забудь, прошу тебя; нѣтъ, я вовсе такъ не думаю!» (стр. 152).

104. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Октября 10, 1836 г.
Вятка.

Наташа! Прежде, нежели ты получишь это письмо, у тебя (ежели отдадутъ) будетъ мой портретъ — мой подарокъ въ день твоего рожденія. Сходство разительное; тамъ все видно на лицѣ — и моя душа, и мой характеръ, и моя любовь. Кромѣ Витберга, кто могъ бы это сдѣлать? Витбергъ рисовалъ именно для тебя; ты должна непремѣнно начать какую-нибудь работу именно для него, и постарайся, ежели можно, къ 15 января, и что-нибудь *очень* изящное, — посовѣтуйся съ маменькой. Я воображаю твою радость, твои слезы. Я радовался, что черты моего лица выражаютъ столько жизни и восторга, ибо это — черты избраннаго тобою, таковы онѣ должны быть. Это Александръ Наташинъ. ¹

Письмо, писанное предъ отъѣздомъ изъ Загорья, я получилъ (отъ 17 сентября) по прошлой почтѣ. Твоя любовь все такъ же орошаетъ душу мою свѣтомъ, блаженствомъ, и ты все та же — одна любовь. Ты пишешь, что я прежде любви былъ такой же. О, нѣтъ, нѣтъ! Если я воспиталъ твою душу своимъ огненнымъ авторитетомъ, ежели прелестная душа твоя приняла какъ бы изъ симпатіи одну форму съ моей (ты знаешь ли, что ты очень похожа на меня во многомъ? возьми слогъ твоихъ писемъ, образъ мыслей), ежели все это вліяніе справедливо, то не забудь, что ты совершенно пересоздала меня. Когда я понялъ, что люблю тебя, у меня явилась религія настоящая, ненависть ко всему порочному, я бросилъ остатки школы, — словомъ, *любовь* сдѣлалась основой моего нравственнаго бытія, въ то время, какъ прежде эта основа была *самолюбіе*. Какое разстояніе! Теперь я не могу уже такъ ядовито смѣяться надъ всѣми. Да, мы помѣнялись: въ твою чистую, свѣтлую душу я бросилъ огонь, и она запылала; въ мою огненную душу ты бросила слово рая, и она стала очищаться, но еще не очистилась. О, какъ гнусенъ я кажусь себѣ иногда, какъ еще доселѣ я не умѣю твердо отказаться отъ всего порочнаго! Можетъ, твое присутствіе сдѣлаетъ очищеніе полнымъ, можетъ... Но раскаяніе, угрызение совѣсти! — они написаны черною краской, и ихъ сама любовь не можетъ смыть, это — дѣло Бога. Твоя жизнь, пишешь ты, съ 13 лѣтъ выражаетъ одно чувство — любовь! Это такъ истинно, какъ то, что моя выражаетъ два чувства — любовь и дружбу. И смотри же, — такъ и быть

должно. Твоя жизнь нашла себѣ цѣль, предѣлъ; твоя жизнь выполнила весь земной кругъ; въ моихъ объятіяхъ должно исчезнуть твое отдѣльное существованіе отъ меня, въ моей любви потонуть должны всѣ потребности, всѣ мысли. Словомъ, твоя душа — часть моей души, она вскорѣ воротилась къ цѣлому и съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ ей отдѣльности. Итакъ, любовь должна была и воспитать, и развить твою душу, любовь—тебя привести ко мнѣ, любовь приведетъ и къ Богу. Но жизнь моя еще не полна; это не жизнь части, а жизнь цѣлаго. Сверхъ частной жизни, на мнѣ лежитъ обязанность жизни всеобщей, универсальной, дѣятельности общей, дѣятельности въ благо человѣчества, и мнѣ одного чувства было бы мало. Любовь принадлежитъ мнѣ, т. е. Александру; дружба, какъ симпатія универсальной жизни, принадлежитъ мнѣ, какъ человѣку. Я безъ тебя—нравственный уродъ, человѣкъ безъ сердца, Байронъ, презирающій все человѣчество. Ты безъ меня — начало дивнаго пѣснопѣнія, коего продолженія не существуетъ, разверзтыя уста безъ рѣчи, взоръ, обращенный въ пустоту туманной степи. Разбери это, и ты увидишь перстъ провидѣнія. Кто, кромѣ меня, осмѣлился бы продолжать эту поэму, кто—дать рѣчь этимъ устамъ и сказать взору: смотри на меня? Кто? Единственно тотъ во всей вселенной, кто, сожигаемый буйными страстями и помыслами, подъ которыми ломается душа, обратилъ умоляющій взоръ на небо, прося его *любви*, какъ спасенія, и кому въ огненную печь не побоялась ввергнуть ты, ангелъ, свою жизнь, еще болѣе — свою вѣчность. Однажды сдѣлавъ это, ты—Я, Александръ и Наташа не составляютъ *Мы*, но одно мое Я. Я полное, ибо ты совершенно поглощена,—тебя нѣтъ болѣе.

Октября 11.

Скажи твоей Сашѣ ¹⁾, чтобъ она и не думала умирать. Я даю ей мое благородное слово, что, какъ только это будетъ возможно, я выкуплю ее на волю, и она можетъ всю жизнь служить тебѣ. Служить тебѣ не есть униженіе; ежели бы ты была барыня, я не посовѣтовалъ бы, но ты—ангелъ, и весь родъ человѣческой, ежели станетъ передъ тобой на колѣни, онъ не унизится, но сдѣлаетъ то, что онъ однажды уже сдѣлалъ передъ другой Дѣвой.

Воображаю, что исторія о портретѣ крайне интересна; напиши всѣ подробности. О, Ваше Сіятельство, княгиня Марья Алексѣевна! О, напрасно запала дума, что папенька именно обо мнѣ думаетъ! Право, нѣтъ; ему хочется *пристроить* тебя и тѣмъ заразъ очистить

¹⁾ Вырлина.

совѣсть отъ попеченій, которыхъ нѣтъ. Я бы, право, давно написалъ ему; онъ любить меня, но вотъ бѣда, мы не поймемъ другъ друга, ибо говоримъ разными нарѣчіями, и слова моего языка, вырванные изъ жизни самого человѣчества, не имѣютъ перевода въ языкѣ формъ, приличій, пользы... Я буду говорить: «Отецъ! это часть моей души, она умретъ безъ меня, я безъ нея уже и не сынъ тебѣ и не сынъ земли; мы встрѣтились и вмѣстѣ пойдемъ на небо,—насъ нельзя раздѣлить». А мнѣ въ отвѣтъ скажутъ: «Ты молодъ, это мечты, надобно подождать чина коллежскаго асессора, ты можешь черезъ женитьбу сдѣлать связи; да и все, что ты сказалъ, безуміе». Ну, какъ же намъ понимать другъ друга? А, впрочемъ, увидимъ!

Ты говоришь, что теперь на зло имъ, вмѣсто всѣхъ жениховъ, которыхъ *они* выискивали, явился я. Я не женихъ. Я явился, какъ владѣлецъ за свою собственностью: ты моя уже теперь. Но что же ты воображаешь имъ на зло? Вѣдь, достоинства мои не безусловно хороши, а только въ твоихъ глазахъ. Тысячи отвергли мою руку, ежели бы я имѣлъ глупость имъ протянуть ее. И потому въ *ихъ* глазахъ невелико счастье быть моею,—напротивъ, они тогда будутъ жалѣть, что ты не пошла за Бирюкова, напр., который и честный человѣкъ, и служить у министра юстиціи, и изъ хорошей фамиліи.....

Очень вспомнилъ я то мѣсто въ «Notre-Dame», о которомъ ты пишешь. Таковы наши симпатіи. Мы рѣшительно останавливаемся на однихъ мысляхъ и чувствахъ. Впрочемъ, въ Эсмеральдѣ любовь земная. Ежели-бъ ты могла читать Шиллера, тамъ ты нашла бы нашу любовь. Впрочемъ, это только у одного Шиллера. Ты не воображай, что не научишься нѣмецкому языку. Пусть пройдетъ черная година, моя ссылка и твое затворничество,—тогда это легко сдѣлать.

Замѣть, мой ангелъ, что я на портретѣ въ самомъ томъ костюмѣ, въ которомъ былъ 9 апрѣля 1834. Этотъ костюмъ для меня священенъ, ибо этотъ день счастливѣйшій въ моей жизни. Доселѣ эти два-три часа, проведенные тогда съ тобой, какъ память о потерянномъ раѣ, о золотомъ вѣкѣ, утишаютъ всѣ душевныя боли. Ежели я когда-нибудь буду настолько силенъ, я превращу казематъ, гдѣ сидѣлъ въ Крутицахъ, въ часовню. Пусть на томъ мѣстѣ, гдѣ слетѣлъ ангелъ съ неба, возсылаются мольбы Господу.

12 октября.

Я тебѣ расскажу сонъ преудивительный, который я принимаю за указаніе и вслѣдствіе котораго буду дѣйствовать. Не принимай

сны за ничтожные образы воображенія; вѣра въ нихъ — не предразсудокъ; правда, что сны высокіе рѣдко посѣщаютъ человѣка: этому причина наша жизнь. Что можетъ шепнуть душа на ухо человѣка, объѣвшася за ужиномъ, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ ничтожностяхъ? Но когда душа дѣйствуетъ, когда человѣкъ засыпаетъ съ чистою душой, эти образы не ничто. Слушай. 7-го октября отправилъ я твой портретъ, 7-го октября получилъ твои письма, читалъ ихъ, перечитывалъ, упивался любовью, тобою, мечталъ и, перечитавъ еще разъ, заснулъ и вижу... я въ Москвѣ, дома, у насъ, только что пріѣхалъ, всѣ рады, но я тороплюсь, я не могу вполнѣ отвѣчать на ихъ пріѣтъ, меня влечетъ скорѣе къ тебѣ, и вотъ уже сумерки, и я пошелъ къ тебѣ съ Матвѣемъ ¹⁾ (мой камердинеръ). Идемъ. Самыя тѣ улицы, все, какъ надобно, но вдругъ улица оканчивается утесомъ, съ котораго надобно сойти внизъ, а онъ крутъ, какъ стѣна; едва есть камни, за которые можно цѣпляться. Я сдѣлалъ шагъ, взглянулъ внизъ, — глубоко ужасно, но тамъ свѣтитъ солнце. Мнѣ стало страшно. Я обернулся и сказалъ Матвѣю: «Есть другая дорога, а тутъ страшно». — «И идя къ ней, — отвѣчаетъ Матвѣй, — вы будете дѣлать обходъ и бояться?» Я покраснѣлъ и началъ спускаться, но вскорѣ страхъ опять воротился, и я сѣлъ. — «Что, ужъ вы устали? — сказалъ Матвѣй, — не хотите ли, я поведу васъ? Вы, вѣдь, идете къ ней». И я снова, краснѣя, пустился въ путь. Далѣе все смутно, и я не помню. Итакъ, въ обходъ не слѣдуетъ итти. Прямой путь, — имъ я и пойду къ тебѣ, моя божественная, мой ангелъ небесный. Можетъ, а ргос портрета, папенька напишетъ что-нибудь, тогда — провидѣніе! ты привело ее ко мнѣ, ты указало ей меня, тебѣ отдамся я!

14 октября.

Прощай, Наташа. Сейчасъ я получилъ письмо отъ Тат. Петр. Это забавно, — годъ не писалъ ея мужъ, а теперь издаетъ журналъ, такъ требуетъ моей помощи. *Pas si bête!* ²⁾ я не принадлежу къ тѣмъ молодымъ писакамъ, которымъ достаточно свистнуть, чтобы почитать статью.

Повѣсть ³⁾ идетъ впередъ.

Статья о Вяткѣ идетъ впередъ.

Новая повѣсть есть въ головѣ, — страшная, ядовитая. Въ будущій

¹⁾ Онъ смѣнилъ Петра Федоровича.

²⁾ Я не такъ глупъ.

³⁾ «Елена».

разъ напишу планъ. Прощай же, милая... ну, какъ, какъ тебя называть? Ангелъ, божество, все мало... назову—Наташа. Прощай!

Твой Александръ.

Сегодня именины Мед.

Полина кланяется. Бѣдная Полина, она очень несчастна,—угнетена, безъ всякихъ средствъ.

105. Письмо къ Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру.

(Октябрь-ноябрь 1836).

Николай { Ивановичъ!
Христофоровичъ!

Имѣю ли я къ вамъ довѣріе,—вы видѣли изъ прошлой грамоты моей; она очень кстати пришла, чтобы убѣдить васъ въ несправедливости, и потому о статьѣ и о прочемъ taceamus! ¹⁾

Что могу я прислать для печати? 1-е) «Встрѣчи»; это три статьи, изъ коихъ одна вамъ извѣстна: «Германскій путешественникъ» (поправленный) и двѣ другія: «Человѣкъ въ венгеркѣ» (въ коемъ описана моя встрѣча въ Перми съ однимъ, весьма несчастнымъ и весьма сильнымъ человѣкомъ), третья: «Шведъ» (Мысль и откровеніе).

2-е) «Письма о Казани, Перми и Вяткѣ», — могу прислать первое, но поелику мнѣ предстоитъ теперь путешествіе по губерніи, то статья о Вятской губ. должна пополниться.

3) «Легенда», которую я исправилъ, но которую я не напечатаю безъ предисловія, а съ предисловіемъ ее не напечатаютъ.

Наконецъ, 4-е) первыя четыре главы моей повѣсти «Тамъ!» Объ ней потолкуемъ, Мм. Гг. Основная мысль этой повѣсти — мысль религіозная, та самая, которая начинаетъ просвѣчивать въ статьѣ «Шведъ»; даже лицо этого шведа должно явиться въ повѣсти. Но дѣло вотъ въ чемъ. Можно ли въ формѣ повѣсти перемѣшать науку, карриатуру, философію, религію, жизнь реальную, мистицизмъ? Можно ли середь пошлыхъ фигуръ des Alltagslebens ²⁾ поставить формулу алхимическую, средь страстей теллурическихъ—простите выраженъе—показать путь туда? Какъ вы думаете? Примѣръ, хотя ненуженъ, но приведу — «Вильг. Мейстера» Lehrjahre

¹⁾ Помолчимъ!

²⁾ Повседневность.

и Wanderjahre¹⁾: тамъ даже технологія. А чего нѣтъ у Данта? Можетъ, найдутся особы, которыя не стануть читать мысли, а однѣ сцены,—пусть же самыя сцены ведутъ къ этимъ мыслямъ; а, впрочемъ, кто не хочетъ читать, тотъ пусть идетъ обѣдать или спать, ибо для того, вѣрно, лучше ѣсть, ибо тутъ портится желудокъ, а при чтеніи—глаза.

Отъ Вадима Пассека получилъ письмо съ требованіемъ статей для будущаго журнала; отвѣчалъ ни то, ни се, однако, попользовался случаемъ обругать «Путевыя записки» въ лицо²⁾.

Теперь буду ждать отвѣта на это письмо, а прежде не пришло ни строки, покуда не получу, но, пожалуйста, пишите обстоятельно; писать можно теперь. Пусть «Путешественникъ»³⁾, хоть диктуетъ свое мнѣніе, а ты пиши, зная его лѣнь и отвращеніе отъ пера.

Однако, даромъ я не работникъ...⁴⁾ отъ васъ достать мнѣ: 1) Сведенборговы духовидѣнія⁵⁾; 2) Эйнемозера — о магнетизмѣ и все, что можете, объ алхиміи, адептахъ, Парацельсѣ, неоплатоникахъ временъ Аполлонія Тианскаго. Прошу и умоляю. А впрочемъ, soit dit en parenthèses⁶⁾, вы не исполняете рѣшительно моихъ требъ.

Кромѣ литературы, которой я совсѣмъ не занимаюсь, у меня дѣла волю, я оправдалъ пророчество Путешественника и сдѣлался лихой чиновникъ. - - - - - Въ другой разъ сообщу болѣе о расширеніи моихъ практическихъ свѣдѣній, вслѣдствіе которыхъ многое перемѣнилось и въ теоріи.

Ну, прощайте; да когда же ἀνάγκη⁷⁾ бросить меня опять въ Москву? Душа больна, да и засалился какъ-то; нѣтъ юности, утратилъ ее, — и можетъ, чортъ знаетъ, что было бы изъ меня, ежели бъ провидѣніе не отдало судьбу мою въ волю ангелу. Adieu.

Весь вашъ А. Г.

1) «Годы ученья и годы странствій Вильгельма Мейстера», Гете.

2) Сочиненіе, выпущенное Пассекомъ подъ псевдонимомъ: *Вадимъ* ***, въ 1834 г.

3) Н. И. Сазоновъ.

4) Примѣчаніе Пыпина: «одно слово не видно за сургучной печатью на оборотѣ».

5) Эм. Сведенборгъ; вѣроятно, рѣчь идетъ объ основномъ его теософскомъ сочиненіи: «Arcana Coelestia («Небесныя тайны, находящіяся въ Св. Писаніи, или въ Словѣ Господа, съ диковинами, видѣнными Сведенборгомъ въ мірѣ духовъ и въ небѣ ангеловъ»).

6) Пусть будетъ сказано въ скобкахъ.

7) Судьба.

Что же Огаревъ?

Можетъ быть, я даже и всѣ «Встрѣчи» помѣщу въ повѣсть. Ваше мнѣніе, ваше мнѣніе!

106. Отдѣльныя мысли.

Произведение чловѣка имѣеть цѣлью пребываемость, существованіе, но не всякое: иное производится для гибели другихъ и собственной. Таковъ брандеръ. Его дѣло жечь, губить и самому погибнуть въ пожарѣ, еще болѣе — самому горѣть еще прежде корабля. Такъ и провидѣніе: ему нужны всякія орудія и нуженъ брандеръ, который жжетъ. Но легко ли быть имъ? Правда, подобно конгревовой ракетѣ, онъ блеститъ, шумитъ, жжетъ. Но внутри его ядъ, долженствующій разрушить его самого. Но, вѣдь, не всякій огонь на морѣ — брандеръ. Есть и маяки, фarosы, указующіе путь кораблямъ, ведущіе ихъ въ безопасную пристань, показующіе имъ мели. Брандеръ нуженъ въ войну, фarosъ—всегда.

Вотъ апостолы и революціонеры! Аттила, Аларихъ, Дантонъ ¹⁾ Мирабо¹⁾ были эти brulots ²⁾, пущенные провидѣніемъ въ станъ непріятельскій; св. Павелъ, Златоустъ, Іоаннъ—фarosы для веси Господней.

Бенедиктины, якобинцы—та же противоположность.

Чловѣкъ, назначенный жечь, давшій мѣсто въ своей груди огню разрушенія, будетъ все жечь. Пожаръ сжигаетъ и икону, и хартію, и стѣну, и пыль на стѣнѣ. Я увѣренъ, что Аттила, Аларихъ, ежели-бъ не они были призваны вести разрушителей въ Римъ, то они были бы простыми воинами этой брани,—они шли по душѣ; даже ежели-бъ остались дома, то они въ своемъ семейномъ кругу сдѣлали бы этотъ пожаръ. Примѣръ жизни Мирабо подтверждаетъ это. *14 октября 1836.*

Еще весьма важный примѣръ — Марать ³⁾. Прежде, нежели онъ являлся въ тричленной ⁴⁾ камерѣ на трибуну конвента требовать казни поколѣній, онъ былъ докторомъ медицины. Есть его

¹⁾ Видные дѣятели великой французской революціи.

²⁾ Брандеры:

³⁾ Одинъ изъ самыхъ крайнихъ дѣятелей великой французской революціи.

⁴⁾ Конвентъ сначала состоялъ изъ трехъ партій: Жиронда, Гора, Равнина (Болото).

сочиненіе, помнится, о теоріи свѣта, гдѣ онъ съ тою же яростью ниспровергаетъ опыты и теоріи предшественниковъ. Кине ¹⁾ очень остроумно сравнилъ Робеспьера и Фихте, Наполеона и Шеллинга!

Представьте себѣ медаль, на одной сторонѣ которой будетъ изображено преображеніе, на другой—Иуда Искариотъ!!—Человѣкъ.

Римская исторія имѣетъ то же вліяніе на душу юноши, какъ романы на душу дѣвушки.

Откуда сила этихъ типовъ историческихъ? Греція выразила полную идею изящнаго. Ея архитектура всегда будетъ поражать самой простотой. Римъ сдѣлалъ то же съ своимъ политическимъ бытомъ. Простыми, рѣзкими, гениальными чертами набросалъ онъ жизнь свою. Но въ изящномъ Греціи и въ гражданственности Рима одинъ недостатокъ—нѣтъ религіи. Отсюда—этотъ характеръ конечности, соизмѣримость.

Ноября 6, 1836. Весь вечеръ, занимаясь развитіемъ мысли религиозной въ жизни человѣчества и открывъ нѣкоторые весьма важные результаты, я радовался. Уже ложась спать, безъ всякой дѣли развернулъ Эккартсгаузена ²⁾ и попалъ на слѣдующій текстъ св. Писанія: «И бѣси вѣруютъ и трепещутъ!»

Да, вѣра безъ любви—мечта!

Мышленіе безъ дѣйствія—мечта!

У египтянъ болѣе гордости, болѣе тайны, болѣе касты; въ готизмѣ—болѣе молитвы, болѣе святого.

Готизмъ, или тевтонизмъ имѣетъ какое-то сродство съ духомъ мавританскимъ. Но въ одномъ мысль аскетическая и религиозная, въ другомъ—жизнь разгульная, роскошная. Тамъ—поэзія молитвы, тутъ—поэзія жизни восточной: Дантъ и Аріосто ³⁾.

Италія, кажется, нигдѣ во всей чистотѣ не выразила готизма,—она не могла забыть своего прошедшаго.

Искаженные зданія XVII и XVIII вѣка тѣмъ же дурны, какъ и тогдашняя литература: вездѣ эффекты, поза, натяжка, пастораль на паркетѣ, театральная декорация, а не самосущность.

Ежели стиль тевтонскій во всей чистотѣ своей выражаетъ христіанство, стиль греческій—политеизмъ, стиль египетскій—ре-

¹⁾ Эдгаръ, французскій историкъ

²⁾ Карлъ, нѣмецкій писатель, очень читавшійся въ Россіи 1800—1820 гг.

³⁾ Знаменитый итальянскій поэтъ, авторъ «Неистоваго Орланда».

лигію того края; и ежели мы откроемъ, чѣмъ каждый изъ нихъ выражаетъ свою религію и какъ, тогда не въ правѣ ли мы будемъ дѣлать по тому же закону прямыя заключенія отъ стиля храмовъ къ религіи? Напр., находя въ Нубіи стиль египетскій, заключимъ, что ихъ религія сходна; напротивъ, разсматр. развалины индусскихъ храмовъ,—этихъ пещеръ, изсѣченныхъ въ скалѣ, этихъ пилоновъ четверогранныхъ,—или массы, скалы, перенесенныя целтами ¹⁾ или овальные своды персовъ,—мы ихъ равно отдѣлимъ отъ всего предыдущаго...

Не будемъ дивиться сродству дальнему индійскихъ развалинъ и тевтонскаго стиля. Вспомнимъ сходство религіи христіанской и Вишну.

Открытие развалинъ Мероэ въ Эѳіопіи французомъ Cailliodd еще далѣе на югъ отталкиваетъ колыбель греческой цивилизаціи. Вѣроятно, изъ Эѳіопіи населился Египетъ. Храмы того же характера; тамъ встрѣчается уже форма периптеральная храмовъ. Итакъ, и эта форма не есть изобрѣтеніе грековъ. Можетъ, Пиранези ²⁾ очень правъ, говоря, что всѣ ордена только усовершенствованы греками.

Сами египтяне говорятъ, что Изида пришла изъ Эѳіопіи и научила ихъ обрабатывать поля.

Храмъ египетскій (вообще) есть храмъ чисто земной, тѣлесный, изсѣченный въ скалѣ, углубленный, такъ сказать, въ землю, мрачный со своими стройными пилонами. Они выражали свое поклоненіе Озирису, давая ему ужасную человѣческую форму (50 фут., напр., въ Эссимбулѣ). Идея тайны грозной, страшной выражалась въ мрачномъ фасадѣ.

107. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

18 октября (1836)

Наташа, что можетъ быть тяжелѣе, горче, какъ не сознаніе собственныхъ недостатковъ, пятенъ? Твое послѣднее письмо отъ 29 сентября сначала привело меня въ восторгъ. Наташа, ты велика, ты недосягаемая для человѣка! Нѣтъ, это не увлеченіе говорить во мнѣ,—нѣтъ, я понялъ тебя вполне, ты велика, повторяю. Поэтому я взглянулъ на себя, и будто ты, ангелъ, можешь отдаться

¹⁾ Французское произношеніе «кельтовъ».

²⁾ Франческо, итальянскій граверъ.

(отдалась уже!) человѣку земному, нечистому? Твое величіе меня подавило; я падаю на колѣни предъ тобой, я молюсь тебѣ, но какъ же я стану рядомъ? Звѣзда любви! Ну, а какъ солнце выйдетъ на горизонтъ безъ свѣта, кровавымъ пятномъ? Звѣзда будетъ грустно и одиноко свѣтитъ на выгорѣвшемъ солнцѣ. Наташа, тяжело, ей-Богу, тяжело. Нѣтъ, моя любовь должна все выкупить; любви я тебѣ принесу цѣлое море, цѣлую вселенную. Ею наполняются лучи солнца. Я ужасно люблю тебя, я такъ сроднился съ этою мыслью любви, что безъ нея уже нѣтъ ничего для меня: ни людей, ни міра, ни Бога, нѣтъ самого меня. Когда я, очищенный твоею любовью, достигну твою чистоту, тогда, только тогда мы будемъ равны и тогда останется итти къ Нему и цѣлую вѣчность любить, и цѣлую вѣчность благодарить, что мы даны другъ другу. Моя повѣсть, это— моя жизнь. Онъ хочетъ стянуть душу ея и опять заключить въ оковы земного бытія. Эгоизмъ! ангела хочетъ запылить землей, а не себя сдѣлать ангеломъ. Такъ и я. Ты чистою молитвой летѣла бы въ рай, но на мнѣ остановился твой взоръ, на моей красотѣ конечного, и я стягиваю тебя въ удушливую сферу страстей. Наташа, сдѣлай же изъ меня ангела!

Твоя безусловная любовь заставила тебя поставить на одну доску Егор. Ив. и Мед. Ты развѣ виновата, что онъ не могъ равнодушно видѣть столько *славы* творца, и ты ему сказала тотчасъ, что не можешь любить его, и осталась чиста. А я? Какая чернота, какое злоупотребленіе своего изящества! Я погубилъ ее. Можетъ, при самомъ началѣ я могъ бы остановиться; о, я видѣлъ, что она боялась меня, умоляла взоромъ не открывать покровъ, подъ которымъ она спрятала душу, а я сорвалъ его изъ самолюбія и нашелъ тамъ любовь и слезы. Ни на любовь отвѣчать, ни слезъ отереть я не могъ. Что же сдѣлать оставалось? Оставить ее падать? Самое христіанское дѣло, и когда она пала, подать руку и начать спасать. Наташа, это обстоятельство положило штемпель преступника на мою душу. И что за роль я теперь играю? И какую прелестную, поэтическую душу погубилъ я? И этотъ человѣкъ смѣетъ думать о Наташѣ? Вотъ чтò утраиваетъ мой крестъ, вотъ чтò дѣлаетъ мою мечту дикой, мрачной.

Черезъ четыре дня твое рожденіе. 19 лѣтъ тому назадъ провидѣніе Господа, безъ различія пекущееся о родѣ человѣческомъ и о каждомъ человѣкѣ, предугадывая страданіе, мученіе и паденіе человѣка, рожденнаго пять лѣтъ до того, послало тебя съ вѣстью утѣшенія неба,—тебя, *Natalia*,—вести его на родину, въ которую бы онъ не пришелъ. Господи! я не умѣю молиться, но умѣю выразумѣть твой крестъ, твое указаніе, и такъ, какъ униженный христіанъ

нинъ просить святыхъ молиться за себя, такъ я ее, чистоту безусловную, умоляю передать мою молитву. Прощай!

Повѣсть ¹⁾ растетъ въ моей мысли. Тутъ будетъ все: философія, поэзія, жизнь, мистицизмъ, и на каждой страницѣ *ты*. Я цѣлыя мѣста выпишу изъ твоихъ писемъ, и потому эта повѣсть

будетъ носить подпись: Александръ }
Наталія } Герценъ.

У меня отдѣльно уже не можетъ ничего быть. Бѣжимъ, бѣжимъ въ Италію, подъ другое небо! Тамъ выскажу я все это, о чемъ теперь не хочу говорить, и выскажу ²⁾, а природой, взоромъ и поцѣлуемъ.

Я грустенъ, и не отъ внѣшнихъ причинъ, а отъ самого себя. У меня нѣтъ твердости стать на ту высоту, просвѣтленную, чистую, которую указываетъ христіанство, на ту высоту, на которой стоишь ты, дѣва рая. Ежели-бъ я не понималъ этой высоты, тогда меня не терзалъ бы и голосъ глубокой, сходный съ угрызеніемъ совѣсти. Мое существованіе какъ-то колеблется, и, можетъ, пылкость характера увлекаетъ съ края на край. Я, какъ медаль, у которой съ одной стороны архангелъ Гавріиль, а съ другой—Люциферъ. Я знаю, что я теперь очень глубоко не паду, знаю, что нравственное чувство перевѣситъ страсти, но знаю и то, что это не я, а ты, ты меня сдѣлала нравственнымъ. Не гордость страдаетъ отъ этой мысли,—нѣтъ, ибо ты и я—нераздѣльное, единое, а горько то, что я на тебя смотрю, какъ на небо, и понимаю, что не стою тебя, что я хуже. И какая же дерзость тебя низводитъ собою на землю! Таковъ человѣкъ, Наташа! Богъ, спасая его, посылаетъ Христа, а онъ распинаетъ Его... Но провидѣніе уже рѣшило. Будь же моею опорой, спаси меня отъ самого меня, тебѣ я отдаю все бытіе мое, управляй имъ. Витбергъ недавно говорилъ: «Вы въ послѣднее время очень перемѣнились, и къ лучшему, но я боюсь, ежели у васъ не будетъ поддержки, вы можете увлечься». Витбергъ не знаетъ, что самъ Господь далъ мнѣ опору, и что она не отыметъ у меня до послѣдняго дыханія. Прощай же!

Твой Александръ.

21 октября.

Получилъ еще записочку отъ тебя и отъ княгини въ папеныиномъ письмѣ. Право, не соберусь съ силами тебѣ отвѣчать въ

¹⁾ «Елена».

²⁾ Вырвано.

томъ же тонѣ: трудно тебѣ сказать «вы», тебя назвать «Наталья Александровна». Лучше не буду писать.

Твое рожденіе въ день *Пресвятой Дѣвы*, мое—въ *Благовѣщенье*. Я былъ тою вѣстью, которой откровеніе принесло счастье Дѣвѣ, и ты—та дѣва, которой должно искупиться бытіе мое. Смотри, какъ то, чтò соединяетъ, устраиваетъ провидѣніе, во всемъ согласно съ главною мыслью: и наши имена, и благословеніе тебя образомъ, и самые дни рожденія.

22 октября.

Ангелъ мой, поздравляю тебя, цѣлую въ твои прелестныя уста, цѣлую еще и еще. Какъ-то тебѣ отдали портретъ? Твой восторгъ, твои слезы и, будто, ты сумѣла скрыть волненіе? Не можетъ быть. Ну, а ежели его не отдали тебѣ... буду ждать. Всѣ наши пили твое здоровье. Полина была цѣлый день; она посылаетъ тебѣ и поздравленіе, и поклонъ всею германскою душой. Семейство Витберга тебѣ не чужое: оно родное твоему Александру.

28 октября.

Вчера приѣхалъ прокуроръ ¹⁾ и не привезъ отъ тебя писемъ, и привезъ мнѣ извѣстіе, что портретъ тебѣ отдадутъ. Теперь уже отдали. Папенька пишетъ, что онъ не такъ похожъ, а маменька находитъ большое сходство.

Шелковинка приложенная есть мѣрка моей головы. ¹

♦♦ 1. 23 сентября Н. А—на писала: «Мнѣ хочется вышить тебѣ ермолку; утѣшь меня: смѣрай свою голову и напиши мнѣ, сколько вершковъ. Знаю, тебѣ это большая комиссія, — легче бы написать цѣлую статью и, вѣрно, забудешь и не напишешь, но утѣшь же меня, Александръ,—я въ горѣ» (стр. 144).

Тогда была мода носить ермолки. Сидя въ крутицкихъ казармахъ, Герценъ носилъ красную.

108. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

1 ноября 1836.

Вятка.

Письма твои отъ 4 и 11 октября получилъ. Нѣтъ, не люди, не толпа затмили мою душу, а я самъ ее затмилъ, и это-то меня терзаетъ, мучитъ. Ты такъ прелестна, такъ чиста, ты—утренняя

¹⁾ Николай Мартыновичъ Мейеръ.

звѣзда, а я—туча, облегающая ее, я мракъ, поглощающій свѣтъ звѣзды. Ты все простила мнѣ, ты не хочешь сіять иначе, какъ для меня, но могу ли я все простить себѣ? Emilie пріѣхать сюда—опять мечта несбыточная, и зачѣмъ? Ты не знаешь жизнь маленькаго города, вдали. На меня обращено множество глазъ; я здѣсь значительное лицо, любимецъ губернатора, москвичъ и богатый человѣкъ. Пріѣздъ дѣвушки далъ бы поводъ къ толкамъ, которыхъ я не вынесъ бы, да и что скажутъ въ Москвѣ? Нѣтъ, эту мысль къ сторонѣ. Въ нѣсколькихъ послѣднихъ письмахъ папеньки я вижу, что онъ ко мнѣ имѣетъ большую довѣренность, что онъ весьма доволенъ, что я приобрѣлъ здѣсь *репутацию* (!) хорошаго чиновника, что обо мнѣ пишутъ въ Петербургъ, что меня представляютъ для описанія губерніи министру и пр. ¹ Это хорошо; я очень радъ, это поможетъ намъ болѣе всего. Знаешь ли, что я вскорѣ надолго буду лишень писемъ отъ тебя, мой ангелъ, я только жду инструкцій отъ министра внутр. дѣлъ, чтобы ѣхать по губерніи, и это продолжится мѣсяца два. Тысячи двѣ верстъ надо будетъ объѣздить, и я получу уже твои письма по возвращеніи въ Вятку.

Надежды, о коихъ я писалъ отъ 29 сентября, весьма основательны. Я имѣлъ разныя извѣстія изъ Петерб. Наша разлука очень долго, кажется, не можетъ продолжаться. Наше свиданіе! О, Боже! неужели оно будетъ *при нихъ*? Нѣтъ, нѣтъ... это ужасно! Развѣ нельзя? Я пріѣду къ третьему часу. Княгиня спитъ, Саша ¹⁾ будетъ на караулѣ, ты выйдешь въ залу. Только одинъ взглядъ, одинъ поцѣлуй,—и тогда я готовъ цѣлый годъ притворяться. Но минуту свиданія погубить этикетомъ нельзя,—не могу! столько жертвовать людямъ невозможно, они не стоятъ этой минуты. Или я, когда пріѣду, остановлю порывъ и сутки отдалю свиданіе, а на другой день уговорю, чтобъ тебя звали къ намъ обѣдать. У насъ вольнѣе, лучше, и ты у насъ дома, тамъ ты чужая. Устрой, какъ хочешь, только этой минуты не похищай у Александра.

Что за глупость пишешь ты о твоёмъ лицѣ! Будто я его не знаю, будто оно не есть выраженіе твоей свѣтлой, небесной души, будто оно не такъ же полно любовью, какъ твои письма. «Оно перемѣнилось съ 20 іюля 1834». Да, я знаю, ибо я его видѣлъ— 9 апрѣля 1835, величайшій день моей жизни. Точно оно перемѣнилось; такъ, какъ черты Спасителя преобразились на горѣ Фаворѣ въ день преображенія. Ты «помѣнялась бы со многими лицомъ». Но я, вѣдь, не люблю многихъ тѣхъ, а тебя, только тебя,

¹⁾ Вырлина.

и развѣ любовь моя чувственна? Наташа, увѣрь же себя въ своей высотѣ. Ты прелестна, ты все для меня. Твоя Саша Б. ¹⁾ думаетъ, что нѣтъ другого Александра. О, какъ ошибается она! Эта смѣсь добродѣтели и пороковъ, этотъ ангелъ и дьяволъ, эта любовь и эгоизмъ, эти обломки разныхъ истинъ, чувствъ, заблужденій, разврата, восторженности; эта медаль, на которой, съ одной стороны, Христось, а съ другой—Иуда Искариотскій, называемые Александръ,—какъ далеки они отъ совершенства! Есть много юношей высокихъ, чистыхъ, которые совсѣмъ не меркли. Она найдетъ отзывную пѣснь своему призванію. Ты отдалась бурной жизни моей, и мнѣ жаль тебя. Ты или поведешь меня въ рай, или падешь со мной такъ, какъ пали легіоны ангеловъ, прельщенныхъ красотой Люцифера. Твоя судьба рѣшена. Но ежели она не любила,—о, пусть сохранить ее Богъ отъ изломанной души, которая гложетъ своими зубами свое сердце и упивается своею кровью. Море свѣтло, море обширно; оно зоветъ къ себѣ, прельщаетъ, но пропасть сокрыта подъ зеркальною поверхностью, оно бурей губитъ смѣлый челнъ. А ты говоришь, что я знаю свое достоинство,—правда, знаю, но далеко не увлекаюсь, какъ ты, ибо ты—одна любовь во мнѣ. Посмотри на Витберга. Его жизнь развивалась какою-то древнею поэмой,—нигдѣ ни пятнышка, вездѣ величіе, а я? 24 года—и нажилъ рубцы на душѣ и тѣлѣ, и нажилъ угрызеніе совѣсти.

Благодарю за стихи. Мысли хороши, но стихи кое-гдѣ не хороши: больше извольте, madame, обрабатывать. Прощай, моя утренняя звѣзда. Ее называютъ еще *Гесперъ*—надежда. Прощай!

Твой Александръ.

4 ноября.

Черная хандра моя улеглась! Страсть дѣятельности снова кипить и жжетъ меня. Люди, люди, дайте мнѣ поприще, и болѣе ничего не хочу отъ васъ, дайте извѣдать силу, за что же ей напрасну пропадать въ груди? О, какъ скверна жизнь въ провинціи, какъ здѣсь все сведено на однѣ матеріальныя нужды, на одни матеріальныя удовольствія. Здѣсь нѣтъ умственной дѣятельности; здѣсь нельзя прислушаться, какъ смѣлая мысль пролетитъ ряды и взволнуетъ души и отзывается. Чортъ знаетъ, откуда опять эта страсть дѣятельности! Да, на томъ поприщѣ я сдѣлаюсь достоинъ тебя. Прочь спокойствіе, пилигримъ! Иди снова въ путь и тамъ, въ Сіонѣ божіемъ, отряси прахъ ногъ твоихъ, и тамъ среди пе-

¹⁾ Боборыкина.

сковъ Палестины пошли молитву твоей Дѣвѣ пречистой. Трудъ, трудъ, изнеможеніе и... и слава, наконецъ! А ежели ея не будетъ? Вздоръ! Что же этотъ пламень въ груди, эти мечты, около которыхъ свиваются всѣ элементы души,—насмѣшка, что ли?

Силень былъ ударъ въ мою грудь; я самъ его нанесъ. Вымарай его, вылѣчи, и я опять юноша. Съ восторгомъ обращаю взоръ на Крутицы. Тамъ я былъ чистъ, благороденъ; тамъ я видѣлъ это 9 апрѣля и достоинъ былъ его; а послѣ этого такъ пасть глубоко отвратительно, послѣ 9 апрѣля!

Но Господь простилъ Израила за то, что, имѣя откровеніе, поклонялись змѣѣ въ пустынѣ. И ты простила мнѣ.

Прощай!

Ты просишь статей. Три пошлются въ печать черезъ двѣ недѣли. Прочти со вниманіемъ *Третью встрѣчу*; во *Второй* ты найдешь 9 апрѣля. Когда я очень мраченъ, я всякій разъ вижу тебя во снѣ, и потому благословляю эту мрачность. О, Наташа, Наташа!

◆◆ 1. 26 октября Н. А.—на сообщаетъ, что И. А. Яковлевъ безпрестанно говоритъ о своемъ «Шушкѣ, единственномъ на свѣтѣ» котораго такъ любить губернаторъ, передъ которымъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ всѣ встаютъ; «это его, мнѣ кажется, чрезвычайно утѣшаетъ, онъ нѣсколько разъ рассказывалъ» (стр. 166).

109. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

7 ноября 1836.

Вятка.

Третьяго дня получилъ я, ангель мой, твои письма отъ 12 до 27 октября. Сколько радости, сколько успокоенія принесли мнѣ они! Ты замѣтила грусть и черное моихъ послѣднихъ писемъ. Все отлетѣло, и моя душа тонула въ любви, въ восторгѣ. И пуще всего благодарю тебя за полное описаніе 22 октября. Да, этотъ день пусть займетъ мѣсто между 9 апрѣля и тѣмъ будущимъ, неизвѣстнымъ. ¹ Прибавь еще тотъ день, когда судорожно и бѣшено я тебѣ писалъ о дружбѣ и о любви, когда, проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ чаду, я первый разъ открылъ свою душу послѣ 9 апрѣля и нашелъ въ ней любовь яркую, пламенную,—любовь, указавшую мнѣ путь на небо, замѣнившую мнѣ нравственность, совѣсть, пересоздавшую меня воспоминаніемъ 9 апрѣля и тѣмъ го-

лосомъ ангела, который проникалъ такъ глубоко въ мою измученную грудь при полученіи писемъ отъ тебя. Наташа, ты писала какъ-то давно: «мы не искали другъ друга»; нѣтъ, не искали, но мы и не свершили бы земного назначенія, мы увяли бы безъ другъ друга. Я дошелъ бы до холоднаго разочарованія въ людяхъ и сжегъ бы себя, и сжегъ бы все близкое и, можетъ, погибъ бы, лишаась вѣры въ безсмертіе, а ты—грустнымъ звукомъ, слезою воротилась бы къ Богу—тамъ у Него отстрадать за земную жизнь. Providѣніе устроило иначе.

Другъ мой, *сестра моя* (оставимъ это прелестное названіе— что можетъ лучше выразить гармонію души, какъ не братство?), сестра моя! Ты еще не видала людей, твоя жизнь прошла въ затворничествѣ, поэтому *ты могла* легко идеализировать меня, какъ типъ, сдѣлать изъ меня ангела, ибо я одинъ былъ у тебя передъ глазами. Но не думай, чтобъ я хотѣлъ сказать, что ты ошиблась въ главномъ,—нѣтъ, ты нашла душу родную, равную своей, въ рубцахъ, но столь же направленную туда, какъ и твоя душа, безъ чистоты, но съ раскаяніемъ живымъ. Вотъ для чего я это говорю: я иначе жилъ, я пережилъ много, я встрѣчалъ многихъ; мнѣ увлечься было мудрено, и потому ты вполне должна вѣрить, что нѣтъ между людьми высшаго совершенства, какъ ты; воспитанная горемъ и любовью, ты развилась дивно, чудесно; все, что мечталъ пламенный Шиллеръ, создавая свои небесные идеалы, все въ тебѣ горитъ. Не для того эти слова, чтобы хвалить тебя, но я не могу удержать себя, чтобы не высказать ихъ, ибо ты иногда какъ-то робко становишься возлѣ меня. Наташа, вѣрь: ты выше меня, потому-то ты и облагородила мою душу, потому-то я и люблю тебя такъ безгранично, такъ много, такъ сильно. Въ тебѣ для меня слито все, что выше меня: религія, красота, вѣра, надежда и любовь! Теперь къ твоимъ письмамъ.

Прежде всего, память прелестнаго дня 22 октября пусть посвятится отнынѣ не одной тебѣ. Виножникъ твоего восторга имѣеть на него право. Пусть этотъ день во всю нашу жизнь будетъ днемъ воспоминанія и благодарности Витбергу. Пусть послѣ твоего тоста будетъ его тостъ; пусть середь нашей любви, нашего счастья на-вернется слеза о великомъ страдальцѣ. Я въ восторгѣ отъ твоей мысли, чтобъ я тебя свозилъ въ Вятку къ нему. Эта мысль у меня давно; я свято обѣщалъ себѣ прежде, нежели ты писала; вездѣ наша симпатія вѣрна. Дай Богъ, чтобъ онъ не дожилъ до этого посѣщенія, но, кажется, его страданія не скоро окончатся. Вотъ удѣлъ прекраснаго на землѣ!..

Да, ежели это испытаніе, ежели это униженіе, посланное мнѣ.

отъ Бога, чтобъ смирить меня (Мед.), то цѣль достигнута: я въ глазахъ моихъ преступникъ, еще хуже—обманщикъ, и это пятно я скоблю съ сердца, и оно непрерывно выступаетъ. Всего хуже, что я не имѣлъ твердости сказать ей прямо о тебѣ. 1.000 разъ я былъ готовъ на это и не могъ. Что же за роль теперь моя,— роль этого человѣка, котораго ты называешь совершеннымъ, божественнымъ... Выбора нѣтъ: или убить ее однимъ словомъ, или молчаніемъ и полуобманомъ играть подлую роль, выжидая время. Я рѣшился на послѣднее. Тутъ вполнѣ я наказанъ. Иногда я желалъ бы, чтобъ все это узналъ Витбергъ; онъ на меня смотреть съ такою любовью,—тогда онъ посмотрѣлъ бы съ презрѣніемъ. Пуще казни нѣтъ,—это хуже кнута, но тогда я считалъ бы себя вполнѣ наказаннымъ.

Бываютъ минуты, за которыя я не взялъ бы всѣхъ благъ міра, которыя хуже тяжкой болѣзни. Тогда обыкновенно я сажусь у себя наверху передъ столомъ и дрожу отъ холода, и лицо мое блѣдно, и я не смѣю въ руки взять твоихъ писемъ, ибо я долженъ страдать. Ежели-бъ я не вызвалъ ее на это чувство, ежели-бъ я не столкнулъ ее своею рукой (я не могу тебѣ сказать всѣхъ подробностей, вѣрь на слово)... тогда было бы дѣло другое. Полина замѣтила во мнѣ эти минуты и много разъ спрашивала, что такое? «Вы должны быть такъ счастливы, такъ счастливы!» Я тѣмъ несчастенъ,—отвѣчалъ я ей,—что недостойнъ взора того ангела, который мнѣ отдался, тѣмъ, что я вижу всю ничтожность свою и всю небесность Наташи; тѣмъ, что на моей душѣ лежитъ угрызеніе совѣсти... Довольно...

Витбергъ велѣлъ тебѣ сказать, чтобъ ты свой поцѣлуй перевела на губы съ рукъ, тогда онъ его приметъ. Ежели будешь шить что-либо, постарайся къ 15 января,—это день его рожденія, Но, смотри, что-нибудь очень хорошее, достойное его и тебя. А чтобъ не было затрудненій, я напишу папенькѣ объ этомъ.

Ты забыла, какъ называютъ костюмъ, въ которомъ я на портретѣ, и я расхохотался надъ серьезностью, съ которой *три раза* въ письмѣ просишь напомнить БЕШМЕТЪ. Вотъ зато дивными буквами въ родѣ почерка княгини Марьи Алексѣевны ¹⁾. Ты пишешь, что я *могу* теперь бросить все земное, порочное. Ха, ха, ха, въ томъ-то и дѣло, что *могу*, что *долженъ*, и не дѣлаю этого! Тутъ-то и есть это необъятное разстояніе между человѣкомъ-Александромъ и ангеломъ-Наташей.

Полина въ восторгѣ отъ твоего обѣщанія кольца изъ волосъ.

¹⁾ Хованская.

Пришли и мнѣ браслетъ изъ волосъ. Медальонъ твой часто бываетъ у моихъ губъ.

Ты имѣешь полное право показывать Сашѣ Б. мои письма, но не тѣ, въ которыхъ есть что-либо о Мед., — это тайна между мною и тобою, тутъ третьяго не должно быть.

◆◆ 1. Свой день рожденія Н. А.—на описала въ громадномъ восторженномъ письмѣ, главной темой котораго было получение портрета Герцена, привезеннаго И. А. Яковлевымъ, и впечатлѣнія отъ такого подарка.

110. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

10 ноября (1836).

Я расскажу тебѣ случай, бывший со мною на-дняхъ. Онъ большей части людей покажется ничтожнымъ,—иные улыбнутся, но я пишу тебѣ. А ты такъ совершенно, такъ вполнѣ понимаешь меня, какъ никто, какъ одинъ Ог. Я долго читалъ духовныя книги, много размышлялъ о христіанствѣ, сочиняя статью о *релиіи* и *философіи*. Усталъ; пора было спать. Я многое раскрылъ, написалъ мысли, совершенно новыя и радовался. Безъ всякихъ мыслей раскрываю Эккартсгаузена и попалъ на слѣдующее мѣсто св. писанія: «И бѣси вѣрують и трепещуть». Я содрогнулся! Да, вѣра безъ дѣлъ мертва. Не мышленіе, не изученіе надобно; дѣйствованіе, любовь—вотъ главнѣйшее. Любовь Бога создала слово воплощенное, т. е. весь міръ. Любовь построила весь Христову ¹⁾. И почему мнѣ именно открылось это мѣсто? Случай?—вздоръ! Нѣтъ случая! Это нелѣпость, выдуманная безвѣріемъ. Этотъ текстъ раскрываетъ или, лучше, указываетъ на многое. Я падшій ангелъ, но всему падшему обѣщано искупленіе; ты—путь, черезъ который я долженъ подняться. Судьба тебѣ предназначила великое: и одну погибшую овцу кто воротить, заслуживаетъ царство небесное. И какое счастье исполнить тебя, когда, остановивъ на мнѣ твой взоръ, ты скажешь: онъ гибнулъ, и я спасла его любовью, собою; онъ сгорѣлъ бы, и я его огонь обратила къ небу. Наташа, прелестна твоя судьба! И какъ вѣчна должна быть любовь, возгорѣвшаяся на этомъ основаніи! Повторяю; любовь есть прямая связь Бога съ человѣкомъ.

¹⁾ См. № 106.

Ровно годъ тому назадъ я, истощивъ всѣ глупости и буйства, но не истощивъ души своей, вздохнулъ по высокому назначенію, по тебѣ. Ровно годъ тому назадъ я торжественно окончилъ эту оргію нѣсколькихъ мѣсяцевъ преступленіемъ и, перегорая въ тысячѣ страстей, погубилъ несчастную женщину для того, чтобы найти и тутъ пустоту, чтобы оставить угрызеніе совѣсти и, наконецъ, созвать съ неба ангела хранителя и воскреснуть въ свѣтѣ звѣзды восточной, въ объятіяхъ Наташи. *Ровно годъ* — и все перемѣнилось. Мы выросли. Я не такъ отчетливо понималъ себя. Ты также. Ты сдѣлалась разомъ иная, сказавъ: «люблю тебя, Александръ»; тогда ты развернулась во всей славѣ, во всемъ блескѣ. Я боялся любви, но, наконецъ, написалъ: «Можно ли жить съ моимъ бѣшенствомъ, съ моею душой безъ любви,—стало-быть, любить!» Ты мнѣ отвѣчала отъ 18 ноября 1835 года: «Сначала я читала твое письмо спокойно, а теперь мнѣ страшно за тебя. Нѣтъ, погоди любить, *мой* Александръ»... И мы ужъ тогда любили другъ друга. Слово *мой* все говоритъ. И ты не знала, что любовь, твоя любовь одна спасетъ меня. Ты писала тогда же (отъ 26 нояб. 1835): «Я исчезну, ежели это надобно»,—и, между тѣмъ, уже не имѣла духа подписаться сестрою, а написала *твоя* Наташа. Зачѣмъ не прежде мы открыли наши души? Зачѣмъ??

11 ноября.

Теперь нѣсколько словъ, и только. Вчера былъ на балѣ и грустилъ. Воротился часа въ 4, и теперь голова пуста. Иногда на людяхъ, въ толпѣ я забываюсь и безотчетно отдаюся минутному бѣшенству и веселости. Вчера я сидѣлъ одинъ и сердился на всѣхъ и досадовалъ. Прощай, милый другъ, прощай!

Повѣсть ¹⁾ остановилась: занятія другія есть. Статей своихъ еще не посылаю. На все есть причины. Я не имѣю надежды получить твой портретъ. Можетъ, такъ и надобно, чтобы вся эта полоса была черна для меня и безотраднa. И я это говорю, получая твои письма! Прости, другъ мой. О, твои письма нужнѣ воздуха! Безъ нихъ... нѣтъ, безъ нихъ и представить себѣ жизни не могу. Ты пишешь, что мой портретъ многіе находятъ не похожимъ. Да, въ самомъ дѣлѣ, мой взглядъ не тотъ, который видѣли до іюля 1834. Теперь въ немъ горитъ любовь и отражаются сильныя потрясенія.

Приметь ли мой поклонъ твоя Саша Б.? Право, не надобно видѣть челоуѣка для того, чтобы быть знакомымъ. Ты знакома съ

¹⁾ «Елена».

Полиной и болѣе, гораздо болѣе, нежели съ тѣми, которыхъ видишь часто. Итакъ, ежели приметъ, передай.

Твой здѣсь и *тамъ Александръ.*

111. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

18 ноября (1836).

Наташа! По нынѣшней почтѣ я не писалъ тебѣ. Какая-то пустота, какая-то усталъ наполняла душу во всю недѣлю. Да, хоть бы былъ портретъ твой... Я всю эту недѣлю былъ менѣе способенъ, нежели когда-нибудь, ко всему великому, менѣе ощущалъ любовь,— словомъ, самъ былъ мелѣе. Наташа! усталъ я, очень усталъ! Напрасно думаю я заглушить голосъ души дѣятельностью: онъ прокрадывается наружу и точить сердце. И гдѣ-жъ берегъ? Твердо перенесъ я тогда отказъ, но какъ перенести эту нѣмую разлуку съ тобою? Люди! отдайте мнѣ ее, отданную мнѣ самимъ Богомъ!

Получилъ сегодня твое письмо отъ 31 октября. Зачѣмъ же ты хочешь порвать всѣ нити съ людьми? Любовь однимъ объятіемъ обнимаетъ все, грѣетъ все: и природу и человѣчество, и само Божество. Такой жертвы я не требую. Да, весь міръ твой во мнѣ; ты отдѣльно не существуешь, но развѣ, погружаясь въ мою душу, ты не можешь взять съ собою дружбу? Я для тебя не жертвую друзьями,—я ихъ люблю, какъ прежде, еще болѣе, ибо любовь очистила мою душу. Тогда только должна ты оставить все, когда мой призывный голосъ это скажетъ, и то не перестанешь любить ихъ. Шнурокъ получилъ, благодарю. Я поцѣловалъ его со слезою на глазахъ, намоталъ на руку и задумался... и думалъ долго. ¹

Emilie идетъ въ монастырь. Дай, Господи, ей силы окрѣпнуть! Молитва, религія—онѣ все уврачуютъ! Я ни слова противъ,—пусть идетъ, пусть покинетъ людей, которые не умѣли оцѣнить ея пламенную душу, ея порывистый нравъ. Въ самыхъ страданіяхъ есть своя поэзія, высокая и святая. Вѣра и надежда,—пусть онѣ замѣнятъ ей любовь. ²

23 ноября.

Ангель! Теперь сумерки,—то время, въ которое ты мечтаешь обо мнѣ, и нынче ты, вѣрно, его провела со мною отъ утра ¹⁾. Гости мѣшаютъ писать. Тебѣ не нужно говорить много, не нужно говорить, что, сидя съ толпою, я тамъ, тамъ, въ маленькихъ горни-

¹⁾ День именинъ Герцена.

цахъ княгининаго дома. Весь день провель я грустно и скучно, и даже мнѣ не было пріятно смотрѣть, что почти всѣ съ истинною любовью, съ преданностью пили мое здоровье, ибо въ ихъ то-стахъ была доля состраданія, и я чувствовалъ, что, одинокій, оторванный отъ тебя, этотъ день я достоинъ былъ состраданія.

Сверхъ нашихъ домашнихъ (т. е. здѣшнихъ) ¹⁾ и Полины, есть въ Вяткѣ два человекъ, которые мнѣ преданы такъ искренно, такъ отъ души, что дружба ихъ меня трогаетъ. Это—Эрнъ и учитель гимназіи, Скворцовъ. Ихъ вниманіе, ихъ стараніе, чтобъ я сколько-нибудь былъ веселъ, заставляли меня притворяться беззаботнымъ, но плохо удавалось. Нѣсколько словъ о Скворцовѣ. Отъ природы очень умный человекъ, онъ прозябалъ въ провинціальной жизни, мелкой, пустой, сведенной на матеріальныя требованія. Я бросилъ мысль и чувство въ его душу, и она отвѣтила. Я воротилъ его къ ученымъ занятіямъ, и онъ какъ бы изъ благодарности привязался всѣмъ сердцемъ ко мнѣ, влюбился въ меня. Опять прощай! Цѣлую тебя.

24 ноября.

И даже эта дружба ко мнѣ мнѣ тягостна. Всѣ они ошибаются, всѣ воображаютъ меня лучшимъ, нежели я есть, и это душитъ, терзаетъ. Я смотрю иногда съ ироніей на ихъ заблужденія, и самая острая сторона этой ироніи язвить мою душу, а не ихъ. Въ нихъ настолько осталось натурального, прямого, что они не могутъ подозрѣвать подъ этою блестящею фразой, въ этомъ одушевленномъ взорѣ что-либо дурное. А я знаю себя, знаю, какъ я палъ и падалъ,—не долженъ ли хохотать надъ ними? Но я не обманщикъ, я часто срываю съ себя покрывало, показываю душу въ ранахъ. Ихъ вина, ежели не понимаютъ. Ничто, ничто не можетъ меня вылѣчить отъ этихъ мыслей, кромѣ тебя, а тебя-то и нѣтъ со мною. Иногда мнѣ кажется, что я—анчаръ: это дерево, которое зоветъ усталого путника середь степи, и, когда тотъ бросится подъ тѣнь его, онъ отравленъ. Одна ты изъ яда можешь сдѣлать нектаръ. Боже, возврати же меня скорѣе къ ней! Ты видишь, что я не могу безъ нея ни жить на землѣ, ни прійти на небо.

25 ноября.

Странно, удивительно созданъ человекъ. Я, обремененный, удрученный счастьемъ, грущу. Кончено! Не хочу болѣе ни одного грустнаго звука. Мнѣ ли грустить? Что же дѣлать несчастному, который не нашелъ привѣта въ мірѣ, котораго любовь отвергнута, когда я

¹⁾ Витберги.

буду предаваться грусти? Брани меня, ангель, брани. Я не долженъ грустить, любимый тобою. Горько быть встрѣченнымъ холодомъ реального міра, но я не видалъ этого холода. Во мнѣ есть какая-то сила, какой-то магнетизмъ, вселяющій симпатію, и бѣда только въ томъ, что часто излишняя энергія уноситъ меня за предѣлы. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ вся моя жизнь. Когда же я былъ лишень симпатіи? Никогда; съ ребячества меня избаловали, и въ то время, когда другой благословилъ бы жизнь свою за одну встрѣчу съ человѣкомъ, умѣющимъ чувствовать, я требую болѣе и болѣе, я не могу дышать, дѣйствовать безъ обширной, широкой симпатіи со всѣхъ сторонъ. Это не самолюбіе, это какая-то экспансивность души, которая не можетъ удовлетворить сама себѣ и ищетъ людей, свѣтитъ на нихъ, и лучъ, отраженный, согрѣтый сочувствіемъ, возвращается въ нее, исполненный жизни, любви. Ни одна симпатія не удовлетворяла мнѣ такъ, какъ любовь твоя и Огар. Тутъ предѣлъ: болѣе не можетъ требовать безумная фантазія моя. Доселѣ я въ тебѣ не знаю ни одного малѣйшаго пятнышка. И вся эта чистая, небесная душа предалась одному чувству, и именно въ ней нѣтъ мѣста ничему другому. Ты должна была полюбить меня, несмотря на всѣ недостатки мои, на всѣ пороки. Эта масса волнующихся чувствъ, эта жадность симпатіи, эти требованія, которымъ не человѣкъ, а ангель можетъ удовлетворить, должно было увлечь тебя, ибо за симпатію твою кто могъ бы заплатить?

Прощай. Можетъ, сегодня получу письмо отъ тебя и совсѣмъ отгону мрачныя тучи. Нѣтъ, не доволенъ я письмами своими къ тебѣ. Душа требуетъ сказать гораздо болѣе, — и не могу. Смертельно хочется съ тобою поговорить. Власть слова, живого слова и взгляда, и всего всегда огромна. Мертвая буква никогда не выразитъ всего. И неужели еще нѣтъ берега нашей разлукѣ? И неужели, когда я буду въ Москвѣ, люди намъ будутъ ставить границы и заставлятъ говорить о Насакинѣ, когда мы имѣемъ такъ много разсказать другъ другу о нашей любви, о нашей симпатіи?

Прощай же, ангель!

Твой Александръ.

◆◆ 1. 4 ноября Н. А—на писала: «Ты получишь, ангель мой, шнурочекъ моей работы. Къ 23 я бы ничего не успѣла сдѣлать болѣе. Носи его, хоть въ карманѣ; онъ очень милъ, мнѣ нравится, а для тебя одно въ немъ достоинство—цвѣтъ моихъ волосъ» (стр. 169).

2. Э. М. Аксбергъ продолжала страдать, въ монастырь собиравалась, но не пошла.

112. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

30 ноября (1836).

На-дняхъ сидѣлъ я вечеръ у архіерея. Много говорили о религіи, о католицизмѣ и пр. Наконецъ, онъ завелъ рѣчь о перестройкѣ собора съ Витбергомъ, и я задумался. Вдругъ громко начали бить часы съ курантами. Я осмотрѣлся: старинная зала, едва освѣщенная, мертвая тишина и бой часовъ, особенный, монотонный. И что же вспомнилось мнѣ со всею подробностью? Домъ княжны Анны Борисовны ¹⁾ со всеѣмъ своимъ отжившимъ характеромъ, съ мертвою стоячестью, съ вылинявшимъ штофомъ на стѣнахъ, и середь этого надгробнаго памятника ты,—ребенокъ въ траурѣ, какъ тебя привезли. Ты, чужая, удивленная, что попала въ этотъ кругъ,—дитя, но уже несчастное... Сладко было мечтать. Съ тѣхъ поръ я нѣсколько дней все думаю о ребячествѣ твоёмъ, я воскресилъ всѣ подробности, возстановилъ всѣ частности. Я не могъ бы вспомнить всего одною памятью,—магнетизмъ любви открылъ все прошедшее. Ты писала какъ-то о первой встрѣчѣ со мною у княгини. Я вспомнилъ, какъ я видѣлъ тебя у Александра Алексѣевича, какъ ты показывала мнѣ фортунку. Все, все, слово отъ слова представляется мнѣ отдѣльными картинками, и вездѣ ты—главное лицо, ты—жизнь, ты—свѣтъ. Много страдала ты, много страдаю я; утрутся наши слезы, благословимъ судьбу: ты, можетъ, не была бы моя Наташа, я, можетъ, не былъ бы достоинъ тебя при счастливѣйшихъ обстоятельствахъ. Гоненіе на меня еще не окончилось. Недавно мнѣ опять была большая непріятность. Объ этомъ, впрочемъ, ни мам., никому не говори. Больно, душно, но пусть разомъ ужъ все оборвется, а тамъ за черными годами пусть разомъ свѣтлая полоса. Потребность видѣть тебя превратилась въ болѣзнь. Иногда я въ какомъ-то безсиліи горести бросаюсь на диванъ и кусаю губы. Но не настала, видно, еще минута, въ которую провидѣніе назначило отдать меня тебѣ. «Да мимо идетъ чаша сія, но какъ Ты хочешь»... И при всемъ этомъ я счастливъ чрезвычайно, безмѣрно. Твои письма, отрывки изъ прелестной симфоніи любви, достаточны, чтобы поставить меня выше всѣхъ ударовъ судьбы. Можно ли грустить, будучи такъ любимъ? Таковъ человѣкъ: ему все мало, и когда многіе отдали бы жизнь за одну строку такую, какъ каждая въ твоихъ письмахъ,

¹⁾ Мещерская; домъ, въ которомъ тогда жила Хованская.

у меня, все-таки, не умолкаетъ голосъ, требующій болѣ письма,— твоего взгляда. Взглядъ выражаетъ гораздо болѣ письма! Взглядъ живъ: онъ горитъ, онъ свѣтитъ, онъ самъ беретъ отвѣтъ изъ другого взгляда. Нѣтъ, сколько ни думай, а разлука тяжка, утомительна.

2 декабря.

Прости меня, мой ангелъ. Болѣ писать некогда. Цѣлую, цѣлую и цѣлую тебя, твои ручки.

Александръ.

113. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

5 декабря 1836.
Вятка.

Еще годъ кончается, еще рубцы опыта, рубцы воспоминаній, рубцы думъ, еще не исполненныя надежды, еще вздохъ и улыбка надъ ошибочными мечтами, надъ призраками, созданными фантазіей и убитыми міромъ реальнымъ. И во всемъ этомъ году одна отрада изгнаннику, одно вознагражденіе, одно блаженство—любовь. И она болѣ, нежели замѣна, болѣ, нежели врачеваніе: она ведетъ на небо... зачѣмъ и говорить, чтò она. И, съ другой стороны, черная сторона, царство мрака и низости, опять то же — толпа, люди. О, Боже! сжался надъ этой массой, надъ этой канавой нечистоты, гнусности и пороковъ. Твоя жизнь тебя отстранила отъ людей, слава Богу; зачѣмъ тебѣ ихъ знать? самое *знаніе* тяжело, какъ угрызеніе совѣсти; для тебя я—представитель челоувѣка; съ любовью необъятной, я защищу тебя отъ людей, мною знай ихъ, а не своимъ опытомъ. Но я узналъ ихъ: эти 3 бурные года мнѣ раскрыли многое, я замѣшался въ толпу и, какъ лазутчикъ, высмотрѣлъ ея тайны, ибо она не боялась скрывать ихъ отъ меня, думая, что я принадлежу къ ней. Не хочу я упрека въ несправедливости: и тутъ я встрѣтилъ людей съ душою, но ихъ голосъ молчалъ, гибнулъ, они боялись показать чувство. Я магнетизмомъ, симпатіей заставлялъ ихъ сбросить на минуту маску, одушевиться изящнымъ. А толпа хохочетъ, она не знаетъ изящнаго и мараетъ, какъ уголь, все святое.

Попроси, чтобъ тебѣ достали 16 № «Телескопа», прочти тамъ повѣсть «Красная роза» ¹⁾; ты найдешь въ Біанкѣ знакомое, родное твоей душѣ. Да читала ли ты Шиллерову «Дѣву Орлеанскую», перев.

¹⁾ А. Дюма.

Жуковского? Прочти непременно: и тамъ все твое, высокое, небесное.

Давно не присылали твоихъ писемъ. Досадно. Благодарю за приписку въ папенькиномъ письмѣ. Да, 23-го ноября, именно въ то же время я думалъ о тебѣ, мой ангелъ.—Между именами бывшихъ у насъ ты написала только «Наташа»; въ самомъ дѣлѣ, на что тебѣ было писать болѣе: тебя я узналъ бы по одной буквѣ, по одной черточкѣ. И на что тебѣ было писать болѣе имени,—фамилію припишу я, и я же заставлю уважать ее. У насъ съ тобою нѣтъ прошедшаго, нами должно начаться новое существованіе,—на насъ не падаютъ пятна прошлыхъ поколѣній; мы чисты и сами дадимъ значеніе себѣ. Прощай, ты получишь на-дняхъ маленькую статейку, воспоминаніе о Перми,—напиши свое мнѣніе. Цѣлую тебя много, много.

Теперь я лежалъ на диванѣ долго и перечитывалъ твои письма; съ нѣкотораго времени я чаще прежняго ихъ читаю, и всегда, когда окончу чтеніе, душа чище, взоръ чище, и я готовъ броситься на колѣни и молиться Тому, Который далъ мнѣ ангела. Перечитавъ письма отъ 1835, я съ трепетомъ и благоговѣніемъ взялся за 1836, какъ жрецы храма іудейскаго брались за священныя книги откровенія. Въ тѣхъ письмахъ любовь покрыта завѣсою, *она—тайна*; съ началомъ новаго года эта тайна объясняется. 2 января 1836 ты первый разъ замѣнила слово «дружба» «любовью», въ первый разъ, какъ бы борясь съ моею пламенностью, увлеклась и вмѣстѣ сказала и себѣ, и мнѣ: «Я люблю Александра». О, какъ полны воспоминаній яркихъ протекшіе годы! мы не тщетно жили, мы все извѣдали; пора отдыха пришла, чтобъ заpastись новыми силами, пора склонить мою измученную голову на твою измученную грудь, пора моему взору исчезнуть въ твоемъ взорѣ, пора прильнуть устами страдальца къ устамъ ангела, и пора ангелу смести пятна и пыль съ души его.

Завтра именины Огарева. Ахъ, какъ мы съ нимъ разрознены! Что-то онъ?.. Хоть бы одно свиданье, хоть бы одно письмо въ 3 мѣсяца. И сколько мнѣ ему сказать надобно,—я пересоздался съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались... а когда увидимся?

При этомъ письмѣ приложилъ я прелестные стихи Гюго, чрезвычайно хорошіе,—надѣюсь, по моей рекомендаціи,—и Вамъ, Милостивая Государыня, понравятся.

9 декабря.

Вчера вечеромъ получилъ твои письма отъ 7 до 25 ноября. Сначала принесли только одно письмо отъ папеньки, а я ждалъ

непремѣнно отъ тебя. Кровь бросилась мнѣ въ голову, я былъ болѣе, нежели раздосадованъ, и тѣмъ съ большимъ восторгомъ минутъ черезъ пять получилъ твой пакетъ. — Отвѣчать сегодня не буду, а со слѣдующей почтой; нѣкоторыя мѣста твоего письма обдали меня холодомъ и негодованіемъ, но твоя любовь все загладила, я не могу сердиться на тебя. Ты не хочешь понять то, что я писалъ въ моихъ прошлыхъ письмахъ. Тутъ нѣтъ ни униженія, ни гордости. Въ моей душѣ есть элементы высокіе, святыя, исполненные поэзіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ страсти низкія, и я скорѣе согласенъ имѣть ихъ, нежели быть однимъ изъ рядовыхъ людей. Ты смотришь непрерывно на одну хорошую сторону, и я не отрицаю ея, но знай же и дурную. Ежели-бъ тебѣ сказали, что *кто-то* обманулъ женщину, увлекъ ее, лишилъ спокойствія, несчастную сдѣлалъ еще несчастнѣе,—что сказала бы ты... узнавши, что этотъ *кто-то* я? Ты изыскиваешь средства оправдывать меня; лучше бы было, ежели бы ты осыпала меня упреками. Но нѣкоторыя выраженія твоего письма даже жестоки, — этого я не заслужилъ; для чего ты говоришь теперь, что исчезнешь для моей пользы и пр., когда знаешь, что я не могу жить безъ твоей любви? ¹ Буду писать пространно обо всемъ. Теперь скажу только, что страннаго находишь ты въ томъ, что я образовалъ твою душу, а теперь ты ведешь меня?—эта мысль такъ проста, такъ ясна... Какъ будто ученики всегда ниже учителя. Рафаэля училъ же живописи кто-нибудь, Іоаннъ крестилъ Іисуса и сказалъ, что недостойнъ перевязать ремень его сандаліи.

И съ чего ты взяла, что я холоденъ къ Огареву? Прощай, будь весела, будь спокойна, я не такъ мраченъ, я опять весь святъ твоею любовью. Прощай, цѣлую тебя, цѣлую твой локонъ. Слышала ли ты, что «Легенда» попала въ чужія и пречужія руки?

Твой Александръ.

◆◆ 1. 17 ноября Н. А.—на писала: «Ты говоришь, что я увлекаюсь въ тебѣ, а я чувствую, что я далека отъ того, что ты видишь во мнѣ. Ты съ 13 лѣтъ моей жизни велъ меня въ рай, какъ Богъ, ведшіи израильтянъ въ обѣтованную землю въ видѣ облачномъ, а ты же называешь себя тучею... Говорю, мнѣ легче бѣ, если бы ты находилъ во мнѣ болѣе дурного, нежели въ себѣ, легче, если бы ты забылъ меня, находя мою высоту недостойной твоей высоты. Это все сносно, нежели слышать, что ты называешь себя недостойнымъ *меня*. Ну, какъ не быть въ тебѣ твердости покинуть землю и ея нечистоту, какъ не сдѣлаться тебѣ ангеломъ, когда другихъ ты дѣлаешь ангеломъ, какъ не взойти тебѣ на небо, когда

ты приводишь туда другихъ? Какъ не сдѣлаться тебѣ, Александръ, изящнымъ совершенно, когда ты видишь столько изящества въ своемъ созданиі? Горько, тяжело мнѣ; ты навелъ на меня ужасную тоску. Но, послушай, разсмотри хорошенько, Александръ, ради Бога, умоляю тебя, прошу на колѣняхъ, ангелъ мой (не напугайся того, что я скажу тебѣ), разсмотри, Александръ: быть можетъ, очень можетъ быть, причиною всему этому я. 9 апрѣля я *показалась* тебѣ существомъ чистымъ, небеснымъ; тогда ты былъ угнетенъ, тогда ты не видалъ никого, лучше меня, но теперь, можетъ, видишь несовершенную мечту, изломанный идеаль,—словомъ, ничтожность, и эта-то ничтожность низвела тебя съ твоей высоты, и ты приблизился къ землѣ и полюбилъ ее, и она завлекла тебя, сковала, и въ тебѣ нѣтъ силъ взлетѣть на прежнее мѣсто, и это-то, можетъ, тебя терзаетъ, мучить. Ради Бога, не сердись на меня, не упрекай прежде, нежели размотришь все это. Посвяти на это день, недѣлю, мѣсяцъ (хоть годъ,—вѣдь, тутъ твое спасеніе) и, если слова мои истинны, т. е. ежели ты увидишь, что я удерживала твое стремленіе, я не пускала тебя на ту высоту, куда указываетъ христіанство, увидишь, что я запылила твою душу,—брось, забудь Наташу и уже не ищи на землѣ исполненія надеждъ, воплощенія ангела, не ищи любви. Тамъ, тамъ обрѣтешь ты твоего ангела, твою звѣзду, тамъ твоя любовь, тамъ все. А я исчезну (какъ говорила и прежде) и тебѣ не будетъ преграды итти туда! Мнѣ теперь ужасно тяжело! Прости мнѣ все, что я сказала тебѣ, ангелъ мой. Сердце сжато, сдавлено» (стр. 179—180, 181).

114. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

10 декабря 1836.

Вятка.

Я тебѣ обѣщаль отвѣтъ, и вотъ начало его. Нѣтъ, ты не хотѣла вникнуть въ глубокое страданье моей души; я писалъ въ минуты грусти и униженія, но голосъ былъ вѣренъ, я не лгалъ на себя. Я понимаю свою силу, свои достоинства и понимаю, что съ ними я *могъ бы*, я *долженъ бы былъ* быть гораздо выше; но еще къ собственной силѣ прибавилась сила небесная, опора священная—твоя любовь.—И я палъ! Какъ же ничтожна моя твердость! Это правда, я тотчасъ образумился,—но *не я*, а любовь твоя сдѣлала это, клянусь тебѣ, а ты говоришь, что свела меня на землю, и Богъ знаетъ, что за выраженія въ твоемъ послѣднемъ письмѣ!—

ты, не жалѣя меня, писала ихъ. Но я не сержусь,—вотъ тебѣ рука моя, и это—заслуженное наказаніе: всѣми этими ударами я искупаю себя... Я требую справедливости, Наташа, справедливости, и болѣе ничего. Я тебѣ говорю, проникнутый любовью и восторгомъ: ты высока, ты ангель; я готовъ запечатлѣть эти слова кровью и душой, и вѣчностью. Ты отвергаешь ихъ и отчасти изъ самолюбія (прости мнѣ) подчиняешь себя мнѣ для того, чтобъ придать еще болѣе своему избранному, и требуешь, чтобъ я согласился, чтобъ я ни слова противъ этого. Я тебѣ говорю: вотъ моя душа, сломанная и запятнанная, но она сильна любовью къ тебѣ; вотъ преступленіе, которое оставило на ней слѣдъ, а ты отвѣчаешь: все это вздоръ, я не хочу, чтобъ на твоей душѣ были пятна и, слѣдственно, отбрось угрызенія совѣсти и считай себя за серафима. Разсуди, гдѣ тутъ справедливость. Твоя гордость не хочетъ согласиться, что на мнѣ могутъ быть пятна, ибо согласиться съ этимъ—согласиться со своей ошибкой; чтобъ доказать тебѣ это, я сошлюсь на то мѣсто твоего письма, гдѣ ты меня увѣряешь, что поступокъ съ М. потому не преступленіе, что, можетъ, провидѣніе нарочно такъ устроило. На это отвѣтъ скорь. Можетъ, но вспомни Евангеліе,—тамъ сказано: по описанію пророковъ, Сыну Человѣческому *назначено* быть предану, «но горе тому, кто его предасть, лучше-бъ не родиться ему».—Гдѣ въ моихъ письмахъ ты находишь униженіе? Я тебѣ говорю: веди меня, и повторяю еще сто разъ: веди,—не къ славѣ, не къ дѣятельности, не къ поприщу,—туда найду я самъ дорогу, ежели она только проложена для меня, нѣтъ,—дѣло о небѣ, дѣло о той святой обители чистыхъ душъ, куда я самъ не попаду безъ тебя, на которую я даже не обращалъ вниманія прежде любви къ тебѣ. Съ 13 лѣтъ, говоришь ты, вель я тебя въ обѣтованную землю,—но знаешь ли, что Моисей, который вель израильтянъ, умеръ въ пустынѣ, ибо былъ недостоинъ взойти туда,—однако, вель; итакъ, тотъ, кто ведетъ, не всегда выше того, котораго ведетъ. Наконецъ, ты говоришь: «можетъ, причиною всему этому я». Да, безъ всякаго сомнѣнія, ты: не будь тебя,—никогда свѣтлыя, высокія мысли нравственности не посѣтили бы моей души. Чего же ты испугалась этого? Я тебѣ писалъ: самолюбіе и гордость—вотъ были основы моей жизни до любви, а отъ этихъ мертвыхъ земныхъ началъ мудрено было дойти до идеи нравственной. Ты, ты, ангель, причиною тому, что я не могу выносить пятна на душѣ.

Благодарю за совѣтъ обдумать, не *показалось* ли мнѣ, что ты мой идеаль, не ошибся ли я въ тебѣ, и на это посвятить хоть годъ. Благодарю! Но воспользоваться совѣтомъ не могу. Идея любви есть идея жизни во мнѣ; совершенно возвратиться я не могу, я

твой,—не могу; даже лишеніе жизни, не знаю, представило ли бы возможность итти назадъ и холодно разобрать, ты ли идеаль мой, или мнѣ *показалось*. Ежели бы я могъ до того холодно любить, чтобъ дѣлать цѣлый годъ счеты о достоинствахъ твоихъ, ты не была-бъ мой идеаль, тогда я былъ бы ничтожный человекъ и никогда не могъ бы ни подняться до тебя, ни быть любимымъ тобою. И я говорилъ тебѣ много разъ, что ты меня идеализуешь, но никогда не говорилъ: «иди назадъ, оставь меня». Я не могъ этого сказать, ибо знаю, что ты не можешь уже воротиться. Я тебѣ говорилъ: вотъ душа моя, въ ней море огня, въ ней моря энергіи, любви и поэзіи для тебя, но есть въ ней и пропасти, есть въ ней и черное,—знай это впередъ и не удивись, что увидишь эти привидѣнія послѣ. Наташа! Наташа! Горе было бы тому, кто осмѣлился бы мою любовь назвать *показавшеюся мечтою*, горе ему... Одной тебѣ прощаю я все, даже это... И желанье смерти явилось у тебя вслѣдъ за совѣтомъ. Трудень крестъ, который ты взяла, отдавшись мнѣ, и ты говоришь, едва испытавъ его тягость: лучше умереть и бросить, покинуть Александра его участи, его бурнымъ страстямъ, и людямъ, и толпѣ!...

Ну, довольно объ этомъ. Будь увѣрена, ангель мой, что ни тѣни неудовольствія, ни тѣни досады не осталось у меня. Ты, все-таки, останешься моя путеводная звѣзда, моя награда за всѣ страданія, моя святая, мое божество. О, Наташа! сколько принесла ты мнѣ съ своей любовью, это видитъ одинъ Богъ... Правда, разлука разливаетъ что-то мрачное по моей душѣ, я утомленъ, но ты требуешь твердости. Конечно, сдѣлаю все, но, если иногда звукъ грусти и печали вырвется изъ души и невольно дойдетъ до тебя въ письмѣ, вздохни вмѣстѣ и вспомни, что и твой Александръ — человекъ.

Прощай. Поцѣлуй любви, пламенный, долгій и чистый, какъ небо, посылаю тебѣ.

11 декабря.

Ты пишешь, что ты—лампадка, зажженная передъ моимъ образомъ. Я всегда дивился глубокой поэзіи твоихъ мыслей, — и это такъ же прелестно, какъ солнце и звѣздочка, и еще вѣрнѣе. Икона святая, но она не имѣетъ свѣта. Лампадка для иконы — меньше, нежели икона, но она-то освѣщаетъ ее, она-то сноситъ свѣтъ, — небесное земному, тѣлесному веществу иконы. Ты поэтъ, ангель мой, и любовь научила тебя этимъ пѣснопѣніямъ, исполненнымъ истины и глубины, которыя раздаются на каждой строкѣ твоихъ писемъ.

Ты мечтаешь о югѣ, — я тебѣ покажу благодатную землю и яхонтовое небо Италіи. Наша жизнь не пойдетъ тащиться скучно и вседневно, нѣтъ, я осуществлю жизнь полную, артистическую, жизнь совсѣмъ на другихъ основаніяхъ. Пришлю тебѣ на память итальянскія картинки, — можетъ, по этой тяжелой почтѣ.

115. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

12 декабря 1836 г.
Вятка.

Эти грустныя минуты нѣмой боли, которыя ты такъ не любишь въ моихъ письмахъ, — онѣ бываютъ у меня приливами. Минувало нѣскольکو дней, и я успокаиваюсь, могу заниматься, думать, читать; но когда злой демонъ опять начнетъ кричать, я бросаю все и предаюся мрачной фантазіи; иногда самый ничтожный случай, едва холодное дыханіе людей, малѣйшій упрекъ разрушаютъ твердость, которая, какъ осенній ледъ, можетъ держаться до перваго толчка.

Знаешь ли, чѣмъ я теперь занимаюсь усердно и отъ души? Я досталъ огромное сочиненіе Вибикинга ¹⁾ объ архитектурѣ и перебираю эти памятники, отвердившіе жизнь народовъ... Многомыслъ родилось, всѣ сообщу тебѣ, когда будемъ вмѣстѣ. Пока мѣстъ перечитай съ величайшимъ вниманіемъ въ «Notre-Dame de Paris» двѣ главы (кажется, въ третьемъ т. ²⁾) — «Abbas beati Martini» ³⁾ и «Ceci tuera cela» ⁴⁾. Непремѣнно прочти, хоть 5 разъ, покуда вполне понятна будетъ эта мысль... Тамъ ты узнаешь, что эти каменные массы живы, говорятъ, передаютъ тайны. Какъ пламенно жду я времени, когда я тебѣ буду отдавать отчетъ въ суммѣ, въ итогѣ всѣхъ этихъ занятій отъ школы до ссылки, всѣхъ страданій, сомнѣній, мыслей, фантазій, опытовъ! Трудно мнѣ было доходить, — тебѣ отдамъ я готовое. Ты вполне поймешь меня, это я знаю: отрывки изъ твоихъ писемъ иногда такъ сливаются съ моими мыслями, что нѣтъ между ними и черты раздѣляющей. Скорѣй, скорѣй приходи, эта полная жизнь!

¹⁾ Извѣстный мюнхенскій инженеръ.

²⁾ Томъ I, книга 5.

³⁾ «Аббатство блаженнаго Мартина».

⁴⁾ «То будетъ убито этимъ».

13 декабря.

Еще о томъ мѣстѣ въ «Notre-Dame»; я знаю, что изъ 1.000 женщинъ читавшихъ 999 пропустили именно эти главы или не обратили никакого вниманія,—для того-то ты и должна ихъ прочесть, ибо ты болѣе, выше этихъ женщинъ. Какъ я приѣду въ Москву, я тотчасъ начну брать всѣ мѣры для нашего соединенія; мы должны быть вмѣстѣ, для того, чтобъ развитіе наше было полно... Хотѣлъ писать много, но Эрнъ приѣхалъ. Addio!!

15 декабря.

Ты получишь по этой же почтѣ официальную приписку въ княгининѣ письмѣ; я съ намѣреніемъ назвалъ тебя Наташей въ немъ,—желаю знать, какъ это примется ими.

16 декабря.

Собирался писать сегодня къ Emilie—и опоздалъ. Часто, очень часто думаю я объ ней; иногда мнѣ приходитъ въ голову, что и самый монастырь есть слабость. Пусть она откровенно, съ довѣренностью предается провидѣнію: ежели Сатинъ не былъ назначенъ ей, то развѣ не слѣдуетъ покориться персту божію? Трудно, очень трудно, но тѣмъ выше будетъ душа. Ты много разъ писала, что тебя мучить, что всѣ, одаренные душою высокой, пламенной, несчастны. Не ихъ эта земля, они со своей душой—гости другого края; имъ незнакомы обычаи и жизнь земли, на ней дома—толпа; но кто же изъ нихъ согласится промѣнять свои несчастія на безцвѣтное счастье толпы? Для нихъ есть другой міръ; онъ еще здѣсь начинается, это—тотъ міръ, куда летитъ звукъ арфы, подымается обелискъ, а для толпы ничего нѣтъ, кромѣ столовой и спальни.

А горько видѣть эти страданья, сердце обливается кровью, и тѣмъ досаднѣе, что толпѣ ихъ не растолкуешь, что она даже не платитъ участіемъ. Сколько слезъ чистыхъ, но жгучихъ, льется въ тиши и уничтожаетъ жизнь, коихъ обнаруженіе произвело бы не болѣе, какъ смѣхъ. Полина ¹⁾ по всѣмъ правамъ занимаетъ мѣсто въ числѣ этихъ существъ, которыя какъ-бы ненарочно или случайно попали совсѣмъ не въ тотъ кругъ, въ которомъ быть должны. Изъ искреннѣйшей, чистой дружбы приѣхала она сюда съ женою аптекаря, и куда же попала? въ Вятку. Ты не знаешь, что такое дальняя страна,—тамъ всѣ нечистыя, дикія страсти, всѣ образы

¹⁾ Тромпетерь.

обольщеній, гнусностей на волѣ, и аптекарь, подлый дуракъ, навѣрное не защититъ ее, ежели обидятъ. Но я не могу разказать всего; при свиданьѣ и со слезами будешь ты слушать ея мрачную повѣсть. Но никогда не падеть она, — душа у ней высока и прелестна. *Говорятъ*, будто она очень равнодушна ко мнѣ, — ужасно, ежели-бъ это было правда; но тутъ съ моей стороны не было ничего сдѣлано, я не виноватъ; впрочемъ, я не вѣрю; разумѣется, ей и не должно быть равнодушной къ одному человѣку, который беретъ такое искреннее участіе въ ней и готовъ многое сдѣлать. Прощай, Витбергъ тебѣ кланяется, я цѣлую, цѣлую. Прощай же ангель.

Твой Александръ.

116. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

23 декабря 1836.

Наташа, ангель, прелестное существо! Итакъ, ты начала уже страдать отъ меня, — я это предвидѣлъ, я это предсказывалъ, но иначе угодно было провидѣнью: твоя жизнь навсегда влита въ мою жизнь, влекись же бѣшеной фантазіей со мною... Куда? все равно, лишь бы со мною. Твои послѣднія письма отъ 9 дек. наполнили меня грустью, даже томностью. Въ нихъ видно глубокое страданье, и я причиной ему, съ моей безумной фантазіей, съ моимъ эгоизмомъ, словомъ, съ моей душою. О, Наташа, Бога ради, не повторяй, что мнѣ мало тебя, Бога ради! Нѣтъ, нѣтъ, твоя любовь, твоя душа показала мнѣ, что и здѣсь на землѣ могутъ осуществляться идеалы поэта. Не повторяй же, Наташа. И ты говоришь обо мнѣ, какъ будто я не понимаю твоей любви. Люблю, люблю тебя всей этой энергіей моего характера и никого бы не могъ такъ любить... только не говори этихъ словъ. Оставь мою грусть, она проходить. Что дѣлать, — ровнаго, гармоническаго счастья мнѣ не дано, но ты, ты счастлива, какъ ангель. О, ежели-бъ я могъ однимъ объятіемъ — я высказалъ бы тебѣ все: и безграничное блаженство мое, и грусть, все, все, тогда только поймешь ты, что ты мнѣ. Я готовъ плакать теперь, а я твердъ; готовъ цѣловать край твоей одежды, только успокойся, будь весела; я хочу, чтобъ ты лѣчила мою больную душу, а ты заражаешься ею... Зачѣмъ ты говоришь мнѣ о моемъ блаженствѣ? будто я не знаю, что нашелъ я въ этой душѣ прелестной, въ твоей душѣ!

Почему ты не такъ грустишь,—спрашиваешь ты; да развѣ есть на тебѣ пятна? Развѣ ты не можешь понять, какъ меня долженъ терзать проклятый поступокъ съ М... Ты и я. Опять скажешь, зачѣмъ я тебя высоко поставилъ. Да не я ставилъ,—Богъ. Ежели-бъ я такъ ослѣпленъ былъ собою, что не видѣлъ бы, на какой *высотѣ* я могъ бы быть и гдѣ теперь... Читала-ли ты у Жуковского *Абадонну*:

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона,
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ, серафимъ Абадонна; печальной
Мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ.

.
. онъ вспомнилъ

Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ другъ Абділа...

Ты, Наташа,—мой Абдіилъ, мой ангелъ-хранитель, и тебя-то я мучу. Еще зачѣмъ ты безпрестанно хвалишь меня? Знаешь ли ты, что я ужасно самолюбивъ и гордъ: хвалить меня,—это дикому звѣрю показывать пурпурную ткань, это напоминать ему цвѣтъ крови.... Ты молишь Бога, чтобъ онъ далъ мнѣ созданье, лучше тебя... Погоди, да возьму ли я у Него? Отнять тебя матеріально здѣсь, это можетъ провидѣнье, дать другую не въ Его силахъ. Или ты, или мнѣ не нуженъ никто здѣсь, и опять ты же—тамъ. Останови же свою молитву,—ты ею обидишь провидѣнье. Душно! душно! Оставь, искорени эту несчастную мысль, что мнѣ мало твоей души. Да послѣ этого ты, право, не вполне вѣришь въ мою любовь.—И что-жъ собственно дурного въ моей грусти? Въ безумной веселости человѣкъ тратитъ свою душу, въ грусти онъ возвышается: въ грусти—поэзія, а въ веселости—смѣхъ.

Ты спрашиваешь, утѣшитъ ли меня твой поцѣлуй—твой поцѣлуй *ты спрашиваешь?* Ха, ха, ха... вотъ забавная мысль пришла въ голову (начинаю быть веселымъ); погоди, дай смыть съ губъ тѣ нечистые поцѣлуи сладострастья, которыми онъ запятнаны съ самой юности,—ты замараешь свои уста. Можетъ, странно тебѣ, что я говорю подобныя вещи прямо тебѣ; да, этого не скажетъ влюбленный юноша съ розовыми ланитами, съ розовой душой, съ розовымъ умомъ своей Юліи, Минѣ, Альсинѣ—такой же дѣвѣ. Но я и ты,—у насъ другое отношенье: вспомнимъ нашу силу. Моя душа давно потеряла запахъ розы, мои щеки давно блѣдны,—съ 14 лѣтъ ломали меня мысль и чувство. И оттого-то моя грусть, что я хотѣлъ бы тебѣ, божественная, принести себя божественнаго. Ты говоришь: довольно для тебя. Но для меня недовольно то, что я тебѣ даю собою.

Кто будетъ рисовать твой портретъ? Ежели челоуѣкъ, который не удивляется тебѣ, не любитъ тебя, не можетъ понимать—не надобно. Рафаэль, этотъ Рафаэль, котораго называютъ божественнымъ, осмѣлился Мадоннѣ дать лицо Форнарины, своей любовницы, а Италия молилась, удивлялась. Ну, вы, господа съ кистью, вотъ вамъ Наташа, это—ангелъ, это ужъ не женщина, съ которой стерта божественная печать нечистыми объятіями: нѣтъ, она такова, какъ была до рожденья въ раю,—да гдѣ этимъ дуракамъ прійти въ голову изобразить Богоматерь, какъ она была; имъ довольно представить женщину и ребенка.—Твой портретъ! Что-жъ, скоро ли я прижму къ сердцу своему, хоть портретъ. ¹

Я, кажется, понялъ мысль, которую ты называешь святою, несбыточною,—да, понялъ ее. Эта мысль мелькала у меня,—все-таки, симпатія наша превосходитъ все на свѣтѣ. Я понимаю тебя, однакоже, напиши мысль свою, можетъ, я ошибся. *Ангелу не хочется быть челоуѣкомъ*, ему низко, тѣсно, удушливо въ этой темницѣ. И чтобъ мнѣ всѣ утѣшенія находить не въ тебѣ одной!.. Ты—моя поэзія, ты именно все, что осталось чистаго и непорочнаго въ душѣ моей.

Получаешь ли ты аккуратно мои письма? я пишу почти всякую почту, а ты отъ 9 декабря отвѣчаешь на письмо отъ 18 ноября.

Ну, прощай, до будущаго года не пошлю письма. Вѣрь же, что твоя любовь принесла мнѣ болѣе, нежели сколько я надѣялся. Вѣрь, что въ тебѣ нашелъ я все, чего искала душа. Дай Богъ, чтобъ скорѣй ты все увидѣла на опытѣ.

Твой Александръ.

Я продолжаю непрерывно заниматься архитектурой. Путешествовать, путешествовать непременно! Emilie дружескій, сердечный поклонъ... А, вѣдь, въ монастырѣ будетъ скучно. Ежели Mademoiselle Alexandrine 1-ая ¹⁾ приметъ мой поклонъ, передай и увѣрь, что я совсѣмъ не страшень. Некогда!

Addio.

◆◆ 1. 4 декабря Н. А.—на писала: «Вотъ потерпи немного; прійдетъ Эмилиа, выпроситъ у княгини *для себя* списать портретъ и пошлетъ тебѣ; это возможно и сбыточно, какъ нельзя больше» (стр. 189).

¹⁾ Боборыкина.

117. Отдѣльные замѣчанія о русскомъ законодательствѣ.

1. Въ гражданскомъ обществѣ (*dans le fait social*) прогрессивное начало есть правительство, а не народъ. Правительство есть формула движенія (*du progrès*)¹⁾; выраженіе идеи общества, форма его историческая, фактъ непреложный. Нигдѣ правительство не остановилось настолько передъ народомъ, какъ въ Россіи; можетъ, отъ этого оно не всегда было исторически справедливо, не всегда послѣдовательно. Прежде юрисконсультовъ у насъ явились учрежденія съ самыми дробными приложеніями, но зато не всѣ они своевременны и умѣстны.

Сводъ императора Николая—огромнѣйшій юридическій фактъ; онъ остановилъ жизнь юридическую Россіи и, показавъ все совершенное ею, все, что сдѣлало правительство, показавъ, труды индивидуальные должны теперь облегчить труды правительства.

Возраженія Савиньи противъ германской кодификаціи не идутъ. Сводъ не токмо не ограничилъ, но далъ правильную форму прогрессивному началу законодательства.

Есть ли естественный переходъ отъ «Уложенія» къ законамъ Петра Великаго?

Есть ли и насколько національная сторона вновь выходившихъ узаконеніяхъ отъ Петра до Свода?

Какіе національные элементы перешли изъ Судебника, Уложенія черезъ все царствованіе дома Романовыхъ до Свода? Какіе исключились?

Глубокія изысканія токмо могутъ разрѣшить эти вопросы.

Характеръ законодательства имп. Екатерины II—философскій, въ смыслѣ филантропіи XVIII вѣка—проникнуть важнѣйшими идеями для быта гражданскаго. Характеръ законод. Павла—рыцарскій и, можетъ, не-вовсе своевременный. Характ. законод. Александра сбивается во многомъ на начальный характеръ постановленій *de l'Assemblée nationale*²⁾ и вообще политическаго ученія *des garanties*³⁾.

Въ законахъ Екатерины есть что-то женское, исполненное любви, что-то напоминающее патріархальную Германію. У Александра много Франціи (учрежд. министерствъ).

¹⁾ Прогресса.

²⁾ Національное собраніе во Франціи.

³⁾ О гарантіяхъ.

Въ законахъ императора Николая виденъ характеръ положительности, котораго недоставало прежде,—характеръ внутренней силы государства, чувствующаго всю мощность свою.

У насъ не было системы, послѣдовательности принятія европеизма. Россія воспитана такъ же, какъ мы, ибо революція Петра была матеріальная.

Въ европейскую эпоху нашего законодательства, при самыхъ начальныхъ трудахъ являются два элемента, блестящимъ образомъ развитые импер. Екатериной II. Эти два элемента—лучшее доказательство, насколько правительство стояло выше народа и насколько оно хотѣло поднять его. Я говорю о коллегіальномъ началѣ и о выборахъ. Одна власть исполнительная ввѣрялась лицу; власть судебная и законодательная (въ назначенныхъ предѣлахъ) всегда ввѣрялись мѣсту, а не лицу. Совѣтникъ всегда имѣлъ право подать голосъ, перенести дѣло въ высшую инстанцію; эта высшая опять составляется изъ нѣсколькихъ лицъ, и ежели снова возникнетъ разногласіе, то рѣшеніе вопроса можетъ быть или большинствомъ голосовъ, или же восходить на высочайшее разсмотрѣніе, т. е. къ источнику законодательной власти. Его рѣшеніе не имѣетъ и апелляціи. Такъ и быть должно. Изъ уваженія къ самому народу такъ быть должно: воля царя самодержавнаго есть воля самого народа, его рѣшеніе имѣетъ святость; эту мысль очень хорошо развили въ восточныхъ законодательствахъ.

Итакъ, съ одной стороны коллегіальное начало и, слѣдственно, большинство голосовъ, съ другой — выборы и, слѣдственно, прямое вліяніе массы, или, лучше сказать, дворянства въ дѣлахъ судебныхъ, ибо представители во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ. Довѣренность правительства была такъ невелика, что не токмо судебную власть, но и исполнительную вручило оно отчасти людямъ выбраннымъ, а не назначеннымъ, оставя себѣ главный надзоръ, т. е. губернаторъ, губернское правленіе, городничій, ... а, такъ сказать, *прямые* исполнители: земскій исправникъ, засѣдат. etc.—избранные. Еще больше. Устройство муниципальное само въ себѣ весьма хорошо: не говоря уже о купцахъ, мѣщане и цеховые имѣютъ всѣ нужныя гарантіи. Они сами дѣлаютъ раскладку городскихъ сборовъ, сами распоряжаются суммами, судятъ своимъ судомъ свои дѣла (магистраты, ратуши, словесный, сиротскій судъ, наконецъ, ком. судъ). Но и въ тѣхъ дѣлахъ, когда они судимы гражданскимъ судомъ или уголовнымъ, голосъ остается въ засѣдателѣ, въ депутатѣ.

Основанія муниципальнаго права выборовъ и коллегіальныя учрежденія такъ обширны, что другія страны долгой юридической жизнью своей не достигли ихъ. Можетъ быть, всего менѣе обра-

щено было вниманіе до сихъ поръ на каз. крестьянъ. Но элементъ выбора и большинство голосовъ уже есть въ волостномъ правленіи; даже, сверхъ полицейскаго надзора и нѣкотораго участія въ раскладкѣ земскихъ и натуральныхъ повинностей, право составленія приговоровъ довольно велико. Но недостатокъ учреждений по этой части—уже въ виду правительства и отъ мин. госуд. имущ. надлежитъ ждать ихъ. Удѣльное имѣніе въ маломъ видѣ показываетъ планы правительства. Впрочемъ, крестьяне въ другихъ странахъ точно такъ же hors la loi ¹⁾, какъ выходящіе изъ электоральнаго ценза (кромѣ Швеціи). Замѣтитъ необходимо, у насъ ценза нѣтъ: право, данное сословію, независимо отъ его состоянія, и въ нѣкоторомъ смыслѣ цензъ имѣетъ жизнь въ нашемъ законодательствѣ только въ переходѣ изъ мѣщ. въ куп., изъ гильдіи въ гильдію и, наконецъ, въ почетное гражданство.

Наше законодательство принимаетъ владѣніе за фактъ и только въ этомъ смыслѣ охраняетъ его; лучшее доказательство — это десятилѣтняя давность, безспорное межеваніе ²⁾...

Взгляните, какая обширная база лежитъ подъ Сводомъ. Россія и Америка—двѣ страны, которыя поведутъ далѣе юридическую жизнь человѣчества. Россія—какъ высшее развитіе самодержавія на народныхъ основаніяхъ, и Америка—какъ высшее развитіе демократіи на монархическихъ основаніяхъ.

Вотъ что, кажется мнѣ, останавливаетъ болѣе правильное и полное развитіе законодательства:

1. Доселѣ массы не умѣютъ понять своихъ правъ. Говорятъ: «да какой голосъ имѣетъ засѣдатель отъ градскаго общества въ уголов. палатѣ?» Кто же въ этомъ виноватъ? Конечно, не законодательство. Такъ, какъ оно не виновато въ томъ, что совѣтники не подаютъ голоса, боясь предсѣдателя или губернатора, въ томъ, что журналъ составленъ весь секретаремъ, котораго дѣло—только изложеніе и справка; такъ, какъ оно не виновато въ томъ, что дворянинъ богатый и чиновный пренебрегаетъ службой обществ. въ то самое время, какъ въ Остзейскихъ провинціяхъ отставные генералы, аристократы не стыдятся служить нѣсколько трехлѣтій на самыхъ низшихъ мѣстахъ. Виновато ли оно въ томъ, что дворяне не считаютъ своихъ суммъ, не требуютъ отчета въ земскихъ повинностяхъ у губернатора?

¹⁾ Вънѣ закона.

²⁾ Главнѣйшее—это раздѣленіе полей по тягламъ. Это Lex agraria ³⁾, юбилейный годъ. А. И. Г.

³⁾ Аграрный законъ.

А причина этому—недостатокъ просвѣщенія, недостатокъ гражданственности, эгоистическая лѣнь, но болѣе всего—недостатокъ просвѣщенія.

2. Нѣкоторыя учрежденія основаны совсѣмъ на другихъ началахъ и часто противоположныхъ, — они останавливаютъ другъ друга.

3. Перевѣсь, данный дворянству.

4. Помѣщичье право, исключющее изъ общаго круга людей крѣпостныхъ.

1837

118. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

1 января 1837.

Natalie! Вотъ и новый годъ, прощай 1836-й! Ступай въ вѣчность! Моего благословенія нѣтъ на тебѣ: ты давилъ меня съ перваго дня до послѣдняго, въ тебѣ не жизнь, а судорожное движеніе. Прощай же. Ну, а этотъ новый чтò принесетъ? неужели ничего? Желаній два-три довольно и для меня, и для тебя; надеждъ—нѣтъ. Я писалъ къ тебѣ письмо 25 декабря и изодралъ его; это въ первый разъ, ибо однажды написанное письмо я уже считаю собственностью твоей, но письмо это было такъ нелѣпо, что я рѣшилъ не посылать. Всѣ праздники я провелъ, какъ нельзя хуже. Часто думалъ я, что совсѣмъ пересталъ быть тѣмъ Александромъ, твоимъ Александромъ, и представлялъ себя такъ, какимъ-то не удавшимся существованіемъ. Сегодня, т. е. въ первомъ часу ночи, я говорилъ съ Полиной о тебѣ... ужъ вѣрно и ты въ то же время думала обо мнѣ... Ангелъ, ангелъ! Письмо твое получилъ (отъ 22 дек.). Неприятность, о которой писалъ, не такъ важна, чтобъ стоило о ней писать.

Прощай на нѣсколько часовъ.

Вечеръ.

Нѣтъ, жаль мнѣ стало 36 годъ; за что же я его такъ безжалостно, такъ холодно оттолкнулъ? А твои письма развѣ не осыпаютъ его свѣтомъ и эфиромъ? а дружба Витберга, а дружба и симпатія въ этой глуши даже?— не правда ли, какъ я неблагодаренъ? Чего нельзя перенести за одну строку твоихъ писемъ, гдѣ буквы принимаютъ какой-то звукъ и гармоніей страсти раздаются въ глубинѣ души? Съ какою жадностью я тысячу разъ перечитывалъ въ прошедшихъ письмахъ твоихъ, гдѣ ты меня утѣшаешь въ грусти; ну, такъ и видна слеза на глазахъ и улыбка; и то и другое горитъ любовью, и пламенное желанье слезу оставить себѣ, а улыбку передать мнѣ.

4 января.

Вотъ тебѣ, Наташа, новость: можетъ, черезъ мѣсяцъ или два Полина уѣдетъ отсюда, и куда же?.. Вздумать страшно: за 400 или 500 верстъ отъ Перми, на заводъ, куда хочетъ опредѣлиться мужъ ея подруги, у которой она живетъ. Бѣдная! она завянетъ, пропадетъ даромъ, и нигдѣ кругомъ нѣтъ спасенія; одна рука, которая сдѣлала-бъ для нея все, это—моя рука, но она закована въ тяжелыя цѣпи. И что ее заставляетъ ѣхать? Какая-то поэтическая дружба къ подругѣ, которая, очертя голову, вышла за дурака и теперь мыкаетъ съ нимъ горе. Неужели провидѣніе такъ непонятно управляетъ дѣйствіями нашими, жизнью, что иногда весь видъ слѣпого случая. Эта новость меня огорчила. Ея положеніе почти не лучше Emіlie: та обманута любовью, эта—цѣлой жизнью. У той въ воспоминаніи есть свѣтлая полоса, у этой—сумерки и даже темнота. Ты пишешь, что не можешь видѣть низостей людей и страданія другихъ. Я крѣпче тебя, но, признаюсь, вся твердость моя таетъ отъ вида этихъ судорогъ души, выбивающейся изъ-подъ гнета обстоятельствъ и на которую летитъ ударъ за ударомъ. Но низости дѣлаютъ на меня другое вліяніе—потребность, жажду мести. Ахъ, Наташа, чего я ни наглядѣлся въ это послѣднее время: какъ дики, грубы страсти, и какъ подлы, низки люди (слава Богу, что не всѣ)! Около губернатора въ губерніи, гдѣ нѣтъ дворянства, обращается все, какъ около солнца; власть его не ограничена, и, слѣдовательно, тутъ-то сосредоточиваются всѣ искательства и интриги, — и я поневолѣ, ежели не хочу закрывать глаза, долженъ видѣть этихъ гадкихъ животныхъ, трепещущихъ, съ клеветою во рту, со страхомъ, чтобъ не открылись ихъ дѣла, и пр. и пр. Вотъ тебѣ анекдотъ въ доказательство. Недѣли двѣ тому назадъ, одинъ изъ здѣшнихъ personages надѣлалъ мнѣ грубостей на балѣ; весь городъ былъ тутъ, но ни одинъ человѣкъ не показалъ, что я правъ или нѣтъ; всѣ молчали, даже говорили, что не слышали. На другой день губернаторъ сказалъ, что я рѣшительно правъ и что тотъ долженъ извиниться передо мной,—и весь городъ закричалъ: «Герценъ правъ», и пошло участіе и свидѣтели, и все нашлось. (Опять повторяю, что есть исключенія). Съ тѣхъ поръ я ужъ просто сталъ ненавидѣть здѣшнее общество.

6 января.

Три года тому назадъ, вечеромъ, у Насакина... И какъ живо все это въ памяти, какъ свѣтло, какъ похоже на ту прелестную луну, на которую мы смотрѣли! И сколько прожито съ тѣхъ поръ!

Всю свѣтлую недѣлю 34 года я бушевалъ; это была одна вакханалія въ 7 дней и послѣдняя: не воротится то юношеское увлеченіе, тотъ огонь, та безотчетная веселость. Вскорѣ послѣ Огаревъ взять. Наша прогулка на кладбищѣ была также разставаніемъ съ другимъ элементомъ юности, съ тихой, гармонической симпатіей,—желѣзные руки приняли меня изъ твоихъ рукъ. Но я былъ высокъ, чистъ, я очищеніемъ 9-ти мѣсяцевъ, страданіями и лишеніями приготавливался къ 9 апрѣля 1835 года. Это въ моей жизни *преображеніе*: ты, матеріальная, земная по тѣлу, преобразилась въ глазахъ моихъ въ ангела невещественнаго, святого... Сколько воспоминаній, сколько воспоминаній! Получила ли ты мою статью?—Прощай, прости, что мало писалъ—я глупъ всѣ эти дни.

Твой Александръ.

119. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

9 января 1837.

Ты теперь уже давно получила, Наташа, отвѣты на письма, въ которыхъ упрекала меня въ грусти,—въ этомъ демонѣ, смущающемъ мою душу. Можетъ, въ нихъ были фразы, которыя тебѣ не понравятся,—впередъ прошу простить. Такъ написалось! Свѣрхъ всѣхъ причинъ, у меня въ самой душѣ есть зародышъ тоски, несмотря на всю живость характера. Безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій я впадаю иногда въ задумчивость мрачную и давящую. Таковъ былъ Байронъ, мучившій непрерывно самъ себя призраками и идеальными понятіями. Твое присутствіе разсѣветъ все это, твои письма—единственное спасеніе теперь. Гюго говоритъ, что человѣкъ съ талантомъ похожъ на Мазепу, привязаннаго къ хвосту дикой лошади. Лошадь его влечетъ по камнямъ, по холмамъ, онъ избитъ, полумертвъ и—воскресаетъ торжествующимъ! Да, но ежели послѣ всѣхъ мученій, страданій не будетъ торжества... Будущее нѣмо и завѣшено; оно, можетъ, смѣется этимъ гаданьямъ. Но зачѣмъ же, ежели какому-нибудь человѣку ничего не предоставлено сдѣлать, кромѣ *прожить* свой вѣкъ, зачѣмъ же внутри его души кричитъ неумолкаемый голосъ: «тебѣ душно, тѣсно, въ тебѣ есть сила, создай себѣ міръ дѣятельности, раздвинь узкія границы жизни, проложи новую колею въ пути ея, разлей огонь, который въ твоей душѣ, подѣлился мыслью и чувствомъ съ людьми»? Зачѣмъ? Сколько людей спокойно и безмятежно живетъ въ маленькомъ кругу дѣятельности,—я уже не говорю о людяхъ безъ всякихъ способностей,—

нѣтъ, люди очень умные, очень добрые... и очень пошлые. Бываютъ минуты,—я имъ завидую, но эти минуты устали, утомленія. Могла ли-бѣ ты, моя прелестная подруга, сестра, могла ли-бѣ ты любить меня, ежели-бѣ я былъ изъ числа *этихъ добрыхъ людей?*.. У нихъ своя любовь, свои идеалы съ запахомъ кухни и домашняго благосостоянія.

Дай Богъ имъ долги дни!

Двадцать четыре года — время, въ которое у другихъ юность въ полномъ цвѣтѣ, въ полномъ разгулѣ, гдѣ еще призраки принимаются за дѣйствительность, и чаша жизни еще полна, еще не почата. А я! Взгляни на мое лицо, истомленное страстями, мыслями, обстоятельствами, избыткомъ счастья и избыткомъ несчастья. Въ 24 года я усталъ жизнью, и что было бы со мною, ежели-бѣ твоя любовь не слетѣла ко мнѣ съ неба, когда я, сбившійся съ дороги, мрачный, унылый, преслѣдуемый дикими звѣрями, готовъ былъ потерять остальной дрожащій лучъ надежды? Съ твоей любовью обновилась душа. И зато какую любовь, какое поклоненіе принесъ я моей спасительницѣ, моей Беатриче! Я не искалъ, кому отдать свою душу,—провидѣніе само распорядилось. И кто смѣлъ бы взять эту большую душу съ ея судорожными движеніями, съ ея необъятными требованіями? Кто, кромѣ тебя, Natalie!

10 января.

Заниматься продолжаю архитектурой, — вѣка прошедшіе встаютъ со своими пирамидами, храмами, соборами и рассказываютъ свою жизнь; слава Богу, что можно переселяться въ то время, когда не пугались великаго, когда изящное считалось необходимою потребностью. А теперь — переходъ болѣзненный, гдѣ все высокое спитъ, гдѣ только думаютъ о матеріальныхъ нуждахъ, и горе тому, кто не падаетъ съ головою въ болото. Послѣ огромной войны 1812 года явился человѣкъ геніальный, хотѣвшій гору превратить въ храмъ, хотѣвшій камню дать силу текста евангельскаго, посвятившій всю жизнь одной мысли,—этотъ человѣкъ былъ не на мѣстѣ въ нашемъ вѣкѣ; его понялъ благочестивый царь ¹⁾, но современники не поняли, освистали, отравили, очернили. Это—Витбергъ, но его подвигъ не умереть, его память, какъ память страдальца Тассо, вдохновить поэта и станетъ рядомъ со строгими, важными тѣнями людей, которые пренебрегали всѣмъ земнымъ для одной высокой мысли.

Повѣсть ²⁾ моя остановилась, но все еще не бросаю; хочется выразить мысли, заповѣдныя въ душѣ, хочется еще облечь въ об-

¹⁾ Александръ I.

²⁾ «Елена».

разы всѣхъ, дѣйствовавшихъ на мою жизнь; я тебѣ однажды писалъ (кажется, изъ Крутиць), что я набралъ нѣсколько барельефовъ изъ своей жизни: тамъ Emilie, тамъ есть другіе, и вездѣ ты и Огар. А какъ приходится писать,—все недостаточно; у людей съ истиннымъ талантомъ этого не бываетъ. Впрочемъ, одинъ барельефъ изсѣченъ вѣрно, это—Мед.; можетъ, потому, что она слишкомъ сильно потрясла мою душу, слишкомъ выказала слабую душу мою.

13 января.

Ангелъ мой! Получилъ твои письма до 29 декабря. ¹ Ты, ты—во всякой строкѣ, но это письмо поразило меня: я не могъ плакать, я вскочилъ, какъ дикій звѣрь, котораго дразнить; бѣшенство, а не огорченіе! *Я не буду получать отъ тебя писемъ или очень рѣдко.* Возьмите все, люди, все, только оставьте эти письма. Неужели и это? нѣтъ, тутъ не найду я твердости. Цѣлыя недѣли я живу надеждою на твои письма, и не получать ихъ!.. О, Наташа, это больно, очень больно. Это священныя капли росы, которыя падаютъ на страдальческую душу, и ее хотятъ отнять;... но какъ-бы то ни было, я готовъ вынести; можетъ, этимъ мирится со мною провидѣніе, можетъ, это—наказанье, которымъ излѣчиваются угрызения совѣсти, смываются пятна,—но наказаніе жестокое. Вотъ мои руки, куйте ихъ въ цѣпи, и я не поморщусь,—но не получаютъ писемъ отъ тебя... Вздоръ! Проклятіе на толпу! Emilie въ Москвѣ теперь. Emilie! Другъ, ты найдешь средство доставлять мнѣ, хоть изрѣдка, письма отъ Наташи. Ты можешь тогда гордиться тѣмъ, что одна ты дала средство, чтобъ душа моя не увяла подъ этими ударами.

Я хотѣлъ писать очень много,—не могу: одна мысль, около которой обвилась душа моя, это—что не будетъ писемъ. Пиши хоть маленькія, нѣсколько строкъ. Пришла пора бросать маску; ежели не будетъ въ самомъ дѣлѣ писемъ, я напишу папенькѣ; буду требовать,—мой голосъ имѣетъ силу. И хоть бы малѣйшая положительная надежда на возвращеніе! Ну, провидѣніе воспитываетъ круто, оно закаляетъ душу, какъ дамаскиннй кинжалъ, а ежели душа не вынесетъ закала?—ну, такъ бросить ее. А каково тогда будетъ брошенной душѣ?.. Да дѣло не въ ней, дѣло во всемъ чело-вѣчествѣ, я понимаю это; частно можетъ чело-вѣкъ страдать, быть несчастливымъ; ну, попробуемъ силу, такъ и быть,—есть, что-ли, еще на душѣ, на сердцѣ у меня мѣсто, въ которое можно ударить,—надобно поискать, есть ли?.. Это смѣшно... Главный ударъ невозможенъ,—твою любовь нельзя отнять: она останется при.

мнѣ, остальное какъ-нибудь слажу. Твоя смерть... ей-Богу, и это невозможно,—тогда переломится орудіе; нѣтъ, это невозможно. Прощай, ангель, ангель! Нѣтъ, буду твердъ, на смѣхъ имъ буду твердъ; по слѣдующей почтѣ отвѣтъ на твои письма.

Твой Александръ.

◆◆ 1. Н. А.—на писала: «На меня имѣютъ большое подозрѣніе, Мак. часто намекаетъ о тайной перепискѣ, называетъ Егора Ивановича почтальономъ и тому подобное... Макашина говорить открыто, что я переписываюсь съ тобой, что прощаніе въ Крутицахъ погубило меня и что портретъ также погубилъ, клянется, что скажетъ все княгинѣ; говорить, что слышала отъ всѣхъ людей, которые все знаютъ и смѣются надъ нами; откровенно скажу тебѣ, я боюсь не за себя,—что мнѣ *они*? А маменькѣ и Е. И. можетъ быть непріятность. Не знаю, что мнѣ дѣлать. Впрочемъ, я Мак. на это ни слова не сказала, и все время, пока она стояла передо мною, я будто читала со вниманіемъ; это было сейчасъ; она только улеглась и все еще поетъ, а ужъ 12-й часъ ночи; можетъ быть, я глупо сдѣлала, что не рѣшилась пуститься лгать, что есть силъ, и увѣрять ее, что все это ложь и неправда, но что же мнѣ дѣлать,—я не могла... Она ужъ обѣщала у меня все обыскать и непременно сказать княгинѣ... Во всемъ этомъ я кладу подозрѣніе на Насакиныхъ; Мак. въ большой съ ними дружбѣ и, какъ пришла вчера отъ нихъ, такъ сказала дѣвушкѣ, которая мнѣ служить, что ее зашлютъ туда, куда воронъ костей не заносилъ, за то, что она передаетъ письма, хотя та ни въ чемъ не виновата. Но меня здѣсь въ домѣ, ежели кто знаетъ переписку, не откроютъ ни за что на свѣтѣ, и я увѣрена, что все это—сплетни Насак.; онѣ самые низкіе люди обѣ, я непрерывно вижу это на опытѣ!.. Въ залѣ, стоя на колѣняхъ, пишу на стулѣ... Авось либо, карандашъ не сотрется,—перо скрипитъ, а меня отъ Мак. раздѣляетъ только холстина и 3 шага!» (т. VII Сиб. изд., стр. 201—205).

120. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

13 января 1837.

Вятка.

«Александръ проститъ Наташѣ». ¹

Александръ прощать тебѣ, прощать ангелу!? О, я видѣлъ избытокъ любви, съ которымъ были писаны упреки; нѣтъ, не прощать, а прижать тебя къ груди и одними объятіями, одними поцѣлуями

выразить все, выразить и на минуту не существовать въ этомъ мірѣ, а вырвать эту минуту оттуда. Я писалъ тебѣ давеча со слезами на глазахъ; не прошло 6 часовъ, какъ отправилъ письмо, и хочу опять писать. Когда же я дойду до предѣла любви? Эта страсть, эта симпатія къ тебѣ растеть и пожираеть кругомъ всѣ мелкія чувствованія,—я нашель средство еще болѣе полюбить тебя съ тѣхъ поръ, какъ грозитъ другая разлука—прекращеніе переписки.

Такъ ты боялась разомъ читать мое первое письмо о любви,—ты хотѣла насладиться разсвѣтомъ. Ты задохнулась отъ этихъ словъ, которыя струею огня подымались съ листа и жгли твое невинное, святое сердце, ты задохнулась отъ счастья; какъ живо вижу тебя съ этимъ письмомъ въ рукѣ: рука дрожить, пылаеть лицо, грудь, душа,—и ты моя, моя навсегда, погибла, какъ говорить Марья Ст., начала жить полною жизнью,—скажу я (не правда ли, у меня съ М. Ст. разный образъ мыслей?):—Пусть пройдетъ эта полоса мрака и горести, ты найдешь на груди моей, найдешь все, чего искала мечта. Клянусь, я еще болѣе тебѣ дамъ блаженства, нежели мечта вмѣщаетъ.

16 января.

Другъ мой! Я писалъ сегодня въ письмѣ къ папенькѣ: «я могу противъ 15-го января 1837 года поставить отмѣтку *отъ души весело провелъ время*», и повторю тебѣ. Это было рожденье Витберга. За нѣсколько дней тайно отъ него готовили всѣ мы живыя картины. Я былъ антрепренеръ, директоръ и пр. Наконецъ, въ самый день рожденья сцена поставлена, и онъ не зналъ, что будетъ. Картины сочинилъ я, и ты узнаешь въ нихъ мою вѣчную мысль,—мысль о Наташѣ. 1-я представляла Данта, утомленнаго жизнью, измученнаго, изнуреннаго; онъ лежитъ на камнѣ, и тѣнь Виргилія ободряеть его и указываетъ туда, къ свѣту; Виргилій посланъ спасти его Беатриче. Дантъ былъ я, и длинные волосы, усы и борода, и костюмъ среднихъ временъ придали особую выразительность моему лицу. 2-я—Беатриче на тронѣ: Лучія, свѣтъ поэзіи, и Матильда, благодать небесная, открываютъ вуаль; Дантъ, увидѣвъ ее, бросается на колѣни, не смѣетъ смотрѣть, но она съ улыбкой надѣваетъ вѣнокъ изъ лавровъ. У меня слезы были на глазахъ, когда я стоялъ у подножія трона,—я думалъ о тебѣ, ангелъ мой. 3-я—Ангелъ (роль ангела была дана Полинѣ) держитъ разверстую книгу, въ ней написанъ текстъ: «да мимо идетъ меня чаша сія, но яко Ты хочешь»... Беатриче показываетъ грустному Данту этотъ текстъ, Лучія и Матильда на колѣняхъ молятся... Успѣхъ былъ болѣе, нежели ожидали. Александръ Лаврентьевичъ

по окончаніи взошелъ на сцену со слезами, долго, долго жалъ въ своихъ объятіяхъ. «Какъ поднялась занавѣсъ»,—говорилъ онъ,—«я увидѣлъ вашу мысль, и кто, кромѣ васъ, взялъ бы Данта и религіозный предметъ?!» Я самъ былъ тронутъ и жалъ руки этого дивнаго человѣка. Требовали повторенія. Я первый разъ слышалъ со сцены себѣ рукоплесканія. Повторили. Потомъ Александръ Лаврентьевичъ посадилъ меня на тронъ Беатриче и надѣлъ на меня лавровый вѣнокъ. Я изъ рукъ великаго артиста получилъ его и отчасти заслужилъ.—Вотъ тебѣ, ангель мой, описаніе всего дня; да, этотъ день провелъ я прекрасно. Беатриче была *me Witberg*.

Полина благодарить много, много за кольцо; она дивится множеству работы за нимъ. ² Я показалъ въ твоёмъ письмѣ Скворцову его фамилію,—онъ былъ въ восхищеніи, и въ самомъ дѣлѣ, ежели сильно слово іерея, который читаетъ имена за здравіе и упокой, то не важнѣе ли еще, когда имя произнесено ангеломъ, какъ ты.

Этотъ лавровый листокъ—изъ вѣнка, коимъ увѣнчалъ меня Александръ Лавр.; сохрани его въ воспоминаніе 15 января 1837. ³

18 января.

Сегодня годъ, что умеръ Медвѣдевъ. Какъ теперь помню, я лежалъ на диванѣ у себя, когда человѣкъ пришелъ сказать. Я содрогнулся. Тогда же поклялся спасти бѣдную женщину, и губилъ ее болѣе и болѣе, ибо дружба уже не принималась, искреннее участіе получило другое истолкованіе. Ее надобно было спасти еще отъ двухъ другихъ бѣдствій: отъ бѣдности и отъ гнуснаго преслѣдованія. Я и Витбергъ, сколько могли, сдѣлали это. Что была бы она безъ Витберга,—этого представить нельзя. Что за преслѣдованіе?—спросишь ты. Погоди, когда пріѣду въ Москву, я расскажу, и ты поблѣднѣешь отъ ужаса и отъ презрѣнія къ людямъ. Ты увидишь тогда, сколько надобно было твердости съ нашей стороны, чтобъ стать прямо защитниками, щитомъ несчастной; увидишь тогда, что значить городъ за 1.000 верстъ отъ Москвы, гдѣ все дико, свирѣпо и необузданно. ⁴ Не думай, чтобъ моя жизнь здѣсь была такъ тиха и спокойна, какъ воображаютъ. Здѣсь интриги со всѣхъ сторонъ, партіи, ссоры, и я лажу со всѣми, ибо считаю всѣхъ равно недостойными, чтобъ привязываться къ однимъ болѣе, нежели къ другимъ.

20 января.

Недавно пришла мнѣ въ голову прегордая мысль: ежели ты такъ хороша, такъ небесна и изящна и отдалась мнѣ совсѣмъ, совершенно,

то не долженъ ли и я быть такой же? Да! но во мнѣ этотъ лучъ свѣта раздробился, преломился, и онъ, можетъ, ярче твоего,—знаешь, какъ пурпурно и блестяще стекло на разбитомъ мѣстѣ,—а въ тебѣ онъ сохранился во всей чистотѣ и бѣлизнѣ. Зачѣмъ въ нашихъ картинахъ не ты, ангелъ мой, представляла Беатриче? Я рѣшительно боленъ по нашему свиданію; ничто, ничто, даже и самыя литературныя занятія не могутъ теперь занимать всю душу. Ты... ты и болѣе ничего въ груди, въ головѣ, въ сердцѣ, въ душѣ.

Браслета нѣтъ. ⁵ Прощай, ангелъ, святая моя,—мое все, все, моя Наташа.

Твой Александръ.

◆◆ 1. 22 декабря утромъ Н. А—на написала: «Бываютъ минуты, въ которыя я теряю надежду видѣть тебя... я захлебнусь скоро горькою волной... плыву черезъ силы». Вечеромъ она раскаивалась въ написанномъ и употребила выраженіе, поставленное Герценомъ въ началѣ этого письма.

2. Н. А—на послала П. Тромпетеръ, черезъ Герцена, кольцо изъ своихъ волосъ. «Пусть это будетъ малѣйшимъ доказательствомъ моей къ ней дружбы и благодарности» (стр. 191).

3. При подлинникѣ хранится зеленый шелковый листокъ лавра.

4. Медвѣдеву преслѣдовалъ за равнодушіе къ себѣ губернаторъ Тюфяевъ.

5. 1 января Н. А—на обѣщала послать свой браслетъ, а мысль о портретѣ, заказываемомъ якобы для Э. М. Аксбергъ, ей пришлось временно отложить, чтобы не вызвать новыхъ подозрѣній въ сношеніяхъ съ Герценомъ.

121. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

30 января 1837.

Вятка.

Слава Богу, письма отъ тебя. Слава Богу, роса небесная пала на изнемогающее растеніе въ степи. Встрепенулось оно и каждымъ листомъ пьетъ эту росу и пьетъ свѣтъ солнца и свѣтъ лазури, оживленное росой. Еще разъ—слава Богу, такъ ко времени пришли твои письма, какъ нельзя болѣе.

О совершеннѣйшей симпатіи нашей и говорить нечего. Проходя старыя годъ, я писалъ точно то же къ тебѣ, что ты ко мнѣ, то же проклятіе ему сначала и то же прощеніе въ минуту

смерти. Да, онъ былъ тиранъ удушливый, этотъ 36 годъ, но мы его знаемъ; всѣ 12 частей его прожиты, а этотъ развѣ съ радостнымъ лицомъ явился? Послѣдніе годы нашей жизни похожи на исторію римскихъ цезарей, гдѣ рядъ злодѣевъ наслѣдовалъ другъ другу, гдѣ въ минуту смерти какого-нибудь Тиверія народъ отдыхалъ, чтобъ черезъ день страдать отъ Нерона. Я потерялъ вѣру въ 37 годъ, онъ не принесъ съ собою рекомендательнаго письма; 1835 вознаградилъ за себя 9 апрѣля, 36 — ничѣмъ, а 37 явился съ холоднымъ лицомъ тюремщика.—Ты, я думаю, слышала объ одномъ происшествіи въ Москвѣ отъ маменьки или Ег. Ив..... Оно даетъ опредѣленіе всему 37 году, какъ кажется. ¹

По прошлой почтѣ Полина получила письмо о смерти ея брата, котораго она ужасно любила, который могъ быть поддержкой для ихъ семейства и которому было 25 лѣтъ. Тутъ-то вполнѣ я увидѣлъ недостатокъ человѣческаго языка: что я могъ сказать ей въ утѣшенъе? Правило покорности опредѣленію? Тутъ эта высокая мысль принимала характеръ пошлой проповѣди. Положеніе ея было ужасно.—Теперь она больна сильной грудной болью,—ужь не чашотка ли? а она къ ней довольно расположена. И послѣ этого человѣкъ берется понять законы, по которымъ ведетъ провидѣніе. Нѣтъ, ихъ постигнуть невозможно. Человѣкъ понялъ высокимъ инстинктомъ, еще лучше—откровеніемъ, тотъ общій законъ, по которому Богъ ведетъ человѣчество; онъ понялъ, что вся эта природа есть возвращеніе отъ паденія. Но частности этого закона—тайна Его. Наша жизнь разгадана: развѣ не ясно, для чего ты существуешь, для чего страдала, страдаешь? Даже самая смерть наша нисколько не уничтожить этой ясности: мы жили, мы не были праздны, я сливался съ универсальной жизнью, ты со мной, мы возвысили другъ друга,—итакъ, тутъ есть цѣль. Возьми, съ другой стороны, Витберга,—точно то же: его жизнь полна, кончена, совершенна, богата. А эти существованія какъ понять, *эти возможности* безъ развитія, этихъ жаждущихъ безъ удовлетворенія? Не прелестна ли душа нашей Emilie, и она какъ будто родилась, чтобъ видѣть во снѣ одинъ часъ призракъ блаженства и потомъ за сонъ страдать всею жизнью. Но не тщетно же существованіе ихъ. Нѣтъ, я твердо вѣрю въ строгую послѣдовательность и отчетливость провидѣнія. Да самыя страданія эти не очищаютъ ли ихъ душу, не направляются ли болѣе къ небу? Душа, много страдавшая, пренебрегаетъ землею,—это-то и надобно. Недостаточно еще имѣть чистыхъ два, три порыва въ двѣ-три недѣли; надобно, чтобъ все существованіе было этимъ порывомъ, а сюда ведетъ или блаженство высокое, гармонія, или несчастія и борьба. Почему же тотъ спо-

собъ избирается, а не другой? Вѣрь, что избирается тотъ, который лучше ведетъ къ цѣли; сомнѣніе есть уже преступленіе. Но какъ найти твердости, чтобъ спокойно переносить и тою же молитвой благодарить за ударъ ножомъ въ сердце и за небесный цвѣтокъ, брошенный ангеломъ? Какъ? Вотъ въ этомъ-то вся и задача. Опять воротимся къ чашѣ горькой и къ молитвѣ на Масличной горѣ. Но, признаюсь, этихъ силъ я не имѣю; переносу... но не всегда безъ ропота... Оно, зная слабость, простить.

Зачѣмъ давала ты Дидротовымъ кухаркамъ «Встрѣчу»? Для нихъ это—*наборъ словъ*.²

3 февраля.

Давно ли, другъ мой, я писалъ тебѣ о нашихъ картинахъ изъ Данта, а теперь буду писать о театрѣ. Я игралъ, и притомъ хорошо, вчера передъ всѣмъ городомъ, слышалъ апплодированье, радовался ему и былъ въ душѣ актеромъ. Вотъ тебѣ во мнѣ новый *талантъ*; ежели когда буду въ нуждѣ,—могу итти въ бродячіе актеры.—Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, созданъ человекъ; душа моя, истерзанная страданіями, измученная, казалось бы, должна была разлить мракъ на всякомъ дѣйствиіи,—и бывають минуты такія, когда я боюсь оставаться одинъ, бѣгу къ людямъ отъ себя, и наоборотъ—могу иногда предаться веселости, дурачиться. Три недѣли готовилъ я съ прочими участниками этотъ театръ и занимались этимъ, какъ важнѣйшимъ дѣломъ. Ну, довольно о вздорѣ.—Что преслѣдованія относительно писемъ? Пиши все, не давай мнѣ волю дѣлать догадки. Мнѣ приходило въ голову просить государя объ отпускѣ и прямо сказать причину. Пусть увидятъ, хоть одну, записку твою, и тогда, ей-Богу, меня отпустятъ, хоть на недѣлю. Здѣсь я нашелъ одну картину, въ которой есть двѣ-три черты лица твоего,—весьма малое, но сходство, а можетъ, и никакого нѣтъ, но воображеніе добавило; я купилъ ее и часто, часто смотрю.

Ну, прощай же, ангель, сестра, писать некогда да и усталъ еще отъ спектакля и отъ шампанскаго, и отъ того, что въ 5 часовъ легъ спать.

Цѣлую, цѣлую тебя,

Александръ.

◆◆ 1. Вѣроятно, Герценъ намекаетъ на закрытіе «Телескопа», высылку цензора и редактора и объявленіе сумасшедшимъ автора статьи, П. Я. Чаадаева. Все это случилось въ концѣ ноября 1836 г., и къ тому времени, когда писалось настоящее письмо, только еще достигло до Вятки.

2. «Дидроновыми кухарками», по всей вѣроятности, названы кн. М. А. Хованская, М. С. Макашина и Насакины, которымъ Н. А.—на, изъ приличія, должна была прочесть открыто полученную рукопись, о чемъ можно догадываться и изъ ея письма (стр. 214).

122. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

10 февраля 1837.

Вятка.

Ангель мой, опять письма, опять письма!

Я зналъ, что тебѣ болѣе, нежели понравится «Встрѣча»¹⁾); вспомни же, что это не вымыселъ, что этотъ гордый несчастіемъ человѣкъ и теперь живъ, что я и теперь могу представить себѣ этотъ взоръ съ струею огня, что его подарокъ цѣль у меня. Прекрасный человекъ, — и онъ не забудетъ нашу встрѣчу. Со временемъ пришло еще статей; онѣ тебѣ нужны; онѣ, какъ письма, на цѣлые часы могутъ замѣнить въ разлукѣ меня.

Съ восторгомъ видѣлъ я въ твоихъ письмахъ выписки изъ Шиллеровой «Юанны»; ежели ты хоть и съ трудомъ, но можешь читать «Юанну», то успѣхъ сдѣланъ, я тебѣ пришло ее всю. Читай, читай Шиллера, — онъ всю жизнь мечталъ о дѣвѣ, въ которой бы была доля Юанны и доля Теклы; онъ всю жизнь звалъ съ неба ангела, онъ не принадлежалъ къ этому міру, — но этотъ ангелъ не слетѣлъ для него, и грустный звукъ заключилъ его жизнь мечтаній (Resignation); въ этой грустной пѣснѣ онъ говоритъ, что кубокъ наслажденій не былъ имъ раскрытъ. Наташа, могу ли я это сказать, имѣя тебя? Я ужасно счастливъ, болѣе, гораздо болѣе, нежели заслужилъ. Высокая душа Шиллера должна была полуувянуть: она нашла только поль-отзыва. А тотъ мрачный, угрюмый Байронъ, мученикъ своей души, и тотъ жаждалъ любви, любви высокой, сильной, пересоздающей, какъ огонь, изъ камня въ блестящее стекло. И Байронъ ничего не нашель; онъ бѣжалъ холодной родины и съ корабля кричалъ: «Прости, о, родина, ночь добрая тебѣ!», съ чувствомъ полного негодованья: онъ зналъ, что ни слезы, ни вздоха объ немъ тамъ. — А я! Не слишкомъ ли это для человѣка? Господи! мнѣ страшно становится иногда, — чѣмъ выкупимъ мы нашу любовь? Чѣмъ бы ни было, все равно; эта любовь дала мнѣ все высокое, все изящное, пусть же во имя ея разить меня громъ, пусть смерть — мнѣ все равно. Да будетъ воля Его. — Читай же Шиллера; сначала,

¹⁾ «Вторая встрѣча».

ежели трудно, это—ничего, а я тебѣ доставлю что-нибудь изъ его сочиненій.

О Emilie и о Полинѣ мое мнѣніе было въ прошломъ письмѣ, теперь я понялъ страданія душъ высокихъ; это горькая мѣра провидѣнія, но пусть онѣ поцѣлуютъ руку карающаго: она ихъ ведетъ къ *полной жизни* на землѣ, къ блаженству *тамъ*. Ты мнѣ напоминаешь разговоръ съ Emilie о Гебелевой дочери, ¹⁾—о, этотъ разговоръ, весьма ничтожный самъ въ себѣ, тысячу разъ навертывался мнѣ на умъ, и всякій разъ я скрипѣлъ зубами, и кровью обливалось сердце ²⁾ любить. Но разговоръ съ Emilie пророчествовалъ другое: это мою проклятую встрѣчу съ М. ³⁾ Да, я вспоминаю его, и холодный потъ на лбу, и волосы поднимаются. Боже мой, когда поправлю я эту ошибку, когда заглажу это преступленіе?! Доселѣ не сдѣланъ и первый шагъ. ¹

Я на тебя сердитъ (въ самомъ дѣлѣ) за то, что ты отрѣзала такъ много волосъ: это самоуправство; развѣ ты смѣешь распоряжаться твоими волосами безъ моей воли? Все мое! Третью часть! будто на браслетъ можно употребить третью часть косы?! да я скорѣй отдалъ бы три пальца на правой рукѣ! Впредь, сударыня, будьте осторожнѣе, а то буду ставить на колѣни спиною къ моему портрету и не велю поворачивать головы.

◆◆ 1. 24 января Н. А.—на писала: «Emilie отдала сдѣлать для тебя браслетъ, на который я жертвую третью долю косы. Какъ ждетъ она тебя! Говорить, что твое возвращеніе возвратило бы ей половину жизни. А не правда ли, Александръ, какъ сбылось ея пророчество при твоёмъ разказѣ объ Эмили Гебель,—еще ты былъ за это въ неудовольствіи на нее?» (стр. 219).

123. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

14 февраля 1837.

Вятка.

Продолжая мысль, сказанную въ прошломъ письмѣ (можете справиться), я сдѣлалъ вопросъ: стало-быть, требованія на жизньъ были болѣе, колоссальнѣе, изящнѣе у Шиллера, у Байрона, нежели

¹⁾ Emilie Gebel, дочь доктора медицины Johann'a Gebel'я, по мужу Maslen, родилась въ Варшавѣ 5 февраля 1813 г., умерла 13 ноября 1873 г. и похоронена въ Москвѣ.

²⁾ Вырѣзана верхняя часть листа.

³⁾ П. М. Медвѣдева.

у меня, и потому я удовлетворенъ, а они нѣтъ? Но это не только несправедливо, но даже я перегналъ ихъ. Требованія Шиллера, напр., ясны: по его сочиненіямъ можно легко возстановить тотъ идеаль, котораго осуществленія жаждала душа его. Это вмѣстѣ—Юганна д'Аркъ и Текла; даже наружность его идеала понятна. Я требовалъ не менѣе,—о нѣтъ! и нашелъ въ тебѣ болѣе, гораздо болѣе, нежели требовалъ.—Провидѣніе хотѣло избаловать меня, но балованныхъ дѣтей наказываютъ впоследствии. Но съ которой же стороны ждать это наказаніе? Со стороны частной, индивидуальной жизни моей—невозможно. Остается другая половина моего бытія, столь же существенная, столь же необходимая—общая, универсальная жизнь, поприще... Горе, ежели тамъ! Трудовъ не боюсь, несчастій не боюсь, но неудачи боюсь. А для частной жизни одной не живутъ люди съ пламенной душой.

Мнѣ уже 24 года, и я еще не знаю, что я буду дѣлать, я еще не отгадалъ приказъ провидѣнія, данный моей жизни: *писать* или *служить*. Литературное поприще неудовлетворительно—тамъ нѣтъ этой жизни въ самомъ дѣлѣ; служить—сколько униженія, сколько лѣтъ до тѣхъ поръ, пока моя служба можетъ быть полезна? Вотъ тебѣ, ангель мой, вопросы, занимающіе меня въ послѣднее время. ¹

15 февраля.

Я думалъ о своихъ статьяхъ, перечитывая начало повѣсти «Тамъ». Нѣтъ, все это ужасно слабо, едва набросаны контуры: смѣло, но бѣдно, очень бѣдно. Лучшая статья моя «Германскій путешественникъ». Право, ты увлекалась «Легендой», она же у тебя не поправленная. «Мысль и откровеніе»—хорошо потому, что тутъ нѣтъ повѣсти, а просто пламенное изложеніе моей теоріи. Все поправить надобно, а это-то и худо. Какъ же можно сдѣлать лучше въ холодную минуту то, что писано въ жару одушевленія, и еще хуже, что во время этого одушевленія написанное неудовлетворительно.

Ты пишешь, ангель мой, что скоро все узнаютъ; не знаю почему, а я очень желалъ бы, чтобы это случилось поскорѣе; сопряжено съ неприятностями, да что-жъ дѣлать? А ежели скорѣе онѣ начнутся, то скорѣе будутъ прошедшими. Лишь бы мнѣ добраться до Москвы. А, вѣдь, ты права, Наташа, что намъ нечего будетъ рассказывать о разлукѣ, потому что мы были все время вмѣстѣ. Знаешь ли, какъ ты вѣрно изобразила тѣ минуты, когда, нѣсколько часовъ серьезно занимаясь, я вдругъ, со вздохомъ, и глазомъ и душою ищу мою Наташу, чтобъ подарить ей мысль, потомъ и трудомъ нажитую. Именно такъ, какъ ты пишешь. Симпатія!

17 февраля.

Пишутъ изъ Москвы, что не получали отъ меня письма, а я пишу всякую почту: стало, и твое пропало. Жаль, ибо ты будешь грустить, жаль и потому, что каждое письмо есть продолженіе одной нити, кольцо одной цѣпи,—кольцо живое и необходимое. Да, по этимъ письмамъ къ тебѣ можно возстановить всю жизнь мою съ 1834 года. Тутъ мечты, надежды, страданія, восторги, паденіе, тутъ всего болѣе Я и, слѣдственно, тутъ же сама ты. Какъ лучъ свѣта, бѣлый и чистый, преломляясь о камень, возвращается цвѣтистымъ и яркимъ назадъ,—такъ и твоя прелестная душа спокойно выливается въ твоихъ письмахъ и принимаетъ пурпуръ огня въ моихъ и яркость луча преломленнаго. И летитъ опять къ тебѣ такъ, какъ и преломленный лучъ бѣжитъ земли и стремится опять къ небу.

Ложась спать, я засыпаю всякій разъ съ мыслью: днемъ ближе къ свиданью. А оно не подвигается, и время, какъ носильщикъ, обремененный излишней тяжестью, кряхтя, переступаетъ съ ноги на ногу, а путь-то далекъ! Но лишь бы онъ не останавливался. Тамъ восточная звѣзда, тамъ весь обѣтованная, тамъ моя Наташа. Къ ней, къ ней, и хотя-бъ еще болѣе страданій!

Emilie жму руку. Тебя цѣлую.

Александръ.

◆◆ 1. Н. А—на отвѣчала на это: «Можетъ, я бы тутъ ничего не понимала и не думала-бъ даже о пользѣ отъ службы и литературныхъ занятій, если-бъ не ты. Вопросъ, слишкомъ важный и, избави Богъ, если только обстоятельства рѣшатъ его, но при настоящихъ, кажется, только отъ тебя зависитъ выборъ. Я увѣрена, друг мой, ты простишь мнѣ, если я скажу на это мою мысль,—въ твоей волѣ уничтожить ее, выбросить изъ моей головы, замѣнить тысячью новыхъ, лучшихъ, но вотъ она такъ, какъ есть въ моей головѣ. *Служить*—первая *неволя*; прости, очаровательная мечта о путешествіи! Можетъ, ты скажешь—эгоизмъ! Хорошо, оставимъ мысль объ Италиі, о ея небѣ, о ея природѣ, о ея жизни, исполненной огня и поэзіи; забудемъ, забудемъ эту страну, любимицу солнца, пожертвуемъ всѣми мечтами *пользы* отечеству! Но мнѣ кажется, *польза отъ службы*, какъ бы ни была она велика, все будетъ *обыкновенною*, и сколько бы ты ни сдѣлалъ *службой*, все будешь обыкновенный служивецъ, какихъ *мною*, потому что тебѣ указанъ путь, поставлены границы, передъ тобою и за тобою также идутъ, также служатъ; и напередъ можно опредѣлить, чего достигнешь ты послѣ многихъ лѣтъ, многихъ усилій, пожертвованій; итакъ, ты бу-

дешь служить, какъ *обыкновенно* служатъ, сдѣлаешь пользу обыкновенную! А *писать*... о! тутъ не проложенная уже дорога, не *истоптанная* уже,—нѣтъ, ты можешь открыть себѣ тутъ цѣлое поле и только самъ проложишь себѣ дорогу, и только самъ пойдешь по ней! И можешь тогда быть несравненно полезнѣе себѣ и другимъ. Первая дорога невѣрна, не въ твоей власти; зависимость, слѣдственно, и всѣ сопряженныя съ нею низости, непріятности, вся чернота или неокончаніе, неуспѣхъ начатаго, бесполезные труды, стало. Вторая дорога—твоя, собственно твоя: ты можешь ее сдѣлать шире, уже, длиннѣе, короче,—здѣсь труды необыкновенные и польза необыкновенная! И тутъ (прости молодости) Италія, Италія! Свобода! Воля! Море! Жизнь *необыкновенная!!!*» (стр. 231—232).

124. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

21 февраля 1837.

Вятка.

Ангель мой! Недѣлю цѣлую мнѣ что-то нездоровилось, было скучно, очень скучно и, знаешь ли, чѣмъ я вполонину вылѣчилъ или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ вылѣчилъ вполнѣ душу?—твоими письмами. О, Наташа, Наташа... ты болѣе, болѣе, нежели человѣкъ: слово человѣка не можетъ приносить столько рая, столько счастья; слово уже убитое, на бумагѣ,—что-же твоя живая рѣчь, рѣчь и взоръ?... И все это мое!

Я съ радостью увидѣлъ, что я въ февралѣ прошлаго года уже писалъ къ тебѣ о тайнѣ, которая тяготитъ меня, о пятнѣ, ибо ты спрашиваешь отъ 1-го марта. Слѣдственно, я недолго скрывалъ отъ тебя свое паденіе; это меня утѣшило, а я, не помня, горько упрекалъ себя въ скрытности, и къ кому же? Къ Наташѣ!

Утро начинается; чистъ, свѣжъ воздухъ; алая полоса пророчить что-то на востокъ, все уже живо, все готово къ чему-то,—но солнца нѣтъ. Это твои письма 1835 года. Навѣрное можно сказать, что скоро огненное солнце покажется и обольетъ своими лучами все, но его еще нѣтъ, и потому въ иныхъ мѣстахъ еще темно, шатко,—но съ опредѣленнымъ появленіемъ любви твоя душа вдвое развилась и вдвое выросла. Вотъ доказательства: «развлеченный новыми предметами, ты иногда забудешь, что въ уголкѣ Москвы живетъ Наташа»—и далѣе: «послушай, если живешь долго въ дальней сторонѣ, ты перемѣнишься и при свиданьи будешь только удивляться прежнему желанію видѣться» (мая 28, 1835, въ Пермь).

Жизнь моя здѣсь становится съ каждымъ днемъ несноснѣе; мало того, что я разорванъ надвое разлукою съ тобою, мало ссылки, мало проклятой исторіи съ М., прибавились еще такія отношенія, что—или будь честный человѣкъ и жди грома на голову, или поддайся самымъ безнравственнымъ, самымъ отвратительнымъ дѣламъ, самымъ гнуснымъ униженіямъ; а могу ли я это? И при всемъ томъ совершенная безгласность. О, Господи, когда Ты изведешь меня изъ этого города! Досадно, отвратительно.

22.

Сколько ни знай впередъ всю гнусность людей, сколько ни будь разочарованъ, все же нельзя быть холоднымъ зрителемъ ябедъ, клеветъ, интригъ... А какъ надобно быть почти болѣе, нежели зрителемъ! О, тогда лучше еще 1.000 верстъ, лишь бы спокойную жизнь! Ахъ, какъ часто я со слезою почти вспоминаю мою дачугу въ Крутицахъ.—Тамъ я былъ счастливъ. Вчера, ложась спать, я живо представилъ себѣ весь ужасъ моего настоящаго положенія и невольно заключилъ молитвою... Я рѣдко молюсь; молитва въ самомъ дѣлѣ требуетъ или дѣтскую душу, или высокую простоту,—но тутъ я молился отъ всей души: за что же, за что такъ тягостенъ мой крестъ и такъ мало силъ? Я знаю, какая награда меня ждетъ—небесный ангелъ съ небесной любовью, но развѣ эти частныя гадости ведутъ къ тому, чтобъ сдѣлать меня чище, лучше? Ко всему прочему еще новый ударъ Витбергу: у него уже обобрали все,—теперь хотятъ, такъ сказать, отнять и самую крохи отъ куска хлѣба, уже исторгнутаго изъ устъ: пришелъ приказъ отобрать разныя вещи у него и продать съ аукціона... И Ты все это допускаешь!

Дивенъ путь провидѣнія.

24 февраля.

И вотъ дѣйствіе молитвы —вчера получилъ я письма, въ которыхъ мнѣ даютъ болѣе, нежели надежды на скорое возвращеніе. Я ожилъ. ¹ Но погодимъ еще вполнѣ предаваться радости... тогда... тамъ, склоняя мою голову на твою грудь, когда любовь будетъ литься эфиромъ изъ твоихъ глазъ на мою душу, о, тогда, тогда я прошу эти черныя годы, благословлю ихъ, но еще не теперь. Впрочемъ, надежды очень велики,—ужели и онѣ лопнутъ? Что же? Провидѣнье знаетъ, куда ведетъ и какъ. Но снова посылаю молитву къ престолу божію, чтобъ онъ окончилъ мои страданія. —Весна, весна, все оживаетъ, все живетъ вдвое, птицы ворочаются, природа расковывается; можетъ, и я вмѣстѣ съ природой раскуюсь

и прилечу вмѣстѣ съ птицами, но не по одной дорогѣ: тѣ летятъ съ юга, а я съ сѣверо-востока. Дорога, колокольчикъ, станціи, города, Москва, ты!... Тутъ все оканчивается чтò имѣетъ окончанье: тутъ начинается безконечное, святое, небесное.

24 февраля.

Хотѣлъ, было, уже совсѣмъ кончить, но, нѣтъ, жаль съ тобой разстаться, еще что-нибудь скажу, ибо я весель.—Ну, какъ же будетъ наше свиданье? Тысячу разъ въ воображеніи я его представлялъ съ разными переменами, тысячу разъ видѣлъ во снѣ. А страшно: сердце бьется при одной мысли, ей-Богу, страшно, я боюсь тебя той боязнью, тѣмъ страхомъ, которымъ трепещетъ христіанинъ, прикладываясь къ потиру, принимая св. причастіе. На бумагѣ мы сдѣлались храбры. Наташа, мнѣ хочется хохотать, очень хочется, и плакать хочется очень. Ну, а ежели это вздоръ и свиданье далеко далеко?.. Это демонъ какой-то шепчетъ. Нѣтъ, пришло, кажется, время. Милый другъ, ангелъ мой, можетъ, къ Святой я въ Москвѣ. Придумай же, какъ намъ увидѣться только на одну секунду, только обмѣнять одинъ взоръ безъ нихъ, и въ этомъ взорѣ будетъ все: и благодарность за то, что ты спасла меня отъ меня самого, и любовь, и радость, и не одна моя любовь—и твоя любовь, и я увижу все это и довольно,—потомъ готовъ рассказывать о Николаѣ Хлыновскомъ ¹⁾ княгинѣ Марьѣ Алексѣевнѣ, готовъ слушать, что «этотъ опытъ долженъ показать мнѣ, какъ надобно себя вести», готовъ все, что угодно: совѣты толстой попадьи, брань Макашиной, лай маленькой собачки,—что, чай, она жива?—ну, та мохнатенькая, на точеныхъ ножкахъ?

Offen Tafel ²⁾, придите всѣ бросайте въ меня грязью, камнями или, еще хуже, бросайте словами,—я буду тихъ, спокоенъ, только въ задатокъ тотъ взоръ, тотъ взглядъ.—Много будетъ неприятностей, ха, ха, ха! Не надобно ѣхать въ Италію: тамъ много комаровъ. Всѣ неприятности—вздоръ, которыя не отнимаютъ клочка сердца и души, они капризны,—склоняютъ голову, потому что унижительное верхъ взять, нежели покориться. Они будутъ вздоръ требовать,—это-то и хорошо: кабы они дѣло требовали,—бѣда бы съ ними. Вотъ какъ я тебѣ скажу о здѣшнихъ неприятностяхъ и за что я ихъ несъ, тогда дашь другой вѣсь этому слову.

Вѣсть о скоромъ возвращеніи провела тигровымъ языкомъ по

¹⁾ Хлыновъ—древнее названіе Вятки. Въ каедральномъ соборѣ была икона св. Николая, пользующаяся на мѣстѣ особымъ почитаніемъ.

²⁾ Открытый столъ.

сердцу, теплая кровь бѣжитъ того воспоминанія, воспоминанія... Ну, прощай, можетъ, *до свиданья*.

Emilie расцѣлуй.

Александръ.

◆◆ 1. 22 января 1837 г. И. А. Яковлевъ снова подалъ шефу жандармовъ памятную записку слѣдующаго содержания: «Московскій житель г. Герценъ, коего единственный сынъ Александръ Герценъ, воспитывавшійся въ Импер. московскомъ университетѣ, за несообразные поступки былъ изъ онаго исключенъ и назначенъ на службу къ вятскому губернатору, утруждалъ его сятельство графа Александра Христофоровича прошеніемъ объ исходатайствованіи молодому и неопытному его сыну прощенія и позволенія возвратиться въ Москву. Не получая по сіе время на прошеніе его разрѣшенія, удрученный лѣтами и болѣзнью осмѣливается вторично утруждать его сятельство покорнѣйшею его просьбою о испрошеніи сыну его прощенія и позволенія возвратиться въ Москву». Бумага, какъ видно по почерку, написана не лично Яковлевымъ, назвавшимъ себя Герценомъ; онъ также не могъ не знать, что А. И. не былъ исключенъ изъ университета. Ясно, что записка составлена кѣмъ-нибудь изъ такихъ лицъ, которыя имѣли связи съ III Отдѣленіемъ и написали ее по памяти обращенной къ нимъ просьбы.

На запискѣ резолюція Л. В. Дубельта: «повременить, оставить до возвращенія графа». Но и послѣ возвращенія Бенкендорфа въ Петербургъ дѣло не получило ожидаемаго поворота къ лучшему.

По всей вѣроятности, объ этомъ-то и было сообщено Герцену съ выраженіемъ надежды на прощеніе.

125. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

27 февраля 1837.

Вятка.

Другъ мой! Это чувство страха, о которомъ я тебѣ писалъ въ прошломъ письмѣ, совершенно мною овладѣло. Чѣмъ ближе подвигается время нашего свиданья, тѣмъ сильнѣе оно. Въ два огромные года тебѣ былъ полный досугъ идеализировать меня; все, что могло родиться въ прелестной фантазіи твоей,—все было отдано этому существу, половина я и половина мечта твоя, и вдругъ,—я являюсь: мечта уже не можетъ имѣть мѣста, я оттолкну ее, а какъ должна быть

изячна мечта святой, чистой души! И насколько я замѣню ее другими достоинствами? Ну, не страшно ли, Наташа? Мнѣ даже страшно увидѣться съ нашими, съ домомъ, съ комнатою; теперь я чувствую, что я одичалъ въ казармахъ и въ глуши. Сколько опыта горькаго и свинцоваго привезу я съ собою въ эту комнату, на этотъ диванъ, гдѣ бурно, безотчетно, вольно пѣнилась моя юность! Не юноша склонить на него голову съ мечтою несбыточной, но прекрасной, а человѣкъ, утратившій половину своихъ вѣрованій, половину довѣрія къ людямъ. О, какъ состарѣлась бы душа моя, ежели-бъ твоя любовь не оживила ее! Ты и еще два-три человѣка любовью и дружбой выкупили для меня современное человѣчество; и Руссо не бѣжалъ бы въ лѣсъ отъ людей, ежели-бъ онъ имѣлъ, хоть вполонину, столько симпатіи, сколько досталось на мой удѣлъ.—Вѣчная молитва благодарности провидѣнію: я погибъ бы безъ симпатіи, и оно послало ангела и людей съ душой, чтобъ спасти меня.

Но не слишкомъ ли я отдался мечтѣ о возвращеніи? не знаю,—или внутренній голосъ обманываетъ, или я возвращусь скоро; онъ не молчитъ, какъ прежде, а громко указываетъ на весну.—И неужели, когда я приѣду, мы должны будемъ видаться, *tirés à quatre épingles* ¹⁾, въ недѣлю разъ? Я думалъ и не нахожу средства; какая огромная жертва; но, ежели мы принесли обстоятельствамъ почти 3 года, то будемъ жертвовать *и мѣ* днями,—а тамъ, почемъ знать, что и какъ будетъ. Перстъ божій указалъ тебѣ на меня; онъ тебѣ громко сказалъ 9 апрѣля: «Вотъ онъ, люби его»... (твое письмо отъ февраля 1836). Я сначала не вполне понялъ этотъ голосъ, но онъ громко и звучно повторилъ мнѣ: «она одна спасетъ тебя».—Оставимъ же ему остальное,—главное, конечно; мелочи сами расположатся.

Ты, я думаю, досадовала на меня, что долго не получала письма, а письмо пропало здѣсь въ почтовой конторѣ,—и мнѣ больно это.

3 марта.

Прелестный браслетъ—благодарю, благодарю; нѣтъ, а имя твое на золотѣ хорошо; именно я радъ, что оно вырѣзано: это для меня священный іероглифъ счастья, блаженства будущаго; я часто пишу на бумагѣ твое имя и долго смотрю на него. Natalie! въ этихъ 7 буквахъ выражена для меня большая половина бытія моего. Благодарю, ангелъ, горячій, пламенный поцѣлуй любви тебѣ и поцѣлуй дружбы Emilie.

¹⁾ Принаряженные какъ визитеры.

И письма отъ 29 авг. и 15 февр. получилъ; отвѣтъ ты знаешь: *я люблю тебя*,—вотъ содержаніе всѣхъ писемъ: *люблю, люблю и любимъ ангеломъ*. Тутъ должна остановиться рѣчь человѣческая. Я никогда не читалъ нѣкогда знаменитаго романа «*La nouvelle Héloïse*»¹⁾; на дняхъ я нашелъ его здѣсь и принялся перелистывать; онъ весь въ письмахъ,—и я расхохотался. Руссо былъ великій человѣкъ, но онъ, должно быть, понятія не имѣлъ о любви. Эти письма и наши письма,—тутъ все разстояніе между пресмыкающейся по землѣ травой и пальмой, которая всѣми листьями смотритъ на небо. Какъ у нихъ любовь чувственна, матеріальна, какъ виденъ мужчина и женщина, и нигдѣ существо высшее, которое онъ хотѣлъ представить. И эта женщина при первой мысли любви готова пасть и пала, а, вѣдь, какъ бы то ни было, паденіе женщины страшно, грустно... По несчастію, я это знаю!

Ну, вотъ какой я вѣтреный: въ твоей запискѣ лежала еще записка запечатанная; я, не смотря, распечаталъ, читаю—не ко мнѣ, а къ Emilie, и я все думалъ, что за чѣмъ-нибудь прислана она мнѣ, прочелъ всю. Pardon! И немного на тебя въ претензіи: изъ этой записки я вижу, что тебѣ и Emilie нужны деньги, и почему же ты не обратилась ко мнѣ? Я получаю слишкомъ 4,000 въ годъ,—неужели я не могу прислать тебѣ? сверхъ того, у меня со всѣхъ сторонъ кредитъ. Что за ложная деликатность и съ кѣмъ же? Сейчасъ напишу маменькѣ, чтобъ она доставила тебѣ что-нибудь на первый случай, и впередъ прошу адресоваться къ Вашему покорному слугѣ.

Прощай, ангель мой, прощай; ахъ, быть можетъ, скоро я прижму тебя къ груди моей, увижу твой взоръ!

Полина тебѣ кланяется дружески, искренно,—вы очень коротко знакомы. Прощай же, пора быть будничнымъ человѣкомъ и заниматься пустяками.

Твой въ вѣчность Александръ.

126. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

6 марта 1837.

Вятка.

Вѣришь ли ты въ силу тѣхъ восточныхъ талисмановъ, которые служили и лѣкарствами тѣла, и лѣкарствами души, въ эти неодушевленные камни, изрѣзанные знаками и буквами, въ коихъ

¹⁾ «Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо.

осталась *сила* человѣка, съ вѣрою вручающаго? Я вѣрю, я испыталъ это. Третьяго дня мнѣ было много непріятностей,—рядъ маленькихъ гадостей, рядъ низкихъ притязаній; я пріѣхалъ домой раздосадованный, бросился на постель и не могъ уснуть, я кусалъ губы и сердился, наконецъ, взялъ твой браслетъ... Нѣтъ, доселѣ еще не было вещи, которую бы я столько любилъ, которой бы столько радовался; я долго-долго смотрѣлъ на него. Это ея волосы, тысяча разъ касалась рука ея; можетъ, она поцѣловала его на дорогу, можетъ, она ему завидовала, и я цѣловалъ твой браслетъ и смотрѣлъ на него съ такою любовью, съ такимъ чувствомъ! Все мрачное отлетѣло, сила влилась въ грудь. А твое имя! Странная вещь, какъ будто я не могу его написать на всякомъ клочкѣ бумаги? можетъ, это ребячество, но твое имя, вырѣзанное тутъ, возлѣ твоихъ волосъ, наполняетъ всю душу свѣтомъ и небомъ. Числа и года нѣтъ, и это хорошо: мы соединены во-вѣки,—это имя есть моя молитва, времени ему нѣтъ. О, Наташа, какъ я тебя люблю! Одно чувство только поставлю я рядомъ съ моей любовью—это твою любовь. Ты совершенно также любишь меня, это въ каждой строкѣ,—нѣтъ, въ каждомъ дыханіи. Есть люди, которые говорятъ, что всѣ эти матеріальные памятники не нужны. Да, они правы въ одномъ отношеніи: ежели-бъ самъ Рембрандтъ писалъ твой портретъ, то все же онъ не будетъ такъ хорошъ, какъ образъ твой, начертанный въ душѣ моей, но, тѣмъ не менѣе, эта внѣшняя опора фантазіи подымаетъ ее. Но, говорятъ, всѣ эти вещи сами по себѣ—ничего, а только одно воображеніе даетъ имъ цѣну. Однако, когда усталый путникъ беретъ посохъ,—хоть посохъ самъ по себѣ и ничего не значить, но онъ ему замѣняетъ часть тѣла.—Можетъ, я долго бы грустилъ тогда; можетъ, черныя мысли бродили бы, какъ тучи, въ головѣ, и голубое небо—ты, едва бы было видно, а твой браслетъ разомъ исцѣлилъ меня. Да и сами люди, что же иное, какъ не матеріальный знакъ своей души? Ну, довольно философствовать.

Икона только свята для того, кто въ нее вѣритъ; лампада свѣтитъ для всего рода человѣческаго. Икона—средство для человѣка итти вверхъ, а лампада съ неба унесла солнечный лучъ на землю. Вотъ тебѣ въ отвѣтъ на воспоминаніе объ этой мысли.

7 марта.

Вчера былъ годъ одному прелестному случаю со мной. Я привезъ вѣсть утѣшенія одному несчастному человѣку, видѣлъ слезы восторга на мужественномъ лицѣ воина. Это одна изъ минутъ, ко-

торыя остаются въ памяти до гробовой доски. Я писалъ тогда, справся ¹⁾).

Въ сотый разъ повторяю: что такое за гадкая жизнь въ маленькомъ городѣ, вдали отъ столицъ, гдѣ всѣ трепещутъ одного, гдѣ этотъ одинъ распоряжается, какъ турецкій паша! Нигдѣ нельзя видѣть ниже человѣка, какъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ à la Wiatka. Надобно признаться, урокъ очень полезный—прослужить два-три года въ дальней губерніи. Тамъ, въ столицѣ, хоть наружность приличная, а здѣсь все открыто: тамъ метутъ грязь, а здѣсь она по колѣна!

10 марта.

Ангелъ мой, надежды подтверждаются. Боже мой, какъ волнуется кровь, какъ бьется сердце при этихъ словахъ. Я прижму къ груди своей эту небесную, эту святую, этотъ идеалъ мой, которой я молился два года и которая казалась такъ же недосягаема, какъ небо. Нѣтъ, тысячу разъ думая, представляя, я не могу постигнуть, какъ мы увидимся; священный покровъ лежитъ еще на этой минутѣ, мы сорвемъ его и полетимъ въ объятія другъ друга... Я теперь ничего не дѣлаю, не могу ни о чемъ думать, кромѣ объ отъѣздѣ. А горько будетъ, Наташа, ежели и эти надежды лопнутъ,—хоть-бы взглянуть мнѣ дали на тебя,—въ цѣпяхъ бы свозили въ Москву на полчаса, и были-бъ опять силы на годъ.

Твой, ангелъ мой, твой *Александръ*.

Emilie кланяюсь дружески; она, вѣрно, не сердится, что я къ ней не пишу: ей-Богу, мнѣ трудно писать къ кому-бы то ни было, кромѣ тебя.

127. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

20 марта (1837).

Наташа, другъ мой, ангелъ мой, вотъ уже три недѣли, и нѣтъ письма, тяжело, больно,—я вяну, блекну, когда нѣтъ этой животворной росы; я дѣлаюсь хуже, падаю, теряю силу. Съ нынѣшней почтой я ждалъ навѣрное; получилъ нѣсколько писемъ, съ восторгомъ распечаталъ—и ни строки отъ тебя. Маменька пишетъ: «на этотъ разъ отъ Наташи послать нечего, вѣроятно, будетъ къ слѣдующей почтѣ!» Наташа, я не въ упрекъ тебѣ говорю и я знаю,

¹⁾ Такого письма не сохранилось.

ежели бы ты могла, всякій день писала бы, нѣтъ, но, другъ мой, мнѣ тяжело быть безъ писемъ и потому я говорю объ этомъ. Надежда на свиданье еще продолжается, мечты о свиданьи непрерывно занимають душу, онѣ принимаютъ, такъ сказать, плоть и тѣло,—когда-то осуществятся совсѣмъ? Что, ежели 9 апрѣля придетъ мое освобожденье, въ этотъ великій день моей жизни?

На дняхъ мое рожденье. Двадцать пять лѣтъ! Ничего не совершено, многое прожито, пережито и странно, необыкновенно прожито: для большей части людей, встрѣчавшихся со мною, я былъ бесполезенъ или вреденъ, но для тебя, для Ог. . . . Тутъ нечего и говорить; я съ гордостью признаюсь, что я для тебя былъ и буду все,—слѣдственно, тебя такъ же, какъ и меня, можно поздравлять съ этимъ днемъ и еще болѣе.

21 марта.

Никогда не бываетъ въ жизни человѣка полосы совершенно свѣтлой, безъ малѣйшей примѣси тѣни; казалось бы, можетъ ли быть безусловнѣе радость, какъ мой отъѣздъ отсюда? однако, я предвижу, что мнѣ очень грустно будетъ разстаться съ Витбергомъ,—я такъ свыкъся съ нимъ, у насъ такъ много симпатіи, и я знаю, что для него трудно и горько будетъ остаться одному, а здѣсь уже никого не останется, въ чью душу онъ могъ бы перелить свои высокія думы и чувства,—даже жена его, при всѣхъ достоинствахъ, не можетъ вполнѣ обнять великаго человѣка. О, она не Наташа, которой я смѣло могу довѣрить и думу, и мечту. А трудно жить одному, какъ египетскому обелиску, исписанному іероглифами, среди степи, гдѣ не бываетъ нога человѣческая. Господи, исторгни его изъ этого бѣдственнаго положенія, вознагради за все злое, что сдѣлали ему люди. Жаль будетъ мнѣ и Полину, но, кажется, судьба для нея мѣняется: одинъ человѣкъ, о которомъ я разъ тебѣ упоминалъ, Скворцовъ, страстно любитъ ее,—человѣкъ прекрасный, благородный и образованный, лучшій изъ всѣхъ жителей Вятки; вѣроятно, онъ женится на ней. Жаль, что доселѣ я въ ней не видалъ любви къ нему, но грѣшно не любить человѣка, такъ сильно любящаго; съ нимъ она можетъ быть счастлива. Жаль Мед.—что ей предстоитъ? Бѣдность, беззащитность и глубокое проклятіе прошедшему, и безнадежный взоръ на будущее, и все зло, которое я сдѣлалъ ей *par dessus le marché* ¹⁾). И моя вятская жизнь не безцвѣтна, и она оставляетъ воспоминанія: вотъ доказательство, что не внѣ души, а внутри ея заключается наша

¹⁾ Сверхъ всего.

жизнь, какъ въ сѣмени цѣлое дерево, внѣшнее—только условіе развитія. Въ Вяткѣ я сдѣлалъ переходъ отъ юношества въ совершеннѣе; странно, въ Москвѣ я еще не успѣлъ обглядѣться послѣ университета и узналъ людей безъ маски въ Вяткѣ; тутъ ихъ скорѣе можно узнать, ибо люди здѣсь ходятъ по-домашнему, не давая себѣ труда скрываться. Но не ребенокъ ли я? Кто не подумалъ бы, читая эти строки, что онѣ писаны за день до отъѣзда? но вѣрнаго ничего нѣтъ, и легко можетъ быть, что еще черный длинный годъ перейдетъ черезъ мою голову здѣсь. Прощай, эта мысль облила меня холодомъ. Цѣлую тебя.

24 марта.

Тысячу разъ говорилъ я тебѣ, что счастье мое не имѣетъ предѣловъ. И послѣ этого скажутъ, что человѣкъ никогда не бываетъ доволенъ. Господи, я болѣе ничего не требую отъ Тебя. Пусть продолжится ссылка, пусть люди гонятъ меня,—я счастливъ, счастливъ. Письма отъ тебя замѣнили все черное свѣтомъ и вдругъ приносятъ еще письмо—и это письмо отъ Ог. Съ августа 1835—первое! Нѣтъ, Наташа, не могу ни высказать, ни даже чувства привезти въ порядокъ. Я плакалъ, читая его письмо, я поцѣловалъ эту бумагу, писанную его рукой; такого подарка я не ждалъ въ свое рожденіе. Онъ еще болѣе сталъ, еще выше и такъ же пламенно любить меня. Надобно послать тебѣ списокъ съ его письма,—уди-вляйся ему, на колѣни передъ нимъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшилось ужасное сомнѣнье: *кто она*, избранная имъ. Вотъ письмо отъ нея ко мнѣ. Нѣтъ, обыкновенная женщина не можетъ писать *такъ* къ незнакомому, она достойна его. ¹ Оцѣни его дружбу, вотъ первыя строки его письма:

«Наши сношенія рѣдки, только два раза съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались; какъ долго носилъ я эти письма съ собой, какъ много слезъ пролилъ надъ ними, и, наконецъ, ихъ нѣтъ,—слѣды ихъ въ памяти слабѣе, рѣже, и вотъ становишься ими недоволенъ, припоминаешь черты знакомаго лица, хочешь быть съ нимъ вмѣстѣ, хочешь обнять брата родного по душѣ и ловишь призракъ, призракъ исчезаетъ и на сердцѣ становится тяжело и черно».

И какая увѣренность во мнѣ,—великъ, великъ человѣкъ, умѣющій такъ чувствовать! Ты будешь другомъ его Маріи, онъ самъ будетъ другомъ тебѣ. Волнуется душа, но это не буря, это игра океана: теперь я силенъ, теперь я высокъ. Радостно встрѣчу 25 марта съ твоимъ письмомъ въ одной рукѣ, съ его письмомъ въ другой. Я богатъ, ужасно богатъ! Кто дерзнетъ теперь со мною состязаться?—одна ты и одинъ онъ.

Отвѣчать на твои письма теперь не стану, потому что не могу—и слишкомъ много хочется передать, и терпѣнья нѣтъ говорить. По слѣдующей почтѣ напишу отвѣты. Теперь оставь меня въ упоеньи любви и дружбы, теперь поцѣлуй меня: я теперь хорошъ, я чувствую это; но это «теперь» не всегда,—опять запылюсь, опять сдѣлаюсь будничнымъ человѣкомъ.

Зачѣмъ же тебѣ пришла въ голову такая нелѣпая мысль, когда ты читала «Живописецъ»? ¹⁾... Ты—Вѣринька! Ха, ха, ха, это изъ рукъ вонъ. Ты, передъ душой которой я повергался въ прахъ, молился,—ты сравниваешь себя съ обыкновенной дѣвочкой! Нѣтъ, тотъ, кто избралъ такъ друга, тотъ не ошибся и въ выборѣ ея. Какъ будто я васъ самъ избралъ! Не Господь ли привелъ васъ ко мнѣ и меня къ вамъ?

Прощай. Свѣтло на душѣ!

Этимъ словомъ я рѣдко оканчиваю письма.

Твой Александръ.

Ежели будетъ досугъ и терпѣнье, по той почтѣ пришлю списокъ съ письма Ог.

Ты скрывала отъ Ег. Ив. твою любовь ко мнѣ. А зачѣмъ?—Я скрылъ отъ Мед., но тутъ есть причина..... Онъ пишетъ объ этомъ мнѣ.

◆◆ 1. П. В. Анненковъ имѣлъ возможность видѣть подлинникъ письма М. Л. Огаревой къ Герцену, но, слѣдуя своему обыкновенію, привелъ его конечно, далеко неточно.

Начиналось оно съ указанія, что въ ихъ бракѣ съ ея стороны не можетъ быть никакого обмана, потому что «жена вашего друга безобразна». На свой вопросъ: что же соединило ихъ?—Огарева отвѣчала: «Онъ былъ дикъ, я съ мужчиной всегда горда. Почти нечаянно вырвавшіяся истины. Правда, любовь, вѣра, самоотверженіе, вѣчность были стихіи, въ коихъ я жила съ тѣхъ поръ, что люди и привычка стали задувать во мнѣ огонь воображенія и охлаждать несносную рѣзвость. Но простодушіе во мнѣ осталось, и оно, и сердце доброе и неутомимое — одни качества или пороки (каждый постигаетъ по-своему) принесены мною общему другу въ приданое; прибавьте еще любовь безпредѣльную. Вмѣсто того, чтобъ нахмуриться, читая ваше письмо, я радуюсь, что Н. нашелъ помощниковъ и друзей истинныхъ.

¹⁾ Н. А. Подевого.

«Выходя замужъ, я понимала, какая мнѣ предстоитъ будущность; но когда однажды постигнешь *эту чистую душу*, которая только и радуется, что радостями ближняго, то вами овладѣваетъ любовь, и чувствуешь въ себѣ способности врачевать ея тоску. Я вообще нетерпѣливаго характера, а нынѣ я соперничаю *съ нимъ* въ терпѣннн и ухаживаннн за его отцомъ, получая въ видѣ награды наслажденн плакать *вмѣстѣ съ нимъ* и цѣловать его ноги, какъ свидѣтельство моего удивленн. Нужно ли мнѣ говорить вамъ, что другъ вашъ — одинъ изъ самыхъ усердныхъ учениковъ и послѣдователей Христа? Успокойтесь же на счетъ его спутницы, которая нисколько не тщеславна, не легкомысленна, любитъ добродѣтель для нея самой, уважаетъ ваши характеры, господа, и не уступить вамъ никогда въ твердости, добротѣ, человѣколюбн. Каждый вечеръ я молюсь за васъ всѣхъ и призываю на васъ благословенн божн, чтобы оно поддержало васъ на правомъ пути, сохранило Огареву друзей его, а страждущему человѣчеству — его пособниковъ. Я родилась въ роскоши, сведена была обстоятельствами на скудное состоянн въ послѣднее время и съ давнихъ поръ жила сиротой, — все это позволило мнѣ очень рано опредѣлять цѣнность людей и вещей. Вотъ почему я была въ состоянн скоро угадать моего друга и теперь принадлежу вамъ. Жизнь для меня привлекательна только съ этой точки зрѣнн, все прочее есть ничто. Если я васъ нѣсколько успокоила, то письмо мое было не напрасно. Еще одно слово: Огаревъ принадлежитъ великому дѣлу еще болѣе, чѣмъ мнѣ, а своимъ друзьямъ — столько же, сколько и своей возлюбленной. Послѣ всего этого не протянете ли вы мнѣ свою руку?» («П. В. Анненковъ и его друзья», 63—64).

128. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

25 марта 1837.

Тебѣ, тебѣ, ангелъ мой, посвящаю я этотъ день; онъ великъ для тебя такъ же, какъ мнѣ 22 октября. Другъ мой, сестра, тобою узналъ я, что и здѣсь доля блаженства райскаго, — нельзя оцѣнить того, что ты сдѣлала мнѣ; но чему же дивиться? — чистый ангелъ, ангелъ божнн и могъ только воскресить Абадонну, о! и во мнѣ было прежде все не померкнуто, чисто, какъ въ твоей душѣ, иначе ты не любила бы твоего Александра, онъ не былъ бы твоимъ, — ты возвратила мнѣ небо; великъ твой подвигъ, но велика и любовь моя: ей нѣтъ предѣловъ, это не любовь та, *которая проходитъ*. Умри—

и твой Александръ явится туда къ тебѣ съ той же любовью: онъ не можетъ еще разъ любить,—судьба рѣшена; но зачѣмъ эти пятна на моей душѣ, которыя я такъ хотѣлъ бы соскоблить и которыя, какъ кровь, опять выступаютъ. Какъ хотѣлъ бы я юношей чистымъ заключить тебя въ мои объятія, но прошедшее «вѣчно нѣмо»,—оно прошло, и поправки сдѣлать невозможно. Вотъ я вижу тебя, ты думаешь обо мнѣ; нѣтъ, не думаешь, — думать это что-то холодное,—думать можно и объ Макашиной,—нѣтъ, ты, ты... я, ты тутъ со мной,—о, дай же я прижму тебя къ груди; эта грудь много волновалась, много страдала, но въ ней все поглощено тобою. Прощай, идуть.

29 марта.

Ты права: положеніе наше въ Москвѣ будетъ ужасно, и именно ужасно своей мелочностью; грандіозное, высокое исчезаетъ въ несчастіяхъ, и останутся непріятности гадкія, подлая. О, вы! — и вы смѣете иногда называть себя родными!

Конечно, преодолѣвъ такія огромныя несчастія, мы побѣдимъ ихъ, но хуже всего, это—самая ничтожность всѣхъ гадостей, которыя будутъ дѣлать противъ насъ. Это похоже на зубную боль: болѣзнь вовсе не опасна, а дѣлаетъ мученій болѣе иной смертельной болѣзни. И надобно до времени *и мѣ* покориться, я первый склоню голову; не смѣшно ли: я, выдержавшій натискъ столькихъ непріязненныхъ силъ твердо, смѣло,—долженъ смиренно вынести капризъ Макашиной. Но есть Богъ! Впрочемъ, мы и такъ можемъ переписываться, хотя я далеко не ставлю рядомъ живую рѣчь съ мертвымъ письмомъ. О нѣмецкомъ языкѣ не заботься,—была бы охота, и лишь бы я былъ въ Москвѣ.

Ты совершенно права насчетъ службы, но, вѣдь, и одной литературной дѣятельности мало,—въ ней недостаетъ *плоти*, реальности, практическаго дѣйствія, ибо, право же, человѣкъ не созданъ быть писателемъ; письмо есть уже отчаянное средство сообщить свою мысль. Какъ же быть?—объ этомъ поговоримъ послѣ; кое-что я придумалъ, но все это хаосъ, сбродъ проектовъ; мнѣ нуженъ О., его глубокій взоръ, его высокая душа пусть рѣшитъ; покамѣстъ онъ за путешествіе тѣломъ и душой. А *propos*, списка съ его письма не пошлю,—прочтемъ его вмѣстѣ, я отвѣчаю по этой почтѣ; я ей писалъ о тебѣ. Что? Сама догадаешься.

Зачѣмъ ты противъ свадьбы Emilie, ежели она полагаетъ, что *любовь проходитъ*?¹⁾ Впрочемъ, я увѣренъ, что любовь безъ ува-

1) Въ это время она была любима Александромъ Дюфуромъ.

женія можетъ *пройти*. А какое уваженіе могла она имѣть къ S. ¹⁾, который къ прекрасному лицу въ прибавокъ имѣлъ душу хорошую, но безъ всякаго характера. Она гораздо выше его. Сверхъ того, стало, не было тутъ перста божія, ежели и онъ нашель средство, чтобъ *любовь прошла...* Какъ-то ²⁾

31 марта.

Ангель мой, прости, что мало пишу, опоздалъ. Цѣлую тебя, милый другъ, моя Наташа. Вспомни, что сегодня 2 года, какъ читали намъ сентенцію. Еще, еще цѣлую.

Ал.

129. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

3 апрѣля 1837.

Вятка.

Мартъ прошелъ въ непрерывныхъ ожиданіяхъ. Ежели что будетъ, то непременно до половины мая; итакъ, — опять ожиданія, волненія, надежды, трепеть радости и трепеть страха. Хуже всего, что я теперь не могу ровно ничѣмъ заниматься. Возьму книгу—и мысль свиданія, вѣчная мысль о тебѣ, останавливаетъ, и я бросаю книгу, и все такъ любимое мною въ занятіяхъ кажется теперь сухо, холодно, мертво передъ мыслью любви; но это пройдетъ, я дѣятеленъ по характеру, и какъ будто самая любовь похожа на dolce farniente итальянцевъ, которые любятъ ни о чемъ не думать. Нѣтъ, она сообщаетъ всему бытію какой-то взгляды особый, изящный; она развиваетъ даже въ чертахъ лица поэзію и блаженство. Наташа, есть люди, которые никогда не любили; это дурные люди или дураки, которымъ глупость загородила душу отъ всѣхъ чувствъ, или холодные эгоисты, которые собою загородили отъ себя весь міръ. Говорятъ, что были люди, которые съ открытыми объятіями, съ теплой душой вступили въ міръ и не нашли привѣта,—я не со всѣмъ вѣрю этому; конечно, толпа можетъ хохотомъ принять живое чувство, но будто не найдется *одна душа* симпатическая, а развѣ не довольно одной души,—твоей души мнѣ, моей души тебѣ? Можетъ, были въ самомъ дѣлѣ, какъ исключеніе, такіе несчастливцы,

¹⁾ Сатинъ.

²⁾ Вырѣзана верхняя часть листа.

но не такъ, какъ говорятъ нынѣшніе поэты. Тассо былъ очень несчастень, любивши принцессу Элеонору, но онъ былъ наружно несчастень. Элеонора любила его, и онъ собственно былъ несчастень оттого, что, сынъ страны полуденной, не могъ подняться до любви безтѣлесной, идеальной, которая была у одного Данта, и то потому, что Беатриче умерла, когда Данте былъ въ первой юности. Кстати, между тысячами дурачествъ, которыя всѣ повторяютъ, находится общее правило всѣхъ романовъ: «путешествія усиливаютъ любовь». Что за жалкій народъ, говорящій подобныя сентенціи. Какъ будто стройное, гармоническое чувство, спокойно, величественно развивающееся, ниже, слабѣе бѣшеннаго, сломаннаго чувства, въ которомъ звукъ отчаянія пересѣкаетъ звукъ блаженства? Какъ будто океанъ въ тихую минуту менѣе изященъ, нежели потокъ, сердящійся на колесо мельницы? А можетъ, эти препятствія и нужны для душъ безъ энергіи, чтобъ ихъ расшевелить? Плохіе поэты пьютъ водку для того, чтобы прійти въ восторгъ. Но геній,—Гете, Шекспиръ—не унижить себя до насильственнаго средства, да оно ему и не нужно такъ, какъ не нужно костыля здоровому. Толпа имѣетъ свои афоризмы, свой катехизисъ, гдѣ все по ихъ мѣркѣ, все пригнано къ ихъ уродству, къ кривымъ глазамъ, къ горбамъ на ихъ душахъ. И они вѣрятъ въ свои правила твердо, незыблемо, и этихъ правилъ тьма у нихъ, на всѣ случаи. Слыхала ли ты отъ нихъ, что послѣ брака любовь простываетъ? это—pendant къ предыдущему, и опять въ своемъ отношеніи они правы: ежели въ *женѣ* видѣтъ одну физическую *женщину*, ежели любовь основывается на одномъ хорошенькомъ лицѣ,—то правило вѣрно. А развѣ у нихъ бываетъ другая любовь?.. Но что тутъ и толковать,—дай Богъ, чтобъ толпа поправила свою уродливую душу; это и будетъ, но когда?..

«Что вы находите такъ много и часто писать въ Москву? это—страсть марать бумагу», сказалъ Витбергъ.

Я улыбнулся и не сказалъ ни слова,—онъ не знаетъ о моей любви, онъ не знаетъ тебя, прощаю ему. Впрочемъ, ежели-бъ и зналъ, онъ всего не оцѣнилъ бы: ему 50 лѣтъ и его жена—хорошая, добрая, очень неглупая женщина, такъ, какъ бываютъ женщины хорошія, добрыя и очень неглупыя. Ее можно любить, цѣловать, холить,—но дѣлить съ ней душу, всякую мысль нельзя: она не подыметъ на твою высоту; я былъ бы несчастливъ съ такой женой. Онъ счастливъ, погруженный весь въ одну мысль своего дивнаго труда и своихъ несчастій; онъ, такъ сказать, однѣ минуты отдыха дѣлитъ съ нею. Горе, ежели онъ когда-нибудь потребуетъ болѣе! А ты сравнивала себя съ Вѣринькой Полевого и черезъ нѣсколько дней сердилась на меня, что я сказалъ, что ты прибавила

мнѣ чистоты твоей небесной фантазіи. Будто ты не знаешь, какъ сходны, созвучны наши думы? Я знаю, что ты меня любишь со всѣми недостатками, словомъ, такъ, какъ я есть, такъ любить Ог. меня, и признаюсь, я не могу полной дружбой платить тѣмъ, которые любятъ мои таланты, а не меня самого; чтобъ любить достоинство, на это еще нѣтъ нужды быть другомъ, на это надо одно только умѣнье оцѣнить. Но при всемъ томъ, ты не можешь знать многихъ недостатковъ и пороковъ во мнѣ и, сверхъ того, какъ естественно тому, что мы любимъ, придать еще и еще достоинство. Я себя, напр., никогда не сравнивалъ съ Phœbus de Châteaupers (въ «Notre-Dame de Paris») ¹⁾, а ты не побоялась унижить себя до Вѣринки. Кто правъ, Mademoiselle??.. Вѣрь же, вѣрь, мой ангелъ, что мой выборъ, т. е. выборъ провидѣнія, былъ не ошибоченъ: ты—все, чего требовала моя душа, все и еще болѣе, нежели я требовалъ.

Полина все такъ же мила, все такъ же отъ всей души любить тебя и кланяется всякій разъ. Да, я хотѣлъ тебѣ написать: въ прошломъ письмѣ ты спрашиваешь о *Соколовъ*, т. е. о Скворцовѣ. Вниманье къ друзьямъ, которые и здѣсь отогрѣваютъ мою душу! Скоро 9 апрѣля, большой праздникъ въ нашемъ календарѣ, крестъ въ кружкѣ, это *Благовѣщеніе* нашей жизни. Прощай, иду къ губернатору обѣдать,—опять будни, опять душу застегнуть, униженія Но у меня есть ты.

6 апрѣля.

Какъ ты хороша, ангелъ мой! Вся эта душа, чистая и развитая одной любовью, выражена на твоёмъ прелестномъ лицѣ, въ твоихъ глазахъ. Я такъ хорошо, такъ хорошо видѣлъ тебя во снѣ. Мы сидѣли на диванѣ,—я долго смотрѣлъ на тебя и прижалъ къ своей груди... Весь день носился этотъ образъ передо мною. Кто поспорить со мною въ счастіи! А вотъ я тебѣ расскажу вздорный случай, но я былъ отъ него въ восторгѣ. На-дняхъ одинъ знакомый шутя началъ раскладывать карты,—надобно было загадать нѣсколько дамъ; я загадалъ тебя на червонной дамѣ, и 4 раза легъ червонный валетъ подлѣ нея. Повторили гаданье, и вышло опять то же; признаюсь, я былъ внѣ себя отъ радости. И тутъ, и тутъ воля Его должна была подтвердиться.

Однакоже, *будущія* московскія непріятности часто приходятъ мнѣ въ голову; доселѣ я не предвижу ни малѣйшаго средства пособить этому, а вѣдь, грустно намъ будетъ иногда отъ этихъ ме-

¹⁾ Фебъ Шатопаръ изъ «Собора Парижской Богоматери» В. Гюго.

лочей, очень грустно! Ты пишешь: «скорѣй къ концу, скорѣй рѣшенье». Да какъ, гдѣ же возможность? Или я твердой волей разобью песочные камни капризовъ и предрасудковъ?—не смѣю надѣяться; ты права: въ наружномъ отношеніи мы несчастны, но наружное преходяще, а внутреннее вѣчно, какъ наша любовь, а съ нею и блаженство. Наташа, неужели отецъ можетъ отвергнуть горячую, пламенную просьбу сына, неужели отецъ своею рукою можетъ изъ рукъ сына вырвать чашу питья небеснаго и заставить его пить изъ лужи? Разумѣется, я чашу не пушу изъ руки, но горько же видѣть руку отца, протягивающуюся для того, чтобы отнять ее,—а можетъ, она протянется, чтобы благословить! Можетъ быть,—а плохо вѣрится. «Не захочетъ огорчить сестрицу». Ха, ха, ха! Это было бы похоже на то, чтобъ врачъ, боясь разбудить спящаго, не пошелъ бы на помощь умирающему. Досадно, черныя тучи подымаются тамъ, гдѣ я хотѣлъ бы одно яхонтовое небо, свѣтлое, какъ твое чело; голубое, какъ твои глаза.

7 апрѣля.

Душа моя, я сейчасъ писалъ письмо къ княгинѣ и приписку къ тебѣ, и мнѣ такъ было смѣшно, что я могъ бы написать цѣлый листъ глупостей.

Мочи нѣтъ, смѣшно: я, твой Александръ, я моей милой, прелестной подругѣ, моей Наташѣ, пишу деликатно-вѣжлиное письмо.

Я передалъ Эрну твое воспоминаніе о немъ; его маменька кланяется тебѣ; она истинно добрая, прелестная старушка, любитъ меня отъ всей души, холить, какъ сына, бранить, какъ сына, и помнитъ тебя, а кто, хоть разъ, видѣлъ тебя, тотъ уже въ моихъ глазахъ имѣетъ огромныя права. Прощай моя... да какъ бы тебя назвать? все мало... моя божественная Наташа, мой серафимъ, мой ангелъ хранитель!

Нѣтъ еще свѣтлой вѣсти о свободѣ. Ахъ, и страшно, да лишь бы тебя обнять, лишь бы выпить въ себя свѣтъ твоихъ глазъ, какъ пьеть подсолнечникъ лучи солнца.

Прощай! Полинино кольцо уже начинаетъ осыпаться, несмотря что она его вставила въ золото; браслетъ всегда со мною, но не на рукъ,—чтобъ глаза *толпы* не смѣли видѣть.

Александръ.

130. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

9 апрѣля 1837.

Ангель мой, сегодня *девятое апрѣля!* Два года! и доселѣ еще не кончено. Тяжко. Господи, да мимо идетъ меня чаша сія!

Твоя душа—вотъ моя награда, вотъ мое блаженство, и наша симпатія не токмо въ каждомъ чувствѣ, но даже въ самыхъ словахъ. Вчера получилъ я твое письмо (отъ 17-го мар. до 24), и ты въ немъ пишешь, что въ нашей жизни 9 апрѣля есть благовѣщеніе, то есть, слово въ слово, что я тебѣ писалъ за день до полученія твоего письма (отъ 7 апрѣля). Ты говоришь еще о симпатіи молитвы; нѣтъ, Наташа, у меня утрачена эта чистота души, которая тебя подымаетъ къ Нему. Молись ты обо мнѣ, тебѣ назначено меня спасти, молись же. Еще недостаточно имѣть святое чувство религіи для того, чтобъ умѣть молиться: какъ я могу передъ Нимъ стоять на той же высотѣ, на которой ты стоишь? Вся твоя жизнь—одно чистое дуновеніе вѣтра, одно утро весны, твои дѣтскія уста привыкли къ молитвѣ, съ ней засыпала ты, съ ней просыпалась, и потомъ эта молитва переплелась съ любовью чистой, высокой—больше не было у тебя чувствъ, вся жизнь твоя сведется на нихъ, даже не было разсѣянія, даже не было матеріальныхъ удобствъ жизни. А я—рано разбудили мою душу мечты и мысли, и не было чистоты въ этихъ мечтахъ; гордость и самолюбіе захватили душу, и одно чувство дружбы спасло меня отъ холоднаго эгоизма.

Знаешь-ли ты, что до 1834 года у меня не было ни одной религіозной идеи; въ этотъ годъ, съ котораго начинается другая эпоха моей жизни, явилась мысль о Богѣ: что-то не полонъ, недостаточенъ сталъ мнѣ казаться міръ, долженствовавшій вскорѣ грозно наказать меня. Въ тюрьмѣ усилилась эта мысль, и потребность Евангелія была сильна; со слезами читалъ я его,—но не вполне понималъ: доказательствомъ тому «Легенда». Я выразумѣлъ самую легкую часть—практическую нравственность христіанства, а не само христіанство. Уже здѣсь, въ Вяткѣ, шагнулъ я далѣе, и моя статья «Мысль и откровеніе» выразила религіозную фазу, гораздо высшую. Но путь, которымъ я дошелъ до вѣры—не тотъ, которымъ ты дошла: ты вдохнула вѣру при первой мысли,—можетъ, еще до нея,—она тебѣ далась, какъ всему міру—откровеніемъ; ты ее приняла чувствомъ, и это чувство наполнило и мысль, и любовь. Со мною

было обратно: я такъ успѣлъ перестрадать и пережить много, что увидѣлъ съ ужасомъ на 23 году жизни, что весь міръ этотъ—суета суетствій, и, испуганный, сталъ искать отчизны души и мѣсто покоя.

Первый примѣръ были апостолы и святые; въ нихъ я видѣлъ именно тотъ покой, котораго не доставало въ моей душѣ. Отчего же? Отъ вѣры,—надобно же было узнать, что такое вѣрованіе, но у меня не доставало чистоты понять Евангеліе; тогда-то провидѣніе сдѣлало чудо для меня,—послало 9 апрѣля. Этотъ переворотъ былъ огроменъ. Тебѣ, можетъ, странно, что я, сильный и высокій человекъ въ твоихъ глазахъ, былъ совершенно пересозданъ тобою въ нѣсколько часовъ, въ которые ты не говорила ни слова, но это такъ. Тѣло отстало отъ души; я уснулъ, и сонъ мой, печальная жизнь въ Вяткѣ, былъ послѣдняя дань пороку. Проснувшись, я другими глазами взглянулъ на природу, на человекъ и, наконецъ, на Бога: я сдѣлался христіанинъ, и пламенное чувство любви къ тебѣ усилилось благодарностью. О, Наташа, Наташа, какъ великъ этотъ день 9 апрѣля въ нашей жизни! Но, при всемъ этомъ, до молитвы далеко; молитва у меня бываетъ, какъ молнія, мгновенна и ярка въ минуту сильной горести, въ минуту сильнаго восторга,—въ обыкновенное же время нѣтъ потребности. Умъ дѣйствовалъ у меня прежде сердца,—и вотъ слѣды. Молись же, ангелъ, за меня, молись. Ты всегда возражаешь мнѣ, когда я ставлю себя ниже тебя; я и не ставлю свою любовь ниже твоей, но то, что я понимаю очевидно, ясно, это—утрата чистоты душевной. Наташа, ты будешь счастлива: твоя душа, тихая, кроткая, небесная, будетъ радоваться моей душой, какъ поэтъ радуется бурному морю; ты будешь счастлива одною мыслью, что этотъ человекъ, отдѣльный отъ толпы, бурный и огненный, тебя любитъ; но зачѣмъ же мнѣ лгать на себя: во мнѣ всѣ элементы земли съ стремленіями туда, въ тебѣ—небо, нисходящее на землю. Я однажды писалъ: ты—лучъ свѣта, чистый, падающій на мрачную планету; я—отраженный землею, преломленный лучъ, утратившій бѣлый цвѣтъ и возвращающійся пурпуромъ. И не вѣрна ли твоя вѣчная мысль, что мы составили одно существо?

10 апрѣля.

Не въ томъ ли и состоитъ жизнь всего человѣчества, чтобы, наконецъ, выразить собою одного человекъ, одно существо, одну душу, одну волю? и это человѣчество сплавившееся—Христось, это его второе пришествіе, возвращеніе къ Богу. Для этого не нужно сходства нравовъ, а сходство души. Я и Ог.—совершенно разнородные люди снаружи, и оттого-то мы такъ тѣсно соединены: въ

немъ спокойствіе убѣжденій, мысль почившая; я весь—дѣятельность, и потому вмѣстѣ мы выражаемъ мысль и дѣятельность; такъ и ты будешь выражать не померкнутое, чистое начало человѣка, а я—человѣка земного; вмѣстѣ мы—и ангелъ, и человѣкъ. Представь себѣ все человѣчество, соединенное такъ тѣсно любовью, подающее другъ другу руку и сердце, дополняющее другъ друга,—и великая мысль Творца и великая мысль христіанства откроется передъ тобой. Что мѣшаетъ этому соединенію? Тѣло, въ смыслѣ матеріальномъ, эгоизмъ, въ смыслѣ духовномъ, — вотъ орудіе, которымъ дѣйствуетъ Люциферъ противъ воплощеннаго слова. Какъ будемъ вмѣстѣ, я вполне передамъ тебѣ эту религіозную мысль. Впрочемъ, она у тебя была прежде, нежели я писалъ. Въ одномъ изъ твоихъ писемъ была она, только иначе сказанная.

10 апрѣля.

Послѣдняя минута въ Крутицахъ была посвящена тебѣ. Написавши нѣсколько строкъ, мнѣ стало легче. Сердце мое затворилось, горестъ перешла границу, лилась мимо. Я не плакалъ, но чувство гадкое овладѣло мною, когда жандармъ сѣлъ на козлы. Я простился за заставой, бросился въ коляску и молчалъ; колокольчикъ зазвенѣлъ, ямщикъ началъ кричать, я слушалъ со вниманіемъ. Вдругъ жандармъ стихъ на козлахъ, обернулся къ Москвѣ, снялъ фуражку и перекрестился на Ивана Великаго,—сердце мое сжалось; но я не хотѣлъ взглянуть ни на Москву, ни на Ивана Великаго и курилъ сигару, завернувшись въ плащъ. Петръ ¹⁾ говоритъ, будто иногда слезы катились по щекамъ, не помню; а знаю, что я далъ извозчику четвертакъ, чтобы онъ скакалъ, сломя голову. Это было ровно два года тому назадъ,—почти въ то же время, какъ я пишу теперь. Я тебѣ писалъ изъ Перми объ ужасномъ чувствѣ, когда я переправлялся черезъ Оку: разливъ былъ широкъ, паромъ, казалось, былъ неподвиженъ, а берегъ отодвигался; мнѣ было жаль его,—съ этимъ берегомъ отодвигалось все родное отъ меня и надолго... Въ Пермь я вѣхалъ безъ особыхъ чувствъ, но въ Вятку я приплылъ по разлитію, и мрачное чувство овладѣло мною, я думалъ: вотъ входъ въ чужой городъ, который запрется для меня. Это испытываетъ звѣрь, попавшійся въ тенета. О, растворитесь же, ворота! Родимый берегъ, родимый городъ, возьми меня назадъ. Тамъ небесная дѣва томится разлукой; къ ней, къ ней! Прощай, будемъ надѣяться. А пора, ей-Богу, пора...

1) Федоровичъ.

11 апрѣля.

Я перечиталъ написанныя строки, и опять вспомнилось мое путешествіе. Быстро мелькали города, нигдѣ не останавливался и все смотрѣлъ съ тупымъ вниманіемъ человѣка, котораго сейчасъ разбудили. Вся эта дорога оставила одно воспоминаніе, какъ я чуть-чуть было не потонулъ на Волгѣ; разливъ былъ слишкомъ на 15 верстѣ, и буря ужасная; рѣка и разливъ волновались, какъ море; огромныя и широкія волны били въ досчаникъ, легкій, тонкій, сколоченный изъ нѣсколькихъ досокъ; пьяный татаринъ поднялъ парусъ; его тотчасъ сломало и бросило насъ въ пенъ дерева; корма проломилась, вода струею потекла. Первая минута была ужасна: 5 верстѣ отъ одного берега, 10 отъ другого. Петръ началъ плакать, татаринъ—молиться, а провидѣніе бросило на мель досчаникъ, и черезъ часъ его поправили, и черезъ три часа, несмотря на бурю, я уже пріѣхалъ и, сидя на берегу, ѣлъ печенія яйца. Тутъ я испыталъ опять твердость характера: первую минуту меня обдало холодомъ, но мгновенно явилась мысль вѣры въ провидѣніе, и я, закутавшись въ ерчакъ, съ совершеннымъ спокойствіемъ смотрѣлъ, чѣмъ кончится эта исторія. Солдатъ хотѣлъ послать за другимъ досчаникомъ; я не велѣлъ, я увѣренъ былъ, что провидѣніе не сорветъ такъ рано едва распускающуюся жизнь,—и надежда моя была вѣрна. Впрочемъ, я, кажется, уже писалъ тебѣ объ этомъ; итакъ, «простите повторенье».

13 апрѣля.

Я писалъ, чтобъ тебѣ подарили отъ меня переводъ Шекспирова «Гамлета»; читай его со вниманіемъ, это—великое твореніе; въ будущемъ письмѣ скажу нѣсколько словъ объ этой трагедіи. Она въ себѣ заключаетъ самую мрачную сторону бытія человѣка, цѣлую эпоху человѣчества.

14 апрѣля.

Ужасно, ежели ты въ маѣ уѣдешь въ деревню: я безъ внутренняго бѣшенства не могу вздумать объ этомъ,—20 верстѣ и, можетъ, разъ видѣться. И пріѣхать, когда ужъ тебя не будетъ Прощай, ангелъ, божество, другъ мой. Прощай!

Твой Александръ.

131. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

17 апрѣля 1837.

Вятка.

Я говѣлъ... дурно, разсѣянно; только утромъ въ Великую Пятницу немного исправился, написавъ коротенькую статейку, въ родѣ продолженія статьи «Мысль и откровеніе». Нѣтъ, намъ уже трудно сродниться съ церковными обрядами: все воспитаніе, вся жизнь такъ противоположны этимъ обрядамъ, что рѣдко сердце беретъ въ нихъ участіе. Вникая въ обряды нашей церкви, въ нихъ открывается глубокой, таинственный смыслъ, но привычка къ практическому, матеріальному дѣлаетъ то, что мы умомъ, а не сердцемъ разбираемъ ихъ. А, можетъ, надобно имѣть болѣе невинную душу? Формы дѣйствуютъ лучше на народъ: онъ подавленъ ими, и, не ища далѣе, не понимая ихъ, онъ молится усердно.

Въ прошломъ письмѣ я обѣщалъ тебѣ нѣсколько словъ о Шекспировомъ «Гамлетѣ». Человѣчество живетъ въ разныя эпохи по двумъ разнымъ направленіямъ: или оно имѣетъ вѣрованіе, и тогда всѣ искусства запечатлѣны религіозностью, надеждою на лучшей міръ,—или оно низлагаетъ вѣрованіе, и тогда что за удѣлъ поэта: небо у него отнято вѣкомъ; люди, ломающіе вѣру, обыкновенно гнусны; въ собственной душѣ находитъ онъ пустоту, и ему остаются два чувства: проклятіе и отчаяніе. Въ такую-то эпоху жилъ Шекспиръ. Внимательно пересмотрѣлъ онъ сердце современниковъ и нашелъ порокъ и низость, и вотъ поэтъ съ негодованіемъ бросилъ людямъ ихъ приговоръ; каждая трагедія его есть штемпель, которымъ клеймятъ разбойника; въ Шекспирѣ нѣтъ ничего утѣшающаго; глубокое презрѣніе къ людямъ одушевило его, и даже состраданія въ немъ нѣтъ: онъ прямо указываетъ на смердящія раны человѣка и еще улыбается. «Гамлета» можно принять за типъ всѣхъ его сочиненій и, несмотря на то, что я 10 разъ читалъ «Гамлета», всякое слово его обливаетъ холодомъ и ужасомъ. Гамлетъ добродѣтеленъ, благороденъ по душѣ, но мысль отмстить за отца овладѣла имъ и, когда онъ поклялся отмстить убійцѣ отца, тогда узналъ, что этотъ убійца—его родная мать. И что же съ нимъ сдѣлалось послѣ перваго отчаянія? Онъ началъ хохотать, и этотъ хохотъ адскій, ужасный продолжается во всю пьесу. Горе человѣку, смѣющемуся въ минуту грусти,—душа его сло-

мана, и нѣтъ ей спасенія. Вотъ тебѣ, ангелъ мой, введеніе, остальное ты сама увидишь; кромѣ сильнѣйшаго генія, никто не сладилъ бы съ такой трудной темой, но душа Шекспира была необъятна.

18. Ночь.

Христось воскресе, Наташа! Ангелы поютъ славу Его; итакъ, пой славу Его. Я сейчасъ изъ собора; дивное служеніе, что за торжество! Спать не хочу, меня душить тоска,—эти люди, эти холодные, чужіе. О, Наташа, какъ гадко мое настоящее положеніе! И этотъ день всѣ ликуютъ,—бѣдный отдаетъ послѣднюю копейку, чтобъ веселиться, и веселится. А колодникъ плачетъ надъ цѣпью, а изгнанникъ плачетъ о родинѣ, имъ нѣтъ праздника. Я испыталъ то и другое. Зачѣмъ замолкли эти надежды, которыми я питался съ половины феврала? 9 апрѣля было тоже на Святой, и какая разница: тогда я видѣлъ небо разверзающееся, какъ Іоаннъ, и слышалъ голосъ: «Это мой ангелъ возлюбленный, я его послалъ спасти тебя. Люби его». А эта Святая что мнѣ покажетъ? — я и забылъ великую честь обѣдать за столомъ его превосходительства; о, да ежели на то пошло, я пресчастливый человекъ: сюда будетъ наследникъ, многіе стараются лишь бы взглянуть на него, а я ему буду показывать выставку,—какая зависть возродится! А я бы имъ отдалъ охотно и свой чинъ, и свои деньги, лишь бы скакать въ Москву. Странное дѣло: въ душѣ презираешь иныхъ людей, а больно, когда они обижаютъ; правда, вѣдь, ежели и осель лягаетъ, то боль не менѣе, но ослы добры, они рѣдко лягаютъ, а люди,—нѣтъ, это не люди...

Я перечиталъ твое письмо, писанное въ прошлую Святую: любовь та же, грусть та же, но ты тогда еще не вполнѣ понимала себя, тебя что-то пугала мысль быть любимой мною; я тогда до-садовалъ за это чувство. Ты болѣе всего мнѣ нравишься, когда говоришь, какъ въ прошедшемъ письмѣ: «Терпи, Александръ, страдай, тебя ждетъ награда,—моя любовь». Да, болѣе награды не можетъ быть и въ небѣ. Прощай, ангелъ мой, скоро надобно надѣвать мундиръ. Прощай... Нѣтъ, что хочешь говори, а разлука — дѣло ужасное, и такая разлука! И въ прошломъ году въ этотъ день ты надѣялась скоро видѣть меня; можетъ, и въ будущемъ, а можетъ... нѣтъ, надежда, ты блѣдна, Богъ съ тобой.

Я цѣловалъ много разъ твой браслетъ, христосовался съ нимъ.

19 апрѣля.

Вотъ завтра двѣ недѣли, какъ нѣтъ почты, и этого еще не доставало! Фу, какъ несносны праздники, когда на душѣ мракъ и будни. Гнусные люди живутъ здѣсь, отсюда ближе къ аду, нежели изъ Москвы. Новыя гадости, и я долженъ или бороться съ гораздо сильнѣйшими, или сдѣлать подлость, которую-бъ ни одинъ благородный человѣкъ мнѣ не простилъ. Повѣришь ли, что преслѣдованія Мед. идутъ до того, что ее хотятъ лишить той помощи и защиты, которую она имѣетъ въ домѣ Витберга.

Наташа! лучше еще годы разлуки, но я не сдѣлаюсь орудіемъ подлаго человѣка. Ты спросишь: да за что эти преслѣдованія?..... Лучше не спрашивай: есть вещи, которыхъ не знать—душѣ легче.

20 апрѣля.

Изъ всѣхъ горестей самыхъ жгучихъ нѣтъ ничего хуже, какъ чувство собственной неправоты. Разлука ужасна, но мысль, что наши души нераздѣльны, утѣшаетъ, а это чувство неправоты не можетъ имѣть облегченія ни внѣ, ни внутри; ему недоступно утѣшеніе. И ежели бы было доступно, то это значило бы, что душа унизилась, пала; итакъ, еще надобно благословлять эту ядовитую боль, ибо она—послѣднее условіе, по которому человѣкъ сознаетъ неполное паденіе свое. Я давно не писалъ тебѣ о М.; но тутъ съ тѣхъ поръ ничего не поправилось, и, признаюсь, холодный потъ выступаетъ иногда на лицѣ, и я не имѣю характера и силы разомъ окончить все это. Нѣсколько разъ говорилъ я о тебѣ съ восторгомъ, съ одушевленіемъ, показывалъ твой браслетъ, и это было не понято, да и не мудрено,—она считаетъ меня за благороднаго человѣка, а могъ ли благородный человѣкъ такъ гнусно обманывать... Господи, продолжи еще разлуку, обрушь на меня еще несчастій, подвергни еще гоненіямъ,—только дай средства выйти изъ этого заколдованнаго круга! О, Наташа, твое небесное сердце никогда не испытаетъ ничего подобнаго, а какъ это тяжело.....

Почты все еще нѣтъ, но, ежели и будетъ, что же она принесетъ мнѣ... Можетъ, нѣтъ отъ тебя писемъ, а мнѣ нужно ихъ для выздоровленія.

21 апрѣля.

Повѣсть моя не двигается, да, кажется, и не двинется. У меня нѣтъ таланта къ повѣстямъ; сверхъ того, я хотѣлъ въ нее влить многое изъ своей жизни, а все это еще слишкомъ свѣжо, чтобъ

можно было писать. Хуже всего, что не хочется ничего дѣлать. Дай Богъ какой-нибудь перемѣны,—такъ жить изъ рукъ вонъ тяжело... Но что все это передъ святой мыслью твоей любви?!—тѣмъ достойнѣе я буду ея и тебя.

Прощай, ангелъ мой, прощай,

твой и здѣсь и тамъ *Александръ*.

132. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

28 апрѣля 1837.

Наташа! и этотъ лучъ надежды сталъ меркнуть, блѣднѣть; теперь пишутъ другое изъ П., а мы, было, такъ дѣтски отдались надеждамъ. Милый ангелъ, будемъ еще терпѣть... стыдно, терпѣвши столько, унывать на концѣ...

Я теперь переѣхалъ на нѣсколько дней къ Эрну, и видъ изъ моей комнаты на поле и на рѣку, которая теперь въ разливѣ; часто сажусь я на окно и устремляю глаза, вижу даль, и тогда мнѣ вольно мечтать о тебѣ, моя небесная подруга... Всѣ чувства, всѣ мысли, все мое существованіе превращается болѣе и болѣе въ свѣтлое чувство любви, ты еще болѣе для меня, нежели была; какимъ совершеннымъ сиротою былъ бы я безъ тебя—не обижая дружбы, она никогда не могла бы дать столько. Наташа, Наташа, ей-Богу, я не думалъ, чтобъ когда-нибудь я могъ такъ любить, но зналъ ли я, что на землѣ есть ангелъ, и что этотъ ангелъ полюбитъ меня... Губернаторовъ сынъ женится; на-дняхъ былъ у него обѣдъ послѣ помолвки; я пристально смотрѣлъ на жениха и невѣсту: какъ мы должны благословлять Бога, что онъ намъ далъ душу, раскрытую чувствамъ сильнымъ и высокимъ. Я воображаю тебя и себя тогда, за нѣсколько дней до вѣчнаго соединенія (которое, впрочемъ, — одна форма, ибо мы соединены навѣки): какой восторгъ, какая радость, а эти, — женихъ *строитъ куры* невѣстѣ, невѣста *жемани*тся, все натянуто, холодно, а онъ кричитъ: «о, какъ ее люблю!» Толпа, иди своей дорогой, счастливый путь, но ежели ты идешь направо, то я съ Наташей пойду налево; иди съ своими почувствами, полумыслями, полусуществованіями; намъ надобенъ просторъ и просторъ обширнѣе всего шара земного, намъ надобно небо!

Часто, смотря на толпу, мнѣ приходитъ въ голову та простонародная сказка, гдѣ царевичъ былъ засмоленъ въ бочку и брошенъ *въ Море-Окіанъ*. Царевичъ сталъ расти,—тѣсно ему въ бочкѣ,

онъ и просить дозволенія ноги протянуть.—«Да, вѣдь, ты потонешь, добрый молодець».—«Нужды нѣтъ, отвѣчалъ онъ, лишь бы протянуться: лучше тонуть въ океанѣ, нежели, скорчившись, жить въ бочкѣ». Я совершенно согласенъ съ этимъ царевичемъ. Вотъ тебѣ еще анекдотъ за тѣмъ же обѣдомъ. *Vis-à-vis* со мною сидѣла одна очень миленькая барышня; между прочимъ, рассказывала она мнѣ, что ежели кто хочетъ въ одно время думать объ отсутствующемъ другѣ, когда тотъ думаетъ, то стоитъ прежде посмотрѣть на луну и сказать 3 раза «*belle lune, pense à moi*» ¹⁾ и пр. — Положимъ, что такъ, сказалъ я, но не лучше ли была бы та симпатія, которая заставила бы *ее* писать точно то же за 1.000 верстъ, что *онъ* пишетъ здѣсь, безъ всякихъ искусственныхъ средствъ? Толпа услышала и говоритъ, что это невозможно; я хохоталъ,—подумали, что и я не вѣрю этому. А сколько разъ съ восторгомъ и трепетомъ души читалъ я свою мысль въ твоёмъ письмѣ,—да и что же тутъ удивительнаго? развѣ есть видимый предѣлъ между твоей душою и моей? одно различіе: ты любишь меня, я люблю тебя. Но, *кажется*, *chère amie*, это не разрушаетъ симпатій.

Ты пишешь въ прошломъ письмѣ, чтобъ сказать папенькѣ обо всемъ тотчасъ по пріѣздѣ; я тысячу разъ думалъ объ этомъ, но еще не рѣшилъ. Ты знаешь ли его характеръ, холодный и разсудительный?—его врасплохъ не застанешь. И потому надобно прежде знать сколько-нибудь его мнѣніе; ибо ежели я сдѣлаю прямой вопросъ, то отрицательный отвѣтъ совершенно разъединитъ меня съ нимъ. Но что онъ можетъ имѣть противъ нашего соединенія? Я молодъ—хорошо, я откладываю на два, на три года, лишь бы впередъ рѣшено было, что не будутъ тебя мучить, что спасутъ тебя отъ Макашиныхъ, дадутъ волю заниматься, и мы будемъ *i promessi sposi* ²⁾, какъ называютъ итальянцы, и это состояніе прелестно. Ну, еще наше препятствіе—деньги; послѣднее время онъ такъ былъ щедръ ко мнѣ, что стоитъ только продолжать; вѣтреность — но неужели два года ничего не доказываютъ? Ахъ, если-бъ все это обдѣлалось письмами! я намекалъ раза два, но онъ какъ будто не видитъ; въ послѣднемъ письмѣ я пишу о слухѣ, что я здѣсь жениюсь, который отъ нечего дѣлать распустили здѣшніе г—да, пишу, какъ нелѣпость,—но это можетъ навести на серьезное,—буду ждать его отвѣта. Впрочемъ, *Natalie*, все это вздоръ, мы будемъ соединены, клянусь твоей любовью, какъ—все равно, когда—все равно.

Природа расковалась, а я нѣтъ!

¹⁾ Прекрасная луна, подумай обо мнѣ.

²⁾ Обрученные.

О сколько болѣзненныхъ, жгучихъ мыслей толпилось въ груди, когда я перечитывалъ, какъ ты вечеромъ смотрѣла на улицу. Поварская, и ты свята для меня: съ какимъ благоговѣніемъ пойду я по твоему каменному хребту, я поцѣлую тебя, я слезою почту тебя. Оттуда со скачки я взглянулъ въ послѣдній разъ на нее, облако пыли покрывало ее, и одинъ шпигъ той колокольни, какъ штыкъ часового, блисталъ въ преддверіи,—грустно мнѣ тогда было, и я не видалъ съ тѣхъ поръ Поварской, скоро 3 года, и продолжается грусть.

Я какъ-то сталъ глупѣе съ тѣхъ поръ, какъ надежда опять отлетѣла: что-то усталое, не живое въ душѣ, сержусь, капризничаю и письмомъ этимъ я недоволенъ,—цѣлая страница вздору, но я знаю, чтò для тебя мое письмо, и потому безъ особенныхъ причинъ не лишаю тебя этого удовольствія. Прощай.

Кланяйся твоей Сашѣ,—Emilie, когда будешь писать. Полина жметъ твою руку. Цѣлую тебя, мой ангель... ангель, Наташа.

Александръ.

133. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

30 апрѣля 1837.

Ангель, ты всегда отрываешь меня отъ душной земли и переносишь въ небо, это твое назначеніе и, божественная, великая, какъ ты его исполняешь! Вотъ твои письма (отъ 25 мар.—6 апр.). И я, воспитанный, спасенный счастливой дружбой и любовью, сказалъ, что въ 25 лѣтъ ничего не сдѣлалъ! Нѣтъ, вижу, что надобно искоренить славолубіе, это—высшая степень эгоизма, и зачѣмъ же жаждать еще чувствъ, еще блаженства, когда душа черезъ край наполнена? Твое письмо, какъ чистое дуновение рая, разбудило меня. Ежели я имѣю силу, ежели провидѣніе не тщетно разливаетъ дары, то будущность моя совершится безъ натяжки; стоитъ только слѣдовать персту, указующему путь; этотъ перстъ мнѣ указываетъ теперь одно—тебя, и я понимаю почему. Кто могъ, кромѣ тебя, остановить меня среди разгула буйной жизни? Но это еще легче было, ибо въ душѣ никогда не померкало доброе начало; но кто могъ потрясть мою давнишнюю мечту о славѣ, ту мечту, которая тревожила меня ребенкомъ, заставляла не спать ночи и заниматься во время курса, переносить страданія? Эта мысль была святая святыхъ моей души,—ты однимъ словомъ, одной строчкой потрясла до осно-

ванія этотъ алтарь гордости, я излѣчусь отъ него,—вотъ тебѣ моя рука,—и душа будетъ чище. И въ самомъ дѣлѣ—ну, ежели нѣтъ назначенія громкаго и я *натяну* его, и оно обрушится на меня, какъ гранитная скала, а не для того созданныя рамена поникнуть и *чужое* задавить меня?

Развѣ мысль восторженная, живая сама въ себѣ, и любовь, и дружба недостаточны душѣ? О, какъ дурна должна быть та душа, въ которой останется мѣсто для рукоплесканья толпы, которую она будетъ дѣлить со всякимъ фокусникомъ. И послѣ этого мнѣ не молиться на тебя! Наташа, Наташа, моя спасительница! Шиллеръ говоритъ о дѣвѣ Орлеанской: «и избралъ Господь голубицу для исполненія воли Своей». Святая голубица, слетѣвшая изъ рая, ангелъ Господень, царствуй надо мной, передъ посланникомъ божіимъ не стыдно склонить главу. И какъ святы, какъ чисты эти орудія Господа! Наташа, ни слова болѣе, я счастливъ, чрезмѣрно счастливъ... Да, да, одинъ взоръ, одно объятіе, и покинемъ землю, черную, грубую, гадкую землю! Взгляни на это блаженство, разлитое въ моей душѣ, и помолись,—это твое дѣло, ты принесла рай въ земную душу. Молись,—ты совершила свое призванье.

Рѣка здѣсь широкая, и теперь разливъ; я долго катался на лодкѣ, небо было чисто, вода спокойна; я мечталъ о небѣ и о тебѣ, я находилъ какое-то общее разительное сходство между тобою и этимъ воздухомъ весны, и этой лазурью; я, ничтожный, созерцалъ, понималъ это небо такъ, какъ понимаю и созерцаю тебя, мнѣ было хорошо; часъ передъ прогулкой я получилъ твое письмо, и этотъ видъ, эта величественная рѣка продолжали твое письмо,—я чище, святѣе понималъ его. Наташа! Наташа! Какъ велика ты, пересоздавшая меня!

Хочу нынѣшнее лѣто провести лучше; я не надѣюсь въ 37 году увидѣть тебя (мое пророчество объ этомъ годѣ сбылось), я открою свою душу всѣмъ чистымъ наслажденіямъ, буду таскаться по полямъ, лѣсамъ, буду ѣздить верхомъ, почти никуда не ходить и пузе всего отучусь отъ этого грубаго обыкновения—пить вино. Пусть это короткое лѣто будетъ поэтическимъ потокомъ; одно мѣшаетъ—служба. Ты, ангелъ, перенесешь разлуку; Богъ дастъ тебѣ силы довершить начатое.

3 мая.

Еще письмо (отъ 7-го до 19-го апрѣля)—послѣдняя буря улеглась въ душѣ, и я спокойно посмотрѣлъ около себя. Твое письмо похоже на теплый воздухъ Пиренейскихъ горъ, который вѣетъ иногда на Италію, чтобъ освободить ее отъ сирокко, — ядовитаго

дыханія Африки. Тогда все живое воскресаетъ, дышитъ легко, смертная тягость проходитъ. Опять та же симпатія, которая, наконецъ, превращается въ совершенное слитіе, безраздѣльное, полное нашихъ душъ. Ты и я совершенно одинакимъ образомъ встрѣтили праздникъ.

Итакъ, княгиня просила Льва Алексѣев. о богатомъ женихѣ, о женихѣ съ мѣстомъ. Я знаю, что изъ этого ничего не будетъ и что Л. Ал., выходя изъ комнаты, забылъ; но сколько неприятностей ждетъ тебя, ежели явится какой-нибудь дуракъ подъ протекціей Макашиной. Нѣтъ, пора маску долой. И, вѣдь, они не понимаютъ, какой небесный ангелъ ввѣренъ Богомъ имъ на сохраненіе. О, Дидротова кухарка! И меня считали вѣтренымъ мальчишкой! Пора, пора... Уже мысль одна о женихѣ, даже въ нелѣпѣйшихъ головахъ, есть для меня обида,—ужасная, нестерпимая. О, какъ неумолима, жестока судьба: я скованъ, связанъ, брошенъ въ дикую сторону, и всѣ надежды—только зарницы, намекающія на свѣтъ, а не день. Только дай же мнѣ честное слово: какія бы неприятности ни были, ты ихъ не скроешь отъ меня, — все знать гораздо легче, нежели часть. Я не понимаю, чего боится мам. сказать объ этомъ папенькѣ; развѣ для этого надобно открывать переписку, развѣ нельзя сказать о нашемъ свиданьи? Пожужу немного да разомъ напишу все отъ доски до доски. А тебѣ, ангелъ, слезы, — я сотру ихъ, я превращу ихъ въ слезы восторга.

5 мая.

Вчера ночью поѣхалъ я кататься на лодкѣ. Мѣсяцъ свѣтилъ блѣдно; разливъ черезъ поля, лѣса соединяетъ рѣку съ озеромъ, отстоящимъ на 5 съ $\frac{1}{2}$ верстъ; я поѣхалъ туда. Рѣка была спокойна, небо спокойно, луна бѣжала за нами по водѣ, и нерѣдко волна, взброшенная вешломъ, подымалась, чтобъ сверкнуть, какъ молнія, и исчезнуть. А по другую сторону—мракъ.

Хороша природа, вездѣ хороша, и тутъ мнѣ былъ просторъ и досугъ мечтать о тебѣ. И ты, ангелъ, пишешь, что, смотря на природу, ты находила въ ней меня — вездѣ наша симпатія. «Что было бы съ тобою,—спросилъ Скворцовъ,—ежели-бъ ты обманулся въ ней и въ Ог.?»—Я отвѣтилъ, что это такъ нелѣпо, что нельзя и сказать. Что была бы вселенная, ежели-бъ не было Бога: ея-бъ не было, и нечего придумывать; ибо Богъ есть, такъ и любовь въ моей жизни,—тутъ ничто не можетъ потрясти моей вѣры. Онъ покраснѣлъ отъ своего вопроса, жалѣлъ, что высказалъ его, дивился моему счастью.

Я вспомнилъ поэта:

...le Seigneur

Mèle éternellement dans un fatal hymen

Le chant de la nature au cri du genre humain ¹⁾.

Съ одной стороны, рѣка, горы, даль; съ другой—маленькія лачуги, гдѣ царить бѣдность, и большой каменный острогъ, который печально смотрится въ рѣку и звенитъ цѣпями и дышитъ вздохами.

Прощай, сестра, другъ, прощай, моя Наташа. Когда взгрустнется, подумай о моей любви, подумай, какъ непрерывно и всегда ты въ душѣ моей,—и грусть отлетитъ. Прощай же; кажется, нельзя обвинять, что рѣдко пишу.

Твоей Сашѣ братскій поклонъ; я самъ хотѣлъ бы написать ей нѣсколько строкъ.

Addio!

Александръ.

Вотъ тебѣ, милый другъ, слово за слово письмо Огар. Читай и восхищайся.

«Писалъ очеркъ моей системы (который, можетъ, дойдетъ и до тебя) и усталъ ужасно; но еще есть силы писать къ другу, къ вѣчному, неизмѣнному другу.

«Наши сношенія рѣдки; только два раза съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись; какъ долго носилъ я эти письма съ собою, какъ много слезъ пролилъ надъ ними и, наконецъ, ихъ нѣтъ; слѣды ихъ въ памяти слабѣе и рѣже, и вотъ становишься ими недоволенъ, припоминаешь черты знакомаго лица; хочешь быть съ нимъ вмѣстѣ, хочешь обнять брата, родного по душѣ, и ловишь призракъ,—призракъ исчезаетъ, и на сердцѣ становится тяжело и черно!..

«Много переѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ мы не вмѣстѣ. Я женился!.. Не смѣй при этомъ словъ съ горестной улыбкой вспоминать о Танѣ ²⁾, Танѣ, которая любовью эгоистической выколдовала его ³⁾ изъ круга друзей. Моя Марія пожертвуетъ всѣмъ для будущности; не смѣй также сомнѣваться въ твоёмъ другѣ; онъ вѣренъ самому себѣ, какъ истина. *Нѣкоторые* сомнѣвались во мнѣ. Но ты,—не правда ли?—ты ни на минуту не сомнѣвался, ты лучше знаешь меня. Эта увѣренность, что есть человѣкъ, который никогда не усомнится во мнѣ, въ какихъ бы обстоятельствахъ я ни былъ, эта

¹⁾ «Господь бесконечно сливаетъ въ роковомъ бракѣ пѣніе природы съ крикомъ рода человѣческаго». В. Гюго.

²⁾ Т. П. Пассекъ.

³⁾ Вад. В. Пассекъ.

увѣренность—мое сокровище; твоя дружба—мое сокровище. «Одно, что во всю жизнь не измѣняло мнѣ, это—твоя дружба», писалъ я нѣкогда; теперь скажу, что есть еще сокровище неизмѣнное, это—любовь моей жены. Другъ! Я счастливъ ею, люби ее, какъ сестру, она достойна того, я за нее ручаюсь! Я писалъ къ *нимъ* ¹⁾, что я счастливъ, но они въ ней видѣли Таню и не радовались моему счастью; они любили во мнѣ орудіе идеи, но не человѣка. Другъ! ты любилъ меня для меня, да, ты будешь радъ, когда я скажу тебѣ: я счастливъ! Ты не скажешь мнѣ несправедливаго укора, ты меня знаешь, ты въ меня вѣришь. Они укоряютъ меня въ недѣятельности! Въ какой недѣятельности? Почему они знаютъ, что я дѣлаю? Мой умъ идетъ впередъ, онъ не спитъ, онъ собираетъ войско идей. Укоряютъ, почему рѣдко показываюсь въ общество. Ты самъ живешь въ провинціи, ты знаешь, что это за общество: собраніе какихъ-то уродовъ, между обезьяной и человѣкомъ, отуманенныхъ предразсудками, лѣнивыхъ умомъ, развратныхъ душою, которые не имѣютъ даже привлекательной стороны негра въ Америкѣ—страданія. Что же я тутъ буду дѣлать? Въ моемъ углу любовь, чистота душевная, мысль никогда не дремлющая; тутъ я готовлю пищу своей дѣятельности на всю жизнь. Ты поймешь и не осудишь.

«Моя женитьба не разстроила ничего; мы попрежнему *юдеме*, съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе увѣряюсь, что необходимо ѣхать. О, чего-бъ я ни отдалъ за часъ свиданія съ тобою! Сколько мыслей толпится въ головѣ, сколько желаній, сколько силы стремиться далѣе! Нѣтъ, мы не умремъ, не отмѣтивъ жизнь нашу рѣзкою чертою. Я вѣрю, эта вѣра—мое святое достояніе. Вѣрь и ты, да ни одна минута отчаянія не омрачитъ души твоей; кто вѣритъ, тотъ чистъ и силенъ! Пусть эти строки напомнятъ тебѣ твоего друга, въ нихъ половины нѣтъ того, что на душѣ; но будь доволенъ и этимъ. Придетъ время, и мы снова будемъ вмѣстѣ, тогда пробьетъ нашъ часъ, и мысль вступитъ въ дѣйствительность. Еще разъ, не отчаивайся. Моисей въ пустынѣ говорилъ съ Богомъ. Христосъ постился сорокъ дней. Мы теперь постимся. Его постъ, это—сомнѣніе въ самомъ себѣ и новой вѣрѣ. Онъ увѣрился, мысль вступила въ дѣйствительность, и міръ назвалъ его Спасителемъ. Обстоятельства понуждаютъ насъ къ тому, что тѣ дѣлали добровольно: умѣй пользоваться ими. Прощай, братъ, другъ, прощай, обнимаю тебя; *она* къ тебѣ пишетъ. Вотъ тебѣ моя рука, вотъ тебѣ моя слеза на память. Прощай!».

¹⁾ Друзья Огарева и Герцена.

Да, Наташа, ты должна быть сестрою, другомъ этого чело-
вѣка, онъ тебя не знаетъ, но я писалъ ему. Мы будемъ когда-ни-
будь вмѣстѣ, и тогда увидишь ты эту обширную, глубокую, спокой-
ную душу, онъ—твою душу, небесную и исполненную поэзіи, твою
душу, состоящую изъ одной любви и принадлежащую его другу.
Вы поймете другъ друга.

Прощай.

Александръ.

134. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

15 мая 1837.

Милый ангелъ мой, представь себѣ, какъ я занятъ. Вотъ ужъ
три дня, какъ получилъ твое письмо, и одинъ разъ успѣлъ только
прочестъ его. Проклятая выставка вся на моей шеѣ, но скоро от-
дыхъ. Я былъ печаленъ все это время. Мнѣ очень живо представ-
лялись всѣ непріятности, которыя насъ ждуть, и, какъ привидѣніе,
онѣ заставляли потрясаться. Характеръ папеньки ужасенъ! Не-
преклонность... Но все это лишь на время отдалить насъ, придетъ
время блаженства безоблачнаго. Наташа, отъ сколькихъ бурь, отъ
сколькихъ ударовъ, отъ сколькихъ ранъ я буду отдыхать на груди
твоей, моя дивная, моя святая! И среди этого направленія твое
письмо. Ты такъ наивно, такъ мило, высоко отдаешься прови-
дѣнію. Мнѣ всегда приходится смотрѣть на тебя вверхъ, ты всегда
небесная, я—человѣкъ. Развѣ одна любовь недостаточна для на-
шего блаженства, чего же еще? Мы вѣримъ другъ въ друга, и эта
вѣра спасетъ насъ.

18 мая.

Сейчасъ съ бала, гдѣ былъ наслѣдникъ ¹⁾; ночь поздняя, и я
усталъ ужасно. Поздравь меня: князь былъ очень доволенъ вы-
ставкой, и вся свита его наговорила мнѣ тьму комплиментовъ,
особенно знаменитый Жуковский, съ которымъ я часъ цѣлый го-
ворилъ. Завтра, въ 7 часовъ утра я ѣду къ нему. Много ощущеній,
но все смутно, ни въ чемъ еще не могу дать отчета, и ты, ангелъ,
не брани, что на этотъ разъ вмѣсто письма получишь бѣлую
бумагу. Прощай, моя Наташа; очень усталъ.

Твой Александръ.

¹⁾ Впослѣдствіи императоръ Александръ II.

19 мая.

Надобно ѣхать. Еще прощай, цѣлую тебя.—Я видѣлъ тебя во снѣ сегодня. О, моя Наташа!

135. Вотяки и черемисы.

Изслѣдованіе о вотякахъ и черемисахъ должно обратить на себя большое вниманіе. Доселѣ не было ничего полного собрано ни о ихъ бытѣ, ни о ихъ религіи; но свѣдѣнія, которыми я могъ располагать, еще не представляютъ возможности сдѣлать удовлетворительное описаніе этихъ племенъ. Описаніе же ихъ быта чрезвычайно важно, ибо это—последній документъ изъ исторіи. У нихъ нѣтъ преданій; можно только по настоящему быту догадаться о ихъ прошедшемъ. Физиономія этого племени начинаетъ стираться, русское населеніе поглощаетъ болѣе и болѣе финское,—новый поводъ къ тому, чтобъ заняться ими; но на это надобно имѣть не тѣ средства, которыя служили для составленія этой монографіи. Ограничимся краткимъ обзоромъ.

Вотяки и черемисы принадлежатъ къ финскому племени, къ чуди и мери древнихъ лѣтописей (вотяки доселѣ называютъ себя мери), такъ, какъ латыши, эстонцы, лапландцы, чухонцы, маджоры. Изъ скандинавскихъ сагъ и путешествія Оттара ¹⁾ знаемъ, что Кириаландія и Біармія были сильныя государства, населенныя финнами, и что Біармія (отсюда слово Пермь) была въ сѣверо-восточной части Россіи. «Ни какого племени нѣтъ, старобытнѣе финновъ, въ сѣверныхъ и восточныхъ климатахъ Россіи», говоритъ Карамзинъ. Извѣстный путешественникъ Фишеръ ²⁾ полагаетъ, что самоѣды и остяки составляютъ остатокъ чуди—древнихъ жителей Сибири ³⁾. А Мальтбрень ⁴⁾ и Гумбольдтъ находятъ нѣкоторыя рѣзкія черты сходства между остяками, тунгузами и дикими племенами Сѣверной Америки. Эти данныя позволяютъ намъ сдѣлать такія общія заключенія:

¹⁾ Норвежець, путешествовавшій около 890 г.

²⁾ Юганнъ-Эберггардъ, историкъ и археологъ.

³⁾ Надписи, найденныя Енисейской губерніи въ Минусинскомъ краю, подтверждаютъ мнѣніе это. А. И. Г.

⁴⁾ Конрадъ Maltebrun, знаменитый французскій географъ и публицистъ, родомъ датчанинъ.

Вѣроятно, нѣкогда, гораздо до переселенія народовъ, при паденіи римской имперіи, финны составляли племя сильное и очень многочисленное, занимавшее огромную полосу на сѣверѣ Европы, Азіи (и, можетъ быть, Америки). Но при появленіи новыхъ племенъ съ востока, финны тотчасъ уступили мѣсто. Цѣль бытія ихъ какъ бы окончилась: они расчистили землю, обновили ее, доказали обитаемость и, тѣсняемые другими племенами, разбѣжались, скрываясь отъ побѣдителей за Карпатскими горами въ странахъ прибалтійскихъ и оставляя части своего племени на прежде бывшемъ мѣстѣ жительства. Павши совершенно, они должны были прійти въ дикость. Такими-то ихъ застали новгородцы на берегахъ Камы и Вятки, и малочисленная ватага ихъ побѣдила вотяковъ и черемись, точно такъ, какъ горсть испанцевъ завоевывала цѣлыя страны въ Америкѣ; ибо отличительная черта племенъ падшихъ—страдательность. Недавно черемисы вятской губерніи отвѣчали миссіонеру: «въ лѣсу не всѣ деревья равны; есть бѣлыя, высокія березы и есть маленькія, черныя сосны. Пусть вы эти березы, а мы сосны». Такимъ образомъ они высказали основу формы бытія своего племени. Но перейдемъ отъ общаго взгляда къ нимъ самимъ.

Первое, что бросится въ глаза, это—различіе деревень русскихъ отъ вотскихъ. Русскія деревни въ вятской губерніи почти вездѣ хорошо выстроены, избы чисты снаружи и внутри; напротивъ, вотскія построены въ груды, нечисты, мрачны; большая часть избъ поставлена окнами на дворъ и безъ малѣйшаго порядка. Въ избахъ нечистота ужасная. Безпрерывный дымъ изъ-подъ котла, который виситъ надъ нѣкотораго рода горномъ, дѣлаетъ воздухъ удушливымъ. Свины, телята, куры,—все это вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми на грязномъ полу избы. Лѣтомъ они строятъ себѣ шалаши (чумы), посреди ихъ раскладываютъ огонь, и ѣдкость дыма доставляетъ имъ какое-то наслажденіе.

Вотяки вообще очень робки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было дѣло въ уголовной палатѣ, что нѣсколько человекъ татаръ агрызской волости бѣлымъ днемъ ограбили вотскую деревню, состоящую изъ нѣсколькихъ сотъ душъ. Мудрено ли послѣ этого, что новгородцы, братья воинственныхъ нормановъ, безъ труда побѣдили ихъ.

Религіозныя понятія вотяковъ некрещеныхъ нисколько не выше религіозныхъ понятій какого-нибудь смирнаго племени въ Океаніи, напр., гавайскаго. Они вѣрятъ въ верховное существо, но вѣрятъ также и въ другихъ частныхъ боговъ, подчиненныхъ ему, а болѣе всего въ злого духа, который, по ихъ мнѣнію, самовластно управляетъ жизнію людей; жертвенныя мѣста (кереметь) избираютъ

на возвышенностяхъ въ еловыхъ лѣсахъ. Ихъ понятія о будущей жизни грубы и сбивчивы. Они считаютъ себя подъ гнѣвомъ вышшаго существа, и достаточно прочесть молитвы ихъ, чтобы разомъ видѣть и степень ихъ образованія и то внутреннее отчаяніе, о которомъ мы говорили выше. Всѣ молитвы свои они ограничиваютъ просьбою о пищѣ и о дѣтяхъ. Какъ будто, уstraшенные прежними несчастіями, не надѣются на бога и потому вымаливаютъ хоть существованіе. У нихъ четыре большихъ праздника въ году, сообразные съ началомъ и окончаніемъ посѣва, жатвы и покоса. Самый большой—по окончаніи жатвы; тутъ приносятся на жертву лошади рыжаго цвѣта и другія животныя; мясо ихъ съѣдаютъ. Весною сожигаютъ на жертвоприношеніи пестраго дятла.

Пѣсни ихъ столько же безизѣтны ¹⁾, какъ и молитвы; тотъ же матеріальный взоръ, лишенный всякой поэзіи, то же попеченіе объ одномъ насущномъ хлѣбѣ. Однако, должно замѣтить, что большая часть ихъ пѣсень суть импровизаціи. Языкъ ихъ бѣденъ и незвученъ, они часто примѣшиваютъ русскія слова. У нихъ, кажется, не соблюдаютъ и тѣ грамматическія правила, которыя необходимы для ясности рѣчи и которыя по навыку извѣстны всѣмъ едва образованнымъ народамъ. Въ разныхъ случаяхъ я замѣчалъ глаголь безъ всякаго измѣненія у однихъ и тотъ же, весьма измѣняемый—у другихъ.

Особенное вниманіе на обращеніе вотяковъ въ христіанство возникло во вторую четверть прошлаго вѣка. Около 1739 и 1740 г. были присланы казанскіе миссіонеры. Епископъ Веніаминъ самъ посѣщаль дома вотяковъ, уговариваль и крестилъ очень многихъ. Крещеные съ тѣхъ поръ называются новокрещеными. Но должно признаться, что большая часть изъ нихъ нисколько не понимаетъ христіанской вѣры и въ душѣ осталась тѣми же идолопоклонниками, хотя и скрываетъ свою привязанность къ прежней вѣрѣ. Благоразумные священники въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приняли весьма хорошую методу: они дозволяютъ имъ нѣкоторыя языческія обыкновенія, не относящіяся къ догматамъ вѣры, но къ которымъ они привыкли съ незапамятныхъ временъ; еще болѣе они самые эти обычаи соединили съ формами религіозными и такимъ образомъ привязали ихъ къ новымъ обрядамъ; такъ, на примѣръ, они дозволяютъ въ ихъ лѣтній праздникъ закалывать лошадь и ѣсть ее, но предварительно служатъ молебень и части лошади кропятъ святой водою. Впрочемъ, нельзя думать, что вотяки не принимаютъ христіанства по привязанности къ старой вѣрѣ, ибо она у нихъ

¹⁾ Такъ отпечатано въ «Вятскихъ Губ. Вѣдомостяхъ».

шатка и сбивчива, не имѣеть никакого положительнаго, опредѣленнаго ученія или системы богослуженія; они просто не понимаютъ вовсе догматовъ нашей вѣры. Они немного образовались со взятія Казани, но, по счастію, начинаютъ перемѣшиваться съ русскими и, вѣроятно, совсѣмъ поглотятся ими.

Къ малому числу обычаевъ ихъ, въ которыхъ есть поэзія, надобно отнести слѣдующій: когда кто-либо изъ родныхъ отправляется на долгое время, то, простившись со всѣми, онъ вколачиваетъ въ столъ пятакъ, для того, чтобы всякій день поминали отсутствующаго.

Одежда вотяковъ весьма мало отличается отъ одежды нашихъ крестьянъ. Вся разница въ шитой сырцомъ и шелкомъ рубахѣ съ красными наплечниками и ножнахъ для топора и ножа, привѣшиваемыхъ къ поясу. Головной уборъ вотячекъ дѣлается изъ бересты; къ нему прикрѣпляется кусокъ сукна, вышитый шелками. Дѣвки вплетаютъ въ косу множество серебряныхъ монетъ. Женскій нарядъ состоитъ изъ шароваръ и шитой мелкими цвѣтами рубахи.

Нравъ черемись по тому уже отличенъ отъ нрава вотяковъ, что они не имѣютъ ихъ робости. Напротивъ, въ нихъ есть что-то дикое, упорное. Около временъ взятія Казани они еще имѣли своего царя. Черемисы гораздо болѣе вотяковъ привязаны къ своимъ обычаямъ и къ своей религіи. Самая наружность ихъ отлична. Вотяки мелки, худо сложены, слабы; черемисы вообще крупнѣе и сильнѣе. Въ религіозныхъ понятіяхъ у нихъ болѣе рѣзкаго, нежели у вотяковъ. Ихъ священники (карты) избираются изъ самыхъ умныхъ, опытныхъ черемись; они толкуютъ сны, гадаютъ, предсказываютъ. Богъ (Юма) есть верховный духъ, но власть его раздѣлена съ супругой (Юманъ-Ава) и съ прочими богами, родственниками Юма. Злой духъ, Шайтанъ, живетъ въ водѣ и бываетъ особенно золь въ полдень. Службу отправляютъ на чистыхъ, священныхъ мѣстахъ. Они принадлежатъ или одному семейству, или цѣлой деревнѣ. Праздники ихъ въ томъ же родѣ, какъ у вотяковъ. Самый большой Юманъ бываетъ черезъ годъ, черезъ два, иногда и четыре. Въ назначенный для жертвоприношенія день раскладываютъ нѣсколько огней: первый посвященъ Юмѣ, ближайшій по нему—Юманъ-Авѣ и т. д.; у cadaго огня свой картъ. Служащій Юмѣ держитъ жеребца, служащій Юманъ-Авѣ — корову; закалываютъ животныхъ такъ, чтобы кровь брызнула въ огонь. До жертвоприношенія животное обливается водою и, ежели оно не вздрогнетъ, то значитъ богамъ не угодна жертва. — Покойникамъ они кладутъ въ гробъ розги для того, чтобы отгонять нечистыхъ духовъ, и каждый провожавшій кладетъ кусокъ блина, говоря: «это тебѣ пригодится».

У черемись женихъ покупаетъ невѣсту; обряды очень просты: приводятъ невѣсту къ жениху въ домъ, молятся идолу и отдають ему ее. Ежели она окажется не цѣломудренною, то посаженный отецъ наказываетъ ее плетью.

Одежда довольно похожа на вотскую, но гораздо красивѣе. Зимю женщины носятъ сверхъ рубахи еще верхнее платье, также все вышитое шелками. Особенно красивъ ихъ головной уборъ конической формы (шиконаючь). Къ поясу привѣшиваютъ множество кисточекъ. Женщины почти никогда не снимаютъ головного убора.

136. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

28 мая 1837.

То, что ты пишешь о М., взволновало меня: разлукою на землѣ поплатиться, разлукою съ тобою, это — нелѣпость, это не вмѣщается въ мою голову.¹ На колѣняхъ итти въ Іерусалимъ, истомить себя постомъ—это ничего, но разлукою съ тобою купить ея спокойствіе и спокойствіе своей совѣсти—не могу, *не могу*. Да и откуда явилась эта женщина между нами, что ее поставило упрекомъ, Немезидой между нами, кто просилъ ея вздоха средь пѣсни восторга? Мой злобный геній указалъ мнѣ ее, но и сама она—часть этого злобнаго генія. Развѣ она права, бросившись на шею юношѣ, котораго едва знаетъ и тогда, когда мужъ ея былъ живъ? а послѣ—развѣ я не подавалъ ей всѣ средства подняться, но было поздно; я похожъ въ этомъ случаѣ на робкаго отравителя, который сперва даетъ ядъ, а послѣ, испугавшись, даетъ противоядіе! Надеждъ она не имѣетъ на будущее; не знаю, будетъ ли имѣть и будущее.

Трудна земная жизнь человѣка,—усталь, очень усталъ!

Восьмой и девятый часъ—гдѣ бы ни былъ, что бы ни дѣлалъ, будетъ твой; это часъ Ave Maria¹) въ Италиі, и все повергается на колѣни предъ Дѣвою; буду и я горячимъ лицомъ повергаться предъ тобою. О, Наташа!

Къ Эрну я переѣхалъ, потому что для меня отдѣляется новая квартира, а не бѣжалъ отъ грусти; когда мнѣ грустно, я люблю быть одинъ, но когда весело и радостно на душѣ, — тогда мнѣ нужны близкіе люди. А съ тобою, сестра, дѣлилъ бы я и грусть, и радость, и думы, надежды и отчаяніе, все, все — да развѣ и не дѣлился. Наташа, а въ Кіевъ ходить не надобно,—не забѣгай провидѣнію, посмотримъ, что будетъ далѣе.

¹) Молитва Богородицѣ.

Слышалъ я пап. разговоръ и первый, и второй,—онъ жестокъ, неумолимъ, исполненъ угрозы, а не любви. Онъ намекалъ въ моемъ письмѣ (не говоря ни слова о тебѣ), и на что же полагаетъ главную надежду? на деньги. Это дурно; бѣдность только и осталось мнѣ испытать, остальные бѣдствія, страданія знакомы; ну, что же, развѣ можно меня испугать бѣдностью, развѣ я уже такой безталанный, что не найду себѣ существованія? Ха, ха, ха, а служба, а перо, — это большая ошибка съ его стороны; благодарностью, любовью, можно бы хоть *skonфузить* меня; а то деньгами—*misère* ¹⁾! Итакъ, настоящія несчастія какъ только окончатся, начнутся несчастія будущія. Давай же руку, подруга вѣчная, давай и пойдемъ на встрѣчу бѣдствіямъ... Вонъ рѣдѣетъ лазурь, и тамъ вдали вѣнокъ, онъ будетъ на нашемъ челѣ; для насъ сплели его ангелы.

Я обдумываю новую статейку «I Maestri» ²⁾,—воспоминаніе изъ моей жизни, Дмитріевъ ³⁾ и Жуковскій. «Мысль и откровеніе» кончено давно, а повѣсть ⁴⁾ бросилъ; писать повѣсти, кажется, не мое дѣло. Впрочемъ «Мысль и откровеніе» не имѣетъ конца; это статья, въ которую надобно вписывать каждую религіозную мысль; рама сдѣлана, а формы никакой нѣтъ; это—повѣсть, разговоръ, диссертація, это—изложеніе чувствъ и думъ, какъ вылилось; слѣдст., вздоръ, что она кончена.

Итакъ, опять надежда. А знаешь ли, что намъ рѣшительно грѣшно роптать за то, что всѣ прежнія неудачны. Слабость моя заставила дать имъ мѣсто въ груди моей,—онѣ никогда не должны быть въ ней, всѣ прежнія надежды. Провидѣніе бережетъ чистоту моей біографіи; слушай, на какомъ правѣ могъ я надѣяться, чтобъ меня простили прежде другихъ? Развѣ это было бы справедливо, развѣ вкусенъ былъ бы мнѣ плодъ, данный по *протекци*? Теперь совсѣмъ не то. Теперь съ поднятымъ челомъ я могу принять освобожденіе. Меня видѣли — одинокъ, безъ опоры, съ названіемъ сосланнаго; увидѣли меня—и оцѣнили; тутъ не было просьбы; сперва узнали меня, потомъ—кто я; итакъ, теперь я возьму премію за талантъ, — есть ли тутъ хоть пятнышко? Наташа! Дивны пути Его; къ этому присоединяется еще одно *важное обстоятельство*, оно совпадаетъ съ *тѣми ионеніями М.*, — тутъ требуется съ моей стороны твердость и прямызна; можетъ, это искупленіе пятна. И я борюсь, противъ меня сила и низость, а я, съ твердымъ убѣжденіемъ, съ волею, борюсь, чѣмъ бы ни кончилось. И путешествіе

1) Какъ мизерно!

2) «Учителя» (въ области искусства и литературы). Сочиненіе это неизвѣстно.

3) Иванъ Ивановичъ, поэтъ и баснописецъ.

4) «Елена».

наслѣдника именно случилось въ то время, когда надо было дѣйствовать рѣшительно; до путешествія, можетъ, еще сломали бы меня, теперь невозможно. Много загадокъ, да погоди, послѣ скажу *le mot de l'énigme* ¹⁾). Ты говоришь, что я иногда пишу *неясно*; не слѣдуетъ изъ этого, что ты иногда дѣлаешь замѣчанія *не думавши*?

1 июня.

Какъ ты мила, мой ангелъ! я смѣялся, и слезы навернулись на глазахъ, когда я прочелъ, «что ты вышла на крыльцо, но тотчасъ воротилась, ибо я былъ въ комнатѣ». Дитя! прелестное дитя—такихъ бо есть царствіе небесное. Въ этихъ бездѣлкахъ выражается вся душа; да, ты права, тебѣ не нужно много писать, чтобъ я понялъ. Поставь точку, черту, и я скажу твою мысль. Въ Москвѣ ли ты? Я боюсь, что деревня затруднитъ нашу переписку. Прощай.

Твой Александръ.

2 июня.

Сейчасъ получилъ отъ мам. письмо. Папенъка, кажется, началъ и хочетъ препятствовать *всѣми* силами; у насъ противъ него *одна* сила, это — *сила любви*. Наташа, ангелъ мой, присягаю тебѣ жизнью и царствомъ небеснымъ: ты будешь моя, ежели мы будемъ живы.

Александръ.

◆◆ 1. 3 мая Н. А.—на писала: «Я боялась начать о Мед., не будучи увѣрена въ успѣхъ твоемъ, и не ошиблась. Тяжело получать такія письма, даже вспоминать о ней, но каково же молчать тебѣ, нести все на сердцѣ?.. Говори, говори, пиши, сколько можешь, сколько нужно къ твоему облегченію, переливай *все* въ мое сердце: оно не померкнетъ, не изноетъ. Ежели бы Мед. забыла тебя, была бы счастлива, тогда бы мы не должны мучиться и томиться пятномъ, ибо это было бы уже недостатокъ надежды на Его благость. Онъ самъ велѣлъ каяться для *очищенія* и прощаетъ кающихся. Но *она* несчастна, любитъ тебя и, можетъ, надѣется, что ты женишься на ней. Я была бы *все та же, та же любовь, то же блаженство* внутри, а наружно—*кузина, любящая тебя безъ памяти*. Я бы жила съ вами, я бы любила *ее*, была бы сестрою ей, другомъ, всю бы жизнь положила за *ея семейство*; внутри была бы

¹⁾ Отгадку загадки.

твоя Наташа, наружно — все, что бы она желала. Но какъ же тебѣ соединить жизнь свою съ жизнью *женщины*? Какъ *тебѣ* нести ярмо мужа?.. Тебя мучаетъ это, и меня не меньше, тебѣ тяжело молчать и мнѣ» (стр. 282).

137. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

7 июня 1837.

Еще и еще пишутъ мнѣ о неприятностяхъ, которыя ждуть насъ въ Москвѣ. Признаюсь, при всей твердости моей, это нѣсколько оскорбляетъ меня. Итакъ, Наташа, видно, весь міръ, вся вселенная должна для меня быть заключена въ одной тебѣ. Странно управляетъ судьба. Посмотри, какъ всякій рекрутъ, всякій солдатъ идетъ въ отпускъ домой: забыты потъ и пыль казармъ, забыты притѣсненія, горести, мысль свиданія со *своими* отталкиваетъ все горькое, и вотъ эта минута радости откровенной, безотчетной... А я, послѣ горькихъ испытаній, послѣ бурь, послѣ тюрьмы и изгнанья, явлюсь домой, и холодная мысль станетъ между сыномъ и отцомъ, и отравленъ первый поцѣлуй. Голосъ сильный, святой скажетъ: «Это твой отецъ, онъ много для тебя сдѣлалъ»; и другой голосъ, такой же сильный, скажетъ: «Вотъ этотъ человѣкъ—единственное препятствіе между тобою и твоимъ счастьемъ», и—нѣтъ уже безотчетной радости. О, люди! Не знаю, писалъ ли я тебѣ, но, все равно, напишу еще разъ: у меня есть одна прелестная мысль, за нее я ухватился обѣими руками, это—послѣдняя дань юности, это—молитва благодарности Богу и тебѣ, это—заключеніе поэтической жизни. Слушай. Когда ты будешь моя, когда я буду воленъ располагать жизнью, то мы начнемъ вотъ съ чего. Уѣдемъ въ Италію,—не въ большой городъ, нѣтъ,—въ какой-нибудь самый незначительный, въ Ниццу или гдѣ-нибудь въ Сициліи, хоть въ деревеньку, лишь бы на берегу моря; море мнѣ необходимо, море—это торжество природы, *auguste fanfare* ¹⁾. Тамъ проживемъ мы годъ или два *безъ людей*, тамъ, убаюканные волнами моря и теплымъ воздухомъ, мы отдохнемъ, тамъ мы будемъ счастливы. О, Наташа, мы будемъ блаженны: одна любовь, одна любовь займетъ это время, сотрется пыль съ души, зарастутъ эти глубокія раны, сотрутся эти черныя пятна. Тутъ наберемъ мы запасъ силъ и чувствъ на всю жизнь. Приходи же, время это; за что же вянуть намъ, дожидая его долго? А послѣ.

¹⁾ Торжественный трубный гласъ.

что?.. Тогда я съ вѣрою отдамся провидѣнію и человѣчеству, тогда я уже кончу все земное; тогда, если жизнь моя не нужна, я могу умереть, ибо что можетъ собственно *мнѣ* дать жизнь лучшаго, какъ эти два года съ ангеломъ. О, съ какимъ восторгомъ посмотрю я тогда съ горы на природу Италіи, на эту лучшую часть планеты, и съ какимъ восторгомъ обращу взоръ на тебя, на это лучшее созданіе планеты. Какъ обниму я тебя, и сколько любви найдешь ты въ этихъ объятіяхъ! Тамъ расскажу я тебѣ исторію моего сердца, которую ты уже такъ хорошо знаешь; и повѣсть моя будетъ огненна, и съ восхищеніемъ будешь ты слушать ее. И слезу вмѣстѣ прольемъ на эти воспоминанія, и улыбку пошлемъ въ ихъ могилу. Наташа, будь же тверда; теперъ пройдемъ черезъ это болото, настанетъ день, мы его минуемъ,—и жизнь наша сольется въ одинъ потокъ, котораго путь къ небу.

8 іюня.

Я теперъ читаю огромное сочиненіе Dumont d'Urville «Voyage autour du Monde» ¹⁾. Востокъ!—какъ манитъ онъ... ²⁾ душу, умѣющую чувствовать; тамъ другая природа, пышная, огромная; тамъ другіе люди съ вѣчнымъ покоемъ, съ почившею мыслью, съ минутнымъ пробужденіемъ, съ поэзіей; тамъ люди затеряны, какъ песчинки ихъ Гималая: ихъ подавила богатая природа. Желалъ бы я взглянуть на Востокъ, на Индію—колыбель идей и фактовъ, на мистическій Египетъ... И будто это невозможно, и будто годъ жизни нельзя потратить для этихъ странъ?..

Перечитывалъ твои письма прошлаго года, въ маѣ и іюнѣ писанныя. Мы тѣ же, совершенно тѣ же, выше ты не могла подняться, ты достигла предѣла человѣчества, сказавъ «люблю», но развилась ты многостороннѣе съ тѣхъ поръ. И тогда уже мы надѣялись на скорое свиданье. Какъ жестоко играла съ нами судьба! Ровно годъ тому назадъ, 8 іюня 1836, писала ты первое письмо изъ Загорья. Тамъ ли ты, ангель, теперъ?

Вотъ что прервало мое письмо: слышу пѣніе, подхожу къ окну,—и изъ воротъ противъ моего дома несутъ покойницу, жену бѣднаго офицера. Холодно провожаютъ гробъ человѣкъ десять постороннихъ; отирая слезы, идетъ старикъ-мужъ; передъ крышей гроба какой-то юродивый съ кривляньемъ, съ сумасшедшимъ видомъ,—пронесли, и слѣдъ простылъ, но что-то мрачное осталось на

¹⁾ «Путешествіе вокругъ свѣта» знаменитаго французскаго мореплавателя, Дюмонъ-д'Юрвилля.

²⁾ Слово вырвано.

душѣ; лучше тѣ похороны, гдѣ пышность заглушаетъ думы; лучше тѣ, гдѣ плачь и стenanія,—на живыхъ обращается тогда вниманіе, а тутъ смерть во своей наготѣ. Спи же мирно, незнакомая!

9 іюня.

Ты какъ-то писала, что застѣнчива; знаешь ли, что я съ нѣ-котораго времени сдѣлался дикъ со всѣми посторонними, кромѣ близкихъ знакомыхъ; мнѣ даже становится душно, тѣсно въ груди, когда есть кто-нибудь чужой въ комнатѣ.

По письму отъ мам. отъ 2 іюня видно, что ты еще въ Москвѣ. Съ будущей почтой жду отъ тебя.

Прощай, Natalie, прощай мой ангелъ.

Твой Александръ.

Полина всякій разъ проситъ писать много, много дружбы и симпатіи.

138. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

18 іюня 1837.

Ангелъ мой! Ты, вѣрно, сердиться на меня: я виноватъ, давно не писалъ къ тебѣ. Душа моя, сестра, Наташа, не сердись, дай твою руку поцѣловать. Я былъ въ большихъ хлопотахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я разсорился съ здѣшнимъ губернаторомъ; надобно замѣтить, что это—высшій предѣлъ злодѣя и мерзавца. Вотъ тѣ неприятели, о коихъ я тебѣ писалъ нѣсколько разъ; послѣднее время я сталъ почти въ явную оппозицію противъ него; я—сосланный, и онъ—губернаторъ. Но есть Богъ,—онъ выгнанъ изъ службы «за незаконное управленіе губерніею». И, слѣдовательно торжество на моей сторонѣ. Теперь дышать легче; теперь прекратились гоненія Мед., ибо этотъ злодѣй былъ ея врагъ, и что онъ дѣлалъ противъ нея, это непостижимо честному человѣку.

Всѣ эти гадости занимали время и утомляли душу, я не стоилъ того, чтобъ писать къ тебѣ. Ангелъ, теперь все кончено. Итакъ, Богъ съ ними.

Ей Богу, есть возможность со всякимъ днемъ любить тебя болѣе и болѣе. О, подруга, небомъ посланная, взгляни на эту слезу, это—слеза благодарности тебѣ отъ твоего Александра. Твое письмо

отъ 1 іюня унесло меня совѣмъ съ земли. Я вижу по всякому письму, какъ ты растешь, какъ небесно развивается душа твоя; кажется, тутъ уже предѣлъ совершенства человѣческаго, а ты черезъ недѣлю еще выше, еще святѣе. Потому что я, человѣкъ, хочу мѣрить ангела землю.

Сколько разъ твоей дивной высотой ты заставляла меня краснѣть, и теперь опять; но это не унижаетъ, нѣтъ, это придаетъ мнѣ-новыя силы... Какъ ты холодно смотришь на всѣ эти отношенія практическаго міра, на эти маленькіе успѣхи... А я радовался, но это не отъ души. Наташа! Я былъ сгнетенъ этими гадкими людьми, и вдругъ мнѣ явилась свѣтлая полоса. Великій поэтъ оцѣнилъ меня, надежды заблестали, и я радовался,—такъ еще я малъ и ничтоженъ. Но ты высокая; тебѣ недоступны эти рукоплесканья. Повторяю: веди меня, веди, какъ путеводная звѣзда, — я уступаю, какъ сильнѣйшему, какъ высшему: вотъ твой Александръ, онъ свою судьбу кладетъ въ твои руки,—вѣдь, ты Богомъ послана ему; итакъ, покоряясь Богу, я долженъ вѣрить тебѣ. Нѣтъ, Наташа—ни словъ нѣтъ, ни выраженій; я готовъ броситься на колѣни и безмолвно молиться на тебя. Ты, ты мнѣ все, все—поэзія, религія, все небесное начало души, искупленіе. Вотъ этой-то необъятной любовью я и равенъ тебѣ, сестра!

Великій Боже! За что Ты далъ мнѣ столько, давъ ее; больше Ты, всемогущій, не можешь дать никому! Да, да, ты права, это тѣло мѣшаетъ. Просторъ, просторъ, и я наполню все безпредѣльное пространство одной любовью. Прочь тѣло! Какъ горитъ мое лицо; посмотри: во всѣхъ чертахъ любовь къ тебѣ, и въ сердцѣ любовь къ тебѣ.

Наташа! Ну, что ежели я сойду съ ума, когда увижу тебя: душа человѣческая не можетъ вынести столько счастья!

Я очень радъ, ежели ты въ Загорьѣ, ибо очень понимаю, какъ непріятны эти показы, эти женихи и эти искатели жениховъ. Скажи имъ, ежели случится, что ты желаешь узнать мое мнѣніе,—пусть ко мнѣ напишутъ. Я опять начинаю думать, что сломя непреклонность пап.—И я часто бываю за городомъ; недавно я отправился въ поле въ часъ ночи; здѣсь начинается разсвѣтатъ въ 12 часовъ, т. е. совѣмъ ночи нѣтъ въ маѣ и іюнѣ.

На высокой горѣ, передъ которой разстилалась необозримая даль, рѣка, деревни, горы,—на высокой горѣ встрѣтилъ я восходящее солнце, и свѣжій воздухъ утра свѣялъ мрачныя мысли. А звѣзды не было съ солнцемъ, твоей звѣзды.

Ты говоришь: «я твое созданье, любуйся имъ!» Съ какимъ восторгомъ читалъ я эти слова. Вотъ такъ, такъ будь, моя вы-

сокая дѣва; да, я буду любоваться тобою, и не есть ли это вся моя жизнь! «Созданье» — и такъ, и нѣтъ. Впрочемъ, созданіе поэта, плодъ минуты откровенія и восторга часто бываетъ лучше самого поэта. И поэтъ только потому высокъ, что могъ въ груди своей дать мѣсто такому восторгу.

Ты какъ-то писала, что любишь верховую ѣзду; я и нынѣшній годъ опять началъ свои прогулки. Прекрасное чувство—утромъ рано, совершенно одному, опуская поводья, шагомъ ѣхать по полю; здѣсь мѣсто очень гористое, непрерывно мѣняются виды, и такъ просторно мечтать, думать о тебѣ.

19 іюня.

Статью мою «I Maestri» кончилъ, на-дняхъ исправлю, а поелику Вы изволили приказывать мнѣ быть дѣятельнымъ, то о семъ честь имѣю Вамъ рапортовать, милостивая государыня, Наталья Александровна.

20 іюня.

Ну, не дивно ли, Наташа! Вотъ юноша пылкій, пламенный; огромный ипподромъ открытъ передъ нимъ; онъ полонъ надеждъ, силенъ какимъ-то пророчествомъ, увлеченъ дикими страстями, которыя еще не привыкли тѣсниться, скрываться въ груди, гордъ, независимъ, ничему не покорится, все хочетъ себѣ покорить, самолюбивъ; слава—его цѣль, міръ идей—его міръ. Чтò можетъ этого юношу покорить, обуздать? Несчастія, — онъ ихъ принимаетъ за испытаніе, за закалъ души; счастье, это—дань ему, онъ его принимаетъ, какъ заслуженное. Этотъ юноша—я.

При самомъ началѣ юношества встрѣчаетъ онъ ребенка, оставленнаго всѣми, несчастнаго, котораго первое воспоминаніе—гробъ, котораго первое впечатлѣніе — гнѣтъ постороннихъ людей. Онъ его встрѣчаетъ со слезою на глазахъ, въ траурномъ платьѣ. И юноша проходитъ: страсти не дозволили ему видѣть ангела въ этомъ ребенкѣ. Бурная жизнь влечетъ его, ломаетъ, жжетъ и бросаетъ въ тюрьму. Кто скажетъ, что этому ребенку предоставлено будетъ пересоздать юношу? Да, я вполне не понималъ тебя, Наташа, до 9 апрѣля. Я слишкомъ близко стоялъ, чтобъ видѣть твою прелесть, твое изящество. Тамъ, въ каменной лачугѣ, я перебралъ всю свою жизнь, и вся моя жизнь дала мнѣ два воспоминанія — тебя и Ог. Мнѣ надобно было уѣхать за полторы тысячи верстъ, оглянуться оттуда, чтобъ ангельскій образъ твой, чтобъ небесная душа твоя раскрылась мнѣ. Мнѣ надо было снять повязку юношескихъ сатурналій съ глазъ, чтобъ оцѣнить серафима чистоты. Это

мнѣ напоминаетъ старинный случай. Въ Аѣинахъ заказаны были двѣ статуи Минервы: одна великому Праксителю, другая какому-то ваятелю. Оба выставили свои произведения. Народъ бѣжалъ къ статуѣ неизвѣстнаго, восхищался прелестной отдѣлкой, а на Праксителю не смотрѣлъ никто: она едва была изсѣчена, груба. Обѣ статуи поставили на колонны; тогда все перемѣнилось. Мелочи и мелкія красоты исчезли отъ дали, а божественное выраженіе статуи Праксителя подавило величіемъ и красотою. Ей надо было удалиться отъ толпы, стать ближе къ небу, не рядомъ съ нею, чтобъ толпа поняла ее. И не смотрю ли я теперь на тебя, какъ народъ на статую Праксителя? не вверхъ ли подымаю голову, не къ небу ли смотрю, когда думаю о тебѣ? не на тверди ли этой ищу твои черты, и не оттуда ли сіяешь мнѣ ты любовью и улыбкой? Ангелъ! ангелъ!

21 іюня.

Помнишь ли, какъ въ стары годы я бранилъ тебя за притворство передъ княг.? а самъ я научился теперь такъ притворяться, такъ хитрить, что самому смѣшно. Дѣло въ томъ, покуда живешь съ людьми, иначе поступать нельзя—не дать же имъ на поруганіе свою чистую, святую мысль.

23 іюня.

Вотъ твое письмо отъ 9, оно грустно, печально. Нѣтъ, нѣтъ, Наташа, ты должна быть моя, моя безъ условій, безъ оговорокъ, моя—какъ моя душа, какъ мое сердце. Проклятіе, что такое проклятіе?—и тамъ, гдѣ благословляетъ Богъ! Черно на душѣ, тяжело... Кончи, *я умоляю тебя*, споры, эту исторію съ жѣнихами; но кончи ее осторожно, какъ знаешь.

Ты пишешь, что могла бы теперь безъ взгляда на меня покинуть землю. Вѣрю, тебѣ родина—небо, тебя ждетъ тамъ привѣтъ, родная семья. Съ восторгомъ вознесся Христось къ Отцу своему, но скорбь осталась въ душѣ учениковъ. Что же я останусь здѣсь безъ тебя? я не вынесу и, *ежели* останусь живъ, то для того, чтобъ въ мірѣ раздался еще отчаянный звукъ страдальческой души.

Ты не вѣришь въ наше соединеніе; ежели я въ это буду не вѣрить, то... то я сдѣлаюсь мерзавцемъ. Нѣтъ мнѣ неба, добродѣтели безъ тебя, Наташа, милая Наташа, сестра! Богъ отдалъ мою судьбу въ твою дѣвственную руку. Можешь ли ты располагать послѣ этого собою, какъ ты явишься *туда* безъ Александра? ¹

Да что же не ѣдете въ деревню?

Прощай; надеждъ на мое возвращеніе тьма. Горе, подожди,

дай пройти одному несчастью, потомуъ уже приходи руками родительскими рвать сердце.

Обнимаю тебя,—нѣтъ, это слишкомъ много,—гляжу, гляжу на тебя, и въ этомъ взглядѣ все, чего нѣтъ въ письмѣ.

Твой Александръ.

Полина кланяется.

◆◆ 1. Н. А.—на писала: «Что же тебя испугало такъ то, еслибъ я осталась тебѣ вѣкъ кузиной? Александръ, не вѣкъ ли я твоя, ты мой? Но что объ этомъ говорить, этого не можетъ быть, мы найдемъ средство спасти несчастную—дай Богъ! Ну, а если бы ничто, ничто на свѣтѣ... да нѣтъ, это невозможно просто! А отъ мысли—я твоя кузина, не надо отвыкать; захочешь ли ты проклятіемъ отца купить соединеніе? Я увѣряю тебя, при жизни его оно не можетъ, не можетъ быть, а мы развѣ можемъ желать конца ея?..» (стр. 298)

139. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

И примѣрно не знаю, которое число.

Сейчасъ прочелъ я «Ундину» Жуковского. Какъ хорошъ, какъ юнъ его геній! Я пришлю ее тебѣ. Вотъ два стиха, служащіе лучшимъ выраженіемъ моего прошлаго письма, продолженіемъ его:

«Въ душевной долинь волна печально трепещетъ и бьется;
«Влившись въ море, она изъ моря назадъ не полетится».

Мы два потока: ты—широкій, ясный, отражающій вѣчно голубое небо съ солнцемъ, я—бурный, подмывающій скалы, ревушій судорожно; но однажды слитые, не можетъ быть раздѣла. Пусть люди дѣлаютъ, что хотятъ, волна назадъ не полетится. А ты, ангелъ, дала мѣсто какому-то сомнѣнію въ душѣ твоей. «Я потеряла вѣру въ наше соединеніе», пишешь ты; посмотри, какъ что-то страшное, чудовищное выглядываетъ изъ-за этихъ словъ... какъ оно сильною рукой отбрасываетъ меня въ сторону, тебя—въ другую. Наташа, не давай мѣста этому голосу въ душѣ твоей—онъ убійствененъ.

Мои *Maestri* исправлены; эта статья очень хороша. Я вообще эти дни порядочный человекъ, т. е. живу больше за письменнымъ

столомъ, нежели съ людьми... Нѣтъ, я не утратилъ надежды на скорое свиданье; по всѣмъ вѣроятностямъ, оно не можетъ замедлить долго; тогда я самъ прочту тебѣ мои статьи, и во всѣхъ ты найдешь себя, ангела-хранителя моей души. Странная вещь, какъ на насъ дѣйствуетъ практической міръ: кажется, въ немъ все такъ мелко, такъ лишено средствъ дѣйствовать на душу, а между тѣмъ крошечные опыты осѣдаютъ больше, больше, и въ минуту экспансивности, въ минуту, когда хочешь людямъ передать свой опытъ, огромный кристаллъ уже составленъ въ душѣ изъ песчинокъ,—ни одной не пропало, всѣ тутъ, всѣ сливаются въ одно тѣло. Душа, умѣющая понимать, ничего не теряетъ, и давно забытое при случаѣ выходитъ, какъ привидѣніе изъ гроба. Эта статья «I Maestri»—первый опытъ прямо рассказывать воспоминанія изъ моей жизни, и она удачна. «Встрѣча», которая у тебя,—частный случай; эта уже захватываетъ болѣе и представляетъ меня въ 1833, 1835, 1837 году,—годы, отмѣченные въ ней тремя встрѣчами: Дмитріевъ, Витбергъ и Жуковскій. Ты писала мнѣ съ мѣсяць тому назадъ, чтобъ я занялся моей прошлой жизнью,—вотъ исполненіе. До двухъ предметовъ я боюсь дотронуться: 40 дней поста и молитвы должны бы предшествовать этому труду. Ты и Огаревъ,—вы являетесь у меня, какъ идеалъ, какъ фантазія; нигдѣ не осмѣлился я описать *ваши примѣты*. Дѣло рѣшенное: повѣсти—не мой родъ. «Тамъ» рѣшительно натянуто,—смертный приговоръ ей, заклеивать окна на зиму. Я перечиталъ «*Легенду*» и помирился съ нею; это—документъ моего перелома передъ 9 апрѣля.

Теперь набралось у меня статей на маленькую книжку; но еще не рѣшаюсь скоро печатать, надобно больше сдѣлать, а то отдать людямъ на поруганье такія святія страницы изъ жизни больно; какой-нибудь важный трудъ долженъ имъ служить рекомендательнымъ письмомъ. Тогда я ихъ издамъ подъ заглавіемъ «*Юность*» и посвящу тебѣ и Огар. Вамъ посвящена и душа моя; надѣюсь, не поссоритесь за это чреполюсное владѣніе.

29-е іюня.

Боже мой, не могу безъ ужаса вздумать, какимъ ты неприятностямъ подвержена теперь. И сколько ни думаю, сколько ни ищу, нѣтъ средствъ помочь, поправить.

Ежели явно съ ними разссориться,—что я не считаю за худшее,—то куда дѣться? въ Петербургъ къ Ал. Ал.¹⁾? моего согласія на это нѣтъ: это челоуѣкъ бездушный, ежели скромный.

¹⁾ «Химикъ».

жизнью, то развратный душою; я его очень знаю, дай Богъ, чтобъ ты, мой ангелъ, никогда не была въ соприкосновеніи съ этими испорченными людьми. Онъ по теоріи безнравственный человѣкъ и по душѣ холодный эгоистъ. И что за образъ жизни?.. Нѣтъ, нѣтъ, дальше отъ этихъ людей, они запылятъ тебя. Итакъ, что же? Помоему, въ самомъ крайнемъ случаѣ монастырь—лучшее: вѣдь, жизнь тамъ начальная не обязываетъ ни къ чему. Воля заниматься, воля видѣться, и тутъ что-то есть возвышающее душу. Да, у тебя есть сестра ¹⁾, не знаю почему, а я ее не люблю; *три поступка* могутъ громко обвинять человѣка, но и къ ней лучше, нежели къ А. А. Свѣтская, пустая женщина не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на тебя. Тебѣ, можетъ, странно мое мнѣніе объ Ал. Ал.?

Я буду у него очень часто въ Петерб.,—мнѣ что? Моей душѣ ни опыта прибавить нельзя, ни потрясти ее; я и въ трактирѣ бывалъ часто, и гдѣ я ни бывалъ... Разумѣется, я очень знаю, что и на тебя онъ не можетъ имѣть вреднаго дѣйствія; но его теоретическая безнравственность дунетъ ядомъ на твою душу, она покажетъ тебѣ образъ мыслей, который ты не должна знать. Къ сестрѣ лучше; но возьметъ ли она? Это не продолжитъ разлуку,—я буду скоро послѣ возвращенія въ Петербургъ. Напиши же на все это подробно твое мнѣніе. Прощай, ангелъ мой! ¹

30 іюня.

Ты въ деревнѣ—слава Богу, душѣ стало легче. О, Наташа, какъ пламенно, какъ безгранично я люблю тебя!

Твой Александръ.

◆◆ 1. Въ это время вятскій жандармскій штабъ-офицеръ, маіоръ Замятнинъ, сообщилъ своему непосредственному начальству—начальнику московскаго округа корпуса жандармовъ, гр. Апраксину, о «чистосердечномъ раскаяніи, образѣ мыслей и отличномъ поведеніи во все двухлѣтнее пребываніе Герцена въ Вяткѣ» и поэтому поддерживалъ просьбу его отца о дозволеніи вернуться въ Москву. 1 іюля гр. Апраксинъ сообщилъ объ этомъ шефу жандармовъ. Въ III Отдѣленіи составили «справку», въ которой, между прочимъ, сказано: «Въ четырехъ письмахъ къ актуаріусу Огареву Герценъ изложилъ мысли о разныхъ предметахъ политическихъ и философскихъ, имѣющія видъ умствованій непозволительныхъ и обнаруживающія въ немъ сильное воображеніе и стремленіе къ измѣненію

¹⁾ Анна Александровна, по мужу Орлова; жила въ Спб.

настоящаго порядка вещей. Герценъ въ оправданіе свое показалъ, что большая часть разсужденій, заключающихся въ означенныхъ письмахъ, суть цитации изъ новѣйшихъ англійскихъ и французскихъ книгъ и журналовъ». Дѣлу такимъ образомъ былъ данъ ходъ, чему, конечно, негласно способствовали В. А. Жуковскій и К. И. Арсеньевъ, лично познакомившіеся съ Герценомъ, какъ ближайшіе руководители наслѣдника.

140. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

3 іюля 1837.

Ты въ деревнѣ, ангелъ мой,—я сталъ немного спокойнѣе. Живите же дружно,—ты и природа: вы обѣ такъ изящны, такъ хороши. Милая сестра, другъ мой! Ты отдохнешь эти два мѣсяца отъ гадостей ихъ, затѣмъ не можешь склонить утомленную голову на мою грудь, отдыхать на ней. О, Наташа, какъ бы я берегъ тебя! вѣтеръ бы не смѣлъ дунуть на тебя! Мнѣ, знаешь ли, что иногда приходитъ въ голову? ты слишкомъ небесна для земли; что въ то время, какъ я раскрою объятія, ты исчезнешь; это сходно съ твоей мыслью о смерти, съ твоей ненавистью къ тѣлу,—хорошо, ежели и я тогда умру, а разлука ужасна; но ты будешь оттуда свѣтить на меня, ты восторгъ пошлешь въ мою душу отъ подножія престола Его. Но какъ же я буду жить безъ моей души? я теперь считаю свою душу однимъ матеріальнымъ выраженіемъ твоей души. Боже, Боже, какъ ты свѣтла,—не ярко, не ослѣпительно, это бы подавляло,—да, ты теперь ужъ не человѣкъ. Я ничего хуже не могу себѣ представить, какъ тебя *моей женою* въ ихъ смыслѣ. Я въ тебя перенесъ все святое, все изящное, отъ тебя я жду одушевленія, твоя рука поведетъ меня землю, поведетъ на небо, и вдругъ *ты моя жена*. Будто высокое таинство бракосочетанія только для тѣла; тѣлу не нужно таинства; бракосочетаніемъ исполнится воля Бога: душа твоя и моя сольются въ *одну* душу, не твою и не мою, подъ благословеніемъ Его. Приходи же, благодатное время гармоніи и блаженства, не все же бороться! Люди, не отнимайте отъ меня ангела, подареннаго мнѣ Богомъ.

4 іюля.

Ежели будетъ какая-либо возможность, я тотчасъ пришло тебѣ «I Maestri»; эта статья несравненно выше всего, писаннаго мною; это—живое воспоминаніе, горячій кусокъ сердца. Совсѣмъ чужіе

люди были увлечены до слезъ, — вотъ моя награда; но какая награда ждетъ, когда ты будешь ее читать. ¹ Несмотря на заклятіе, повѣсть опять бродить въ головѣ ¹). Попробую. Я самъ чувствую, что перо мое стало сильнѣе, фантазія свободнѣе, — рядъ страданій, рядъ опытовъ образовалъ его. Путешествіе должно служить мнѣ послѣднимъ окончательнымъ развитіемъ. Теорія, все-таки, мертва: своими глазами надобно видѣть, своей рукою дотрогиваться. И мы будемъ вмѣстѣ. Я буду смотрѣть на людей, ты — на природу. Я буду слушать стонъ, ты — гимнъ. Это будетъ, клянусь, будетъ. Вѣдь, много лѣтъ еще передъ нами.

6 іюля.

Тьма странныхъ мыслей занимала меня весь день. Сначала думалъ я вотъ о чемъ: любовь есть единственно возможный путь къ возстановленію человѣка, именно, какъ ты нѣсколько разъ выражалась: два человѣка, потерянные другъ въ другѣ, любовью составляютъ ангела, т. е. выражаютъ во всей чистотѣ перваго человѣка, возвращаются къ тому единству, которое уничтожаетъ бореніе. Двойство — всегда бореніе, Богъ — единъ. Эгоизмъ тянетъ человѣка въ пропасть; надобно его уничтожить, — тутъ два средства. Знаешь ли, кто только не эгоистъ? *Тотъ*, который смиренно лежитъ во прахѣ передъ иконой Спасителя съ полной вѣрою, *тотъ*, кто сладостный и грустный взоръ остановитъ на дѣвѣ съ чистой любовью. Тутъ погибаетъ это гордое, всепожирающее я. Итакъ, христіанство и любовь, — вотъ два дара, оставленные Богомъ падшему человѣку. За этой свѣтлой мыслью, мыслью вѣры и любви, слѣдовалъ рядъ мрачныхъ, холодныхъ, но я расскажу и ихъ. Что будетъ со мною, думалъ я, и холодъ бѣжалъ по членамъ, — ежели черезъ много лѣтъ я скажу: «любовь — прелестная мечта юности, но она не переходитъ, какъ и всѣ мечты, въ совершеннolѣтіе» и утрачу любовь и вѣру? Тогда я извѣдаю все, что извѣдалъ падшій ангелъ. Или еще хуже, — тогда и совѣсть не будетъ угрызать, тогда я сдѣлаюсь животнымъ. О, Наташа, какъ мрачна эта мысль, дьяволъ вдунулъ ее середь имени Христа и твоего.

Но я взглянулъ на твою душу и утѣшился. Нѣтъ, исчезай мысль ада; твоя душа такъ нераздѣльна съ любовью, какъ любовь, что нельзя ее себѣ представить безъ любви ко мнѣ. Тутъ мысль, еще горячѣе явилась мнѣ. Зачѣмъ я свою душу могъ представить такъ, зачѣмъ же я не могу подняться до того высокаго гармоническаго бытія, до котораго поднялась ты? Зачѣмъ я человѣкъ, когда

¹) «Елена».

ты ангель? Твое присутствіе мнѣ необходимо, ты отогнала бы однимъ взглядомъ, дыханіемъ эти нелѣпости, а я ими мучился весь день. Тебѣ, тебѣ назначено меня спасти и отъ моихъ страстей, и отъ моихъ черныхъ думъ; въ твоей душѣ онѣ и возникнуть не могутъ, она такъ чиста, такъ чиста, а моя... что была бы она, ежели-бъ ее не просвѣтила любовь къ тебѣ, вѣчная битва высокаго порыва и низкаго влеченія, и кто побѣдилъ бы? Вѣрно, не высокое, потому Господь, жалѣя меня, и послалъ тебя. Дай же прижать твою руку къ устамъ, къ груди!

Я беру уроки въ нѣмецкомъ языкѣ у сосланнаго сюда доктора богословія Бетгера, чрезвычайно ученаго человѣка; хочу писать по-нѣмецки, какъ по-русски. Кстати, я спрашивалъ Егор. Ив., имѣеть ли онѣ возможность доставить тебѣ тетради и книги тайно отъ нихъ, тогда я пришлю свои статьи, нѣмецкій лексиконъ и стихи Шиллера.

7 іюля.

Сейчасъ получилъ твои письма отъ 11 изъ Москвы и отъ 26 изъ Загорья. Я ждалъ ихъ и не ошибся; минутное мрачное направленіе прошло по душѣ твоей, какъ тучи по небу,—и вотъ это небо опять ясно, опять свѣтитъ мнѣ и вливаетъ силы. Да, надобно сознаться: въ нашихъ страданіяхъ больше блаженства, нежели горести. Душа какъ-то обширно развѣртывается и гордо, съ пренебреженіемъ смотритъ на усиліе людей ее обидѣть. Бываютъ минуты,—обида палитъ, жжетъ, но не оставляетъ черты, «какъ желѣзо пройдя по бриллианту, царапаетъ самого себя» «I Maestri». Разлука, тюрьма, гоненіе—это все не въ самомъ дѣлѣ несчастіе или только несчастіе въ понятіи людей, у которыхъ счастье значитъ много денегъ, хорошій обѣдъ. Мы можемъ стоять выше, должны! Даже бѣдность, самый ужасный бичъ изъ всѣхъ *наружныхъ*, я не назову рѣшительно несчастіемъ. Но вотъ несчастіе—пятно на душѣ, угрызенеіе совѣсти. Ты никогда не узнаешь, что такое. Видала ли ты, ну, хоть вора, котораго уличаютъ? его положеніе, хотя онѣ и вывернется? но посмотри на глаза, посмотри на лицо. А кто крадетъ цѣлковый, похожъ ли тотъ на крадущаго душу, на крадущаго будущее спокойствіе? *Это несчастіе*. Пусть раскаянье сколько-нибудь утѣшаетъ, да каково вынести? Другое я никогда не испыталъ и, Богъ милостивъ, кажется, не испытаю, это—мало-по-малу закрубѣть, предаться толпѣ, забыть все высокое, жить долго въ этомъ снѣ, потомъ проснуться и увидѣть, что ужъ воротиться некогда, что практическая жизнь кругомъ бросила тенета и что надобно доташиться по этому болоту до могилы,—это должно быть безъ

мѣры ужасно. Изъ всего этого только то видно, какъ богато надѣлилъ Господь душу человѣческую: высшее блаженство и высшее несчастіе не внѣ его, а въ немъ и, слѣдственно, отъ него зависить,—умѣй только понять это и твердо дѣйствуй, понявши. А тутъ-то и бѣда. Ты, молитвой воспитанная, далекая отъ людей, одаренная небесной кротостью и добротою, перешедшая прямо изъ дѣтства въ объятія любви пламенной и чистой, какъ утренняя звѣзда, и ведущей тебя, какъ утренняя звѣзда—тебѣ легко итти тѣмъ путемъ. А кому, какъ мнѣ, она, звѣзда, явилась послѣ ночи, проведенной въ бурной оргіи, явилась и спряталась за тучу,—тому нужна вода священнаго Гангеса, чтобъ омыть пятна прежде, нежели ступить на священную землю индусовъ.

Надежда на возвращеніе сильнѣе и сильнѣе: кажется, не сѣверное сіяніе, а заря. Но гдѣ же Гесперь, твоя любимая звѣзда? ея еще нѣтъ; гдѣ же эта Венера золотая? Знаешь ли, что древніе греки называли твою любимую звѣзду утромъ Гесперомъ—надеждой, а вечеромъ Венерой—любовью? вотъ народъ, который былъ поэтъ и художникъ, какъ никогда не было народа больше музыкальной Италіи.

Ежели буду въ Москвѣ, то непременно буду въ твои именины въ Загорѣ; а въ самомъ дѣлѣ, по строжайшей математической теоріи вѣроятностей, я не долго останусь въ Вяткѣ. Прощай, милая, прелестная подруга. Прощай, цѣлую тебя, твои уста, твои руки. Прощай.

Я пишу теперь «Письмо изъ Вятки», это—карикатура, слѣдственно, не по твоей части. Давно собирался я сдѣлать важную поправку: ты всегда меня воображаешь съ сигарой, а я уже больше года не курю сигаръ, а курю турецкій табакъ. Прошу поправить и вмѣсто маленькой сигары вообразить длинный, черешневый чубукъ. Прощай же!

◆◆ 1. 1 сентября 1837 г. Н. А.—на писала Герцену: «Встрѣчу съ Дмитріевымъ я читала покойно; она хорошо написана, но въ ней еще нѣтъ *тебя*: ты встрѣтился съ нимъ, еще не узаннымъ мною, почти чуждымъ, ну, словомъ, это только встрѣча съ поэтомъ Дмитріевымъ. 35-й же и 37-й годы—тутъ-то, въ этихъ встрѣчахъ ты, мой Александръ! Онѣ рассказаны тѣмъ языкомъ, которымъ ты говоришь со мною въ письмахъ и безъ писемъ, твоимъ языкомъ. И я часто не могла продолжать, съ глазами, полными слезъ, съ душою, полною восторга, останавливалась и долго слушала его звуки не здѣсь, а тамъ, въ небѣ раздающіеся. Только одно лицо описано страшно, я содрогнулась, вспомнивъ, что оно существуетъ на са-

момъ дѣлѣ, особенно при концѣ (очевидно, губернаторъ Тюфяевъ, названный тамъ Калибаномъ-гёной)—у меня даже посинѣли ногти» (т. VII Спб. изд., 341). 3 сентября: «Всего лучше для меня въ этой статьѣ мёръ dei Maestri и видѣнiе; но нѣтъ, вся хорошо, особенно 35 и 37 годы; мудрено ли, что постороннiе были тронуты до слезъ. Ты можешь вообразить, съ какимъ восторгомъ я переливала въ душу лучезарныя мечты твои, твои высокiя идеи, которымъ душно на землѣ и тѣсно въ небѣ. Немудрено, ежели я скажу, что я во всемъ, что ни читала, не находила столько высоты и души,—это скажутъ и *друзиё*» (тамъ же, 342).

141. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

10 iюля 1837.

Вотъ чтò еще мнѣ въ голову пришло, ангель мой: ежели тебя будутъ мучить слишкомъ женихомъ и ежели онъ сколько-нибудь благородный человѣкъ, что предположить въ военномъ и богатомъ можно, пиши къ нему письмо, разумѣется, въ крайности, скажи ему прямо, что ты любима, что ты любишь, проси его не мучить тебя, проси молчать. ¹

Ежели я буду въ Москвѣ, такъ заботиться не о чемъ, — это мое дѣло. Я самъ явлюсь къ нему и той силой, которая есть у меня въ характерѣ, заставлю его отказаться.

Ежели и новыя надежды такъ же обманутъ, то это будетъ чудо: самымъ холоднымъ образомъ разсматривая, всѣ вѣроятности въ мою пользу: вниманiе наслѣдника, его свиты, Жуковского съ одной стороны, желанiе графа Бенкендорфа помочь, старанiе здѣшняго жандармскаго штабъ-офицера и *три iода*,—вотъ на чемъ опираюсь я. Но не думай, чтобъ я теперь, какъ прежде, безотчетно отдавался мечтѣ о скоромъ возвращенiи; нѣтъ, я отталкиваю эту мысль, чтобъ не пришлось опять со слезою вырвать ее изъ сердца. Я имѣю вѣсти изъ Петербурга отъ 25 iюня; ежели онѣ вполнѣ справедливы, то каждый почтовый день я могу ждать высочайшаго повелѣнiя и жду съ трепетомъ. При одной мысли — можетъ, надняхъ я буду собираться въ путь, — сердце бьется, руки дрожатъ, и потъ выступаетъ на лицѣ. Все это возвращенiе, вся дальнѣйшая жизнь мнѣ ничего не представляетъ, какъ черты моего ангела. Нѣтъ, прочь отъ меня все: одна любовь, одна любовь! О, Наташа, мы будемъ счастливы,—больше, нежели счастливы. Всѣ эти временныя гадости исчезнутъ, и одинъ лучъ свѣта проникнетъ нашу душу, нашу жизнь!.....

14 іюля.

Я прибавилъ въ мою статью «Мысль и откровеніе» сонъ и въ нёмъ, въ идеаль религіи, перенесъ твои черты, даже твое имя: ты сдѣлалась тамъ нераздѣльна съ каждой мечтой моей, съ каждой мыслью,—свѣтлая, ангельская душа. Ты вспомнила, какъ я въ саду сидѣлъ съ Огаревымъ; я вспомнилъ, какъ еще въ томъ домѣ, гдѣ жила княжна Анна Борисов. ¹⁾, ты меня много разъ водила въ садъ, кормила смородиной; ты была тогда ребенокъ—прелестный ребенокъ; потомъ вспомнилъ тебя у насъ въ саду: ты стояла на маленькой террасѣ изъ моей комнаты, а я и Пименовъ ²⁾ внизу: помнишь? тогда ты уже переставала быть ребенкомъ, тогда недоставало только этой пламенной любви, чтобы посвятить тебя въ дѣвы. Я не могу отдѣлать воспоминанія всѣхъ свѣтлыхъ праздниковъ отъ тебя. Помнишь ли, я былъ еще гораздо моложе, на Святой, я пріѣхалъ къ вамъ, хотѣлъ, было, христосоваться съ тобою, и какой-то стыдъ остановилъ меня,—я вспыхнулъ въ лицѣ, подходя къ тебѣ, и не смѣлъ поцѣловать.

Страшно говорить, а, кажется, мое возвращеніе не подвержено никакому сомнѣнію; опять тотъ святой трепетъ захватываетъ душу. Я увижу ее, ту сильную, пересоздавшую меня, ту высокую, о которой три года мечталъ я. Наташа, я буду блѣденъ при нашемъ свиданіи; я всегда блѣднѣю, получая письма отъ тебя; а когда увижу, о, Господи! И буду жать ея руку и прижму ее къ груди моей, къ груди, которая такъ сильно рвалась къ тебѣ! Здѣсь радость освобожденія будетъ отравлена, я спрячу душу свою, какъ можно дальше и, уже переѣхавъ за границу Вятской губ., сброшу съ себя все земное и передамъ чистому, святому восторгу, сдѣлаюсь юношей тѣмъ, которымъ былъ 9 апрѣля. Мед. должна меня забыть; никогда луча надежды на будущее я не подавалъ ей, въ этомъ я чистъ. И любовь ея,—какая непомѣрная разница съ нашей любовью! это—любовь женщины, женщины, которая была замужемъ за старикомъ, которая ненавидѣла мужа. Любовь матеріальная, въ ней есть поэзія; но выше женщины не токмо, какъ ты, но, какъ Полина, она не можетъ подняться. Сверхъ того, знаешь ли ты, что одна капля сала портитъ цѣлый сосудъ воды,—сальное пятно исключаетъ всякую чистоту, всякую святость любви, а гдѣ тутъ была чистота? Ей хотѣлось имѣть молодого чичисбея, и не меня завлекла, а сама завлеклась. Жаль мнѣ ея: пять лѣтъ жизни,

¹⁾ Мещерская.

²⁾ Дмитрій Ивановичъ («Былое и думы»).

годъ разлуки съ тобою, все отдамъ для ея спокойствія, ибо я виноватъ, я увлекся самолюбіемъ, я, видѣвши сначала, что она можетъ пасть, не поддержалъ, а столкнулъ ее. Я не могу видѣть ее безъ угрызенія совѣсти: каждая слеза ея дешевле стоитъ ей, нежели мнѣ. Она—именно черное начало моей жизни. Вотъ каковы необузданные поступки. Зато Полина!—что это за милое, исполненное поэзіи существо, какъ дѣтская простота въ ней соединена съ огненной душою! У насъ нѣтъ другого разговора, какъ о тебѣ; мнѣ надобенъ человѣкъ, съ которымъ я могу говорить о тебѣ, и она понимаетъ. Скоро выйдетъ она замужъ, желай имъ счастья; и она, и Скворцовъ достойны его!

Когда я поѣду, сдѣлаю себѣ маленькую тетрадку и буду записывать всѣ чувства, всѣ думы при приближеніи къ тебѣ; приѣхавши, пришлю ее, какъ послѣднее письмо изъ дали. Впрочемъ, Наташа, мы и въ Москвѣ будемъ переписываться; вѣдь, намъ нельзя же будетъ часто видѣться, да и при свиданіи нельзя много говорить; будемъ писать. Прощай, моя восточная звѣздочка, Гесперъ-Афродита. Прощай.

Твой Александръ.

◆◆ 1. Н. А.—на сообщала, что среди жениховъ наиболѣе виднымъ и пріятнымъ кн. Хованской считается какой-то адъютантъ съ 400,000 рублями, пользующійся расположеніемъ и Д. П. Голохвостова; изъ дальнѣйшихъ указаній ясно, что это одинъ изъ львовъ тогдашняго московскаго общества, полковникъ Аванасій Ивановичъ Снакаревъ, умершій въ отставкѣ въ 1851 г.

142. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

16 іюля 1837.

Онъ взялъ чашу и сказалъ: «это дѣлайте въ Мое воспоминаніе!». Безпредѣльная любовь его къ ученикамъ чувствовала, какую сладость для души имѣеть воспоминаніе минутъ душевнаго увлеченія, самой грусти. Можетъ, воспоминанія утраченнаго блага горьки, я не испыталъ этого, мое благо — твоя любовь, такъ неотъемлемо моя, такъ я, что я не могу ее отдѣлить, даже для примѣра, отъ своей жизни. А что же я могъ потерять, кромѣ ея? Да, сладостны и священны минуты, подаренныя покойнику-прошедшему; образы знакомые выходятъ изъ могилы и, какъ духи, лишенные

своей вещественности, плаваютъ, летаютъ середи этой тверди. Вторая половина іюля привела меня къ этимъ мыслямъ; вотъ третій разъ приближается 20 іюля, и уже за нѣсколько дней душа живетъ подъ вліяніемъ памяти. Что *важно* было въ этой прогулкѣ по кладбищу? По *ихнему*, ничего, да у нихъ важно только представленіе къ чину. А эта прогулка—свѣтлая полоса въ рамѣ черной, въ рамѣ кладбища. Я не зналъ тогда, что за чувство меня связывало съ тобою, но симпатія наша была безпредѣльна, мы другъ на друга не могли насмотрѣться, какъ бы предчувствуя три черные года разлуки; я, лишенный тогда друга, обратился весь къ тебѣ, я провожалъ карету, въ которой ты уѣхала, взорами любви братской, той же любви, какъ встрѣтилъ тебя 9 апрѣля. Прости мнѣ, что я рассказываю третій разъ одно и то же; мнѣ такъ хорошо при этихъ воспоминаніяхъ! Вотъ эта ночь—въ самомъ дѣлѣ ужасная, когда меня взяли. Душа, утомленная горестью, очищенная прогулкой съ тобою, требовала отдыха; я спалъ мертвымъ сномъ. Вдругъ меня будятъ... Бѣлый султанъ, шпоры, холодныя слова, я такъ оставленъ, такъ одинокъ, а тутъ слезы старика, отвыкнувшаго обнаруживать свои чувства, а тутъ слезы матери, почти лишенной чувствъ... Я состарѣлся въ эту минуту! На другой день усталый, избитый, измученный, я спалъ цѣлый день въ заключеніи и, когда проснулся, ты, ангелъ, первая явилась святой утѣшительницей, — я написалъ записку поздравительную княгинѣ, для того, чтобъ хоть поклонъ послать тебѣ. Потомъ ты промелькнула мимо моихъ оконъ... О, Господи, какъ сильно билось у меня сердце, когда за каменной оградой, скованный стѣнами, я смотрѣлъ на тебя! О, я любилъ тебя уже страстно, все еще не давая себѣ отчета. А тутъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ я, какъ ты была въ обморокъ, когда услышала печальную вѣсть,—тогда я понялъ всю силу твоей любви, тогда я понялъ, что я для тебя все,—слезы хотѣли брызнуть изъ глазъ. О, въ эту минуту какъ пламенно я прижалъ бы тебя къ груди, какъ я поблагодарилъ бы за этотъ обморокъ!—Потомъ для тебя писалъ «Легенду»; видишь ли, какъ вездѣ ты, какъ всѣ воспоминанія примыкаютъ къ тебѣ! А твои записки туда, въ которыхъ не было слова «люблю», но была любовь,—и злая судьба ни одной не дозволила сохранить. Я радовался твоему обмороку,—ты обручила имъ жизнь свою съ моею. Но все еще такъ чисто, такъ безтѣлесно было мое чувство, но все еще не нашелъ любви больше братской, и не черезъ нѣсколько ли мѣсяцевъ я могъ отдать себѣ отчетъ въ 9 апрѣля? Надобно, чтобъ между торжественной минутой нашей жизни протѣснилось сколько-нибудь холоднаго времени, чтобъ дать себѣ отчетъ, чтобъ осмѣлиться его потребовать. Помнишь,

Сазоновъ былъ 9 апрѣля у меня? когда ты уѣхала, онъ мнѣ сказалъ: «Ta cousine, Alexandre, est belle, comme un ange, et comme elle t'aime!» ¹⁾ Я спряталъ лицо въ подушку,—но не плакалъ,—я больше былъ радостенъ, нежели грустенъ. Сверхъ всѣхъ правъ, за одно это замѣчаніе Саз. мнѣ другъ на всю жизнь. Часто, часто обращаю я взоръ на мою скверную комнату въ Крутиц. Священна она для меня; какъ бы желалъ я быть тамъ, я цѣловалъ бы полъ, стѣны, жандарма и то окно, въ которое я смотрѣлъ, когда ты ѣхала по Пречистенкѣ: все это родно, близко. О, Наташа!

Вчера пришло мнѣ въ голову: ежели бы государь дозволилъ мнѣ жить, гдѣ хочу, не вѣзжая въ столицы, я бы пріѣхалъ въ Загорье. И, можетъ, нѣсколько мѣсяцевъ были бы мы вмѣстѣ. А послѣ—послѣ можно бы умереть, даже не выдавши Италиі. Въ сторону всѣ прочія, прежнія мечты подъ клеймомъ самолюбія и эгоизма! Ты мнѣ нужна—больше ничего не нужно. Скажи, чѣмъ ты хочешь меня,—и я тѣмъ сдѣлаюсь; хочешь ли славы,—я прибрѣту ее и брошу къ ногамъ твоимъ; хочешь ли, чтобы весь родъ человѣчскій не зналъ, что я существую, чтобъ мое существованіе все было для одной тебя? Возьми его, оно твое, и все будетъ мало, чтобъ вознаградить блаженство, которое ты дала мнѣ. Но тебѣ и не нужно вознагражденія. Ты любима! Да, ты можешь сказать, что ты любима! Свѣтлая минута теперь въ душѣ моей; ахъ, лишь бы слѣдомъ за ней не шла туча, лишь бы воспоминанія святыя не довели до воспоминаній проклятыхъ. Прощай, Natalie. Прощай сестра!

Спустя полчаса.

Ангель мой! Долго сидѣлъ я теперь надъ этимъ листомъ, и душа была съ тобою, слеза скатилась съ глазъ, и я сложилъ руки и, поднявъ къ небу глаза, молился и благодарилъ Бога за тебя; о, какъ много Онъ мнѣ далъ! Не смѣю уже ни о чемъ болѣе Его просить. Что ты, ангель, теперь дѣлаешь? для меня была святая минута 16 іюля, въ 11 часовъ. ¹

21 іюля.

Другъ мой! Какъ грозно вспоминалъ я нынче ту ужасную ночь, когда меня взяли. Съ вечера началась гроза, а въ два часа ужаснѣйшій градъ съ шумомъ, трескомъ и свистомъ выбилъ у меня всѣ стекла. Какъ величественна разъяренная природа! Молніи непрерывно раздирали мракъ, громъ грохоталъ, и градъ въ грецкій орѣхъ

¹⁾ Твоя кузина, Александръ, красива, какъ ангель, и какъ она любить тебя!

билъ, какъ камень, пущенный сильной рукой. Опасно было стоять въ комнатѣ, стекла и градинки сыпались. Такова была въ 1834 году душа моя, и, признаюсь, я радовался нынче на эту бурю, какой, впрочемъ, я въ жизнь мою не видывалъ. Весь городъ точно послѣ штурма. А ты, ангель, какъ провела эту ночь? Думала обо мнѣ и я былъ съ тобою? Русское повѣрье объ Ильинѣ днѣ сбылось.

А сегодня опять свѣтло и тихо. Природа, какъ мощный человѣкъ, сердится, но не извиняется ни передъ кѣмъ,—ей дѣла нѣтъ до человѣческихъ отношеній. Нынче, три года тому назадъ, ты узнала страшную вѣсть. А несчастіе ли это постигло тогда меня? Не знаю. Я выросъ, я лучше понялъ себя и тебя, я узналъ людей, я юношей удалился изъ дому и совершеннолѣтнимъ возвращусь въ него. Ты знаешь, ангель, сколько сладкаго въ нашихъ страданіяхъ. Въ 1835 году ты писала мнѣ сюда, что въ этотъ день узнала ты, что такое несчастіе; съ тѣхъ поръ ты могла убѣдиться, что и въ этомъ несчастіи есть блаженство святое,—тогда воспоминаніе было слишкомъ близко.

Ежели провидѣнію угодно будетъ отдать въ скоромъ времени меня тебѣ; ежели въ самомъ дѣлѣ къ осени я поѣду въ Москву, то, какъ ты думаешь, не заѣхать ли мнѣ въ Загорье прежде Москвы? Для этого потребно, чтобъ оно было не болѣе 5 верстъ отъ тракта (иначе пап. разсердится и начну съ непріятности), а кажется, по той же дорогѣ; въ какую заставу вы ѣздите, не въ Рогожскую ли? Но я боюсь за тебя, и потому я прислалъ бы передового мужика съ запиской, а послѣ, покуда закладывать на станціи будутъ коляску, явился бы верхомъ на крестьянской лошади. Напиши, какъ думаешь? А, можетъ, это и скоро. Но лучше не очень полагаться. Прощай.

Душа моя, прощай. Прощай.

Александръ.

Полина скоро, вѣроятно, будетъ m-me Scworzow. Слава Богу, она будетъ оцѣнена мужемъ.

◆◆ 1. Н. А.—на отвѣчала на это: «Ты мнѣ напомнилъ, что Сазоновъ былъ у тебя 9 апрѣля; фамилія его навсегда бы и безъ того осталась въ памяти, потому что я слыхала ее отъ тебя, а лица его совершенно не помню, а помню, что на тебѣ былъ бешметъ двуличневый, зеленое съ синимъ, пунцовая ермолка, красные сапоги! Ты много курилъ тогда и долго послѣ того отъ волосъ моихъ пахло курительнымъ табакомъ, и мнѣ жаль было ихъ помадить» (стр. 331). «Прощаясь съ тобой, я не плакала; видно,

самъ ангель-хранитель удержалъ слезы, чтобы мнѣ насмотрѣться на тебя въ послѣднее; наверху, было, но когда ты заговорилъ съ маменькой, я отвернулась и обтерла, и съ улыбкой поцѣловала тебя въ послѣдній разъ; а когда поѣхали мы, когда я ничего болѣе не видала, какъ маленькую темную дверь и въ ней Васильева...» (стр. 332).

143. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

25 іюля 1837.

Прошлое письмо мое отъ 21 іюля, другъ мой Наташа, было все наполнено восторгомъ воспоминанія. Нынче опять душа вяла, утомлена. Фу, какъ гадко, несносно цѣдится это время разлуки и заточенія въ дальнемъ краю. Ждешь, ждешь... И придетъ лучъ надежды, играетъ, свѣтится и исчезнетъ, а между тѣмъ легкомысліе души хватается за него съ такою нѣжностью. Наташа, я долженъ быть скоро возвращень, потому что мнѣ разлука съ тобою дѣлается нестерпимой, мучительной болью, потому что здѣшняя жизнь мнѣ опротивѣла... Теперь опять не занимаюсь,—гадко дотронуться до чего-нибудь, все это такъ мелко, школьно, неудовлетворительно. А любовь, — она удовлетворяетъ всему, она наполняетъ всю душу; но для этого мнѣ надобно видѣть тебя, жать твою руку, пить свѣтъ твоихъ глазъ, воздухъ твоего дыханія. Уѣду за городъ сегодня на цѣлый день. Тамъ подъ чистымъ небомъ помечтаю о тебѣ, ангель! Какъ бы ни сбылось твое пророчество, что все это одни комплименты, очень пріятные для уха и очень бесполезные для дѣла...

Ты писала какъ-то мѣсяца два тому назадъ, что это недостатокъ характера—иногда быть высокой, самоотверженной, иногда грустить, унывать. Но человѣку не дано столько силы, чтобы всегда становиться бодро и смѣло противъ обстоятельствъ и всегда быть выше ихъ. Это невозможно. Самая пламенная вѣра допускала иногда звуки отчаянной печали и нѣмой боли. Это однообразіе проклятое, глупое, вседневное, иногда застаетъ душу врасплохъ, и душа скорбитъ, понимая, какое блаженство для нея открыто на землѣ еще, и какъ обстоятельства холодной рукой отталкиваютъ его.

27 іюля.

Я началъ новую статейку,—не знаю, выйдетъ ли толкъ, а основа недурна ¹⁾. Я ужъ говорилъ какъ-то, что нѣтъ статей,

¹⁾ «Симпатія»; текстъ неизвѣстенъ.

болѣе исполненныхъ жизни и которыя бы было пріятнѣе писать, какъ воспоминанія. Облекая эти воспоминанія во что угодно, въ повѣсть или другую форму, всегда они для самого себя имѣютъ особый запахъ, пріятный для души. Половина лицъ въ лучшихъ поэмахъ образовалась такъ; сверхъ того, лицо существующее имѣетъ какую-то непреложную реальность, свой рѣзкій характеръ по тому самому, что оно существуетъ. Да и для чего же душа будетъ терять впечатлѣнія, коимъ она подверглась въ жизни, ежели только эти впечатлѣнія достойны не быть потраченными? Повѣсть—лучшая форма, но это не мой родъ; доселѣ повѣсти плохо выходятъ у меня; но рассказъ, простой рассказъ—это дѣло мое, я легко переношу свой пламенный языкъ на бумагу. Итакъ, я намѣренъ рассказать мое знакомство съ Полиною; она утѣшала меня въ горькія минуты, я съ нею сблизился во имя Наташи, — стало, она достойна имѣть страницу моего пера. Да, сверхъ того, въ ней есть поэзія, и въ нашей дружбѣ есть поэзія, а жизнь скоро приметъ другое направленіе,—надобно статьею отвердить прежнюю. И такъ, какъ древніе народы воображали за хрустальнымъ голубымъ небомъ, которое они видѣли, другое небо, гораздо лучшее, огненное, чертогъ Бога, такъ и у меня, за всѣми воспоминаніями вдали виднѣются черты божественныя, черты ангела — твои черты. Ихъ я боюсь ловить на бумагу, боюсь, какъ святотатства, какъ іудеи боялись произносить святое имя Іеговы. Да онѣ же такъ нераздѣльны съ моею душою, со всей моею жизнью, что я самъ—лучшая, полная статья о тебѣ. ¹

28 іюля.

Продолжая о новой статьѣ, я скажу, что всѣ улыбнутся мысли описать такую незначительную встрѣчу. Но, благодаря тому высокому направленію, которое дала твоя любовь моей душѣ, я всякое чувство ставлю гораздо выше мысли и ума, всякую симпатію считаю достойной труда, памяти и вниманія. Да, я въ мысли своей образовалъ себѣ полную человѣческую жизнь, состоящую изъ совокупности всѣхъ сильныхъ и высокихъ влеченій, и буду слѣдить ее вездѣ и, гдѣ найду, тамъ остановлюсь и склоню голову.

Пришли письма и посылки, но отъ тебя ужъ давно ничего, это грустно и больно; маменька пишетъ, что никакихъ оказій не бываетъ, что и мои письма лежатъ долго, куда отошлются. Мое прошлое письмо 21 іюля, вѣроятно, сильно потрясло тебя, — эти святые, высокія воспоминанія! Пора, Наташа, пора намъ соединиться; какъ тяжело жить половиной существованія. Посмотри, сколько

ранъ надобно тебѣ залѣчить на этой больной душѣ, сколько пыли стереть, сколько отдыха дать.

Часто думаю, мечтаю и, какъ усталый долгимъ путемъ, склоню голову на руку, и какая-то ужасная пустота наполняетъ ее, и я желалъ бы впасть въ долгій, летаргическій сонъ и проснуться отъ твоего поцѣлуя, и прильнуть къ твоимъ устамъ, и умереть потомъ. Прощай... бьется сердце сильно, сильно. Прощай.

Твой, твой *Александръ*.

◆◆ 1. 5 февраля 1838 г. Н. А.—на писала Герцену: «Другъ, знаешь ли, что вся статья «Симпатія»? Нѣсколько писемъ ко мнѣ. Каждое слово такъ знакомо, такъ родное, въ каждомъ цѣлый міръ, цѣлый океанъ, изъ каждаго можно почерпнуть силу, блаженство, полную жизнь. Для *друшхъ* это галиматья, они не поймутъ ни строчки. Но послушай, Александръ: когда буду меньше любить тебя, тогда только я въ состояніи буду *судить* твои сочиненія. Послѣ этой статьи я не могу уже болѣе полюбить Полину; ни свиданье, ни даже, если бы мы жили съ нею вмѣстѣ, ничто уже не можетъ сроднить насъ болѣе, — земля небу не прибавитъ ничего» (т. VII Спб. изд., стр. 452).

144. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

4 августа 1837.

Вятка.

Ангелъ мой, милая Наташа, вотъ уже цѣлая недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ я къ тебѣ писалъ. Прости меня! Что-то такое глупое, гадкое было въ душѣ, что я недостойнъ былъ писать къ тебѣ. Зато я послалъ «I Maestri»; получила ли ты? пиши твое мнѣніе, оно мнѣ дороже всѣхъ. И все еще, ангелъ мой, ни слуху, ни духу объ освобожденіи, а ты знаешь, что такое намъ разлука. Хотя точно я сдержалъ слово и нынѣшній годъ съ самага начала какъ-то провожу гораздо лучше, уединеннѣе, больше занимаюсь, но нѣтъ, право, всѣ силы истощаются. Хочу видѣть, хочу прижать тебя къ груди,—и ничто, ничто не развлекаетъ, не веселитъ. А, впрочемъ, я часто хохочу; хохотъ на подкладкѣ вздоха хуже слезъ. Вечерами печальная мысль какъ будто съ луннымъ свѣтомъ сольется на душу, тогда я цѣлую твой медальонъ и засыпаю грустно, — а тутъ проснешься и съ какой-то ненавистью смотришь на этотъ

гадкій день, свѣтлый для другихъ, а для меня... Но не думай, однако, чтобъ я предавался черной грусти, нѣтъ,—съ полуслезую сажусь за свой столъ, и понемногу разныя впечатлѣнія облегчаютъ душу; но странное дѣло, кажется, человѣкъ не можетъ разомъ имѣть двухъ мыслей въ головѣ, а я что бы ни дѣлалъ, чѣмъ бы ни занимался,—мысль о тебѣ тутъ, никогда, никогда ни на секунду не покидаетъ. Развѣ потому, что эта мысль—сама душа моя.

8 августа.

Письма отъ тебя, письма, вотъ уже больше мѣсяца не было, и вдругъ два. Нѣтъ, надежды наши не вздоръ; со всякимъ днемъ онѣ становятся больше; онѣ похожи на издали вырѣзывающіеся берега, къ которымъ корабль не можетъ пристать, но они видны,—первый попутный вѣтеръ, и онъ тамъ, дома. Надобно больше всего ждать 30 августа,—именины цесаревича; ибо всѣ эти надежды отъ него, онъ писалъ прямо императору, и свита его была такъ внимательна, что предупредила новаго губерна. ¹⁾, чтобы онъ былъ со мною, какъ съ человѣкомъ, обратившимъ на себя вниманіе в. кн. Впрочемъ, очень можетъ быть, что меня переведутъ въ Петерб.,—этого не бойся, я тотчасъ приѣду въ отпускъ. И тамъ, можетъ, прежде Наташи я увижу море. О, море, море! — тамъ пространно послать звукъ души по необозримой синевѣ: море не такъ, какъ мертвая земля: оно тоже волнуется, тоже дышитъ; ежели такъ случится, не досадуй на продолженіе разлуки: тамъ, гдѣ годы протекали безъ надежды, ничего не значить два-три мѣсяца. Кажется, нельзя сомнѣваться; впрочемъ, все въ волѣ государя, но уже есть и фактъ. Оболенскій, сосланный въ Пермь, по просьбѣ, переведенъ въ Калугу, т. е. изъ 1500 верстъ за 150 отъ Москвы. Будемъ ждать, ангель, будемъ ждать; право, стало опять легко на душѣ. Даже писать тяжело, хотѣлъ бы высказать все—нѣтъ, не словами, взглядами и... поцѣлуемъ, однимъ поцѣлуемъ. Наташа, я—пресумасбродный мечтатель. Я тебя обрадовалъ, другъ мой, моей мыслью ѣхать въ маленькій городокъ Италиі, но чему же ты удивилась? Ты такъ хорошо знаешь меня,—можетъ, лучше, нежели я самъ. Что слава? ежели она должна быть, то она сама советъ лавровый вѣнокъ, сама надѣнетъ,—о чемъ хлопотать; я хочу жизни, полной жизни, часть ея я испыталъ,—это твоя любовь. О, сколько блаженства и святости она мнѣ принесла, и какъ подняла она меня! Но и ты заплатила мнѣ прелестно, и въ твоемъ письмѣ есть одно мѣсто, которое я читалъ со слезою радости,—это твоя сильная увѣренность

¹⁾ Александръ Алексѣевичъ Корниловъ.

въ моей любви. Ты не можешь себѣ меня представить безъ этой любви къ тебѣ. О, какъ ты поняла меня!... Но скажи, зачѣмъ ты всегда такимъ мракомъ покрываешь 9 мѣсяцевъ тюрьмы; увѣряю тебя, что это вамъ со стороны такъ казалось: я мало страдалъ тамъ, и всѣ страданія искупилась 9 апрѣля; тамъ я узналъ свою силу, тамъ я былъ высокъ и недоступенъ всему земному. Есть другіе 9 мѣсяцевъ моей жизни, которымъ бы я бросилъ въ лицо анаѣму, отъ которыхъ я страдаю доселѣ, — это отъ мая 1835 до начала 1836 года, — вотъ скверная эпоха жизни! А тюрьму напрасно назвала ты «беззвѣздной ночью».

9 августа.

Душа моя, я опять склоняю передъ тобой колѣно. И ты не ангелъ, ведущій меня, и тобою я не долженъ руководствоваться?! Я говорю о томъ мѣстѣ твоего письма, гдѣ ты велишь мнѣ быть вполне сыномъ. — Да, любовь не можетъ охладить другое чувство любви... И, въ самомъ дѣлѣ, намъ ли бояться? Неужели цѣлая жизнь страданій насъ не выучила, не укрѣпила? Ежели я когда паду утомленный, одно слово твое, — и я опять больше человѣка, твой Александръ. Прощай.

Странно, очень странно воспитаніе провидѣнія: за мою жизнь на мнѣ почти не лежитъ никакой отвѣтственности. Я ничего не дѣлалъ по своему желанію, рука сильная вела, влекла меня, иногда по острымъ камнямъ, иногда степями. Отчего развилась во мнѣ фантазія, отчего такъ близко и живо къ душѣ принялъ я науки? Причина ясная — мое затворническое воспитаніе; огненный характеръ требовалъ дѣятельности, жизни; не было ему ея во внѣшнемъ, и весь этотъ огонь перенесъ я въ науку: она для меня сдѣлалась тоже непреложно существующее, живое, какъ практическая жизнь. Но по волѣ ли я избралъ? Какъ только кончилась школа, отворилась тюрьма, — тутъ перстъ провидѣнія еще яснѣ повелъ меня. Зналъ ли я, для чего я содержусь, что со мною будетъ? Сила, не отъ меня зависящая, не мною направляемая, приказывала, толкала, распоряжалась, и въ эту тюрьму явилась ты. Странно, ей Богу, странно! А тамъ та же сила повела въ Пермь; тамъ сегодня я спокойно сидѣлъ у окна, смотря на Каму и воображая годы жить въ печальномъ городѣ, а завтра ѣхалъ въ Вятку; тутъ, замѣшанный въ чернь, въ толпу, встрѣтился съ Витбергомъ. Ну, наконецъ, теперь, настоящее положеніе мое страннѣе всего прошедшаго. Взгляни на составъ его. Ссылка и немилость, вниманіе наслѣдника; съ одной стороны, *можетъ*, я проживу еще годъ здѣсь; *можетъ*, меня переведутъ въ ближнюю губ.; съ другой — *можетъ*, я черезъ мѣсяць прижму тебя къ груди моей, мо-

жетъ, я черезъ мѣсяць — гдѣ-нибудь въ министерствѣ. И замѣть больше всего, что во всѣхъ этихъ *возможностяхъ* воля моя нисколько не участвуетъ: я именно, какъ лодка, брошенная на морѣ, даже не имѣю силы желать того или другого, а долженъ ждать, чѣмъ и какъ развяжетъ судьба эту повѣсть моей жизни. Итакъ, покоримся же этому персту; не всякаго такъ круто ведетъ онъ, стало, не всякій этого достоинъ. Посмотри ты на другихъ: они располагаютъ своей жизнью, какъ собственностью: хотятъ итти, такъ и идутъ, иногда на пути встрѣчаютъ легенькія трудности и все-таки идутъ, и ихъ ходъ, при всей волѣ ихъ, не ихъ ходъ, а ходъ массы, толпы, а мой бѣгъ, при всей произвольности, самобытенъ. Наташа, такому человѣку ты должна принадлежать, въ такомъ человѣкѣ будетъ сила сдѣлать счастливою твою высокую душу, и для него ты будешь продолженіе этого перста Господня; да, Богъ облекъ волю свою въ тѣло, и это тѣло такъ же прелестно, какъ душа, обитающая въ немъ,—это ты, Наташа.

11 августа.

Отъ Emilie получилъ я записочку; она бранитъ, что рѣдко пишу къ тебѣ, но это неправда. Кланяйся ей, скажи, что я все по-прежнему очень, очень люблю ея итальянскую душу; можетъ, скоро увижу ее,—какія огромныя права имѣетъ она на мою дружбу! Я помню, когда взяли Огар., какъ она грустила обо мнѣ, и, другъ моей Наташи, она должна принадлежать къ самому малому числу избранныхъ нами. Прощай,—близкія надежды даютъ, нельзя спокойно дышать. Цѣлую тебя, твои руки. Прощай, *Александръ*.

145. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

16 августа 1837.

Вятка.

Ангель мой, Наташа, все берегъ ближе и ближе; уже птицы подлетаютъ къ кораблю, ужъ звуки земли слышатся, а все еще пристать нельзя,—а, должно быть, скоро, но все сдается, что скоро въ Петербургъ, а не въ Москву. Веди, веди, невидимая рука: я такъ отвыкъ располагать своею жизнью, что даже и не забочусь о томъ, гдѣ и какъ она будетъ развиваться; но тяжела разлука, ахъ, какъ тяжела! Свиданіемъ съ тобою окончится трехлѣтнее страданіе, оно дастъ силы на новыя испытанія, безъ тебя я изнемогу. Лишь бы это провидѣніе мнѣ облегчило, болѣе я не прошу; пусть неудачи, го-

рести, болѣзни, — все на меня, лишь бы соединиться съ тобою. Ты очень права: противъ папен. мнѣ дѣйствовать грѣшно: сколько стараній о моемъ возвращеніи, — и мнѣ заплатить неблагодарностью. Нѣтъ, это ниже меня: я слезами трону его, вѣдь, у него есть много любви ко мнѣ, я этой любовью трону его. Пусть дѣло божіе останется чисто отъ всякаго упрека, пусть оно останется дѣломъ божимъ. Отчего же я не могу преодолѣть страхъ внутри души, отчего середь восторга, гармоніи, любви неумолимый голосъ, холодный, скрипящій дѣлаетъ черную полосу и пророчить несчастье тамъ, гдѣ все говоритъ о блаженствѣ? Вооружимся! не даромъ достается счастье. Наташа, мы любимъ другъ друга, довольно и этого. Отдадимъ же провидѣнію то, что принадлежитъ ему.

Сюда пріѣхалъ новый губернаторъ, — все перемѣняется; этотъ человѣкъ образованный и нашего вѣка, со мною хорошъ, — это естественно. Изъ свиты наслѣдника ему писали обо мнѣ, по волѣ великаго князя; ну, скажи, можно ли было надѣяться, что въ этой Вяткѣ я найду себѣ защитника, и гдѣ же? — возлѣ самаго престола, и кому обязанъ я этимъ? — великому человѣку, Жуковскому. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, написано слѣдующее: «по всѣмъ вѣроятностямъ, настоящее положеніе Герцена измѣнится къ лучшему въ непродолжительное время», — и это писано оттуда, гдѣ слово есть уже исполненіе. Ну, вотъ тебѣ новость радостная! Новый губер. ужасно много занимается, а поелику онъ меня приблизилъ къ себѣ, то и мнѣ достается работы въ волю, но это хорошо, — лишь бы время проходило.

А ежели я буду жить въ Петербургѣ, то можно будетъ устроить, чтобъ ты переѣхала къ Ал. Ал.; вспомни: тогда вѣтерокъ на тебя не дунетъ, — я буду тамъ!

17 августа.

И нынѣшній годъ желаніе быть съ тобою 26 числа не совершилось. Прими же мое письменное поздравленіе. Вотъ тебѣ цоцѣлуй страстный, пламенный, цоцѣлуй любви безпредѣльной, — оботри слезу разлуки на этотъ день и будь весела, сколько можешь. А сколько грусти во всемъ этомъ... но я съ утра буду съ тобою, прислушайся душою, и ты услышишь созвучную душу, твою душу. Прощай, до завтра.

Странная вещь, — душа человѣческая похожа на маятникъ, сдѣланный изъ разныхъ металловъ, которые влекутъ его по разнымъ направленіямъ въ одно и то же время и такимъ образомъ взаимно уничтожаютъ постороннее вліяніе. Одинъ элементъ моей души требуетъ поэзіи, гармоніи, т. е. тебя, и больше ничего не

требуетъ, и голосъ его сладокъ, чистъ, и душа становится вдвое лучше, когда одинъ этотъ голосъ раздается въ ней, и ему хотѣлъ бы я отдать побѣду, пусть онъ бы царилъ. И я былъ бы тогда хорошъ, изящентъ, исполненъ поэзіи, былъ бы вполнѣ тѣмъ Александромъ, котораго любить Наташа. Но рядомъ съ этимъ голосомъ—другой, отъ котораго, сколько я самъ себя ни увѣряю, не могу отдѣлаться, и который силенъ; это голосъ, сходный съ звукомъ трубъ и литавръ,—въ немъ одна поэзія славы, какъ въ томъ одна поэзія любви, онъ требуетъ власти, силы, обширный кругъ дѣйствія. Бѣда, кто въ ранней юности былъ такъ неостороженъ, что пустилъ этотъ голосъ въ свою душу, когда онъ, привѣтно, похвалами товарищей, школьными успѣхами прокрадывался въ нее. Бѣда, потому что онъ растетъ, мужаетъ и трудно изгнать его..... Вотъ проходятъ мѣсяцы пустой ссылочной жизни, и онъ умолкаетъ, и я воображаю, что побѣдилъ его. Совсѣмъ нѣтъ: малѣйшій успѣхъ, это проклятое чувство «я оцѣненъ» будитъ его, опять раздаются литавры, и пламенная фантазія чертитъ вдали воздушные замки. Ты недавно радовалась моему тихому расположенію, но я не хочу ни въ чемъ обманывать тебя. Въ Италію-то мы поѣдемъ и проживемъ тамъ другъ для друга и для природы годъ или два. А тамъ?... Неужели, какъ дымъ въ воздухѣ, исчезнетъ моя жизнь? Ну, молчи же голосъ самолюбія, ты не съ неба сошелъ: отъ небеснаго голоса навертывается слеза, а отъ тебя... отъ тебя душа трепещетъ и волнуется болѣзненно. Вполнѣ ли ты понимаешь это чувство?—нѣтъ, только по опыту можно судить. Но не бойся,—ежели этотъ голосъ не всегда созвученъ тому голосу, то никогда онъ не побѣдитъ его. Прощай.

Твой Александръ.

18 августа.

Опять объ этомъ голосѣ. Откуда онъ? Неужели это одно броженіе буйной, неугомонной гордости? Нѣтъ ли чего-нибудь высшаго, не есть ли это сознаніе силы, не есть ли и это голосъ провидѣнія, повелѣвающій быть дѣятельнымъ звеномъ? Горе зарывающему талантъ свой! Вѣдь, есть же люди, которыхъ не манитъ обширная дѣятельность, оттого что они не могутъ отпечатать свою фізіономію на обстоятельствахъ, оттого что и фізіономіи у нихъ своей нѣтъ. Эти люди дѣйствуютъ по привычкѣ, холодно, лишь бы съ рукъ сбыть, достигаютъ иногда огромныхъ успѣховъ такъ, какъ тѣ, которые находятъ случайный кладъ. Душа художника чревата мыслью; онъ ее хочетъ произвести въ дѣйствительность и несчастенъ,

ежели не можетъ, а другой, у котораго нѣтъ этой мысли, разумѣется, покоенъ. Есть люди высокіе,—можетъ, самые величайшіе изъ людей,—которые внутри своей души находятъ міръ жизни и дѣятельности, въ созерцаніи проводятъ жизнь, и эти-то созерцанія развиваются теоріями, пересоздающими понятія человѣчества, ежели же и не развиваются, то они довлѣютъ человѣку. Къ этимъ людямъ принадлежитъ Огар., но не я. Во мнѣ съ ребячества поселилась огненная дѣятельность, дѣятельность внѣ себя. Отвлеченной мыслью я не достигну высоты, я это чувствую, но могу представить себѣ возможность большого круга дѣятельности, которому бы я могъ сообщить огонь души. Какой это кругъ — все равно, лишь бы не ученый: мертвая буква и живое слово раздѣлены цѣлымъ моремъ. Разумѣется, я подъ ученымъ занятіемъ не понимаю литературу. Однако, и въ самой литературной дѣятельности нѣтъ той полноты, которая есть въ практической дѣятельности... Довольно, пора кончить диссертацию, когда-нибудь поговорю больше объ этомъ...

Еще, еще поздравляю тебя съ 26 августа,—день, котораго ты ангель (а не твоего ангела). Зачѣмъ мечталъ я провести его съ тобою? утраченная мечта—будто настоящая потеря!... Судьба, еще ли не довольно ты свирѣпствовала? пожалѣй не меня,—меня не стоитъ щадить,—пожалѣй этого ангела; чѣмъ заслужилъ онъ эти мученья? Онъ чистъ, высокъ, какъ не падшій человѣкъ; можетъ, вся вина его только въ томъ, что вмѣсто того, чтобъ отдать всю жизнь Богу, онъ раздѣлилъ ее между Имъ и человѣкомъ. Но развѣ любовь не оттуда? Онъ приведетъ тебѣ и человѣка въ рай, онъ не воротится одинъ къ престолу Бога. Его пощади.

Да, Наташа, или мы оба явимся тамъ, или человѣкъ увлечетъ ангела въ удушливую жизнь свою. Нѣтъ, сильна твоя душа, и самодержавна надъ моей душой. Прощай... еще прощай, боюсь сказать—до свиданья.

Я перечиталъ все письмо. Господи, какая безпокойная душа у меня, какія страсти раздираютъ ее... Но, Наташа, больше ли любила бы ты своего Александра, ежели-бъ душа его была ясна и свѣтла, и чиста, какъ небо въ зимній день? Гдѣ огонь солнца, тамъ и туча грома. И могъ ли бы твой Александръ больше любить тебя, ежели-бъ въ его душѣ не бушевали толпы страстей, раздирая ее, увлекаая? Нѣтъ, не могъ бы... Ну, поцѣлуй же меня, посмотри на меня, другъ, сестра, моя поэзія, моя святая!

Александръ.

146. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

22 августа 1837.

Наташа! Вотъ ужасное время поста и искушенія! Я никогда столько не страдалъ отъ угрожающихъ бѣдствій, сколько теперь отъ надеждъ: видѣть возможность, видѣть близость исполненія такого пламеннаго желанія и, все-таки, не видать самаго исполненія... Надежды—вещь ужасная: онѣ своею теплотою разогрѣваютъ, смягчатъ то твердое направленіе сердца, которымъ мы обрекаемъ себя на неотвратимое страданіе, такимъ образомъ отнимаютъ силу, и, когда онѣ, не получая безпрестанно пищи, блѣднѣютъ, открывается слабость, и горечь положенія является въ колоссальномъ видѣ, какъ все, представляющееся глазамъ горячечнаго. Въ самомъ дѣлѣ, ну, тебѣ бы сказали, что я завтра буду, а я пріѣхалъ бы черезъ недѣлю,—сколько перестрадала бы ты, какъ ужасны были бы эти *шесть дней*. А ежели бы сказали, что увидимся черезъ годъ,—было бы тяжело, но Богъ послалъ бы силу, и ты спокойно ждала бы, а я бы пріѣхалъ *черезъ 8 мѣсяцевъ*? Какая радость, забыты страданія и, какъ будто, еще новое благополучіе. Итакъ, надежды меня терзаютъ, я ими боленъ, я ими страдаю. Эта возможность видѣть тебя образовалась въ какую-то безгранную, безмѣрную потребность, и я опять скучаю и бѣшусь больше, нежели когда-нибудь. Наташа! Наташа! Ахъ, зачѣмъ грозная судьба лишила тебя всѣхъ этихъ восторговъ, всѣхъ поцѣлуевъ, всѣхъ этихъ взглядовъ! О, ангель мой! На-дняхъ я читалъ у Жанъ-Поля «Искусство быть веселымъ въ несчастьи». Вотъ смѣхъ! Жанъ-Поль—великій поэтъ, но это такъ холодно, его обдуманное средство обмана, такъ холодно! А, впрочемъ, его надобно читать людямъ, которые очень счастливы: тѣ повѣрятъ, что можно такъ «утѣшаться». А я не вѣрю. Вижу я сегодня во снѣ, что въ Москвѣ, что собираюсь итти къ тебѣ, наконецъ, вижу и тебя, но что-то смутно,—и, все-таки, какая-то гармонія разлилась по душѣ, я проснулся со вздохомъ, но вздохъ этотъ былъ сладокъ! О, Боже,—зачѣмъ прошелъ тотъ вѣкъ, въ который тѣлесными трудами иногда заставляли искупать свою волю. Пусть меня бы освободили съ тѣмъ, чтобъ итти пѣшкомъ,—сейчасъ бы пошелъ босой, питаюсь подаяньемъ. О, съ какимъ восторгомъ я прижалъ бы тогда тебя къ груди моей! «Взгляни», сказалъ бы я, «какъ солнце обожгло лицо мое, взгляни на кровь на моихъ ногахъ, взгляни на мое утомленіе,—все это для

тебя, Наташа». И не по праву ли послѣ этого я склонилъ бы голову на твою грудь, и ты бы поцѣловала меня, и, можетъ, съ этимъ поцѣлуемъ я умеръ бы,—и довольно житья. Зачѣмъ это нынче невозможно? Чѣмъ я *заслужу* тебя? Странаніями? — но развѣ я *за тебя* страдаю. Ты мнѣ—даръ Бога, достойнѣ дара онъ не могъ при всемъ всемогуществѣ мнѣ дать. — Ты теперь ужъ, вѣрно, прочла «I Maestri»;—ну, видѣла ли ты себя тамъ? Я тебѣ говорилъ ужъ: во всѣхъ статьяхъ невольно вдали, въ *святой святыхъ* виднѣются *твои черты*.

25 августа.

Ты опять на меня будешь сердится за бѣлую половинку этого письма, а писать некогда; ну, впередъ помиримся же. Прощай, ангель мой, прощай. А завтра 26-е. Вѣрь, недолго еще продолжится первый томъ твоихъ страданій. А второй, — онъ еще не начинался... Фу...

Но моя ты будешь... да ты и теперь моя.

Я опять испортился, ничего не дѣлаю (т. е. ничего путнаго), таскаюсь по улицамъ и по домамъ, убиваю время на скорую руку,—эти надежды на свиданіе съ тобою развинтили меня совсѣмъ.

Прощай же, надобно итти въ канцелярію. Давно нѣтъ звуковъ «пѣсни ангела».

Твой Александръ.

Когда будешь писать къ Emilie,—братскій поклонъ.

147. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

26 августа 1837.

Другъ мой, изъ той же дали простираю я тебѣ мою руку сегодняшній день, какъ и въ прошломъ, какъ и два года, какъ и три года. Поздравляю тебя,—хочется быть нынче веселымъ, а грустно. Терпѣли много, потерпимъ еще, надежда все еще свѣтитъ, какъ утренняя звѣзда. Вчера пришло освобожденіе двумъ сосланнымъ семействамъ изъ Польши. Радость, восторгъ—только потому что ѣдутъ на родину, а я... я, оторванный отъ тебя, я, назначенный утереть слезу на глазахъ ангела, какъ же я долженъ буду радоваться! Я брошусь на колѣни и принесу благодарность Богу за то, что онъ сжалился надо мной, покончивъ эту трудную эпоху жизни. Каждый день теперь надобно ждать, до 15 сентября. Послѣ надежды поблѣднѣютъ... Сегодня весь день посвящаю тебѣ, — а будто всѣ прочіе

моей жизни не тебѣ посвящены? Будь же и ты весела присутствіемъ моей души...

Вечеръ.

Ну, вотъ и этотъ день прошелъ. О, Наташа, о, мой ангелъ, какъ тяжело это бремя, которое судьба бросила на мои плечи. Я грустилъ весь день. Многіе поздравляли *avec le jour de nom de la chère cousine* ¹⁾; это меня радовало; но грусть проглядывала сквозь каждую улыбку. Балъ сегодня; меня звали; я не могъ рѣшиться ѣхать и просидѣлъ весь вечеръ дома..... Словъ нѣтъ, выраженій нѣтъ моей любви; она растетъ, она захватываетъ все бытіе мое: все, все проникнуто ею. Дружба—чувство высокое, но какъ она далека отъ любви, насколько не можетъ она замѣстить любви, а любовь наполняетъ все. Два друга, какъ бы ни была велика ихъ дружба, все—два друга, а двое любящихъ—одно существо, выше человѣка. Оттого-то такъ тягостно быть въ разлукѣ. О, провидѣніе, услышь же мою молитву, отдай мнѣ ея! долго я терпѣлъ, но силы слабѣютъ, не могу болѣе... Наташа, ей Богу, кажется, я не перенесу еще годъ разлуки.

Я перечиталъ твое письмо отъ 26 августа 1836. И тогда ждала ты меня, и тогда были надежды... Ахъ, какъ ярко въ этомъ письмѣ видна твоя безпредѣльная любовь и твоя высокая душа. Прочитавъ его, никто не удивится, отчего я всю власть надъ моей душой отдалъ тебѣ. Прощай, ты уже давно спишь. Ангелы, навѣйте же ей мой образъ, и я, усталый, почти нездоровый отъ надеждъ и медленности ихъ, лягу. Прощай, цѣлую тебя въ глаза, въ уста, въ твои милыя уста, еще... еще...

29 августа.

Твои письма отъ 30 іюля и 20 августа. Отвѣчать теперь не стану, не могу, дай прійти въ себя. Я мучился и страдалъ всѣ эти дни, не зналъ, куда дѣться; эта надежда, похожая на каплю ртути, которую чувствуешь подъ пальцемъ, а взять нельзя, истомила меня. Твои письма все исправили, я легко вздохнулъ, я свѣтло взглянулъ... Да укажи, Наташа, хоть одно пятнышко на твоей душѣ, Бога ради, укажи, тогда я повѣрю, что ты человѣкъ! Высота твоя подавляетъ меня. И притомъ что-то дѣтское, ребячье. Говорятъ, что у Рафаэлевыхъ мадоннъ только черты женщины, а что ясно видно божественную, неземную. Такъ и въ тебѣ: только форма человѣка, а сущность ангела!

Ну, что сказать о надеждахъ? — ежели-бъ я подалъ просьбу, то былъ бы ужъ въ Москвѣ,—вотъ все, что могу сказать. Горько

¹⁾ Съ днемъ ангела *дорогой кухни*.

мое положеніе... но прочь слабость, какой я предавался эти дни. Будемъ покойно ждать. И границу я тебѣ назначу, послѣ которой надежды увянутъ,—привыкни къ этой мысли: эта граница—15 сентября, она близка, тогда придетъ почта отъ 30 августа¹⁾). Проси же у Бога, къ которому ты такъ близка сама. И гдѣ же бы было вѣчное, святое начало любви, ежели-бъ пространство могло ее привести въ отчаяніе? Вспомни, что ежели я буду знать, что ты покойна, я многое перенесу, а твоя грусть сломаеъ меня. И почему знать, какая цѣль у провидѣнья, продолжая нашу разлуку; не оттого ли мы только негодуемъ, что поэзія свиданія поглотила душу нашу. Наташа! страданій нашихъ двѣ части: одна—это моя ссылка, другая—будетъ въ Москвѣ до нашего соединенія. Не забывай, что чѣмъ долѣе первая часть, тѣмъ короче вторая. Первую мы знаемъ, знаемъ глубокую, острую боль разлуки, знаемъ эту жгучую жажду свиданія, взгляда, поцѣлуя, знаемъ и переносимъ, ты сама писала,—въ ней есть поэзія, высокое страданій, эта часть опирается на святое 9 апрѣля. Другая обопрется на тотъ неизвѣстный, святой день свиданья и поведетъ рядомъ нѣмыхъ, глупыхъ обидъ и оскорбленій, лишенныхъ высокаго и запечатлѣнныхъ штемпелемъ людей мелкихъ,—тягостная будетъ эпоха. Я знаю, что все это вздоръ передъ любовью, что мы побѣдимъ, хотя бы побѣда и была уже на томъ свѣтѣ...²⁾ вопросъ (котораго рѣшеніе извѣстно одному Богу): которую часть легче выносить? Я не знаю, Онъ знаетъ,—оставимъ же ропотъ, будемъ Его дѣтьми... Въ самомъ дѣлѣ, ты права: можно ли было надѣяться, что судьба Полины такъ быстро переменится?—и послѣ этого намъ смѣтъ сомнѣваться! Ахъ, сколько людей пошли бы на каторгу за одинъ взглядъ истинной любви, за одну мысль, что гдѣ-нибудь бьется сердце за нихъ, и холодный міръ отказываетъ имъ, можетъ, потому, что они ищутъ на ложной дорогѣ. А намъ отчаиваться,—неблагодарность!... Это не тебя, ангелъ, а себя я уговариваю.

148. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

(Начало сентября 1837).

Съ каждымъ днемъ я дичаю больше и больше, люди дѣлаются мнѣ такъ посторонни, такъ чужды, что я бѣгаю оттуда, гдѣ ихъ много. Нѣтъ, Наташа, не скоро можно сдѣлаться братомъ, другомъ, больше или меньше сочувствія соединяетъ того, другого по разнымъ

¹⁾ День именинъ наслѣдника.

²⁾ Вырвано.

началамъ, изъ разныхъ основаній. Вотъ *этотъ* любить меня за то, что я остеръ, за то, что ядовитая иронія вырывается изъ больной души; вонъ *тотъ* любить за пламенный слогъ моихъ статей, и я ихъ люблю за *что-нибудь*,—можетъ, за то, что одинъ хорошо хвалить меня, а другой хорошо повязываетъ галстукъ. Хотѣлъ бы оторвать клокъ горячаго сердца и дать имъ и заставить подняться къ той сильной, высокой, *полной* жизни, и *какъ-будто* они поднимаются. Да нѣтъ, курица не товарищъ орлу,—скорѣй ласточка, скорѣй горлица ему товарищъ. Люди много потеряли въ моемъ мнѣннн съ 1834 года; я самъ, en qualité d'homme ¹⁾, много потерялъ въ своихъ глазахъ. Но всѣ вѣрованія, всѣ чувства къ нимъ сосредоточивались около двухъ идеаловъ святости божественной: около *тебя* и Ог. Вами я люблю людей, вами люблю себя. Хоть бы ужъ, по крайней мѣрѣ, были *они* мерзавцы, а то въ томъ-то и бѣда: *ни то, ни се*, ни въ хорошемъ нельзя на нихъ опереться, ни въ дурномъ. Іоаннъ въ Апокалипс. говоритъ: «О, будь горячъ или холоденъ!» Да, ужъ эти парные люди! люди чуть тепленько! Это жалкое зрѣлище, но еще утѣшиться можно. Есть хуже зрѣлище, и тамъ утѣшиться мудрено. Представь себѣ сильнаго (физически) человѣка, которому дали яду,—мало, чтобъ умереть, много, чтобъ быть здоровымъ,—и вотъ этотъ ядъ мало-по-малу начинаетъ его буравить, мучить, томить, и онъ долго перемогается, но, наконецъ, обезсиленный отдается вполнѣ разлагающей его боли: и крѣпкое тѣло его слабнетъ, и жизнь тухнетъ. Вотъ ужасное положеніе, въ которомъ теперь находится Витбергъ. Ежели бы ты его видѣла, когда онъ пріѣхалъ, и теперь,—ты бы его не узнала. Волосы посѣдѣли, лицо въ морщинахъ, глаза потухли. Даже, о, ужасъ! даже я замѣчаю огромную разницу въ самыхъ умственныхъ способностяхъ: какая-то лѣнь души овладѣла имъ; рѣдко говоритъ онъ объ искусствѣ, о которомъ прежде говорилъ всегда; иногда будто вспыхнетъ его геній, взглянетъ изъ заплаканныхъ глазъ и опять потухнетъ. Сердце разрывается при этомъ зрѣлищѣ; гнетущая бѣдность начинаетъ дотрогиваться до его груди холодной рукою. Жена, семейство... Фу... А въ будущемъ что? жена, еще большее семейство и холодная рука гнетущей бѣдности. Не надгробная ли рѣчь его таланту моя статья «I Maestri»? Я не имѣю больше силъ утѣшать его; мы дальше, нежели были прежде,—одна симпатія страданій и таланта соединяетъ насъ, въ силу остальныхъ идей насъ дѣлится огромное разстояніе XIX вѣка съ XVIII. И зачѣмъ онъ женился? какъ будто можно художнику любить *во второй* разъ. И зачѣмъ женился на *обыкновенной* женщинѣ, которая

¹⁾ Въ качествѣ человѣка.

не въ состоянїи быть для него ангеломъ, Наташей?! А когда я уѣду... Велика была твоя жизнь, Витбергъ: ты зналъ восторгъ искусства и восторгъ славы, ты зналъ страданїя художника и страданїя отца семейства. Твою жизнь я передамъ перомъ симпатїи потомству. Но она окончилась, мїръ поднесъ этотъ ядъ, невинныя уста обмакнулъ ты въ него,—осталось умереть. Ядъ равно дѣйствуетъ въ груди преступника и въ груди Сократа... Еще его ожидаетъ одна ужасная минута,—когда онъ пойметъ то, что понялъ я. Или Господь совершитъ чудо для строителя храма Его...

Ты пишешь о грусти, когда мнѣ надобно будетъ покидать здѣшнихъ друзей; будетъ грустно, но я не хочу ихъ обманывать: восторгъ займетъ все сердце, и одно пятно на этомъ полномъ восторгѣ будетъ, можетъ быть, взоръ М.,—его я желалъ бы миновать. Люблю я Полину, люблю Скворцова, но развѣ я имъ нуженъ, развѣ они не составляютъ свое цѣлое? Эрнъ—съ тѣмъ я не такъ близокъ душою, но люблю и его, онъ самъ прежде меня, можетъ, уѣдетъ: его перевели въ Петербургъ, да и хотъ бы остался, что онъ мнѣ? Витбергъ? — звѣзда заходящая и звѣзда восходящая вмѣстѣ итти не могутъ. Вся совокупность ихъ ничего передъ тобою. Намъ одинъ путь черезъ всю жизнь, а потомъ черезъ вѣчность. Слезу имъ и искреннѣйшую дружбу, особенно Полинѣ; она какъ-то росла на моихъ рукахъ, моимъ стараньемъ, и она ужасно меня любитъ. Черезъ два мѣсяца она, вѣроятно, уже *m-me Scwartzow*.

Сегодня 30 августа! Сегодня должна *тамъ* рѣшиться судьба наша. *Еще годъ*—въ этомъ словѣ 365 ударовъ ножомъ, въ этомъ словѣ 365 угрозъ. Страшно, ужасно, но надо быть готовымъ и на это. А ежели... боюсь и говорить. Не знаю, что тогда; тогда можно умереть отъ восторга... Ты не поняла, душа моя, почему я спрашивалъ, заѣзжать ли въ Загорье; я не тебя спрашивалъ, а *ихъ*, т. е. не взбѣситъ ли это к. 1) съ компанїей? И не знаю, сдѣлаю ли я это; застава не та, а большой объѣздъ невозможенъ. Лишь бы меня освободили; да когда вы воротитесь въ Москву? Къ 1 октября непременно. Впрочемъ, Ваши приказанїя, М. Г., всѣ исполню и не забуду ничего. Наконецъ, мало-по-малу всѣ сосланные вмѣстѣ со мною получили полупрощенїе и льготы,—одинъ я остался! Помимо меня одного прошли всѣ милости и льготы. Вчера я узналъ, что Ог. разрѣшенъ выѣздъ изъ Пензенской губ., и онъ недавно былъ въ Рязани. Оболенскїй ужъ съ мѣсяцъ проскакалъ по Вятской губ., посылая со станцій мнѣ поклоны. Даже сидѣвшіе въ казематахъ въ Шлиссельбургѣ освобождены. Сат. на Кавказѣ. ¹ Этого понять

1) Кн. М. А. Хованская.

нельзя—или мнѣ готовится не полумилость, а цѣлая... будемъ, будемъ ждать.

1 сентября. Опять бѣлую страницу пошлю тебѣ, ангель мой: лишь только, было, я принялся писать, за мной прислали *на службу*. Дѣла много мнѣ, но это хорошо: время идетъ скорѣе. Прощай, милая сестра, прощай. Полина со слезой слушала, что ты пишешь о ней и къ ней. Ты для нея и для Скворцова—какое-то тѣлесное выраженіе Бога и всего святого и изящнаго на землѣ. Что же ты должна быть для меня, когда люди, не видавшіе тебя, по однимъ письмамъ составили такой идеаль! Что?—Для меня ты вся совокупность всего высокаго, поэтическаго,—нѣтъ, больше—сама любовь!... О, Наташа, гдѣ нашель бы я такую подругу, ежели бы Богъ не указалъ мнѣ ее возлѣ?! Такъ-то всегда поступаетъ человѣкъ: ищетъ вдали то, что возлѣ него. Благословимъ же еще разъ Крутицкія казармы, 9 апрѣля. Оно не произвело нашей любви,—она была прежде, но оно связало навѣки наши души. Прощай. Цѣлую тебя много, много.

Твой Александръ.

◆◆ 1. 12 января 1837 г. пензенскій губернаторъ, А. Панчулидзевъ, обратился съ рапортомъ къ гр. Бенкендорфу объ отличномъ поведеніи Огарева и о его просьбѣ даровать ему слѣдующій чинъ и отпускать въ тѣ губерніи, гдѣ находятся его имѣнія. Губернаторъ сообщилъ при этомъ, что, въ виду родственныхъ отношеній съ сосланнымъ, не ведетъ дѣла официально и проситъ шефа жандармовъ доложить государю о дѣлѣ отъ своего имени. 24 февраля Николай I положилъ резолюцію на всеподданѣйшемъ докладѣ: «согласенъ». 5 марта объ этомъ было написано въ Пензу, и Огаревъ немедленно сталъ пользоваться данной льготой. Анненковъ изложилъ все это невѣрно (ср. «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 52).

Сатинъ въ мартѣ 1837 г. былъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы «за выслугу лѣтъ, хорошее поведеніе и усердіе къ службѣ». Вслѣдъ за этимъ было возбуждено ходатайство о разрѣшеніи ему второй поѣздки на кавказскія минеральныя воды, и 31 марта Николай I разрѣшилъ ее на четыре мѣсяца, а затѣмъ продлилъ на осень и зиму 1837—38 гг.

О шлиссельбургскихъ узникахъ по дѣлу Сунгурова сообщено въ другомъ мѣстѣ.

149. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

1837, сент. 10.

Вятка.

Скажите, Бога ради, что васъ всѣхъ заставляетъ хранить со мною такое совершенное молчаніе? Я говорилъ, повторялъ, что можно писать, и едва ли въ цѣлый годъ приходитъ строка, а еслибы вы знали, какъ дорога такая строка: она вызываетъ тѣни былого изъ грустной души, облекаетъ ихъ въ вещественность, и бѣдное, страдательное положеніе забыто. Мнѣ было бы очень тяжело, ежелибы не та *пѣснь ангела*, о которой ты читалъ въ «*I Maestri*». А про-
 pos, нравится ли тебѣ эта статейка? можетъ кой-что не понравилось, *amicus Platonis, sed magis amicus veritatis...* ¹⁾ Тутъ, братъ, все истина; итакъ прошу привязываться не ко мнѣ, а къ самой истинѣ; не я виноватъ, такова она или нѣтъ. Есть еще кой-что писаннаго у меня; можетъ, пришло, а можетъ, нѣтъ; самъ привезти не надѣюсь скоро; всѣ эти надежды похожи на китайскія тѣни: вотъ свѣтлое пятно увеличивается, черты лица образуются, ближе, ближе, ты хочешь обнять—а все еще темнѣе, и нѣтъ больше даже и свѣтлаго пятна... Много, очень много я испыталъ въ это время, многое измѣнилось во мнѣ. Юность отлетѣла отъ гнета обстоятельствъ; но это только по наружности, большая часть ея осѣла алмазомъ въ душѣ; на этомъ алмазѣ обращается вся фантазія. Но въ наружности замѣнила ее положительность. Что я вынесъ въ продолженіе послѣднихъ 9 мѣсяцевъ губернаторства Тюфяева, этого, братъ, и сказать нельзя! Но я молчалъ, не жаловался, не испрашивалъ участія, я и это принялъ за испытаніе, за главу воспитанія провидѣніемъ. Представь себѣ этого «Калибана-гіену», который, наконецъ, инстинктомъ понялъ, что я его ненавижу, и который всей гнусностью своей хотѣлъ задушить меня, и что же? Тутъ, въ этомъ гадкомъ положеніи явился оплотъ тамъ, гдѣ я его не ждалъ, явилась защита, совсѣмъ нежданная — жандармскій штабъ-офицеръ ²⁾ всей властью своей остановилъ того, и ударъ прошелъ мимо, ограничились одними обидами и униженіями. И середь этихъ обстоятельствъ явился наслѣдникъ и его свита, — побѣда

¹⁾ Здѣсь Герценъ передѣлалъ извѣстную латинскую поговорку: *Amicus Plato sed magis amica veritas*—Платонъ мнѣ другъ, но истина мнѣ еще дороже.

²⁾ Замятнинъ.

осталась на моей сторонѣ. Но чего стоило дойти до нея! Теперь мнѣ очень хорошо; Корниловъ—умный, просвѣщенный человѣкъ; я свободнѣе вздохнулъ съ его приѣзда. Сначала я здѣсь развратничалъ, потомъ сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ, потомъ сдѣлался ничѣмъ, т. е. нѣсколько мѣсяцевъ спалъ и ѣлъ, потомъ сталъ заниматься. Все надоѣло, все опротивѣло, и я, какъ пловецъ, который для облегченія ищетъ новой манеры толкать волны, теперь принялся за службу, сдѣлался ein Dienstmann ¹⁾, и это мнѣ наскучить; но и этимъ я убью нѣсколько мѣсяцевъ, а тамъ выдумаю что-нибудь новое. А все это вмѣстѣ оставляетъ на душѣ разные слои, и хотя они перемѣшаны съ грязью, но душа выплавляетъ изъ нихъ сумму опытовъ, итогъ практическихъ замѣтокъ и мечтаній, дѣловыхъ бумагъ и фантастическихъ образовъ, а отъ этого дѣлаешься многостороннѣе, *прилагательное*,—и польза очевидная. Вы, Messieurs, не знаете Россіи, живши въ ея центрѣ; я узналъ многое объ ней, живучи въ Вяткѣ. Большая часть вашихъ синтетическихъ мыслей основана на книгахъ; у меня ихъ мало, но я ихъ утвердилъ на самомъ совершающемся дѣлѣ, на фактахъ юридическихъ. Ты видишь, я сдѣлался эмпирикомъ. *Вадимъ* этимъ обидится; но дѣлать нечего, я не могу изъ одного ограниченія человѣка мѣстомъ и временемъ выводить Пандекты Юстиніана ²⁾, такъ, какъ не могу изъ борьбы Олеговичей и Мономаховичей вывести учрежденіе магистратовъ. А между тѣмъ въ душѣ есть потребность объяснить то и другое. Что Вадимъ? издастъ что-ли, свои «Очерки»? ³⁾ Я для него собираю чертежи всевозможныхъ трубокъ курительныхъ черемисъ, вотяковъ, чувашъ и приобрѣлъ покупкою два замка—одинъ Логиновской волости, а другой Шурминикольской; изъ этихъ важныхъ *національностей* очень легко будетъ ему объяснить, почему въ Вятской губ. нѣтъ помѣщичьяго права и почему здѣсь въ августѣ мѣсяцъ морозъ; ежели пробуду здѣсь долго, то еще привезу ему образцы бородъ здѣшнихъ мужиковъ для раскрытія соотношенія между бородою вятчанъ и каменнымъ углемъ, который здѣсь найденъ. Il a du talent ⁴⁾, все это найдетъ; но врядъ найдетъ ли читателей—*это дѣло реальное, fi donc!*

Ты видѣлся съ Огаревымъ! Вотъ годъ жизни за то, чтобъ его увидѣть на одинъ часъ; его люблю ужасно; она ⁵⁾ и онъ—вотъ

¹⁾ Службистъ.

²⁾ При этомъ императорѣ были изданы 50 книгъ, въ которыхъ собраны отдѣльные документы изъ римскаго права.

³⁾ «Очерки Россіи», I т., Спб., 1838; II—IV, М. 1840, V—М. 1842.

⁴⁾ У него талантъ.

⁵⁾ Т. е. ты понимаешь, о комъ я говорю.—А И. Г.

куда я перенесъ все святое, все теплое, всѣ вѣрованія; ими я люблю людей, ими я люблю себя. *Exegi monumentum!* ¹⁾ Этого ни само всемогущество Бога не отниметъ у меня, это—моя слава, это—моя рекомендація человечеству—*ея любовь и ея дружба!* Но монополи тутъ нѣтъ; люблю я васъ всѣхъ, люблю душевно, часто, часто поминую я съ однимъ здѣшнимъ пріателемъ (который въ полной мѣрѣ заслуживаетъ быть пріателемъ всѣхъ моихъ пріателей, а заглавіе которому А. Е. Скворцовъ), и онъ уже васъ знаетъ наобумъ. А наши вакханаліи, которыя начинались идеями, а оканчивались рвотами... А Сатинъ-Байронъ и въ б - - - и, блѣдноликий и унылый, смотритъ на луну изъ окошка, тамъ, возлѣ Старого Вознесенья, а Николай Платоновъ ²⁾ почтеннѣйшій, вѣчно тихъ, вѣчно отстанетъ, а бывало, налижется прежде, нежели успѣемъ обернуться... Славное было время! ему эпитафья ³⁾, прекрасный эпитафья: вольная комета, а надъ нею двѣ звѣзды.

При семъ вложено письмо къ Огар. Прошу отправить немедленно. *Entre autres*, тутъ есть и просьбы къ нему: хочу у него занять денегъ для Витберга и попрошу его эти деньги доставить тебѣ, а тебя доставить ихъ Егору Ивановичу, а далѣе ужъ я самъ распоряджусь. Я доселѣ не знаю, дошло ли до Огарева письмо, писанное мною къ нему за нѣсколько мѣсяцевъ; прошу написать... Гдѣ Сазоновъ? Онъ у меня въ памяти и въ душѣ чаще прочихъ; или я дуракъ, или этотъ человекъ уйдетъ далеко (во времени), а я ушелъ далеко (въ пространствѣ), — теорію Вадима приладить ко всему можно.

Прощайте, Николай Христофоровичъ, больше не буду писать, довольно съ васъ. Да, вотъ что: есть ли *des hommes comme il faut* въ редакціи «Наблюдателя» ⁴⁾? И совѣтуешь ли туда что-нибудь послать? И берешься ли доставить? Да, пожалуйста, пиши! вѣдь, это скучно,—и просто пиши по почтѣ, ибо ежели кто прочтетъ твое письмо, то это навѣрное одинъ душою любящій

А. Г.

Что Н. А. Полевой? Морошкинъ ⁵⁾ докторомъ правъ—стоитъ, Надеждинъ ⁶⁾ сталъ умно писать съ тѣхъ поръ, какъ сослани: о

¹⁾ «Я памятникъ воздвигъ!» (начало извѣстной оды Горация).

²⁾ Огаревъ.

³⁾ Нарисованъ кругъ съ кометою и двумя звѣздочками въ центрѣ и съ надписью съ краю «V-ve Clicquot» (Вдова Клико — извѣстная фирма шампанскаго).

⁴⁾ «Московскій Наблюдатель», тогда ведшійся С. П. Шевыревымъ.

⁵⁾ Федоръ Лукичъ.

⁶⁾ Николай Ивановичъ, редакторъ закрытаго въ 1836 г. «Телескопа».

древней географіи въ «Б. для Чт.»—славная статья ¹⁾. Читалъ ли ты Устрялова исторію? Пиши же о литературѣ; я, пожалуй, тебѣ напишу о ревизіи казенной палаты.

150. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

6 сентября 1837.

Наташа, ангель, вотъ я опять черенъ, какъ ночь, вотъ опять темная мгла обняла душу. О, Наташа моя, душа больна,—гдѣ ты, ты, мой ангель?! Сейчасъ писалъ я къ Огар. — и это не помогло. Близокъ, очень близокъ предѣлъ надежды... фу, какъ холодна будетъ эта зима въ Вяткѣ. Знаешь ли что, всматриваясь въ эти надежды, которыя являются потерзать меня, мнѣ приходитъ въ голову: ужъ не наказаніе ли это божіе за М., — въ такомъ случаѣ, можно ли роптать? Не могу стереть изъ памяти этотъ гадкій поступокъ, и тѣмъ хуже, что, кромѣ раскаянья, не сдѣлано ни одного шага къ ея спасенію. И ты ставишь меня рядомъ съ собою! Свѣтлая, ангельская душа! Ты не можешь даже постигнуть этого; правда, впередъ не повторится ничего подобнаго; но какъ могло быть что-нибудь подобное послѣ 9 апрѣля? Подумай, какъ низко упалъ этотъ Александръ, твоя молитва, твой идеаль; можно бы было расхохотаться, ежели-бъ былъ такой смѣхъ въ душѣ человѣка. Но ты терпѣть не можешь, когда я объ этомъ говорю... Мимо...

Это письмо ѣдетъ съ Прасков. Андреев. Эрнъ; я просилъ ее видѣться съ тобою; будь съ нею откровенна,—она самая добрая старушка, которую я когда-либо видѣлъ. Съ какимъ восторгомъ ты будешь ее разспрашивать обо всемъ, что касается до меня, и сколько подробностей можетъ она рассказать тебѣ,—знаешь ли, тѣхъ мелочей, которыя важны именно своей ничтожностью и которыя такъ ясно вдругъ тебѣ представляютъ мое житье-бытье. И Петръ ²⁾ ѣдетъ съ нею; велю и ему явиться къ тебѣ «съ почтеніемъ» отъ меня; въ самомъ дѣлѣ, это ужъ не передъ моимъ ли пріѣздомъ, не приготовленіе ли это? Дай-то Богъ!

10 сентября.

Какъ священно, чисто вырѣзывается на этомъ мрачномъ небѣ твой образъ, да, я—одна рама, золотая, но тяжелая, металлическая твоему образу, ангель, ангель... Нѣтъ, долше эта разлука не про-

¹⁾ Статья Н. И. Надеждина «Опытъ исторической географіи русскаго міра» въ № 5 «Библ. для Чтенія» 1837 г.

²⁾ Оедоровичъ, слуга.

должится, она перейдетъ черезъ силу, а захочетъ ли Богъ слезы твоей, захочетъ ли терзать то созданіе, которое наибольше выразило Его? А скоро пройдетъ срокъ, который я назначилъ; лишь бы тогда пріѣхать, какъ вы воротитесь изъ Загорья, — въ прошломъ году пріѣхали вы 27 сентября, ну, такъ ужъ бы къ 1-му октября. Но поблекли надежды, какъ вѣтви ивы склонились и смотрятъ въ безотрадный ручей, который льется, льется, но не несетъ отрады. Я перечиталъ твое послѣднее письмо, — какъ ты отдалась надеждамъ, какъ я истерзалъ тебя ими. Ну, погоди же, то объятіе, тотъ поцѣлуй, тотъ взоръ... тогда они все вознаградятъ! о, тогда я буду хорошъ, тогда я буду высокъ, я вдохну въ себя твой образъ, твою душу и глазами передамъ восторгъ свой всей землѣ и небу, да нѣтъ! — тогда не будетъ ни земли, ни неба, будемъ мы и Богъ... О, какъ дорого далъ бы я имѣть твой портретъ (только очень, очень похожій); у меня будетъ портр. Огарева и его жены, а твой, — да впрочемъ, не нужно: ничто матеріальное не должно служить опорой любви. Твой образъ — вотъ это голубое небо, вотъ эти звуки симфоніи. Я задыхаюсь! Наташа, Наташа! Ну, вы, всѣ люди, скажите, кто изъ васъ любилъ бы ее болѣе? Можетъ, есть изъ васъ чище, лучше меня, но и самое пятно мое прибавляетъ къ любви: я чувствую, сколько ты выше меня, и, какъ монахи среднихъ временъ, готовъ всякими истязаніями *заслужить* передъ моею святой. Довольно!

Поздно.

Прощай! твое свиданье будетъ радостно съ Прасковьей Андреевн-ной; заставь ее болтать, какъ можно болѣе, отдохни въ безконечныхъ разспросахъ о твоёмъ Александрѣ, говори больше, больше... и потомъ сонъ слетитъ на твои вѣжды, и ты увидишь меня такъ живо. А, *можетъ*, и не въ одномъ снѣ. Знаешь ли, какъ передъ концомъ зимы, когда ужъ снѣгъ чернѣетъ, но еще природа не рѣшилась на весну, бываютъ дни холодные, рѣзкій вѣтеръ рѣжетъ, но вдругъ середь него повѣетъ вѣтерокъ теплый, вешній, дохнетъ травой, дохнетъ солнечнымъ лучемъ, и скажетъ: «вѣдь, весна-то скоро!». Такъ и у насъ съ тобою: мысль надежды пробивается сквозь мрачныя тучи и освѣтитъ душу. Весна, весна, приходи же въ наши души! Прочти у Шиллера «Das Mädchen aus der Fremde» ¹⁾, это опять ты, Наташа, моя сестра. Еще отчаиваться нельзя; есть еще обстоятельства, говорящія въ пользу скорога свиданія. Цѣлую тебя... нѣтъ, это только можно выразить самимъ поцѣлуемъ.

Твой Александръ.

¹⁾ «Дѣва съ чужбины».

Emilie поклонъ et amitié. Она, говорятъ, переписывала мою статью «I Maestri» для Огарева. И за это поклонъ et amitié. Еще разъ прощай.

Александръ.

151. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

16 сентября 1837.

Да, ангелъ Наташа, всю горечь разлуки выпили мы, и выпили по каплѣ, и насъ обманывали за каждой каплей, говоря, что она послѣдняя. Нѣтъ средства, къ которому бы я не прибѣгалъ, чтобъ убить время. Это грѣшно—тратить на вздоръ даръ невозвратный и который отпущенъ Богомъ на вѣсь и на мѣру, но что же дѣлать? Придутъ дни, въ которые душа моя свѣтла (обыкновенно два-три дня послѣ твоихъ писемъ), я дѣлаюсь и твердъ, и хорошъ; но вотъ забралась одна грустная мысль, другая,—на душѣ смеркается, и ночь осенняя, безпріютная, сырая царить себѣ. Но сила, которую мнѣ даютъ твои письма,—этого я выразить не могу,—я перерождаюсь, я готовъ тогда отдать тѣло свое на пытку и улыбаться. Духъ Господень говоритъ твоими устами; ихъ Онъ избралъ для выраженія своей воли, черезъ нихъ посылаетъ изнемогающему, слабому рай и утѣшеніе. А бываютъ минуты тяжелыя. Вотъ, какъ-то на-дняхъ, легъ я спать,—сна не было; я началъ себѣ представлять (въ десяти-милліонный разъ), какъ мы увидимся, и твой образъ такъ живо, такъ небесно виталъ надо мною,—я придавалъ свиданью все, что могла придать моя фантазія, и былъ счастливъ мечтою; вдругъ, изъ какого-то ада явился вопросъ: «да когда же будетъ это свиданіе?» О, какъ горько тогда почувствовалъ я бряцанье цѣпи изгнанника, съ какой нѣмою болью всплеснулъ я руками, съ какимъ бѣшенствомъ смотрѣлъ я на стѣну, на окно... Повѣришь ли, я съ какой-то ненавистью думалъ, что Пр. А. Эрнъ увидитъ тебя прежде меня. Да и въ самомъ дѣлѣ, за что же тебя видятъ и тѣ, и другіе, а тотъ, для котораго твой взглядъ, твое слово—все счастье и этой жизни и той... Какъ, да развѣ *тому* недостаточно твердаго убѣжденія въ ея любви, недостаточно письма? Нѣтъ, недостаточно! Вѣдь, этотъ взглядъ, который жаждетъ душа моя, развѣ взглядъ *хорошенькихъ* *глазокъ*?.. смѣхъ!.. нѣтъ, этотъ взглядъ,—онъ откроетъ новый міръ, новую музыку, новую поэзію, новую жизнь, воплощенье мысли божьей. О, я прижму руки къ груди своей и вдохну этотъ взглядъ долго, долго. Наташа, и я буду тогда святъ, какъ

потирь, какъ дарохранительница. Ну, какъ же я могу безъ досады думать, что тебя видятъ другіе. Это жида, которые ругаются потиромъ, или язычники, для которыхъ потирь — чаша съ виномъ, или, можетъ, *знатоки*, которые будутъ дивиться *вкусу* и *искусству* наружной отдѣлки. Пусть бы на тебя смотрѣли мы двое,—я и природа вся: морями, солнцемъ, пальмой, розой. На меня и на природу твой взоръ даромъ не падетъ... Человѣкъ едва имѣетъ кусокъ насущнаго хлѣба, умираетъ съ голоду, жаждетъ... и нѣтъ ему ничего, кромѣ сухой корки. А тамъ, далеко, есть другой человѣкъ, ангелъ; онъ его любитъ, онъ жизнь свою далъ бы, чтобъ отереть слезу тому, и расточаетъ дары свои всѣмъ, которые не нуждаются, а тому, которому хочетъ послать и взглядъ, и поцѣлуй, и душу, который вянетъ безъ нихъ,—тому *надежда*. И кто же виноватъ? Море, что ли, ихъ дѣлитъ или горы? Море обуздать можно, гора имѣетъ тропинку. *Люди* ихъ дѣлятъ, а, вѣдь, люди — братья... Да, и сыновья Эдипа, рѣзавшіе другъ друга, были братья. Хотя бы они ставили препятствія, тогда было бы достоинство перешагнуть, а то они ставятъ капканъ, какъ для волковъ; онъ держитъ, да и только—что хочешь дѣлай, а покуда не отпрутъ капкана, нельзя итти: кричи, плачь, молчи, смѣйся,—все равно. Вотъ истинно низкое положеніе! Душно!... Помнишь, много разъ говорилъ я о томъ итальянскомъ поэтѣ, которому Сикстъ V отрѣзалъ руки и языкъ? Фантазія его создавала образы дивные, но нѣтъ средствъ, и онъ мучится, мучится и падаетъ въ изнеможеніи... ну, что же, лежитъ, лежитъ,—опять придутъ силы, онъ и встанетъ...

Душно.

Ну, отбросимъ эту печальную тему; свѣти, свѣти на меня, моя подруга, моя красавица, свѣти ангельскими чертами: въ груди твоего Александра есть сила превозмочь разлуку. Да и надежды на ея конецъ еще не изсякли. Прочти въ Шиллерѣ «Die Resignation» ¹⁾,—его душа тоже была нѣжна, тоже страдала, но онъ зналъ самоотверженіе. Прочти еще Thekla, eine *herzterstimmen* ²⁾. Тэкла похожа на тебя (тутъ только отрывокъ, а главное въ «Wallenstein's Tod» ³⁾). Наташа, Наташа... я опять счастливъ; нѣтъ, ты не человѣкъ, ты божество, дай же мнѣ исчезнуть въ свѣтѣ твоихъ лучей.

Сегодня ночью вспомнилъ я одно лицо, замѣшавшееся (слабо, но замѣшавшееся) въ мою жизнь, и котораго черты почти совсѣмъ стерлись. Помнишь, какъ я былъ *влюбленъ* въ Л. П.? Это—юноше-

¹⁾ Покорность (судьбѣ).

²⁾ «Жалоба дѣвушки» (Пѣснь Тэклы).

³⁾ «Смерть Валленштейна».

ская выходка, это — потребность любви, принимающая плоть въ уродливомъ опытѣ. Огаревъ сказалъ мнѣ тогда жѣ: «ты ее не любишь»,—я повѣрилъ ему. Впрочемъ, тутъ, собственно, дурного ничего нѣтъ. Худшее, это то, что она писала мнѣ *billets doux* ¹⁾, и эти *billets doux* попались въ слѣдственную комиссію. Но еще страннѣе,—какъ могъ я думать объ этой бѣлокуренькой дѣвчкѣ, зная тебя? Этого я не понимаю... «Не насталь еще часъ мой!»—Все дѣлается по закону божию—до 9 апрѣля я былъ твоимъ братомъ, другомъ; тутъ ты преобразилась во всей глоріи:

Слава тебѣ, Дѣва чистая,
Слава тебѣ!

Я не обманывалъ ее, я обманывалъ себя, я былъ душою радъ, увидѣвши ее въ казармахъ, но простыла любовь (хороша же любовь!)... Что-то она подѣлываетъ? Она прежде любила кого-то съ усами, потомъ меня, безъ усовъ; есть надежда, что теперь любить 3-го. Приѣхавши въ Пермь, я нашель въ портфелѣ ея записки; совѣсть упрекнула,—не развертывая, я ихъ сжегъ.

Ежели бы я могъ такъ легко себѣ представить исторію съ М., съ меня снялось бы полъ-тяжести настоящаго. Мой отъѣздъ потрясетъ ее ужасно, здоровье ея разстроено, — худшее, что могъ дьяволъ выдумать надо мною, это ея приѣздъ въ Вятку, и моя неосторожность, или, лучше — тотъ чадъ, въ которомъ я находился начальное время. Но и это не оправданіе. Одно, что мнѣ можетъ служить оправданіемъ, это то, что тогда у меня не было еще ни одного близкаго человѣка здѣсь, некуда было головы прислонить... О, если-бъ Витб., Полина и Скворц. тогда были, этого бы не случилось!... Сначала мнѣ жаль было Мед. отъ всей души: молодая, хорошенькая, образованная женщина, умная и брошенная на носилки къ хрому старику; въ ней что-то было отъ «гіацинта, брошеннаго въ воду и живущаго слезой». Иначе приняла она мое вниманіе, — и вотъ тутъ вся низость, вся гадость: изъ самолюбія я не отошелъ, минутами увлекался, но понялъ, что тутъ нѣтъ любви, и, знаешь ли, середь этого-то времени еще яснѣе, еще ярче возсіяла ты и твоя любовь. Это ты можешь видѣть по запискамъ того времени. Ахъ, зачѣмъ тогда слово «любовь» крылось подъ словомъ «дружба»?.. ужъ этого одного слова было бы достаточно, чтобы спасти ее отъ паденья, а меня отъ пятна на душѣ. Впрочемъ, развѣ она забыла тогда, что она жена и мать 3 дѣтей ²⁾? Когда умеръ

¹⁾ Любовныя записки.

²⁾ Дѣти П. П. Медвѣдовой: Софія, Людмила и Николай.

старикъ, я опомнился; тогда поступалъ я, какъ честный человекъ, но уже было поздно: я давалъ ей руку друга,—она не умѣла принять ее. Надобно было за нее стать грудью противъ подлеца-губернатора, и я сталъ,—я, сосланный,—и съ Витб. отстояли ее. Вотъ одна жертва! Много разъ говорилъ я довольно ясно о тебѣ, показывалъ браслетъ, медальонъ... можетъ, она и понимаетъ, но молчитъ. Ахъ, Наташа, гадки эти пятна на твоёмъ Александрѣ, и сколько я мучился, покуда написалъ тебѣ въ первый разъ эту исторію... Одно преступленье тянетъ за собой цѣлую толпу пороковъ.

18 сентября.

Я писалъ третьяго дня тебѣ, какъ при свиданіи я вдохну въ себя твой взоръ; сегодня мнѣ пришло на мысль, что есть камень, называемый *болонскимъ*: ежели онъ долго впиваетъ лучъ солнца, то послѣ онъ самъ свѣтитъ въ темнотѣ. Я—этотъ грубый, матеріальный камень твоего взгляда, я—земная опора его, но свѣтъ твой перелетъ въ меня; одинъ я могу его и принять и раздѣлить съ темнотой. А другіе люди, это—прочіе камни: сколько хочешь, свѣти на нихъ солнце, они останутся темными. Солнце—это Богъ, а ты—ты лучъ, лучъ свѣтлый, теплый, чистый проводникъ воли бо-жіей, Его посланникъ, ангель.

20 сентября.

Еще день и еще день... еще недѣлю ждать, а тамъ... тамъ ничего. Какъ длиненъ бываетъ иной день! Я смотрю на него, какъ на нелѣлаго гостя, и тороплюсь вытолкнуть его изъ дома,—но онъ сидитъ себѣ; я съ ненавистью толкаю его въ гробъ, но онъ, умирающій, бросается со мною на постель и не даетъ мнѣ спать! А я сплю много: это совсѣмъ не въ характерѣ у меня, но сонъ—чудное лѣкарство отъ недуговъ тѣла и души. И при всемъ томъ, не странно ли, ангель, вотъ ужъ второй день въ нашемъ благодатномъ климатѣ валитъ снѣгъ; итакъ, еще миновала весна, лѣто и осень, и 37 годъ началъ сѣдѣть. А давно ли, кажется, я, унесенный надеждами, стоялъ на горѣ и смотрѣлъ вслѣдъ шлюпкѣ, которая быстро уносила вел. князя... Это было 20 мая; итакъ, ровно четыре мѣсяца. А давно ли, кажется, я, подавленный ужасной бурей души, бросился на колѣни и просилъ благословенія отца, идучи въ *крестовый походъ* ряда несчастій,—а это было 20¹⁾ іюля 1834 года. Идетъ неотразимое, холодное время, какъ волна рѣки, и дѣла ей нѣтъ, что въ нее падаетъ.

¹⁾ 21-го.

22 сентября.

Я говорилъ въ этомъ письмѣ: «ежели-бъ тогда былъ Витбергъ, Скв»... Это сознание верха слабости характерно. Для чего мнѣ всѣ они? Не потому ли взоръ мой всегда обращается съ любовью къ воспоминанію Крутицъ, что я былъ одинъ? Да, тамъ я былъ хорошъ, тамъ я былъ таковъ, какимъ ты меня видѣла 9 апрѣля.

Мало поэзіи въ вятской жизни моей, пыли много. На что же, въ самомъ дѣлѣ, искалъ я людей, приблизился къ нимъ? развѣ мнѣ было мало твоей любви, тебя? Ты мнѣ замѣняешь Бога и природу, человѣчество и все изящное, святое въ немъ. Для чего же еще люди? Ежели бы мнѣ опять начинать вятскую жизнь, я иначе бы поступилъ. Одинокъ страдалъ бы я разлукой и ни одного мгновенья не кралъ бы у вѣчной мысли о тебѣ и воротился бы менѣе опытный, и болѣе чистый, болѣе похожій на того Александра 9-го апрѣля.

Прощай, ангелъ мой, еще есть слабая тѣнь надежды: нѣтъ извѣстій о 30 августа. Когда вы ѣдете въ Москву? Тяжелая минута для тебя, когда ты опять издали увидишь Крутицы и тамъ Кремль, и мысль, что меня нѣтъ, отравить это свиданіе съ Москвой. А я люблю Москву, люблю ее за ея русскій характеръ, люблю за воспоминанія юности, люблю за тебя, Наташа. Господь благословитъ стѣны города, хранящія ангела. Слово «Москва» у меня нераздѣльно съ мыслью о свиданіи, ... а мнѣ *надо* видѣть тебя, ну, такъ, какъ человѣку въ угарной комнатѣ *надо*дохнуть чистымъ воздухомъ.

Прощай, цѣлую тебя, дай руку, приложи ее къ моей головѣ—она горяча. Прощай же, Natalie.

Твой Александръ.

Ежели это письмо тебя застанетъ въ Москвѣ, то кланяйся дружески, душевно сестрѣ Emilie. Прощай же, еще жму руку.

Твой Александръ.

152. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

28 сентября 1837.

Наташа! мой чистый, свѣтлый ангелъ, вотъ твое письмо, въ которомъ ты пишешь о «I Maestri». Никто не понималъ такъ весь *бытъ* моей души, какъ ты, да и могло ли иначе быть? не мыслью поняла ты, а любовью. Твое письмо прелестно, но оно меня застало мрачнаго: будущее что-то покрывается тучами громовыми, и мнѣ

приходила мысль наша давнишняя — умереть въ минуту свиданья, ибо за нею будетъ рядъ страданій... Но что же страданія? въ нихъ свое упоеніе, Наташа; рука объ руку—и въ обѣтованную землю! ¹

Ты меня обижаешь въ письмѣ, приготовляясь и на разлуку, и на лишенія для моего поприща. Я люблю славу, какъ всякая огненная душа, но, Наташа, неужели я ее буду пріобрѣтать цѣною любви нашей? Это—нелѣпость! Главнѣйшій элементъ моей жизни съ 1835 года, основа нравственности, алмазь, на которомъ колеблется моя жизнь,—это—любовь къ тебѣ, и я буду жертвовать ею, я накличу разлуку, зная этотъ медленный ядъ, я оставляю тебя въ когтяхъ полувѣрей? Нѣтъ, ежели слава придетъ, пусть придетъ сама, и ея вѣнокъ будетъ уже не первый: лавръ найдетъ уже миртъ на головѣ. Есть минуты, когда я стремлюсь и къ власти, и къ силѣ, такъ, какъ бываютъ минуты, когда я охотно пью вино,—это—влеченіе къ сильнымъ, потрясающимъ ощущеніямъ и больше ничего. Всѣ эти дни меня занимали совсѣмъ иныя мечты. Цѣль жизни человѣка есть высшее развитіе какой-либо стороны души,—мы развили любовь и, слѣдственно; все земное совершили. Больше желать было бы грѣшно. Я тебѣ говорю—одно свиданье, и довольно! Но свиданье необходимо. Что-то черное видится мнѣ въ будущемъ, какое-то пророчество гнетущее, но я готовъ всѣ несчастья земныя (другихъ не будетъ) взять на плечи за блаженство быть любимымъ ангеломъ.

Эта статья тебѣ разомъ показала, какъ ты пересоздала меня. «Встрѣча съ Дмит.» показываетъ, какимъ я вышелъ изъ рукъ воспитанія, двѣ остальные показываютъ, какимъ ты меня сдѣлала. Разстояніе неизмѣримое. Въ первой встрѣчѣ есть огонь, но огонь ума, огонь безъ теплоты, фосфоръ. Во второй и 3-й все проникнуто теплотой души, которая перелилась изъ небеснаго сосуда. Дай мнѣ твою руку, посланница божія, дай прижать ее къ груди, дай напечатлѣть на ней поцѣлуй благодарности. Ты восхищаешься статьей; вспомни же, что то, чему ты восхищаешься, это твое, это—именно оторванные звуки той пѣсни ангела! И мнѣ жертвовать этими звуками, — звуками трубъ и литавръ! Нѣтъ, ты все мое бытіе; люди, возьмите все остальное и самую землю,—все это лишнее.

Гадости, которыя съ тобой дѣлають, ужасны, но твоя душа свѣтлѣе моей; на меня часто налетаютъ такія мрачныя минуты (какъ я писалъ въ прошломъ письмѣ), что я близокъ къ отчаянію; я не умѣю сдерживать порывистость души; у тебя она растворена небомъ, у меня отравлена страстями. Наташа! неси крестъ,—за меня несешь ты его.

Не думай, ангелъ мой, чтобъ надежды совсѣмъ изсякли: нѣтъ, еще алѣетъ востокъ, еще не померкла звѣзда, предшествующая

солнцу. Почты отъ 30 августа изъ Вознесенска черезъ Петерб. нѣтъ, а должна скоро прійти. Молись, молись, Наташа! И Emilie писала ко мнѣ. Боже мой, какъ мы счастливы, какъ пламенно насъ любятъ! Я былъ очень тронутъ ея письмомъ. Между прочимъ, есть тамъ совѣтъ и, кажется необходимый — «быть осторожными при свиданіи»; признаюсь, это ужасно, но, Наташа, твоя душа сильна: ежели нужно будетъ, скрой отъ ихъ глазъ все, не давай имъ на поруганье нашей святой любви; Наташа, Александръ умоляетъ тебя объ этомъ; я вижу, что то, что пишетъ Emilie, совершенно справедливо. Однимъ взглядомъ мы передадимъ другъ другу все... Зачѣмъ она уѣхала и куда? ежели бы тогда она была въ Москвѣ, она все учредила бы. Фу, Господи, да когда я исторгну тебя изъ этого княжескаго дома! Наташа, Богъ мнѣ далъ много силы въ характерѣ, и этой силой я много разъ подавлялъ людей постороннихъ; тотъ злодѣй «Калибанъ-Гіена ¹⁾—и тотъ не смѣлъ никогда со мною мѣряться лицо къ лицу. Неужели я не въ состояніи буду склонить отца, и отца, который любить меня? Употреблю все: и прямой, открытый путь, и хитрость, и лесть, и любовь, — но надобно тебя исторгнуть, или—умремъ! тамъ свобода и Богъ. Прощай, мой дивный другъ, моя милая сестра.

Твой Александръ.

Теперь на *службу*; запрячу далеко, далеко чувство,—я привыкъ заниматься съ какимъ-то тупымъ вниманіемъ, и день пройдетъ, и я вытолкну его въ прошедшее. Цѣлую тебя, о, Наташа!

◆◆ 1. Н. А.—на писала по этому поводу 9 октября: «Да, одно свиданіе, одинъ взглядъ на землѣ—и домой! Чего тогда намъ ждать отъ земли? Болѣе она ужъ дать не можетъ. Emilie все еще мечтаетъ о нашемъ соединеніи, о *нашей жизни*; эта мысль скользятъ только по душѣ моей,—мы здѣсь въ гостяхъ; смѣшно и безсовѣстно упрочивать постоянное жилище въ чужомъ домѣ,—скорѣй на родину, скорѣй до хаты!.. Почему они меня жалѣютъ? если бы они знали все или хоть миллионную долю, они бы радовались, благодарили бы Бога. А ты грустенъ, о, мой Александръ! Нѣтъ, нѣтъ, восхищайся своими страданіями, благодари за нихъ Бога, дѣли ихъ со мною, какъ манну, какъ лучшій даръ Его,—немногіе его достойны; во всѣхъ горестяхъ умѣй находить сладость воли Его. Какъ ты хорошъ, какъ вдохновенны твои черты, сколько любви... о, мой ангель!» (стр. 361).

¹⁾ Губернаторъ Тюфяевъ.

153. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

4 октября 1837.

Ты опять въ Москвѣ, мой ангелъ!—мнѣ писала маменька. Ты въ Москвѣ, а я въ Вяткѣ, и каждый день далѣе въ осень срываетъ зеленые листки надежды, и будущая зима угловатыми сучьями, трупомъ выказывается. Маменька пишетъ: «27-го мы обѣдаемъ у Льва Алексѣевича, можетъ, и Наташа тамъ будетъ». Ну, что проще этихъ словъ? они меня взволновали. Я представилъ себѣ ту возможность, которая такъ близко подошла, я былъ на шагъ отъ рая, и не умѣлъ отворить дверь, потому что не умѣлъ склонить выю. И потомъ представилъ себѣ, какъ мы встрѣтились бы, сидѣли у Л. Ал.,—такъ живо: вотъ тыходишь, вотъ твой взглядъ... Damnation et Anathème ¹⁾ на этихъ людей, которые не пускаютъ меня въ мою сферу жизни, а держать въ сыромъ подвалѣ.

5 октября.

Я сейчасъ писалъ письмо къ Арсеньеву ²⁾ (въ свиту в. к.), чтобъ поблагодарить его за письмо, которое онъ писалъ обо мнѣ; насколько *я умѣю* просить, я просилъ его о возвращеніи, я просилъ, чтобъ сняли цѣпь съ руки, которая готова на всякую дѣятельность. Ахъ, Наташа, тяжело мнѣ безъ тебя. Теперь я очень занятъ по службѣ—это хорошо: голый, практическій міръ сухихъ фактовъ усыпляетъ чувство, утомляетъ душу, но вдругъ середь какого-нибудь журнала казенной палаты подлетитъ горняя мечта; сквозь какой-то флеръ, какъ бы вдали, она образуется въ твой образъ,—и радость, и горе обовѣтъ душу. Ну, ты сама знаешь, какъ это бываетъ. Я, не подумавши, писалъ тебѣ о Петербургѣ; еще разлука,—это выше моихъ силъ. Господь, облегчи же сколько-нибудь намъ крестъ нашъ; и Ему, божественному, пособили нести его.

Я скоро шаферомъ у Полины,—эти приготовления, все это вмѣстѣ, розовое и красное отбрасываетъ на меня одно черное. Ты мнѣ пишешь: «Пусть останется у тебя отецъ»; я и самъ это понимаю и чувствую,—но какъ же онъ долженъ меня любить за ту жертву, которую я ему приношу, отдавая мое блаженство, оста-

¹⁾ Проклятiе и анаѳема.

²⁾ Константинъ Ивановичъ, статистикъ, историкъ и географъ; отецъ известнаго въ наше время публициста и общественнаго дѣятеля.

вляя тебя въ кругу людей недостойныхъ, какъ на обиду! Въ какой груди найдется богатства настолькоъ, чтобъ заплатить за эту жертву? Странно мнѣ: кажется, лучше было бы, ежели бы онъ меня меньше любилъ. Кто заколдовалъ меня въ этотъ кругъ? А какъ хорошо умереть! Ты, ангель, склонишь свою голову на мою грудь, глаза твои будутъ устремлены на меня, я еще разъ скажу: люблю тебя, люблю... и твое послѣднее слово будетъ слово любви, и такъ бы въ одно мгновеніе, обнявши другъ друга... Эта мысль съ каждымъ днемъ нравится мнѣ больше.

8 октября.

По всѣмъ расчетамъ, теперь граница и предѣлъ ожиданьямъ; завтра придетъ почта и, ежели по ней ничего не будетъ, то не очень скоро будетъ что-нибудь. Какъ досыта я настрадался въ это время! Эта обманутая надежда прорѣзала твердое мѣсто на сердцѣ и обратилась въ болѣзнь... Годъ тому назадъ приготовляли мы портретъ съ Витб. для тебя; я восхищался твоею радостью, а нынче твоё рожденье будетъ мрачно въ Москвѣ для тебя, мрачно въ Вяткѣ для меня. Боже мой, ежели-бъ это только было возможно—22 быть въ Москвѣ! Чудовищемъ чернымъ и холоднымъ стоитъ рокъ и держитъ желѣзной рукою. Туда, туда летѣлъ бы скрыть голову на груди ангела, пить его дыханіе, умереть съ нимъ! А рокъ улыбается свинцовымъ глазомъ и говоритъ: поѣзжай въ палату разбирать дѣла. Вотъ эпитаграмма въ дѣйствиіи.

9 октября.

Когда мы будемъ вмѣстѣ, когда мы будемъ совсѣмъ отданы другъ другу, и посторонніе выйдутъ изъ свѣтлой черты нашей сферы, тогда мы посвятимъ цѣлые вечера на то, чтобъ перечитать въ одно время и твои, и мои письма. Это будетъ дивное наслажденіе: всѣ переливы души, всѣ сильныя впечатлѣнія, и за какую огромную эпоху жизни, заключены въ этихъ письмахъ! Твои перемѣнились только *объемомъ* мысли и чувства. Изъ небснаго, райскаго ребенка дѣлается небесная, райская дѣва. Основанія тѣ же: два чувства наполняютъ всю душу — молитва и любовь, но эта душа развертывается обширнѣе и, наконецъ, какъ безгранная лазурь неба, не имѣетъ предѣла. На твоей душѣ нѣтъ ни пятнышка, ни тусклаго мѣста отъ дыханія людей,—Богъ *вымежевалъ* тебя отъ толпы, и твои письма,—стройное развитіе любви и молитвы, отъ перваго до послѣдняго. Грусть въ нихъ есть, мрачности нигдѣ; и въ самую темную ночь небо не можетъ быть темно, когда нѣтъ облаковъ. Такъ, какъ изъ полусвѣтлаго минерала огонь выплавляетъ чистую каплю стекла,

такъ пламенная любовь моя придала небесную прозрачность твоей душѣ. Твои письма, это—одно письмо. Совсѣмъ другое мои письма. Во мнѣ отъ рожденья не было послѣдовательнаго развитія, моя душа жила конвульсіями, металась всюду и тысячи разъ мѣнялась. Самоотверженная въ Крутицахъ, она совершенно затускла въ первое время ссылки; тутъ было что-то потерянное во мнѣ, какая-то аполлексія сломила полбитія. Тебѣ назначено было воскресить меня, и вотъ мало-по-малу мощныя слова твои: любовь и молитва, начинаютъ день въ темной душѣ. Замѣть, въ 1836, въ началѣ, впервые является въ моихъ письмахъ истинная религія. Но и тутъ нѣтъ твоей стройности: знойныя страсти тянутъ, съ одной стороны, душу, необузданное самолюбіе,—съ другой, а между тѣмъ все бытіе погружено въ свѣтлое море любви, но это свѣтлое море волнуется, бушуетъ, это—не твое небо, а земное море, и иногда кровь, текущая изъ ранъ души, покрываетъ его пурпуромъ. Послѣ самаго пламеннаго порыва — мрачный звукъ, сплетенный изъ раскаянья и разлуки. Рядомъ съ безотчетнымъ восторгомъ отъ тебя стоитъ иногда привидѣніе, рядомъ со смѣхомъ не слеза, а скрипъ зубовъ. И замѣть еще, небо твоей любви ничего не имѣетъ посторонняго, а я похожъ на пловца въ своемъ морѣ любви: то та часть *человѣка* видна изъ волнъ, то другая. Проѣздъ в. к. взволновалъ меня, и самолюбіе вырѣзалось яркими чертами въ послѣдующихъ письмахъ. Твоя душа ужъ не измѣнится ни на волосъ, такую воротится она къ Богу; въ моей еще тысячи судорожныхъ мыслей и движеній, но основа одна и неизблемая: это—любовь къ тебѣ, на этой основѣ создастся храмъ моей жизни. Наташа, сколько блаженства мы принесли другъ другу! обратимся къ Богу и поблагодаримъ Его за то, что Онъ наши души раскрылъ этому высокому, святому чувству любви.

10 октября.

Два письма отъ тебя, ангель, сестра, подруга... два большія письма (посл. отъ 3-го окт.). Ты не такъ покойна, какъ пишешь,—это для меня ты приняла часть спокойствія. Нѣтъ, я, сознаюсь, не могу въ глаза взглянуть этому чудовищу, которое называется *еще людв разлуки*, не могу. Твоя душа, ангель, — небо, одно небо, въ моей много земли. Еще годъ! да и на чемъ же основать эту мысль? почему не два года или не полгода? Въ очень скоромъ времени я самъ не жду ничего, но мое письмо къ Арс: сильно. Ежели-бъ я написалъ его тогда же, я былъ бы ужъ въ Москвѣ. Что за непонятными гіероглифами передаетъ свою волю провидѣніе человѣку и эта таинственность, завѣса непроницаемая, этотъ безотчетный при-

казъ, котораго цѣли не видать, а необходимость повиноваться очевидна?! Хоть бы срокъ мнѣ назначили,—и пусть скуютъ меня, бросятъ опять въ казематъ, лишь бы я могъ считать, сколько дней мнѣ остается до свиданія съ сестроу, ангеломъ.

11-го.

Исторія сватовства становится серьезнѣе. Какое море неприятностей для тебя! Не пора ли положить мнѣ мечъ свой на вѣсы, не пора ли разрубить узлы, сплетенные руками безумныхъ? Много, очень много неприятностей. Монастырь,—да какъ бы это устроить? Есть ли изъ всѣхъ животныхъ, бывающихъ у васъ въ домѣ, хоть одно, которое бы умѣло молчать за деньги и черезъ которое ты могла бы, въ случаѣ крайности, взойти подъ сѣнь церкви? Ежели есть, именемъ моимъ обѣщай, сколько хочешь. Ахъ, какіе они безумные! и жаль и досадно. Ну, что ты имъ сдѣлала? Какъ что? Развѣ они не понимаютъ *чутьею* твоей высоты? — Довольно для толпы. Ты храбро готовишься на бой; тутъ не рѣшительный бой страшень, а эти *avanies* ¹⁾, которыя будутъ дѣлать, эти притѣсненія... и безпрестанно. Ты, ангель мой, была несогласна со мною, а, какъ ты хочешь, весьма глупо, что я не въ ладу съ Мар. Ст., глупо потому, что недостойна она, чтобъ мы съ ней ссорились, и глупо потому, что она всегда можетъ надѣлать тьму неприятностей; я желалъ бы кончить *ссору* съ ней. ¹ Также точно не совсѣмъ ты права и относительно земли (Мар. Ст. и вселенная!). Нѣтъ, рѣшительно, безъ свиданья здѣсь наша жизнь негодна. Земля—это падшій ангель, земля—это рука божія, ведущая падшаго въ рай, и на ней соединились двѣ красоты: красота ангела и красота милосердія божія. Посмотри на это небо: на немъ солнце роскошное и теплое,—это любовь Бога, взглядъ отца. Посмотри на эти горы, утесы, разбросанные камни,—это изнеможенное тѣло непокорнаго сына; но вотъ, отвсюду къ взору отца стремится жизнь, деревья, мохъ, и это усиліе жизни, кончающееся цвѣткомъ,—въ цвѣтахъ уже стерта печать отчаянья, въ нихъ радость бытія. И между этимъ-то взоромъ отца и воскрешающимъ трупомъ сына есть мысль и чувство, облеченныя въ свѣтъ Бога, въ плоть падшаго ангела,—человѣкъ. Ему дано узнать изящное вселенной, онъ умѣетъ радоваться небомъ, моремъ, взглядомъ подруги, и онъ не долженъ прежде уйти съ земли, покуда не постигнетъ все изящное на ней. Сама раздѣльность, о которой ты говоришь, носитъ въ себѣ начало наслажденія божественнаго. Могъ ли бы твой образъ

¹⁾ Обиды.

вѣять счастьемъ на меня, могла ли бы просвѣтляться душа твоимъ взглядомъ, ежели-бъ земля не дала намъ формы? Итакъ, сперва надобно совершить жизнь временную, а потомъ начать молитву безконечную; очищая любовью душу, прижимая къ груди всю вселенную, мы выполняемъ цѣль человѣка. А неужто наша жизнь полна теперь? Твоя—въ бесѣдѣ съ Мар. Ст., моя—съ совѣтниками присутственныхъ мѣстъ. Гармоніи надо намъ во всѣхъ частностяхъ жизни, и тогда я первый брошу этотъ переплетъ души. Я боялся прежде смерти: она худо согласовалась съ моими самолюбивыми мечтами, но когда явилась истинная любовь, проникнутая вѣрой, выше и чище понята была жизнь, и гробъ потерялъ свой ужасъ. Но, ангель, все хочу я выпить здѣсь на землѣ, и тогда, бросая опрокинутую чашу жизни, обратимъ взоръ благодарности къ Творцу, и середь молитвы перейдемъ къ Нему.

Какъ дивно, изящно, высоко твое послѣднее письмо отъ 1-го и 3-го октября. Ну, Наташа, не правъ ли я въ томъ, что писалъ объ нашей перепискѣ? Мнѣ дальше до твоей высоты, нежели послѣднему изъ толпы до меня. Я готовъ плакать отъ восторга... Наташа, никогда мечта моя не могла, собирая изящное отсюда, создать существо, которое бы достойно было завязать ремень твоихъ сандалій. Люди, посмотрите на этого свѣтлаго ангела, преклоните колѣна передъ нимъ, молитесь ему,—онъ за васъ всѣхъ заслужилъ предъ Богомъ. А я подойду къ вамъ и скажу: «этотъ ангель мой! Имъ заплатилъ мнѣ Богъ за юность, проведенную въ одной мысли сдѣлать вамъ благо, за страданія, которыми вы мнѣ отвѣтили, за то, что я раскрылъ душу изящному, за то, что я пожертвовалъ всѣмъ любви. Вотъ какъ платитъ Богъ! Примѣръ передъ глазами, смойте же грязь, которая слоями насѣла на вашу душу, смойте хоть настолько, чтобъ видно было лицо человѣческое!». Наташа, дай твою руку..... Довольно!..... Прощай, цѣлую... цѣлую тебя. 12 октября,—черезъ 10 дней 22-ое!

Странно, твое письмо было въ пакетѣ, и мое въ пакетѣ,—и совсѣмъ не знаю, почему я не завернулъ въ обыкновенную форму.

◆◆ 1. За кандидатуру Снаксарева въ мужа Н. А.—нѣ былъ и «сенаторъ». Н. А.—на писала Герцену, что по его совѣту, написать обо всемъ просто капитану, она не поступитъ—«онъ не стоитъ» (стр. 346). Ясно было, что борьба предстояла на всѣ стороны, начиная съ Макашиной и кончая «сенаторомъ».

154. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

17 октября 1837.

Знаешь ли ты, мой ангелъ, какъ мать сидитъ у тѣла сейчасъ умершаго ребенка? Она видитъ, что онъ умеръ, но она увѣряетъ себя, что это—сонъ, она еще разъ хочетъ оттолкнуть мысль холодную, мысль лишенія. Но, наконецъ, она встаетъ и не плачетъ; все мутно, пошло, глупо, *какая-то* мысль одна завладѣла душой, но она боится опредѣлить, что это за мысль. Все принимаетъ видъ страшнаго привидѣнія, уродства. Камень на груди, камень на головѣ, свинецъ вмѣсто крови: она поняла, что дитя, розовое, милое—теперь трупъ блѣдный, ледяной, но она не можетъ понять, что ужъ кончено, что и впередъ не будутъ тянуться эти ручки, что это—смерть. Вотъ моя исторія съ надеждами. Все кончилось, это я понимаю, а что еще годъ здѣсь жить,—этого я не могу постигнуть, что еще, можетъ, триста шестьдесятъ пять дней я не увижу Наташу,—я не могу сообразить этого. А между тѣмъ все окружающее меня приняло точно характеръ тупой глупости, нелѣпаго въ формѣ и въ идеѣ. Наташа, ангелъ, сестра, въ прошломъ письмѣ ты говорила мнѣ, чтобъ я былъ покоенъ. Ты знаешь мой огненный, бѣшеный характеръ? Помнишь ты слѣды огня, эту лаву души, душой вулкана я люблю тебя! И быть покойнымъ! А къ тому же эта тьма неприятностей, которымъ тебя подвергаютъ теперь,—и быть покойнымъ! Вотъ я воображаю этого *господина* жениха; такъ, онъ хочетъ непременно сто тысячъ,—ровный счетъ и 4.000 казенныхъ процентовъ. А его убѣждаютъ: «посмотрите, она *хороша собой*,—за это можно сбавить 15.000». «Такъ и быть: 10.000 руб. сбавляю». Боже мой, эту красоту, этотъ ликъ ангела, этотъ образъ божества, всего святого для меня на землѣ, они его мѣряютъ рублями! подлецы! продаютъ, какъ Иуда; тотъ, по крайней мѣрѣ, былъ съ характеромъ и повѣсилъ, а эти *три вѣка* живутъ. Я, вѣдь, знаю *ихъ*; какъ это все должно быть неделикатно, больно твоей нѣжной душѣ! О, Наташа, теперь я тебя уговариваю, отвернись отъ этихъ, падшихъ людей къ твоему Александру; въ его объятіяхъ ты съ избыткомъ найдешь замѣну всему, поцѣлуями уврачуешь онъ раны, нанесенныя ими. Я все перенесу: и ссылку, и разлуку, только дай мнѣ волю, когда грустно—грустить. Зачѣмъ мнѣ быть покойнымъ? Вотъ бросился бы къ тебѣ, умеръ бы въ твоихъ объятіяхъ, а цѣпи-то... про-

клятая цѣпь гремитъ на ногѣ, держитъ ее. И чудачи люди, — имъ хочется жить въ болотѣ, по горло въ грязи; ну, живите тамъ, вамъ указана цѣль высокая, вы ее забыли. Христосъ приходилъ напомнить, но вамъ лужа и грязь практической жизни пріятнѣе свѣта веси божіей, — живите же тамъ, но оставьте же волю тѣмъ, которые не хотятъ съ вами дѣлать вашихъ гнусностей. Я ничего больше не желаю, какъ покинуть васъ всѣхъ, съ моей Наташею бѣжать. Не тутъ-то было. Тутъ родительская любовь *предупреждаетъ необдуманный поступокъ* волею, основанною на опытахъ и числѣ лѣтъ. А тутъ не знаю, какая ненависть держитъ въ толпѣ за тысячу верстъ и, какъ только хочешь подняться, бьетъ обухомъ по головѣ. У меня все внутри горитъ и кипитъ; дай твою руку, руку ангела, я ее приложу къ горячему лбу, и гармонія прольется въ душу, и стройное пѣснопѣніе любви раздастся въ ней. Наташа, — знаешь ли, что я хочу тебѣ сказать? Что я тебя ужасно, безмѣрно люблю, — и довольно.

19 октября. А вотъ тутъ рядомъ черезъ перегородку другая сцена ¹⁾. Тамъ художникъ гибнетъ, не понятый современниками; бѣдность, нужда давитъ, огромное семейство давитъ, а мысль необъятная, которую убили при рожденіи, давитъ больше всего прочаго. На-дняхъ воскресъ какъ-то его геній, — онъ набросалъ дивный проектъ; слезою поздравилъ я его и восторгомъ. А посмотри толпу: она кричитъ, что онъ кралъ казенныя деньги. У нихъ все деньги: ихъ чувства — четвертаки, ихъ мысли — ассигнаціи на несуществующій банкъ. Наташа, эта толпа — наши братья. J'ai l'honneur de vous saluer, mes frères ²⁾. Ха-ха-ха, братья!

19 октября. Огромный, торжественный праздникъ близокъ. *Твое рожденье!* Не прибавлю ни слова. Въ этотъ день долженъ я повергнуться къ подножью Его престола и благодарить за то, что я существую. Прощай, ангель, прощай.

Твой Александръ.

155. Это было 22-го октября 1817.

I.

Въ большой залѣ, мертвой, какъ кладбище, сидѣлъ на окнѣ мальчикъ лѣтъ пяти. Блѣдный цвѣтъ лица, маленькій ростъ, нѣжность и хрупкость (grêle) членовъ показывали слабую, болѣзненную

¹⁾ Герценъ продолжалъ жить съ Витбергами.

²⁾ Имѣю честь кланяться, братья мои.

организацію; но черты его лица были рѣзки, и ребячьи глаза искрились огнемъ. Есть дѣтскія лица, которыя явственнно пророчатъ всю будущую жизнь ихъ. Смотри на мальчика, сидѣвшаго на окнѣ, навѣрное можно было ему предсказать рядъ страданій; навѣрное можно было предсказать, что грубыми руками люди захватають, погнутъ, сломають нѣжный сосудъ этотъ,—сосудъ сильной мысли и сильного чувства, и что онъ рано уйдетъ на родину обиженный, оскорбленный, ежели Богъ не подастъ ему руку помощи. И также навѣрное можно было предсказать, что Богъ эту руку помощи подастъ, потому что Онъ никому не отказываетъ, потому что и весь міръ матеріальный не что иное, какъ рука помощи падшему ангелу.

Мальчикъ задумчиво смотрѣлъ на небо,—можетъ, безъ всякихъ мыслей; можетъ, игривой, пестрой мечтой своего возраста, маленькій Сведенборгъ ¹⁾ представлялъ себѣ хрустальные дома ангеловъ со множествомъ цвѣтовъ, съ райскими птицами.

II.

А съ неба смотрѣлъ на мальчика Духъ жизни, благодатный путеводитель каждаго смертнаго, всего рода человѣческаго и всей вселенной по стезѣ, начертанной провидѣніемъ. Рои свѣтоносныхъ ангеловъ летали около него. Горестно смотрѣлъ Духъ.—«Жаль мнѣ тебя, молодой гость земли; мало *тѣла* досталось на твой удѣлъ и много души. Толпу страданій обрушить на тебя огненный нравъ твой, а нѣтъ въ тебѣ мощной силы, которую вѣрнымъ щитомъ можетъ человѣкъ противопоставить врагу. Странникомъ будешь ты скитаться между людей; они тебя не признають за родного, а родины не найти тебѣ самому. Огонь въ твоихъ глазахъ — не лазоревый свѣтъ неба, а пурпуръ земного пламени. Мысль гордая унесетъ тебя, какъ дикій конь, а люди бросятъ камни на дорогу, о которые ты разобьешься». Одинъ изъ ангеловъ, изливавшій кроткое, нѣжное сіяніе, задумался и свѣтилъ голубымъ взоромъ своимъ на мальчика, который между тѣмъ засыпалъ. Духъ обратился къ ангелу и продолжалъ: «Среди ужасной бури родился онъ; одинъ изъ разрушающихъ, допотопныхъ переворотовъ, какъ отчаянное усиліе противъ гармоніи и просвѣтлѣнья, мечомъ и огнемъ пробѣгалъ по землѣ. Онъ протянулъ руку изъ колыбели, и непріятельскій воинъ, буйный и пьяный, схватилъ за нее; онъ ступилъ на землю, и маленькая нога его обагрилась кровью человѣческой. Въ сырую осеннюю ночь лежалъ онъ на мостовой; море огня, пожиравшее огромный городъ,

¹⁾ Эммануиль, шведскій мистикъ.

едва могло отогрѣть посинѣвшіе члены младенца; искры сыпались на него, конскія копыта дотрогивались; онъ былъ голоденъ и не могъ кричать,—изнуренная грудь матери не имѣла для него капли молока. Жизнь начинала тухнуть, ночь распространялась передъ глазами малютки. Я спасъ его, но спасъ тѣлесно. Душа наслѣдовала что-то и отъ бури, и отъ пожара, и отъ крови». Ангелъ не спускалъ глазъ со спящаго ребенка; болѣзненное выраженіе стало еще замѣтнѣе; лихорадочныя движенія пробѣгали по немъ; казалось, что-то чудовищное стоитъ передъ нимъ и страшаетъ его. «Жаль мнѣ малютку!» сказалъ ангелъ съ первою слезою на вѣчно радостномъ окѣ.

— Спаси его

— О, я готовъ!

— Но помни: законы неизмѣнны, путь спасенія всему падшему показанъ—онъ тотъ же для вселенной, для человѣчества и для одного человѣка. Двухъ огромныхъ жертвъ требуетъ онъ: *земной жизни и страданія*. А какъ утомительна эта жизнь въ оковахъ тѣла, эта зависимость отъ стихій! А какъ жгучи эти земныя несчастія съ ядомъ на губахъ, съ заразой въ дыханіи...

— Все перенесу, мнѣ жаль падшаго брата, я вижу на челѣ его не совсѣмъ стертую печать красоты Люцифера, той красоты, которою онъ увлекъ толпы ангеловъ. Какъ хорошъ былъ Люциферъ до своего паденія, съ пурпуровымъ свѣтомъ своимъ, съ высокой, необъятной мыслью! Ребенокъ этотъ какъ-то напоминаетъ его черты; о, я люблю его, лишь бы благословилъ меня отецъ, и я привелъ бы его въ родительскій домъ, домъ радости и молитвы; чѣмъ больше страданій, чѣмъ больше трудностей, тѣмъ чище будетъ онъ!

— Итакъ, да будетъ!—воскликнулъ Духъ, осѣнивъ ангела таинственнымъ знакомъ. Вдругъ тѣсно стало ему, грудь взволновалась, прозрачная мысль отуманилась, сонъ, неизвѣстный жителямъ неба, оковалъ его; ему казалось, что онъ падетъ... было душно... онъ пересталъ себя понимать... исчезъ.

III.

Шаги послышались въ ближней комнатѣ; блѣдный мальчикъ, проснулся. Уже смерклось. Онъ взглянулъ на небо, — лазоревая звѣзда низверглась съ быстротою молніи на землю. Ему жаль стало звѣздочки.

Растворилась дверь. Женщина, прелестная собой, взошла со свѣчею въ залу: «Александръ! Александръ! гдѣ ты?»—Я здѣсь, та-

map,—отвѣчалъ Александръ.— «Куда ты это спрятался? Я тебѣ скажу радость: у тебя родилась маленькая сестрица». Глаза ребенка сверкнули, будто онъ понялъ всю высокую мистерию этого рожденія.— Вѣдь дѣти съ неба?—спросилъ онъ.—«Да, ихъ Богъ даетъ».—Такъ эта свѣтлая звѣздочка, которая сейчасъ упала, должно быть, и есть моя сестра?

— Дитя!—сказала мать, улыбаясь.

А писано 22 октября 1837
Вятка.

156. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

20 октября 1837.
Вятка.

Ангель мой, Наташа! Ну, наконецъ, переломъ миновалъ,—я выздоровѣлъ душою. Судорожная боль прошла, я спокойно взглянулъ на свое положеніе, Господь далъ новыя силы. Слава Богу! Ну, слушай же, какъ это было. Ты видѣла изъ двухъ-трехъ послѣднихъ писемъ, что душа моя страдала,—сколько слезъ пролила ты, ангель надъ ними! Наконецъ, тѣло уступило душѣ, я занемогъ—и не дивенъ ли Господь?—эта ничтожная болѣзнь вылѣчила сильную боль души. Совершенно одинъ сидѣлъ я въ моей комнатѣ эти дни, изрѣдка посѣщали меня, но больше былъ я одинъ. Не знаю, какъ мечты черныя улеглись, твой образъ, какъ мѣсяцъ изъ-за тучъ, вырѣзался величественно, кротко, спокойно,—и воскресла сила. Теперь я здоровъ и тѣломъ. Моя грусть приняла видъ скорбной печали, а не жгучей, ядовитой боли, какъ было до этого. Мысль о будущемъ блаженствѣ нашемъ возсіяла надъ пропастью настоящаго. Помнишь ли, ангель, ты мнѣ писала и именно, какъ средство разсѣянiя, чтобъ я писалъ мою жизнь? Я исполнилъ твой совѣтъ, и онъ тоже помогъ мнѣ. Я описалъ отдѣльными чертами все мое ребячество отъ 1812 до 1825 ¹⁾. Боже мой, какъ эти алыя пестрыя воспоминанія заняли меня. Первое воспоминаніе похоже на первый взглядъ въ даль: видишь однѣ крупныя массы, но смотри дальше,—и мало-по-малу начнутъ оттѣняться подробности. Такъ и съ моими воспоминаніями: одни тѣснятся за другими. Когда отдѣлаю первую часть подъ заглавіемъ «Дитя», то пришлю къ тебѣ. Я вижу, что ежели буду продолжать, то почти всѣ статьи взойдутъ въ эту

¹⁾ «Моя жизнь», или «Юность и мечты», или «О себѣ».

общую статью; впрочемъ, я далъ себѣ слово не писать никакъ дольше 1835 года,—это время и слѣдующіе 3 года только буду писать, когда увижу тебя *во второй разъ*. Эти спокойные, тихіе три-четыре дня убѣдили меня еще разъ, что чѣмъ дальше отъ людей, тѣмъ лучше; я жалѣю теперь, что я живу не одинъ: я заперся бы кругомъ, мечталъ бы, фантазировалъ, и свинцовое время шло бы далѣе. Но въ сторону эгоизма,—было много причинъ, почему я живу не одинъ, и между ними есть столь священныя, что можно пожертвовать для нихъ своимъ удобствомъ. Прощай, моя милая, мой другъ, прощай.

22 октября.

День рожденія моей Наташи, день воплощенія ангела,—слезою молюсь,—великъ, необъятенъ Богъ въ благодати своей.

Посылаю тебѣ фантазію, которую я написалъ для этого дня,—она мнѣ нравится ¹⁾).

Посылаю тебѣ поцѣлуй пламенный, поцѣлуй любви безконечной. Писать рѣшительно не могу: душа такъ полна, такъ полна, чувства такъ сильны, что я не могу настолько ихъ охладить, чтобы писать,—ты поймешь.

Годъ тому назадъ ты получила портретъ. Годъ тому назадъ ты писала: «Былъ великій день для меня 9 апрѣля, будетъ другой великій день, это—наше свиданіе. Первый—луна, послѣдній—солнце, а нынѣшній день — звѣздочка между ними». О, съ какимъ восторгомъ читалъ я твое письмо тогда! Весь небесный огонь перенесся на бумагу и отогрѣлъ мою душу. Много было прелестныхъ минутъ въ нашей разлукѣ, Наташа; несчастья наши заключаютъ въ себѣ больше блаженства, нежели *ихъ* счастье. Я сейчасъ перечитывалъ твое письмо отъ 22 окт. 1836 года. О, мой ангелъ!...

Вотъ весь этотъ день у меня передъ глазами. Дождь, и нѣтъ надежды, чтобы пріѣхалъ папенька (тогда онъ прекрасно поступилъ, ежели бы всегда такъ!). Вотъ вы садитесь за столъ. Карета; вотъ онъ входитъ. Наконецъ, портретъ въ твоихъ рукахъ. О, это была торжественная минута въ твоей жизни; это была одна изъ тѣхъ минутъ, которыхъ пять-шесть даритъ небо изъ рая земной жизни человѣка. Много восторговъ испыталъ я, восторговъ дружбы самой чистой, восторговъ симпатіи, восторговъ самолюбія (о, и они сильны: доселѣ живы въ памяти поздравленія цѣлой аудиторіи, когда я читалъ лекцію при министрѣ.....), но что всѣ они передъ 9 апрѣля? А когда я получилъ твой браслетъ... Сегодня весь день онъ будетъ на мнѣ!

¹⁾ См. № 155.

Что-то нынче ты дѣлаешь? Ахъ, скоро ли, скоро ли придетъ тотъ день желанный? И чѣмъ больше страданій, чѣмъ больше обманутыхъ надеждъ, тѣмъ больше въ немъ блаженства, тѣмъ прелестнѣй будетъ *надежда исполненная*. Прощай... тѣсно что-то въ груди. Полина тебя поздравляетъ и Витбергъ..... Прощай же!

23 октября.

Ну, вотъ и этотъ день прошелъ. Вотъ ужъ за роднымъ днемъ явился другой, посторонній, чужой. Идетъ время съ своимъ гордымъ пренебреженіемъ, со своей холодной неумолимостью. Твое рожденіе я провелъ не такъ, какъ хотѣлъ, я недоволенъ собой. Какъ нарочно, посторонніе люди мѣшали весь день предаться мысли о тебѣ. Какъ сѣрыя облака, мѣшали они свѣтити солнцу.

Нѣтъ, я дурно выразилъ, что хотѣлъ въ фантазіи; вчера я ее похвалилъ сгоряча. Но прими ее, какъ маленькій цвѣтокъ, подносимый любовью...

26 октября.

Вотъ твои письма отъ 8—14-го. Ангелъ мой, сердце облилось кровью. Я все прочелъ, чего ты *не писала*. Надобно дѣйствовать—писать ли къ папенькѣ? Ахъ, ежели-бъ можно было надѣяться, что Прасковья Андреевна возьметъ тебя къ себѣ! Боже мой, я поцѣловалъ бы ногу ея. Но боюсь и думать, я отвыкъ вѣрить въ благородные порывы. Наташа, разъ мы увидимся непременно, этого я требую отъ Бога. Тогда пусть бьетъ буря въ нашу грудь. Но послушай, ежели тебя, нѣжный цвѣтокъ, они сломятъ до моего пріѣзда, и ежели въ крайнемъ обстоятельстве не поможетъ *письмо къ папенькѣ*, тогда мы свели наши счеты, тогда мы чужіе. Фу, какая пустота у меня передъ глазами, и пульсъ бьется въ головѣ, какъ молоткомъ. Наташа, тогда я съ ума сойду и принесу на новоселье одну любовь, одну любовь.

Твой, твой *Александръ*.

Ей Богу, они и предвидѣть не могутъ, что дѣлаютъ, — вотъ одно извиненіе имъ.¹

◆◆ 1. 8 октября Н. А.—на писала: «приготовленія къ *свадьбѣ* все шли далѣе и далѣе; ты можешь вообразить, съ какимъ отвращеніемъ ѣздила я въ городъ покупать *приданое*; но меня не трогали и я была почти покойна, не думала объ этомъ вздорѣ, а ты царилъ во всей славѣ, въ не затуманенной, не запыленной душѣ моей. Наконецъ, Левъ Алекс. привозитъ Снаксарева, и тутъ, повѣришь ли, какъ я была покойна,—ясно представилось мнѣ все раз-

стояніе между *ими* и мной; какъ съ высоты небесъ смотрѣла я на нихъ, пресмыкающихся долу... Ко мнѣ былъ онъ и всѣ внимательны черезъ мѣру; даже Левъ Алекс. сдѣлался тутъ мнѣ *дядюшкой!*.. На другой день я все была въ волненьи, потому что ужъ надо было ждать предложенія, и вотъ началось! Ласки, обѣщанія, всѣ выгоды жениха; всю мою обязанность, всю власть надо мною, ну словомъ, все, все было употреблено орудіемъ, чтобъ взять съ меня слово; я миновала всѣ низости, которыя бы тутъ были даже нужны, — слова не дала, ни даже надежды на согласіе... Всѣ, всѣ выключая Емилие и трехъ Сашъ (А. Г. Клиентова, А. А. Боборыкина и А. Вырлина—*М. Л.*), уговариваютъ меня! Это ужасъ! Люди, до которыхъ доступнѣе низкое, вооружаются тѣмъ, что ты тайно обвѣнчанъ, другіе, что *это вздоръ*, что никогда не можетъ совершиться, какъ нелѣпѣйшая мечта... Маменька (Луиза Ивановна—*М. Л.*) все такъ же любитъ меня, все *такъ же мнѣ мать* и цѣлыя ночи обдумываютъ съ Пр. Андр. Эрнъ мою участь»... 14-го октября: «Опять долго не писала тебѣ, ангелъ мой, — надсмотръ строгъ, минуты не было. Снаксаревъ былъ еще два раза и меня не оставляютъ въ покоѣ... Я въ восхищеніи отъ маменьки, она превзошла мои ожиданія»... (стр. 359—361).

157. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

29 октября 1837
Вятка.

Что съ тобою, мой ангелъ? Какъ ни говори, а время ужасное. Униженіе и беззащитность. Помнишь, при началѣ 1837 года я уныло обратился на 1836, я ему сказалъ, что моего благословенія онъ не унесетъ въ вѣчность? Сколько было мечтаній оперто на 1 января 1837. И что же? только два мѣсяца остается ему, а какимъ были остальные 10-ть измѣнникомъ, растворившимъ сердце надеждами и полившимъ уксусу и яду въ растворенное сердце!

Опять мгла около души. Блаженство мое я понимаю и умѣю наслаждаться имъ, не взирая на грязь, которую мечетъ толпа, но слишкомъ тягостенъ крестъ; я чувствую, что мои рамена начинаютъ дрожать отъ физической невозможности. Наташа, въ тюрьмѣ я молчалъ, и въ ссылкѣ изрѣдка грустный голосъ вырывался. Обманутыя надежды растравили раны, и на нихъ-то свѣжихъ, кровавыхъ пала мысль твоего положенія. Тебя терзаютъ,—я знаю, что душою ты выше, что ты тверда моей любовью, что ты моя небесная, святая

Дѣва,—но именно то чувство беззащитности, о которомъ ты разъ писала, ужасно. Огромный, большой шаръ—и ни одной руки, которая бы хотѣла спасти, а та рука, которая пойдетъ на отсѣченіе для тебя, на той гремитъ цѣпь.

Дивенъ міръ, и ко всему самому печальному примѣшивается смѣшное. Читая второй разъ твое письмо, я расхохотался: у кого въ головѣ родилась мысль, что я тайно обвѣнчанъ? Это—геніальная голова. Вотъ нашли средство,—истинно скоты! Однако же, Наташа, я тебѣ и себѣ сдѣлаю одно замѣчаніе. Мы похожи на дитя, которое, не понимая хорошо слѣдствій, высѣкаетъ огонь надъ бочкой пороха. Смотри, какъ легко нѣсколько разъ въ нашей перепискѣ являлось слово «смерть», а, вѣдь, это слово ужасное; одно выраженіе твоего послѣдняго письма разорвало мнѣ сердце. Я готовъ перейти въ то обширное и свѣтлое бытіе, я не раскаиваюсь въ моей жизни,—она прелестна была подъ вліяніемъ дружбы и любви, я не хочу отъ людей ничего больше. Но лишиться тебя — о, это ужасно... чуждымъ, безпріютнымъ скитаться по этой мрачной землѣ; я знаю, взоръ къ небу будетъ тогда взоръ на тебя, но какая жгучая слеза канетъ всякій разъ... Представь себѣ ту жизнь гармоніи и любви, прелестную жизнь, которую мы можемъ *здѣсь* найти... и лишиться ея, и быть одному, потерянному, какъ песчинка въ горѣ. Нѣтъ, перестанемъ играть этой чудовищной мыслью. Смерть была наказаніе падшему человѣку, она не входила въ чертежъ Творца. Смерть была уступка земному началу.

Выраженіе въ твоемъ письмѣ чуть не переломило меня; изъ него я понялъ весь ужасъ твоего положенія. Храни себя, мой ангелъ, храни для Александра, соверши начатое; ты ему указала небо, дай же насладиться имъ и тогда, тогда вмѣстѣ туда. Пусть солнце ни разу не встрѣтитъ одинъ изъ нашихъ взоровъ. О, Наташа, страшно вспоминать утраченное блаженство,—прочти Абдонну и ты узнаешь.

31 октября.

Сегодня видѣлъ я тебя во снѣ. Ты была блѣдна, вся въ слезахъ, и на лицѣ видны были слѣды печали и огорченій. Я взошелъ, ты бросилась въ мои объятія, и мы долго стояли такъ... Я проснулся, и первая мысль представилась, что, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ ты вся въ слезахъ, но я не приду утѣшить. Ужасно мое настоящее положеніе! я не знаю, чего бы ни отдалъ за возвращеніе. Жить спокойно, недѣлю ждать вѣсть,—и знать, что тамъ непрерывно мучаютъ ее... О, какимъ испытаніямъ люди подвер-

гають дерзкихъ людей, мечтающихъ подняться надъ толпою! Вотъ такія-то минуты жизни старѣють годами человѣка, это—предѣлъ, на которомъ человѣкъ или удержится десницею Бога, или падаетъ въ-пропасть. Я наваливаю на себя тьму дѣла, чтобъ всегда быть занятымъ постороннимъ, а въ свободное время ищу шума и людей. Минуй же, горькая чаша! Ибо этотъ шумъ и эти занятія, это все одна ложка лѣкарства, растворенная въ цѣломъ сосудѣ яда.

1 ноября.

Получилъ твое письмо отъ 24 октяб. О, ангель, сколько ты страдаешь! Не лучше ли прямо имъ сказать? Пап. мнѣ ни слова не пишетъ; онъ боится начать рѣчь,—по первому слову я ему сильно выскажу истину. Тогда молчать будетъ преступленіе. Наташа, объ одномъ умоляетъ тебя твой Александръ у ногъ твоихъ: береги себя, береги изъ любви ко мнѣ; эти отчаянные звуки, которые прежде никогда не вырывались изъ твоей души, ужасаютъ меня. Бога ради, взгляни на эту слезу на моей рѣсницѣ и береги себя. Умоляю, прошу, приказываю.

1 ноября.

Жму руку твоей Сашѣ ¹⁾; изъ того, что ты писала, я вижу прекрасную душу. Клянусь ей, что или я буду очень несчастенъ, или я устрою ея будущность. Подъ этимъ я не разумѣю матеріальный даръ,—нѣтъ, я хочу этимъ сказать, что я ее исторгну изъ того гадкаго положенія, въ которомъ она теперь.

Въ этомъ письмѣ опять ужасное выраженіе: «жертвовать здоровьемъ, жизнью—мнѣ ничего, и то уже все не мое!» Наташа, другъ мой, и ты это говоришь мнѣ! какъ будто твоя жизнь не есть моя принадлежность, моя жизнь. Фу, эта ночь цѣлой жизни, это одиночество, это отчаяніе! Нѣтъ, можетъ, я ошибаюсь, что самоубійство есть преступленіе. Для чего я буду жить, когда не будетъ ея? можетъ ли быть преступленьемъ то, что соединить меня съ тобою? Жить и знать, что тебя нѣтъ, это—ужасно; впрочемъ, Богъ милостивъ, у меня довольно слаба грудь, и этого удара ей не вынести. Наташа, намъ необходимо увидѣться, и я уже почти согласенъ, ежели не въ Москвѣ, такъ здѣсь. Только ничего не предпринимамай безъ моего совѣта. Ежели эти люди такъ низки, что ты должна будешь ихъ оставить (а впрочемъ, при первой достаточной причинѣ я очень былъ бы радъ, чтобъ тебя не было у кн.), то

¹⁾ Вырлина.

Галушка ¹⁾—человѣкъ съ доброй душою, я его знаю; а ежели бы можно къ Пр. А. Эрнъ,—я буду къ ней писать.

За что такъ жестоко преслѣдуетъ тебя судьба? ¹

2 ноября.

Времени нѣтъ. Прощай. Не забудь, ангелъ, хранить себя, какъ сокровище, принадлежащее Александру.

Прощай.

Богъ и любви!

Твой Александръ.

◆◆ 1. 18—24 октября Н. А.—на сообщала о ходѣ домашнихъ событій: «Дѣлаютъ заговоръ, чтобъ застать меня врасплохъ, послать за Львомъ Ал., за попомъ и благословить такъ, чтобъ не я успѣла образумиться и противиться имъ». «Княгиня говоритъ, что сгонить со двора при малѣйшемъ сопротивленіи, другіе,—что не будутъ знать тогда меня». «Левъ Ал. опять привозилъ Снаксарева; онъ съ нимъ совершенно на дружеской ногѣ; дивлюсь этому человѣку: какъ онъ не видитъ, что я не обращаю на него вниманія, избѣгаю говорить съ нимъ, глядѣть на него? онъ вовсе не дуракъ; однако, мнѣ кажется, онъ замѣчаетъ хоть сколько-нибудь мою рѣзительность, потому что еще не говорилъ княгинѣ ничего». «Маменька утѣшила меня весьма своимъ вниманіемъ. Егоръ Иван. сказывалъ, что она была у Галушки, чтобъ заготовить мнѣ убѣжище въ случаѣ нужды; я была сильно этимъ тронута» (стр. 364—366) ²⁾.

158. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

5 ноября 1837.

Окончились ли, мой другъ, твои страданія? они какимъ-то призракомъ грустнымъ, блѣднымъ становятся безпрерывно между мною и всѣмъ, чѣмъ бы я ни занимался. Я съ судорожнымъ ожи-

¹⁾ Кто-то близкій Луизѣ Ивановнѣ.

²⁾ Сообщая о службѣ Герцена по вѣдомству императорскаго двора (стр. 18 VII кн. «Былого» 1907 г.), г. Успенскій отнесъ къ нему и постановление московской дворцовой конторы отъ 10 ноября 1837 г., которымъ Герцену поручалось исправлять должность по камеръ-цалмейстерской части во время пребыванія въ Москвѣ государя. На самомъ же дѣлѣ этотъ документъ подшитъ къ дѣлу по ошибкѣ: онъ касается Егора Ивановича, такъ и продолжавшаго свою службу по импер. двору.

даніемъ развертываю теперь письма; въ каждомъ есть доля твоей слезы, твоего страданія, живая доля сердца. Сколько ты ни говоришь о гармоніи, о блаженствѣ,—темная рѣчь прорывается, и зачѣмъ было бы говорить прямо о томъ, ежели бы ты не хотѣла этимъ меня успокоить... Наташа, я не могу тебѣ сказать: будь весела,—это глупо; будь весела въ разлукѣ съ Александромъ, будь весела, когда тебя, какъ невольницу въ Эіопіи, водятъ на продажу и показъ,—но повторю то, что говорилъ въ прошломъ письмѣ: ради любви нашей храни себя, храни себя!

Хоть бы слово написалъ пап. обо всемъ. Онъ боится тронуть эту струну, ея звукъ силенъ,—это-то онъ знаетъ; ея звукъ не будетъ годиться въ тотъ аккордъ, который онъ беретъ на моей душѣ. Тѣмъ хуже, что боится,—струна можетъ лопнуть.

Вчера у насъ былъ предлинный разговоръ съ Витб., надъ которымъ ты могла бы въ душѣ развеселиться. Онъ увѣрялъ меня, что я, несмотря на мой пламенный нравъ, никогда не буду *сильно любить* (Qu'en pensez Vous, Mademoiselle?) ¹⁾, и что мои мечты самолюбія всегда возьмутъ верхъ надъ мечтами любви. Я защищался общимъ образомъ. Стоило бы мнѣ вынуть твое письмо, но для чего? Я хочу, чтобы меня люди сами понимали, и тогда я имъ остальное добавлю словомъ. Витб. понялъ мои таланты и не понималъ души; таланты оцѣнить можетъ всякій,—на это надобно имѣть умъ; мнѣ обидно, что онъ, артистъ, такъ поверхностно судитъ о людяхъ. Я имъ читалъ «I Maestri»; никто не понималъ *тѣснѣ ангела*; я имъ читалъ «22 октября»,—никто не понималъ *самою ангела*: ну, послѣ этого я не обязанъ говорить яснѣе, ежели люди не хотятъ себѣ дать труда, ежели человѣкъ, одаренный такой колоссальной фантазіей, какъ Витб., не умѣетъ взоръ свой углубить дальше поверхности въ человѣка, — не моя вина. Полина была при этомъ разговорѣ и душевно смѣялась. Странная вещь, я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что холодное воспитаніе мое положило такую несвойственную мнѣ маску (именно иронію), что изъ-за нея тотъ только увидитъ черты лица, кто сумѣетъ въ самой ироніи моей найти душу огненную. Въ воспоминаніяхъ моего дѣтства я уже писалъ, что по большей части хвалили *мою остроуту*, т. е. отдавали все уму и отнимали все у души. Искры настоящаго огня принимали за фосфорный свѣтъ ума, молнію — за фейерверкъ. Ахъ, люди, люди, какъ вы мелко плавааете! Благодарность Татьянѣ Петровнѣ,—она первая оцѣнила другую сторону моего бытія, Огаревѣ—второй. Ты постигла его до конца мощнымъ инстинктомъ любви. Я ни слова

¹⁾ Что Вы думаете объ этомъ, Сударыня?

не говорю о тѣхъ людяхъ, которые близки ко мнѣ *по разстоянію*; пусть они меня не знаютъ,—эти люди и къ природѣ близки, но не знаютъ ея. А В. непростительно, и я замѣчаю, что онъ въ продолженіе всей жизни такъ ошибался (его жена — лучшее доказательство). А Полина, *простая* дѣвочка, безъ опытности, поняла все въ ту минуту, какъ я первый разъ произнесъ твое имя,—вотъ въ томъ-то все и дѣло: она смотрѣла на меня глазами природы, натурально и равно не замѣтила ни фрака, который былъ на мнѣ, ни маски. Люди по большей части сами виноваты въ своихъ ошибкахъ, ломаютъ голову, придумываютъ, а надобно *просто* смотрѣть; но это-то *просто* очень близко граничитъ съ *grandioso* ¹⁾ природы; вѣдь, и она проста; да еще одно условіе необходимо, это—дѣтская чистота души. Опытъ, который такъ много помогаетъ въ познаніи людей, можетъ, совсѣмъ отнимаетъ гораздо высшее искусство—постигнуть душу *человѣка*. Вотъ тебѣ цѣлая диссертація. Прощай!

6 ноября.

Ну, не небесный ли ты ангелъ, Наташа? Ты еще жалѣешь о книг. и воображаешь, что она для твоего блага такъ печется. Дивлюсь тебѣ. И ты все еще иногда говоришь, что я тебѣ много придаю. Подумай сперва, возможно ли это? Выше тебя душою, изящнѣе, я не могу себѣ представить ангела божія. Есть отношеніе, въ которомъ Витб. замѣчаніе справедливо. Помнишь ли, я самъ отталкивалъ любовь? и, сверхъ того, такое мѣсто отдалъ въ душѣ другимъ симпатіямъ, что сердце было почти полно? Но твое *величіе* подавило меня. Я не зналъ, что такое Дѣва, и провидѣніе показало мнѣ ее во всей славѣ, во всемъ торжествѣ. Тогда только узналъ я разницу между Дѣвой и женщиной и повергся предъ тобою. Да, чтобъ мою душу такъ пересоздать, чтобъ внести въ нее религію и замѣнить славу любовью, для этого надлежало имѣть силу чрезвычайную. Смотри, гдѣ же ты найдешь другую? Нѣтъ, Наташа, ты велика уже одной побѣдой надо мною. Я иногда перебираю прежнія мечты свои,—все, все съ избыткомъ совершилось въ тебѣ, даже отдѣльныя, частныя фантазіи всѣ осуществились. И сколько еще сверхъ того! Тобою я узналъ всю изящную сторону *человѣка*, не жить мнѣ безъ тебя, моя сестра, моя подруга!

8-е ноября.

Дай мнѣ воротиться на тотъ же предметъ; мнѣ такъ хорошо, такъ отрадно, когда я восхищаюсь тобой, когда, долго любуюсь.

1) Величественное.

моимъ ангеломъ, я могу сказать: *и она моя, моя*, какъ это сердце, которое бьется въ груди. Дай же мнѣ еще полюбоваться тобою. Ни пятнышка, ни пылинки,—вотъ она чиста, какъ мысль Господня, какъ пѣснь архангела... А я—не думай, что я хочу себя бранить, нѣтъ, этимъ унижилъ бы я тебя,—я очень знаю свои достоинства и горжусь тѣми, за которыя такъ полюбила меня Наташа,—но нѣтъ, скажи, гдѣ же во мнѣ эта чистота... На душѣ морщины: однѣ отъ гордыхъ помысловъ, другія отъ буйныхъ вакханалій, третьи отъ знойныхъ страстей, отъ ядовитаго разврата,—и все это чуждое любви, а у тебя есть ли что-либо, кромѣ одной любви? И теперь, въ разлукѣ съ тобою, когда я знаю, что ты страдаешь подъ ярмомъ ужаснымъ, я ищу разсѣянья въ шумѣ. Шумъ оргій, *по привычку*, можетъ подчасъ меня развлечь; этотъ шумъ напоминаетъ мнѣ пьянство юности, въ которомъ грезились намъ сквозь туманъ видѣнія высокія. Я землю заглушаю стонъ разодраннаго сердца, въ то время, какъ ты заглушаешь его молитвой. О, сколько разъ пламенно желалъ я очиститься такъ, какъ ты,—жить въ твоей высокой сферѣ,—не могу. О, ангелъ мой, не дерзка ли одна мысль эта,—или тогда ты заверши.

9 ноября.

Нѣтъ, Наташа, болень я душою, очень болень. Господи, какъ немногаго прошу я у неба и у людей: только одинъ взглядъ на тебя, только одинъ, и я сожму въ этотъ взглядъ долгую жизнь, тысячу ощущеній, слезу блаженства и слезу печали. Ты понимаешь, что въ печали есть свое блаженство, что въ страданіи есть отрада,—въ этомъ взглядѣ я обмою душу, она вся въ пыли. О, Наташа, какое тупое, гадкое положеніе. Это даже не тупая пила, какъ ты говоришь, а плита чугунная, которая не въ силахъ разомъ размозжить и тѣло и кость, а душитъ мало-по-малу. На эту плиту наступила ногой исторія сватовства и хорошо выбрала мѣсто противъ самой груди. Мнѣ подчасъ кажется, что мое положеніе было бы лучше, ежели-бъ еще что-нибудь ужасное случилось со мною,—можетъ, противоборство съ судьбою дало бы свѣжую силу.¹

Одинъ взглядъ, разъ руку пожать, ну, словомъ, еще разъ 9 апрѣля,—и я готовъ жить и умереть. Жить памятью этихъ двухъ дней я могъ бы сто лѣтъ, ибо въ нихъ будетъ цѣлая жизнь; въ 9 апрѣля только восходъ солнца, оттого-то мнѣ и недостаточно его одного.

Прощай, ангелъ, прощай.

Александръ. 2

◆◆ 1. 25—31 октября Н. А.—на писала: «На слова мои не обращаютъ вниманія, не слушаютъ ихъ, даже обручальныя кольца, готовы, *онѣ* дѣлается внимательнѣе; и папенька писалъ нарочно къ княгинѣ: «Лучше этого жениха нельзя ждать и желать не должно». Ему же велѣно сказать, чтобъ надѣялся». «Защити, Александръ, моихъ силъ недостаетъ». «Вообрази, они, желая очистить свою совѣсть, призвали священника, и княгиня спрашивала, не грѣхъ ли будетъ отдать насильно? Священникъ этотъ преглупый, такъ занятъ интересомъ и всѣмъ житейскимъ, что не похожъ вовсе на служителя Господня; онъ сказалъ, что это будетъ еще богоугодно *пристроить сироту!*». «Вотъ платье, вотъ нарядъ къ завтраму, а тамъ—образъ, кольца, хлопоты, приготовленія, и ни слова мнѣ!» «Слава Богу! сегодня *онѣ* не былъ, слава Богу! можетъ, до него дошло что-нибудь, и онъ раздумаетъ. Въ какомъ смущеніи *они*,—всѣ хлопоты и убытки понапрасну!» (стр. 369—371).

2. 9 ноября Герценъ былъ перемѣщенъ въ канцелярію вятскаго губернатора, гдѣ не имѣлъ никакой особой должности и аттестовался «способнымъ и достойнымъ» (Дѣло Вятскаго губ. правленія 1835 г. № 8).

159. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

13 ноября 1837.

Вятка.

Разливъ рѣки лишилъ меня послѣдняго удовольствія — почты нѣтъ и, вѣроятно, еще нѣсколько дней не будетъ. Удивительное созданіе человѣкъ,—все можетъ онъ перенести. Обремененный горемъ, онъ ѣстъ, пьетъ еще больше, смѣется, когда рассказываютъ смѣшное,и иной стоитъ возлѣ и не примѣчаетъ, что раздирающій огонь готовъ сверкнуть изъ черепа, и что вмѣсто крови льется въ сердце зажженная сѣра. А люди говорятъ, что кошки живучи!.....

15 ноября.

Ну, мой ангель, слушай цѣлую длинную исторію, даже напишу ей заглавіе:

Исторія 14 ноября 1837 г.

Лишь только я проснулся, подали мнѣ письмо отъ Огарева. Что это за высокая, свѣтлая душа!.. Вся скорлупа, нанесенная на мою душу, спала; я чисто дышалъ, былъ юношей, едва ступившимъ

робкой ногой въ жизнь. Воспоминанія, надежды,—все наполнило душу сладкимъ, теплымъ, свѣтлымъ. Онъ пишетъ: «Я вѣрю твоей любви, почему, не знаю, но вѣрю; да, вы другъ друга любите,— вотъ тебѣ благословеніе друга, другого тебѣ не нужно». И его Марія пишетъ мнѣ и называетъ тебя сестрою и мечтаетъ, какъ мы вчетверомъ когда-нибудь будемъ восхищаться природой. Письма эти размягчили все жесткое въ сердцѣ, и тогда я развернулъ твое письмо отъ 31 октября, котораго начало, что Emilie видѣла во снѣ твою смерть и обрадовалась. Я прочелъ его. Лихорадочная судорога пробѣжала по всему тѣлу. Смерклось. Я всталъ съ дивана слабый, какъ послѣ тяжкой болѣзни. Я сѣлъ къ столу... Мечты ужасныя проходили по сердцу: однѣ, облитыя кровью, другія—въ саванѣ мертвеца; я чувствовалъ, что какой-то губительный ядъ меня жжетъ, схватилъ перо и написалъ письмо къ папенькѣ. Всего строкъ десять, но сильно: я требовалъ, приказывалъ, а не просилъ. Мнѣ сдѣлалось страшно одному, и я поѣхалъ со двора; душа требовала человѣка сколько-нибудь близкаго,—я отправился къ Скворцову. Онъ взглянулъ на меня и ужаснулся: блѣдный, какъ полотно, стоялъ я молча передъ нимъ, наконецъ, зарыдалъ, какъ ребенокъ, и бросился къ нему на шею. *Это со мною первый разъ отроду*; я не могъ остановиться, слезы лились градомъ. И онъ плакалъ,—вездѣ, вездѣ нахожу я людей, душою привязанныхъ ко мнѣ. Представь себѣ, что Скворцовъ и Эрнъ наперерывъ *умоляли* меня послать кого-нибудь изъ нихъ съ письмомъ къ папенькѣ. Наташа! Скворцовъ безъ памяти любитъ Полину, онъ женихъ, и все хотѣлъ бросить, но я не хочу и благодарить ихъ,—въ собственной душѣ человѣка лежитъ награда за благородный поступокъ. Онъ увезъ меня къ Полинѣ. О, прелестная душа! Подробностей я имъ объяснить не могъ, я только говорилъ: «смотрите, какъ этотъ ангелъ страдаетъ», и слезы лились. Доселѣ никто не видалъ, какъ я плачу (да, на другой день послѣ взятія, какъ бы предчувствуя четыре черныхъ года, я плакалъ).

Но что же главное поразило меня? униженіе, тѣ страданія, коимъ ты подверглась, и мое нѣмое положеніе, цѣпь моя. Я страдалъ; ночь облегла темная, страшная. Я уже предчувствовалъ рядъ новыхъ несчастій послѣ письма къ пап., всѣ надежды на скорое возвращеніе исчезли. Вечеромъ я бросился на диванъ, и что-то тяжелое въ родѣ сна обняло меня. Проснулся утомленный, больной,—это было часовъ восемь,—и вдругъ *письмо*. Я трепеталъ его распечатать, ледь бѣжалъ по жиламъ, я не знаю, бился ли пульсъ, и что же—это твое письмо отъ 7 ноября. О, великій Господь! Мы мелки, мы слабы, мы не умѣемъ вѣровать. Жизнь возвратилась, туманная повязка упала съ глазъ. Итакъ, туча прошла мимо. ¹ И смотри, не ди-

вень ли персть Божій: твое письмо отъ 31 окт. стояло за рѣками около 4 дней, а второе опоздало менѣе, нежели сутками. Съ восторгомъ бросился я къ друзьямъ, изорвалъ письмо къ пап. и подарилъ ключья его Сквор. въ память 14 ноября. Но тѣло отстало отъ души; я былъ похожъ на человѣка, котораго только что оставила болѣзнь тяжелая, мучительная; взглядъ мой былъ томень, даже голосъ дрожалъ. Вотъ сколько можетъ пережить человѣкъ въ одинъ день. Ежели-бъ я не былъ теперъ покойнѣе и здоровъ, я бы не написалъ всего этого. Писемъ твоихъ теперъ перечитывать не стану, а буду *писать отвѣтъ* въ слѣдующій разъ.

16-го.

Буря миновала, но все говоритъ объ ней: вотъ туча на небосклонѣ, вотъ сломленные сучья, вотъ опаленныя вершины, а вотъ слезы дрожатъ на листьяхъ.... Я еще все не могу прійти въ себя. Ахъ, Наташа, какъ ты хороша, какъ ты божественна! И мнѣ послѣ этого не быть гордымъ! Прощай, другъ мой; поцѣлуемся, пожмемъ другъ другу.

А ты мнѣ не написала, что ты была больна, когда у тебя была Праск. Андр. Что съ тобою, Наташа?! Я заклинаю тебя, пиши мнѣ все, все, рѣшительно все,—иначе я буду терзаться неизвѣстностью. Ну, здорова ли ты, ангелъ, моя Мадонна?

◆◆ 1. Въ этомъ письмѣ Н. А.—на сообщала, что Снаксаревъ отказался отъ мысли жениться на ней, чѣмъ очень раздосадовалъ всю хлопотавшую родню. Благодаря словамъ: «не услышалъ ли онъ о тебѣ? человѣкъ его все знаетъ»—можно догадаться, что преданная Саша Вырлина посвятила во все лакея полковника и наговорила ему такого, что тотъ въ-время рѣшилъ устраниваться.

160. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

17 ноября 1837.
Вятка.

Наташа, мой милый, свѣтлый ангелъ! Нѣтъ, я все еще далекъ отъ той любви, которой надобно любить тебя... О, послѣднее время страданій нашихъ научило меня многому,—я былъ одинъ, просторъ былъ душѣ и чувству. Нѣтъ, во мнѣ еще много посторонняго,—все вонъ, все это плевелы. Коль могутъ быть мысли, чувства во мнѣ,

кромѣ любви, это я отнимаю у тебя. Боже, дай мнѣ ту же любовь, какъ у нея. Я перечитываль и перечитываль твое послѣднее письмо: вотъ она, та любовь, о которой я говорю; тутъ нѣтъ примѣси, тутъ нѣтъ земныхъ наносовъ..... Я еще разъ пересоздамъ себя. Ты — вотъ вся цѣль моей жизни, остальное все вздоръ, остальное порогъ, преступленіе, остальное гордость! Слава... сколько тутъ эгоизма! Съ корнемъ вонъ это чувство, горящее болѣзненнымъ огнемъ отравы, а не кроткимъ пламенемъ любви! а развѣ служба, литература, — все это идетъ не изъ жажды славы? Зачѣмъ мнѣ, чтобъ мою мысль, мое чувство оцѣнивали люди, когда есть ангелъ, который восхищается ими? Развѣ я въ самомъ дѣлѣ научу толпу, когда и Христосъ не научилъ ее. Я тебѣ говорю: Наташа, я недостойнъ твоей любви, потому что я могу заниматься тѣмъ и другимъ, тогда какъ все бытіе должно быть посвящено тебѣ.... А эти вечера въ шумѣ, дурачествѣ... чтобъ заставить молчать любовь, — какая низость! Представь себѣ меня и себя. Ты одинокая — вся любовь и печаль, вся блаженство и страданіе, — о, какая тутъ высота, святость! А я, перебивая вздоръ съ толпою, за стаканомъ вина... Я какъ-то все это живо почувствовалъ 14 ноября: этотъ день вдавилъ свинцомъ мнѣ въ грудь рядъ истинъ! А отчего все это? — Душа утратила чистоту, и вотъ почему мы еще не соединяемся. Провидѣніе этими испытаніями хочетъ выжечь все, что не золото, въ твоемъ Александрѣ. Я понялъ Его перстъ и ропталъ тамъ, гдѣ надлежало цѣловать карающую руку.

Какъ меня терзаетъ теперь разлука! Гдѣ ты, другъ мой, зачѣмъ не тутъ? О, какъ склонилъ бы я голову мою, какъ успокоился бы отъ долгихъ, долгихъ страданій. Видишь ли, я еще слабъ отъ того удара, мнѣ надобенъ покой, а гдѣ я его найду? Наташа, Наташа... я не смѣлъ бы поцѣловать тебя; я склонилъ бы свою голову на твое плечо, и ты была бы такъ счастлива, и я чувствовалъ бы твое дыханье, и ты своимъ дыханьемъ сдѣлала бы меня ангеломъ, дала бы мнѣ свое подобіе. И я бы уснулъ, а потомъ проснулся бы, и голова моя на твоемъ плечѣ..... Ну, что же, дастъ слава что-нибудь похожее? и для нея какихъ жертвъ ни приносить человекъ! Посмотри, какъ твоя душа, сильная небомъ, пересоздала мою душу, сильную землею. Развѣ не твоя любовь внесла чистую поэзію въ это зданіе, гордое, какъ рыцарскій замокъ? не ты ли изъ замка сдѣлала храмъ божій, т. е. твой, — вы нераздѣльны! За что могъ меня любить Огаревъ? — развѣ по предчувствію, развѣ за возможность... Что я тогда былъ? — огонь въ душѣ, это былъ красный пламень зажженной смолы. И откуда этотъ сильный, небесный ангелъ?... А откуда въ уродливой старинной вазѣ, изуродованной глупыми украшениями,

растеть лилія, чистая, какъ снѣгъ, нѣжная, какъ взоръ любви? Откуда? Отъ Бога, отъ Бога. Лилии нужна только опора, надобно только наступить ногой, но счастлива и уродливая ваза,—ее назначилъ Богъ быть этой опорой... Счастливы ясли, носившія Христа.

А какъ бы ни были добры обыкновенные люди, все-таки, они выше крыши своего дома не подымутся. Жаль ихъ: они добры въ самомъ дѣлѣ, но ихъ доброта не по насъ, жметъ. Я читалъ въ письмѣ Эрна, что пишетъ Пр. Андр. о тебѣ... и смѣялся; она искренно жалѣетъ о тебѣ,—почему, ты думаешь? потому, что я *втрѣнный челоуѣкъ и слишкомъ молодѣ*. Гофманъ говоритъ: люди дѣлятся на добрыхъ людей, и они—прескверные музыканты, и на прескверныхъ людей, и эти—хорошіе музыканты. О, добрые люди! Дай Богъ вамъ здоровья, а пуще всего аппетитъ и теплую квартиру. И три-то года разлуки не могли имъ доказать моей любви! А вѣтрѣность чѣмъ они доказываютъ?—скоростью въ походкѣ, можетъ? Я себя упрекаю въ одномъ вѣтрѣномъ поступкѣ (да будетъ проклятъ этотъ гнусный поступокъ), это—Мед., но, вѣдь, они его не знаютъ. Впрочемъ, я прощаю: у нихъ мѣрки нѣтъ для душъ большого размѣра. А что сказать объ Emilie (покажи ей эти строки), которая обрадовалась бы, услышавъ о твоей смерти?—Она меня называетъ другомъ, братомъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, твое теперешнее положеніе хуже, нежели было бы мое *тогда*? Онъ минуется, этотъ переходъ грязью: тебя грѣетъ любовь, тебѣ свѣтитъ надежда. А та ночь, которая обняла бы мою жизнь, это скитанье безумнаго, этотъ вѣчный стонъ—фу!... И она обрадовалась бы! Пусть она будетъ увѣрена, что это не упрекъ, но зачѣмъ бросать такъ словами, не думая. Теперь она сама содрогнется своей мысли. Прощай, ангелъ, до завтра. О, ежели бы мнѣ увидѣть тебя во снѣ! Я на дняхъ какъ-то видѣлъ. И какъ ты была хороша... Впрочемъ, объ этомъ и рѣчи нѣтъ, въ этомъ согласенъ и М—г женихъ; я только и нуждался въ его авторитетѣ. Какъ эта исторія была бы смѣшна, ежели-бъ она не была облита твоими слезами. Но, Наташа, клянусь, каждая слеза твоя принесетъ тебѣ больше неба, больше моря блаженства. Прощай же, спи съ Богомъ, а все не хочется перестать.

18 ноября.

Все еще я не пришелъ въ себя, все еще въ какомъ-то туманѣ бродятъ образы и мечты, и ихъ не поймашь. *Иногда* представляется то бытіе—награда. Передъ глазами море, надъ нимъ небо,—не свирѣпое, какъ въ Вяткѣ,—а кроткое, а возлѣ меня ангелъ. И тутъ нѣтъ раздѣленія, ты и природа—это опять одно. Больная душа моя

петь силу, и я поэтъ, рѣчь моя — огонь, пламень, глаза горятъ. Люди почли бы за сумасшедшаго, а ты со слезою будешь слушать и поймешь этотъ голосъ, который вырывается изъ души вулканической, обширной и долго сдавленной. Третій не можетъ тутъ быть, ни даже Огаревъ; послѣ дружба, послѣ четверо; нѣтъ, ты и я, т. е. ни ты, ни я, а это существо, котораго тѣло—Александръ, а душа—Наталія. Да о чемъ же я тебѣ буду говорить? Ежели-бъ я это зналъ,—не нужно этой минуты; этого нельзя знать и вспомнить послѣ нельзя будетъ,—тутъ смысла не будетъ. О, какъ хороша поэма, въ которой дѣйствуетъ природа, человѣкъ и ангелъ. Это драма, на которую взглянетъ Богъ.

Иногда мы идемъ дорогой, бѣжимъ отъ людей, идемъ далеко на востокъ, въ Египетъ, гдѣ есть камни съ душой, а людей нѣтъ. Понимаешь? идемъ пѣшкомъ, — нѣтъ поэзіи, гдѣ есть ящикъ и станціонный смотритель, — пѣшкомъ, одни. И становясь на лодку, мы взглянемъ еще разъ на родину. Что сказать ей? По слезѣ родимому краю, и отвернемся, чтобъ онъ не подумалъ, что мы хотимъ ему послать упрекъ. Какъ несбыточно, скажутъ добрые люди,—а, въ самомъ дѣлѣ, что же тутъ несбыточнаго для насъ. Вѣдь, это для тѣхъ трудно, кто прокладываетъ карьеру, составляетъ капиталъ. Слава крылоному Меркурію — капиталъ въ рукахъ, а карьера — милости просимъ, *I siniori aspiranti* ¹⁾, пожалуйста—я уступаю. Чтобъ я за всѣ обиды людей сталъ жить, какъ они живутъ! Никогда! На томъ свѣтѣ Брутъ встрѣтился съ Цезаремъ и спросилъ тотчасъ: «Куда *вы?* въ рай, или въ адъ? мнѣ это нужно потому, что ежели *вы* пойдете направо, то я—налѣво».

Вотъ съ этого міра взгляни на трудности, которыя раздѣляютъ насъ, и онѣ покажутся незамѣтными. И въ самомъ дѣлѣ, я половину вины беру на себя. Что-жъ я дѣлаю? почему не говорю? Чего бояться? что будетъ хуже? кажется, мудрено придумать; я одного боюсь, чтобъ какъ-нибудь не прекратили твою переписку. Конечно, и это я вынесу, но, признаюсь, это будетъ мнѣ стоить двухъ третей моего существованья. Но, вѣдь, не вѣчно же я въ этой каторгѣ. Я только жду дальнѣйшихъ писемъ изъ Москвы, чтобъ разомъ—маску долой и удивить. Смѣшно: ты говоришь,—я единственное утѣшеніе у отца; ну, такъ что же? развѣ я хочу лишить его себя тѣмъ, что даю ему другое утѣшеніе—дочь, и какую! (цѣну тебѣ они инстинктомъ знаютъ). Вотъ, ежели бы я у него просилъ позволенія зарѣзаться, тогда онъ могъ бы упрекнуть меня своей любовью. Капризъ ставить наравнѣ со всею будущностью слишкомъ несправед-

¹⁾ Господа кандидаты.

ливо. Жалѣя его, не надобно дѣлать такой уступки. Ни слова о мело-
чахъ; я, какъ дитя, буду покорень,—пусть онъ требуетъ, чтобъ я
пересталъ курить, чтобъ обрилъ себѣ голову,—все сдѣлаю, но тутъ
нельзя уступать. И зачѣмъ же онъ такъ далекъ, чтобъ вполнѣ по-
нимать сына?

Сегодня я спросилъ Мед.: «Имѣете ли вы настолько самоотвер-
женія, чтобъ пожертвовать своимъ счастьемъ блаженству человѣка,
котораго вы любите?» Она, какъ бы понимая, куда пойдетъ рѣчь,
сказала: «нѣтъ»... Всей душой хочу я высказать ей все и не могу.
Ахъ, зачѣмъ тогда меня оставилъ перстъ божій! Вотъ ей моя рука
дружбы на всю жизнь, но она ее не принимаетъ. Многіе ее назы-
ваютъ очень вѣтренной; я радъ былъ бы убѣдиться въ этомъ, мнѣ
было бы легче. Впрочемъ, любовь ея не имѣетъ чистоты, — это я
знаю, но она сильна, и это—мнѣ ножъ въ грудь. О, какъ я гадокъ
при всемъ стремленіи вверхъ!

Я тебѣ сказалъ тогда давно: «счастья не жди». И вотъ тебѣ
доказательство: въ самомъ началѣ какой-то свирѣпый рокъ душитъ
насъ. Эта разлука—ножъ, змѣя, и ни одной надежды! Подожду и
буду писать къ государю,—силъ нѣтъ долѣе ее нести. Ну, 1837 годъ!
Сердце обливается горячей кровью.

Я брался за двадцать книгъ и каждую бросалъ—мелко, под-
дѣльно, натянуто. Книгъ холодныхъ, *дѣльныхъ* я, разумѣется, не
бралъ и въ руки. Одинъ Шиллеръ, другъ моего дѣтства, котораго
я читалъ съ Огаревымъ чистыми устами отрока, одинъ онъ дивенъ;
онъ знаетъ именно нашу любовь. Страшный Шекспиръ огроменъ,
великъ, но я не удивляться хотѣлъ. Я искалъ созвучія, и Шиллеръ
подаль мнѣ его. Я почти не читалъ, а думалъ только о его тра-
гедіяхъ, отдѣлывалъ каждое лицо въ воображеніи, и это заняло
меня на минуту,—а тамъ опять черное настоящее обхватило душу.
Во вторникъ мои именины, то-есть день, который я въдесятеро
скупнѣе проведу.

Отецъ небесный, довольно, молю Тебя, довольно!

Я раскрылъ Жанъ-Поля и попалъ на слѣдующее мѣсто — пе-
реведу его для заключенія письма: «Самыя сильныя страданія между
высокими, такъ, какъ казни всегда бываютъ на возвышенныхъ мѣ-
стахъ, такъ, какъ люди на Альпахъ или на воздушномъ шарѣ ис-
ходятъ кровью. Насѣкомыхъ, живущихъ на землѣ, и коса, срѣзы-
вающая траву, оставляетъ покойными въ ихъ низкомъ жильѣ».

21 ноября.

Почты нѣтъ, съ трепетомъ ожидаю письма; что-то привезеть оно? опять ли черное, мракъ или отдыхъ душъ? А можетъ, ничего—это самое скверное. Ждешь, ждешь — и пустыя новости. Сегодня ѣдетъ Полина первый разъ къ матери Скворцова; вчера она благословила сына. Счастливые!

Какое огромное счастье въ рукахъ пап. — и неужели у него достанетъ жестокости задушить эту прелестную будущность въ своихъ рукахъ, или, по крайней мѣрѣ, покрыть ее черною мглой?..... Статьи бродили у меня въ головѣ, но я ничего не написалъ, я не могу сосредоточиться настолько. *Одна мысль* поглотила все—и слава Богу, этого я хотѣлъ!

Какая бурная жизнь! Возьми ихъ, этихъ чудовищъ, которыя сосутъ мое сердце, каждое порознь: разлука, ссылка, твои страданія, раскаяніе,—возьми воспоминаніе тюрьмы и *всего моего воспитанія* (о, я никогда еще не говорилъ, сколько я перестрадалъ съ той минуты, какъ я взглянулъ на міръ; какіе раздирающіе душу образы являлись глазамъ... а душа была тогда нѣжна, слаба.....), возьми каждое изъ этихъ чудовищъ порознь и брось на грудь обыкновенному человѣку, и онъ задохнется. Но я не ропшу, лишь бы сколько-нибудь облегчился крестъ, а то смотрю въ даль и вижу одно увеличеніе его. Да, эта мысль мнѣ давно не приходила въ голову—о моемъ дѣтствѣ. Совершенно *чужой* въ родительскомъ домѣ, и на каждомъ шагу оскорбленія, *да какія!*—которыя могли бы отправить въ сумасшедшій домъ взрослога. До 20 іюля 1834 мы не знали другъ друга, я и отецъ мой,—эта жесткость въ его нравѣ ставила непереходимое разстояніе. О, сколько разъ ребенкомъ почти приходилъ я блѣдный и со слезою на глазахъ къ Огар. и склонялъ голову, которая кипѣла отъ внутренней обиды, на его плечо. И что было бы, ежели бы не этотъ другъ!? Я ждалъ, какъ рая, минуты, когда вырвусь изъ дома, — и она превратилась въ адъ; но рѣшительно, кромѣ Ог., никто не слышалъ и жалобы. А эти Голохваст. съ компаніей, *ихъ благосклонность*, ихъ милосердіе,—фу, хуже того униженья, которое я переносилъ здѣсь при бывшемъ губернаторѣ. Въ этомъ отношеніи я еще долженъ отдать справедливость Льву Алексѣвичу,—я не помню отъ него ни одной обиды. Онъ безхарактеренъ, но *онъ плакалъ* въ Крутицахъ!

Вотъ отчего я такъ отдался послѣ жизни студента. Тамъ я видѣлъ товарищей, *равныхъ*, цѣнившихъ меня. И въ наукѣ я видѣлъ какую-то мать, которая звала меня отдохнуть подъ важнымъ порталомъ своего дома. Въ этомъ воспитаніи лежитъ зародышъ двухъ.

пороковъ (нѣтъ,—десяти, двадцати): оскорбленіе и обиды развили во мнѣ жгучее самолюбіе и стремленіе къ власти и съ тѣмъ вмѣстѣ дали мнѣ эту притворную наружность, по которой рѣдко можно догадаться, что происходитъ въ моей душѣ. Еще что?—охлажденіе къ семейной жизни. Можетъ, при иномъ воспитаніи я сохранилъ бы свою душу, чистую, какъ хрусталь; мои страсти огненны, но въ нихъ ничего нѣтъ развращеннаго..., а между тѣмъ, я развратился,—эти оргіи, вакханаліи, куда я бѣжалъ по необходимости, увлекли меня; смятенная воля, какъ струя огня, устремилась на развратъ, и я падалъ глубоко... Хоть бы взамѣнъ всего они мнѣ дали вдохновеніе, молитву, нѣтъ—и до нея я дошелъ тобою. Наша дружба съ Ог. усиливалась болѣе и болѣе, потому что, кромѣ него, ужъ некуда было дѣтъ пламени... Вотъ въ первые дни тюрьмы я и перебралъ свою жизнь. Повторяю, перстъ божій надѣлъ тогда цѣпъ; въ тюрьмѣ я выросъ, но одна тюрьма ничего не сдѣлала бы. Любовь, она одна должна была преобразить меня. И явилась ты, моя Мадонна! Боже, какъ росъ, росъ этотъ святой образъ. Сначала я думалъ вести тебя. Но вамъ обоимъ назначено было стать выше меня,—тебѣ и Ог.; и его я велъ сначала, но, какъ вывелъ на свѣтъ, онъ исполиномъ сталъ передо мною. Сначала твои отвѣты (еще въ Крутиц.) меня утѣшали тѣмъ, что зерна, которыя я бросалъ въ твою душу, возрастаютъ. Но вотъ развертывается эта лилія; ея бѣлизна, ея небесное показали, что я только былъ грубый садовникъ. Но лилія росла для меня; со всякимъ письмомъ твоимъ я склонялся болѣе и болѣе, наконецъ, въ концѣ 1835 года палъ на колѣни предъ твоей высотой. Слава тебѣ, Дѣва чистая, слава тебѣ!

22 ноября.

Слава Богу, вотъ твое письмо отъ 14-го. Отлегла душа, немало спокойнѣе. У насъ въ перепискѣ съ пап. начинается кое-что пробиваться. Я сказалъ въ прошломъ письмѣ, что у меня лежитъ на душѣ тайна и что она рвется наружу,—что-то будетъ отвѣчать. Тебѣ теперь покой, потому я прямо не пишу, ибо когда я напишу, буря поднимется.....

Портреты ¹⁾ получилъ, былъ радъ, но это не Витбергъ: да, онъ похожъ,—его лицо, но души его не видать, и при томъ *съ улыбкой*. Встарь всегда жену рисовали съ цвѣткомъ, мужа со шпагой и обоихъ *съ улыбкой*,—это меня разсердило. У нея лицо умное, одушевленное, брюнетка. Прощай!

¹⁾ Огарева и его жены, посланные изъ Москвы.

23 ноября.

Пустой день—безъ любви, безъ поэзіи явился онъ, а съ упрекомъ. Лишь только я глаза раскрылъ, мнѣ принесли прелестную подушку работы Мед. Горько было мнѣ ее принять. Наташа, суди сама. Холоденъ день—Вятка. Печаленъ—разлука. Эта толпа—и униженье людей вдобавокъ.

Прощай, ангель мой.

Прощай.

Александръ.

Душно и скверно!

161. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

23 ноября (1837).

Я одинъ—отхлынула толпа! Ну, что же это за голосъ, который мрачно, холодно, какъ ледъ, говоритъ укоромъ изъ глубины души? Ты думаешь обо мнѣ... *Думаешь*—какое глупое слово! будто, то, что происходитъ теперь въ твоей груди, называется *думать*. Ты со мною, ты свѣтлая. Я долженъ бы былъ унести восторгомъ въ рай, а тутъ-то этотъ земной голосъ и хрипитъ. Вотъ оно, слѣдствіе необузданныхъ страстей! Двадцать разъ данное слово очистить себя и двадцать разъ нарушенное. Слабость человѣка, который передъ другими людьми имѣетъ ту невыгоду, что понимаетъ добро и зло, дѣлая зло. И гдѣ же тѣнь справедливости? Мнѣ удивляются, меня превозносятъ, оттого что я хитрѣе ихъ всѣхъ, и тѣ же чувства, которыя у нихъ наружу, у меня спрятаны. Добрые люди, когда вы будете умные люди?! А Витберга считаютъ чудакомъ, полумнымъ, потому что онъ дѣйствуетъ прямо, какъ того требуетъ душа; это не льстить самолюбію, а жжетъ его. Нѣтъ, до тебя я все еще погибшій человѣкъ. Вотъ третій годъ продолжается комедія съ Мед., а въ сущности она очень печальна, это—мелодрама. Гдѣ же твердость? Сказалъ, что ли, я ей: «Идите своей дорогой—* любви у меня вамъ нѣтъ, я люблю ангела, и послѣ этой любви, ваша—глупость, нелѣпость или развратъ?» Нѣтъ, я минутно увлекся; она повѣрила моему увлеченью, она пала глубоко, думая подняться, и я началъ плакать надъ тѣломъ, изъ котораго душу вытѣснилъ ногой; и что же, съ тѣхъ поръ я *дѣлалъ намеки*, какъ будто для того, чтобъ сдѣлаться интереснѣе. Ха, ха, ха... а они-то удивляются мнѣ!...

Grâce, grâce pour moi! ¹⁾ Уроды, тѣни, отойдите прочь, раз-дайтесь передъ образомъ небеснымъ, передъ ангеломъ, передъ Наташей. Я ей скажу: «grâce pour moi», и она будетъ молиться обо мнѣ,—о себѣ ей нельзя молиться: она чиста, какъ лучъ солнца, который не дотронулся еще до грязной земли... Прощай, пойду туда, тамъ Полина—чистое дитя, она вѣритъ въ меня, и ея Скворцовъ вѣритъ. А я не вѣрю, а я сознаю въ себѣ безобразную смѣсь изящнаго съ отвратительнымъ. Наташа, можетъ, ты вздумаешь отвѣчать на эти строки, такъ слушай же: отвѣчай не возраженіемъ, а молитвой, а желаніемъ, отвѣчай любовью,—это лучше всего, въ любви все есть. Три года тому назадъ теперь я сидѣлъ на диванѣ, т. е. на постели, одинъ, въ сыромъ казематѣ. И что мнѣ мерещилось въ будущемъ?—Слава наградой за жизнь, дружба наградой за дружбу. А три года ссылки я не предчувствовалъ, а 9 апрѣля еще было въ лонѣ божіемъ. Какъ смѣшна эта слава: статуя блестящая, потому что сдѣлана изъ льда, и которая таетъ отъ солнца, потому что солнце — любовь. Ну, вы, пророки, гдѣ склонится эта голова черезъ три года—гдѣ дышать будетъ эта грудь, умѣющая помѣстить цѣлый рай, огромнѣйшее блаженство—любовь къ Наташѣ и любовь ея, и растерзанная снаружи въ клочья? Гдѣ? Ежели вы знаете, да будетъ проклятіе на васъ, ежели скажете мнѣ; у мѣня украли прошедшее, а ужъ будущее, это—мое владѣнье пополамъ съ Богомъ. Да и на что мнѣ знать? Ужъ тебя-то я увижу навѣрное въ продолженіе этого времени. Остальное—такіе же пустяки, какъ дымъ сигары...

24 ноября.

Я сдержалъ слово и провелъ вчерашній день вдесятеро скучнѣе всѣхъ прочихъ. Только это и хотѣлъ я теперь тебѣ написать.

29 ноября.

Ну, не правъ ли я, что задавалъ пророкамъ задачу о моемъ будущемъ? О, какъ самодержавно провидѣніе ведетъ мою жизнь! Вчера утромъ получилъ я письмо, спокойно развѣрнулъ, прочелъ,—и передо мною путь. Итакъ, я ѣду во Владиміръ! Такъ радоваться, какъ ты, я не могу: 170 верстъ или 1000, все равно тебя ко мнѣ не пустятъ, а ужъ годъ навѣрное тамъ надобно прожить. А, можетъ, отпустятъ меня на нѣсколько дней въ Москву? Боже, неужели это возможно? Это время во Владимірѣ я проведу особен-

¹⁾ Прощенія, прощенія мнѣ!

нымъ образомъ: пусть оно будетъ временемъ очищенія и поста. Одиноко стану я тамъ въ новомъ обществѣ, отклоню всѣ знакомства.

Это будутъ мои 40 дней въ пустынь, ими я заслужу наше свиданье. Ну, прощай, Вятка, всѣмъ сердцемъ благословляю тебя: ты не оставила чуждаго изгнанника, ты дала ему руку и привѣтъ. Благословляю тебя. А вы, друзья, оботрите эту слезу; вѣдь, вы знали, что встрѣтились съ пилигримомъ, что онъ не могъ навсегда остаться съ вами, его зоветъ голосъ сильный. Прощай, Витбергъ, не я буду останавливать страдальческую слезу; прощай, Полина и Скворцовъ,— не я стану съ вами у алтаря; прощай, Эрнъ, котораго я взялъ за руку и вывелъ на другую половину земного шара. Дружба вамъ и благословенье изгнанника! ¹

30 ноября.

Какъ я провелъ вчерашній день и сколько протерпѣлъ,—этого нельзя и сказать. Лишь бы ужъ кончилось все это скорѣе. Слушай: Медв. больна съ тѣхъ поръ, какъ узнала о моемъ отъѣздѣ, и я долженъ смотрѣть на ея страданія, какъ человѣкъ, который бы обокралъ отца семейства, пропилъ бы деньги и послѣ долженъ смотрѣть, какъ тѣ умираютъ съ голода. Утѣшить я не могъ и не хотѣлъ. Ты мнѣ писала однажды: «при разлукѣ не подавай ей надежды». Я такъ и сдѣлалъ. Я говорилъ: покорность провидѣнію и молитва!.. Но, все-таки, я самъ въ своихъ глазахъ униженъ, растерзанъ. Вечеромъ я пошелъ къ Витб. въ кабинетъ и рассказалъ ему *все* и, кончивъ, я всталъ передъ нимъ, какъ осужденный на казнь; да, я хотѣлъ до послѣдней капли выпить униженіе и наказанье, я заслужилъ его; но душа высокая у Витберга. Я ждалъ камень, а онъ бросился въ мои объятія, и мы плакали. Онъ взялся послѣ моего отъѣзда все уладить, т. е. сказать ей о тебѣ. Когда кончился нашъ разговоръ, за которымъ я пять разъ утиралъ холодный потъ, я пришелъ въ свою комнату,—о, тогда я былъ жалокъ, въ самомъ дѣлѣ: блѣдный, руки дрожать, грудь налита огнемъ, даже глаза сдѣлались мутны. Я глубоко страдалъ,—гордость унижена, безхарактерность и преступленіе.

И вотъ, думалъ я, будто этотъ преступный—Александръ Наташиныхъ писемъ. Ха, ха, ха!... Нѣтъ, тяжело, но надобно разъ пройти черезъ все это, и оно уже будетъ прошедшее. А до тѣхъ поръ я еще, можетъ, недѣли три останусь здѣсь, и ежели всякій день будетъ, какъ вчера,—то я занемогу. Разбойника наказываютъ разъ, а это три недѣли пытки.

Но отвернемся же отъ мрачной стороны. По первой почтѣ узнаю я, есть ли надежда побывать въ Москву. Хоть на денька два, взглянуть разъ на ангела и потомъ провести, какъ сказалъ, въ очищеніи время поста. Хорошо, что я переведенъ: надобно было круто перевернуть мою жизнь. — Исторія сватовства, пишешь ты, совсѣмъ кончена, а я знаю, что она продолжается,—напиши объ этомъ. Прощай, время еще есть, но я что-то вялъ, утомленъ.

Прощай, мой ангелъ-хранитель.

Твой Александръ.

◆◆ 1. 14 ноября въ Москвѣ гр. Бенкендорфъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о переводѣ Герцена на службу «для сближенія съ его родственниками, живущими въ Москвѣ». 16-го Николай I положилъ резолюцію: «перевести во владимиръ». На другой день объ этомъ уже знали родные Герцена, а официально шефъ жандармовъ сообщилъ министру вн. дѣлъ лишь 23 ноября.

162. Рѣчь, сказанная при открытіи публичной библіотеки для чтенія въ Вяткѣ, 6 декабря 1837 года.

Милостивые Государи! Съ тѣхъ поръ, какъ Россія въ лицѣ ВЕЛИКАГО ПЕТРА совѣщалась съ Лейбницомъ о своемъ просвѣщеніи, съ тѣхъ поръ, какъ она ЦАРЮ передала дѣло своего воспитанія,—правительство, подобно солнцу, ниспослало лучи свѣта тому великому народу, которому только недоставало просвѣщенія, чтобъ сдѣлаться первымъ народомъ въ мірѣ. Оно продолжало жизнь ПЕТРА, выполненіемъ его мысли, постоянно, неутомимо прививая Россіи науку. ЦАРИ, какъ ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ, стали впереди своего народа и повели его къ образованію. ИМИ были заведены академіи и университеты, ИМИ были призваны люди знаменитые на ученomъ поприщѣ, а они намъ передали европейскую науку, и мы вступили во владѣніе ея, не дѣлая тѣхъ жертвъ, которыхъ онъ стоила нашимъ сосѣдямъ; они намъ передали изобрѣтенія, найденныя по тернистому пути, который сами прокладывали, а мы ими воспользовались и пошли далѣе; они передали прошедшее Европы, а мы открыли безконечный ипподромъ въ будущемъ. Свѣтъ распространяется быстро, потребность вѣдѣнія обнаружилась рѣшительно во всѣхъ частяхъ этой вселенной, называемой Россія. Чтобъ удовлетворить ей, учебныхъ заведеній оказалось недостаточно; аудиторія открыта.

для нѣкоторыхъ избранныхъ, массамъ надобно другое. Сфинксы, охраняющіе храмъ наукъ, не каждаго пропускаютъ, и не каждый имѣетъ средство войти въ него. Для того, чтобъ просвѣщеніе сдѣлать народнымъ, надобно было избрать болѣе общее средство и размѣнять, такъ сказать, науку на мелкія деньги. И вотъ нашъ ВЕЛИКІЙ ЦАРЬ предупреждаетъ потребность народную заведеніемъ публичныхъ библиотекъ въ губернскихъ городахъ. Публичная библиотека, это—открытый столъ идей, за который приглашенъ каждый, за которымъ каждый найдетъ ту пищу, которую ищетъ; это—запасной магазинъ, куда одни положили свои мысли и открытія, а другіе берутъ ихъ въ ростъ. Въ той странѣ, гдѣ просвѣщеніе считается необходимымъ, какъ хлѣбъ насущный—въ Германіи, это средство давно уже извѣстно; тамъ нѣтъ маленькаго городка, гдѣ бы не было библиотеки для чтенія; тамъ всѣ читаютъ: работникъ, положивъ молотъ, беретъ книгу; торговка ожидаетъ покупателя съ книгою въ рукѣ, и послѣ этого обратите вниманіе ваше на образованность народа германскаго, и вы увидите пользу чтенія. Это-то вліяніе вмѣстѣ съ положительной пользой распространенія открытій поселило великую мысль учредить публичныя библиотеки на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ связываются узлы гражданской жизни нашей обширной родины. АВГУСТЪЙШИМЪ утвержденіемъ своимъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ далъ жизнь этой мысли, и въ большей части значительныхъ городовъ ИМПЕРІИ открыты библиотеки. Пожертванія ваши, милостивые государи, доказываютъ, что здѣшнее общество оправдало попеченія правительства. Нѣтъ мѣста сомнѣнію, что святое начинаніе наше благословится Богомъ.

Теперь позвольте мнѣ, милостивые государи, обратиться исключительно къ будущимъ читателямъ; не новое хочу я имъ сказать, а повторить извѣстныя всѣмъ вамъ мысли о томъ, что такое книга.

Отецъ передаетъ сыну опытъ, пріобрѣтенный дорогими трудами, какъ даръ, для того, чтобъ избавить его отъ труда уже совершеннаго. Точно такъ поступали цѣлыя племена; такъ составились на Востокѣ эти преданія, имѣющія силу закона: одно поколѣніе передавало свой опытъ другому; это другое, уходя, прибавляло къ нему результатъ своей жизни, и вотъ составила система правилъ, истинъ, замѣчаній, на которую новое поколѣніе опирается, какъ на предыдущій фактъ, и который хранить твердо въ душѣ своей, какъ драгоценное отцовское наслѣдіе. Этотъ предыдущій фактъ, этотъ-то опытъ, написанный и брошенный въ употребленіе, *есть книга*. Книга, это—духовное завѣщаніе одного поколѣнія другому, совѣтъ умирающаго старца юношѣ, начинающему жить, приказъ, передаваемый часовымъ, отправляющимся на отдыхъ, часовому,

заступающему его мѣсто. Вся жизнь человѣчества послѣдовательно осѣдала въ книгѣ: племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась. Она росла вмѣстѣ съ человѣчествомъ, въ нее кристаллизовались всѣ ученія, потрясавшія умы, и всѣ страсти, потрясавшія сердца; въ нее записана та огромная исповѣдь бурной жизни человѣчества, та огромная автографія, которая называется всемірной исторіей. Но въ книгѣ не одно прошедшее; она составляетъ документъ, по которому мы вводимся во владѣніе настоящимъ, во владѣніе всей суммы истинъ и усилій, найденныхъ страданіями, облитыхъ иногда кровавымъ потомъ; она—программа будущаго. Итакъ, будемъ уважать *книгу!* Это—мысль человѣка, получившая относительную самобытность, это—слѣдъ, который онъ оставилъ при переходѣ въ другую жизнь.

Было время, когда и букву и книгу хранили тайной, именно потому, что массы не умѣли оцѣнить того, что онѣ выражали. Жрецы Египта, желая пламенно высказать свою теодицею, исписали всѣ храмы, всѣ обелиски, но исписали іероглифами, для того, чтобъ одни избранные могли понимать ихъ. Левиты хранили въ святой скиніи небомъ вдохновенныя книги Моисея. Настали другія времена. Христіанство научило людей уважать слово человѣческое; народы сбѣгались слушать учителей и съ благоговѣніемъ читали писанія св. отцовъ и легенды. Слово было оцѣнено, а между тѣмъ мысль окрѣпла, наука двинулась впередъ, ей стало тѣсно въ школѣ, народы почувствовали жажду познаній, не доставало токмо средствъ распространять мысль быстро, мгновенно, подобно лучамъ свѣта. Германія подарила роду человѣческому книгопечатаніе, и мысль написанная разнеслась во всѣ четыре конца міра и отзывалась, тысячу разъ повторенная, въ тысячѣ сердецъ.

Вспомнивъ это, не грустно ли будетъ думать, что праздность можетъ много заставить приходить сюда, вялой рукой оборачивать страницы, какъ будто книга назначена токмо для препровожденія времени. Нѣтъ, будемъ съ почтеніемъ входить въ этотъ храмъ мысли, утомленные заботами вседневной жизни; придемъ сюда отдохнуть душою и, укрѣпленные на новый трудъ, всякій разъ благословимъ нынѣшній день, столь близкій русскому сердцу, столь **ТОРЖЕСТВЕННЫЙ** и съ памятью котораго соединяется *день рожденія* нашей бібліотеки. ¹

◆◆ 1. Эта «Рѣчь» имѣетъ свою исторію. Въ № 135 «Кол.» 1862 г. Герценъ разсказалъ, какъ рѣчь составлялась. Сказавъ ее, Герценъ послалъ печатный экз. Н. А.—нѣ, что видно изъ № 163; въ началѣ января «Рѣчь» появилась вновь, но текстъ ея былъ опять.

исправленъ губернаторомъ. Это второе ея изданіе намъ неизвѣстно. Когда въ 1862 г. министромъ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинымъ, была организована травля Герцена въ легальной печати, первый «выстрѣлъ» (какъ считали тогда враги А. И—ча) былъ сдѣланъ въ Вяткѣ опубликованіемъ текста «Рѣчи». Она появилась съ такимъ примѣчаніемъ редактора Н. Золотницкаго: «Въ 1 № прибавленій къ Губ. Вѣд. 1838 г. обѣщано было передать читателямъ подробности о торжественномъ открытіи Вятской публичной бібліотеки, происходившемъ 6-го декабря 1837 г., а также сообщить рѣчь, произнесенную при этомъ торжествѣ А. Герценомъ. Но обѣщаніе это почему-то осталось почти не исполненнымъ: въ 3-мъ № тѣхъ же прибавленій помѣщенъ только списокъ лицъ, содѣйствовавшихъ устройству бібліотеки, съ показаніемъ сдѣланныхъ каждымъ изъ нихъ въ пользу ея пожертвованій, а рѣчь г. Герцена напечатана отдѣльной брошюрой, которая составляетъ теперь бібліографическую рѣдкость, такъ что одинъ экземпляръ ея, недавно отысканный въ Вяткѣ и доставленный въ редакцію бібліотекою А. А. Красовскаго, едва ли не есть единственный пощаженный временемъ. Въ настоящее время, когда дѣло обновленія Вятской публичной бібліотеки встрѣтило въ здѣшнемъ обществѣ полное сочувствіе, когда каждое событіе изъ прошедшей и настоящей жизни этого учрежденія интересуетъ публику, мѣстная газета считаетъ обязанностью перепечатать рѣчь г. Герцена, какъ для ознакомленія общества со взглядомъ человѣка, принимавшаго въ свое время участіе въ устройствѣ бібліотеки, на назначеніе «этого храма мысли», такъ и для сохраненія на всѣхъ страницахъ матеріала для исторіи бібліотеки». Дальше слѣдовала рѣчь (№ 16 отъ 21 апрѣля).

Если посмотрѣть «Вѣдомости Спб. Городской Полиціи» за 1862, то увидимъ, что вятскій губернаторъ, М. К. Клингенбергъ, былъ въ Спб. въ теченіе двухъ недѣль, въ мартѣ и апрѣлѣ. Невольно напрашивается мысль: не просилъ ли онъ, гдѣ слѣдовало, разрѣшенія опубликовать «Рѣчь» и тѣмъ окончательно, де, унижить Герцена въ глазахъ общества... Во всякомъ случаѣ безъ разрѣшенія изъ Петербурга ни онъ, ни Н. Золотницкій, ни вице-губернаторъ Батуриный, ни, наконецъ, училищный чиновникъ, цензировавшій неофіціальныи отдѣлъ «Вѣдомостей», не посмѣли бы открыто заикнуться о такомъ государственномъ преступникѣ...

Какъ только въ Петербургѣ былъ полученъ номеръ «Вятскихъ Губ. Вѣдомостей», редакторъ «Сѣверной Пчелы», П. С. Усовъ, бѣжитъ къ предсѣдателю цензурнаго комитета, В. А. Цеэ, съ жалобой на цензора, который, случайно не зная распоряженія Головнина, не разрѣшилъ перепечатку «рѣчи». Жалоба, конечно, уважена, и

9-го мая въ «Сѣверной Пчелѣ» «Рѣчь» появляется дословно. Никакихъ комментаріевъ пока не было. Только позже, 30-го мая, въ передовицѣ объ извѣстной статьѣ Чернышевскаго «Научились ли?», очень нетонко поставивъ Н. Г. за одну скобку съ вышедшей тогда прокламаціей «Молодая Россія», въ которой указывалось на отсталость Герцена, — «Сѣверная Пчела» пояснила и свою цѣль, и отношеніе передового общества къ гнусной выходкѣ:

«Это намъ не прошло даромъ» — писала она. «Изъ того же лагеря, въ которомъ «отсталость» его признается все болѣе и болѣе несомнѣнно, мы услышали (непечатные, конечно) упреки за помѣщеніе этой рѣчи. Спрашиваемъ всѣхъ благомыслящихъ людей: чѣмъ компрометированъ Герценъ оглашеніемъ рѣчи, которую онъ произносилъ, будучи чиновникомъ вятскаго губернатора? Ни одной мысли нечистой, ни одного выраженія, не оправдываемого обстоятельствами, при которыхъ была произнесена рѣчь; тонъ благородный и честный, слово сильное и убѣдительное. Эту рѣчь мы перепечатали изъ «Вятскихъ Губ. Вѣдомостей», какъ документъ, и придаемъ этой рѣчи два важныя, по современнымъ обстоятельствамъ, значенія: 1) призваніе людей къ почтенію, которое человѣкъ обязанъ оказывать наукѣ, и 2) указаніе, какъ Герценъ держалъ себя тогда въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя онъ былъ поставленъ, и въ нихъ умѣлъ служить частному дѣлу, не драпируясь ни въ какія багряныя тоги и никого не увлекая къ опаснымъ занятіямъ, въ извѣстныхъ условіяхъ положительно вреднымъ».

Точка надъ «і» была, такимъ образомъ, поставлена...

Интересенъ разсказъ Цеэ о дальнѣйшихъ перипетіяхъ.

«Въ самый день появленія «Рѣчи» въ «Сѣверной Пчелѣ» получилъ я записку отъ шефа жандармовъ, кн. В. А. Долгорукова, въ которой онъ меня убѣдительно просилъ захватить къ нему въ тотъ же день, что я и исполнилъ. Князь встрѣтилъ меня крайне встревоженный, съ вопросомъ, кто тотъ злополучный цензоръ, который разрѣшилъ перепечатать въ «Сѣверной Пчелѣ» статью изъ «Вятскихъ Вѣдомостей», повторяя нѣсколько разъ, что нельзя допускать, чтобы имя государственнаго преступника упоминалось въ печати. Я ему отвѣчалъ, что здѣсь дѣло идетъ не о государственномъ преступникѣ, а о журналистѣ, котораго имя упоминается ежедневно въ обществѣ и котораго статьи читаются нарасхватъ, хотя и тайно; что статья пропущена не цензоромъ, а мною, подъ личною моею отвѣтственностью, и что я его убѣдительно прошу, повременить своимъ сужденіемъ объ этой статьѣ — не болѣе одной недѣли, т. е. до полученія слѣдующаго номера «Колокола» изъ Лондона. Князь В. А. Долгоруковъ былъ человѣкъ въ высшей степени

благородный и согласился на мое предложеніе и, прочитавъ въ слѣдующемъ номерѣ «Колокола» желчныя нападки Герцена на «Сѣверную Пчелу» за напечатаніе старинной статьи, столь нелестной для его самолюбія и идущей въ разрѣзъ съ его нападкамі на наше высшее правительство, при свиданіи сказалъ мнѣ: «Извиняюсь передъ вами, вы были правы, вамъ и книги въ руки» («Рус. Старина» 1897 г., XI, 275—277) ¹⁾.

Ясно, что Головинъ готовилъ сюрпризъ даже шефу жандармовъ... Немедленно вслѣдъ за «Сѣв. Пчелой» реакціонная печать воспользовалась «прекраснымъ случаемъ» напомнить о Герценѣ.

Подробности похода печати противъ Герцена и участія въ немъ Головнина будутъ разсказаны мною подъ 1862 годомъ.

163. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

1 декабря 1837.

Вятка.

Ну, здравствуй, милый другъ, ангель! Черная хандра миновала. Я выглянулъ на дворъ. Солнце играетъ по льду, свѣтло; я взглянулъ на душу—твой образъ, свѣтло и тамъ. О, такого прилива мрачныхъ думъ, такого демона еще ни разу не было въ моей душѣ. Съ 14 до 1-го я былъ какой-то Чайльдъ-Гарольдъ. Я похудѣлъ въ это время, но переломъ прошелъ. Теперь я только понялъ, что свѣтлая заря возвращенья уже дотронулась,—я, вѣдь, тѣ дни не понималъ, что такое значить Владиміръ. Это—первый шагъ, это—800 верстъ меньше, это—прямое указаніе, что меня прощаютъ. Наташа, ну, ежели въ самомъ дѣлѣ съ меня снимуть надзоръ?! тогда—понимаешь ли ты эту фразу?—тогда къ *марту тысячу я въ отпуску*. Декабрь, январь, февраль, мартъ—это мѣсяцъ, въ который я родился. 29 марта 1834 ²⁾ прочтена высочайшая конфирмація. Итакъ, 1837 годъ хотѣлъ исправиться на 12 томѣ; я хорошо проведу время во Владиміръ. Я буду молиться, я буду вѣчно одинъ, т. е. вѣчно съ тобой, я буду писать, когда душа полна, и вамъ, вятскіе друзья, удѣлю я воспоминаній, да и они меня не забудутъ. Винять людей—вздоръ! всегда надобно себя винить. Человѣкъ чуть съ теплой душой—и тотчасъ его окружать любовью.

¹⁾ Номеръ (135-й) «Колокола», въ которомъ Герценъ помѣстилъ свое «Личное объясненіе» по поводу перепечатки «Пчелой» его рѣчи, вышелъ 1-го юня н. ст.; слѣдовательно, въ Петербургѣ былъ не ранѣе 28—29 мая ст. ст., т. е. черезъ три недѣли, а не черезъ *недѣлю* со дня перепечатки.

²⁾ 31 марта 1835 г.

Мед. воскресла; въ женскомъ сердцѣ есть много силы, ежели достанетъ только рѣшимости употребить ее. Она мнѣ писала; она поняла, отчего мои страданія; она говорить, что все кончено, Богъ ее укрѣпилъ и что она отдается вся воспитанію своихъ дѣтей и съ ними, беззащитная, будетъ искать пропитанія... Нѣтъ, не беззащитная, это вздоръ! Теперь я подамъ ей руку, теперь она увидитъ, для кого она сдѣлала жертву; о, до послѣдней капли крови я ей другъ послѣ этого! Лишь бы она выдержала характеръ. Ну, Наташа, все намъ помогаетъ. Дивенъ Богъ! Забудь два послѣднихъ письма,—ихъ диктовала взволнованная кровь. Зачѣмъ же ты такой огромный смыслъ придала двумъ словамъ, сказаннымъ въ минуту негодованья на себя, т. е. *я—не ты?* Въ эти минуты точно, *я—не ты*. Ну, да что объ этомъ говорить; сегодня я выздоровѣлъ, отеръ голову отъ пота, который выжимали мысли ядовитыя, и вздохнулъ легко. Только боюсь совсѣмъ предаться радости. Ну, какъ надзоръ оставленъ, а этого до Владиміра едва ли узнаешь. Я ѣду отсюда черезъ 10 дней, по полученіи повелѣнія (оно еще не получено); итакъ, ты можешь примѣрно знать, когда я уѣду и гдѣ буду. Изъ Нижняго буду писать, изъ Мурома тоже... Впрочемъ, ежели не получишь письма, то не безпокойся: я помчусь на почтовыхъ и, можетъ, придется ночью проскакать по городу. Ежели 3 числа придетъ, то ужъ навѣрное 15 я обниму здѣшнихъ друзей и въ повозку; на дорогѣ четыре дня, много пять. Итакъ, я буду имѣть честь поздравить Васъ, Наталья Александровна, съ высокаторжественнымъ праздникомъ Рож. Хр. изъ Владиміра особымъ письмомъ, ежели Вы позволите. Ну, прощай, сестра, другъ, прощай. Пойду куда-нибудь; хочется воздуху, ну, пошире чтобъ было, нежели въ комнатѣ.

Вчера были именины Скворцова, и Полина была тамъ. Ахъ, Господи, какъ не пристала невѣста къ холостой квартирѣ. Хорошо, что ты заранѣе взяла мѣры и привыкла къ моимъ комнатамъ. А гдѣ ты, въ какихъ комнатахъ будешь ты невѣстой у меня? Въ той ли, которую мы такъ любимъ по тысячѣ воспоминаній,—знаешь, моя полутемная съ выходомъ въ садъ? или этотъ домъ *будетъ чужой?* Это слово что-то опять обдало морозомъ. Ну, стало, перестать писать.

2 декабря.

Александръ Лаврентьевичъ хотѣлъ знать, кто ты. Чтобъ долго не рассказывать, я прочелъ ему два письма.—въ письмахъ ты чрезвычайно ясна. Онъ слушалъ долго, когда я уже пересталъ читать, и, наконецъ, съ восторгомъ и слезами сказалъ мнѣ: «Это ан-

гель-хранитель, котораго Богъ послалъ вамъ»; Наташа.... что я чувствовалъ въ это время! Мы обнялись. «Напишите же ей», прибавилъ онъ, и слезы капали на мою руку, которую онъ держалъ, «напишите, что Витбергъ въ Вяткѣ молится за нее и за ея Александра и что онъ душою желалъ бы увидѣть Наташу» (и онъ тебя зоветъ Наташей). Ну, толпа, что вы противопоставите такой минутѣ? Какъ безоблачно, свѣтло было на душѣ! Ежели ты рѣшишься, то вложи ему особую записочку ко мнѣ въ письмо (хотя и во Владимірѣ—нужды нѣтъ), поблаговари его, ты понимаешь.—Когда-то ты увидишь эту благородную развалину громомъ разбитаго зданія? Или неужели мы теперь съ нимъ разойдемся и навсегда? А Богъ вѣсть,—моя жизнь идетъ такъ странно, такъ мудрено.... что впередъ ничего не знаю. Да, не шла моя жизнь по битой дорогѣ. Теперь оканчивается одна изъ главъ ея. Обернемся опять назадъ, опять взглянемъ на прошедшее. 20 іюля 1834 считаютъ за несчастіе, а это былъ первый шагъ къ жизни духовной и гармоніи; вотъ какимъ путемъ надобно было провести мою неугомонную душу, чтобъ сравнять ее съ тобою. Витбергъ правъ; онъ вчера говорилъ: «я не знаю силы въ мірѣ, которая бы могла укротить вашъ бурный, порывистый нравъ, я уже отчаявался въ этомъ... но теперь вижу: съ ея сильной и религіозной душою она спасетъ васъ». И 9 мѣсяцевъ тюрьмы были необходимы, чтобъ я понялъ этого ангела!... Ахъ, неужели мой отецъ не пойметъ, что ты сдѣлала для меня!... Дай намъ увидѣться во Владимірѣ! На колѣняхъ буду я его умолять,—онъ меня очень любитъ. Господи! я, осыпанный твоими милостями, я еще дерзаю молить къ тебѣ: облегчи мнѣ этотъ шагъ, который дѣлается подъ святымъ благословіемъ твоимъ.

Наташа, радуйся, и я начинаю понимать, что такое молитва. Получивъ извѣстіе о переводѣ и видя, какъ это поразило Мед., я содрогнулся, пришелъ въ свою комнату, завернулся въ ерчакъ и бросился на диванъ. Меня била лихорадка, униженнымъ, преступнымъ, *недостойнымъ тебя* казался я. Тяжело мнѣ было (ты это ужъ видѣла изъ прошлаго письма)... Тогда я вспомнилъ молитву; я обратилъ глаза къ небу и просилъ милосердія. Горячими слезами выкупалъ я свой проступокъ,—раскаянье полное, чистое наполняло душу,—я молилъ Его, чтобы Онъ вывелъ меня изъ этой бездны, молилъ, чтобъ Онъ ей далъ силу. И молитва моя дошла: сильный всталъ я, и тутъ явилась у меня рѣшимость сказать Витбергу,—это была исповѣдь. О, какъ облегчаетъ душу высказанная тяжкая истина,—она ядомъ проникаетъ въ каждую жилу. И Витбергъ принялъ эту исповѣдь не какъ судья, а какъ братъ, не презрѣніемъ, а любовью. Это все произвела молитва, и послѣ—рѣшимость самой М.

(не знаю только, сладить ли она), и это оттуда же. И теперь будто ужъ я вполонину и загладилъ. Два года этотъ ядъ гулялъ по моему сердцу, теперь только начинаетъ онъ ослабѣвать. А любовь, любовь... Я на всѣхъ смотрю съ какой-то нѣжностью; гдѣ эта жесткость характера, въ которой меня всегда обвиняли? и все хочется говорить о тебѣ. Какъ хорошо, что Витбергъ знаетъ; свѣжую мечту несу я ему; я теперь безпрестанно могу говорить о тебѣ. Наташа, ангель мой... Нѣтъ, этого не скажешь, тутъ не слово—взглядъ. Другіе тебя называютъ ангеломъ, какъ же назову я тебя?... Чудное дѣло: ужасно хочется плакать, а я не привыкъ къ слезамъ; можетъ, слеза моя яснѣе бы сказала, чтò я хочу выразить.

Полина и Скворцовъ въ отчаяніи отъ моего отъѣзда, но Полина мнѣ вчера сказала: «какъ навернется у меня *слеза печали*, такъ и сотру *слезою радости*, вспомнивъ, что, можетъ быть, вы увидите Наташу»... Да, это-то и называется *жить*; напиши подробный журналъ всякаго дня, и никто не повѣритъ, всякій приметъ за выдумку, потому что умные люди живутъ *умно*, а глупые не поймутъ. Но зато, можетъ, страницы эти попались бы юношѣ, — онъ извергъ, ежели кровь не выступитъ въ ланиты, и глаза будутъ сухи... Прощай!.. А, вѣдь, я, право, сумасшедшій.

7 декабря.

Высочайшаго повелѣнія еще нѣтъ и, слѣдственно, до 12 или 13 дек. ждать нельзя. Уговариваютъ меня праздники пробить здѣсь, но я сомнѣваюсь. Вчера я читалъ рѣчь публично; хотя въ ней большого толка и нѣтъ, но посылаю тебѣ (черезъ папеньку) *самый тотъ* экземпляръ, по которому я читалъ.¹⁾..... Медв. больна, ея положеніе ужасно: дѣтей принять въ казенное зав. отказали.

Я сегодня утомленъ отъ вчерашнихъ рукоплесканій²⁾. Прощай, мой ангель-хранитель. Прощай. Цѣлую тебя, твою руку.

Твой, здѣсь и тамъ, Александръ.

164. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

9 декабря 1837.

Вятка.

Ангель мой! Я ужасно утомленъ; такое множество мыслей, проектовъ, и все это такъ быстро. Знаешь, какъ въ лѣтній день несутся гряды облаковъ: то покроютъ небо, и сдѣлается темно, то

¹⁾ См. № 163.

²⁾ На открытіи бібліотеки.

клокъ лазури выкажется, то примуть форму чудовища, то чего-то таинственнаго, то окружать солнце, и свѣтъ его еще сильнѣе отъ ихъ тѣни. Это солнце, этотъ свѣтъ—ты. А остальное несется вихремъ, бурею; только оно одно тихо, спокойно смотритъ съ своей высоты. Часто думаю я о моей встрѣчѣ съ папенькой. Да, тайна наша должна быть высказана. Мнѣ становится тягостно жить безъ тебя: ты, ангелъ, посланный мнѣ небомъ, должна быть безпрерывно тутъ.—Жуковскій читалъ «I Maestri», желалъ бы знать мнѣніе поэта. Арсеньевъ отвѣчаетъ на то письмо, что въ концѣ января подастся представленіе обо мнѣ государю отъ наслѣдника. ¹ Посмотри, Наташа, какъ внезапно все перемѣнилось; посмотри, эти надежды стали такъ близко, что ихъ нельзя уже разглядѣть,—и какъ нежданно подкрались онѣ. Я все еще отчетливо не понимаю эти слова: отъѣздъ, Владиміръ, представленіе, отпускъ. Я ровно ничего не дѣлаю, сижу цѣлые часы и думаю, беру книгу и ничего не понимаю.

10 декабря.

Буря бьетъ корабль; туманъ, мгла; уже готовы всѣ на гибель; вотъ кормщикъ палъ на колѣни—молится. Мгла разсѣвается, и желтая полоса берега вырѣзывается изъ-за нея. Но каковъ этотъ берегъ, близко ли отъ него родина?... Наташа, возьми разомъ мои письма, съ начала ноября и до нынѣшняго,—да тутъ цѣлая жизнь: и отчаянные стоны, и крики радости, и утомленіе души, и ея восторгъ,—а *тысяца нѣтъ*. Иногда мнѣ всѣ наши мечты кажутся такъ быточными, такъ близкими, что духъ занимается.

Сегодня я видѣлъ во снѣ благословеніе пап.; тебя не было, но онъ съ улыбкой благословилъ меня и сказалъ, что онъ давно знаетъ. Если-бъ!! А иногда я возвращаюсь къ той ужасной мысли, что все это—наказаніе за ту несчастную ¹). Можетъ быть, она совсѣмъ не отъ этого больна, но ея болѣзнь преслѣдуетъ меня. Нѣтъ, надобно скорѣе ѣхать. Увидимъ, придетъ ли завтра повелѣніе.

13 декабря.

Итакъ, во Владиміръ!

Кажется, это *последнее* письмо изъ Вятки. Какъ ждали мы этого *последняю*. Но оно только послѣднее изъ Вятки, а разлука, все-таки, нѣма, тупа, гнетуща... Бумага пришла, о надзорѣ ничего не сказано въ ней, и я ѣду безъ жандарма. Вѣроятно, 22 числа пушусь въ путь. Ну, что-то будетъ? перемѣна, обновленіе,—а все черныя полосы пересѣкаютъ лазурь.

¹) Медвѣдева.

Письмо отъ тебя получилъ,—ты все моя прелестная, дивная подруга! Отвѣчать теперь не стану, я что-то полонъ и пусть. Не знаю, что со мною дѣлается; придетъ минута, я такъ радостно смотрю на тебя, такъ исполненъ жизни и любви, а черезъ минуту—саванъ и гробъ. Эта мысль теперь очень часто у меня. Да, чужіе мы здѣсь, лишь бы вмѣстѣ. Нѣтъ, прощай, земля и люди! Здѣсь слишкомъ тяготить все. Но вмѣстѣ, вмѣстѣ!

О, Наташа, ты права, писавши однажды, что, можетъ, ты сгорѣла бы, приблизившись ко мнѣ. Да, я дышу огнемъ: у меня вмѣсто крови огонь, вмѣсто мыслей огонь. Какъ я прижалъ бы тебя къ моей kloкочущей груди, Natalie... Да и этотъ-то огонь сожжетъ самого меня, онъ не вымѣренъ по груди человѣческой. Я долженъ умереть, потому что нельзя вынести разомъ это блаженство—любовь ангела, и это несчастье—разлуку и преграды, потому что душа, испытавшая радость неба, не хочетъ больше земли, потому что я твой Александръ, а тебѣ душно и тѣсно здѣсь. — Полина поздравляетъ тебя съ *сближеніемъ*; я остановлюсь и погожу поздравлять съ этимъ. Посмотримъ, что будетъ, а тамъ ужъ радоваться.

Твой Александръ.

14 декабря.

Ну, прощай же, прощай городъ, въ которомъ прошли почти три года моей жизни. Вѣроятно, мы съ тобой не увидимся. О, съ какимъ чувствомъ ненависти я смотрѣлъ иногда на твои стѣны! разстанемся en bons amis ¹⁾. *Здѣсь* я узналъ, что такое униженіе, *здѣсь* я долженъ былъ поклониться чудовищному Калибану ²⁾—паукъ и гѣна вмѣстѣ. У меня въ головѣ кружилось, и грудь стенала,—а выбора не было; здѣсь встрѣтилъ я дѣвочку съ ребячьей душою и съ огненными глазами ³⁾; я взлелѣялъ ее, бросилъ огонь въ ея душу и ходилъ за ея душою, какъ за цвѣткомъ, и здѣсь же я встрѣтилъ юношу ⁴⁾, не знавшаго ни силы своей, ни цѣны,—и ему огненное крещеніе, и тогда я подвелъ юношу къ этой дѣвушкѣ. И они будутъ счастливы цѣлую жизнь! Здѣсь стоялъ я у изголовья несчастнаго Витберга, здѣсь видѣлъ поэта во всей славѣ—Жуковского. Здѣсь, наконецъ, я встрѣтилъ лилію, растающую на гробу, и сорвалъ ее для того, чтобъ насладиться запахомъ, и задушилъ ее..... ⁵⁾ От-

¹⁾ Добрыми друзьями.

²⁾ Тюфяевъ.

³⁾ П. Тромпетеръ.

⁴⁾ А. Е. Скворцовъ.

⁵⁾ Медвѣдева.

сюда понесу я воспоминанья, переплетенныя дружбой, на черномъ фонѣ сукна, которымъ покрываютъ плаху. Но здѣсь же пламенно и чисто мечталъ я о тебѣ, здѣсь лилися слезы, которыя еще едва обсохли. Странно, мысль смерти все яснѣе, чище дѣлается въ моей головѣ. Будто мы не довольно жили и будто намъ *здѣсь* еще есть будущее. О, Наташа, какъ ты высока въ послѣднемъ письмѣ, говоря, чтобъ друзья не оплакивали насъ тогда. Но наше время еще не пришло; хоть одну гармоническую страницу, хоть одинъ день поэзіи и любви, безъ всякой примѣси посторонняго.

Все мелкое, земное сдунулось съ меня въ послѣднее время,— я опять поэтъ. Но раны не зажили, кровь струится. Ангелъ, прилети ко мнѣ, отвѣй твоимъ дыханіемъ черныя образы.

Наташа, надѣйся, — легко возможно, что я весною буду въ Москвѣ! Какъ при этомъ словѣ расширяется душа, вмѣщаетъ небо и землю, и сама пропадаетъ въ безконечности, то есть въ любви. Любовь, любовь! Кромѣ любви, нѣтъ ничего.

Да, многіе горячими слезами оплачутъ мой отъѣздъ. Друзья, въ сущности, я вамъ совсѣмъ ненуженъ. Моя жизнь совершилась, она кончена. Посмотрите, вонъ тамъ далеко стоитъ ангелъ съ улыбкой,—его Богъ послалъ, чтобъ принести туда мою душу.

Александръ.

◆◆ 1. Вѣроятно, переводъ во Владиміръ не удовлетворилъ К. И. Арсеньева и Жуковского: они хлопотали у наслѣдника о переводѣ въ Москву и заручились его согласіемъ просить объ этомъ Николая I въ январѣ. Однако, или ничего этого не было сдѣлано, или государь отказалъ своему сыну.

165. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Декабря 15-го (1837).
Вятка, въ послѣдній разъ

Душа моя, вмѣсто 22 я ѣду 26 утромъ, рано. Витбергу такъ хотѣлось, чтобъ я провелъ первый праздникъ съ ними, что я отложилъ, но 26 рѣшительно и непремѣнно ѣду; слѣд., 27 къ ночи въ Яранскѣ, 29 въ Нижнемѣ и 31 во Владимірѣ. Новый годъ — и отъ доски до доски все новое.

Декабря 18-го, суббота. Смѣхъ съ моимъ путешествіемъ! Теперь губернаторъ ¹⁾ хочетъ, чтобъ я 26-го вечеръ провелъ у него; итакъ,

¹⁾ А. А. Корниловъ.

оно опять сутками отдалилось. А я что-то все это время пусть: скучныя хлопоты, всякіе вздоры, безпрестанныя посѣщенія.—Когда пап. пріѣдетъ во Владиміръ, я ему лично вручу письмо, ибо при разговорѣ онъ можетъ остановить на первой фразѣ, а письмо долженъ прочесть. Ну, какъ-то развяжется этотъ узелъ, который въ нашей жизни любви сплели всѣхъ родовъ несчастія? Сегодня будутъ письма; но ужъ отъ тебя не жду. Не знаю, предчувствіе или что, но всякій вечеръ на меня налетаетъ мрачная грусть и давитъ тяжелымъ камнемъ. Ахъ, ужъ лишь бы намъ взглянуть другъ на друга, лишь бы разъ вперить взоръ мой въ твой взоръ, обращенный на меня, и—согласенъ съ тобою—отдать жизнь и все; нѣтъ, жить слишкомъ тяжко.—Ты, я думаю, давно мечтаешь, что я на дорогѣ; но скоро, скоро.—Правда, со мною многого лишаются здѣшніе друзья!

Декаб. 19. Твое письмо отъ 11-го.—Я растерзалъ душу твою моимъ письмомъ отъ 30 нояб... Все письмо твое писано съ нѣкоторымъ негодованіемъ. Прости меня, ангелъ, прости, божественная. Вспомни, я тебя разъ спросилъ: была ли бы ты счастливѣе, болѣе ли бы любила меня, ежели-бъ душа моя была ясна, чиста? Ты говорила—нѣтъ. Неси же слѣдствія этой судорожной души,—вотъ она своими болѣзненными изломанными голосами и вливаетъ грусть въ твою ангельскую душу. Но теперь ужъ эта болѣзнь миновала. И ты говоришь: «на что я тебѣ и на что моя любовь»? Наташа, неужели ты не знаешь, на что ты мнѣ и на что твоя любовь! Послѣ этого и Богъ можетъ спросить вселенную, на что онъ ей. Зачѣмъ написала твоя рука эту холодную, мертвую строку?

Опять сватовство!.. Да скажи ему прямо: неужели онъ и этого не стоитъ. ¹ Ты права, Natalie, права: нѣтъ намъ удѣла здѣсь; итакъ, пусть наша жизнь будетъ приготовленіе къ *одному* свиданью и къ вѣчному соединенію тамъ, гдѣ нѣтъ времени.—Отъ Тат. Петр. получилъ письмо; вспомнилъ бывшее; я друженъ съ ней *былъ*, вспомнилъ это время розовое. И вдругъ обернулся на настоящее. Одно свѣтлое въ моей жизни, это—ты, ангелъ, это твоя любовь (на что мнѣ твоя любовь??) и остальное мрачно, черно.—Боже, когда же исполнится мѣра страданій, назначенныхъ намъ! Прощай.

Твой Александръ.

21 декабря. Всѣ меня упрасиваютъ отложить до Новаго года отъѣздъ, но я не согласенъ: внутренній голосъ говорить: «поѣзжай», и я поѣду. А зачѣмъ? Куда я тороплюсь?—Туманъ, изъ-за котораго ничего невидно. Но тамъ, во Владиміръ я могу *четыре раза* въ недѣлю имѣть вѣсть отъ тебя, могу четыре раза писать къ тебѣ, и мое письмо свѣжее, теплое отъ моего дыханія на другой день будетъ

прилетать отогрѣвать тебя. И душа моя покойнѣе будетъ тамъ; сверхъ этого, я хочу ѣхать отсюда, чтобъ грусть разлуки съ друзьями была уже въ прошедшемъ. Оттуда я могу слѣдить шагъ за шагомъ проклятую исторію съ женихами. Сегодня цѣлую ночь снилась мнѣ ты — и такъ хороша, такъ мила! Неужели еще годъ пройдетъ до нашего свиданья? а можетъ, мнѣ можно будетъ пріѣхать не въ Москву, а къ вамъ въ Загорье? Ахъ, ежели-бъ мнѣ удалось склонить папеньку! Боюсь и мечтать, и тогда ты пріѣхала бы ко мнѣ во Владиміръ! Цѣлые часы, дни сидѣли бы мы другъ съ другомъ. И все это необъятное блаженство въ рукахъ отца, и неужели рука его не дрогнетъ задушить цѣлую будущность свѣта и рая! Я не могу послѣдовательно писать. Кипитъ кровь, волнуется душа.

Новая фаза жизни начинается! Скорѣй перевернемъ страницу, а, ежели она еще чернѣе,—все равно до дна пьемъ чашу.

А какъ грустятъ обо мнѣ Витб., Полина и Скворцовъ... Много былъ я имъ, послѣ меня останется огромное пустое мѣсто. Что-жъ дѣлать,—они знали, что встрѣтились съ пилигримомъ, что его путь не оконченъ; они должны были въ день первой встрѣчи подумать о днѣ разлуки. Когда ты получишь это письмо (28), я, *вѣроятно*, буду верстахъ въ ста отъ Вятки,—ангелъ, твое благословеніе на дорогу.

◆◆ 1. Н. А.—на извѣщала, что 8 декабря снова возобновились разговоры о желаніи Снаксарева быть ея мужемъ, но 12-го уже сообщала, что это—пустые слухи.

166. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Декабря 27 (1837)

Опять Вятка.

Ангелъ, мой!—вотъ такую я тебя люблю! о, какъ прелестно твое письмо отъ 18-го! Ангелъ, ангелъ! Другъ мой, дай твою руку, я ее прижму къ сердцу, дай твои уста, я напечатлѣю на нихъ поцѣлуй любви чистой, неземной.—Витбергъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ слезами омочилъ твое письмо, и я видѣлъ это. Какъ ты высока, изящна; Наташа, съ тобой я спасенъ, съ тобой я выше чело-вѣка. Тебѣ странно покажется, что я не писалъ къ тебѣ въ праздникъ,—я ушибся, и у меня болѣла голова, а вчера я ѣздилъ съ визи-тами. Замѣть, я у васъ упалъ на полу 25 дек. 1833, а въ казармахъ упалъ съ лѣстницы 25 дек. 1834; наконецъ, 25 дек. 1837 я ушибъ себѣ голову, — что за странное повтореніе. Отъ этого я и не поѣхалъ 26, ибо очень непріятно съ головою болью ѣхать по

вятскимъ *ныркама*. Можетъ, поѣду послѣ завтра, потому что завтра на балу у губернатора. Впрочемъ, я не тороплюсь — ранѣ ли, позже ли нѣсколькими днями во Владимірѣ—это все равно, а мнѣ жаль здѣшнихъ друзей. Жаль Витберга; хотя онъ, закованный вѣчно въ свое монументальное величіе, и старается скрыть горестъ, но она прорывается. А тамъ Полина и Скворцовъ... мнѣ кажется даже, что я не могу любить ихъ наоборотъ столько. Представь себѣ, что Сквор. на дняхъ сказалъ мнѣ со слезами на глазахъ: «Герценъ, будь веселъ въ день твоего отъѣзда, а то, ежели и ты будешь грустенъ, я не знаю, что со мною будетъ». Вотъ какая симпатія сопровождаетъ твоего Александра. *Твой* Александръ и долженъ находить ее повсюду, *тобою* изящный, высокій. Не отнимаю твоихъ надеждъ на папеньку и не утверждаю въ нихъ. Увидимъ!

Вся жизнь моя во Владимірѣ, которая, кажется, недолго продлится, будетъ посвящена одному поклоненію Наташѣ; тамъ издали я помолюсь ангелу, тамъ буду очищать душу, ибо буду одинъ. Такъ пилигримъ останавливается, не доходя Іерусалима, гдѣ-нибудь въ Еммаусѣ и проситъ Господа прощенія прошедшаго и милости коснуться гроба Христова; такъ оmyваетъ онъ пыльное тѣло въ водѣ Іордана, и съ пылью сливаются съ него пятна. Лишь бы по силамъ былъ срокъ—о, какъ тягостно видѣть вблизи возможность и ограничиваться одной возможностью. — Я буду писать во Владимірѣ; звуки настрадавшейся души, болѣзнь и судорогу сердца надобно вылить на бумагу; это будутъ тѣни, а сама картина—блаженство любви, блаженство, которое вноситъ ангелъ въ душу человѣка. Да, этой высотѣ, можетъ, не противостоитъ холодной взоръ папеньки. Люди удивительны. Я не знаю жертвы, которой онъ не сдѣлалъ бы для меня, а тутъ и жертвы не требуются, и *всѣ выгоды* съ его стороны. А поневолѣ голосъ сомнѣнія пронзительно свищетъ среди аккордовъ любви. А въ сущности намъ до этого дѣла нѣтъ, заботы о внѣшнемъ унижаютъ любовь. Ежели Творцу угодно было, чтобъ мы здѣсь были соединены, мы будемъ соединены, ежели нѣтъ, мы увидимся (этимъ я не могу пожертвовать) и—умремъ! И наша жизнь отдастся назадъ такъ полною, какъ ежели-бъ мы прожили 500 лѣтъ. Ты говоришь: «широкій свѣтлый, *одинъ путь*», а какое дѣло, сколько верстъ по этому пути, хотя бы онъ былъ пройденъ въ одно мгновеніе.—Совершенно! Но до него я не хочу слушать о смерти. Это совсѣмъ не чувственное желаніе тебя поцѣловать, упиться твоими прелестными чертами, обвить руку около твоего стана. О, нѣтъ! *Узнать* то, чего нельзя сказать перомъ, послушать тѣхъ звуковъ, которые льются изъ взора... нѣтъ, нѣтъ, это не чувственное, не вещественное желаніе.—Ты понимаешь!

28 декабря. Все готово. Завтра утромъ обниму друзей, пролью слезу имъ, другую той несчастной ¹⁾ и—въ повозку. Когда ты получишь письмо, я уже буду во Владимірѣ; впрочемъ, новый годъ, вѣроятно, буду въ Нижнемъ. Прощай, мой ангелъ! Съ молитвою къ Богу, съ молитвою къ тебѣ на устахъ проѣду я эти 800 верстъ.—Ну, друзья, утрите же и вы слезы... хоть моими слезами.

Прощай, Вятка! Благословеніе изгнанника на тебѣ!

Прощай, ангелъ—ахъ, если-бъ до свиданья. ¹

Твой Александръ.

◆◆ 1. Высочайшій приказъ о переводѣ во Владиміръ, въ канцелярію гражданскаго губернатора состоялся 30 ноября 1837 г. 29 декабря Герценъ выѣхалъ изъ Вятки въ сопровожденіи Витберговъ, Полины Тромпетеръ, Скворцова, Эрна, Бѣляева, Машковцевыхъ и др., простившихся съ нимъ на станціи Бахта.

При прощаніи Герценъ поцѣловалъ руку Витберга. «Разставаніе въ Бахтѣ запечатлѣлось кровью,—писалъ ему Витбергъ;—этакого случая со мною еще не было, т. е., крѣпко прижавши васъ поцѣловать, разсѣкъ себѣ верхнюю губу объ ваши зубы. Дай Богъ, чтобы знакомство наше осталось дѣйствительно кровнымъ, родственнымъ по духу. Письмо ваше изъ Яранска, привезенное Эрномъ, къ удивленію моему, подтвердило поступокъ вашъ съ моею рукою, который я принялъ на Бахтѣ за разгоряченіе отъ шампанскаго. Чувства Ваши сильны, я не могъ не прослезиться при чтеніи этого письма, но неужели оттого, что пріятно самолюбію? Боже сохрани, нѣтъ; совсѣмъ другое, другое меня приводитъ въ умиленную радость или, лучше сказать, въ нѣкотораго рода блаженное созерцаніе: вы хотѣли доказать мнѣ чувства сыновней любви, дружбы и проч.; это-то именно и драгоценно мнѣ, но не такъ, какъ съ перваго взгляда буквально понимать можно. Слушайте же: отъ васъ будетъ зависѣть теперь осчастливить меня и себя большимъ благомъ,—благомъ, превышающимъ все земное, мнимое благо. Если сѣмя, мною посѣянное,—сколько то по недостойнству моему и слабому разумѣнію я сдѣлать успѣлъ,—возрастетъ въ васъ, любезный А. И., и принесетъ духовные плоды,—что на языкѣ христіанскомъ называется обращеніемъ, т. е. совлещись ветхаго человѣка, Адама, и облачиться въ новаго человѣка, Христа,—тогда съ величайшею радостью обლობызаю васъ, какъ сына, котораго тогда дѣйствительно родилъ *я во духовную жизнь*» («Рус. Стар.» 1897, XII, 479).

¹⁾ Медвѣдева.

Библиографическій комментарий.

(Сокращенія: Наталія Александровна Захарьина, потомъ Герценъ = Н. А.—на; «Собраніе сочиненій А. И. Герцена», Спб., 1906 г. = Спб. изд.; «Собраніе сочиненій А. И. Герцена», Женева, 1875—1879 гг. = Жен. изд.; Румянцовскій музей въ Москвѣ = Рум. муз.; архивъ семьи Герцена = АСГ.; «Колоколь» = «Кол.»; «Полярная Звѣзда» = «П. З.»).

Къ № 1. Напечатано неисправно въ VII кн. «Былого» 1907 г., стр. 12 (М. И. Успенскій, «Дѣло о службѣ А. И. Герцена по вѣдомству императорскаго двора»); свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ московскомъ отдѣленіи архива императорскаго двора; помѣчено полученнымъ 10 декабря 1820 г.; написанное самимъ Герценомъ напечатано курсивомъ.

2. Напечатано на стр. 141—142 т. I «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ, изд. 2, 1905 г. (дальше всѣ указанія относятся къ тому же изданію). Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по Пассекъ.

3. Напечатано въ письмѣ Н. А. Захарьиной къ А. И. Г. отъ 26 марта 1838 г. Написано Герценомъ на экземплярѣ священной исторіи, подаренномъ имъ кузинѣ. Подлинникъ не найденъ.

4. Напечатано на стр. 217 т. I «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ. Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по Пассекъ.

5. Напечатано на стр. 217—218 т. I «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ; дата выставлена ею; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по Пассекъ.

6. Напечатано на стр. 218—219 т. I «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ; подлинникъ на найденъ; текстъ данъ по Пассекъ.

7. Напечатано на стр. 219—223 т. I «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по Пассекъ.

8. Напечатано на стр. 223 т. I «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по Пассекъ.

9. Напечатано на стр. 223 т. I «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по Пассекъ.

10. Напечатано на стр. 246 т. I «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ, какъ надпись, сдѣланная на подаренномъ ей Герценомъ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» Тасса въ переводѣ С. Е. Раича. Отсюда нужно заключить, что подарокъ не могъ быть сдѣланъ раньше указанной мною даты, такъ какъ переводъ вышелъ въ свѣтъ лишь въ 1828 г.

11. Напечатано въ № 4 «Вѣстника Естественныхъ Наукъ и Медицины» 1829 г.; цензурная дата—16 марта 1829 г.; подпись «Ал. Гер...ъ»; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по журналу. Принадлежность статьи Герцену, по моему мнѣнію, несомнѣнна, во-первыхъ, потому что относится къ естественнымъ наукамъ, которыми Герценъ тогда особенно интересовался; во-вторыхъ, потому что издатель журнала, проф. фармаціи, докторъ медицины Александръ Алексѣевичъ Іовскій, пользовалъ иногда И. А. Яковлева, что видно изъ сохранившихся записей расходовъ послѣдняго, и, слѣдовательно, могъ обратить вниманіе юноши на такой вопросъ, какъ чума; въ-третьихъ, какъ видно изъ примѣчанія, сдѣланнаго издателемъ къ статьѣ, авторъ являлся «*молодымъ* любителемъ естественныхъ наукъ». Примѣчаніе довольно безграмотное:

«Статью сію съ большимъ удовольствіемъ помѣщаемъ въ журналѣ нашемъ не потому только, что она весьма занимательна сама по себѣ, но единственно (!?) потому, что это есть первый плодъ занятій молодого любителя. Естеств. Наукъ. Время покажетъ, сколь пріятны таковыя занятія. *Изд.*»

Просмотрѣвъ списки массы лицъ, фамилии и инициалы имени которыхъ могли совпадать съ указанной подписью и при томъ интересовавшихся естествознаніемъ, я не нашелъ ни одного подходящаго. Не говорю уже, что самое число точекъ между *p* и *ъ* какъ разъ совпадаетъ съ числомъ опущенныхъ буквъ «цен».

Выражаясь вездѣ отъ перваго лица, Герценъ говорилъ, однако, не отъ себя лично, а, слѣдуя тогдашнему обыкновенію, отъ реферлируемаго автора, т. е. барона Паризе.

12. Напечатано въ № 5 «Вѣстника Естественныхъ Наукъ и Медицины» 1829 г., цензурная дата—9 апрѣля 1829 г.; подпись «Ал. Гер...»; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по журналу. Несмотря на отсутствіе въ подписи *ъ*, я твердо убѣжденъ, по тѣмъ же основаніямъ, что мною указаны при № 11, въ принадлежности этой статьи Герцену.

13. Напечатано неисправно на стр. 13 кн. VII «Былого» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ московскомъ отдѣленіи архива императорскаго двора.

14. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ архивѣ московскаго университета; подано въ августѣ—октябрѣ 1829 г.

15. Напечатано на стр. 296—298 т. I «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ. По всей вѣроятности, писалось или вечеромъ 1 января или утромъ 2-го. Подъ этимъ письмомъ впервые встрѣчается подпись, которая потомъ стала постояннымъ псевдонимомъ Герцена. Искандеръ (И—ръ) по-персидски значить Александръ. Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по Пассекъ.

16. Напечатано въ «Атенеѣ», 1830 г., июнь, № 11; цензурное разрѣшеніе 18 августа; подпись: «Ал. Герценъ»; подлинникъ не найденъ. Такъ какъ

въ научномъ отношеніи статья не имѣеть теперь значенія, то я и не считалъ нужнымъ обставлять ее научнымъ комментариемъ. Это была работа студента, исполненная, вѣроятно, по указанію профессора М. Г. Павлова, который и издавалъ «Атеней».

17. Напечатано въ «Новомъ Magazinѣ Естественной Исторіи, Физики, Химіи и Свѣдѣній Экономическихъ», 1830 г., кн. IX; цензурное разрѣшеніе 29 сентября. Подпись: «Ал. Герценъ». Подлинникъ не найденъ. Въ 1827 г. Де-Кандоль выпустилъ свою «Organographie végétale», изложеніемъ части которой и является настоящая статья. Герценъ изучилъ всю книгу и обратилъ вниманіе на одинъ изъ выдвинутыхъ ею вопросовъ. По всей вѣроятности, это — тоже работа, сдѣланная по указанію профессора ботаники И. А. Двигубскаго, издававшего «Новый Magazinъ»; но съ книгой Де-Кандоля Г. познакомился раньше, подъ руководствомъ А. А. Яковлева—«химика» (см. гл. VII «Былого и думъ»).

18. Напечатано на стр. 315—316 т. I «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ. Дата опредѣляется событіями: холера свирѣпствовала въ Москвѣ въ концѣ 1830 года и закончилась къ веснѣ 1831 года. Упомянутый Герценомъ «снѣжный» валъ въ связи съ описываемыми фактами даетъ основаніе предполагать, что письмо писалось въ концѣ ноября или началѣ декабря; Пассекъ относитъ все къ 1831 году. Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по Пассекъ.

19. Напечатано на стр. 307 т. I «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по Пассекъ.

20. Напечатано на стр. 388 т. I «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ. Въ двадцатыхъ числахъ сентября И. А. Яковлевъ съ семьей вернулся въ Москву. Этотъ годъ Пассекъ помнила, вѣроятно, лучше, какъ годъ своего замужества. Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по Пассекъ.

21. Напечатано неисправно на стр. 14 кн. VII «Былого» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ московскомъ отдѣленіи архива императорскаго двора.

22. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, купленнымъ мною у антиквара и за тѣмъ подареннымъ рукописному отдѣленію библіотеки Академіи наукъ. Взятая при арестѣ Герцена въ 1834 году, рукопись эта была потомъ похищена изъ дѣлъ слѣдственной комиссіи и, пройдя трое рукъ, попала къ антиквару. Статья подписана: «Ал. Герценъ» и вся написана рукой автора. По цитируемымъ источникамъ видно, какъ много читалъ Герценъ въ то время. Взятый въ эпитафѣ В. Rodrigues—документальное свидѣтельство, что сень-симонизмъ былъ уже знакомъ двадцатилѣтнему юношѣ.

23. Напечатана мною въ VII кн. «Былого» 1907 г. съ подлинника, хранящагося въ архивѣ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, 1 экзед., 1834 г., дѣло № 239, приложения, по которому провѣрена и для настоящаго изданія. Рукопись была взята у Герцена при арестѣ въ 1834 году, подписана имъ: «Александръ Герценъ» и вся написана собственноручно. 'Диомидъ Пассекъ, бывший тогда офицеромъ, интересовался Петромъ В. и вполсѣдствіи въ «Очеркахъ Россіи», изданныхъ своимъ братомъ Вадимомъ, помѣстилъ статью: «Сравненіе Карла XII съ Петромъ Великимъ». Статья II нигдѣ не найдена и, можетъ быть, не была и написана.

24. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ архивѣ московскаго университета. Т. П. Пассекъ (т. II, 5—6) назвала эту работу невѣрно («Историческое развитіе Коперниковой системы»), но суть ея передала правильно. Картавовъ указалъ, что это сочиненіе было напечатано въ Москвѣ отдѣльно, въ 1833 г., но это оказалось невѣрнымъ («Литературный архивъ»). Подлинникъ писанъ постороннимъ, но исправленъ и подписанъ Герценомъ.

25. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся въ архивѣ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, 1 экспед., 1834 г., дѣло № 239, приложения.

26. Напечатано очень неисправно на стр. 2—3 т. VII Спб. изд., свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

27. Напечатано на стр. 6—7 т. II «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ. Дата опредѣляется предположительно: не раньше 26 іюня—дня фактическаго окончанія университета, и не позже 6 іюля — дня полученія серебряной медали, о чемъ, конечно, Герценъ написалъ бы кузинѣ, хотя и не въ радостномъ тонѣ. Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по Пассекъ.

28. Напечатано мною въ кн. II «Былого» 1906 г.; свѣрено съ подлинникомъ, купленнымъ мною у антиквара, къ которому онъ перешелъ такъ же, какъ и № 22, и за тѣмъ подареннымъ Академіи наукъ; написанъ рукою Герцена и подписанъ: «Ал. Герценъ». Дата устанавливается предположительно: незадолго до письма къ Н. А. Захарьиной, № 30. Но, несомнѣнно, это и есть та статья о Воробьевыхъ горахъ, которая до ея опубликованія считалась затерянной (ср. стр. 589 т. VII Спб. изд.). Герценъ заранѣе обдумывалъ эту статью и подѣлился своими планами съ Огаревымъ, о чемъ можно судить изъ словъ послѣдняго отъ 7 іюня: «Когда будешь писать о Воробьевыхъ горахъ, напиши, какъ въ этомъ мѣстѣ развилась исторія нашей жизни, т. е. моей и твоей» («Рус. Мысль» 1888, VII, 6).

29. Напечатано мною въ I кн. «Міра Божьяго» 1906 г. съ подлинника, находящагося въ приложеніи къ дѣлу № 239 1 экспедиціи 1834 г. архива III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи. Такъ какъ это—первое длинное письмо, которое можетъ быть дано по подлиннику, то оно и приводится съ соблюденіемъ орфографіи автора.

30. Напечатано неисправно на стр. 3—4 т. VII Спб. изд.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Такъ какъ актъ происходилъ 6 іюля, то и дата письма, которой «не зналъ» Герценъ,—6 іюля.

31. Напечатано мною на стр. 59—60 кн. I «Міра Божьяго» 1906 г. съ подлинника, находящагося въ приложеніи къ дѣлу № 239 1 экспед. 1834 г. архива III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

32. Напечатано неисправно въ III кн. «Рус. Старины» 1908 г., стр. 586; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ архивѣ московскаго университета.

33. Напечатано мною на стр. 60—62 кн. I «Міра Божьяго» 1906 г., съ подлинника, находящагося въ приложеніи къ дѣлу № 239 1 экспед. 1834 г. архива III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

34. Напечатано мною на стр. 57—59 кн. I «Міра Божьяго» 1906 г. съ подлинника, находящагося въ архивѣ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи,

1 экспед., 1834 г., дѣло № 239, приложение; подпись: «Александръ Герценъ»; написано все собственноручно. По всей вѣроятности, написано 3-го же августа, потому что въ № 35 уже говорится: «статья моя ужъ болѣе не моя». 26 августа 1835 г. Н. А.—на писала Герцену: «Помнишь ли, два года тому назадъ ты въ этотъ день (именины Н. А.—ны—*М. Л.*) былъ у насъ и подарилъ мнѣ статью, посвященную тобою сестрѣ Людмилѣ?» (т. VII, 28).

35. Напечатано неисправно на стр. 1—2 т. VII Спб. изд.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Дата опредѣляется предположительно.

36. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 2, съ ошибочной датой: «суббота»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Время написанія устанавливается по времени отъѣзда Пассековъ въ Тульскую губернію, что произошло въ началѣ августа 1833 года (Т. Пассекъ, т. II, стр. 10). Наталія Александровна была въ Загорѣ.

37. Напечатано мною на стр. 64—66 кн. I «Мира Божьяго» 1906 г. съ подлинника, находящагося въ приложеніи къ дѣлу № 239 1 экспед. 1834 г. архива III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи.

См. гл. VII «Былого и думъ».

38. Напечатано мною на стр. 66—67 кн. I «Мира Божьяго» 1906 г. съ подлинника, находящагося въ приложеніи къ дѣлу № 239 1 экспед. 1834 г. архива III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи. Подобная статья *для друзей* нигдѣ не найдена. Письмо, какъ видно изъ «дѣла», не было отправлено по адресу.

39. Напечатано неисправно на стр. 14—16 кн. VII «Былого» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ московскомъ отдѣленіи архива императорскаго двора. Рукою кого-то изъ служащихъ сдѣлана помѣтка: «11 сентября 1833 г.»,—ясно, что бумага писалась не позже этого дня. Прошеніе было удовлетворено; подлинный аттестатъ оставленъ при дѣлѣ. Фотографія прошенія воспроизведена на стр. 17 указаннаго № «Былого».

40. Напечатано на стр. 20 т. II «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по Пассекъ.

41. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 1; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. День и мѣсяць устанавливаются по дню рожденія Н. А.—ны, годъ—по указанію самого Герцена (см. № 182).

42. Напечатано на стр. 1 т. VII Спб. изд.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Будучи у Хованской 25 декабря, Герценъ упалъ и ушибъ ногу, а письмо писалъ на слѣдующій день.

43. Напечатано мною на стр. 67—69 кн. I «Мира Божьяго» 1906 г. съ подлинника, прошлое и настоящее котораго то же, что и № 22.

Было ли подано къмъ-нибудь прошеніе о разрѣшеніи этого журнала, неизвѣстно; по всей вѣроятности, нѣтъ.

44. Напечатано въ III кн. «Телескопа» 1836 г. (цензурное разрѣшеніе 9 июля) съ подписью: «Искандеръ»; потомъ появилось въ сборникѣ «Раздумье», М. 1870 г., затѣмъ—во II томѣ Жен. изд., наконецъ,—въ IV томѣ Спб. изд. Подлинникъ не найденъ.

Написано въ началѣ 1833 года. Въ мартѣ Т. П. Пассекъ извѣщала мужа, что статья Саша «Гофманъ» отыскалась (стр. 403 т. I ея «Воспоми-

наній») и, какъ видно изъ ея переписки, предназначалась для затѣввашагося Пассекомъ, съ помощью Герцена и Сатина, альманаха. Лѣтомъ выяснилось, что обезображенный цензурою, сборникъ не выйдетъ, и статья осталась у автора. Въ «Телескопѣ» она датирована 12 апрѣля 1834 г., когда, очевидно, и была закончена. Въ концѣ 1835 г. или въ самомъ началѣ 1836 г. (см. № 75) Герценъ послалъ статью Н. А. Полевому, прося его содѣйствія появленію ея въ какомъ-нибудь журналѣ. 26 февраля Полевой сообщалъ, что статью получилъ, и такъ отзывался о ней: «Мнѣ кажется, вы судите объ немъ (о Гофманѣ — *М. Л.*) хорошо и вѣрно, но, если вы хотите дать публичность этой статьѣ, то примите мой дружескій совѣтъ: ее надобно поисправить въ слогѣ, весьма небрежномъ, и необходимо прежде цензуры исключить нѣкоторыя выраженія. Кромѣ того, что безъ этихъ поправокъ статья можетъ навлечь на васъ неприятности, положимъ, хоть *журнальныя*, спрашиваю: къ чему эти выраженія? Дѣло въ дѣлѣ, а не въ нихъ. Если вы довѣрите мнѣ, я охотно приму на себя обязанность продержатъ надъ статьею вашею политическо-литературную корректуру и потомъ отдать ее въ какой угодно журналъ. Безъ вашего позволенія приступить ни къ чему не смѣю и, право, не совѣтую безъ поправокъ посылать къ другому. Вѣрьте, что я желаю вамъ всякаго добра, какъ родному, увѣренный притомъ, что настоящее положеніе ваше продолжаться долго не можетъ, если вы будете сколько возможно осторожнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Вѣрю, что вы можете быть въ состояніи оскорбленнаго и раздраженнаго человѣка, но кто изъ насъ переходилъ путь жизни безъ горя и безъ страданій?» («П. З.» на 1859 г., стр. 196—198 и «Рус. Мысль» 1892 г., VII, 88—89).

Печатающъ это письмо, Герценъ сдѣлалъ къ нему примѣчаніе: «Статья, о которой идетъ рѣчь, была напечатана въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Телескопа» и поссорила меня съ Полевымъ. К., не зная вовсе, что я далъ ее Полевому, напечаталъ ее въ «Телескопѣ» и, считая неосторожнымъ оставить подъ нею мою фамилію, поставилъ *Искандера*, — подпись, которую я шутя употребилъ въ одной статьѣ, назначенной не для печати. Я былъ тогда въ Вяткѣ. Полевой разсердился на меня и, не узнавъ дѣла, написалъ мнѣ записочку, въ которой говорилъ, что *серьезные* люди не даютъ одну и ту же статью въ два журнала. Я ему отвѣчалъ на это, что *они* имѣютъ еще и другія привычки, напр., сперва узнать дѣло и потомъ браниться. На этомъ переписка остановилась. Въ 1840 г. въ Петербургѣ онъ велѣлъ мнѣ сказать черезъ Вадима Пассека, что «стыдно сердиться». Но я вовсе не за Гофмана сердился тогда,—это было время «Параши-Сибирячки» и пр.» (*ibid.*, стр. 198).

Все это пересказалъ Н. К. Козминъ («Очерки изъ исторіи русскаго романтизма», стр. 487). Изъ № 99 ясно, что за протекшія двадцать лѣтъ Герценъ забылъ подробности этого инцидента; см. № 96.

К. — несомнѣнно, Н. Х. Кетчеръ, имѣвшій у себя первую авторскую рукопись. О какой неизданной статьѣ, подписанной *Искандеръ*, говорить Герценъ, сказать не могу.

Считаю правильнымъ поставить статью въ 1834, а не въ 1836 годъ, потому что она напечатана съ рукописи 1833—1834 года, а не съ той, можетъ быть, передѣланной и отдѣланной, которая была послана Полевому.

Переходя къ литературѣ объ этой статьѣ, приведу отзывы двухъ критиковъ.

«Сущность романтизма Герценъ, слѣдуя за Гофманомъ, вполне правильно видитъ въ «безконечномъ влеченіи». Ему казалось, что самъ онъ сбросилъ съ себя эти путы къ сороковымъ годамъ и сталъ убѣжденнымъ реалистомъ: но, въ сущности, на душѣ его остался на всю жизнь осадокъ романтизма, мѣшавшій ему успокоиться на плоскомъ позитивномъ рѣшеніи проклятыхъ вопросовъ. Только такой человѣкъ и могъ въ послѣдствіи синтезировать славянофильство и западничество — двѣ доктрины, стоящія на романтическомъ и реалистическомъ фундаментахъ» (*Ивановъ-Разумникъ*, «Исторія русской общественной мысли», 1911, т. I, стр. 366).

«Въ герценовскомъ изображеніи Гофмана тщательно выписанъ легендарный рисунокъ... Біографическій матеріалъ, конечно, признанъ, но надъ компилятивной частью работы поднялась уже живая характеристика. Противоположность рѣзко очерченной и независимо проявляющейся личности съ мѣщанской неподвижностью и нетерпимостью обрисована выпукло. Остроумныя выходки, даже стилистическія вольности, предвѣщающія свободу и оригинальность «герценовскаго слога», придаютъ очерку особое оживленіе (весь конецъ статьи, гдѣ толпятся оживленныя дѣйствующія лица гофмановскихъ причудливыхъ сказокъ, полонъ этихъ вольностей). Превратившись въ журнальную статью, юношескій опытъ того, кому суждена была, среди разнообразія его литературнаго достоянія, слава блестящаго эссеиста, возбудила въ немъ охоту связать съ характеристикой творца «Кота Мурра» рядъ такихъ же этюдовъ о современныхъ нѣмецкихъ писателяхъ... Значеніе юношеской работы... остается неоспоримымъ» (*Алексій Веселовскій*, «Герценъ-писатель», «В. Е.», 1908, III, 299).

25. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 1; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.. Содержаніе записки совершенно не даетъ никакихъ основаній къ опредѣленію даты; ясно только, что писано до ареста Герцена.

26. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 4—5; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

Съ 20 июля 1834 г. Герценъ былъ арестованъ и сначала сидѣлъ въ полицейской части, а затѣмъ—въ Крутицкихъ казармахъ. По словамъ Н. А.—ны, это было первое письмо къ ней изъ тюрьмы послѣ ареста (т. VII, стр. 186).

27. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 5—6; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

28. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 6—7; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. На оборотѣ, вмѣсто обычнаго «Наташѣ», написано «Mademoiselle mademoiselle Natalie».

29. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 7—8; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

Нѣкоторыя письма къ Н. А.—нѣ не сохранились, что ясно какъ изъ указаній самого Герцена въ послѣдующихъ, гдѣ онъ иногда передаетъ въ двухъ словахъ содержаніе письма посланнаго раньше, такъ и изъ отвѣтовъ Н. А.—ны. Напримѣръ, 23 сентября 1835 г. она писала ему: «Съ 1833 года

ты писалъ ко мнѣ 51 разъ, слѣдственно, 51 разъ думалъ и помнилъ обо мнѣ» (т. VII, стр. 34). Ограничиваясь этимъ общимъ замѣчаніемъ, я нигдѣ не указываю на видимые пропуски въ ихъ перепискѣ.

50. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 5; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Въ 1834 г. вышла книга Марончелли («Addizioni alle mie prigioni»), изъ которой Герценъ могъ узнать рассказанное въ письмѣ о сестрѣ Пеллико. Съ другой стороны, думать о желаніи Н. А.—ны итти въ монастырь Герценъ началъ только не задолго до письма своего отъ 8 февраля, въ которомъ говоритъ объ этомъ впервые, а въ этомъ письмѣ — вторично. Такимъ образомъ устанавливается болѣе или менѣе точно мѣсто настоящаго письма.

51. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 8—9; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

52. Напечатано неисправно въ VII Спб. изд., стр. 9—10; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

53. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 12; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Изъ содержанія ясно, что писано до 31 марта, когда судьба Огарева была вполне опредѣлена (См. также стр. 329, т. VII Спб. изд.).

54. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 10; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

55. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 12; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

56. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 12; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

57. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 12; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

58. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 13; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Дата устанавливается по тому, что, какъ сказано, Герценъ прибылъ въ Пермь 28 апрѣля, а изъ его рассказа въ «Быломъ и думѣхъ» видно, что поиски квартиры были на слѣдующій день, когда, вѣроятно, онъ и описалъ ихъ Н. А.—нѣ.

59. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 16; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

60. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 19—20; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Приблизительная дата опредѣляется, благодаря цифрѣ «9», поставленной Герценомъ на письмѣ, правда, позже, когда онъ перечитывалъ свою переписку, но все же этому ничто не противорѣчитъ; на предыдущемъ письмѣ къ Н. А.—нѣ стоитъ «7», на слѣдующемъ — «16».

61. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ, стр. 33—38. Подлинникъ не найденъ. За точность передачи текста нельзя ручаться какъ по тому, что онъ приводится Пассекъ, такъ и по тому, что сказано ею самою передъ этимъ отрывкомъ: «Чтобы пополнить мои воспоминанія и помочь своей памяти, я часто прибѣгаю къ моему дневнику и ко множеству бумагъ, оставшихся послѣ Вадима. Между (?) моимъ дневникомъ попадаютъ замѣтки

и записки, набросанныя нѣкоторыми изъ нашихъ друзей, относящіяся къ періоду времени, о которомъ говорится въ моихъ воспоминаніяхъ, а такъ какъ онѣ пополняютъ ихъ, то я приведу изъ нихъ выписки» (ibid, стр. 33). Если запись Герцена *между* дневникомъ, то это невѣроятно, потому что онъ не могъ ее сдѣлать, живя въ Вяткѣ, а иначе она не попала бы *между*, а была бы совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Если же запись не между дневникомъ, а просто въ бумагахъ Пасека или ея мужа, то опредѣлить время ея написанія тѣмъ менѣе возможно. Вотъ почему я считаю правильнымъ поставитъ ее на настоящемъ мѣстѣ, которое соотвѣтствуетъ, съ одной стороны, мѣсячному пребыванію Герцена въ Вяткѣ, съ другой—еще столь близко ко всему описанному, что авторъ могъ хорошо помнитъ детали.

Кое-какіе штрихи этого разсказа вошли въ гл. XIII «Былого и думъ», въ общемъ же онъ является дополненіемъ къ ней.

62. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 20; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

63. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 23; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

64. Напечатано съ сокращеніями и искаженіями въ т. I «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 25—28; свѣрено съ копіей, снятой въ свое время А. Н. Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова. Подлинникъ не найденъ; точность копіи Пыпина предположительна. Анненковъ очень плохо разбиралъ почеркъ Герцена, произвольно замѣнялъ неразобранныя слова, выбрасывалъ ихъ, вставлялъ произвольныя, словомъ, обращался съ письмами крайне легкомысленно и небрежно (см. стр. 400).

65. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 26; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

66. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 28; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Писано вскорѣ послѣ 26 августа (день Наталіи) и въ 1835 г., пока въ Вяткѣ не было многихъ друзей.

67. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 30; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

68. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 36; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

69. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 37; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

70. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 43; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

71. Напечатано съ сокращеніями и искаженіями на стр. 8—9 т. I «П. В. Анненковъ и его друзья»; см. № 64.

72. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 46; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

73. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 49; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

74. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 53; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

75. Напечатано съ сокращеніями и искаженіями на стр. 11—12 т. I «П. В. Анненковъ и его друзья»; см. № 64.

76. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 58; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

77. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 60; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

78. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова. Подлинникъ не найденъ.

79. Напечатано на стр. 274 кн. X «Рус. Старина» 1876 г.; подлинникъ не найденъ. Редакція «Рус. Старины» М. И. Семевскаго обнаружила при печатаніи писемъ Герцена недостаточное пониманіе значенія такого матеріала; она произвольно сокращала и обрывала письма и ни словомъ не упомянула о мѣстѣ храненія подлинниковъ. Сынъ Витберга, Федоръ Александровичъ, до сихъ поръ не знаетъ, куда они дѣлись. Можно ручаться, что все, появившееся въ «Рус. Старинѣ», передано далеко не точно.

80. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 64; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

81. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 65; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

82. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 69; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

83. Напечатано неисправно въ XII кн. «Рус. Мысли» 1882 г. и въ I т. Спб. изд.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Это произведение находится въ толстой тетради вмѣстѣ съ №№ 84, 92, 106 и 117; написано чьей-то чужой рукой и Герценомъ только исправлено, но очень внимательно. Не занимая въ тетради перваго мѣста, эта вещь должна быть, однако, дана прежде другихъ, что ясно изъ даты самого автора. Раньше Герценъ называлъ ее иначе—«Человѣкъ въ венгеркѣ», а когда къ «Встрѣчѣ» приписалъ «первая», то эту назвалъ «второй». Каждому ясно, что и здѣсь, какъ и въ гл. XIII, говорится о Цѣхановичѣ; посвященіе также ясно—Н. Х. Кетчеру. Н. А.—на перечитывала эту вещь въ большемъ волненіи и нѣсколько разъ: и про себя, и вслухъ (стр. 215 т. VII Спб. изд.).

84. Напечатано очень неисправно въ XII кн. «Русской Мысли» 1881 г., съ немного меньшимъ количествомъ ошибокъ—въ I т. Спб. изд., стр. 1—23; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. 28 мая 1835 г. Н. А.—на выражала намѣреніе списать «Легенду» въ деревнѣ, куда вскорѣ собиралась (т. VII Спб. изд., стр. 15); 12 іюля: «Списала я твою «Легенду»; не думала, чтобъ ее послали тебѣ: не хорошо написано, а папенька желалъ имѣть, но ее къ тебѣ послали. Извини, что дурно писано» (ibid., стр. 22); 8 сентября: «Ты перемѣнилъ и прибавилъ многое къ «Легендѣ», — очень бы желала я переписать ее для себя» (ibid., стр. 32); 15 октября: «итакъ, ты принимаешься писать романъ, а развѣ кончилъ ужъ «Легенду»? (ibid., стр. 39). Какъ видно изъ помѣтки, сдѣланной самимъ Герценомъ, вещь была переписана (что у Герцена всегда означало и передѣлку) уже въ Вяткѣ, въ мартѣ 1836 г. 28 августа 1836 г. Н. А.—на писала ему: «Я часто перечитываю «Легенду». Никакая повѣсть, никакой романъ, ничто меня не можетъ занять такъ, какъ Θεодора» (ibid., стр. 128).

Печатая «Легенду» въ «Рус. Мысли», Е. С. Некрасова, вообще отличавшаяся очень своеобразнымъ отношеніемъ къ рукописямъ и документамъ, дала ей собственное заглавіе: «Легенда о святой Ѣеодорѣ», котораго въ рукописи вовсе нѣтъ.

Въ основу «Легенды» положено «Житіе преподобной матери нашей Ѣеодоры, въ мужскомъ видѣ подвизавшейся», изложенное въ нѣсколькихъ вариантахъ по Четрымъ Минеемъ; день Ѣеодоры—11 сентября.

Для того, чтобы еще лишній разъ убѣдиться въ способѣ составленія Т. Пассекъ своихъ «Воспоминаній», приведу сказанное ею по поводу «Легенды»: «Что же въ это время дѣлалъ Саша въ своемъ невольномъ уединеніи? Подъ влияніемъ религіознаго настроенія Наташи, съ которой онъ еще разъ видѣлся (?), Саша сталъ изучать (?) Четьи Минеи и перелагалъ на литературный языкъ житія *нѣкоторыхъ святыхъ* (?), которыя (?) посвящалъ своей двоюродной сестрѣ Н. А. З. Я читала нѣкоторыя изъ нихъ (?). Описанный имъ «Мартилогъ святой Ѣеодоры», находящійся въ житіи святыхъ за сентябрь, такъ ярко остался у меня въ памяти, что отрывки изъ него въ 1840-хъ годахъ я вписала въ мои замѣтки» (т. II, стр. 39). И, дѣйствительно, дальше слѣдуютъ 5 страницъ, мѣстами *буквально* повторяющихъ «Легенду»... Удивительно, какъ при такой феноменальной памяти Пассекъ могла забыть многое другое, хотя бы то, что Герценъ написалъ всего одинъ пересказъ изъ «житія святыхъ»...

85. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 75; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

86. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 76, какъ окончаніе № 85, что невѣрно; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

87. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 81; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

88. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 87; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

89. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 92; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

90. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 96; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

91. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 101; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

92. Напечатано очень неисправно въ I кн. «Рус. Мысли» 1882 г. и въ I т. Спб. изд.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

«Встрѣчи», какъ введеніе къ обѣимъ «Встрѣчамъ», написаны чьей то посторонней рукой и исправлены Герценомъ. «Первая встрѣча» вся написана Герценомъ; сначала заглавіе было другое—«Германскій путешественникъ», потомъ оно перечеркнуто авторомъ, написавшимъ «Первая встрѣча». Изъ помѣтки Герцена ясно, что переписана вещь была позже «Второй встрѣчи», а такъ какъ при перепискѣ были сдѣланы исправленія, то вѣрнѣе приурочить ее именно къ этому времени, когда она получила окончательную редакцію.

12 июля 1835 г. Н. А.—на писала: «Теперь буду переписывать «Германскаго путешественника». Съ какимъ удовольствіемъ жду я, когда мнѣ при-

шлють его» (стр. 22). 12 января 1837 г.: «Вчера получила твою статью «Первая встрѣча»; ты все спрашиваешь моего мнѣнія; я съ восторгомъ читала ее, для меня прелестно, тутъ все знакомое, родное, твое все» (стр. 214). Анненковъ, сознаваясь, что «не имѣетъ никакого понятія объ этой «утраченной статьѣ», написалъ, однако, о ней полторы страницы догадокъ, сказавъ, что статья шутливая и направлена косвенно противъ Вадима Пассека (стр. 17—18 «П. В. Анненковъ и его друзья»). Ничего подобнаго, разумеется, сказать было нельзя.

93. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 103; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

94. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 111; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

95. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 115; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

96. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 118; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

97. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 122; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

98. Напечатано неряшливо въ VII т. Спб. изд., стр. 128; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

99. Напечатано неисправно на стр. 149 кн. IV «Научнаго Слова» 1900 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

100. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 137; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

101. Напечатано нигдѣ не было; на стр. 30 «П. В. Анненковъ и его друзья» приведена незначительная часть; свѣрено съ копией, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова. Подлинникъ не найденъ.

102. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 146; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

103. Напечатано неисправно и ошибочно слито съ № 102 въ VII т. Спб. изд., стр. 148; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

104. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 157; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

105. Напечатано неполно и неисправно на стр. 15—16 «П. В. Анненковъ и его друзья»; свѣрено съ копией, снятой Пыпинымъ съ оригинала, полученнаго отъ Анненкова. Дата опредѣляется, благодаря указанію на письмо Пассека, на которое указано и въ № 104. Подлинникъ не найденъ.

106. Напечатано весьма небрежно сначала въ I кн. «Рус. Мысли» 1889 г., потомъ въ IV т. Спб. изд.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Это произведеніе находится въ одной тетради съ «Легендой» и «Встрѣчами». Повидимому, Герценъ только началъ тамъ записывать свои отдѣльныя мысли и потомъ продолженіе ихъ перенесъ въ другую тетрадь, которая не найдена.

107. Напечатано весьма небрежно въ VII т. Спб. изд., стр. 160 и ошибочно слито съ двумя предыдущими письмами; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

108. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 169; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

109. Напечатано неисправно и ошибочно слито съ предыдущимъ письмомъ въ VII т. Спб. изд., стр. 171; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

110. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 177; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

111. Напечатано неисправно и разбито на два отдѣльныхъ письма въ VII т. Спб. изд., стр. 182 и 186; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

112. Напечатано, какъ часть другого письма, въ VII т. Спб. изд., стр. 187; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

113. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 192; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

114. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 193; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

115. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 198; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

116. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изданія, стр. 205; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

117. Напечатано неисправно въ IV т. Спб. изд.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Это произведеніе заключается въ одной тетради съ «Легендой» и другими и, такимъ образомъ, безъ большой ошибки можетъ быть отнесено къ 1836 году.

118. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 207; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

119. Напечатано небрежно въ VII т. Спб. изд., стр. 211; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

120. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 213; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

121. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 222; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

122. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 224; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

123. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 225; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

124. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 232; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

125. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 234; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

126. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 238; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

127. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 250; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

128. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 257; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

129. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 258; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

130. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 266; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

131. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 268; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

132. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 277; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

133. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 278; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

Письмо Огарева свѣрено со стр. 5—6 кн. IX, «Рус. Мысли» 1888 г. гдѣ оно напечатано точнѣе: пропускъ данъ тамъ по копіи Герцена.

134. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 291; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

135. Напечатано въ «Прибавленіяхъ къ Вятскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» 1838 г., №№ 1 и 3. Принадлежность Герцену устанавливается по примѣчанію редакціи «Вѣдомостей»: «Изъ первой тетради статистической монографіи вятской губерніи, состав. А. Герценомъ». Въ архивѣ вятскаго губернскаго правленія и канцеляріи губернатора монографія эта не сохранилась и, по памятной запискѣ одного изъ архиваріусовъ, выдана какому-то чиновнику, которымъ такъ и не возвращена. Между тѣмъ изъ указанія редакціи ясно, что тетрадей было нѣсколько, значить минимумъ—двѣ; рѣшить теперь, что изъ напечатаннаго о губерніи въ 1838 и слѣдующихъ годахъ принадлежитъ Герцену, нѣтъ никакой возможности, и поэтому я не считаю правильнымъ включить въ изданіе даже тѣ статьи, которыя, казалось бы, особенно могутъ считаться частями той же монографіи, какъ, напримѣръ: «Преданіе о Елабужскомъ Чортовомъ городищѣ» (1838, приб. № 4), «Русскіе крестьяне Вятской губерніи» (1838, приб. № 4), «О промышленности города Нолинска» (1838, приб. № 5), «Вотаяція молитвы» (1838, приб. №№ 5 и 10), «Географическое описаніе Вятской губерніи» (1838, №№ 10 и 11), «Историческое и статистическое описаніе города Нолинска» (1838, приб. №№ 13—15). Редакція ни однимъ словомъ не обмолвилась о томъ, что эти статьи также взяты изъ той же монографіи. Указанія Н. М.—вой во II кн. «Рус. Мысли» 1900 г. («Культурная дѣятельность А. И. Герцена въ провинціи») совершенно не могутъ быть приняты во вниманіе, потому что авторъ строить все на догадкахъ и ничего не обосновываетъ сколько-нибудь серьезно.

Монографія, была написана, вѣроятно, въ 1837 г., къ приѣзду наследника, а составлялась на мѣстѣ, послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ по губерніи, которыя были совершены Герценомъ въ концѣ 1836 и въ началѣ 1837 гг. Въ двухъ «дѣлахъ» губернскаго правленія о Герценѣ, которыя только и сохранились въ Вяткѣ, нѣтъ ни слова ни объ этихъ командировкахъ, ни объ устройствѣ выставки, ни о монографіи.

Настоящая статья перепечатана въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» 1838 г., № 4.

136. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 296; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

137. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 299; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

138. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 304; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

139. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 307; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

140. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 312 ошибочно со слѣдующимъ, совершенно самостоятельнымъ письмомъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

141. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 314; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

142. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 316; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

143. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 321; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

144. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 326; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

145. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 333; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

146. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 335, ошибочно вмѣстѣ съ предыдущимъ письмомъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

147. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 337; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

148. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 339; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

149. Напечатано лишь частью на стр. 18, 32, 35—36 «П. В. Анненковъ и его друзья»; свѣрено съ копіею, снятою Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

150. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 344; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

151. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 348; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

152. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 351; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

153. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 356; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

154. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 362; подлинникъ не найденъ, хотя въ «Отчетѣ» Рум. муз. за 1907 г. сказано, что сравнительно съ напечатаннымъ въ VII т. Спб. изд. «недостаетъ подлинниковъ для двухъ писемъ А. И. Герцена—отъ 15 и 27 декабря 1837 г.» (стр. 25).

155. Напечатано неисправно сначала въ IX кн. «Сѣвернаго Вѣстника» 1895 г., потомъ въ I т. Спб. изд.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; подпись «Искандеръ». Ясно каждому, что мальчикъ—самъ Герценъ, рожденіе сестры—рожденіе Н. А.—ны 22 октября 1817 г.

156. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 357; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

157. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 372; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

158. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 377; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

159. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 381; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

160. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 385; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

161. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 392; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

162. Напечатано сначала отдѣльно въ Вяткѣ, 1837 г., потомъ въ: № 16, «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1862 г., часть неоф., № 124 «Сѣверной Пчелы» 1862 г., № 112 «Сына Отечества» 1862 г., № 102 «Москов. Вѣдомостей» 1862 г. и въ другихъ газетахъ; наконецъ, неисправно во II т. Жен. изд. и IV т. Спб. изд. Рукопись не сохранилась. Текстъ провѣренъ по тому печатному экземпляру, на которомъ Герценъ написалъ: «Наташѣ. Тотъ самый экземпляръ, по которому я читалъ 6-го декабря 1837» и который хранится въ рукописномъ отдѣленіи Академіи наукъ.

163. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 398; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

164. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 403; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

165. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 407; подлинникъ не найденъ (см. № 154).

166. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 411; подлинникъ не найденъ (см. № 154).

Опечатки и дополненія.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
74	7 св.	Prystley	Priestley
82	11 сн.	вреемни	времени
90	16 св.	Атиллѣ	Аттилѣ
114	5 св.	Thiery	Thierry
121	10 св.	Сея	Сэя
138	3 сн.	«Маслобойщикъ»	Адамъ Эленшлегеръ
141	10 сн.	Крейслера	«Крейслера»
152	1 сн.	—не то, что	, не
154	5 св.	Аналогичныхъ статей	Аналогичныя статьи
—	6 св.	неизвѣстно	неизвѣстны
155	2 сн.	дружба	дружба
166	12 сн.	(февраль	(10 или 17 февраля
169	ниже 8 св.		(25 марта)
170	1 св.	Суббота	Суббота (30 марта)
—	4 св.	¹⁾ .1	¹⁾ .
182	20 св.	минанія	пинанія
211	5 сн.	молчалъ	молчала
216	8 св.	Гофманнъ	Гофманъ
—	9 сн.	пасквили	«пасквили»
223	18 св.	А. Н.	А. И.
240	2 сн.	безконечно	вѣчно
268	11 св.	что-грустно	что-то грустно
285	2 сн.	Дидеротова	Дидротова
—	1 сн.	Дидеротовыхъ	Дидротовыхъ
310	12 сн.	1833	1836
329	1 сн.	И. А.	Л. А.
334	14 св.	.1	.
336	10 сн.	1834	1835
387	7 св.	Гебэлевой	Гебелевой
460	7 сн.	Начало сентября	30 августа

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича.

Петроградъ, Вас. остр., 5 лин., собств. д. 28.